Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

В. А. ТОМСИНОВ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Москва
Зерцало-М
2011

ББК 63.3(0)31
67.3
Т56

Томсинов, В.А.
Т56 Государство и право Древнего Египта: Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. — 512 с.

ISBN 978-5-94373-187-7

Настоящая книга посвящена государственности и правовой культуре Древнего Египта. Опыт политического развития этой страны уникален. Уже на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. здесь существовало государство с институциализированной, способной поддерживать свою преемственность верховной властью, с религиозно-политической идеологией, закреплявшей статус верховного властителя и его функции, с исполнительным аппаратом, который был в состоянии проводить единую государственную политику в рамках большой по территории страны.

Изучение опыта исторического развития древнеегипетской государственности позволяет раскрыть многие тайны рождения, жизни и смерти государственного организма, понять закономерности развития и функционирования института верховной государственной власти. В Древнем Египте государству придавалось огромное значение: слишком многое в судьбе общества зависело здесь от действий верховного властителя и его взаимоотношений с различными социальными группами. Древнеегипетские идеологи разработали своеобразные и в высшей степени эффективные способы поддержания авторитета фараона в обществе и контроля за его государственной деятельностью. Они создали то, что можно назвать **культурой верховной государственной власти**.

В книге рассматриваются проблемы хронологии и периодизации древнеегипетской истории, дается описание общественного и государственного строя, а также правопорядка, существовавшего в Древнем Египте. Однако главное внимание уделяется институту власти фараона.

Книга предназначается для преподавателей и студентов юридических и исторических факультетов университетов, а также для всех читателей, интересующихся тайнами Древнего Египта.

Все права на эту книгу охраняются законом.
Никакая часть ее не может быть воспроизведена в какой-либо форме,
бумажной, электронной, фотографической и т.д.
без предварительного письменного разрешения
издательства «Зерцало» и автора.

© Томсинов В. А., 2010
© Издательство «Зерцало», 2010

ISBN 978-5-94373-187-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие VIII

Глава 1. Древний Египет: сведения общего характера 1

§ 1. Название страны и ее географическое положение 1

§ 2. Египет — древнейшее государство в мировой истории. Легенда об Атлантиде 6

§ 3. Утрата знаний о египетской древности. Мифологизация истории Древнего Египта 14

Глава 2. Хронология истории древнеегипетского государства 22

§ 1. «Египтиака (Αἰγυπτιακά)» Манефона Севеннитского и ее значение для разработки истории древнеегипетского государства 22

§ 2. Хронология основных событий египетского прошлого в «Истории» Геродота Галикарнасского 27

§ 3. Хронология истории Древнего Египта в трудах раннехристианских теологов 30

§ 4. Хронология истории Древнего Египта в трудах европейских ученых эпохи Возрождения 49

1. Жозеф Жюст Скалигер (Josephus Justus Scaliger, 1540–1609) 50

2. Дионисиус Аврелианенсис Петавиус (Dionisius Aurelianensis Petavius, 1583–1652) 58

3. Джеймс Усшер (James Ussher, Archbishop of Armagh [Jacob Usserius Armachan], 1581–1656) 65

4. Атанасиус Кирхер (Athanasius Kircher, 1602–1680) 70

§ 5. Формирование основ современной хронологии древнеегипетской истории. Попытка построить хронологию на основе сведений о календаре древних египтян 73

§ 6. Условный характер современной хронологии истории древнеегипетского государства 89

Глава 3. Периодизация истории древнеегипетского государства 94

§ 1. Периодизация истории Древнего Египта по династиям верховных властителей 94

§ 2. Недостатки периодизации истории Древнего Египта по династиям верховных властителей 101

§ 3. Разработка периодизации древнеегипетской истории на эпохи в развитии государственности (вторая половина XIX века) 106

§ 4. Современная периодизация истории древнеегипетского государства 118

Глава 4. Общий взгляд на историю Древнего Египта и характер его государственности 120

Глава 5. Возникновение единого древнеегипетского государства 136

Глава 6. Общественный строй Древнего Египта 153

Глава 7. Государственный строй Древнего Египта 169

§ 1. Введение 169

§ 2. Институт верховной государственной власти 170

1. Монарх
в социально-политической организации
древнеегипетского общества 170
2. Термин «фараон» 174
3. Титулы древнеегипетского монарха 175
4. Изменения в титулатуре
древнеегипетского монарха во времена
солнцепоклоннического переворота XIV века 179
5. Статус древнеегипетского монарха
в условиях политической раздробленности
в переходный период от «Старого царства»
к «Среднему царству» 181
6. Институт верховной государственной власти
в эпоху «Среднего царства» 186
7. Институт верховной государственной власти
в период владычества гиксосов 190
8. Институт верховной государственной власти
в эпоху«Нового царства» 192
9. Возвышение верховного жреца Аммона
при последних рамсессидах 197
10. Херихор и Рамсес XI:
возникновение диархической организации
верховной государственной власти 200
11. Институт верховной государственной власти
в период «Новейшего царства».
«Ливийская полиархия» 210
12. Кушитская (эфиопская) монархическая власть
в Египте 211
13. Институт верховной государственной власти
в период «Позднего царства» 214
14. Институт верховной государственной власти
в период персидского владычества 215
15. Фараоны XXVIII, XXIX и XXX династий:
последние туземные властители Египта 222
16. Фараоны XXXI династии:
второй период владычества персов 225

§ 3. Александр Македонский как египетский фараон 226

§ 4. Институт верховной государственной власти в период правления Птолемеев 260

§ 5. Государственный аппарат Древнего Египта 286

1. Общая характеристика древнеегипетского государственного управления 286
2. Тжати (визирь) 296
3. Должностные лица центрального государственного управления 321
4. Центральное государственное управление в Египте в эпоху правления династии Птолемеев 350
5. Местное управление 361

Глава 8. Основные черты древнеегипетского правопорядка 368

§ 1. Трудности изучения древнеегипетского права 368

§ 2. Законодательная деятельность древнеегипетских царей 370

§ 3. Диодор Сицилийский о древнеегипетских царях-законодателях 372

§ 4. Особенности правовой культуры Древнего Египта. Богиня Маат и понятие «маат» 376

§ 5. Источники права: закон, обычай, судебное решение, договор 380

§ 6. Судоустройство и судопроизводство 387

§ 7. Суд оракула 391

Глава 9. Правопорядок в Птолемеевском Египте 396

Глава 10. Правовое регулирование брачно-семейных и имущественных отношений в Древнем Египте 406

§ 1. Правовое положение женщин.
Институты брачно-семейного права 406

§ 2. Институты наследственного права 419

§ 3. Правовые формы земельных отношений 432

§ 4. Правовое регулирование договорных отношений 450

1. Введение 450
2. Купля-продажа 455
3. Наем 459
4. Договор займа 462

Глава 11. Преступление и наказание в религиозном мировоззрении, в правосознании и в праве Древнего Египта 469

ПРЕДИСЛОВИЕ

Государство составляло мозг и сердце древнеегипетской цивилизации. Оно было средоточием ее духовной жизни, а также органом, приводившим в движение весь ее общественный организм. *Понять, как возникло древнеегипетское государство, как оно было устроено, функционировало и развивалось, — значит узнать, как рождалась, жила и умирала древнеегипетская цивилизация.*

Необходимым условием существования любого государства является право. Правовые нормы играют такую же роль в деятельности государственной власти, какую играют в жизни человеческого организма нервные волокна. Поэтому чем более зрелой выступает государственность в той или иной стране, тем более развитое состояние имеет здесь право.

В историко-правовой литературе часто высказывается мнение о том, что в древнеегипетском обществе право осталось в примитивном состоянии и не получило такого развития, как в других древневосточных обществах[1]. При этом степень развитости государственности в Древнем Египте считается очень высокой. Налицо явное противоречие. После такого утверждения остается неясным, каким образом древнеегипетское государство могло достигнуть высокого уровня организации при отсутствии интенсивной законодательной деятельности, развитых правовых форм, сложившегося юридического понятийного и терминологического ап-

---

[1] Например, в Вавилоне, где, в отличие от Древнего Египта, уже в середине XVIII столетия был создан обширный правовой свод «Законы Хаммурапи», применявшийся, как свидетельствуют многочисленные документы, в судебной практике, или в Древней Индии, где в период с VII в. до н.э. и до III в. н.э. было создано множество религиозно-правовых сводов — дхармасутр (Апастамба, Гаутама, Васиштха, Баудхаяна, Вишнусмрити) и дхармашастр (Манусмрити, Яджнавалкьясмрити, Брхаспатисмрити, Нарадасмрити). Среди них особенно выделяется дхармашастра Нарады, содержание которой почти целиком состоит из правовых норм.

парата в языке, устойчивого правопорядка на территории страны, зрелого правосознания в обществе.

Представление о древнеегипетском праве как о явлении примитивном и неразвитом проистекает, главным образом, из скудости знаний о нем: правовая культура — это один из наименее изученных элементов древнеегипетской цивилизации. Правосознание же древних египтян — самый загадочный феномен такого рода, пожалуй, во всей мировой истории.

Настоящая книга посвящена в первую очередь государственности Древнего Египта, но значительную часть ее содержания занимают описание и характеристика правопорядка, существовавшего и развивавшегося в этой стране на протяжении трех тысячелетий. В ней предпринята попытка раскрыть на основе документальных материалов тайны древнеегипетского правосознания, показать особенности правового регулирования брачно-семейных и имущественных отношений в древнеегипетском обществе. В отдельную главу выделены размышления о том, как понимались в Древнем Египте с точки зрения религиозного мировоззрения, правосознания и права такие взаимосвязанные между собой явления, как преступление и наказание.

Данная книга продолжает мое исследование политической истории Древнего Египта, начало которому положила работа над монографией «Краткая история египтологии»[1]. Она вышла в свет в 2004 году и вызвала к себе немалый интерес у читателей. Ее содержание обсуждалось на целом ряде Интернет-форумов (и не только специалистами), на нее публиковались рецензии, а некоторые читатели прислали в мой адрес письма с откликами и вопросами[2].

---

[1] См.: *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. М.: Зерцало, Вече, 2004. — 320 с.

[2] Среди таких читателей оказался, например, русский египтолог *Сергей Александрович Стадников*, проживающий ныне в Таллинне. Он автор многочисленных работ о древнеегипетской культуре, опубликованных в различных европейских странах и в том числе в Эстонии. Среди них, например, такие статьи, как: *Stadnikow S.* Gottkönig und außerägyptische Bereiche. Universalistische Ausdrücke der Könige des Alten Reiches in Ägypten nach den Pyramidentexten // Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte. Münster, 1995. Bd. 10. S. 143–162; *Stadnikow S.* Über die Willens- und Handlungsfreiheit in der Lebensgeschichte des Sinuhe // Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte. Münster, 1993. Bd. 8. S. 99–111; *Stadnikow S.* Die verallgemeinerenden Ausdrücke der Könige des Alten Reiches in den Sinai-Inschriften // Sesto Congresso Inter-

Реакция на «Краткую историю египтологию» подтвердила истину, высказанную в предисловии к этой книге, а именно: «*Египтология никогда не была просто наукой. Она всегда была чем-то бóльшим, чем наука. Ее скорее можно назвать религией*»[1].

Наибольший интерес среди читателей вызвала (по вполне понятным причинам) вторая часть указанной книги, которой я дал название «Хронология как вечная проблема египтологии». Ее материал является как бы мостиком к моей работе о древнеегипетской государственности и правовой культуре. И, признаться, он готовился именно для книги «Государство и право Древнего Египта». Поэтому дополненный главой о периодизации истории древнеегипетского государства, он вошел в настоящее издание.

В учебниках по истории государства и права зарубежных стран (или всеобщей истории государства и права) древнеегипетскому государству и праву обыкновенно отводится немного места — одна или две главы, не более того. Между тем известная нам история Древнего Египта охватывает, по меньшей мере, *три с половиной тысячелетия* (!), то есть в три раза больше, чем история древнеримской государственности, о которой написано множество толстых томов. И если последняя представляется в исторических трудах, как правило, в развитии от одной эпохи к другой, то тем более в развитии должна рассматриваться древнеегипетская история. Но такой подход предполагает в первую очередь обращение к хронологии и периодизации древнеегипетской истории.

Опыт политического развития Древнего Египта уникален. Уже на рубеже IV и III тысячелетий до н.э. здесь существовало государство с институциализированной, способной *тысячелетиями* (!) поддерживать свою преемственность *верховной властью*, с *религиозно-политической идеологией*, закреплявшей статус верховного властителя и его функции, с *исполнительным аппаратом*,

---

nazionale di Egiptologia. Atti. Vol. 2. Torino, 1993. P. 515–522; *Stadnikow S.* Zeit, Ewigreit und Raum im alten Ägypten als Forschungsfeld der gegenwärtigen Ägyptologie. Analyse des Forschungsstandes // Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte. Münster, 1997. Bd. 12. S. 99–111 и др.

[1] *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. С. 14. Новый, переработанный и существенно расширенный (едва ли не в два раза), вариант этой книги стоит у меня в творческом плане на ближайшие годы. Только называться новое издание будет уже не «Краткая история египтологии», а просто «История египтологии».

который был в состоянии проводить единую государственную политику в рамках большой по территории страны. Вряд ли где-либо еще на Земле имелась в то время подобная государственная территориальная организация.

Древнеегипетская государственность существовала в различных *формах*. Она могла, например, воплощаться в совокупности небольших государственных образований, каждое из которых имело своего правителя, обладавшего самостоятельной властью. Могла выступать в качестве единого для всей территории страны государства, с одним верховным властителем — царем — на троне.

Разнообразными бывали и *состояния* государственности Древнего Египта на различных этапах его истории. Несколько раз в этой стране повторялась ситуация, когда единое государство достигало высшей мощи и становилось самым сильным на Востоке (а может быть, и во всем мире), но затем довольно быстро слабело и, в конце концов, распадалось на множество маленьких государств. Однако спустя какое-то время оно снова возрождалось и — что удивительно — во многих своих чертах повторяло предшествовавшее ему единое государство.

Подобные крушения и возрождения происходили с государственностью Древнего Египта неоднократно. История этой страны была катастрофичной по своему характеру. Изменялся климат, и времена экономического процветания сменялись периодами материального упадка, гибли посевы, и вымирало население. Но проходило какое-то время, и египтяне опять поднимались к процветанию. На протяжении истории Древнего Египта неоднократно менялись границы государства — его территория то расширялась в результате победоносных войн или колонизации новых земель, то сужалась, вследствие военных поражений и ослабления центральной власти. Политическая борьба между различными кланами правителей нередко выливалась в широкомасштабную внутригосударственную войну. А бывало и так, что верховная власть над Египтом оказывалась на целое столетие и даже более в распоряжении чужеземцев.

Изучение опыта исторического развития древнеегипетской государственности позволяет раскрыть многие тайны рождения, жизни и смерти государственного организма, многое объяснить в сущности государства и, в частности, понять закономерности раз-

вития и функционирования института верховной государственной власти.

В Древнем Египте этому институту придавалось огромное значение: слишком многое в судьбе общества зависело здесь от действий верховного властителя и его взаимоотношений с различными социальными группами. Древнеегипетские идеологи разработали своеобразные и в высшей степени эффективные способы поддержания авторитета царя (фараона) в обществе и контроля за его государственной деятельностью. Они создали то, что можно назвать **культурой верховной государственной власти.** Данная культура предполагала наличие у царя (фараона) совершенно определенного мировоззрения и задавала строго соответствовавшие главным его постулатам стереотипы поведения. Она играла в политической жизни древнеегипетского общества приблизительно такую же роль, какую играет в настоящее время конституция, то есть ограничивала произвол верховного властителя и обеспечивала политическую стабильность в стране.

Глава, посвященная верховной государственной власти в Древнем Египте, является ключевой в настоящей книге и потому самой объемной. В ней описывается и анализируется не только конструкция данного института, но также его идеология, которая, хотя и выражалась преимущественно в форме религиозных мифов, была по своему содержанию вполне рациональной. Из этой идеологии вытекало, что главное предназначение верховного властителя заключается в поддержании в обществе «*маат*», то есть морального и правового порядка, соответствующего законам природы. Достаточно представить себе, как жили в то время египтяне и в какой великой зависимости находились они от природных сил, от Нила, от его разливов, от уровня воды в реке, дабы понять, что в тех условиях у древнеегипетского монарха не могло быть более важной функции, чем сохранение мира в стране и обеспечение гармонических отношений между обществом и природой.

Верховная государственная власть являлась в Древнем Египте не только *политическим* институтом, но одновременно *духовным*, *религиозным* и *социальным* явлением. Фараон, его семья и другие родственники составляли во все исторические эпохи ядро высшего класса древнеегипетского общества. Его внутренняя иерархия формировалась во многом на основе принципа приближенности

к носителю верховной власти: чем ближе родством к фараону был кто-либо, тем более высокое место он занимал в обществе.

Структура же древнеегипетского общества строилась преимущественно по функциональному признаку. При этом, чем более значимую для государства функцию исполнял индивид, тем выше был его общественный статус. Общество и государство составляли в Древнем Египте единый общественно-политический организм, и без рассмотрения общественного строя невозможно понять, как действовали в этой стране государственные институты. Поэтому отдельная глава настоящей книги посвящена различным классам, слоям и профессиональным группам древнеегипетского общества — в особенности жрецам и писцам, составлявшим социальную основу бюрократии.

Главной опорой верховной власти в Древнем Египте являлся государственный аппарат, который начал складываться здесь еще в конце IV тысячелетия до н.э., в процессе формирования единого государства, и уже во второй половине III тысячелетия до н.э. достиг своей зрелости.

Древнеегипетское государство невозможно представить себе без фараона, но фараон, в свою очередь, немыслим без государственного аппарата. Неслучайно развитие института верховной государственной власти шло в Древнем Египте вместе с развитием бюрократии. Фараон являлся ее порождением и одновременно родителем. Описанию и объяснению особенностей древнеегипетского государственного аппарата, его внутреннего устройства, порядка распределения должностей в нем посвящается отдельный, весьма объемный, параграф книги.

Право было одной из важнейших частей древнеегипетской государственности, а правосознание составляло неотъемлемый элемент древнеегипетского религиозного мировоззрения. Неслучайно Маат — богиня правды, справедливости, правосудия, которая изображалась в образе красивой женщины со страусиным пером на голове, — занимала одно самых почетных мест в пантеоне богов и богинь Древнего Египта. Без описания правопорядка, механизма правового регулирования общественных отношений в этой стране, особенностей правовой культуры древних египтян характеристика древнеегипетской цивилизации не может не быть слишком упрощенной. А между тем в учебниках и монографиях по истории Древнего Египта об этих явлениях его общественной

жизни, как правило, говорится очень мало, а часто и вовсе умалчивается.

Настоящая книга призвана представить древнеегипетскую цивилизацию с такой стороны, с которой она почти не рассматривается в исторической литературе. Ее цель показать, что Древний Египет оставил в наследство человечеству выдающиеся достижения не только в области зодчества, изобразительного искусства, письменности, но также в политической и правовой культуре — в сфере государства и права.

В. А. Томсинов.
Москва. Ноябрь 2010 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ: СВЕДЕНИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

§ 1. Название страны и ее географическое положение

Слово «Египет» (на английском языке — «Egypt», на немецком — «Ägýpten», на французском — «Égypte») происходит от древнегреческого термина «Айгюптос». Во времена Гомера древние греки называли этим словом реку Нил[1]. Впоследствии оно стало употребляться для наименования страны[2], располагающейся по обеим сторонам данной реки, которая, в свою очередь, получила у

---

[1] См.: *Гомер*. Одиссея. IV, 477:

«Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны
Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку **Египту**
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гетакомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам».

(*Гомер*. Одиссея / Пер. с древнегреческого В.А. Жуковского. М., 1981. С. 77).

Гомер. Одиссея. XIV, 257:

«Не был корабль поврежден; нас, здоровых, веселых и бодрых,
По морю мчали они, повинуясь кормилу и ветру.
Дней через пять мы к водам светлоструйным потока **Египта**
Прибыли: в лоне потока легкоповоротные наши
Все корабли утвердив, я велел, чтоб отборные люди
Там, на морском берегу, сторожить их остались…»

(там же. С. 218). См. также: *Гомер*. Одиссея. IV, 581; XVII, 427 (там же. С. 80, 265).

[2] Для обозначения страны слово «Египет» стало употребляться, скорее всего, еще во времена Гомера. На эту мысль наводит следующий стих из его «Одис-

греков название «Нейлос». Историк Геродот Галикарнасский, живший в V веке до н.э., называл Египтом страну, а Нилом — реку, протекающую по ее территории. Во второй книге его «Истории» приводятся факты, объясняющие, каким образом слово, применявшееся для названия реки, стало использоваться для наименования территории, прилегающей к ней. Древнегреческий историк пишет здесь, что ионяне в его время «только одну Дельту считают Египтом» и вслед за тем отмечает, что «Дельта — наносная земля» (*Геродот.* II, 15)[1]. Указав, что древнейшим властителем из людей в Египте был Мин, Геродот сообщает далее: «В его время весь Египет, кроме Фиванской области, являлся болотом и вся местность, лежащая теперь ниже озера Мериды, находилась под водой… И действительно, всякий здравомыслящий человек (даже если он об этом раньше и ничего не слышал) с первого взгляда убедится, что Египет, куда эллины плавают на кораблях, недавнего происхождения и является даром реки» (*Геродот.* II, 5)[2]. В современных исторических трудах данное высказывание Геродота иногда понимается в том смысле, что река составляла фундамент египетской экономики[3]. В действительности, называя Египет «даром реки», историк

сеи» (XVII, 424–428), в котором слово «Египет» используется для обозначения и страны (в первом случае), и реки:

> «Все уничтожил Кронион — была, без сомненья, святая
> Воля его, чтоб с дружиной отважных добытчиков поплыл
> в отдаленный **Египет** (он там приготовил мне гибель).
> В лоне потока **Египта** легкоповоротные наши
> Все корабли утвердив…» (там же. С. 265).

[1] *Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. С. 84.

[2] *Геродот.* История. С. 81. В тексте книги Геродота, изданной на русском языке, перед словом «Египет» в приведенной фразе стоит заключенное в квадратные скобки слово «Нижний», а после слова «реки» — слово «Нил» также в квадратных скобках. Сам Геродот писал в данном случае слово «Египет» без добавления к нему определения «Нижний» и реку не называл «Нилом».

[3] «По словам Геродота, Египет — “дар Нила”, ибо Нил был источником неиссякаемого плодородия, основой всей хозяйственной деятельности», — говорится, например, в книге «Древние цивилизации» (Древние цивилизации / Под общей ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1989. С. 37). «Классическое определение Геродота “Египет — дар Нила” имеет абсолютно точное значение. Плодородие наносных (аллювиальных) почв долины Нила зависело от периодических разливов реки», — пишет В. Г. Борухович (*Борухович В. Г.* Вечное искусство Эллады. СПб.,

вкладывал в эти слова самый что ни на есть прямой смысл — *река образовала пространство суши, ставшее территорией страны.* Именно так понимал их древнегреческий историк-географ Страбон Каппадокийский, живший на рубеже I века до н.э. – I века н.э. Об этом свидетельствует следующий отрывок из его «Географии»: «Реки несут ил вниз по течению, так что эти равнины являются как бы их порождениями, и совершенно правильно сказано, что равнины принадлежат рекам. Это высказывание Неарха[1] тождественно тому, что Геродот говорит о Ниле и о прилегающей к нему области, что она — дар Нила. На этом основании Неарх правильно замечает, что Нил называли тем же именем, что и египетскую страну» (*Страбон.* XV, 16)[2]. Древнегреческий писатель Павсаний (ок. 110–180 гг. н.э.) также отмечал, что «дельта в Египте образуется не морем, а рекою Нилом» (*Павсаний.* VI. 26. 9)[3].

Из приведенных высказываний становится вполне понятным, каким образом название реки превратилось в название страны. Неясным остается лишь происхождение самого термина «Египет (Айгюптос)». По мнению большинства современных историков, он образовался от словосочетания «Хет-ка-Птах (дом двойника бога Птаха)», которым древние египтяне обозначали город, являвшийся в течение многих веков резиденцией правителей их страны. В исторической литературе этот город более известен под древнегреческим названием «Мемфис». Но некоторые историки полагают, что слово «Египет» произошло от имени города Коптос или Гуптос. Это имя породило слово «копты», которым еще в XIX в. обозначались коренные жители Египта, а также турецкое название долины Нила — Гипт[4].

2002. С. 24). «Речной бассейн страны обязан своим существованием, плодородием и красотой протекающей через нее огромной исторической реке Нил. Поэтому Египет в древности назывался *даром Нила*», — такое утверждение содержится в анонимной (т.е. без указания авторов) книге «Библейская энциклопедия», вышедшей в издательстве «Локид-Пресс» (М., 2002. С. 188).

[1] Командующий флотом в армии Александра Македонского.

[2] *Страбон.* География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. С. 644.

[3] *Павсаний.* Описание Эллады. Т. 2. СПб., 1996. С. 112.

[4] См. об этом: *Морозов Н. А.* Христос. Кн. 6: Из вековых глубин (части IV–VIII). М., 1998. С. 632.

На языке древних евреев Египет именовался «Мисраимом»[1], жители Вавилона знали его как «Мусур», эфиопы — как «Габаза» или «Месра». Арабы, захватившие Египет в VII в., называли его «Миср»[2] или «Маср».

По свидетельству уроженца Северной Африки Льва Африканского (конец XV — первая половина XVI в.), те, кто жил в Египте в указанное время, называли данную страну «аль-Кибт»: они говорили, что «Кибт был первым, кто начал властвовать над этой страной и построил там дома»[3]. Сами себя эти жители обозначали таким же термином, отмечал Лев Африканский, добавляя при этом, что от «подлинных египтян остались только христиане, которые живут там в настоящее время. Все остальные приняли веру Мухаммеда и породнились с арабами и африканцами»[4].

Древние же египтяне называли свою страну «Землей Возлюбленной» или «Землей Олив». Но чаще всего они использовали в этом случае слово «Кемет»[5], означающее «Черная земля». Себя древние египтяне именовали соответственно «кеми» — «люди черной земли».

Резиденция древнеегипетских правителей — столица государства — неоднократно перемещалась на протяжении истории Древнего Египта из одного города в другой. Но самыми крупными столичными городами были Мемфис и Фивы.

---

[1] По преданию, изложенному в книге «Бытие» Ветхого Завета, египетский народ распространился от Мицраима — сына Хама и внука Ноя. В русском хронографическом своде XV в. Мицраим называется Местраимом. При упоминании о нем отмечается, что «от негоже въстрии и египтяне» (Летописец Еллинский и Римский / Вступит. статья, археографический обзор и критический аппарат О. В. Творогова. СПб., 1999. Т. 1. С. 6).

[2] См.: *Лев Африканский.* Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть / Пер. с итальянского, комментарий и статья В. В. Матвеева. Л., 1983. С. 316.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Сочетания иероглифов, которыми древние египтяне обозначали указанные названия своей страны, приводятся в книге «Мумия» английского египтолога Э. А. У. Баджа (*Бадж Э. А. У.* Мумия. СПб., 2001. С. 17–18). Современные египтяне, говорящие на арабском языке, называют свою страну «Маср» или «Миср».

Столицей современного Египта является город Каир. Это название произошло от арабского наименования Египта, звучавшего как «Маср». «Когда современный город был основан в десятом столетии, его отличали эпитетом *el Kahireh*, «победоносный», от более старого города *Masr el Atikeh*. Итальянцы убрали *h*, которое они не могли произносить, заменили арабское *el* на свое, обозначающее мужской род, *il* и таким образом создали название *il Cairo*»[1].

Плодородная почва Древнего Египта действительно отличалась черным цветом, поскольку формировалась в процессе ежегодных разливов реки Нил. Эта река имела огромное значение в экономике древнеегипетского общества. Она создавала благоприятные условия для земледелия, скотоводства и торговли. Во многом именно Нилом определялась конфигурация территории Древнего Египта. Страбон писал в своей «Географии»: «Одним словом, Египет состоит только из речной области, именно из самого крайнего ее пространства по обеим сторонам Нила, которая, начинаясь от границ Эфиопии и простираясь до вершины Дельты, редко где-либо занимает непрерывно обитаемое пространство шириной в 300 стадий[2]. Таким образом, высохшая после разлива страна в длину, за исключением более значительных отклонений, имеет сходство с лентой пояса. Эту форму дают горы по обеим ее сторонам, простирающиеся от Сиенской области до Египетского моря; ибо на каком расстоянии простираются эти горы и отстоят друг от друга, на таком же расстоянии суживается или расширяется река и придает различную форму обитаемой земле» (*Страбон.* XVII, 4)[3].

Перед впадением в Средиземное море Нил распадался на несколько рукавов, образуя обширную долину. Вследствие этого Древний Египет разделялся на две географически обособленные части — узкий по ширине и вытянутый в длину Верхний Египет и располагавшийся севернее[4] дельтовидный Нижний Египет.

---

[1] The Princeton Review. 1855. Vol. 27. Issue 4. P. 656–657.

[2] Стадий — древнегреческая мера длины. Аттический стадий равен 177,6 м, олимпийский стадий — 192,27 м.

[3] *Страбон.* География. С. 729.

[4] Нил течет с юга на север, но не по прямой линии, а по ломаной, похожей на латинскую букву N.

Размеры территории древнеегипетского государства менялись в различные эпохи его истории. Она могла расширяться в результате успешных завоевательных войн или уменьшаться вследствие поражений в войнах. По оценке Геродота, территория этой страны в своем самом широком месте — на побережье Средиземного моря — имела протяженность в 3600 стадий (около 640 км), в самом же узком месте — в Верхнем Египте — ее протяженность не превышала 200 стадий (приблизительно 36 км). В длину же Египет вытягивался от моря до своего самого крупного города в верхнем течении Нила на общее расстояние 7920 стадий (приблизительно 1400 км)[1].

§ 2. Египет — древнейшее государство в мировой истории. Легенда об Атлантиде

В современной исторической науке господствует мнение о том, что именно на территории Египта возникло самое первое в истории человечества классовое общество и государство[2]. Время его появления относится большинством исследователей к XXXIV–XXXI столетиям до н.э.[3] Указанными столетиями датируется и начальный этап существования самого раннего классового обще-

---

[1] «Расстояние от моря в глубь страны до Фив» Геродот определяет цифрой 6120 стадий, а «от Фив до города под названием Элефантина — 1800» (*Геродот.* II, 9). См.: *Геродот.* История. С. 82.

[2] «Классовое расслоение общества впервые в мире произошло в Египте и на юге Месопотамии, т. е. в Шумере», — пишет, например, И. М. Дьяконов (см.: История Востока в шести томах. Т. 1. Восток в древности / Отв. ред. В. А. Якобсон. М., 2000. С. 34).

[3] Английский египтолог У. Б. Эмери пишет в своей книге, посвященной ранним периодам истории Древнего Египта: «Примерно за 3400 лет до н.э. в Египте произошли кардинальные изменения, и страна из состояния развитой неолитической культуры, носителями которой были отдельные племена, быстро перешла к состоянию государственности, точнее — оказалась под властью двух царей, имеющих довольно налаженную систему управления» (*Эмери У. Б.* Архаический Египет / Пер. с англ. Н. Н. Каменской и А. С. Четверухина. СПб., 2001. С. 36).

ства и государства на территории Месопотамии[1]. Зарождение государственности в Древней Индии — в рамках так называемой Хараппской цивилизации — связывается с XXV–XXIII столетиями до н.э.[2], древнейшей государственности (династии Ся) в Древнем Китае — с XXIII столетиями до н.э.[3] Однако изучение древнейших обществ продолжается, и новые археологические раскопки на территории Египта, Индии, Китая, Месопотамии могут дать материал, существенно меняющий наши представления как о времени возникновения самых ранних в истории человечества государств, так и о содержании процессов классообразования и государствообразования.

В некоторых из дошедших до нас сочинений древних писателей приводятся сведения, на основании которых можно сделать вывод о том, что могущественные державы и развитые цивилизации существовали на Земле 11–12 тысяч лет назад. Это означает, что цивилизации, называемые нами «древними», не были на самом деле первыми в мировой истории цивилизациями: они сложились на развалинах предшествовавших им — еще более древних цивилизаций, погибших в результате каких-то природных катастроф.

Одним из таких сочинений, в котором говорится помимо прочего и о Древнем Египте, является диалог древнегреческого фило-

---

[1] См.: *Антонова Е. В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. С. 74–75 и др.

[2] См.: *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. СПб., 2001. С. 93. Материалы археологических раскопок убедительно свидетельствуют о том, что в рамках Хараппской цивилизации существовало заметное классовое расслоение общества и государственность (см.: там же. С. 95–97). Данная цивилизация иногда именуется в исторических работах Индской. А. А. Вигасин датирует ее возникновение XXIII веком до н.э. (см.: История Востока в шести томах. Т. 1: Восток в древности. С. 390) и предполагает, что она «может считаться третьей по времени появления древневосточной цивилизацией (там же. С. 392).

[3] Сведения о династии Ся весьма скудны, и версия об этой государственности относится к категории легенд, однако археологические раскопки последних десятилетий дают исследователям все больше материалов, позволяющих считать государственность династии Ся реально существовавшей на ранних этапах истории Древнего Китая. См. об этом: *Крил Х. Г.* Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб., 2001. С. 30; История Востока в шести томах. Т. 1: Восток в древности. С. 193.

софа Платона «Тимей». Его содержание построено в виде беседы четырех известных афинян: Сократа, Тимея, Крития и Гермократа. Во время этой беседы Критий пересказывает древнее предание, которое он слышал в своем детстве от какого-то старца. Согласно данному преданию, знаменитый мудрец и государственный деятель Афин Солон, возвратившись из Египта[1], поведал об удивительных фактах из истории греков и египтян, сообщенных ему египетскими жрецами.

Пребывая среди жрецов г. Саиса и желая узнать у них какие-либо сведения о прошлом Египта, Солон рассказал им однажды греческие мифы о событиях, происходивших в самые древние времена истории Греции. В ответ на его рассказ один из жрецов воскликнул: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!.. Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всяких, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих»[2]. И далее жрец сообщил Солону, что девять тысяч лет назад государство, «ныне известное под именем Афин», было первым по военному могуществу и превыше сравнения стояло по совершенству своих законов. Что эти законы были восприняты Египетским государством, которое возникло на тысячу лет позднее вышеуказанной древнегреческой державы. Что помимо законов Египет пе-

---

[1] Согласно Плутарху, Солон отправился в Египет после того, как, будучи избранным на должность архонта и законодателя, осуществил в Афинах серию реформ. См.: *Плутарх.* Солон и Попликола. 26 (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 1. М., 1994. С. 109). По современной хронологии эти реформы датируются 594 г. до н.э. Датой же отъезда Солона в Египет считается 571 г. до н.э.

[2] *Платон.* Тимей. 22 (*Платон.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М., 1994. С. 426–427).

ренял у последней также и социальную организацию — деление общества на сословие жрецов, «обособленное от всех прочих», воинское сословие, сословие ремесленников, сословия пастухов, охотников и земледельцев. Наконец, Солону было сказано, что в те далекие времена древнегреческая держава сумела выстоять и победить в борьбе против завоевателей, пришедших с острова Атлантида. И что тем самым она спасла от угрозы рабства и другие народы. Завершая это свое повествование о древнейших событиях, жрец сказал: «Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину»[1].

В дополнение к приведенному рассказу египетского жреца следует заметить, что сами древние египтяне считали себя народом, родственным грекам. Возможно, эта родственность древних египтян с древних греками была родством по крови. Некоторые основания для такого предположения существуют[2]. Многие древнеегипетские боги были одновременно богами и древних греков[3]. Например, в г. Саисе, в котором Солон беседовал с египетскими жрецами, существовал храм греческой богини Афины[4]: она являлась одновременно и египетской богиней по имени Нейт[5].

О могущественной державе, центром которой был остров Атлантида, рассказывается и в диалоге Платона «Критий»[6]. Здесь описывается устройство резиденции ее верховных властителей,

---

[1] *Платон.* Тимей. 25 (*Платон.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 430).

[2] Э. А. У. Бадж делал на основании результатов археологических раскопок следующий вывод: «То, что древние египтяне и их культура не были чисто африканского происхождения, подтверждается надписями и постоянно возрастающим количеством портретных изображений царей и знати, которые относятся к древнейшей эпохе» (*Бадж Э. А. У.* Мумия. С. 12).

[3] «Вообще почти все имена эллинских богов происходят из Египта», — сообщает Геродот в своей «Истории» (*Геродот.* II, 50). *Геродот.* История. С. 96.

[4] Об этой Афине (Минерве) упоминает Цицерон в одном из своих трактатов. См.: *Цицерон.* О природе богов. III, 23, 59.

[5] Согласно Плутарху, Афину называли в Египте также Изидой. См.: *Плутарх.* De Iside et Osiride, 9.

[6] См.: *Платон.* Критий. 108–121 (*Платон.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 503–515).

порядок управления ею. И в диалоге «Тимей», и в диалоге «Критий» Египет представляется в качестве одной из провинций указанной державы[1].

Все эти сведения, отраженные в названных диалогах Платона, носят, конечно же, сугубо легендарный характер. Платон и сообщал их именно как легенду — как передававшееся из века в век предание. Тем не менее рассказ о том, что 11–12 тысяч лет назад на острове, именовавшемся Атлантидой, существовало «удивительное по величине и могуществу»[2] государство, распространявшее свою власть на многие окружавшие его страны, в том числе и на территорию Египта, вряд ли является полным вымыслом. Все древние легенды основаны, как правило, на каких-то действительно происходивших событиях. И в указанных диалогах Платона приводится ряд таких подробностей об Атлантиде, которые весьма похожи на реальные исторические факты[3].

Факт существования развитой цивилизации в эпоху, предшествовавшую по времени известным ныне обществам Древнего Востока, упоминается во многих древневосточных религиозных произведениях. При этом все они сходятся в том, что указанная цивилизация погибла в результате какого-то грандиозного катаклизма — наводнения или землетрясения.

Древневосточные предания о развитой человеческой цивилизации, существовавшей за десять и более тысяч лет до начала христовой эры, противоречили представлениям о древней истории человечества, закрепленным в Ветхом Завете. Поэтому христианские идеологи вели борьбу с ними: объявляли ложными вся-

---

[1] *Платон.* Тимей. 25 (*Платон.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 429); *Платон.* Критий. 114 (там же. С. 508).

[2] *Платон.* Тимей. 25 (там же. С. 429).

[3] В частности, в диалоге «Тимей» Платон упоминает о других островах, расположенных за островом Атлантида, и о «противолежащем материке» за этими островами. Нетрудно догадаться, что речь здесь идет об Американском континенте, открытом, как общепринято считать, Христофором Колумбом в 1492 г. В диалоге «Критий» содержится упоминание о высоких многохолмных горах и равнинах, «которые ныне зовутся каменистыми, а тогда были покрыты тучной почвой», и об обильных лесах в горах. Современная палеография подтверждает факт существования густых лесов на побережье Средиземного моря в те времена, о которых рассказывает в указанном диалоге Платон. См.: Палеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982.

кие сказания об этой цивилизации, уничтожали манускрипты, в которых содержались какие-либо рассказы о ней. Русский теософ Е. П. Блаватская писала об этом следующее: «Дни Константина[1] были последним поворотным пунктом в истории, периодом чрезвычайной борьбы, закончившейся в Западном Мире удушением древних религий во славу новой, созданной на их трупах. С тех пор началось насильственное и неукоснительное, всеми правыми и неправыми мерами проводимое, сокрытие от любопытства потомства перспектив в далекое прошлое, за пределы Потопа и Сада Эдема. Каждый вход был заделан, каждый рекорд, на который можно было наложить руки, был уничтожен»[2].

Однако христианские идеологи не смогли полностью искоренить память о добиблейской человеческой истории. Иезуитский ученый-энциклопедист, знаток многих восточных языков Атанасиус Кирхер (*Athanasius Kircher*, 1602–1680)[3] в своей книге «Египетский Эдип», напечатанной в Риме в 1652 году, признался, что долгое время считал рассказы об Атлантиде простыми баснями, но после того, как ему удалось лучше узнать восточные языки, он пришел к убеждению, что все эти легенды не что иное, как развитие великой истины[4].

По данным современной палеографии, 11–12 тысяч лет назад действительно произошла некая глобальная природная катастрофа, совпавшая с концом последнего ледникового периода. Названное время удивительно совпадает со временем гибели цивилизации Атлантиды, обозначенным в диалоге Платона «Тимей».

Как бы то ни было, результаты археологических раскопок, проводимых в последние десятилетия на территории Азии, Ближне-

---

[1] Имеется в виду римский император Константин (306–321), признавший равенство христианства с другими религиями Римской империи.

[2] *Блаватская Е. П.* Тайная Доктрина: синтез науки, религии и философии в двух томах. Т. 1. Кн. 1: Космогенезис / Пер. с англ. Е. И. Рерих. Минск, 1993. С. 40.

[3] Более подробно об Атанасиусе Кирхере и его творчестве см. в книге: *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. М.: Зерцало, 2004. С. 62–70, 277–279.

[4] *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus, hoc est Universalis Hieroglyphicæ Veterum Doctrinæ temporum inuria abolitæ INSTAURATIO. Opus ex omni Orientalium doctrina & sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum authoritate stabilitum. Tomus I. Romæ, 1652. P. 71.

го Востока и Северной Африки, заставляют все дальше в прошлое отодвигать время возникновения здесь первых государств. Думается, по мере изучения останков древних цивилизаций будет появляться все больше оснований для коренного пересмотра господствующих ныне представлений о древней истории человечества.

Египтологи давно уже обратили внимание на то, как быстро на территории Древнего Египта в середине IV тысячелетия до н.э. произошел переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государству. «Все, что дошло до нас от того времени, — пишет У. Б. Эмери, — указывает на существование хорошо организованной и даже процветающей цивилизации. Все это было достигнуто за сравнительно короткое время. Такой вывод напрашивается потому, что мы не имеем почти никаких данных, которые свидетельствовали бы о длительном переходном или подготовительном периоде и послужили бы историческим фоном для развития письма и архитектуры»[1]. Сам У. Б. Эмери главной причиной резкого скачка в развитии древнеегипетского общества на ранних этапах его истории считал вторжение в долину Нила нового народа, который якобы и принес с собой основы высокой цивилизации[2]. Подобное объяснение быстроты возникновения на территории Древнего Египта развитой цивилизации дает и А. Гардинер[3].

Однако некоторые весьма авторитетные зарубежные египтологи отрицают факт стимулирующего воздействия на становление древнеегипетской цивилизации какой-либо чужой, более высокой по уровню своего развития культуры[4]. По их мнению, цивилизация Древнего Египта сложилась спонтанно в результате постепенной эволюции самого древнеегипетского общества.

С моей точки зрения, на основе тех скудных знаний о начальных этапах древнеегипетской истории, которые имеются ныне в распоряжении египтологов, разрешить подобные вопросы невозможно. В данном случае можно высказывать лишь предположения. Быстрота перехода от первобытнообщинного строя к клас-

---

[1] *Эмери У. Б.* Архаический Египет. С. 36.

[2] Там же. С. 37.

[3] См.: *Gardiner A.* Egypt of the Pharaos. Oxford, 1962. P. 392.

[4] К ним относится, в частности, Дж. Уилсон. См.: *Wilson J.* The Culture of Ancient Egypt. Chicago, 1965. P. 22–27.

совому обществу и государству на территории Древнего Египта в середине IV тысячелетия до н.э. вполне может быть объяснена не нашествием чужеплеменников и воздействием чужеземной культуры, а рядом иных причин. Возможно, протекавший здесь в указанное время процесс классообразования и государствообразования был повторным процессом. Вполне могло быть, что классовое общество и государство уже существовали на территории Древнего Египта в далекие времена. Но затем в силу каких-то катастрофических событий эта цивилизация погибла. И происходившие в древнеегипетском обществе в середине IV тысячелетия до н.э. процессы классовой дифференциации и формирования органов публичной власти являлись процессами не возникновения, а **восстановления** государства в Древнем Египте — не формирования, а **возрождения** древнеегипетской цивилизации. Потому-то египтологи и не имеют «почти никаких данных, которые свидетельствовали бы о длительном переходном или подготовительном периоде» древнеегипетского общества от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государству.

По сообщению Геродота, египетские жрецы, рассказывая о стародавних временах, объясняли ему, что со времени первого египетского властителя и до правления жреца Гефеста по имени Сетос, вступившего на трон фараона Древнего Египта через 50 лет после изгнания эфиопской династии (т.е. приблизительно на рубеже VII–VI вв. до н.э.), «прошло 341 поколение людей и за это время было столько же верховных жрецов и царей» (*Геродот.* II, 142). Древнегреческий историк сосчитал, что это составляет 11 340 лет, если брать по три поколения в столетие[1]. Диоген Лаэртский (*Diogenes Laertius,* конец II – первая половина III в. н.э.) во вступлении к своему трактату «Жизнь философов (Vitae philosophorum)» отмечал, что, по уверению египтян, «начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест, сын Нилуса[2]; а от него до Александра Македонского прошло 48 863 года, и за это время было 373 солнечных затмения и 332 лунных» (*Диоген Лаэртский.* I, 1–2)[3]. Античный писатель Мартиан Капел-

---

[1] См.: *Геродот.* История. С. 124.

[2] Так греки называли древнеегипетского бога Птаха.

[3] *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Второе, исправленное, издание. М., 1986. С. 55.

ла (*Capella Martianus Minneus Felix*, конец IV – первая половина V в. н.э.) сообщал о том, что египтяне более 40 000 лет вели астрономические наблюдения. Подобных фактов, свидетельствующих о том, что корни древнеегипетской цивилизации уходят в прошлое на десятки тысяч лет, довольно много в произведениях античных и средневековых авторов. И не исключено, что они несут в себе не только миф, но также истину.

§ 3. Утрата знаний о египетской древности. Мифологизация истории Древнего Египта

В Древнем Египте хорошо понимали, какую высокую ценность имеют исторические знания. Недаром Платон, сам посещавший в свое время Египет, при создании диалога «Тимей» именно в уста египетского жреца вложил мысль о том, что народ, не знающий своего прошлого, будет всегда оставаться в детском возрасте.

Древнеримский оратор и писатель греческого происхождения Дион Хрисостом (ок. 40 – ок. 120 гг. н.э.) в речи, произнесенной перед жителями Илиона — города, который возник на месте легендарной Трои, — говорил: «Всех людей учить трудно, а морочить легко — я, по крайней мере, едва ли не убежден в этом. Знания люди усваивают через пень колоду, если вообще хоть малую толику из того немногого, что им известно, они знают благодаря учению; и в то же время их с величайшею легкостью обманывает множество невежд, и люди морочат не только друг друга, но еще и самих себя. Конечно, для неразумных истина горька и тягостна, а ложь сладка и вкрадчива. По-моему, люди напоминают скорбных глазами, которые при свете дня чувствуют резь, а в темноте нет, и поскольку темнота не причиняет им страданий, они ее любят. Как иначе могли бы вымыслы то и дело одерживать верх над истиной, не будь их победы завоеваны удовольствием? И пусть, как я сказал, учиться трудно, но еще трудней переучиваться, и особенно если ложь слушали многие годы и обманывались не только сами, но и отцы, и деды, и, почитай, все прежние поколенья… Я, в свою очередь, расскажу обо всем том, что узнал в Онуфисе от одного египетского жреца весьма почтенных лет, который и по другим поводам нередко высмеивал эллинов за то, что они почти ни о чем не знают истины, и особенно охотно показывал это

на примере их убеждения, будто Троя была взята Агамемноном и Елена, супруга Менелая, влюбилась в Александра, и, обманутые одним-единственным человеком, эллины столь пылко в это уверовали, что любой из них готов дать на том клятву. Он поведал, что у египтян вся древняя история записана частью в храмах, частью на неких стелах, причем кое-что, после того как стелы были разрушены, хранится в памяти лишь горстки людей, и ко многому из записанного некогда на стелах новые поколения по невежеству своему и верхоглядству утратили доверие; среди самых последних надписей есть и надпись, посвященная Троянской войне, ибо Менелай приходил к египтянам и рассказал все, как было»[1].

В 1937 году французский египтолог Ж. П. Лаур, рассматривая пирамиду фараона Унаса[2], обнаружил ряд иероглифов, которыми сообщалось о том, что жрец Кхаэмуас восстановил имя фараона Верхнего и Нижнего Египта Унаса на лицевой стороне пирамиды, так как он *любит восстанавливать монументы фараонов Верхнего и Нижнего Египта*. Указанный Кхаэмуас являлся сыном фараона Рамсеса II и жил приблизительно в середине XIII века до н.э[3]. Он занимал должность верховного жреца бога Птаха и был известным среди своих современников магом[4]. Статуя Кхаэмуаса из желтого песчаника, хранящаяся в настоящее время в Каирском музее, показывает его именно как жреца Птаха: он держит в руках «наос — ковчежец с изображением бога Птаха–Татенена, древней-

---

[1] *Дион Хрисостом.* Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был // Ораторы Греции / Перевод Н. В. Брагинской. М., 1985. С. 304, 312.

[2] Один из представителей пятой династии верховных властителей Древнего Египта.

[3] В некоторых работах по истории Древнего Египта имя этого человека пишется как «Khaemwese». Французский египтолог Г. К. Ш. Масперо читал его как «Khâmoisit». В энциклопедическом же словаре «Who is who in Ancient Egypt» оно обозначается как «Khaʾemweset». («Khaʾemweset was the son of Ramesses II and Queen Istnofret. While still a child, he took part in a campaign in Nubia. He designed a burial for the Apis Bulls at the temple of Ptah in Memphis. While in Memphis, he visited Saqqara and commissioned for a historical study of the necropolis. For this he was nicknamed the "Egyptologist Prince". He was very popular and his mortuary cult lasted until the Roman era. He was then incorporated into several Roman legends and was mentioned in the demotic literature for that era»).

[4] В Лувре в настоящее время хранится папирус с магическими формулами, авторство которых египтологи приписывают жрецу Кхаэмуасу.

шего божества Мемфиса». Другая статуя Кхаэмуаса стоит в Британском музее. В Лувре хранится его золотая маска, извлеченная в середине XIX века из его усыпальницы в Серапеуме[1].

В Древнем Египте регулярно велись записи важнейших исторических событий, составлялись хроники правлений династий верховных властителей. Об этом свидетельствуют обнаруженные в XIX–XX веках фрагменты летописей, которые велись египтянами в различные эпохи истории древнеегипетского государства — такие, например, как тексты Туринского папируса[2] и Палермского камня[3], списки фараонов, найденные в Абидосе и Саккаре[4].

Древнеегипетские храмы были не только центрами религиозного культа, но и хранителями исторического опыта египтян. Ведение летописей являлось для жрецов священной традицией. В храмовых библиотеках сберегались в течение многих веков собрания документов, в которых фиксировались важнейшие события истории страны, отражалась бытовая, религиозная и политическая жизнь общества. Некоторые, наиболее важные с точки зрения древних египтян, исторические сведения фиксировались на каменных плитах и обелисках, стенах пирамид и храмов.

К сожалению, основная масса накопленных древними египтянами сведений по истории своей страны была утрачена. Это прои-

---

[1] См. об этом: *Солкин В. В.* Солнце властителей. Древнеегипетская цивилизация эпохи Рамессидов. М., 2000. С. 98–99.

[2] Текст, написанный на папирусе, который хранится в музее итальянского города Турин (отсюда его название «Туринский папирус»), представляет собой список имен около трехсот древнеегипетских властителей первых пятнадцати династий. Периоды правлений отдельных фараонов и династий указаны в годах, месяцах и днях. См. о нем подробнее: *Струве В. В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 234–275.

[3] На большом фрагменте камня, хранящемся с 1877 г. в музее города Палермо (отсюда название «Палермский камень»), высечена краткая летопись правлений древнеегипетских властителей, начиная с додинастических и заканчивая пятой династией. Каждый год правления приводится при этом отдельно с указанием важнейших событий, произошедших в течение его. Перевод текста «Палермского камня» на английский язык опубликован в собрании «Древних письменных памятников Египта» (Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 57–72.

[4] См. о них: *Струве В. В.* Манефон и его время. С. 243–252.

зошло в значительной мере еще в эпоху древности вследствие разрушения под действием времени, природных катаклизмов и войн многих памятников египетской старины, гибели в силу различных обстоятельств документальных материалов и т. п. Вместе с тем на судьбе хранившихся в Древнем Египте знаний о египетском прошлом отрицательно сказалась культурная политика македонской династии Птолемеев, утвердившейся на египетском троне после смерти в 323 году до н.э. царя Македонии и Азии Александра Великого.

Цари этой династии покровительствовали наукам и искусствам. В период их правления в Александрии была сформирована огромная библиотека, в которой хранились около 700 000 папирусных свитков, среди которых было немало текстов древнеегипетских сочинений. Желая создать условия для расцвета научного и художественного творчества, Птолемеи учредили при своем дворе Мусейон («Храм муз») — корпорацию, объединявшую ученых из различных стран и самых разных специальностей.

Как свидетельствуют сохранившиеся документы[1], особое покровительство монархи династии Птолемеев оказывали египетским храмам, предоставляя им различные материальные субсидии и налоговые льготы. Будучи чужеземцами для египтян, Птолемеи стремились тем не менее управлять своими подданными в соответствии с привычными им порядками, заведенными в Египте еще в давние времена фараонами местного происхождения. В связи с этим они хотели знать египетское прошлое. При дворе Птолемеев существовал специальный штат историографов, которые занимались сбором сведений о правивших в Египте фараонских династиях, работали над составлением исторических хроник. Но египетское прошлое было для большинства этих ученых историей чужой, непонятной для них страны. Поэтому неизбежным результатом их историографических трудов стало искажение реальной картины древнеегипетской истории. Французский египтолог Гастон Камил Шарль Масперо (*Gaston Camille Charles Maspero,* 1846–1916) писал об этом следующее: «Иностранцы, греки, сирийцы, евреи, которых Птолемеи привлекали в Александрию и которые оттуда, распространившись по остальной части страны, начали по необходимости устанавливать синхронизм между своей историей

[1] Например, надписи на так называемом «Розеттском камне».

и историей фараонов, и в связи с этим постепенно вводить новые элементы в традицию. Греки не делали ошибок, но их совершали в особенности евреи, обрабатывавшие египетский материал, и туземцы, в конце концов, приняли часть их махинаций»[1]. По словам Г. К. Ш. Масперо, «мы имеем этому доказательство, для первой половины третьего столетия, во фрагментах и списках Манефона, представляющих не действительные анналы Египта, но систему, построенную на этих анналах»[2].

Вхождение Египта в 30 году до н.э. в состав Римской империи и соответственно прекращение существования его в качестве самостоятельного государства остановило развитие египетской историографической традиции.

В III–IV веках н.э. в Египте, являвшемся одной из провинций Римской империи, утвердилось в качестве господствующей религии христианство. В результате древняя религия египтян и связанная с нею духовная культура стали приходить в упадок. Особенно пагубными для древнеегипетской культуры оказались изменения в сфере письменности.

В течение почти четырех тысячелетий, прошедших до этих событий, знаковую основу духовной культуры Древнего Египта составляла иероглифическая письменность (от греческого слова ἱερογλνφικός[3]). Она выступала в трех формах: *классической*, *иератической* и *демотической*. Классическая иероглифическая письменность предполагала использование иероглифов, начертанных в полном своем виде. Она использовалась, как правило, в надписях на каменных плитах, стенах пирамид или храмов. Иератическая письменность состояла из иероглифов, приспособленных

---

[1] «Les étrangers, Grecs, Syriens, Hébreux, que les Ptolémées attirérent à Alexandrie et qui, de là, se répandirent sur le reste du pays, devaient nécessairement établir des synchronisms entre leur histoire et celle des Pharaons, et, par suite, insinuer des elements nouveaux dans la tradition. Les Grecs ne s'en firent pas faute, mais ce furent les Hébreux surtout qui travaillérent la matiére égyptienne, et les indigenes finirent par adopter une partie de leurs combinaisons» (*Maspero G.* Matériaux pour un livre sur les deformations de l'historiographie égyptienne depuis les temps Memphites jusques et y compris ceux de la domination musulmane // *Maspero G. C. Ch.* Études de mythologie et d'archéologie égyptiennes. Tome septième. Paris, 1913. P. 273).

[2] Ibidem.

[3] Данный термин образовался из сочетания слов «ἱερος» (священный) и «γλνφός» (надпись).

для скорописи[1]. Она возникла одновременно с классической иероглифической письменностью и применялась древнеегипетскими жрецами преимущественно для записи различных текстов на папирусах, хотя в этом случае могло употребляться и классическое иероглифическое письмо. Определение «иератическая» означает в данном случае жреческая (от древнегреческого слова «ἱερατικός» — «иератикос», жреческий). Демотическая форма иероглифической письменности получила широкое применение позднее первых двух форм — во времена правления фараонов XXV и XXVI династий (VIII–VI вв. до н.э.). Ее название происходит от древнегреческого термина «δημοτικός» — «демотический», народный. Данная форма представляла собой упрощенный вариант иератической формы иероглифической письменности. Она использовалась, как правило, при ведении административной документации и частной переписки.

Именно демотическая форма иероглифической письменности была наиболее распространенной в Древнем Египте в то время, когда здесь начало утверждаться христианство. При этом в ряде случаев продолжали применяться более древние формы иероглифического письма.

Принятие значительной частью населения Древнего Египта христианской веры серьезно отразилось на развитии египетской письменности. Обращенные в христианство египтяне были вынуждены использовать для записи слов своего языка греческие буквы. Так возникла новая египетская письменность, получившая название коптской (а соответствующий этой письменности язык — наименование коптского языка). Коптская письменность довольно быстро вытеснила традиционное древнеегипетское письмо. Не только классическая с иератической, но даже демотическая форма иероглифической письменности вышла из употребления[2] и оказалась забытой.

Пагубным оказалось для древнеегипетской историографии и навязывание общественному сознанию египтян в процессе рас-

---

[1] Современные египтологи при переводе текстов, написанных иератическим письмом, обыкновенно придают им сначала форму классического иероглифического письма.

[2] Последний демотический текст был записан на стенах храма богини Изиды, расположенном на острове Филае (Philae), в 396 г. н.э.

пространения в их среде христианства мифологии Ветхого Завета. Налагаясь на традиционные египетские исторические воззрения, эта мифология искажала их. Она вытравляла из памяти египтян реальные исторические события, имена действительно правивших в Египте властителей, замещая все это событиями да именами или чужой истории, или всецело вымышленными. Имена первых властителей Древнего Египта оказались в результате данной хирургической операции над египетской историей полностью забытыми, а на их троны воцарились библейские персоны — Ной, Хам, Мицраим и др. Вместе с ними в историческое сознание египтян была внедрена чуждая египетской исторической традиции легенда о всемирном потопе и другие легенды Ветхого Завета.

По свидетельству Г. К. Ш. Масперо, «редкие фрагменты, оставшиеся нам от языческих авторов, рассказывающих о Египте в римскую эпоху, и учение первых христианских хронографов показывают, что история, расширенная таким образом, уже являлась ничем иным, как сообщениями, отдаленными от реальной истории: так, никто уже не имел в своем владении списков полуправдивого Манефона, они были почти забыты. Как установлено, в них были введены новые имена, привнесенные новыми историями, предназначенные, в особенности после прихода христианства, приспособить светскую хронологию к рамкам хронологии священной и заменить языческие интерпретации древних монументов интерпретациями христианскими: вот факт только примера, великие пирамиды перестали быть могилами, чтобы стать зернохранилищами, и имена Хеопса, Хефрена и Мицеринуса стирались с них, становясь именем еврея Иосифа, министра фараона. Вскоре отождествление первых тинитских государей с Мицраимом «Бытия» и его детьми стало полным: имена библейского происхождения заменили имена египетского происхождения, и если несколько из этих последних продолжали существовать, то почти всегда в форме в такой степени измененной, что их трудно обнаружить. С другой стороны, магия, астрология, алхимия, божественные науки так разлились по берегам Нила в последние фараоновские времена, что заняли в народном воображении всю территорию, с которой отступила память о действи-

тельной истории, и разграбление древних некрополей и храмов стало профессией…»[1].

Утрата египтянами памяти о своей древней истории была закреплена арабским завоеванием VII века. Любопытно, что арабские историографы восприняли мифологизированную версию древнеегипетской истории, созданную христианскими хронографами на основе библейских легенд. Хронологическая таблица египетской истории, составленная иезуитским ученым XVII столетия Атанасиусом Кирхером на основе средневековых арабских манускриптов, открывается правлением библейского первочеловека — Адама, за которым следуют через три поколения властителей Енох, Мафусаил, Ламех, Ной, то есть также библейские люди[2].

В конечном итоге на территории, прилегающей к реке Нил, возникла новая цивилизация, не имевшая политической и культурной преемственности с древнеегипетской цивилизацией. Сохранившиеся на этой земле остатки величественных пирамид, развалины храмов, полуразрушенные статуи и другие многочисленные каменные сооружения не дали исчезнуть памяти о великой стране, существовавшей здесь в далекой древности. Но история Древнего Египта стала тайной, которую никто уже не знал и знать не мог — тайной, которую предстояло отныне разгадывать во все будущие века жизни человечества[3].

---

[1] *Maspero G. C. Ch.* Matériaux pour un livre sur les deformations de l'historiographie égyptienne. P. 274–275.

[2] *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus. Tomus I. Romæ, 1652. P. 79.

[3] См. об этом: *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. М.: Зерцало, 2004.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

«Хронология у грек точно на нашем языке значит времясказание, но мы обыкли именовать летосказание; правильнее же времясчисление именовать, мнится, приличнее. Сие есть во всех повестях так нуждное обстоятельство, что без онаго никакая повесть ясна и внятна быть не может, ибо при всяком деянии нужно знать время, не токмо год, месяц, день, некогда и час, в котором необходимо к подлинному познанию обстоятельств потребен. Басни же или романы хронологии не требуют, для того и сусчая история без разделения лет за баснь почесться может».

В. Н. Татищев. «История Российская»

§ 1. «Египтиака (Αἰγυπτιακά)» Манефона Севеннитского и ее значение для разработки истории древнеегипетского государства

Древнеегипетские тексты хронологического характера — календари религиозных торжеств, списки имен фараонов отдельных династий, фрагменты летописей, а также многочисленные надписи на монументах с указанием времени их возведения или момента того или иного памятного происшествия — показывают, что египтяне не имели единой отправной точки отсчета текущих лет своей истории, наподобие тех, которые были приняты у римлян и греков. Вплоть до шестой династии (а возможно, и до одиннад-

цатой[1]) каждый истекший год назывался, как правило, по случившемуся на его протяжении наиболее примечательному событию. В результате получались такие названия лет, как, например: «год победы над троглодитами», «год стрельбы в бегемота», «год рождения[2] медного царского изображения по имени Высок царь Воссиявший Двумя Жезлами», «год второй переписи скота», «год завоевания Нубии» и т. д.

Со времени XII династии и вплоть до начала нашей эры летоисчисление велось в Египте, как правило, по годам правления фараонов. В качестве точки отсчета в данном случае выбирались или момент восшествия фараона на трон, или начало календарного нового года, в течение которого это восшествие происходило. При смене верховного властителя отсчет лет начинался заново.

В результате составлявшиеся в Древнем Египте летописи, списки фараонов и другие документы, называемые египтологами хронологическими, фиксировали в действительности не хронологию как таковую, но всего лишь *продолжительность* правлений верховных властителей или количество лет пребывания у власти всей правящей династии.

Именно продолжительность царствования фараонов и их династий составляла главное содержание сочинения под названием «Египтиака (Αἰγυπτιακά)», созданного в начале III века до н.э. египетским жрецом Манефоном[3] Севеннитским[4]. Названное про-

---

[1] О способах летоисчисления в Египте в эпоху правления с VII по XI династии никаких документальных свидетельств не сохранилось.

[2] В смысле изготовления.

[3] «Манефон» — греческий вариант имени египетского жреца-историка. Немецкий египтолог Кристиан Карл Йосиас барон фон Бунзен писал по этому поводу: «Его египетским именем было, очевидно, Манетот, т. е. Ма–н–тот, «данный Тотом», что на староегипетском языке произносилось как Тотма» (*Bunsen Ch. C. J.* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. Geschichtliche Untersuchung in fünf Büchern. Erstes Buch. Hamburg, 1845. S. 91). Присутствие в имени автора «Египтиаки» названия древнеегипетского бога Тота является вполне закономерным. Данный Бог считался египтянами покровителем письменности.

[4] В исторической литературе его обыкновенно именуют просто Манефоном. Однако в древности жил еще один историк по имени Манефон. Произведения последнего пока не обнаружены, но в одном из сохранившихся от эпохи античности документов указывается, что местом его жительства была Александрия. Автор же «Египтиаки» происходил из г. Севеннитоса, расположенного

изведение было написано на греческом языке на основе материалов из египетских архивов (главным образом, тех, которые существовали в храмах Мемфиса и Гелиополя) и предназначалось, вероятно, для ознакомления правившего в Египте фараона Птолемея I Сотера (305–283 гг. до н.э.) или Птолемея II Филадельфа (283–246 гг. до н.э.) с историей подвластной ему страны. Впоследствии появился сокращенный вариант «Египтиаки» — так называемая «Эпитома (Επιτομά)», представлявшая собой простой перечень имен египетских верховных властителей.

Оригинальный текст «Египтиаки» Манефона Севеннитского до нас не дошел[1]. Сохранились лишь отдельные фрагменты этого сочинения, приведенные в произведении Иосифа Флавия (*Josephus Flavius*, 38 – после 100 г.) «Против Апиона» (I. 14), в «Канонической хронике (CHRONICORUM CANONUM)» Евсевия Памфила, именуемого также Евсевием Кесарийским (ок. 260–340 гг.)[2], в «Хронографической эклоге (ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ)» Георгия Синкелла (*Georgios Synkellos*, вторая половина VIII в. – после 810 г.)[3], в сочинении Абурейхана Бируни (973–1048) «Аль-Асар аль-Бакия (Памятники минувших поколений)».

в Нижнем Египте. Поэтому он — в отличие от Манефона Александрийского — Манефон Севеннитский.

[1] В 1914 году немецкий папиролог Ф. Билабель обнаружил папирус V века н.э. с начертанным на нем коротким (в одиннадцать строк) списком правивших в Египте фараонов XXVII (персидской) династии. Ознакомившись с находкой, он пришел к выводу о том, что перед ним отрывок из Манефоновой «Египтиаки». Указанная находка оказалась единственной. Других фрагментов подлинного текста произведения Манефона обнаружить до сих пор не удалось.

[2] Самым полным из дошедших до нас вариантов «Хроники» Евсевия Памфила является армянский — перевод этого произведения на армянский язык, выполненный приблизительно в VI в. Он был обнаружен в начале XIX века в Константинополе и издан в Милане. В 1818 г. в Венеции вышло в свет новое его издание, сопровождаемое переводом на латинский язык, предисловием и примечаниями армянского монаха Ошера. См.: Eusebii Phamphili Chronicon bipartitum, nunc primum ex Armenico textu in Latinum conversum, adnotationibus auctum, Græcis fragmentis exornatum, opera P. Joannis Baptiste Aucher, Ancyrani, Monachi Armeni. Venetiis, 1818.

[3] Фрагменты Манефоновой «Египтиаки», приводимые Георгием Синкеллом, были заимствованы им из пятитомного труда Юлия Африканского (*Sextus Julius Africanus*, 180–250 гг.) «Хронография (Χρονογραφίαι)», который не сохранился в своем первоначальном виде, а также из «Церковной хроники» Евсевия Памфила.

Георгий Синкелл изложил фрагменты «Египтиаки» и по Юлию Африканскому, и по Евсевию Памфилу. Сделал он это, по всей видимости, потому, что обнаружил довольно большие расхождения между ними. Так, четвертая династия состояла, по варианту Юлия Африканского — из восьми властителей, которые правили в общей сложности 274 года[1], а по версии Евсевия Памфила — из семнадцати властителей, правивших в целом 448 лет[2]. Тринадцатая династия представлялась «Египтиакой» состоявшей из 60 властителей. Однако если в варианте, изложенном Юлием Африканским, общее для них время правления определялось 184 годами[3], то у Евсевия Памфила — 453 годами[4]. Двадцать вторая династия состояла, согласно Юлию Африканскому, из девяти властителей, правивших все вместе 120 лет[5], а по Евсевию Памфилу — лишь из трех, правивших в целом 49 лет[6]. В двадцать третьей династии «Египтиака» насчитывала, по версии Юлия Африканского, четыре фараона, пребывавших на троне 89 лет[7], а по Евсевию Памфилу — три фараона с общим временем правления в 31 год[8]. Различия между рассматриваемыми вариантами текста Манефоновой «Египтиаки» распространялись в ряде случаев также на имена отдельных фараонов и на количество лет, проведенных ими на троне. Таким образом, содержание дошедших до нас фрагментов «Египтиаки» было в ряде случаев искажено и не может считаться

Древнегреческий и латинский тексты этих фрагментов см. в издании: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ // Corpus scriptorium Historiae Byzantinae Georgius Syncellus et Nicephorus. Volumen I. Bonnae, MDCCCXXIX (1829). P. 99–118, 127–146. Древнегреческий и английский их тексты опубликованы в книге: The Ancient Fragments; containing what remain of the writings of Sanchoniato, Berossus, Abydenus, Megasthenes, and Manetho. Also the Hermetic Creed, the Old Chronicle, the Laterculus of Eratosthenes, the Tyrian Annals, the Oracles of Zoroaster, and the Periplus of Hanno. By I. P. Cory. London, 1828. P. 49–79.

[1] См.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 105.

[2] Ibid. P. 107.

[3] Ibid. P. 113.

[4] Ibid. P. 114.

[5] Ibid. P. 138.

[6] Ibid. P. 140.

[7] Ibid. P. 138.

[8] Ibid. P. 140.

истинным без проверки другими подобными памятниками. Тем не менее и в таком виде сохранившийся текст «Египтиаки» Манефона Севеннитского представляет собой весьма ценный источник знаний по истории Древнего Египта[1].

Английский египтолог Уильям Мэтью Флиндерс Петри (*Willam Matthew Flinders Petrie*, 1853–1942) писал о «Египтиаке» Манефона: «Это произведение являлось в его оригинальной форме в высшей степени авторитетным. Составленное при деятельном покровителе учености — Птолемее Филадельфосе — и вполне возможно для большой библиотеки, которую он создавал, и написанное египетским жрецом, который знал, как использовать все дошедшие до его дней документы, оно имеет сильнейшие внешние притязания на доверие. Мы знаем даже из фрагментов, доставшихся нашему времени, какими основательными и систематическими были египетские записи: хроника всех лет и правлений первых пяти династий не имеет себе равных ни в какой стране, и фрагмент ее в Палермо показывает, в какую раннюю эпоху существовала систематическая запись; в то время как позднейший Туринский папирус XVIII династии, или до нее, давая протяженность правления каждого короля с суммированиями в интервалах, показывает, что та же самая склонность к точному исчислению сохранялась и в позднейшие времена. Именно тогда были созданы копии тех работ, на которые мог ссылаться Манефон при составлении своей истории для греческого мира»[2].

В некоторых случаях время правления того или иного фараона Манефон обозначал указанием возраста, в котором тот вступил на трон и в котором умер. «Шестилетним он начал царствова-

---

[1] См. подробнее о «Египтиаке» и Манефоне Севеннитском в книгах: *Струве В. В.* Манефон и его время. СПб., 2003; *Sargans A. H.* Manethós, die Origines unserer Geschichte und Chronologie. Gotha, 1865. Есть основания предполагать, что кроме «Египтиаки» Манефон Севеннитский написал также «Священную Книгу», «Эпитому физических учений» и ряд других произведений. Но авторство Манефона является в данном случае небесспорным. Диоген Лаэртский упоминает в первой книге своих жизнеописаний философов о сочинении Манефона под названием «Краткая естественная история». См.: *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Второе, исправленное, издание. М., 1986. С. 57.

[2] *Flinders Petrie W. M.* Researches in Sinai. London, 1906. P. 171.

ние, которое продолжалось до ста лет»[1], — писал Манефон о фараоне Пиопи II[2]. Но чаще всего египетский жрец просто называл количество лет правления различных фараонов или их династий. В варианте, восстановленном В. В. Струве[3], манефоновский «хронологический» список верховных властителей Египта выглядит следующим образом:

I династия правила в общей сложности 253 года,
II династия — 302 года,
III династия — 214 лет,
IV династия — 277 лет,
V династия — 218 лет,
VI династия — 195 лет,
VII династия — 70 дней,
VIII династия — 146 лет,
IX династия — 409 лет,
X династия — 185 лет,
XI династия — 42 года.

Начиная с XII династии Манефон указывал продолжительность времени правления каждого отдельного фараона. Так, Аменемхет I правил, согласно его данным, 20 лет, Сенусерт I — 46 лет, Аменемхет II — 38 лет и т. д.[4]

§ 2. Хронология основных событий египетского прошлого в «Истории» Геродота Галикарнасского

Одним из первых попытку определения протяженности египетской истории во времени предпринял древнегреческий исто-

---

[1] Цит. по: *Струве В. В.* Манефон и его время. С. 332.

[2] Эта вызывающая сомнение продолжительность правления — 94 года — подтверждается данными Туринского папируса, в котором время пребывания Пиопи II на троне обозначается как «90 + x».

[3] В. В. Струве сопоставил между собой дошедшие до нас фрагменты «Египтиаки» Манефона, приводимые в произведениях Юлия Африканского, Евсеевия Кесарийского, Георгия Синцелла, и исправил очевидные ошибки и простые описки, которые были сделаны авторами или переписчиками этих произведений.

[4] См.: *Струве В. В.* Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства // *Струве В. В.* Манефон и его время. СПб., 2003. С. 401–408.

рик V века до н.э. Геродот Галикарнасский. Опираясь на сведения о прошлом Египта, полученные от египетских жрецов, он установил, что со времени правления первого египетского верховного властителя и до эпохи войн египтян с ассирийцами (70–50-е годы VII века до н.э. в датировке современных историков) прошло 11 340 лет. Каким же образом получил Геродот указанную цифру? Оказывается, жрецы сказали ему, что за это время сменилось 341 поколение людей и столько же верховных жрецов и царей. «Но 300 поколений, — делал дальнейший вывод историк, — составляет 10 000 лет, считая по три поколения в столетие. Да сверх 300 еще 41 поколение дает 1340 лет» (*Геродот.* II, 142)[1].

Названное жрецами число поколений людей, живших в Египте со времен первого верховного властителя, Геродот принял за вполне достоверный факт и соответственно за отправную точку в расчете продолжительности древнеегипетской истории. Между тем уже само это число давало повод для сомнений в правдивости жрецов. Но еще более серьезные основания для таких сомнений должны были появиться у Геродота после того, как он узнал способ, которым жрецы определили количество людских поколений, сменившихся в Египте со времен правления Менеса[2]. «Они привели меня в огромное святилище [Зевса], — вспоминал Геродот в своей «Истории», — и показали ряд колоссальных деревянных статуй. Их было действительно столько, сколько я перечислил выше[3]. Каждый верховный жрец ставил там в храме еще при жизни себе статую. Так вот, жрецы перечисляли и показывали мне все статуи друг за другом: всегда сын жреца следовал за отцом» (*Геродот.* II, 142)[4]. Трудно себе представить, что на протяжении более десяти тысяч лет (!) храм ни разу не подвергался разрушениям во время войн или

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М., 1993. С. 124.

[2] В русском переводе «Истории» Геродота правитель Менес назван Миной.

[3] То есть 341. Однако в продолжение своего рассказа Геродот сообщил, что Гекатею Милетскому египетские жрецы показали «одну за другой 345 колоссальных статуй» (*Геродот.* История в девяти книгах. С. 125). Между тем Гекатей Милетский посещал Египет, по меньшей мере, на полвека раньше Геродота Галикарнасского.

[4] Там же. С. 125.

буйства природных стихий, *деревянные* статуи сохранялись, а верховный жрец всегда имел сына, которому мог передать свою должность. Тем не менее Геродот поверил рассказам египетских жрецов, из которых вытекало, что история Египта до его приезда в эту страну насчитывала почти одиннадцать с половиной тысячелетий. Впрочем, в столь глубокую древность египтян верил позднее и древнегреческий философ Платон, если судить по тем заявлениям, которые приводились им в диалогах «Тимей» и «Критий».

В «Истории» Геродота встречается немало весьма странных для современных историков хронологических конструкций. Так, фараона Хеопса, которого современные египтологи уверенно относят к четвертой династии верховных властителей Древнего Египта, он назвал преемником Рампсинита (то есть Рамсеса II)[1] — фараона девятнадцатой династии. Ссылаясь на слова египтян, Геродот утверждал, что знаменитый своей гигантской пирамидой фараон царствовал пятьдесят лет[2] — по современной хронологии правление Хеопса не превышало четверти века.

Очевидно, что Геродот Галикарнасский не стремился представить в кратком описании египетской истории ее более или менее точную хронологию — ряд многочисленных цифр, обозначавших в его «Истории» продолжительность правления того или иного фараона, выступал скорее в качестве нити, на которую он нанизывал, словно бусинки, свои рассказы. «Откройте Геродота — вас развлекает приятный рассказчик историй, который ставил своей целью развлекать, и ничего более»[3], — восклицал в одном из своих писем об изучении и пользе истории Генри Сент-Джон лорд Болингброк. В другом же письме лорд отмечал, что Геродот «не располагал ни подлинными историческими документами, ни какими-либо достоверными историческими хрониками, которыми можно было бы руководствоваться»[4]. К сожалению, для такой оценки как «Истории» Геродота в целом, так и его описания Египта есть все основания.

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. С. 119.

[2] Там же. С. 120.

[3] *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 59.

[4] Там же. С. 31.

Впрочем, и основанные на древнеегипетских летописях тексты древних авторов — в том виде, в каком они дошли до нас, — не могут служить опорой в разработке хронологии истории Древнего Египта, поскольку сами нуждаются в реконструкции и разгадке. «Хронология Египта, которую сохранили для нас разрозненные фрагменты в древностях, — писал в 1825 году французский историк Антуан Летронн, — представляет собой запутанный хаос, который, быть может, никогда не будет распутан в удовлетворительной манере. Списки монархов, приводимые Геродотом и Диодором, совершенно неполны и отличаются один от другого во многих важных пунктах, касающихся как имен, так и продолжительности правлений; и списки Манефона, которые сохранены для нас Евсевием, Иосифом и Юлием Африканским, хотя и можно их считать подлинными и, вероятно, точными по большей части, но невозможно согласовать между собой, а также привести в соответствие с Геродотом и Диодором»[1].

§ 3. Хронология истории Древнего Египта в трудах раннехристианских теологов

Построенная на вере в священные легенды Геродотова хронология египетской истории вполне соответствовала своим характером духу созданной христианскими теологами раннего Средневековья библейской хронологии древней истории человечества. Однако она противоречила последней своим содержанием. История Египта оказывалась в хронологии Геродота намного продолжительнее всей человеческой истории, представленной в Ветхом Завете. Египтяне представали по хронологии древнегреческого историка людьми, жившими задолго до появления первого библейского человека — Адама. Христианские теологи не могли мириться с таким противоречием. Поэтому с распространением христианства и соответственно утверждением в историческом сознании европейского общества ветхозаветных представлений о древности человечества Геродотова хронология древнеегипетской истории, а также все другие подобные ей хронологии были объ-

[1] *Letronne A.* Éclaircissements histories faisant suite aux Œuvres de Rollin. Paris, 1825. P. 70.

явлены ложными. Так, христианский идеолог II века Феофил Антиохийский (*Theophilus Antiochensis*)[1] писал в двадцать шестой главе третьей книги своего произведения «Апология к Автоликусу»[2]: «Отсюда можно видеть, как древнее и истиннее наши священные писания писаний греческих и египетских и всяких других историков. Геродот, Фукидид, Ксенофонт и другие историки начинали писать с царствования Кира и Дария, и не имели возможности сказать более достоверное о древних и первоначальных временах… Я не намерен говорить подробно обо всем, но — показать число лет от сотворения мира и обличить суетный труд и пустословие писателей, потому что не двадцать тысяч мириад[3] лет, как сказал Платон, от потопа до его времен, и не пятнадцать мириад три тысячи семьдесят пять лет, как свидетельствовал Аполлоний египтянин, и что не безначален мир и не существует все по случаю, как пустословили Пифагор и прочие, но он произошел и

---

[1] Время рождения Феофила Антиохийского неизвестно, конец его жизни приходится приблизительно на 183–185 гг. Евсевий Кесарийский писал в 20-й главе четвертой книги своей «Церковной хроники», что в Антиохийской церкви он был «шестым после апостолов» «по лестнице преемства». Это означает, что Феофил являлся шестым по счету епископом. И занял он эту должность, по свидетельству Евсевия, в восьмой год правления Марка Аврелия, то есть в 169 г.

[2] Данное произведение было написано Феофилом в начале 80-х гг. II в., но до нас оно дошло по рукописи XI в., в которой его наименовали двумя названиями: первоначальным как «Феофил к Автоликусу» и добавленным позднее и другой рукой — «Три слова к эллину Автоликусу о вере христиан». В переводе на латинский язык оно было названо «Апологией к Автоликусу (Apologia ad Autolycum)». Евсевий Кесарийский писал в 24-й главе четвертой книги «Церковной хроники» о литературной деятельности Феофила Антиохийского: «У Феофила, упомянутого нами епископа Александрийской Церкви, есть три книги к Аутоликусу, излагающие начала веры; книга, озаглавленная «Против ереси Гермогена»; в ней он пользуется свидетельствами из Откровения Иоанна; есть и другие учительные книги. А так как еретики, словно плевелы, засорили чистое поле апостольского учения, то повсюду пастыри церковные отгоняли их, как хищных зверей, от овец Христовых, то наставляя и убеждая самих братьев, то вступая в открытую борьбу с противником: уничтожали их устными рассуждениями, неопровержимо изобличали их учение доводами из письменных источников. Что и Феофил выступил вместе с другими в этой борьбе, ясно из его превосходной книги против Маркиона; она вместе с другими, нами упомянутыми, сохранилась доныне». Однако до нашего времени все эти книги Феофила не дошли.

[3] Мириада — синоним словосочетания «десять тысяч».

управляется Промыслом все сотворившего Бога, — и все времена и годы ясны для тех, которые желают убедиться в истине»[1].

Феофил желал убедить образованного и озабоченного поисками истины грека Автоликуса в том, что именно христианство является божественным и истинным учением. Наиболее веским аргументом в пользу божественности и истинности любого учения считалась в то время его древность[2]. Однако говорить о древности одного учения по сравнению с другим можно было лишь при условии, если их происхождение рассматривалось в рамках одной и той же шкалы времени. Стремление раннехристианских теологов доказать, что христианство древнее греческих языческих учений побуждало их, таким образом, к созданию единой для истории всех народов — для всей мировой истории — хронологии. Не случайно Феофил Антиохийский заявлял, обращаясь к Автоликусу[3]: «Хочу теперь с помощью Божией подробнее изложить тебе хронологию, чтобы ты узнал, что не ново и не баснословно наше учение, но древнее и достовернее всех ваших поэтов и писателей, писавших о неизвестном»[4]. Вывод, который Феофил делал в предпоследней — двадцать девятой — главе своего произведения,

---

[1] Цит. по: *Феофил Антиохийский*. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов / Перевод на русский язык протоиерея Петра Преображенского. СПб., 1895.

[2] Современник Феофила Антиохийского христианский теолог Татиан Ассирианин прямо утверждал в сороковой главе своей «Речи против эллинов», что главным доказательством большей истинности Моисеева учения по сравнению с учением греческих философов является то, что Моисей жил ранее их: «поелику же он древнее по времени, то ему должно верить более, нежели эллинам, которые, не признавая того, заимствовали у него учения».

[3] В 16-й главе третьей книги.

[4] Приведенные слова, свидетельствующие о его большом интересе к хронологии, Феофил Антиохийский написал приблизительно в 181–182 гг. Тогда же или немногим ранее было написано сочинение Татиана Ассирианина «Речь против эллинов», в котором также выражался интерес автора к хронологии всемирной истории. Хронологией живо интересовался и младший современник Феофила Климент Александрийский (умер не позднее 215 г.). Между тем в современной исторической литературе высказывается почему-то мнение о том, что интересоваться хронологией христианские и языческие историки начали только к IV в. Об этом пишет, в частности, французский историк Бернар Гене (*Bernard Guenée*). По его словам, «к IV веку историки, как христианские, так и языческие, в то время как их предшественники беспокоились в основном о риторике, начали упор-

гласил: «Итак, из рассмотрения времен и всего нами сказанного, можно видеть древность пророческих писаний и божественность нашего учения, — что не ново это учение, и не баснословны и не ложны наши верования, как думают некоторые, но самые древние и истинные».

Создание единой для всей мировой истории хронологии способствовало утверждению взгляда на нее как на прямолинейный и необратимый по своему характеру процесс эволюции человечества. Именно такое понимание человеческой истории проводил древнееврейский Ветхий Завет. На его содержание раннехристианские теологи и стали опираться при разработке своей хронологии всемирной истории.

Их труд весьма облегчало наличие в Ветхом Завете многочисленных указаний на время жизни упоминавшихся здесь людей. Правда, цифры, которые при этом назывались, были настолько большими, что казались сомнительными. В Ветхом Завете утверждалось, например, что всех дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет. Его потомок в девятом поколении по имени Ной жил якобы девятьсот пятьдесят лет. Родоначальник древних евреев Авраам прожил сто семьдесят пять лет. Но все сомнения в достоверности этих цифр старались отвести различными аргументами наподобие тех, которые высказал в сочинении «Иудейские древности» историк I века н.э. Иосиф Флавий. «Пусть однако, — писал он, — никто не считает, при сопоставлении данных древних писателей о продолжительности их жизни с краткостью теперешней нашей, этих сообщений лживыми, объясняя это тем, что никто из наших современников не достигает такого возраста и что поэтому никто из древних не мог прожить такое количество лет. Весьма естественным является такое количество лет жизни у людей, которые пользовались особенным расположением Господа Бога, были сотворены Им самим и употребляли в продолжение долгого времени более подходящую пищу. Кроме того, Господь Бог даровал им более продолжительную жизнь за их благочестие и для того, чтобы они могли вполне проверить и применить свои изобретения в области астрономии и геометрии; ведь если бы эти люди не прожили (по крайней мере) шестисот лет, то они не были

но интересоваться хронологией» (*Бернар Гене*. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 177).

бы в состоянии делать предсказания, потому что именно столько лет обнимает так наз. “великий год”»[1]. В подтверждение своих слов историк древнееврейского народа ссылался на сочинения египетского историка Манефона, вавилонского историка Беросса[2], финикийского историка Мохоса, греческого историка Гекатея и других писателей, сообщавших, что «древние люди жили по тысяче лет»[3].

Для построения хронологии всемирной истории было необходимо установить исходную точку отсчета лет. Ветхий Завет давал такую точку. Отсчет лет начинался в нем с момента сотворения мира. Раннехристианским теологам, стремившимся создать на основе ветхозаветного летоисчисления хронологию всемирной истории, оставалось только определить, на какой год до одного из современных им событий приходился момент сотворения мира. Необходимые для решения этой задачи цифровые данные также имелись в Ветхом Завете.

В первой книге Моисея, которой открывалось ветхозаветное писание, приводилось количество лет, прожитых патриархами человечества от начала своей жизни до рождения первого сына и от этого события до своей смерти. Кроме того, называлось число лет всей жизни каждого из них. Для определения даты сотворе-

---

[1] *Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Перевод с греческого Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Том 1. С. 16–17.

[2] Беросс был халдейским жрецом и жил в одно время с Манефоном Севеннитским. Приблизительно в 268 г. до н.э. им была написана на основе архивов Белусского храма в Вавилоне история Вавилонского государства, в которой говорилось и о сотворении мира, и о первых людях. До наших дней дошли только фрагменты этого обширного труда, включенные в сочинения Аполлодора, Иосифа Флавия, Юлия Африканского, Евсевия Кесарийского.

[3] Согласно Ветхому Завету «древние люди» не просто жили по несколько сот лет (некоторые почти по тысяче), но и умудрялись производить детей в возрасте, который намного больше, чем старость. Например, Адам произвел сына Сифа в возрасте 130 лет — по Массотерическому тексту Ветхого Завета (в настоящее время общепринятому) и 230 лет — по Септуагинте, Мафусаил — сына Ламеха в возрасте 187 лет. Сыну Ноя Симу было сто лет, когда у него родился сын Арфаксад, и случилось это через два года после потопа. Ною на момент потопа исполнилось шестьсот лет, следовательно, сына Сима этот потопный герой умудрился произвести, пребывая в возрасте 502 (!) лет. Интересно, как объяснил бы Иосиф Флавий такое длительное сохранение ветхозаветными мужами способности к деторождению.

ния мира особенно большое значение имели цифры, обозначавшие сроки, которые патриархи прожили от начала жизни до рождения первого сына. Посредством элементарного сложения этих цифр можно было определить количество лет, прошедшее от сотворения мира до потопа, до рождения Авраама, до правления какого-либо римского императора.

Феофил Антиохийский сосчитал время, которое прошло от сотворения мира до смерти императора Марка Элия Аврелия Вера, более известного как просто Марк Аврелий. О своих вычислениях и полученной в их результате цифре он писал в двадцать восьмой главе третьей книги «Апологии к Автоликусу»: «От сотворения же мира все время слагается так: от сотворения мира до потопа прошло 2242 года, от потопа до рождения сына у Авраама, праотца нашего, 1036 лет, от Исаака, сына Авраама, до странствования народа с Моисеем в пустыне — 660 лет. От смерти Моисея, от принятия начальства Иисусом Навином, до смерти Давида патриарха — 498 лет. От смерти Давида и царствования Соломона до переселения народа в землю вавилонскую — 518 лет, 6 месяцев и 10 дней. От царствования Аира до смерти императора Аврелия Вера 741 год. Всех же в совокупности лет от сотворения мира 5695, с несколькими месяцами и днями»[1].

С точки зрения современного европейского летоисчисления Марк Аврелий умер в 180 году н.э. Отсюда следует, что дата сотворения мира, определенная Феофилом Антиохийским, падает на 5515 год до н.э.

История Египта в рамках такого летоисчисления оказывалась намного короче той, какой она представала в сочинениях Геродота и Манефона. Христианская теология связывала образование Египетского государства с именем Мицраима, который являлся сыном Хама и внуком Ноя. Родился же Мицраим, как сказано в Ветхом Завете, после потопа. А потоп случился, как вычислил Феофил Антиохийский, в 2242 году от сотворения мира. И прежде чем стать основателем Египетского государства, Мицраим должен был достичь взрослого возраста. Все это значит, что возникновение Египетского государства было фактически отнесено Феофи-

---

[1] Цит. по: *Феофил Антиохийский*. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов / Перевод на русский язык протоиерея Петра Преображенского. СПб., 1895.

лом на время, соответствующее примерно **тридцать первому — тридцать второму столетию до нашей эры**.

Любопытно, что *именно эти столетия являются общепринятой датой образования Египетского государства в современной египтологии*. В конце XIX – начале XX веков авторитетные европейские египтологи относили данное событие на значительно более раннее время, датируя его и тридцать пятым — тридцать четвертым, и сорок восьмым, и пятидесятым, и даже пятьдесят шестым столетиями до нашей эры. Мало кто из них называл более поздние даты. Немецкий историк Э. Мейер указывал на тридцать второй год, но такую датировку мало кто из египтологов принимал. Столетие интенсивных исследований в области хронологии истории Древнего Египта привело к утверждению среди подавляющего большинства египтологов мнения о том, что время, падающее на тридцать второе или тридцать первое столетие до нашей эры, является наиболее вероятной датой возникновения Египетского государства. Интересно, как был получен такой результат. Не по Ветхому Завету ли вычисляли египтологи указанную дату?

Способ летоисчисления, примененный Феофилом Антиохийским, использовали при составлении хронологии всемирной истории многие раннехристианские теологи. По ветхозаветной схеме считал лета живший во второй половине II – в начале III века Климент Александрийский. По его вычислениям выходило, что от рождения Адама до потопа прошло 2148 лет и 4 дня[1] — на 98 лет меньше, чем у Феофила Антиохийского. Интерес Климента Александрийского к хронологии истории человечества возник из желания доказать, что «учреждения и законы евреев гораздо древнее любомудрия эллинов»[2], то есть по той же самой причине, что и у Феофила.

Летоисчисление от рождения Адама применял и христианский теолог второй половины III и первой половины IV века Ев-

---

[1] См.: *Климент Александрийский.* Строматы. Книга первая // Отцы и учители Церкви III века. Антология / Составление, биографические и библиографические статьи иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1996. Т. 1. С. 99.

[2] Там же. С. 83.

севий Кесарийский (Памфил)[1]. «От Адама до второго года Дария[2] прошло 4680 лет, — отмечал он в своей «Хронике». — И от второго года Дария до 15 года Тиберия — 548 лет. Таким образом, в общем счете от Адама до 15 года Тиберия прошло 5228 лет»[3]. Тиберий вступил на престол после смерти Октавиана Августа в 14 году н.э. Отсюда нетрудно сосчитать, что указанная Евсевием дата рождения Адама, венчающего по ветхозаветной легенде процесс сотворения мира, приходится на 5200 год до н.э., то есть, в представлении Евсевия, мир был сотворен на 315 лет позднее даты, исчисленной для этого грандиозного события Феофилом Антиохийским.

Хронологии, составленные Климентом Александрийским и Евсевием Кесарийским, показывают, что во II и III веках летоисчисление, основанное на сведениях из Ветхого Завета, не стало доминирующим среди христианских теологов. Климент Александрийский вел отсчет лет в своей хронологии истории различных народов не только от ветхозаветного Адама, но и по греческим олимпиадам[4], и по правлениям верховных властителей[5]. По олимпиадам считал годы и Евсевий Кесарийский[6].

Последний не мог не понимать, что начало истории таких стран, как Египет и Вавилон, совершенно не укладывается в рамки ветхозаветной хронологии. Он имел в своем распоряжении тексты хроник Манефона и Беросса, из которых следовало, что

---

[1] Рождение Евсевия Кесарийского (Памфила) датируется 60-ми годами III в., а смерть 339-м годом.

[2] Выбор Евсевием в качестве одной из основных вех летоисчисления второго года царствования Дария объясняется, по-видимому, тем, что на этот год приходится освобождение евреев из плена.

[3] Eusebi Chronicorum Libri duo. Vol. 1. Eusebi Chronicorum Libri prior. Armenian Versionem Latine Factam ad Libros Manuscriptos / Edidit Alfred Schoene. Berolini, MDCCCLXXV (1875). Vol. 1. Col. 131–132. В данном издании нумерация текста дана не по страницам, а по столбцам (columns). Причем на двух языках: слева на латыни, справа — на греческом.

[4] См., например: *Климент Александрийский.* Строматы. Книга первая. С. 94–98.

[5] Там же.

[6] См., например: Eusebi Chronicorum Libri duo. Vol. 1. Eusebi Chronicorum Libri prior. Col. 159–160.

Египетское и Вавилонское государства появились намного раньше любой из дат, назначенной раннехристианскими теологами для обозначения времени сотворения мира. Скорее всего, именно поэтому Евсевий Кесарийский изложил сведения, почерпнутые им в сочинениях Манефона и Беросса, в отдельной книге своей «Хроники». При этом он не предпринял ни малейшей попытки придать им хронологический порядок, увязать периоды правлений египетских и вавилонских верховных властителей со временами жизни правителей других стран. Вторую же книгу «Хроники» Евсевий Кесарийский начал с тех событий, которые произошли от рождения Авраама и были описаны в Ветхом Завете. В своем описании этих событий он расположил их в определенном хронологическом порядке, увязывая времена правлений верховных властителей шести–семи различных стран между собой. Данный хронологический ряд приводил в конце концов к Римской империи, в рамках которой эти страны были объединены, создав, таким образом, единое пространство для распространения учения Христа.

Момент основания Рима избрал в качестве опоры при обозначении времени тех или иных событий в истории не только римской, но и египетской в своем сочинении «История против язычников» христианский историк первой половины V века Павел Орозий (*Orosius Paulus*)[1]. Так, рассказывая о кризисных временах древнеегипетской истории, он писал в десятой главе первой книги указанного сочинения: «За 805 же лет до основания Города (Anno autem ante Urben conditam DCCCV) обрушились на египтян невыразимые несчастья и ужасные страдания»[2].

Одним из главных препятствий для широкого распространения в первые века нашей эры летоисчисления от сотворения мира была невозможность установить на основании Ветхого Завета более или менее точную дату этого события. Это признавал и Феофил Антиохийский, писавший в двадцать девятой главе тре-

---

[1] Точные даты жизни Павла Орозия неизвестны. Некоторые исследователи предполагают, что он родился в 380 г. См. об известных фактах биографии Павла Орозия статью: *Тюленев В. М.* Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. Книги I–III. СПб.: Алетейя, 2001. С. 5–20.

[2] Павел Орозий. История против язычников. Книги I–III. С. 182.

тьей книги своей «Апологии к Автоликусу»: «Думаю, что, сколько возможно, обстоятельно показаны мною древность наших событий и число всех лет. И если есть у меня ошибка, например, лет 50 или 100, если даже 200, однако, не на тысячи или десятки тысяч лет, как это случилось с ложными счислениями Платона, Аполлония и других. Что же мы, быть может, не знаем точно числа всех лет, — *это потому, что в священных книгах не написаны промежуточные месяцы и дни*»[1] (курсив мой. — *В. Т.*). Действительно, в Ветхом Завете указывались при обозначении продолжительности какого-либо события или жизни того или иного человека только полные годы даже в тех случаях, если годы не истекали полностью. С другой стороны, вызывало сомнения и то, что череда поколений, приводившаяся в первой книге Пятикнижия Моисея, мыслилась в качестве непрерывной, что понятия «отец» и «сын» имели в ветхозаветном тексте тот же смысл, который обыкновенно им придается. В Евангелии от Матфея Иисус Христос назван сыном Давида и сыном Авраама[2], между тем из последующего описания всей родословной Иисуса Христа видно, что царь Давид является его предком только в двадцать восьмом поколении, а родоначальник евреев (и соответственно Иисуса Христа) Авраам отстоит от него в глубь веков на все сорок два поколения. Поэтому, если в книге «Бытие» Сим, Хам, Иафет называются сынами Ноевыми, то это совсем не значит, что Ной был их отцом в смысле человека, от которого Сим, Хам, Иафет *непосредственно* произошли. Он вполне мог быть их дедом, прадедом и даже прапрадедом.

Вследствие всего этого даже при правильном сложении лет жизни людей, каждый из которых представлял отдельное поколение, точной цифры продолжительности истории человечества по Пятикнижию Моисея получиться не могло. Римский интеллектуал первой половины III века Цензорин (*Censorinus*) считал, что момент сотворения мира мог бы стать общепринятой исходной точкой для отсчета лет, если бы дата его была определенной. «Если

---

[1] Цит. по: *Феофил Антиохийский*. Три книги к Автолику // Сочинения древних христианских апологетов / Перевод на русский язык протоиерея Петра Преображенского. СПб., 1895.

[2] См. первые строки Евангелия от Матфея (I. 1): «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Аврамова».

бы людям было известно начало мира, мы бы начали оттуда», — замечал он в самом начале двадцать первой главы своей «Книги о дне рождения (De die natali liber)». Далее Цензорин сообщал, что в современном ему Египте летоисчисление ведут, отправляясь от первого года правления Набонассара[1] или кончины Александра Великого.

Летоисчисление от сотворения мира не могло стать общепризнанным среди историков II–III веков еще и по той причине, что Ветхий Завет, из которого оно выводилось, существовал в то время в различных противоречивших друг другу вариантах, из которых вытекали сильно отличавшиеся одна от другой даты сотворения мира. На это обстоятельство обращал особое внимание Евсевий Кесарийский. Подсчитав в своей «Хронике», что от ветхозаветного Адама до римского императора Тиберия прошло 5228 лет, он писал далее: «От 15 года Тиберия до 20-й годовщины Константина Виктора Августа прошло 300 лет. Итак, общее число составляет, согласно ветхозаветному писанию в версии Септуагинты 5518 лет. Согласно еврейскому ветхозаветному тексту оно на 1237 лет меньше, и согласно самаритянскому ветхозаветному тексту оно на 935 лет меньше. Таков способ подсчета количества лет согласно Ветхому Завету»[2].

Из трех названных Евсевием вариантов Ветхого Завета самым авторитетным среди христианских теологов и историков признавалась «Септуагинта» («Семьдесят толковников»). Это был ветхозаветный текст, переведенный в течение III–I веков до н.э. на греческий язык для обосновавшихся в Египте (преимущественно в городе Александрия) и забывших родной язык евреев[3]. Оконча-

---

[1] Вавилонский царь восьмой династии Набонассар или Набу-насир правил в 747–734 гг. до н.э.

[2] Ibid. P. 131.

[3] По рассказу, приводимому в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, инициатором перевода Ветхого Завета на греческий язык был Димитрий Фалерейский, заведовавший государственными книгохранилищами при египетском фараоне Птолемее II Филадельфе (283–246 гг. до н.э.). Птолемей якобы спросил его однажды, сколько книг у него уже собрано. Димитрий отвечал, что пока только двести тысяч, но вскоре число томов дойдет до пятисот тысяч. При этом он сообщил фараону, что множество интересных и достойных его библиотеки сочинений, излагающих древнееврейский закон, есть у иудеев, однако тексты этих сочинений очень трудно перевести на греческий язык. В проше-

тельный состав его книг сложился не ранее I века нашей эры. По словам исследователя текста «Септуагинты» Г. Б. Свита, «Александрийская библия является, строго говоря, не одной версией, но серией версий, созданных в различные времена и такими переводчиками, чьи идеалы не во всем совпадали»[1].

В первые шесть столетий своей истории «Септуагинта» являлась самой авторитетной священной книгой не только в Египте и Палестине, но и в западной части Азии и в Европе. «Она создала религиозный язык, который был поставлен на службу христианству, и выступила в качестве важнейшего союзника Евангелия. Она обеспечила греко-говорящую Церковь авторитетным переводом Ветхого Завета и, когда христианские миссионеры продвига-

---

нии, поданном Птолемею спустя некоторое время, Димитрий советовал фараону обратиться за помощью в решении этой задачи к иудейскому первосвященнику Элеазару. Птолемей принял такой совет и послал Элеазару в Иерусалим письмо, в котором помимо прочего сообщал: «Желая сделать приятное всем живущим на земле иудеям, я решил приступить к переводу вашего Закона и, переведя его с еврейского языка на греческий, поместить эту книгу в число сочинений моей библиотеки. Поэтому ты поступишь хорошо, если выберешь по шести престарелых мужей из каждого колена, которые вследствие продолжительности занятий своих законами многоопытны в них и смогли бы в точности перевести его. Я полагаю стяжать себе этим делом величайшую славу. Поэтому посылаю тебе для переговоров относительно этого начальника моих телохранителей Андрея и Аристея, которые оба пользуются в моих глазах величайшим почетом. Чрез них я послал и первое свое пожертвование на храм, для жертвоприношений и всего прочего, именно сто талантов серебра. Итак, ты окажешь мне услугу, если спросишь у меня, чего желаешь». Элеазар в ответ на эту просьбу якобы прислал 72-х (или 70) иудеев, знавших греческий язык. Птолемей поселил их на острове Фарос, и, пребывая там и получая в изобилии все необходимое, они перевели за 72 дня весь текст Пятикнижия Моисея. См.: *Иосиф Флавий*. Иудейские древности / Перевод с греческого Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1. С. 660–674. Историки, изучавшие происхождение «Септуагинты», еще в XIX в. пришли к мнению, что данный рассказ, встречающийся в различных вариантах в целом ряде античных произведений, является вымыслом. Этот рассказ основан на так называемом «Письме Аристея Филократу», которое представляется подложным, поскольку его написание можно датировать временем не ранее середины II в. до н.э.

[1] *Swete H. B.* An introduction to the Old Testament in Greek. Revised by R. R. Ottley. With appendix containing the letter of Aristes. Edited by H. St J. Thackeray. Peabody: Hendrickson publishers, 1989. P. 315. Данное издание перепечатано со второго ее издания, выпущенного в свет в Кэмбридже в 1914 г. Первое издание этой книги выходило в свет в 1900 г.

лись за пределы эллинизма, она служила основой для новых переводов на туземные языки»[1].

Содержание сочинения Иосифа Флавия «Иудейские древности» показывает, что он опирался в своем описании истории древних евреев именно на «Септуагинту». Об этом свидетельствуют, в частности, его слова: «А между тем в священных книгах записаны (кроме законов) десятки тысяч разных других фактов в виду того, что там обнимается период *пятитысячелетней* исторической жизни (народа)»[2] (курсив мой. — *В. Т.*). Пять тысяч лет отводил для истории человечества только ветхозаветный текст в версии «Септуагинты».

По «Септуагинте» строили хронологии всемирной истории Феофил Антиохийский и Климент Александрийский[3]. Предпочтение «Септуагинте» отдавали в своих «Хрониках» Юлий Африканский и Евсевий Кесарийский. По словам Джека Финегана, Евсевий думал, что «ошибки и несоответствия очевидны в сохранившемся древнееврейском тексте (Ветхого Завета) и что Септуагинта была переведена с древних и точных копий древнееврейского текста и поэтому ей должно быть отдано предпочтение»[4].

Построенная на основе ветхозаветного летоисчисления хронология всемирной истории возобладала в исторических трудах европейских интеллектуалов только к VII веку. К этому времени в среде христианских теологов западной части Византийской империи большее распространение стал иметь латинский язык и латинская версия Священного Писания, изготовленная в конце IV века монахом Вифлеемского монастыря Евсевием Иеронимом Софрониусом (*Eusebius Hieronymus Sophronius*, 340 или 347–420)[5]. В основу своего перевода Ветхого Завета Иероним положил ев-

---

[1] *Swete H. B.* Op. cit. P. 433. На основе именно «Септуагинты» был создан перевод Ветхого Завета на славянский язык.

[2] *Флавий*. Иудейские древности / Перевод с греческого Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Том 1. С. VI.

[3] На это указывают хотя бы уже даты, определенные ими для момента сотворения мира.

[4] *Finegan J.* Handbook of Biblical Chronology. Princeton: Princeton University Press, 1964. P. 156.

[5] В современной западноевропейской литературе по истории Библии он более известен под именем Св. Джерома (*S. Jerom*).

рейский текст более позднего происхождения по сравнению с тем, который лег в основу «Септуагинты». Перевод Нового Завета он выполнил с его греческого текста. Впоследствии к текстам, переведенным на латинский язык Иеронимом, были добавлены переводы других текстов Священного Писания. Так составилась Вульгата (Vulgata), которая вплоть до эпохи Реформации была самым авторитетным для западноевропейских христиан вариантом Священного Писания.

Кроме того, Иероним переложил на латынь часть «Хроники» Евсевия Кесарийского. Естественно, что он выбрал для перевода вторую книгу, даты событий которой вполне укладывалась в рамки разработанной христианскими теологами ветхозаветной хронологии. Иеронимовский текст второй книги «Хроники» Евсевия Кесарийского будет востребован европейскими интеллектуалами (в первую очередь Иосифом Скалигером) только на рубеже XVI–XVII столетий. Но вплоть до обнаружения в начале XIX века армянского перевода греческого текста «Хроники» Евсевия, осуществленного приблизительно в VI веке, и его перевода на латинский язык[1] текст «Хроники» Евсевия Кесарийского в обработке Иеронима был единственным доступным для изучения европейскими историками.

Выдвижение на роль самого авторитетного среди западноевропейских христиан варианта Ветхого Завета латинского его текста, созданного Евсевием Иеронимом, вызвало к жизни новую, более укороченную хронологию всемирной истории. В еврейском тексте Ветхого Завета момент сотворения мира падал на время, значительно более позднее по сравнению с тем, которое предполагала «Септуагинта», а именно: на 3760 год от сотворения мира[2]. Продолжительность человеческой истории по латинскому варианту Ветхого Завета оказывалась, в силу самого происхождения этого варианта, близкой именно к еврей-

---

[1] Армянский текст «Хроники» Евсевия Кесарийского вышел в свет в переводе на латинский язык в 1818 г. Причем было издано одновременно два варианта этого перевода, выполненных Зохрабом (*Zohrab*) и Ошером (*Aucher*).

[2] В работах по истории еврейского летоисчисления выбор 3760 года в качестве даты сотворения мира объясняется тем, что именно в этом году равноденствие, момент начала полнолуния, начало месяца нисана (первого месяца по еврейскому календарю) падали на среду.

ским представлениям. Данная перемена серьезно отразилась на содержании хронологических концепций египетской истории.

С точки зрения хронологии всемирной истории, вытекавшей из «Септуагинты», евреи не могли считаться самым древним на Земле народом. Эту честь созданная в Египте греческая версия Ветхого Завета отдавала, естественно, египтянам. Но по обрезанной хронологии, предполагавшейся латинским ветхозаветным текстом, самым древним на Земле народом оказывались именно евреи. Момент же появления египетской цивилизации передвигался со времени, предшествовавшего появлению на арене мировой истории еврейского народа, на годы, которые шли после этого последнего события.

Естественно, что новые представления о хронологии всемирной истории утверждались в головах европейских интеллектуалов постепенно. Какое-то время они сочетались со старыми, навеянными «Септуагинтой» взглядами. Об этом свидетельствует, например, созданное в начале VII века архиепископом Севильским — Исидором (*Isidorus Hispalensis,* 560–636) произведение под названием «Хроникон».

Представленная в этом сочинении хронология всемирной истории была составлена явно на основе «Септуагинты» и, возможно, также творений Феофила Антиохийского. Всю историю человечества Исидор Севильский разделил на шесть эпох: первая охватывала период в 2242 года — от сотворения мира до потопа, вторая — 942 года, от потопа до рождения Авраама, третья — 940 лет, от рождения Авраама до воцарения Давида, четвертая — 485 лет, от начала правления Давида до вавилонского пленения евреев, пятая — 545 лет, от начала вавилонского пленения до утверждения в качестве верховного властителя в Риме Октавиана Августа. «Пятая эпоха пришла к концу в 5155 году», — писал Исидор в «Хрониконе», имея в виду в качестве исходной точки летоисчисления момент сотворения мира. С началом правления Октавиана Августа началась, по мнению Исидора, шестая эпоха всемирной истории. По его словам, «Октавиан Август правил пятьдесят шесть лет… Господь Иисус Христос был рожден от Вифлеемской девственницы в Иудее на сорок втором году Октавианова

правления»[1]. Таким образом, Исидор Севильский относил сотворение мира ко времени, которое соответствует в современном европейском летоисчислении 5197 году до н.э.

В рамках составленной Исидором Севильским хронологии всемирной истории содержалась и краткая хронология истории Египта. Так, в пункте 10 «Хроникона» говорилось: «Фалек в возрасте 130 лет родил Рагава. В эти времена были построены первые храмы. И некоторые вожди народов начали поклоняться богам. Рагав в возрасте 132 лет родил Серуха, при котором *возникло государство Скифов*, в котором первым правил Танаус. Серух в возрасте 130 лет родил Нахора. *Государство Египтян возникло в первый раз*, с правившим там впервые Зоесом (Zoes)» (курсив мой. — *В. Т.*). Нахор, по рассматриваемой хронологии Исидора Севильского, родился на 3035 году от сотворения мира. На это же время Исидор относил и образование Египетского государства. 3035 год от сотворения мира соответствует 2162 году до н.э. По его хронологии получалось, что Египетское государство возникло позднее Скифского, причем на целых 130 лет.

В титулах с 28 по 39-й книги пятой «Этимологии» Исидора Севильского приводится сокращенный вариант его «Хроникона». Здесь цитированный выше отрывок выглядит следующим образом: «Фалек в возрасте 130 лет родил Рагава. Впервые стали поклоняться Богам. Год 2773-й. Рагав в возрасте 132 лет родил Серуха. Возникло государство Скифов. Год 2905-й. Серух в возрасте 130 лет родил Нахора. У Египтян появился царь»[2].

В отличие от Евсевия Кесарийского, считавшего годы и по олимпиадам, и по правлениям верховных властителей, и от сотворения мира, Исидор Севильский применял только один способ летоисчисления — от сотворения мира. И это весьма примечательная черта его «Хроникона». Она показывает, что системы

---

[1] S. Isidori Hispanensis episcopi Chronicon // Patrologiae cursus completes, sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt... Series Latina, in qua prodeunt Patres, doctores scriptoresque Ecclesiae Latinae, a Tertulliano ad Innocentium III. Accurante J.-P. Migne. Paris: Lutetiae Parisiorum, 1844. Vol. 83. Col. 1038. Весь текст «Хроникона» занимает в этом издании сорок две колонки — с 1017 по 1058.

[2] *Isidor of Seville*. The Etimologies // An encyclopedist of the dark ages Isidore of Seville. By Ernest Brehaut. New York, 1912. P. 181.

летоисчисления и хронологические схемы, разработанные античными историками, потеряли к началу VII века свое прежнее значение.

В этой связи примечательной является реформа исчисления дат празднования пасхи, осуществленная в 20-е годы VI века архивариусом папы Иоанна I монахом Дионисием Малым (*Dionysius Exiguus*)[1]. В 525 году Иоанн I поручил Дионисию составить новую пасхалию[2], поскольку через шесть лет заканчивалась действовавшая в то время пасхалия, составленная епископом Кириллом Александрийским (376–444) на 95 лет — с 437 по 531 год. Старая пасхалия была создана на основе исчисления лет от начала правления Диоклетиана. Но Дионисий Малый, считавший Диоклетиана «скорее тираном нечестивым и гонителем, чем монархом (tyranni potius, quam principis, impii et persecutoris)», не пожелал вести отсчет лет от момента его вступления на императорский престол. Своевольный скифский монах предложил считать года «от воплощения Господа нашего Иисуса Христа (ab incaratione Domini nostri Jesu Christi)». Более того Дионисий Малый указал конкретную дату этого воплощения — 25 декабря 753 года от основания Рима. В определении этой даты Дионисий опирался на сведения о жизни Иисуса Христа, зафиксированные в Евангелиях, и на сложившиеся к его времени традиции празднования христианской пасхи и исчисления дней таких празднований. Эти традиции Дионисий постарался соблюсти — он отказался лишь от Диоклетиановой эры в исчислении пасхалии, заменив ее на эру Христову.

Дата рождения Иисуса Христа в Евангелиях не была указана (возможно, по той причине, что иудеи не считали дни рождения людей заслуживающими каких-либо празднеств). Евангелие от Матфея сообщало, что «Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода» (гл. 2, стих 1), что «по смерти же Ирода, — се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца» (гл. 2, стихи 19–20). Ирод

---

[1] По свидетельству друга Дионисия Малого Флавия Кассиодора (*Flavius Aurelius Cassiodorus*, 485–580) Дионисий был по происхождению скифом. Более или менее точные даты его рождения и смерти неизвестны, можно только предполагать, что жил он в конце V – первой половине VI века.

[2] Пасхалия — таблица дней празднования христианской пасхи.

умер в 749 году от основания Рима, следовательно, в 753 году, если исходить из приведенных слов Евангелия от Матфея, Иисус Христос должен был пребывать уже в возрасте более четырех лет.

В Евангелии от Луки говорилось, что в то время, когда Иисус Христос родился, Октавиан Август издал распоряжение о проведении переписи по всей Римской империи. «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца…» (гл. 2, стихи 1–7).

Октавиан Август в кратком своем жизнеописании[1], составленном, как он сам в конце его указывает, в возрасте, когда ему шел 76-й год, упомянул о трех переписях, состоявшихся в его правление. Первую он произвел в свое шестое консульство (28 г. до н.э.) вместе с М. Агриппою, вторую — «один, облеченный консульской властью, в консульство К. Цензорина и К. Азиния» (8 г. до н.э.) и третью — в консульство С. Помпея и С. Апулея, «облеченный консульской властью» в сотовариществе со своим сыном Тиберием Цезарем (14 г. н.э.)[2]. Слова Августа о переписях полностью подтверждаются сообщением Гая Светония Транквилла. По его словам, Август «три раза производил народную перепись, хотя и не был цензором: в первый и третий раз — с товарищем, в промежутке — один»[3]. Очевидно, что евангелист Лука мог иметь в виду только перепись, которая состоялась в 8 году до н.э. Существуют также факты, говорящие о том, что приблизительно в это время — 7–6 годы до н.э. — Сирией управлял Публий Сульпиций Квиринрий[4]. Перепись, проведенную в указанные годы, Лука назвал пер-

---

[1] В исторической литературе оно известно под названием «Деяния божественного Августа (Res gestae divi Augusti)». Именно под таким названием его издал историк Теодор Моммзен.

[2] См.: Автобиография Августа (Анкирский памятник) // Римская империя. Сборник статей в переводе А. С. Милюковой. М., 1900. С. 42–43.

[3] *Гай Светоний Транквил*. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 45.

[4] См. об этом: *Машкин Н. А*. Принципат Августа. М., 1949. С. 545.

вой не случайно: приблизительно в 6 году н.э. Квириний, все еще управлявший Сирией, провел еще одну перепись. О ней написал Иосиф Флавий в первой главе восемнадцатой книги «Иудейских древностей»[1]. Евангелист Лука сообщал, что было издано повеление, чтобы «пошли все записываться, каждый в свой город». Текст этого повеления сохранился на одном из папирусов и был опубликован еще в 1907 году. «Гай Вибий Максим, правитель Египта, — говорится в нем, — повелевает поскольку мы намерены провести ценз, необходимо приказать всем, кто по какой-либо причине живет вне дома, вернуться в их собственные округа, чтобы пройти перепись обычным порядком»[2].

Таким образом, 753 год от основания Рима, назначенный Дионисием Малым для рождения Иисуса Христа, был избран в очень слабой связи со сведениями о нем, приводимыми Евангелиями, и совершенно без какого-либо анализа и учета исторических фактов. Скорее всего Дионисий просто нашел *наиболее подходящий для составления постоянной пасхалии* год. И это являлось, пожалуй, самым главным мотивом его отказа от летоисчисления по Диоклетиановой эре, — отказа, который он прикрыл ссылкой на то, что Диоклетиан был «скорее тираном нечестивым и гонителем, чем монархом».

Иначе говоря, Дионисий Малый совсем не стремился создать новую систему летоисчисления для всего общества и на все случаи. Предложенный им способ отсчета лет был предназначен только для религиозных целей. Поэтому историки и составители хронологий всемирной истории продолжали вести летоисчисление не от рождения Иисуса Христа, а от сотворения мира.

Летоисчисление же от рождения Христа утвердилось в Западной Европе во многом благодаря усилиям монаха одного из англосаксонских монастырей Беды Достопочтенного (*Bede Venarabilis*, 673–735). Знакомясь с сочинениями Дионисия Малого, он обратил особое внимание на созданное скифским монахом для расчета пасхалии летоисчисление от рождения Христа. Беда решил распространить его и на датировку исторических событий. При этом он предложил считать, отправляясь от

---

[1] См.: *Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Перевод с греческого Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Том 2. С. 290.

[2] *Kenyon F. G., Bell H. J.* Greek Papiri in the Museum. London, 1907. P. 125.

этой исходной точки, и года, предшествовавшие рождению Христа. «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного, написание которой было им завершено в 731 году, показывает два способа летоисчисления: от основания Рима («В год от основания Рима 798-й император Клавдий, четвертый после Августа, желая показать себя благодетелем государства, задумал начать повсюду победоносные войны»[1]) и от рождения Христа («В год от воплощения Господа 286-й Диоклетиан, тридцать третий император после Августа, был возведен на трон войском и правил двадцать лет»[2]).

§ 4. Хронология истории Древнего Египта в трудах европейских ученых эпохи Возрождения

В исторической литературе, посвященной формированию современной хронологии, часто встречается утверждение, что основы современной хронологии древней истории были заложены в эпоху Возрождения усилиями Жозефа Скалигера (1540–1609) и Дионисия Петавиуса (1583–1652). На самом деле основы данной хронологии закладывались трудами многих ученых, и не только средневековых, и не только тех, кто жил и работал в эпоху Возрождения. Современная хронология древней истории является в какой-то своей части научной хронологией, то есть основанной на объективных закономерностях, открытых внимательными наблюдателями за природными явлениями. Но по происхождению своему это явно хронология конвенциональная, условная, поскольку создавалась она не в результате научных открытий гениальных ученых, но посредством длительного по времени процесса согласования различных точек зрения на датировки главных событий древней истории человечества. Жозеф Скалигер и Дионисиус Петавиус выделяются из массы занимавшихся хронологией всемирной истории ученых не тем, что предложили, в отличие от других

---

[1] *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Перевод с латинского, статья, примечания, библиография и указатели В. В. Эрлихмана. СПб., 2001. С. 12.

[2] Там же. С. 14.

хронологистов, подлинные даты указанных событий, но потому, что составленные ими варианты хронологии всемирной истории были признаны достоверными большим числом историков, нежели хронологические конструкции других ученых. Но факт такого признания уже сам по себе служит явным свидетельством того, что составленные Скалигером и Петавиусом хронологии опирались на хорошо известные в европейском образованном обществе и авторитетные материалы и несли в себе очень мало нового для сознания европейских интеллектуалов. Подобное можно сказать и о вариантах хронологии всемирной истории, и в том числе древней, составленных Джеймсом Усшером, Джоном Маршамом и целым рядом других ученых.

1. Жозеф Жюст Скалигер (Josephus Justus Scaliger, 1540–1609)

Главным направлением научной деятельности французского гуманиста Жозефа Жюста Скалигера было изучение античного литературного наследия, исправление ошибок и устранение противоречий и неясностей в текстах древнеримских и древнегреческих писателей, подготовка их к изданию. И следует отметить, что он достиг в этом больших успехов[1]. Как и большинство французских гуманистов, Жозеф Скалигер был по складу своего научного мышления не творцом, но скорее систематизатором и комментатором. Именно в этой роли он выступил, обратившись к хронологии всемирной истории.

Основная работа Жозефа Скалигера в этой области носит следующее название: «Новое произведение об исправлении хронологии Иосифа Скалигера сына Юлия Цезаря, разделенное на восемь книг, в которых помимо метода древней хронологии, продуманной доктрины, правильного представления о гражданских днях, месяцах, веках и эпохах, а также новых видов года, предложено прове-

[1] Филологические труды Жозефа Петавиуса рассмотрены и оценены в первом томе книги современного английского историка Энтони Грэфтона «Жозеф Скалигер: Исследование по истории классической учености» (*Grafton A.* Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Textual Criticism and Exegesis. Oxford, 1983).

ренное и тонко выверенное исправление самих древних»[1]. Первым изданием это произведение вышло в свет в Париже в 1583 году, в 1593 году оно было перепечатано во Франкфурте[2]. Второе, существенно переработанное его издание напечатали в Лейдене в 1598 году[3]. Само название основного произведения Скалигера по хронологии, приведенное в полном его виде, показывает, что французский ученый не претендовал на коренной переворот в данной области научного знания. Дважды в этом названии встречается латинское слово «ēmendātio», которое можно перевести на русский язык и как «исправление», и как «улучшение», и как «усовершенствование», но которому по смыслу всего названия в целом и, исходя из содержания произведения, в наибольшей степени соответствует именно «исправление».

Основной текст сочинения Скалигера «Об исправлении хронологии…» посвящен описанию того, как исчисляли время различные древние народы: греки, халдеи, иудеи, индусы, египтяне, персы и др. В третьей его книге говорится, например, о традиционном египетском годе (De anno Aegyptiaco) и годах Набонассара и Филиппа (De annis Nabonassari et Philippi Aegyptiacis), в четвертой — рассматривается вопрос о египетском актийском юлианском годе (De anno Aegyptiorum Iulino Actiaco).

---

[1] De emendatione temporum Iosephi Scaligeri Iulii Caesari f. (filii — сына) Opus novum in octo libros tributum, in quo praeter dierum civilium, mensium, annorum et epocharum cognitionem exactam, doctrinam accuratam, priscorum, temporum methodus, ac novorum annorum forma, aut ipsorum veterum emendatio examinanda et dignoscenda acute proponitur. Parisiis, MDLXXXIII (1583).

[2] De emendatione temporum Iosephi Scaligeri Iulii Caesaris f. Opus novum absolutum perfectum octo libris distinctum, in quo praeter dierum civilium, mensium, annorum et epocharum cognitionem exactam, doctrinam accuratam, priscorum temporum methodus, ac novorum annorum forma, aut ipsorum veterum emendatio examinanda et dignoscenda acute proponitur. Omnibus politioris literaturae, inprimis Historiarum & Philosophia studiosis utile & necessarium. Cum privilegio Caesareae Majest. Francofurti: Apud Ioannem Wechelum, Sumtibus Nicolai Bassaei Typographi. MDXCIII (1593).

[3] Лучшим изданием этого произведения является женевское 1629 г. В нем учтена правка, внесенная автором во второе издание. По существу, это новое, третье по счету издание. См.: *Scaliger J. J.* Opus de emendatione temporum. Hac postrema editione, ex auctoris ipsius manuscripto, emendatius, magnáque accessione auctius. Genève: Roverus, MDCXXIX (1629).

Седьмая книга произведения Скалигера «Об исправлении хронологии…» содержит описание календарных расчетов религиозных торжеств, принятых у иудеев, эфиопов, арабов, армян, греков и др. Восьмая книга называется «О годе небесном и тропическом (de anno coelesti et tropico)»: она посвящена способам исчисления лет по солнечным и лунным календарям, которые были приняты у различных древних народов.

Собственно же хронология истории древних народов приводится только в пятой книге и частично в шестой произведения Жозефа Скалигера. При этом хронологии истории Древнего Египта уделяется очень мало внимания. Специально говорится только о временах восшествия на престол Птолемеев — Филадельфа (Скалигер называет в качестве времени его вступления на престол 285 год до н.э.) и Филометра (180 г. до н.э.). Некоторые даты египетской истории приводятся при изложении хронологии библейской — все они связаны с пребыванием в Египте евреев.

Сотворение мира Иосиф Скалигер датировал 3949 годом до н.э. А дату смерти иудейского царя Ирода, позволяющую определить приблизительное время рождения Иисуса Христа, — 1-м годом до н.э.[1] Только в этих датировках он был по-настоящему оригинален, поскольку шел наперекор мнениям большинства из современных ему ученых, занимавшихся хронологией мировой истории.

В 1601 году Жозеф Скалигер обнаружил в Парижской библиотеке рукопись на греческом языке «Хронографической эклоги» монаха Георгия Синцелла, в которой пересказывалась, как он решил, почти вся «Хроника» Евсевия Кесарийского[2] и в том числе фрагменты ее, не переведенные на латынь Иеронимом и потому до тех пор неизвестные европейским интеллектуалам. Скалигер

---

[1] О том, как Жозеф Скалигер получил эту дату, он описал в начале первой части шестой книги сочинения «Исправление хронологии…» в главе «Об истинном годе рождения Царя Мессии (De vero anno natalis Regis Messiae)». См.: De emendatione temporum Iosephi Scaligeri... Francofurti, 1593. P. 256–257.

[2] После того, как был найден и изучен полный текст «Хроники» Евсевия Кесарийского в переводе на армянский язык, стало ясным, что Скалигер заблуждался, полагая, что обнаружил это сочинение в почти полном объеме. Благодаря этой находке историки также установили, что Евсевий Кесарийский сделал в своей «Хронике» немало заимствований из сочинения Юлия Африканского.

решил подготовить издание всех известных фрагментов «Хроники» на греческом языке.

Воплощение этого замысла привело к появлению нового произведения Скалигера по хронологии. Оно вышло в свет в Лионе в 1606 году под названием: «Сокровищница времени: вторая книга канона хронологии всемирной истории палестинского епископа Евсевия Памфила Кесарийского, истолкованная Иеронимом, извлеченная из древнейшего списка; также содержатся все остальные повествования из Евсевия и Иеронима, как и до сих пор неизданные греческие фрагменты обеих частей хронологического канона Евсевия, которые оказалось возможным собрать. Сочинение и исследование Иосифа Юстуса Скалигера, сына Юлия Цезаря из Бурдена, а также примечания и критические заметки Иосифа Скалигера на греческий текст Евсевия и на его латинский перевод Иеронима, как и введение Иосифа Скалигера к третьей книге хронологического канона»[1].

Чтобы оценить этот поступок Жозефа Скалигера, необходимо вспомнить, что в «Хронике» Евсевия Кесарийского содержалось немало сведений, противоречивших официальной исторической доктрине, скроенной по библейским легендам. И распространение сколько-нибудь полного текста этого сочинения церковной бюрократией не приветствовалось.

---

[1] См.: Thesaurus temporum. Eusebii Pamphili Caesareae Palaestinae episcopi Chronicorum Canonum omnimodae historiae libri duo, interprete Hieronymo, ex fide vetustissimorum codicum castigati. *Item Auctores omnes derelicta ab Eusebio et Hieronymo continuantes*. Ejusdem Eusebii utriusque partis Chronicorum Canonum reliquiae Graecae, quae colligi potuerunt, antehac non editae. Opera ac studio Josephi Justi Scaligeri, Iulii Caesaris a Burden filii. Ejusdem Josephi Scaligeri Notae & Castigationes in Latinam *Hieronymi* interpretationem et Graecae *Eusebii*. Ejusdem Josephi Scaligeri Isagogicorum Chronologiae Canonum libri tres ad Eusebii Chronica & doctrinam de temporibus admodum necessarii. Lugduni Batavorum excudebat Thomas Basson sumptibus commelinorum, MDCVI (1606). В 1658 г. в Амстердаме было напечатано второе издание данного произведения. До слов «Iulii Caesaris a Burden filii» его название было аналогичным названию первого издания, но после них здесь было добавлено: «Editio Altera; In qua Ejusdem Josephi Scaligeri tertia fere parte Auctiores Notae & Castigationes in Latinam *Hieronymi* interpretationem et Graecae *Eusebii*, *suprema autoris cura emendatae*. Ejusdem Josephi Scaligeri Isagogicorum Chronologiae Canonum libri tres ad Eusebii Chronica & doctrinam de temporibus admodum necessarii. Cum Duobus Indicibus Rerum & Autorum. Amstelodami: Apud Joannem Janssonium, MDCLVIII (1658).

В частности, из Манефоновых списков, которые приводились в напечатанном Жозефом Скалигером греческом тексте «Хроники» Евсевия, следовало, что история Египетского государства началась не только раньше потопа, но и еще до сотворения мира. По мнению Скалигера, некоторые династии древнеегипетских фараонов, которые Манефон представил сменявшими одна другую, на самом деле правили в одно и то же время. Но даже при этом допущении французский ученый относил начало правления первого египетского верховного властителя Менеса на 5702 год до н.э., то есть на время, предшествовавшее любой называвшейся христианскими теологами дате сотворения мира[1]. Подобный же вывод неумолимо вытекал и относительно образования Вавилонского государства из пересказанных в «Хронике» фрагментов исторических описаний халдейского жреца Беросса. Скалигер предельно отчетливо это понимал. И он не мог не сознавать, что с распространением в среде западноевропейских интеллектуалов греческого текста сочинения Евсевия Кесарийского создавалась почва для серьезных сомнений в правильности официальной (то есть библейской) хронологии всемирной истории. И тем не менее французский ученый сделал все, чтобы его книга «Сокровищница времени…» с антибиблейскими историческими текстами «Хроники» Евсевия Кесарийского вышла в свет.

Одним из главных мотивов антицерковного поведения Жозефа Скалигера была, безусловно, присущая ему любовь к древним сочинениям, которые он желал сохранить от гибели и потому всячески стремился напечатать типографским способом. И за свою жизнь ему удалось посредством типографского издания спасти немало ценных манускриптов, содержавших тексты древних авторов[2].

---

[1] За три года до выхода в свет первого крупного труда Скалигера по хронологии всемирной истории от имени главы папы Григория XIII был опубликован мартиролог римско-католической церкви, в котором объявлялось, что мир был сотворен за 5199 лет до рождения Христа. В новом издании мартиролога при папе Урбане VIII в 1640 г. указанная дата сотворения мира была подтверждена.

[2] В качестве примера здесь можно привести следующий факт. После того, как вышло в свет первое издание произведения «Об исправлении хронологии…» Жозеф Скалигер обнаружил несколько листов, на которых были записаны на греческом языке фрагменты из древних исторических сочинений. При подго-

Вместе с тем, у Жозефа Скалигера имелся еще один мотив для такого поведения. Будучи ученым, он не был человеком индифферентным по отношению к политическим движениям своего времени. Еще в молодые годы — в возрасте около двадцати двух лет — Жозеф отошел от римско-католической церкви и примкнул к гугенотам. Он был участником жестоких религиозных войн на территории Франции. Расправа католиков над гугенотами в Варфоломеевскую ночь заставила его бежать в Женеву и скрываться в этом тогдашнем европейском оазисе религиозной свободы вплоть до 1574 года.

В свете таких фактов неудивительным кажется свободомыслие Жозефа Скалигера в его работах по хронологии всемирной истории. Этими работами он в каком-то смысле продолжал борьбу с римско-католической церковью. И есть основания думать, что *главной целью хронологических изысканий Жозефа Скалигера было не установление подлинных исторических дат, не создание настоящей хронологии всемирно-исторического процесса, но разрушение тех постулатов хронологии человеческой истории, которые составляли одну из несущих конструкций в идеологии римско-католической церкви*.

Отсюда вытекает парадоксальная на первый взгляд мысль: все бросаемые в адрес Жозефа Жюста Скалигера *обвинения* в том, что он внес своими трудами хаос в хронологию всемирной истории, придал ей в высшей степени сомнительный характер и т. д. и т. п., являются на самом деле *похвалой* ему, невольным признанием того, что он достиг своей цели.

Вывод о том, что главной целью хронологических изысканий Жозефа Скалигера было разрушение постулатов хронологии всемирной истории, составлявших одну из несущих конструкций в идеологии римско-католической церкви, позволяет объяснять, по моему мнению, весьма странное нововведение, сделанное им в систему летоисчисления. К уже применявшимся в его время отсчетам лет от рождения Христа и от сотворения мира французский ученый добавил летоисчисление по так называемому Юли-

---

товке второго издания указанного труда Скалигер присоединил эти листы к его основному тексту в качестве приложения под названием «Избранные древнегреческие фрагменты (Veterum Graecorum fragmenta selecta)», сопроводив их пятидесятистраничным сводом своих замечаний.

анскому периоду, который был им составлен из 7980 юлианских лет[1], прошедших, по его вычислениям, между моментами совпадения начала двадцативосьмидневного солнечного цикла с началом девятнадцатидневного лунного цикла и с первым днем римско-католического индикта[2].

По свидетельству ирландского епископа Джеймса Усшера, о периоде в 7980 лет, составленном по вышеуказанной методике, первым заговорил епископ Херфорда Роберт Лотаринг (*Robert Lotharing, Bishop of Hereford*), и это было за пятьсот лет до того, как Жозеф Скалигер приспособил этот период для своих хронологических вычислений, «назвав его именем Юлианского периода, потому что он содержал цикл из такого множества юлианских лет»[3].

Согласно расчетам, сделанным Скалигером при подготовке первого издания сочинения «Исправление хронологии…»[4], ближайший момент окончания Юлианского периода приходился на 3267 год Христовой эры. Это означало, что ближайшее начало данного периода падало на 4713 год до рождения Христа. Называвшаяся Скалигером дата сотворения мира — 3499 год до рождения Христа — приходилась на 765 год Юлианского периода[5].

---

[1] «Юлианским этот год называется потому, что соответствует юлианскому году (Iulianam vocavimus: Quia ad annum Iulianum duntaxat accommodate est)», — пояснял Жозеф Скалигер в заключительных строках введения к пятой книге сочинения «Исправление хронологии…», имея в виду год по Юлианскому календарю, введенному в Риме Юлием Цезарем (De emendatione temporum Iosephi Scaligeri... Francofurti, 1593. P. 198).

[2] Индикт — установленный в рамках христианской церкви приблизительно в IV в. пятнадцатилетний период, по истечении которого представлялся финансовый отчет о церковных доходах и расходах.

[3] The Annals of the World deduced from the origin of time, and continued to the beginning of the Emperour Vespasians reign, and the totall destruction and abolition of the temple and common-wealth of the Jews: containing the historie of the Old and New Testament, with that of the Macchabees, also the most memorable affairs of Asia and Egypt, and the rise of the empire of the Roman Caesars under C. Julius, and Octavianus. Collected from all history, as well sacred, as prophane, and methodically digested by James Ussher. London, 1658. P. IV.

[4] Время, в которое Скалигер делал указанные расчеты, он датировал 6295 г. Юлианского периода. Эта дата соответствует 1582 г. Христовой эры.

[5] См.: De emendatione temporum Iosephi Scaligeri... Francofurti, 1593. P. 198.

С какой целью Скалигер ввел летоисчисление по Юлианскому периоду? Согласно мнению, выраженному в «Британской энциклопедии» и распространенному в исторической литературе, сделал он это для того, чтобы избежать операций с отрицательными числами при датировке событий, происходивших до рождения Христа. На мой взгляд, это объяснение является слишком упрощенным — многочисленные хронологии всемирной истории, в которых при датировке используются отрицательные числа (годы до рождения Христа), показывают, что от этого не возникает никакой путаницы.

Мне кажется, необходимо обратить внимание на то, в каком месте своего произведения «Исправление хронологии…» Жозеф Скалигер излагает доктрину Юлианского периода и определяет год его начала по Христовой эре. Оказывается, он делает это перед самым началом главы «О сотворении мира (De Mundi conditu)», которая следует сразу за введением к пятой книге, называющейся «Idem est prior de epochis temporum»[1]. По всей видимости, Скалигер стремился противопоставить до предела идеологизированному римско-католической церковью летоисчислению от сотворения мира более нейтральную в идеологическом отношении, независимую от библейских легенд, систему летоисчисления.

---

[1] Скалигер изложил в этой главе хронологию основных событий всемирной истории от сотворения мира до основания города Константинополя и его освящения. Из библейских событий он уделил особое внимание, помимо сотворения мира, также потопу, исходу евреев из Египта, постройке и освящению Храма Соломона и др. См.: De emendatione temporum Iosephi Scaligeri... Francofurti, 1593. P. 198–207. Из событий последующей истории его внимание привлекли первая греческая олимпиада, основание Рима, смерть Ромула, восшествие на престол персидских царей Кира, Камбиза и Дария, изгнание царей из Рима и консульство Юния Брута, поражение персов при Марафоне, восшествие на престол Ксеркса и смерть его, начало Пелопоннесской войны, завоевательный поход Александра Македонского в Азию и смерть его, восшествие на престол египетских фараонов Птолемея Филадельфа и Птолемея Филометра, введение Юлианского календаря Юлием Цезарем, приход к власти в Риме Октавиана Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона, Веспасиана, Тита, Домициана, Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Диоклетиана, Константина, разрушение Иерусалима и Никейский собор и др. См.: Ibid. P. 208–249.

2. Дионисиус Аврелианенсис Петавиус (Dionisius Aurelianensis Petavius, 1583–1652)

Жозеф Скалигер не создал научной школы в области исследования хронологии. Он был и остался одиночкой на этом поприще. Но это не значит, что после его смерти никто из ученых не занимался данным предметом.

В год 1583-й, когда вышло в свет первое издание книги Скалигера «Исправление хронологии…», родился Дионисиус Петавиус — французский ученый, который также прославил свое имя работами по хронологии всемирной истории.

Его главное произведение — «Сочинение о науке времени, разделенное на две части» вышло в свет в Париже[1] в 1627 году[2]. В первой части этой книги рассматривались календари древних народов: египтян, греков, македонцев, персов, евреев и др. Вторая часть была посвящена различным системам летоисчисления и хронологии всемирной истории. Ее содержание носило в значительном своем объеме компилятивный характер, поскольку включало в себя выдержки из античных исторических и астрономических сочинений, посвященные исчислению времени.

В 1628 году было напечатано дополнение к «Сочинению о науке времени» под названием «Хронологические таблицы»[3]. В 1633 году вышло в свет произведение Дионисиуса Петавиуса «Исчисление времени в двух частях, разделенное на тринадцать книг»[4], которое представляло собой в сущности сокращенный вариант «Сочинения о науке времени». Именно оно прославит Пе-

---

[1] На титульном листе в качестве названия места издания данного сочинения Петавиуса было использовано наименование древнего поселения, располагавшегося на месте современного Парижа — Lutetiae Parisiorum (Лютеция Паризиориум).

[2] Dionysii Petavii Aurelianensis ē Societate Iesu opus De doctrina temporum, divisum in partes duas quarum prior ta technika temporum, posterior ta historoumena complectitur. Lutetiae Parisiorum: Sumptibus Sebastiani Cramoisy, MDCXXVII (1627).

[3] Dionysii Petavii Aurelianensis Tabulæ chronologicæ… Lutetiae Parisiorum, MDCXXVIII (1628).

[4] Dionysii Petavii Aurelianensis ē Societate Iesu Rationarium temporum, in partes duas, libros tredecim distributum. In quo aetatum omnium sacra profanaque historia chronologicis probationibus munita summatim traditur. Parisiis, 1633.

тавиуса как знатока хронологии всемирной истории. Его «Сочинение о науке времени» переиздавалось в течение XVII–XVIII веков, но очень редко[1]. Произведение же «Исчисление времени» печаталось в эти два столетия многократно, причем как на латинском[2], так и на английском языке.

В переводе на английский язык «Исчисление времени» вышло в свет в Лондоне спустя семь лет после смерти Дионисиуса Петавиуса и под названием «История Мира, или Исчисление времени, составленное ученым Дионисиусом Петавиусом и продолженное другими до года Господа Нашего 1659. Вместе с географическим описанием Европы, Азии, Африки и Америки»[3]. Это издание примечательно тем, что имеет продолжение объемом в 188 страниц, написанное каким-то анонимным автором — не Петавиусом[4]. Сам Дионисиус Петавиус довел хронологию событий до 1632 года. В дополнении же к основному тексту произведения хронология исторических событий доведена до 1656 года. Подобным же образом дополнялись анонимными авторами и латинские варианты новых изданий сочинения Петавиуса «Исчисление времени». Так, продолжение составленной Петавиусом хронологии всемирной

---

[1] Мне удалось обнаружить только антверпенское издание этого произведения 1703 г. (Dionysii Petavii Aurelianensis ē Societate Iesu Opus de doctrina temporum. Accesserunt notae et emendationes quamplurimae ... et J. Harduini praefatio ac dissertatio de LXX hebdomadibus, juxta editionem Antverpiensem anno MDCCIII) и венецианское издание 1757 г. (Ibid. Venice, J. B. Albrizzi & B. Baronchelli, 1757).

[2] В частности, латинский текст «Исчисления времени» Дионисиуса Петавиуса выходил в свет в Париже в 1635, 1641, 1652 и в 1673 гг., во Франкфурте — в 1700 г., в Антверпене — в 1703 г. , в Лейдене — в 1724 г., в Амстердаме — в 1745 г., в Венеции — в 1749 г. Этот список далеко не исчерпывающий.

[3] The History of the World: or, an Account of Time compiled by the Learned Dionisius Petavius and continued by others to the Year of Our Lord, 1659. Together with A Geographicall Description of Europe, Asia, Africa and America. London, MDCLIX (1659).

[4] См.: главу десятую книги «Appendix to the foregoing Account, or A Summery relation of what memorable things happened from the year 1632 unto 1656»: Ibid. P. 425–612. На заключительной странице стоит номер 610, но так получилось вследствие того, что нумерация трех последних страниц десятой главы в этом издании перепутана, в результате чего здесь стало две страницы с номером 609 и две — с номером 610.

истории было дано в венецианском издании «Исчисления времени» 1749 года[1].

В посвящении своего произведения «наизнаменитейшему принцу Людовику, герцогу Энгиеннскому» Дионисиус Петавиус писал, что в рамках его излагается «вся история от начала мира до времен нашей эпохи». И он действительно начинал изложение с момента сотворения мира, которое им предполагалось случившимся в 3985 году до рождения Христа[2]. При этом в датировке главных событий человеческой истории Петавиус пользовался также исчислением лет по Юлианскому периоду, введенному Жозефом Скалигером. Сотворение мира он датировал 730 годом Юлианского периода, из чего видно, что начало данного периода мыслилось им в 4715 году до н.э. — на два года раньше даты, называвшейся Скалигером.

Хронология истории Древнего Египта представлена Петавиусом в рамках общей хронологии всемирного-исторического процесса. Древнейшим государством на Земле французский ученый считал Ассирийское или Халдейское и относил его образование ко временам, наступившим после потопа[3]. Что же касается возникновения Египетского государства, то, по словам Петавиуса, «в то же самое время, когда возникло королевство ассирийцев, образовались и другие королевства в других местах, особенно королевства *Египетское* и *Сициониан*ское (Sicyonians), однако вольность мифов исказила и извратила их начало и происхождение»[4]. Далее Петавиус указал, что Сициониан*ское* государство возникло в Сицио (Sicyo) через двенадцать лет после появления Ассирийского, то есть в 2164 году до рождения Христа. А поскольку Египетское государство возникло вместе с Сициониан*ским* государством, то названная дата относится и к нему.

---

[1] См.: Dionysii Petavii Aurelianensis Rationarium temporum… Editio novissima. Cui accesserunt praeter Dissertationes et Tabulas Chronologicas antea editas, appendix historica usque ad annum 1748... Venezia, Basilio, 1749.

[2] Этой цифры Петавиус не указывает — она вытекает из его утверждения о том, что потоп случился в 1656 г. от сотворения мира и в 2329 г. до рождения Христа. От сложения этих цифр и получается дата 3985 г. до рождения Христа.

[3] The History of the World: or, an Account of Time. P. 5.

[4] Ibid. P. 6.

В десятой главе второй книги Петавиус, посетовав, что первоначальная история египтян смешана Георгием Синкеллом, Юлием Африканским и Евсевием Кесарийским со множеством мифов, заявил о том, что представит на публичное обозрение нескольких фараонов из Геродота. Однако свою хронологию правлений египетских верховных властителей Петавиус начал не с Менеса, которого Геродот назвал «первым египетским царем»[1], но с фараона Сетоса[2]. После него, как отметил Петавиус, сначала правили одновременно двенадцать властителей, а затем на престол вступил Псамметих. По словам Петавиуса, «начало его правления пришлось на 670 год до Христа, в третий год 26 олимпиады, и от этого он правил пятьдесят четыре года»[3]. Сын Псамметиха фараон Неко вступил на престол, по Петавиусу, в 616 году до начала Христовой эры и правил шестнадцать лет (как и у Геродота). После этого шесть лет правил его сын Псаммис. За Псаммисом следовал его сын Априй, вступление которого на престол Петавиус датировал 4120 годом по Юлианскому циклу, ссылаясь при этом почему-то на Геродота, хотя древнегреческий историк не знал такого летоисчисления. 4120 год по Юлианскому периоду соответствует 595 году до н.э.

Априй правил в течение двадцати пяти лет, — повторил Петавиус цифру, названную Геродотом, — его сменил фараон Амасис, начало правления которого французский ученый датировал 4145 годом по Юлианскому циклу (570 годом до н.э.). Смерть Амасиса случилась, как отметил Петавиус, после сорока четырех лет его правления, за полгода до вторжения персидского царя Камбиза в Египет[4], датой которого французский ученый считал 525 год до начала Христовой эры. По его датировке, в 522 году до Христа Камбис впал в безумие и спустя некоторое время умер.

Краткий очерк истории Египта содержался в приложенном к английскому переводу сочинения Петавиуса «Исчисление време-

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. С. 109.

[2] Петавиус называл этого фараона Сетоном (Sethon).

[3] The History of the World: or, an Account of Time. P. 64.

[4] Ibid. P. 65.

ни…» «Географическом описании мира»[1]. При изложении истории возникновения Египетского государства здесь воспроизводилась картинка священной истории человечества, созданной христианскими теологами на основе Библии. В частности, отмечалось, что «Египет, впервые заселенный Мисраимом, сыном Хуша, назывался евреями Мисреей (Misreia)»[2]. На последующих страниц рассматриваемого исторического очерка его автор писал, что «Египет является древним государством, так как имеется список из 300 монархов, кроме восьми, правивших в 17 династиях до *Амасиса*, из коих единственный, кто должен быть упомянут, — *Осирис*, который вместе со своими наследниками звался *Фараоном*, и в чье время, как полагают, *Абраам* пришел в Египет. Однако в 18 династии или круге верховной власти было 16 монархов, *Амасис* — первый из монархов и начало его правления приходится на 2242 год от сотворения мира (1743 год до н.э. — *В. Т.*), *Менофис* или *Мирис* — последний»[3].

Начало правления в Египте девятнадцатой династии верховных властителей в «Географическом описании…» датировалось 2590 годом от сотворения мира (1395 годом до н.э.), двадцать первой династии — 2961 годом от сотворения мира (1024 годом до н.э.). Начало правления династии Птолемеев из двенадцати фараонов, первым из которых был Птолемей Лагус, пришлось, по «Географическому описанию…», на 3641 год от сотворения мира. В переводе на современное наше летоисчисление это, как ни странно, 344 год до н.э. Дату смерти египетского фараона Птолемея Лахуроса Петавиус указал по летоисчислению от основания Рима. По его словам, «в Египте Птолемей Лахурос умер в то время, когда Городу было 623 года». Это соответствует 130 году до н.э. По современной хронологии истории Древнего Египта названный фараон умер в 107 году[4].

---

[1] См.: A geographical description of the World, describing Europe, Asia, Africa and America. With all its kingdoms, countries and commonwealth. Their scituations, manners of the people, customs, fashions, religions and governments. Together with many notable historical discourses therein contained. London, 1659. P. 120–130.

[2] Ibid. P. 120.

[3] Ibid. P. 125.

[4] См., например, хронологическую таблицу правлений древнеегипетских фараонов в издании: *Husson G., Valbelle D.* L'Etat et les institutions en Égypte. Des premiers pharaons aux empereurs romains. Paris, 1992. P. 339.

Даже поверхностный взгляд на «хронологию» всемирной истории, составленную Дионисиусом Петавиусом, показывает, что она не была в строгом смысле этого слова хронологией, а сам Петавиус ни в коей мере не являлся продолжателем дела Жозефа Скалигера.

Ко времени, когда Дионисиус Петавиус приступил к составлению своей «хронологии», уже были опубликованы тексты Евсевия, содержавшие пересказ «Египтиаки» Манефона Севеннитского. Скалигер, опубликовавший данные тексты, сделал из них вывод о том, что возникновение Египетского государства приходится на времена, предшествующие называемой христианскими историками дате не только потопа, но и сотворения мира. Дионисиус Петавиус, имевший в своем распоряжении, как это видно из содержания его сочинений, текст Евсевия с фрагментами из Манефона, такого вывода не сделал. Более того, он вообще умолчал в своей «хронологии», составленной в значительной своей части по «Хронике» Евсевия Кесарийского, об упомянутых Евсевием событиях ранней египетской истории. После краткого изложения начальной эпохи в развитии Египетского государства в том виде, как это было представлено в священной истории, Петавиус сделал прыжок во времена, соответствующие приблизительно VII веку Христовой эры. Объясняя свой отказ от рассмотрения и датировки событий ранней египетской истории, французский ученый сослался на то, что ее описание в сочинениях Юлия Африканского, Евсевия Кесарийского и Георгия Синцелла смешано с мифами, и заявил, что предпочитает им Геродота. Однако и рассказ Геродота о первоначальной египетской истории и, в частности, о первом египетском властителе Менесе Петавиус счел недостойным для упоминания. Из его «Истории» он взял только сведения о фараонах, правивших в последнюю эпоху истории Древнего Египта — в VII–VI веках до н.э. Но самое главное, мифы, рассказанные Геродотом, почему-то вызвали у Петавиуса больше доверия, нежели мифы из сочинений Юлия Африканского, Евсевия Кесарийского и Георгия Синцелла.

Все подобные пробелы в «хронологии» всемирной истории, составленной Дионисиусом Петавиусом, были неслучайны. В *отличие от Жозефа Скалигера, стремившегося к подрыву официальной библейской хронологии человеческой истории, Дионисиус Петавиус старался сохранить ее в рамках своей «хронологии»*. Именно

поэтому он умалчивал в своих хронологических произведениях о фактах, противоречивших библейской хронологии и подрывавших ее авторитет в глазах образованного европейского общества.

Если Жозеф Скалигер был *протестантом* по своим религиозным воззрениям и боролся, как мог, с римско-католической церковью, то Дионисиус Петавиус являлся *иезуитом* — верным стражем этой церкви и ее идеологических догм. В современных библиографических справочниках и в исторической литературе в указаниях на произведения Дионисиуса Петавиуса, посвященные хронологии всемирной истории, как правило, не приводятся весьма примечательные слова из их названия, которые подчеркивают принадлежность автора к иезуитскому ордену. Между тем на титулах этих произведений имя и фамилия французского ученого дополняется словосочетанием «из общества иезуитов», так что полное обозначение автора выглядит следующим образом: Dionisii Petavii Aurelianensis **ē societate jesu**» (выделено мною. — *В. Т.*)[1].

В своей «хронологии» всемирной истории Дионисиус Петавиус использовал датировки событий по различным системам летоисчисления — чаще всего по Юлианскому периоду и Христовой эре, но в ряде случаев — при изложении событий античной истории — по греческим олимпиадам и годам от основания Города (Рима). В последней — двадцать второй — главе четвертой книги своего сочинения «Исчисление времени…» Петавиус затронул вопрос о дате смерти иудейского царя Ирода, определить которую, по словам французского ученого, необходимо «для отыскания даты рождения Христа Спасителя»[2]. В результате оценки фактов и рассуждений по этому вопросу Петавиус сделал вывод, что Ирод умер в 42 юлианский год. В данном случае он применил юлианскую систему летоисчисления, введенную Юлием Цезарем

---

[1] См., например, полное название произведения Дионисиуса Петавиуса «Исчисление времени…» на титульном листе издания 1673 года: Dionysii Petavii Aurelianensis ē Societate Iesu Rationarium temporum, in partes duas. Libros tredecim distributum. In quo atatum omnium sacra profanaque historia chronologicis probationibus munita summatim traditur. Editio ultima. Nonnullis accessionibus auction sacta, & ab auctore recognita. Parisiis: Apud Sebastianum Mabre-Cramoisy; Regis Typographum, MDCLXXIII. CUM PRIVILEGIO REGIS.

[2] The History of the World: or, an Account of Time compiled by Learned Dionisius Petavius and continued by others to the Year of Our Lord… London, 1659. P. 166.

в Риме с 1 января 45 года до н.э. В переводе на современное европейское летоисчисление это означает, что смерть Ирода пришлась на 4 год до н.э. Иисус Христос же родился до смерти царя Ирода. Таким образом, применяя летоисчисление от рождения Христа, Петавиус хорошо сознавал, что в данном случае дата этого рождения определена произвольно, она не соответствует реальной дате и потому указанное летоисчисление является таким же условным, искусственным, как и все другие системы летоисчисления.

3. Джеймс Усшер (James Ussher, Archbishop of Armagh [Jacob Usserius Armachan], 1581–1656)

Ирландский священник Джеймс Усшер[1] родился на два года раньше Дионисиуса Петавиуса, но первые издания главных его произведений по хронологии всемирной истории появились почти на два десятилетия позднее сочинений о науке времени и исчислении времени знаменитого французского хронологиста. Приступая к составлению своей хронологии всемирной истории, Усшер имел перед собой не только исторические хроники античных и средневековых европейских ученых, но и сочинения Скалигера и Петавиуса, в которых обобщались данные о древних календарях и системах летоисчисления, излагалась хронология основных событий мировой истории. Особенно полезным для ирландского хронологиста было произведение Дионисиуса Петавиуса «Исчисление времени…», в котором предпринималась попытка синтезировать хронологические опыты античных и раннехристианских историков в некий свод. Петавиусу эта попытка удалась не вполне — у него получилось сочинение, более похожее по своему жанру на краткий исторический обзор мировой истории, нежели на хронологический свод. Не случайно в английском переводе

[1] В русской исторической литературе его фамилию часто пишут на английский манер как «Ашер». Действительно, если бы James Ussher был англичанином и жил в наше время, это написание было бы правильным, поскольку вполне соответствует произношению подобных слов в современном английском языке. Однако он являлся ирландцем, и к тому же его фамилия в то время чаще писалась и произносилась на латыни как Usserius. По этим причинам я отдаю предпочтению другому варианту написания фамилии Ussher на русском языке, а именно: как «Усшер».

его назвали «The History of the World (История мира)». Возможно, он слишком спешил напечатать свой труд, дабы подпереть им здание библейской хронологии, шатавшееся с конца XVI столетия от своей ветхости и все нараставших ударов со стороны ученых-гуманистов — особенно таких, как Скалигер.

Джеймс Усшер составлял свою хронологию всемирной истории без спешки. Он изучил огромное количество манускриптов, в которых описывались исторические события. О многих из прочитанных Усшером старинных хроник ничего не знали ни Скалигер, ни Петавиус. Но даже те исторические сочинения античных и раннехристианских писателей, которые названные французские хронологисты широко использовали при составлении своих хронологий всемирной истории, Джеймс Усшер изучал внимательнее их и черпал из этих сочинений больше сведений по истории различных народов.

Первую свою книгу, излагавшую хронологию всемирной истории, Джеймс Усшер назвал «Анналами ветхого завета». Она впервые была напечатана в Лондоне в 1650 году — естественно, на латинском языке[1]. Слово «Аналлы (Annales)» предельно точно отражало ее жанр, способ изложения материала. В 1654 году вышло в свет продолжение «Анналов» Джеймса Усшера[2]. В 1658 году, через два года после смерти Усшера, его свод хронологии всемирной истории был издан в переводе на английский язык[3]. По мнению

---

[1] См.: Annales Veteris Testamenti. A prima mundi origine deducti: una cum Rerum Asiaticarum et Aegyptiacarum CHRONICO, a temporis historici principio usque ad Maccabaicorum initia producto. Jacobo Usserio Armachano digestore. Londini, MDCL (1650).

[2] Annalium pars posterior, in qua, praeter Maccabaicam et Novi Testamenti historiam Imperii Romanorum Caesarum sub Caio Julio & Octaviano ortus, rerumque in Asia & Aegypto gestarum continetur chronicon: ab Antiochi Epiphanis regni exordio, usque ad Imperii Vespasiani inita atque extremum Templi & Reipublicae Judaicae excidium deductum. Jacobo Usserio Armachano digestore. Londini, MDCLIV (1654).

[3] См.: The Annals of the World deduced from the origin of time, and continued to the beginning of the Emperour Vespasians reign, and the totall destruction and abolition of the temple and common-wealth of the Jews: containing the historie of the Old and New Testament, with that of the Macchabees, also the most memorable affairs of Asia and Egypt, and the rise of the empire of the Roman Caesars under C. Julius, and Octavianus. Collected from all history, as well sacred, as prophane, and methodically digested by James Ussher. London, 1658.

специалистов, это был очень неудачный перевод. Не случайно при издании в 1847–1864 годах семнадцатитомного собрания сочинений Джеймса Усшера был напечатан не английский, а латинский текст его «Анналов»[1].

В результате многолетних трудов ирландскому священнику удалось создать то, чего до него никто не создавал, — настоящий свод хронологии всемирной истории. По объему материала, синтезированного в этом произведении, ему нет равных среди сочинений по хронологии — 1600 печатных страниц. Джеймс Усшер свел воедино в своих «Анналах» материалы многочисленных античных и средневековых хроник, исторических, географических и астрономических сочинений и изложил отраженные в них события человеческой истории в хронологической последовательности от сотворения мира до 70 года н.э.

Основываясь на учении о Юлианском периоде, разработанном Жозефом Скалигером, Джеймс Усшер вычислил время сотворения мира с точностью до дня. По его мнению, завершение этого процесса и, следовательно, начало мировой истории, «пришлось на 710 год Юлианского Периода, и случилось в 23 день юлианского октября»[2]. Указанная дата соответствует 4004 году до н.э. Она была признана англиканской церковью наиболее приемлемой, как и другие даты библейских событий, выведенные с опорой на нее. С 1701 и до 1900 года определенные Джеймсом Усшером даты основных библейских событий печатались в заметках на полях перевода Библии на английский язык, осуществленного английским королем Яковом I (Джеймсом I). В этих заметках, в частности, говорилось: Бог создал небеса и землю в 4004 году до Христа (В. С.), потоп покрыл землю в 2348 году до Христа, Исход случил-

---

[1] Они составили четыре тома данного собрания — с 8-го по 11-й (тома 8, 9, 10 и начало 11-го: *Annales veteris Testamenti, a Prima Mundi Origine deducti, una cum Rerum Asiaticarum Aegypticarum Chronico, a temporis historici principio usque ad Maccabaicorum initia producto. Jacobo Usserio Armachano digestore* (на основе издания 1650 г.). Том 11: *Annalium pars posterior, in qua, praeter Maccabaicam et Novi Testamenti historiam, Imperii Romanorum Caesarum sub Caio Julio et Octaviano ortus, rerumque in Asia et Aegypto gestarum continetur chronicon...* (на основе издания 1654 г.).

[2] The Annals of the World… Collected from all history, as well sacred, as prophane, and methodically digested by James Ussher. London, 1658. P. IV.

ся в 1491 году до Христа, Давид стал королем Израиля в 1056 году до Христа и народ иудейский был пленен в 593 году до Христа.

Датой подлинного рождения Иисуса Христа Джеймс Усшер считал 4 год до Христовой эры.

Вплоть до середины XVIII столетия 4004 год до н.э. признавался датой сотворения мира масонскими организациями. Произошедшая потом коррекция масонского календаря была сделана с учетом подлинной даты рождения Иисуса Христа — годом появления света (Anno Lucis) масоны стали считать 4000 год до н.э.

«Анналы» Джеймса Усшера были особо примечательны и тем, что представляли намного полнее, чем какие-либо другие подобные произведения эпохи Возрождения, хронологию древнеегипетской истории, которая таила в себе немало фактов, подрывавших основы библейской хронологии.

Возникновение Египетского государства Усшер датировал 2526 годом Юлианского периода, который соответствует 2188 году до н.э. Эту дату ирландский хронологист вывел из «Анналов» византийского историка и поэта XII века Константинуса Манассеса (умер в 1187 г.)[1], согласно которым Египетское государство существовало до завоевания его персидским царем Камбизом в течение 1663 лет. По мнению Усшера, именно на 2188 год до н.э. приходится образование Мицраимом, сыном Хама, своей колонии в Египте.

С 2630 годом Юлианского периода или 2084 годом до н.э. Усшер связывал вторжение в Египет с граничивших с ним арабских территорий завоевателей, которых египтяне прозвали гиксосами. Они захватили Мемфис и земли нижнего Египта, примыкающие к Средиземному морю. Ссылаясь на сообщение Манефона, приводимое в сочинении Иосифа Флавия «Против Апиона», Усшер отмечал, что Салатис, первый из гиксосских правителей, властвовал в Египте девятнадцать лет. Наследовавший ему Бнон — сорок четыре года. Начало его правления датировано в рассматриваемых

---

[1] «Анналы» Константинуса Манассеса были напечатаны в 1573 г. в Базеле. См.: *Constantinus Manasses*. Annales ... nunc primum in lucem prolati, & de Graecis Latini facti, per Jo. Lewenclaium. Ex Jo. Sambuci bibliotheca. Accessit index rerum & verborum locupletiá. Basel, ex officina Episcopiana, 1573. Вероятно, именно из этого издания Джеймс Усшер извлек сообщение о продолжительности истории Египетского государства до завоевания его персами.

«Анналах» 2065 годом до Христа. Далее ирландский хронологист перечислял имена египетских властителей, названных Манефоном, с указанием числа лет пребывания их на троне, перемежая все это событиями библейской истории.

Освобождение египтян от ига гиксосов Усшер датировал 1825 годом до Христа, повторяя вслед за Манефоном, что освободителем выступил фараон фиванской династии по имени Тетмосис.

Приход к власти XIX династии фараонов, при которой Египет достиг своего могущества, Усшер относил к 1511 году до н.э.

События VII–VI веков до н.э. в истории Египта, вплоть до завоевания его персами, Усшер описывал в своих «Анналах», главным образом, по Диодору Сицилийскому и Геродоту Галикарнасскому. В изложении дальнейших событий египетской истории он следовал сообщениям Страбона, Арриана, Фукидида, Эпифана, Лукиана, Порфирия и др. В датировке же их полагался, в основном, на фрагменты из «Хроники» Евсевия Кесарийского, напечатанные Скалигером.

Начало правления в Египте династии Птолемеев ирландский хронологист датировал 305 годом до н.э., когда Птолемей сын Лага (Птолемей Сотер) был провозглашен верховным властителем Египта.

В конце жизни он назначил своего сына Птолемея (Птолемея Филадельфа) соправителем. Джеймс Усшер определил, опираясь на «Хронику» Евсевия и данные астрономических наблюдений, записанные Клавдием Птолемеем в «Альмагесте», что это событие произошло в 285 году до рождения Христа. Смерть фараона Птолемея Сотера он датировал 283 годом до н.э. Его сын и наследник Птолемей Филадельф правил, по Усшеру, до 246 года. Усшер подробно пересказал в своих «Анналах» легенды о создании «Септуагинты» во время его правления.

После Птолемея Филадельфа власть унаследовал Птолемей Эвергет, который правил двадцать пять лет. В 221 году до н.э. на египетский престол вступил Птолемей Филопатор, по смерти его — в 204 году до н.э. — египетский трон перешел к его сыну Птолемею Эпифану, который правил 24 года. В определении этой даты Усшер опирался на сведения из сочинений Климента Александрийского, Порфирия, Евсевия Кесарийского и др. Подобным

же образом он описывал и датировал и все дальнейшие события египетской истории птолемеевского периода.

Сравнение дат этих событий, обозначенных в «Анналах» Уссшера, с их датами, приводимыми в работах по древнеегипетской истории, которые вышли в последние десятилетия XX века, показывает, что хронология истории эллинистического Египта, составленная ирландским священником, жившим в конце XVI – в первой половине XVII века, мало чем отличается от хронологии, принятой современными египтологами.

Этого нельзя сказать об усшеровской хронологии истории Древнего Египта более ранних эпох. Усшер не сумел в датировке происходивших в эти эпохи событий вырваться из рамок библейской хронологии. Впрочем, это было трудно сделать ученым светских званий, а священникам надлежало в силу их сана держаться библейских схем в изложении начальных эпох человеческой истории.

4. Атанасиус Кирхер (Athanasius Kircher, 1602–1680)

В год, когда умер французский иезуит Дионисиус Петавиус, в Риме вышел в свет первый том трехтомного произведения немецкого иезуита *Атанасиуса Кирхера* «Египетский Эдип»[1]. В нем приводилась хронологическая таблица правлений египетских верховных властителей, составленная на основе арабских манускриптов[2], и таблица, созданная на базе материалов Ветхого Завета и сведений по истории Египта, изложенных в «Хронике» Евсевия Кесарийского[3].

Хронологическая таблица, составленная Атанасиусом Кирхером по арабским источникам, начиналась с перечисления власти-

---

[1] *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus, hoc est Universalis Hieroglyphicæ Veterum Doctrinæ temporum inuria abolitæ INSTAURATIO. Opus ex omni Orientalium doctrina & sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum authoritate stabilitum. Tomus I. Romæ, 1652. Две отдельные части второго тома этой книги были напечатаны в Риме в 1653 г., третий том — в 1654 г.

[2] См.: Series Regum Aegypti ab Orbe condition usque ad universale Orbis diluvium secundum relations Arabum // *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus…Tomus I. Romæ, 1652. P. 79–82.

[3] См.: Chronologia Regum Aegipti, Regum Deorum sev Heroum // Ibid. P. 103–111.

телей Египта времен, *предшествовавших потопу* («Reges Aegypti ante diluvium»). Первые египетские властители здесь обозначались как «первые вожди смертных, или патриархи человеческого рода (duces primaevi mortalium, sive Patriarchae generis humani)». За ними шли имена Адама, Сетха, Каина и других библейских персонажей. В числе властителей Египта, перечисленных Атанасиусом Кирхером, был и Енох, который именовался одновременно Идрисом, Осирисом и Гермесом. Он якобы начал править в Египте в 1000 год от сотворения мира. А также «Хам, Ноев сын, творец первой египетской колонии»[1].

Рассматриваемая таблица доводила список египетских властителей до Фуиса (Phuis), который якобы вступил на престол в 3281 году от сотворения мира[2]. Большинство имен, перечислявшихся Атанасиусом Кирхером, не были знакомы ни античным, ни средневековым европейским историкам. Скорее всего, это объясняется тем, что они были переведены на латынь с арабского языка, но возможно, средневековые арабские манускрипты зафиксировали каких-то древнеегипетских властителей, о которых не было известно европейским историкам.

Вторая из приводимых в сочинении Атанасиуса Кирхера хронологических таблиц была подробнее первой: она содержала более длинный перечень древнеегипетских властителей. Наряду с их именами здесь указывались два варианта дат от сотворения мира: один — по хронологии, разработанной на основе латинской Библии, другой — по хронологии, извлеченной из «Хроники» Евсевия Кесарийского, которая базировалась на сведениях из «Септуагинты».

Первым египетским властителем в этой таблице выступал «Хам, Ноев сын, Сатурн, именуемый Зороастром (Cham filius Noë, Saturnus dictus Zoroaster)»[3]. Начало его правления датировалось по хронологии латинской Библии 1636 годом от сотворения мира, а по Евсевию — 2242 годом от сотворения мира (в обоих случаях временем потопа). За ним следовал «Мисраим, Хамов сын

---

1 *Kircher A.* OEdipus Ægyptiacus, hoc est Universalis Hieroglyphicae Veterum Doctrinae temporum inuria abolitae INSTAURATIO. Tomus I. Romæ, 1652. P. 81.

2 Ibid. P. 82.

3 Ibid. P. 103.

(Misraim filius Chami)»[1], начало правления которого по датировке Кирхера падало на 1810 год от сотворения мира по хронологии латинской Библии (дата по Евсевию не указана). После Мисраима Египтом якобы правил «Юпитер и Осирис I Египетский (Iuppiter & Osiris I Aegypti)». Дата начала его правления по Кирхеру — 1948 год от сотворения мира в хронологической версии Вульгаты.

Потом правили, согласно хронологической таблице Атанасиуса Кирхера: Меркурий (Mercurius), Вулкан (Vulcanus), Сотис (у Кирхера — «Sosis, Sothis vel Sochis»), Осирис и Изида (Osiris & Isis), Хор (Horus). Из них только для Хора указана дата — началом его правления обозначен 2006 год от сотворения мира по Вульгате.

После Хора правили, как указано Кирхером, властители XVII египетской династии. В качестве первого фараона этой династии Кирхер назвал Менеса (Menas), а датой его вступления на престол обозначил 2109 год от сотворения мира по хронологии Вульгаты и 3460 год от сотворения мира по хронологии «Септуагинты», который соответствует 1740 году до н.э.

Имена египетских властителей с XVIII по XXXII династии, приведенные в рассматриваемой хронологической таблице Атанасиуса Кирхера, весьма похожи на варианты имен древнеегипетских фараонов, названных в списке Манефона, который пересказан в «Хронике» Евсевия Кесарийского. Имена фараонов династии Птолемеев, начиная с Птолемея, сына Лагуса, и заканчивая Клеопатрой, даны в том виде, в котором они обыкновенно называются в хрониках средневековых историков. Даты их правлений, указанные Кирхером, весьма близки к датам из произведения «Исчисление времен…» Дионисиуса Петавиуса.

В целом хронологические таблицы истории Древнего Египта, составленные Атанасиусом Кирхером, вполне укладывались в рамки официальной библейской хронологии. Вместе с тем в них имелись, по меньшей мере, два очень серьезных отклонения от последней. Во-первых, нельзя не обратить внимания на то, что возникновение Египетского государства Кирхер относил ко временам, предшествовавшим потопу. А во-вторых, на то, что перечень имен египетских властителей в таблице, составленный им на основе арабских источников, открывался «вождями первых

---

[1] Chronologia Regum Aegipti, Regum Deorum sev Herom // *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus…Tomus I. Romæ, 1652. P. 103.

смертных» — людьми, предшествовавшими Адаму, первочеловеку по библейским легендам.

§ 5. Формирование основ современной хронологии древнеегипетской истории. Попытка построить хронологию на основе сведений о календаре древних египтян

Основы современной хронологии истории Древнего Египта были сформированы на протяжении XIX – в первой половине XX века в трудах ведущих европейских египтологов: барона К. К. Й. Бунзена[1], Дж. Г. Уилкинсона[2], К. Р. Лепсиуса[3], Ф. О. Мариэтта[4], Г. Ф. К. Бругша[5], Г. К. Ш. Масперо, У. М. Флиндерса Петри, Эд. Мейера[6], Э. А. Т. Баджа[7], Дж. Г. Брэстеда[8], К. Г. Зете[9] и др. Предпосылки для этого были созданы в XVIII столетии, когда в среде европейских интеллектуалов произошло переосмысление хронологических конструкций, созданных в эпоху Возрождения Жозефом Скалигером, Дионисиусом Петавиусом, Джеймсом Усшером, Джоном Маршамом и др.

Одним из первых, кто весьма критически посмотрел на труды по хронологии всемирной истории, написанные в эпоху Возрождения, был английский политический деятель и мыслитель Ген-

---

[1] Полное имя — Кристиан Карл Йосиас Бунзен (*Christian Karl Josias Bunsen,* 1791–1860)

[2] Джон Гарднер Уилкинсон (*John Gardner Wilkinson,*1797–1875).

[3] Карл Ричард Лепсиус (*Karl Richard Lepsius,* 1810–1884).

[4] Франсуа Огюст Фердинанд Мариэтт.

[5] Генрих Фердинанд Карл Бругш (*Heinrich Ferdinand Karl Brugsch*, 1827–1894).

[6] Эдуард Мейер (*Eduard Meyer,* 1855–1930).

[7] Эрнест Альфред Томпсон Бадж (*Ernest Alfred Thompson Wallis Budge,* 1857–1934).

[8] Джеймс Генри Брэстед (*James Henry Breasted*, 1865–1935), хотя и был по происхождению американцем, сам себя относил к немецкой школе египтологии, а в исследованиях по хронологии древнеегипетской истории шел по следам немецкого египтолога Эд. Мейера.

[9] Курт Генрих Зете (*Kurt Heinruch Sethe,* 1869–1934).

ри Сэнт-Джон лорд Болингброк (*Henry St. John, lord Bolingbroke*, 1678–1751). В 1735 году он писал об исторических исследованиях древних обществ: «Нужно обладать моим равнодушием к похвалам или порицаниям, чтобы открыто заявить о полном презрении к занятиям этих ученых мужей, ко всем исследованиям древности, ко всем системам хронологии и истории, которыми мы обязаны великим трудам таких деятелей, как Скалигер, Бошар, Петавий, Ашер[1] и даже Маршем[2]. В их распоряжении одни и те же материалы, которые, однако, немногочисленны, и почти невероятно, чтобы их когда-нибудь стало больше. Эти ученые использовали их в каких угодно комбинациях. Они высказывали предположения, догадки, соединяли разрозненные отрывки разных авторов и фрагменты преданий неясного происхождения, различных народов и веков, отстоящих так же далеко друг от друга, как и от нашего времени. Словом, они испробовали абсолютно все возможности — даже совершенно фантастическое звуковое сходство служило им основой для создания целой теории. Исторические же источники, которыми они располагают, не только скудны, но и нередко (даже те, что считаются лучшими и наиболее достоверными) весьма сомнительны, что некоторые из этих ученых сами признают.

Юлий Африкан, Евсевий[3] и Георгий Монах[4] открыли основные источники науки, но загрязнили ее воды. Они поставили своей целью согласовать светскую историю и хронологию со священной историей, хотя хронология последней очень далека от ясности и определенности, чтобы можно было руководствоваться ею. Древние исторические памятники, которые названные писатели передали потомству, были ими обработаны в соответствии с теми принципами, которых они придерживались, и ни один из памятников не дошел до нас в первозданной чистоте и форме. Так, «Династии Манефона» Евсевий превратил в груду фрагментов, из ко-

---

[1] Имеется в виду James Ussher.

[2] Имеется в виду John Marsham — автор «Канона египетской, еврейской, греческой хронологии с исследованием» (*Marshamus Joannes.* Canon Chronicus Ægyptiacus, Hebraïcus, Græcus, cum disquisitionibus. London, 1672).

[3] Имеется в виду Евсевий Кесарийский (Памфил).

[4] Имеется в виду византийский монарх-историограф второй половины VIII – начала IX в. Георгий Синкелл.

торых вставлял в свою работу те, которые соответствовали его замыслу. Вот все, чем мы располагаем. Георгию Монаху мы обязаны Codex Alexandrinus, и для нас это — единственный источник. Поэтому не может не вызывать изумления, что такой ученый, как сэр Джон Маршем, подвергает его сомнению на одной странице, а на следующей — строит на нем целую систему. Судя по легкости суждения (если мне не изменяет память, так как я давно уже не заглядывал в его труды), он даже не слишком озабочен тем, каков фундамент под его системой, раз уж он продемонстрировал искусство ее создавать и включил глубокую египетскую древность в рамки древнееврейского летоисчисления. Короче говоря, милорд, все эти научные системы — не что иное, как заколдованные замки: они кажутся чем-то реальным, а в действительности — лишь видимость, и, подобно этим замкам, они исчезают без следа, как только снято заклятие. Чтобы разрушить чары, нужно вернуться к началу. Это выражение может показаться странным, но в нем есть свой смысл. Мы должны тщательно и беспристрастно исследовать основания, и когда обнаружим, что они маловероятны или вовсе невероятны, будет нелепо ожидать чего-либо лучшего в воздвигнутом на таком фундаменте сооружении»[1].

Критическое отношение многих историков к накопленным сведениям по истории Древнего Египта и, в особенности, к состоянию хронологии древнеегипетской истории не ослабло и после того, как усилиями ученых (главным образом, Томаса Юнга и Жана Франсуа Шампольона[2]) была расшифрована иероглифическая письменность древних египтян и египтологи научились читать древнеегипетские тексты, а также после обнаружения в результате археологических раскопок, проводившихся в конце XIX – начале XX века, огромной массы новых памятников египетской древности. Историк Олаф Тофтин писал в своем исследовании по древней хронологии, опубликованном в 1907 году: «Наше знание египетской хронологии в настоящее время далеко от удовлетворительного. Этим оно обязано, однако, не скудности материалов, но

---

[1] *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 8–9.

[2] См. об этом главу «Разгадка тайн древнеегипетской письменности. Являлся ли их первооткрывателем французский египтолог Жан Франсуа Шампольон?» в книге: *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. М.: Зерцало, 2004. С. 111–157.

скорее их изобилию. Эти материалы, дошедшие до нас из различных источников: 1) из Библии; 2) из ассирийских и вавилонских монументов; 3) из классических авторов; 4) сверх всего, из монументов самих египтян; — представляют так много противоречий, что египтологи и историки радикально расходятся в своих теориях по египетской хронологии»[1].

В начале XX века египтологам стало очевидным, что хронологию истории Древнего Египта необходимо строить не на базе фрагментарных сведений и субъективных описаний египетского общества в сочинениях античных и средневековых историков, но на основе более объективных по своему характеру зафиксированных в древнеегипетских документах фактах астрономических наблюдений.

Ключ к созданию подлинной хронологии истории Древнего Египта египтологи увидели в особенностях традиционного древнеегипетского календаря, которые описывались во многих сочинениях античных авторов.

В самую раннюю, архаичную эпоху своей цивилизации египтяне, по всей видимости, применяли лунный календарь. Год в нем состоял из двенадцати месяцев, к которым иногда добавлялся тринадцатый месяц[2]. Месяц, в свою очередь, насчитывал 29 или 30 дней. Началом нового месяца в этом календаре считался первый день, в который старая луна переставала быть видимой. Впоследствии лунный календарь стал применяться в Древнем Егип-

---

[1] *Toffteen O. A.* Ancient Chronology. Part 1. Chicago, 1907. P. 149.

[2] Существует мнение, согласно которому тринадцатый месяц искусственно добавлялся египетскими жрецами в лунный год для того, чтобы совпадавшее с восходом солнца появление звезды Сириус, а следовательно, и торжество в честь этого события, приходилось на один и тот же месяц. Однако в действительности различная протяженность лунного года, включавшего в себя чаще двенадцать месяцев, но иногда тринадцать, была естественной. Римский интеллектуал первой половины III в. н.э. Цензорин (Censorinus) писал в 239 г. в начале XVIII главы своего сочинения «Книга о дне рождения. К Квинту Церелию (De Die Natali Liber ad Q. Caerellium)»: «Когда в древних государствах Греции заметили, что за время пока солнце в годичном движении совершает свой круг, новая луна появляется то 12, то 13 раз попеременно, тогда решили, что 12 с половиной лунных месяцев соответствуют природному году, и ввели такие государственные годы, которые составляли то 12, то 13 месяцев; по отдельности их называли годичными оборотами, а в парном соединении — “большим годом”» (*Cholodniak Joh.* Censorini de die natali liber. Petropolis, 1889. P. 7).

те, главным образом, для фиксации времени проведения религиозных праздников. Для светских же целей египтянами был создан искусственный календарь, продолжительность года в котором приблизительно соответствовала времени обращения Земли вокруг солнца и периоду между появлениями при восходе солнца на восточном горизонте неба звезды, называвшейся древними греками Сириусом, а египтянами Сотисом.

Год в этом календаре, который историки назвали гражданским, состоял из 365 дней. В нем выделялось двенадцать месяцев, в каждом из которых было тридцать дней. По окончании последнего месяца начинался особый период из пяти дней, который египтянами не считался частью какого-либо года. Об этом свидетельствует выражение «год и пять дней, следующих за ним», встречающееся иногда в иероглифических текстах, а также тот факт, что каждый из указанных пяти дней имел посвящение одному из богов, а именно: Осирису, Изиде, Хору, Сету и Нефтису[1]. Данные пять дней являлись, таким образом, своеобразным переходным периодом от одного года к другому.

Течение года египтяне делили на три сезона по четыре месяца в каждом: сезон «экхет» (наводнения), сезон «перет» (выхода земли из воды) и сезон «шему» (недостаток воды)[2]. Месяцам поначалу не давалось специальных названий — они обозначались номерами, показывавшими очередность следования месяца внутри сезона: то есть использовались выражения типа «первый месяц сезона «экхет», второй месяц сезона «шему» и т. д. Впоследствии каждый месяц стал называться именем божества, в честь которо-

---

[1] Диодор Сицилийский приводил другие имена богов: Осирис, Изида, Тифон, Аполлон и Венера, отмечая при этом, что их рождение «падало на каждый из пяти дней, дополнявших год египтян» (Histoire Universelle de Diodore de Sicile. Traduite en François par Monsieur l'Abbé Terrasson. Tome premier. À Paris, 1787. P. 29).

[2] Указанные смыслы слов «экхет (ɛh.t)», «перет (pr.t)» и «шему (šmw)» предложил немецкий египтолог Курт Зете. См.: *Sethe K.* Die Zeitrechnung der alten Ägypter im Verhältnis zu den anderen Völkern // Nachrichten von der königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1919. S. 294. В статье «Египет», опубликованной в «Католической энциклопедии» издания 1914 г., считающегося классическим, термин «перет» переводится как «время сева», а «шему» как «время жатвы».

го в его рамках устраивалось торжество. Например, первый месяц года назывался именем бога Тота.

Египтяне не знали деления на недели и вместо этого выделяли в каждом месяце три десятидневки. День они делили, в свою очередь, на 24 часа.

В исторической литературе обыкновенно высоко оцениваются достоинства описанного древнеегипетского календаря. По словам Дж. Г. Брэстеда, «создание этого удобного и практичного, хотя и искусственного календаря было достижением, не имеющим параллелей ни в какой другой древней цивилизации»[1].

Продолжительность года в гражданском календаре Древнего Египта не вполне соответствовала времени обращения Земли вокруг солнца: он был короче так называемого солнечного года на шесть часов или на четвертую часть суток. Приблизительно на столько же времени год по древнеегипетскому календарю был короче периода, проходившего между появлениями звезды Сириус (Сотис) при восходе солнца на восточном горизонте неба, то есть так называемого сириусного (сотисного) года[2]. В результате по истечении каждых четырех лет начало нового года по древнеегипетскому календарю сдвигалось на сутки назад относительно начала солнечного года или сириусного (сотисного) года. Спустя сто двадцать лет этот сдвиг достигал месяца, а по прошествии четырехсот восьмидесяти лет он распространялся на целый сезон. Отсюда вытекало, что новое совпадение начала года по древнеегипетскому календарю с началом солнечного или сириусного (сотисного) года наступало после каждых 1460 лет.

Древнегреческие историки считали этот древнеегипетский календарь, в котором начало года смещалось раз в четырехлетие на один день по отношению к солнечному году, довольно странным и называли его «блуждающим календарем». Для египтян же «блуждаемость» их гражданского календаря составляла одно из главных его преимуществ. Благодаря ей празднество в честь какого-

---

[1] Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 25.

[2] Солнечный год не был полностью равным по своей продолжительности сириусному (сотисному) году, но расхождение между ними настолько незначительно, что на практике их считали равными друг другу.

либо египетского бога не закреплялось за одним каким-то днем, но справлялось в течение солнечного или сириусного (сотисного) периода поочередно во все дни календарного года. Этим подчеркивалось, что все боги находятся в равной чести. А поскольку за каждым богом стояла определенная социальная группа, население какого-то региона Древнего Египта, то очевидно, что «блуждаемость» календаря способствовала в конечном счете поддержанию социального равновесия в древнеегипетском обществе.

Дж. Г. Брэстед полагал, что данный календарь был создан в 4241 году до н.э. По мнению американского египтолога, «невозможно, чтобы этот календарь был впервые введен в такое позднее время, каковым является двадцать восьмое столетие, в середине эпохи высочайшей культуры Древнего Царства. Более того, пять дополнительных дней в конце года, доказывающих использование перемещающегося года из 365 дней, упоминаются в текстах пирамид[1], которые намного древнее Древнего Царства. Поэтому календарь существовал до Древнего Царства; но если это правда, то мы должны допустить его изобретение в то время, когда три сезона приблизительно совпадали с природными сезонами, как это должно было быть при его введении. Это ведет нас в еще более далекое прошлое от момента его совпадения в Древнем Царстве; то есть календарь был введен в середине сорок третьего столетия до н.э. (4241 год до н.э.)»[2].

Эдуард Мейер при изучении фактов, касающихся древнеегипетского календаря, пришел к выводу, что он должен был появиться в 4241–4238 годах до н.э.[3] При этом немецкий египтолог сделал

---

[1] В статье «Египет», опубликованной в упоминавшемся уже мною одиннадцатом издании «Британской энциклопедии», сообщается, что указание на эти, дополнявшие год, дни («the epagomenal days») было обнаружено не только в самых древних текстах пирамид, но и на одном из монументов пятой династии. Эти пять дней считались несчастливыми и, может быть, именно по данной причине ни возведение монументов, ни составление юридических документов не датировались указанными днями, хотя они назывались в тех случаях, когда требовалось указать точное время какого-либо события.

[2] Ancient records of Egypt. Historical documents…, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. I. P. 30.

[3] *Meyer E.* Aegyptische Chronologie // Philosophische und historische Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften aus dem Jahre 1904. Berlin, 1904. S. 41.

весьма любопытную оговорку. Он высказывал мысль о том, что введение календаря, в котором начало нового года, приходившееся на 19 июля, совпадало с появлением при восходе солнца в восточной части горизонта звезды Сириус, возможно было только на широте юга Дельты — в местности, где были построены города Мемфис и Гелиополь[1].

Рассматриваемый календарь не был единственным, применявшимся в Древнем Египте. Известно, что жрецы пользовались своим — священным — календарем, который соответствовал природным циклам, то есть солнечному и сириусному (сотисному) году. Простые египтяне также применяли календарь, базировавшийся на природных циклах. Те, кто занимался земледелием, обращали больше внимания на регулярно повторявшиеся подъемы и спады воды в Ниле, чем на движение солнца. Начало наводнения и было для египтян-земледельцев началом нового года, независимо от того, на какую дату оно падало по общегосударственному календарю. Однако именно этот, искусственно созданный, календарь, в котором продолжительность года не соответствовала продолжительности солнечного или сириусного (сотисного) года, использовался в летописях при обозначении времен правлений древнеегипетских фараонов и при датировке особо примечательных событий.

Египтологи увидели в данной особенности традиционного египетского календаря хорошие возможности для построения более или менее точной хронологии истории Древнего Египта. К этому мнению пришел, в частности, Эд. Мейер, а вслед за ним и Дж. Г. Брэстед. В статье «Хронология», опубликованной в первом томе «Древних письменных памятников Египта», американский египтолог писал, что созданный в Древнем Египте календарь имеет «неоценимое значение для установления хронологии египетской истории». По его словам, «там, где совпадающий с восходом солнца восход Сотиса документально зафиксирован в датах календаря, определить, с разницей в четыре года, в ка-

---

[1] *Meyer E.* Aegyptische Chronologie. S. 41. См. об этом также: *Ginzel F. K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Das Zeitrechnungswesen der Voelker. Bd. 1. Leipzig, 1906. S. 186.

ком году до Христа этот восход случился, есть дело простейшей арифметики»[1].

Из фактов, приводимых в «Книге о дне рождения» римского писателя Цензорина, египтологи вывели одну из дат совпадения начала года по древнеегипетскому традиционному календарю с появлением звезды Сириус при восходе солнца. В XXI главе указанного сочинения говорится о том, когда в Египте начинался новый календарный год: «Но год всегда начинается в первый день месяца, который египтяне называют Тотом, — день, который в этом году соответствует седьмому дню до июльских календ[2], в то время как сто лет назад, во второе консульство императора Антонина Пия и при римском консуле Бруте Прэзенте, этот день приходился на тринадцатый день перед августовскими календами[3], — на время, в которое в Египте имеет обыкновение восходить созвездие Пса[4]. Вследствие этого можно узнать, что в настоящее время исполняется столетняя годовщина годичного оборота того большого года, который, как сказано выше, называется солнечным и псовым[5] и божественным годом»[6]. Второе консульство императора Антонина Пия, принявшего верховную власть над Римской империей 10 июля 138 года, приходилось на следующий — 139 год. Эта дата и обозначает момент, когда начало года по древнеегипетскому календарю совпало с началом солнечного или сириусного (сотисного) года.

---

[1] Ancient records of Egypt. Historical documents from the earliest times to persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 31.

[2] 25 июня.

[3] 21 июля.

[4] Самая яркая звезда этого созвездия — Сириус (Сотис).

[5] То есть сириусным (сотисным).

[6] «Sed horum initia semper a primo die mensis eius sumuntur, cui apud Aegyptios nomen est Thoth, quique hoc anno fuit ante diem VII kal. Iul., cum abhinc annos centum imperatore Antonino Pio II Bruttio Praesente Romae consulibus idem dies fuerit ante diem XIII kal. Aug., quo tempore solet canicula in Aegypto facere exortum. Quare scire etiam licet anni illius magni, qui, ut supra dictum est, solaris et canicularis et dei annus uocatur, nunc agi vertentem annum centensimum» (Cholodniak Joh. Censorini de die natali liber. Petropolis, 1889. P. 10).

Но если указанное совпадение имело место в 139 году н.э., то предшествовавшие ему подобные события случались, следовательно, в 1321-м и 2781-м годах до н.э.[1]

Другая дата совпадения начала года по древнеегипетскому традиционному календарю с появлением звезды Сириус при восходе солнца была обнаружена египтологами в тексте Кахунского папируса (Kahun papyri). Это название он получил, потому что был обнаружен в Кахуне. В тексте, начертанном на этом папирусе указывалось, что в 17-й день месяца Фармутхи, в седьмой год правления Сенусерта III наблюдался восход Сириуса (Сотиса). Сенусерт III — пятый по счету фараон XII династии. Седьмой год его правления был 120-м годом правления в Египте XII династии. 17-й день месяца Фармутхи являлся 225-м днем после начала нового года. Так как сдвиг назад момента наступления календарного года по отношению к началу года сотисного происходил в темпе, равном одному дню в четыре года, то сдвиг в 225 дней мог занять 900 лет со времени совпадения начала календарного нового года с последним появлением звезды Сотис при восходе солнца. Это совпадение имело место приблизительно в 2780 году до н.э. Следовательно, 120-й год правления в Египте XII династии пришелся на 1880 год до н.э. А это означает, в свою очередь, что XII династия начала править в 2000 году до н.э. (или, если учесть погрешность в четыре года, — между 2000 и 1996 годами до н.э.)[2]. В составленной Дж. Г. Брэстедом хронологической таблице правлений древнеегипетских властителей начало правления XII династии датируется именно 2000 годом до н.э.[3] Подобным же образом, основываясь на приводимых в древнеегипетских текстах сотисных датах,

---

[1] О. Д. Берлев в одной из своих последних статей указал в качестве даты самого раннего наблюдения в Египте появления при восходе солнца звезды Сириус 2767 г. до н.э. См.: *Берлев О. Д.* Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык–культура–сознание. М., 1999. С. 42–62. Эд. Мейер в качестве дат, в которые начало года по светскому древнеегипетскому календарю совпадало с началом сириусного (сотисного) года, называл: 19 июля 140–141 гг. до н.э., 19 июля 1321–1320 гг. до н.э., 19 июля 2781–2780 гг. до н.э., 19 июля 4241–4240 гг. до н.э. См.: *Meyer E.* Aegyptische Chronologie. S. 28.

[2] См.: *Meyer E.* Aegyptische Chronologie. S. 57–58.

[3] См.: Ancient records of Egypt. Historical documents…, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. I. P. 42.

Дж. Брэстед, Э. Мейер и другие египтологи определили хронологию правлений в Древнем Египте многих фараонов.

Эта хронология могла бы считаться более или менее точной, если бы расхождение между продолжительностью года по искусственно созданному календарю и длительностью сотисного года было постоянной величиной. То есть если бы новое совпадение начала года по древнеегипетскому календарю с началом сириусного (сотисного) года наступало всегда строго по прошествии 1460 лет. Египтяне называли этот большой — почти в полторы тысячи лет — промежуток времени «великим сириусным (сотисным) периодом». К. Р. Лепсиус, специально занимавшийся исследованием проблем хронологии Древнего Египта, пришел к выводу о том, что ко времени восшествия на трон правителей шестой династии (в частности, фараона Пепи I) египтяне стали считать продолжительность сотисного периода в 1505 лет вместо прежних 1460. Они якобы заметили, что расхождение между сириусным (сотисным) годом, с одной стороны, и годом по созданному ими календарю, с другой, составляет не шесть часов ровно, а пять часов сорок восемь минут сорок восемь секунд[1].

Хронологию, составленную на основе так называемых сотисных дат, можно было бы назвать достоверной, если бы документы древнеегипетской истории убедительно свидетельствовали о незыблемости гражданского календаря на протяжении всей истории Древнего Египта. Однако таких документальных свидетельств нет, но зато имеются факты, которые заставляют предполагать как раз обратное, а именно то, что указанный древнеегипетский календарь неоднократно менялся.

В частности, известно, что первую решительную попытку внести изменения в действовавший на территории Египта гражданский календарь с целью приведения его в полное соответствие с природным, чтобы его месяцы падали всегда на один и тот же природный сезон, предприняли гиксосы. Десятки, а возможно, и сотни лет в Египте действовал какой-то новый календарь. После того, как гиксосы были изгнаны из Египта, старый гражданский календарь был восстановлен.

---

[1] См.: *Lepsius K. R.* Die Chronologie der Aegypter: Einleitung und erster Theil. Kritik der Quellen. Berlin, 1849. S. 211.

По свидетельству друга Цицерона римского философа и астролога Нигидия Фигула (*Nigidius Figulus*, 98–45 гг. до н.э.), после изгнания гиксосов древнеегипетские фараоны стали давать во время ритуала коронации клятву «ни месяца, ни числа дополнительных дней, ни праздников не переменять, но сохранять (в календаре) 365 дней, как это было установлено древними»[1]. Это свидетельство подтверждает неопределенные сведения о реформе гражданского календаря, осуществленной гиксосскими властителями. Если бы этот календарь оставался все время незыблемым, фараонам не было бы никакого смысла приносить клятву верности ему.

В 238 году до н.э. фараон Птолемей III Эвергет[2] ввел своим декретом, одобренным ассамблеей египетских жрецов, небольшое изменение в рассматриваемый календарь: он распорядился добавлять к двенадцати месяцам каждый четвертый год с нового календарного года, который наступал тогда 22 октября, не пять дней как обычно, а шесть. Этим нововведением продолжительностью года по древнеегипетскому календарю сближалась с длительность сириусного (сотисного) года. Египтяне восприняли реформу своего календаря весьма прохладно, и фараон Птолемей IV[3] вынужден был отменить декрет своего предшественника на троне и восстановить тем самым традиционный египетский календарь.

Вторая попытка реформы данного календаря была предпринята после того, как Египет вошел в состав Римской империи. С 23 года до н.э. к истекшим двенадцати месяцам по древнеегипетскому календарю[4] снова стали добавлять каждый четвертый год не пять, а шесть дополнительных дней[5]. Древнеегипетский календарь привели, таким образом, в соответствие с действовавшим в Риме юлианским календарем. Египтяне снова показали свою при-

---

[1] «Neque mensem, neque diem intercalaturos se neque festum diem immutaturos, sed CCCLXV dies peracturos, sicut institutum sit ab antiquis». Цит. по: *Meyer E.* Aegyptische Chronologie. S. 31.

[2] Птолемей III Эвергет правил Египтом в 246–222 гг. до н.э.

[3] Птолемей IV Филопатор правил Египтом в 222–204 гг. до н.э.

[4] Новый календарный год начинался тогда 30 августа.

[5] См. подробнее об этом: *Ginzel F. K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Bd. 1. S. 224–228.

верженность к старому календарю, но греческая и римская части населения Египта охотно приняли это нововведение.

Очевидно, что для построения на основе сведений о древнеегипетском календаре подлинной хронологии истории Древнего Египта необходимо было множество дополнительных фактов, которые позволили бы определить, какому времени современного летоисчисления соответствуют периоды правлений фараонов или их династий, зафиксированные в различных древнеегипетских документах. По мере изучения исторических документов египтологи обнаруживали все больше таких фактов, но все они, как правило, допускали возможность неоднозначного толкования. Поэтому среди египтологов, занимавшихся реконструкцией хронологии древнеегипетской истории, всегда существовали серьезные расхождения во мнениях относительно дат тех или иных событий.

В качестве примера этих расхождений можно привести хронологические таблицы правлений древнеегипетских фараонов, составленные американским египтологом Дж. Г. Брэстедом и английским египтологом У. М. Флиндерсом Петри. Обе они были напечатаны в книгах, которые вышли в свет в один и тот же 1906 год.

Слева — даты, предложенные Дж. Г. Брэстедом, который представил в своей таблице хронологию правлений первых двадцати шести династий фараонов. Справа — датировка У. М. Флиндерса Петри, представившего данные по двадцати четырем династиям. Все даты приводятся в годах до нашей эры.

4241 год	—	введение календаря.
3400 год	—	восшествие на престол Менеса (и начало первой династии) — 5510 год.
3400–2980 годы	—	первая и вторая династии — 5510–4945 годы.
2980–2900 годы	—	третья династия — 4945–4731 годы.
2900–2750 годы	—	четвертая династия — 4731–4454 годы.
2750–2625 годы	—	пятая династия — 4454–4206 годы.
2625–2475 годы	—	шестая династия — 4206–4003 годы.
2475–2445 годы	—	седьмая и восьмая династии — 4003–3787 годы.
2445–2160 годы	—	девятая и десятая династии — 3787–3502 годы
2160–2000 годы	—	одиннадцатая династия — 3502–3459 годы.

2000–1788 годы — двенадцатая династия — 3459–3246 годы.
1788–1580 годы — с тринадцатой по семнадцатую династии — 3246–1580 годы.
1580–1350 годы — восемнадцатая династия — 1580–1322 годы.
1350–1205 годы — девятнадцатая династия — 1322–1202 годы.
1205–1200 годы — междуцарствие — [1]?
1200–1090 годы — двадцатая династия — 1202–1102 годы.
1090–945 годы — двадцать первая династия — 1102–952 годы.
945–745 годы — двадцать вторая династия — 952–755 годы.
745–718 годы — двадцать третья династия — 755–721 годы[2].
718–712 годы — двадцать четвертая династия — 721— ?
712–663 годы — двадцать пятая династия — ?
663–525 годы — двадцать шестая династия[3] — ?

В. В. Струве отмечал, что более или менее достоверную хронологию истории Древнего Египта возможно провести только со времен правления XII династии, поскольку, как он полагал, лишь с этих времен возможна проверка хронологических данных Манефона сведениями, отраженными на древнеегипетских памятниках[4]. Однако в исторической литературе даты, касающиеся XII и всех последующих династий древнеегипетских властителей, варьируются весьма значительно, хотя и не в такой большой степени, как даты, относящиеся к более ранним династиям.

Так, например, Манефон относил начало правления Аменемхета I, родоначальника XII династии, к дате, соответствующей 2000 году до н.э. Указанный год называли в качестве времени восшествия Аменемхета I на трон историки Дж. Г. Брэстед[5] и Ю. Я. Перепелкин[6]. Современные французские египтологи М.-А. Бонхем и А. Форго связывают начало правления Аменемхе-

---

[1] У. М. Флиндерс Петри не выделяет в данном времени периода междуцарствия.

[2] См.: *Flinders Petrie W. M.* Researches in Sinai. London, 1906. P. 175.

[3] См.: Ancient records of Egypt. Historical documents…, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. I. P. 40–47.

[4] *Струве В. В.* Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства. С. 400–401.

[5] См.: Ancient records of Egypt. Historical documents…, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. I. P. 42.

[6] *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 193.

та I и соответственно XII династии древнеегипетских верховных властителей с 1990 годом до н.э.[1] Немецкий египтолог фон Ю. Бекератх, специализирующийся, если судить по его работам последних лет, на теме хронологии истории Древнего Египта[2], датирует вступление Аменемхета I на трон 1976 годом до н.э.[3]

Расходятся мнения египтологов и при определении времени правления позднейших государей Древнего Египта. Манефон относил завоевание этой страны персами и восшествие на фараонский престол персидского монарха Камбиса, положившего начало XXVII династии, к дате, которая соответствовала 526 году до н.э.[4] Г. Бругш называл для этого события 527 год до н.э.[5] Дж. Г. Брэстед и Ю. Я. Перепелкин — 525 год до н.э.[6] Большинство современных египтологов также указывают 525 год до н.э. в качестве даты установления первого персидского владычества над Египтом[7].

---

[1] См.: *Bonhêm M.-A., Forgeau A.* Pharaon: les secrets du Puvoir. Paris, 1988. P. 329.

[2] См. его книгу: *Beckerath J.* Chronologie des ägyptischen Neuen Reiches. Hildesheim, 1994.

[3] *Beckerath J.* Nochmals zur Chronologie der XII Dynastie // Orientalia. Commentarii trimestres a facultate studiorum orientis antiqui pontificii instituti biblici in lucem edidit in urbe. Roma, 1995. Vol. 64. P. 445–449.

[4] См.: *Струве В. В.* Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства. С. 431.

[5] См.: *Бругш Г.* История фараонов // Все о Египте. М., 2000. С. 544.

[6] Ancient records of Egypt. Historical documents…, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. I. P. 47; *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 436.

[7] См.: *Bonhêm M.-A., Forgeau A.* Ibid. P. 330. Египтологи П. У. Пестман и Л. Депуи предприняли недавно попытку доказать, что начало правления Камбиса в Египте приходится на 529 г. (см.: *Pestman P. W.* Les papyrus démotiques de Tsenhor (*P. Tsenhor*). Les archives privées d'une femme égyptienne du temps de Darius Ier. Transcriptions hiéroglyphiques et paléographie établies par P. W. Pestman et S. P. Vleeming. V. I: Textes. Leuven, 1994; *Depuydt L.* Murder in Memphis: The Story of Cambyses's Mortal Wounding of the Apis Bull // Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1995. V. 54. P. 119–126). Эту новую датировку постарался опровергнуть современный французский историк Д. Девошель. Основываясь на текстах документов, он показал, что 525 г. до н.э. — наиболее достоверная дата вступления Камбиса на трон фараона Древнего Египта (см.: *Devauchelle D.* Un problème de chronologie sous Cambyse // Transeuphratène. Paris, 1998. V. 15. P. 9–17).

В 1906 году американский египтолог Джеймс Брэстед писал о чрезвычайно «запутанном состоянии современной хронологии ранней египетской истории»[1], и он имел все основания для такой оценки. В статье «Египет», опубликованной в 1910 году в одиннадцатом издании «Британской энциклопедии»[2], были сведены в одну таблицу даты начала правления Менеса, которые указывали в своих работах наиболее авторитетные египтологи. Получилась весьма впечатляющая картина.

Английский египтолог У. М. Флиндерс Петри в качестве времени восшествия Менеса на престол называл: сначала — 4777 год до н.э.[3], затем — 5510 год[4]. Французский египтолог Ф. О. Мариэтт относил начало правления Менеса к 5004 году до н.э., немецкий египтолог Г. Бругш и английский египтолог Э. Бадж называли в качестве даты этого события 4400 год до н.э., немецкий египтолог К. Лепсиус — 3893 год[5], а Дж. Брэстед — 3400 год[6], немецкий египтолог Курт Зете — 3360 год[7], немецкий египтолог Э. Мей-

---

[1] Ancient records of Egypt. Vol. 1. P. 25.

[2] Encyclopaedia Britannica. Vol. 9. Cambridge: The University Press, 1910. P. 79. Одиннадцатое издание «Британской энциклопедии» именуют «классическим» — вероятно, потому что оно стало первым, издаваемым рокфеллеровской «Standard Oil Company». Предшествовавшее одиннадцатому девятое издание (десятое никогда не выходило) «Британской энциклопедии» было выпущено издательством «Adam and Charles Black» в 1875–1890 гг., т. е. там, где она была основана. Десятое издание никогда не выходило, после покупки «Британской энциклопедии» кланом Рокфеллеров к выпуску было подготовлено почему-то сразу одиннадцатое издание, которое вышло в свет в Нью Йорке в 1910–1911 гг. в издательстве «Encyclopedia Britannica, Inc.».

[3] В 1894 г.

[4] В книге «Исследования в Синае», опубликованной в 1906 г. См.: *Flinders Petrie W. M.* Researches in Sinai. London, 1906. P. 175. В 1929 г. У. М. Ф. Петри датировал время восшествия Менеса на трон верховного египетского властителя 4553 г. до н.э.

[5] К. Р. Лепсиус назвал эту дату в книге «Хронология египтян», вышедшей в свет в 1849 г. См.: *Lepsius K. R.* Die Chronologie der Aegypter: Einleitung und erster Theil. Kritik der Quellen. Berlin, 1849. S. 284.

[6] В первом томе собрания Дж. Г. Брэстеда «Древние письменные памятники Египта». См.: Ancient records of Egypt. Vol. 1. P. 40.

[7] В работе «К древнейшей истории египтян». См.: *Sethe K.* Beitrage zur altesten Geschichte Aegyptens // Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens. Bd. III. Leipzig, 1905.

ер — 3180 год[1], К. Бунзен — 3059 год, сотрудник Британского музея Р. С. Пул — 2717 год, английский египтолог Дж. Уилкинсон — 2691 год[2].

Как видим, расхождение между первой и последней датами в приведенном списке достигает 2819 лет. Правда, все приведенные даты египтологи представляли в качестве приблизительных, но и при такой оговорке разногласия между ними были чрезвычайно большими.

§ 6. Условный характер современной хронологии истории древнеегипетского государства

Хронология истории Древнего Египта всегда являлась одной из самых сложных проблем египтологии. На трудности определения временных рамок древней египетской истории указывал еще ученый-энциклопедист XVII века Атанасиус Кирхер. «Столько разных мнений, столько путаницы в различных летописях, до такой степени различны и разнообразны установленные течения времени, извращения имен собственных, что хронологию древнего Египта можно назвать непознанной наукой»[3], — восклицал он в книге «Египетский Эдип». «Непознанной наукой» хронология истории Древнего Египта оставалась и в XVIII, и в XIX веках. На ее характер мало повлияли разгадка тайн древнеегипетской письменности в первые десятилетия XIX века и открытия, сделанные в процессе археологических изысканий на территории Египта в конце XIX – начале XX века.

Археологические раскопки, проводившиеся в Египте в течение XX века, изучение текстов, начертанных на древнеегипетских

---

[1] В книге «История древних египтян», опубликованной в 1887 г. См.: *Meyer E.* Geschichte des alten Egyptens. Berlin, 1887.

[2] В книге «Популярный очерк о древних египтянах» Дж. Г. Уилкинсон высказывал предположение о том, что Менес стал верховным правителем в Египте между 2000 и 3000 гг. до н.э. См.: *Wilkinson J. G.* A popular account of the ancient Egyptians. New York, 1854. Vol. 1. P. 307.

[3] *Kircher A.* Œdipus Ægyptiacus, hoc est Universalis Hieroglyphicæ Veterum Doctrinæ temporum inuria abolitæ INSTAURATIO. Opus ex omni Orientalium doctrina & sapientia conditum, nec non viginti diversarum linguarum authoritate stabilitum. Tomus I. Romæ, 1652. P. 83.

монументах и папирусах, — все это дало египтологам массу новых материалов о Древнем Египте. Однако состояние хронологии древнеегипетской истории осталось к началу XXI века в целом таким же, каким оно было столетие назад. «Как ни удивительно, но следует осознать, что зафиксировать подлинные и безусловные даты египетской хронологии чрезвычайно трудно»[1], — такой вывод сделал в своей книге «Летописи фараонов», вышедшей в свет в 1994 году, английский египтолог Питер Клэйтон.

Сведения, приведенные в «Египтиаке» Манефона, перестали рассматриваться в современной египтологии в качестве основы для построения хронологии династической истории Древнего Египта[2]. При определении дат пребывания у власти той или иной династии историки стараются ныне опираться на новые материалы, добытые в процессе археологических раскопок. Но эти материалы часто дают основания для самых различных датировок правления одной и той же династии. Поэтому расхождения в хронологии древнеегипетской истории не стали меньше в современной египтологии. В настоящее время ученые, как и прежде, поразному датируют не только ее основные события, но и правления конкретных древнеегипетских фараонов.

Английский историк У. Уод одну из основных причин этих расхождений видит в характере материалов, находящихся в распоряжении египтологов. По его мнению, на их базе точная хронология истории Древнего Египта не может быть построена, поскольку из них вытекают самые различные датировки одних и тех же событий[3]. Подобный вывод делал когда-то и русский египтолог Юрий Яковлевич Перепёлкин (1903–1982). «За недостаточностью данных, — отмечал он, — точное летоисчисление для большей части фараоновской древности неосуществимо»[4].

---

[1] *Clayton P.* Chronicles of the Pharaohs. London: Thames and Hudson, 1994. P. 12.

[2] Об этом довольно категорично заявляет в своей статье К. Китчен. См.: *Kitchen K. A.* The Historical Chronology of Ancient Egypt. A Current Assessment // Acta Archaeologica. Kobenhavn, 1996. Vol. 67. P. 1.

[3] См.: *Ward W. A.* The Present Status of Egyptian Chronology //Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Cambridge, 1992. Vol. 288. P. 53–66.

[4] *Перепёлкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 70.

Специалист по истории древнееврейской библии профессор Вандербильтского университета Джэймс Барр назвал свою статью о библейской хронологии «До-научная хронология»[1], подразумевая, что есть еще и научная хронология. К сожалению, все предлагаемые ныне в исторической литературе хронологии истории Древнего Египта являются до-научными.

Недостаток документальных материалов является, конечно же, серьезным препятствием на пути построения достоверной хронологии истории Древнего Египта. Но, думается, главная причина неудач египтологов в этом деле заключается в отсутствии надлежащей научной методики датировки событий древнеегипетской истории. Любая хронология древнеегипетской истории, когда-либо предлагавшаяся и предлагаемая в настоящее время в исторической литературе, носит поэтому в значительной мере условный характер.

Это обстоятельство необходимо иметь в виду, приступая к изучению истории древнеегипетского государства. Когда египтологи датируют с точностью до года исторические события, происходившие в птолемеевском Египте, то есть в последние три века существования Египта в качестве самостоятельного государства, это кажется вполне нормальным. В данном случае вполне можно поверить в то, что у них есть серьезные основания для таких датировок. И действительно, называемые в исторической литературе годы правлений Птолемея I Сотера (305–283 годы до н.э.), Птолемея II Филадельфа (285–246 годы до н.э.), Птолемея III Эвергета (246–222 годы до н.э.) и всех остальных египетских властителей династии Птолемеев подтверждаются множеством различных фактов. Но когда в исторической литературе называются с точностью до года периоды правлений фараонов, живших в третьем тысячелетии до н.э., это не может не вызвать удивления.

Так, например, с точностью до года определяются начало и окончание различных периодов древнеегипетской истории в книге французских египтологов Ж. Хьюссон и Д. Вальбелля «Государство и институты в Египте». По их мнению, период Древнего царства начался около 2635 года до н.э., а завершился около 2140 года,

---

[1] *Barr J.* Pre-scientific chronology: the Bible and origin of the world // Proceedings of the American philosophical society. 1999. Vol. 143. № 3. September. P. 379–387.

соответствующие даты Среднего царства — 2022 и 1650 годы, Нового царства — 1539 и 1069 годы и т. д.[1]

С точностью до года указывает даты правления древнеегипетских фараонов современный российский египтолог В. В. Солкин. Хронология Древнего Египта представляется им в следующих цифрах:

Древнее царство
Ок. 2707–2170 гг. до н.э.
III династия
(2707–2639)

Небка (2707–2690), Джосер (2690–2670), Сехемхет (2670–2663), Хуни (2663–2639), Хаба (2663–2639)[2].

IV династия
(2639–2504)

Снофру (2639–2604), Хафра (2572–2546), Хуфу (2604–2581), Менкаура (2545–2511), Джедефра (2581–2572), Шепсескаф (2511–2506)[3].

Датировка событий египетской древности, происходивших несколько тысячелетий назад, в столь точных цифрах неизбежно порождает вопросы о том, откуда берутся такие цифры и какова методика этой датировки.

Очевидно, что правильная хронология истории Древнего Египта должна основываться не только на понимании особенностей древнеегипетского календаря, но и на сведениях о социальном и политическом устройстве этой страны, на знаниях о том, как развивалось государство Древнего Египта. Ведь для того, чтобы определить даты правлений фараонов, необходимо знать, в каком порядке они сменяли друг друга на престоле, сколько лет каждый из них правил, все ли они были единоличными правителями и не было ли таких периодов в древнееги-

---

[1] *Husson G., Valbelle D.* L'etat et les institutions en Égypte. Des premiers pharaons aux empereurs romains. Paris, 1992. P. 337–338.

[2] Одинаковые даты правлений у двух фараонов — это не моя ошибка, такие даты называются в книге Солкина.

[3] См.: *Солкин В. В.* Египет: вселенная фараонов. М., 2001. С. 392–394.

петской истории, когда несколько фараонов правили одновременно.

По мере получения новых знаний по истории Древнего Египта у египтологов всякий раз появлялись и новые «хронологии» ее. Можно с уверенностью предположить, что датировки различных периодов и событий в развитии древнеегипетского государства будут меняться и в дальнейшем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

История древнеегипетской государственности охватывает приблизительно три с половиной тысячи лет. Ее начало датируется серединой IV тысячелетия до н.э., а конец — 30 годом до н.э., когда Египет был включен в состав Римской империи в качестве одной из ее провинций. Описание столь продолжительной истории было бы весьма хаотичным, если бы она не делилась при этом на определенные периоды. В современной египтологии используются два основных способа ее периодизации: 1) по династиям верховных властителей (фараонов), 2) на эпохи в развитии государственности.

§ 1. Периодизация истории Древнего Египта по династиям верховных властителей

Первый способ периодизации истории древнеегипетской государственности — *ее деление на периоды правления династий верховных властителей* — стал применяться еще в Древнем Египте. Об этом свидетельствуют многие документы — например, так называемый «Туринский список правителей (Turin Royal Canon)» и дошедшие до нас фрагменты сочинения египетского жреца Манефона Севеннитского «Египтиака (Αἰγυπτιακά)», написанного на греческом языке по приказу фараона Птолемея I Сотера или Птолемея II Филадельфа.

«*Туринский список правителей*» или «Туринский папирус» — это кусочки папируса, на котором в годы правления фараона XIX династии Рамсеса II (приблизительно 1279–1213 гг. до н.э.) были начертаны иератикой имена верховных властителей, пра-

вивших в Египте в прошлом, то есть в течение двух с половиной тысяч или более лет. Рядом с именем того или иного властителя на папирусе указывалась, как правило, длительность его правления в годах. В ряде случаев количество лет правления называлось не для одного какого-либо властителя, а для нескольких из них, следующих один за другим. Таким образом выделялись династии верховных властителей.

Данный папирус был найден в 1822 году при раскопках захоронений в районе Фив, причем состояние его было тогда вполне удовлетворительным. В том же году этот документ приобрел Бернардино Дроветти (*Bernardino Drovetti*), генеральный консул Франции в Египте. В начале 1824 года он продал папирус королю Пьедмонт-Сардинии Карло Фелице Джузеппе Марии (*Carlo Felice Giuseppe Maria*), который спустя некоторое время подарил его Египетскому музею города Турина (*Museo Egizio di Torino*). При перевозке папируса из Египта в Италию он не был упакован надлежащим образом и рассыпался на множество фрагментов[1]. Начало и конец списка верховных властителей и вовсе были утрачены.

Первым из египтологов с этим документом, получившим по месту хранения наименование «Туринского», ознакомился Жан Франсуа Шампольон, приехавший в июне 1824 года в Турин по приглашению государственного секретаря королевства Пьедмонт-Сардинии. Увидев, в каком состоянии находится папирус, французский ученый испытал, как он впоследствии признавался, самое горькое разочарование в своей жизни.

В «*Египтиаке*» *Манефона Севеннитского* история древнеегипетской государственности была так же, как и в «Туринском списке правителей», представлена в качестве последовательной смены династий верховных властителей. Согласно Манефону, сначала это была династия богов, ее сменила династия полубогов или героев[2]; после нее Египтом правили тридцать династий властителей из людей. Обозначая имена египетских правителей, Манефон указывал — в тех случаях, когда знал это, — количество лет, которое каждый из них пребывал у власти. Вместе с тем он старался обозначить и количество лет правления и для династии в це-

---

[1] Одни египтологи насчитывают 160 фрагментов, другие — 164.

[2] Полубоги или герои — это сыновья Богов, рожденные смертными женщинами.

лом. Первым верховным властителем Египта из людей египетский жрец-историк называл Менеса Тинисского (Μήνης Θεινίζης).

Термином «династия» Манефон обозначал группу египетских правителей, в рамках которой передавалась верховная власть. При этом главным признаком, образующим династию, было для него не кровное родство, не принадлежность их к одной семье, а город или местность, откуда они происходили и где находилась их резиденция и администрация. Так, о второй династии Манефон писал, что она состояла «из трех тинисских правителей (басилевсов)»[1]; третья династия состояла, по его словам, «из девяти мемфисских правителей (басилевсов)», четвертая династия — «из восьми мемфисских правителей (басилевсов) различных родов»[2], пятая — «из девяти элефантинских правителей (басилевсов)»[3]. О тридцатой династии Манефон написал, что она состояла «из трех севеннитских правителей (басилевсов)»[4]. Завершив этой династией описание египетской истории, автор «Египтиаки» оставил тем не менее упоминание еще об одной династии — тридцать первой по счету. Ее составили, по словам Манефона, три правителя (басилевса) из персов[5]. Тридцать второй и последней династией египетских фа-

---

[1] The Ancient Fragments. P. 52.

[2] *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ // Corpus scriptorium Historiae Byzantinae Georgius Syncellus et Nicephorus. Volumen I. Bonnae, MDCCCXXIX (1829). P. 104.

[3] Ibid. P. 107.

[4] Ibid. P. 145.

[5] Кристиан Бунзен утверждал в своем труде «Место Египта в мировой истории», что Манефон Севеннитский завершил свою историю Египта описанием тридцатой династии верховных властителей, в которой последним был юный фараон Нектабо. При этом немецкий египтолог ссылался на высказывание Георгия Синкелла в «Хронографической эклоге», что Манефон представил в своем произведении тридцать династий (*Bunsen Ch. C. J.* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. Geschichtliche Untersuchung in fünf Büchern. Erstes Buch. Hamburg, 1845. S. 101). Мнение Бунсена относительно количества династий, представленных в Манефоновой «Египтиаке», разделял также Эдуард Мейер. По его словам, «то, что Манефон знал только 30 династий и завершил свое произведение завоеванием Египта Охом, является несомненным» (*Meyer Ed.* Aegyptische Chronologie // Philosophische und historische Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften aus dem Jahre 1904. Berlin, 1904. S. 209). Георгий Синкелл действительно писал в своей «Хронографической эклоге» о том, что Манефон представил тридцать династий (см.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ

раонов стали Птолемеи. Кровное родство играло немаловажную роль в процессе наследования верховной власти в рамках династии. В династии, основанной Менесом Тинисским, титул верховного властителя передавался исключительно от отца к сыну[1]. Не всегда, но довольно часто сыновья наследовали верховную власть и в других династиях.

Вплоть до середины 90-х годов XIX века египтологи считали сообщение Манефона о правителях, предшествовавших Менесу из Тиниса, не более чем легендой. Более того, они сомневались в реальности и первых династий правителей-людей, поскольку при археологических раскопках не обнаруживалось каких-либо памятников, которые могли свидетельствовать об их существовании[2].

Данное положение изменилось после раскопок, которые провел зимой 1895–1896 года в местности близ города Абидоса французский египтолог Эмиль Клемент Амелино (*Emile Clement Amélineau*, 1850–1915). В раскопанных здесь захоронениях он обнаружил иероглифические надписи, запечатлевшие имена каких-то древнеегипетских властителей. По своему внешнему виду эти захоронения явно предшествовали всем тем, которые раскапывались на территории Египта до этого. Более того, это были имена, которыми назывались боги: Хор, Осирис, Сет. В отчете о первых своих раскопках в Абидосе профессор Амелино писал: «Нет никакой материальной невозможности допустить, что правители,

---

ХРОНОГРАФІАΣ. P. 97). Однако свое изложение фрагментов из «Египтиаки», посвященных династиям древнеегипетских правителей, греческий монах-летописец закончил, тем не менее, тридцать первой династией. Назвав имена составивших эту династию правителей из персов (Охос, Арсес, Дарейос), он счел необходимым заметить: «Ταῦτα τοῦ τρίτου Μνεθώ (Эти трое от Манефона)» (ibid. P. 146). В латинском варианте замечание Георгия Синкелла «Ταῦτα τοῦ τρίτου Μνεθώ» имеет несколько иное содержание: «Haec ex tertio Manethonis libro (Это из третьей Манефоновой книги)» (ibidem).

[1] Согласно «Египтиаке» (как в варианте Юлия Африканского, так и по Евсевию Памфилу), наследником Менеса Тинисского был его сын Атотис, власть которого в свою очередь унаследовал его сын Кенкенес. Затем правил сын последнего Овенефес и т. д. См.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 101–103.

[2] «По трем первым династиям нет никаких памятников», — с сожалением констатировал в 1885 г. немецкий египтолог Адольф Эрман (*Erman A.* Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1885. S. 63).

чьи имена были обнаружены мною, могли предшествовать первой династии: совсем напротив, они совершенно согласуются с традицией, принятой в Египте и переданной нам Манефоном»[1]. Предельная осторожность, проявленная французским египтологом в данном выводе, была вполне закономерной: его находка означала, что древнеегипетские властители, которые в «Египтиаке» Манефона считались богами или полубогами и рассматривались соответственно всеми историками в качестве мифических персон, являлись на самом деле… людьми.

В 1896 году французский археолог Жак Жан Мари де Морган (*Jacques Jean Marie de Morgan,* 1857–1924) обнаружил при раскопках в местности Негада, расположенной южнее Абидоса, большую гробницу. В ней находилась дощечка из слоновой кости, на которой было вырезано имя Хор-Аха вместе с именем Менеса[2]. Властитель, которого еще античные историки называли основателем древнеегипетского государства, оказался не выдуманным, а действительно жившим человеком.

Зимой 1896–1897 годов Эмиль Амелино продолжил раскопки у Абидоса. На этот раз ему не удалось сделать таких же интересных находок, какие он сделал прошлой зимой. Но то, что Амелино обнаружил, еще более утвердило его во мнении, что он случайно наткнулся на место захоронения древнеегипетских властителей первой и второй династий. В отчете о вторых абидосских раскопках французский египтолог проявлял в своих выводах намного больше уверенности, чем прежде. Свою гипотезу о принадлежности обнаруженных им захоронений властителям первой и второй древнеегипетской династии он высказал уже как почти установленный факт. Более того, Амелино выразил вполне обоснованное подозрение о том, что «имена двух правителей вполне могли применяться к персонам, принадлежащим к доисторическим династиям»[3]. «Мне позволительно сказать в этом году, — заявил Амелино в конце своего отчета о раскопках, — что эта гипотеза,

---

[1] *Amélineau E.* Les fouilles d'Abydos. Angers, 1896. P. 45.

[2] Ж. Морган описал это открытие во втором томе своей книги «Исследования происхождения Египта». См.: *Morgan J. J.* Recherches sur les origines de l'Egypte, T. II. Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Negadah, Paris, 1897. P. 158–159.

[3] *Amélineau E.* Les nouvelles fouilles d'Abydos (1896–1897). Paris, 1897. P. 46.

которая кажется слишком смелой, встретила огромное количество одобрений со стороны ученых, хотя они и ограничены двумя первыми династиями. Во всяком случае, то, что я нашел династии, которые предшествуют Менесу, или то, что обнаружил две первые исторические династии, является открытием большой важности, которое нельзя будет отрицать»[1].

Открытие Эмиля Амелино подтвердило историческую достоверность списка древнеегипетских властителей, составленного Манефоном. Первые две династии в Манефоновом списке назывались тинисскими. Древнеегипетский город Тинис располагался близ Абидоса, именно в том месте, где французский археолог производил столь плодотворные раскопки.

Археологические раскопки последних лет XIX века, которые вели английские египтологи У. М. Флиндерс Петри и его ученик Джеймс Эдвард Квибелл (*James Edward Quibell*, 1867–1935), позволили получить новые материалы, показывающие, что государство на территории Древнего Египта существовало еще во времена, предшествовавшие Менесу. Зимой 1897–1898 года при осмотре храма Иераконполиса Джеймс Квибелл обнаружил в нем таблички с именами четырех властителей, правивших в Египте до Менеса, а именно: Нар-мера, Скорпиона, Кха-секхема и Кха-секхемуи. Иераконполисский храм являлся, по всей видимости, местом их коронации. Копии найденных здесь табличек Дж. Квибелл напечатал в 1900 году в первой части книги «Иераконполис» вместе с комментариями к ним, сделанными У. М. Ф. Петри[2]. «Положение Нар-мера, — говорилось в этих комментариях, — теперь зафиксировано открытиями в Абидосе как соответствующее началу первой династии… король Скорпион должен стоять рядом с Нармером, являясь, вероятно, его предшественником, если это имя не может быть в действительности другим титулом того же самого лица. Первая династия, кажется, целиком пребывала в Абидосе; ни одного имени этой группы не было обнаружено в Иераконполисе. Положение Кха-секхемуи ясно показано природой предметов, найденных в могиле в Абидосе, — быть после первой династии, и, вероятно, до середины второй династии. И с точки зре-

---

[1] *Amélineau E.* Les nouvelles fouilles d'Abydos (1896–1897). Paris, 1897. P. 47.

[2] См.: *Quibell J. E.* Hierakonpolis. Part I. With notes by W. M. F. P[etrie]. London, 1900.

ния высоко развитого стиля статуи Кха-секхема, он должен быть помещен приблизительно в этот же период. Из его имени, которое является более простой формой, чем имя Кха-секхемуи, следут, что он скорее всего предшествовал этому монарху. Таким образом, двое из этих правителей принадлежат, вероятно, к концу династии десяти правителей, правивших до Менеса, которая, поскольку она предшествовала первой династии, должна называться здесь нулевой династией (династией 0)»[1].

В течение XX столетия археологами было найдено множество новых материальных следов древнеегипетской цивилизации архаичной эпохи. В 1905–1906 годах английский археолог Джон Гарстанг (*John Garstang*, 1876–1956) обнаружил целый ряд захоронений додинастического времени в Иераконполисе[2]. В 1906–1908 годах десятки могил и остатков поселений додинастического и раннединастического периода были обнаружены при раскопках в Накаде. Их проводил французский археолог Жак Жан Мари де Морган (*Jacques Jean Marie de Morgan,* 1857–1924). В 1909–1913 годах швейцарский ученый Генри Эдуард Навилль (*Henry Edouard Naville*, 1844–1926) и английский археолог Томас Эрик Пит (*Thomas Eric Peet*, 1882–1934) раскопали и исследовали множество ранее неизвестных египтологам могил додинастической эпохи в Абидосе[3]. В 1912–1913 годах У. М. Ф. Петри и Дж. Квибелл обнаружили несколько больших гробниц архаической эпохи на севере Саккары. С 1930 года развернулись археологические раскопки южнее Каира в местечке под названием Маади. Они продолжались с перерывами в течение нескольких десятилетий. Особенно интенсивно изучение начальной истории Древнего Египта шло в последние два десятилетия указанного столетия[4].

---

[1] *Petrie W. M. F.* Notes on plates // Ibid. P. 5.

[2] См. об этом: *Garstang J.* Excavation at Hierakonpolis and their Relevance to Predynastic Production and Settlement // Societes Urbaines en Egypte et au Soudan. Cahiers de recherches de l'Institute de Papyrologie et d' Egyptologie de Lille. № 11. Lille, 1907. P. 41–52.

[3] См.: *Naville H. E., Peet Th. E.* The Cemeteries of Abydos. Part I: 1909–1910. Part 2: 1911–1912. Part 3: 1912–1913. London, 1913–1914.

[4] См., например: *Adams B.* Predynastic Egypt. Aylesbury, 1988; *Kemp B. J.* Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London: Routledge, 1989; *Wenke R. J.* The Evolution of Early Egyptian Civilization: Issues and Evidence // Journal of World Prehistory. 1991.

В результате него оказалось возможным представить некоторые черты цивилизации, которая существовала на территории Египта в эпоху, предшествовавшую времени правления первой династии верховных властителей, упомянутой в «Египтиаке» Манефона Севеннитского[1].

§ 2. Недостатки периодизации истории Древнего Египта по династиям верховных властителей

Деление истории древнеегипетской государственности на периоды правления династий верховных властителей до сих пор используется в египтологии, хотя очевидно, что этот способ периодизации является весьма условным. Единое государство существовало в Древнем Египте не всегда. Оно складывалось постепенно путем объединения мелких государственных образований под властью одного верховного властителя и на протяжении своей истории неоднократно распадалось на ряд самостоятельных государств. Поэтому некоторые династии верховных властителей, выделенные Манефоном, правили одновременно в различных частях Древнего Египта. С другой стороны, некоторые фараоны были соправителями, правили в одно и то же время.

На эту мысль наводит высказывание Георгия Синкелла в «Хронографической эклоге» о том, что Манефон в трех книгах «Египтиаки» представил историю тридцати династий, охватыва-

---

№ 5. P. 279–329; *Midant-Reynes B.* Prehistoire de l'Égypt. Des Premiers Hommes aux Premiers Pharaohs. Paris, 1992; The Nile Delta in Transition: 4th-3rd Millennium B.C. / Ed. by Edwin C. M. van den Brink. Jerusalem, 1992; International Conference «Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt» (Cracow, Poland: 28th August – 1st September 2002). Abstracts of Papers / Ed. by K. M. Ciałowicz, M. Chłodnicki and Stan Hendrickx. Cracow, 2002 и др.

[1] См.: *Frangipane C. I. M. and Palmieri A.* Predynastic Egypt: New Data from Maadi // African Archaeological Review. 1987. № 5. P. 105–114; Late Prehistory of the Nile Basin and the Sahara / Ed. by L. Krzyzaniak and M. Kobusiewicz. Poznan: Muzeum Archaeologiczne, 1989. P. 287–293; *Seeher J.* Maadi — eine pradynastische Kulturgrupper zwischen Oberagypten und Palastina // Praehistorische Zeitschrift. 1990. Bd. 65. S. 123–156; *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005 и др.

ющую 3555 лет — от 1586 до 5140 года от сотворения мира[1]. Если сложить указанное Манефоном время правления всех этих династий, получится сумма лет, намного превышающая эту цифру, а именно: 5462 — в варианте Юлия Африканского и 5245 — по версии Евсевия Памфила[2]. Разница между последней цифрой и числом 3555, равная 1916 или 1690 годам, и составляет время, в течение которого Египтом управляли два или более верховных властителя.

Евсевий Памфил, приступая в своей «Хронике» к изложению Манефоновой «Египтиаки», счел необходимым указать, что общая сумма лет правления древнеегипетских властителей является чрезмерно большой оттого, что многие из них правили в одно и то же время. Мне было сообщено, заметил он при этом, что Тинисские, а также Мемфисские, Саисские и Эфиопские властите-

---

[1] *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 98. По словам французского египтолога Жана Либлейна, «цифра 3555 не могла быть изобретена в позднейшие времена, а напротив, основывается на истинном Манефоне (le chiffre de 3555 ne peut par avoir été inventé après coup, mais qu'il est au contraire base sur le vrai Manéthon)» (*Lieblein J.* Recherches sur la chronologie égyptienne d'après les listes généalogiques. Christiania, 1873. P. 4). Английский историк Джон Кенрик (*John Kenrick*, 1788–1877) писал по поводу цифры 3555, которой Манефон, по свидетельству Георгия Синкелла, обозначил общий срок правления тридцати династий: «Эти египетские года эквивалентны 3553 юлианским годам и добавленные к 339 годам до христовой эры, когда завершилось правление тридцатой династии, дают 3892 год до христовой эры в качестве начала правления Менеса. Нет ничего невероятного в такой древности египетской монархии, но… она не может считаться исторически доказанной» (*Kenrick J.* Ancient Egypt under the pharaohs. In two volumes. London, 1850. Vol. 2. P. 110).

[2] В тексте «Египтиаки» Манефона, воспроизведенном в «Хронографии» Юлия Африканского и впоследствии изложенном в «Хронографической эклоге» Георгия Синкелла, указывается, что первые одиннадцать династий правили в общей сложности 2300 лет, династии с двенадцатой по девятнадцатую — 2121 год, династии же с двадцатой по тридцать первую — 1050 лет. Отсюда вытекает, что общее время правления тридцать одной династии составляет 5471 год, а поскольку тридцать первая династия пребывала у власти девять лет, то получается что тридцать династий правили 5462 года. В варианте Евсевия Памфила общее количество лет правления для первых одиннадцати династий обозначено цифрой 2300, для династий с двенадцатой по девятнадцатую — 2121 (в тексте «Хронографической эклоги» Георгия Синкелла стоит цифра 1121, которая явно ошибочна), с двадцатой по тридцатую — 824. Отсюда и получается общая цифра 5245.

ли правили одновременно в различных местах и не наследуя друг другу[1].

О семнадцатой династии в «Египтиаке» Манефона Севеннитского говорится (в варианте Юлия Африканского), что она состояла из 43 гиксосских правителей и 43 диосполисских[2]. По всей видимости, это и есть один из тех случаев, когда правили одновременно в разных местах и не наследуя друг другу несколько монархов.

Но вполне могло быть и так, что одновременно правили целые династии. Так, немецкий египтолог Ф. Лаут, анализируя сохранившиеся фрагменты «Египтиаки» Манефона Севеннитского, пришел к выводу о том, что династии с седьмой по одиннадцатую правили одновременно в течение приблизительно 185–204 лет[3].

Надписи на древнеегипетских памятниках, прочитанные египтологами после того, как было расшифровано значение иероглифов, показали, что одновременное правление двух или более самостоятельных властителей было весьма распространенным явлением в истории древнеегипетской государственности. Кристиан Бунзен писал по этому поводу: «Таким образом, весьма достоверно, однако, что в Манефоновом списке также нигде не обнаруживаются правления, осуществляемые наряду с другим. И все-таки памятники показывают подобное в древней империи (в двенадцатой династии)»[4].

---

[1] «Porro si quoque valde auctus temporum numerus reperiatur, tamen et illius diligenter rationem scrutari oporteat; forte enim iisdem temporibus multos reges Ægyptiorum simul fuisse contigerit. Siquidem Thinitas aiunt et Memphitas, Saitasque et Æthopes regnasse, ac interim alios quoque; et sicut mihi videtur alios alibi, minime autem alterum alteri successisse; sed alios hic, aliosque illic regnare oportuisse» (Eusebii Phamphili Chronicon bipartitum, nunc primum ex Armenico textu in Latinum conversum, adnotationibus auctum, Græcis fragmentis exornatum, opera P. Joannis Baptiste Aucher, Ancyrani, Monachi Armeni. Venetiis, 1818. P. 201–202).

[2] См.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 114.

[3] *Lauth F. J.* Aus Aegyptens Forzeit. Eine übersichtliche Darstellung der ägyptische Geschichte und Cultur von den ersten Anfängen bis auf Augustus. Berlin, 1881. S. 21.

[4] «So viel ist aber sicher, daβ auch in Manetho's Listen sich nirgends Regierungen *neben einander* aufgeführt finden. Und doch zeigen die Denkmäler dergleichen im alten Reiche (in der zwölften Dynastie)» (*Bunsen Ch. C. J.* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. S. 120).

Подобные факты нарушают стройность периодизации истории древнеегипетской государственности по династиям верховных властителей.

Обнаружение в результате археологических раскопок материальных следов существования государства в эпоху, предшествовавшую времени правления династии, которая была обозначена в «Египтиаке» Манефона в качестве первой, сделало недостатки периодизации древнеегипетской истории по династиям еще более явными. Указанная эпоха получила в египтологии наименование «додинастического периода», а древнеегипетская цивилизация этой эпохи стала называться «додинастической цивилизацией (predynastic civilisation)»[1]. При этом правившие на протяжении данного периода группы верховных властителей стали так же, как и их преемники, называться термином «династия». В результате возникла парадоксальная ситуация: называя начальную эпоху истории древнеегипетской государственности «*додинастическим* периодом», египтологи вместе с тем говорят о существовании в данную эпоху «*династий*» верховных властителей. Абсурдность такой периодизации выразило и название этих династий «династией 0» («нулевой династией») и «династией 00».

Обозначение династии, предшествовавшей «нулевой династии», династией с двумя нулями было введено в научный оборот в 1992 году немецким археологом Гюнтером Дрейером[2]. Но данный термин пока не получил широкого признания среди египтологов. И не только потому, что выглядит довольно необычным. Многие признаки свидетельствуют, что правители, объединенные Г. Дрейером в «династию 00», являлись в действительности племенными вождями, не связанными друг с другом родственными узами.

---

[1] Данный термин использовал, например, американский египтолог Джеймс Брэстед. «При раскопках последнего десятилетия, — писал он в 1905 г. в книге “История Египта”, — додинастическая цивилизации постепенно открылась в материальных документах, представляющих различные стадии в медленной эволюции, которая в конце концов создала династическую культуру» (*Breasted J. H.* History of Egypt. From the earliest times to the Persian conquest. Second edition, fully revised. New York, 1909. P. 14).

[2] См.: *Dreyer G.* Recent Discoveries at Abydos Cemetery U // The Nile Delta in Transition: 4th-3rd Millennium B. C. / Ed. by Edwin C. M. van den Brink. Jerusalem, 1992. P. 293–299.

Периодизация истории древнеегипетской государственности на династии верховных властителей предполагает их деление на устойчивые группы, в рамках которых осуществлялась передача власти от одного лица к другому. Но такой порядок правления действовал в Древнем Египте не во все эпохи. В его истории неоднократно бывали случаи, когда верховная власть передавалась без какого-либо порядка, то есть осуществлялась в течение какого-то периода времени персонами, которые ни по кровнородственному, ни по этническому, ни по какому другому признаку не составляли общности, которую можно было назвать «династией».

Явно случайным, не имеющим какой-либо объективной основы, является деление верховных властителей на первые шесть династий. Во всяком случае, египтологи не могут привести исторических фактов, способных объяснить, по какой причине фараоны, имена которых стоят в списках династий первыми или последними, относятся именно к этой, а не к предыдущей или последующей династии. При сравнении династий «Египтиаки» Манефона с династиями, указанными в «Туринском списке правителей», обнаруживается много несовпадений. А ведь историк-жрец основывался при составлении своего труда на документах, подобных «Туринскому папирусу».

Произвольным, не опирающимся на исторические факты является объединение верховных властителей, правивших в Египте после двенадцатой династии, в династии тринадцатую и четырнадцатую. В «Туринском папирусе» эти властители чаще всего просто называются по именам. При этом лишь в некоторых случаях указывается, сколько лет правил тот или иной властитель, и совсем не приводится количество лет правления, общее для какой-то их группы[1]. Это означает, что фараоны тринадцатой и четырнадцатой династий рассматривались составителем «Туринского списка правителей» в качестве совокупности отдельных лиц, не образующих собой какой-либо общности.

В отрывке из Манефоновой «Египтиаки», приведенном Юлием Африканским, о тринадцатой династии сообщается лишь то,

---

[1] См.: *Malek J.* The Original Version of the Canon Royal of Turin // The Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 105.

что она состояла из 60 диосполисских[1] властителей, правивших 184 года. О четырнадцатой же династии здесь ничего не говорится[2]. В варианте же этого отрывка, изложенного Евсевием Памфилом, тринадцатая династия представляется состоящей из 60 диосполисских властителей, правивших 453 года[3], а четырнадцатая — из 76 ксоисских властителей, правивших 484 года[4].

Пятнадцатую династию Манефон назвал пастушеской, отметив, что она состояла из шести иностранных финикийских правителей (басилевсов). При этом в «Египтиаке» были приведены их имена и указано, сколько лет правил каждый из них. Общее же количество лет их правления было обозначено цифрой 284 — согласно фрагменту, приведенному Юлием Африканским, и 250 — по Евсевию Памфилу[5].

Если применительно к ранней эпохе истории древнеегипетской государственности периодизация по династиям верховных властителей является слишком условной, лишенной какого-либо объективного основания, а в некотором смысле даже абсурдной, то относительно поздней эпохи этой истории она является вполне обоснованной. Группы верховных властителей последнего тысячелетия существования древнеегипетского государства действительно являлись династиями. Династию явно составляли, например, Птолемеи, правившие Египтом с 323 до 30 года до н.э.

§ 3. Разработка периодизации древнеегипетской истории на эпохи в развитии государственности (вторая половина XIX века)

В современной египтологии деление истории Древнего Египта на периоды правления династий верховных властителей применя-

---

[1] Диосполис — средневековое название древнеегипетского города, который древние греки именовали как Фивы.

[2] См.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 113; The Ancient Fragments; containing what remain of the writings of Sanchoniato, Berossus, Abydenus, Megasthenes, and Manetho. P. 58.

[3] См.: *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 114.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

ется чаще всего в сочетании с другим способом периодизации — *на эпохи в развитии государственности*.

Первым такой критерий периодизации истории древнеегипетского государства использовал, кажется, немецкий историк Арнольд Герман Людвиг фон Геерен (*Arnold Hermann Ludwig von Heeren*, 1760–1842) во второй части книги «Идеи о политике, путях сообщения и торговле знатнейших народов древнего мира», посвященной африканским народам и в том числе египтянам. Данная книга впервые появилась в Геттингене в 1793 году[1]. Впоследствии она многократно переиздавалась как на немецком, так и на других европейских языках[2].

Описывая в главе «Politischer Zustande des alten Aegyptens (Политическое состояние древних египтян)» борьбу фараонов против господствовавших в Древнем Египте иноземных завоевателей — гиксосов, А. Г. Л. Геерен заявил, что «изгнание гиксосов из Египта стало по своим последствиям величайшим событием для страны. Оно восстановило для них самостоятельность, вследствие чего было положено основание для объединения всех частей страны под одним властителем, что хотя, вероятно, и не сразу, но по истечении некоторого времени способствовало началу блестящего периода империи»[3].

---

[1] *Heeren A. H. L.* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Zweyter Theil: Africanische Völker, Carthager, Aethiopier, Aegypter. Göttingen, 1793. На титульном листе данного издания А. Г. Л. Гереен назван «экстраординарным профессором философии (außerordentlichen Professor der Philosophie). В 1794 г. он стал ординарным профессором философии Геттингенского университета, а в 1801 г. — ординарным профессором истории. Я пользовался четвертым изданием данной книги, «сильно улучшенным и переработанным», вышедшим в Геттингене в 1826 г.

[2] Английское издание этой книги вышло под названием: Historical Reseaches into the Politics, Intercourse and Trade of the Carthaginians, Ephiophians and Egyptians. By A. H. L. Heeren. Translated from the german. Vol. II. Oxford, 1832. Французское издание: Idées sur les relations politiques et commerciales des anciens peuples de l'Afrique. Ouvrage traduit de l'Allemand de A. H. L. Heeren. Tome second. A Paris. An VIII, de la République Française (1799–1800).

[3] *Heeren A. H. L.* Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Zweyter Theil: Africanische Völker. Zweyter Abtheilung: Aegypter. Vierte, sehr verbesserte und umgearbeitee, Aufgabe. Mit einer Charte und einem Grundriβ. Göttingen, 1826. S. 119–120.

В сноске к первой фразе приведенного фрагмента немецкий ученый счел необходимым заметить: «Несмотря на то, что хронологические исследования лежат за рамками этого произведения, для ясности все же требуется определить главные эпохи, если это возможно сделать для истории, которую мы вынуждены считать столетиями, а не годами. Должно различать здесь *четыре* периода. *Первый* — со времени, предшествовавшего 2000 году, по 1800 год до хр. э.: период колонизации долины Нила и территории Нижнего Египта, когда образовались способом, описанным выше, многочисленные государства, но уже Фивы и Мемфис стали очень значимыми. Уже Авраам нашел государство в Нижнем Египте около 2000 года до хр. э.; и два столетия спустя, во времена Иосифа, в 1800 году до хр. э., государство, в котором он играл столь великую роль, вероятно, Мемфис, было столь могущественным, что охватывало Средний и Нижний Египет. *Второй* — от 1800 по 1700 год до хр. э.: период *гиксосов*, поработивших Средний Египет. Туземные государства продолжали здесь существовать, в большей или меньшей степени как даннические государства (tributaire Staaten), особенно фиванское государство. Победитель в большинстве случаев воспринял нравы покоренных, однако через это утратил в значительной мере свой воинственный характер. Период Моисея, т*ретий* — от 1700 по 700 год до хр. э. Период Сесостриса и сесостридов, которые после изгнания гиксосов властвовали над всем Египтом. С этого времени начался самый блестящий период в истории государства, в течение которого было возведено большинство великих архитектурных монументов. Однако к концу этого периода, с 800 года до хр. э., государство стало клониться к упадку, частью из-за вторжений правителей Эфиопии и Мероэ, частью из-за внутренних беспорядков, так что последствием стала додекархия (правление двенадцати монархов. — *В. Т.*), длившаяся до Псамметиха из Саиса, ставшего единоличным властителем Египта. *Четвертый*, от 700 по 528 год до хр. эры: период саисской династии, до персидского вторжения»[1].

Предложенная Арнольдом Гееренoм периодизация истории древнеегипетской государственности основывалась на исторических фактах и являлась в связи с этим более реалистичной, чем деление истории Древнего Египта на периоды правления династий

[1] *Heeren A. H. L.* Op. cit. S. 119–121.

верховных властителей. Однако египтологи эту периодизацию, по-видимому, совсем не заметили. Впрочем, и автор ее не придавал ей большого значения и писал о ней не в основном тексте своей книги, а в одной из сносок.

Более известной в египтологии стала периодизация, которую дали истории древнеегипетской государственности египтолог и дипломат Кристиан Бунзен и археолог Карл Лепсиус. Немецкие ученые разделили ее на три эпохи: «древнее государство», «среднее государство» и «новое государство», взяв за основу этого деления событие, которое было ключевым и для периодизации Арнольда Геерена, а именно: завоевание Египта гиксосами. Кто из них первым предложил такое деление древнеегипетской истории, трудно сказать: они постоянно обменивались результатами своих исследований друг с другом[1], поскольку работали в разных сферах.

Кристиан Бунзен обратил свое внимание на вторжение в Египет гиксосов и его катастрофические последствия, просматривая приведенные в «Хронографической эклоге» Георгия Синкелла фрагменты «Египтиаки» Манефона и списки древнеегипетских властителей, которые были составлены Эратосфеном[2] и Аполлодором[3]. Анализируя их содержание, он пришел к мысли о том, что это событие произошло во время правления тринадцатой династии и повлекло за собой существенный перелом в истории древнеегипетской государственности: верховная государственная власть в Египте была захвачена иностранцами, вождями кочевников. По его словам, «уже третий правитель тринадцатой дина-

---

[1] Этот факт признавал и Бунзен (*Bunsen Ch. C. J.* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. S. XVII), и Лепсиус. Последний, например, писал в предварявшем его книгу о египетской хронологии посвящении Бунзену, что взаимный обмен мнениями по различным вопросам истории Древнего Египта приводил к общему результату (*Lepsius K. R.* Letters from Egypt, Ethiopia, and the Peninsula of Sinai. With extracts from his Chronology of the Egyptians, with Reference to the Exodus of the Israelites. London, 1853. P. 359).

[2] Эратосфен из Кирены (ок. 276–194 г. до н.э.) — древнегреческий ученый (грамматик, математик, астроном, хронограф), составил «Хронографию», от которой сохранился только список древнеегипетских властителей, изложенный в «Хронике» Аполлодора и приведенный по тексту этого произведения, также не сохранившегося, в «Хронографической эклоге» Георгия Синкелла.

[3] Аполлодор (ок. 180 – после 119 г. до н.э.) — древнегреческий грамматик.

стии был лишен, как только что было указано, Мемфиса и трона вторгнувшимися кочевниками. Потом последовал позорный период, растянувшийся на ряд столетий: египетский правящий дом продолжал управлять в Фивах и Ксоисе, но платя при этом дань и не имея власти»[1]. Правление в Египте гиксосских вождей продолжалось долго. Согласно Манефону, только по прошествии нескольких столетий и смены пяти династий — с тринадцатой по семнадцатую — верховная власть в этой стране снова оказалась в руках коренных его жителей. С воцарением восемнадцатой династии верховных властителей начался новый период в истории Древнего Египта. Из этих фактов Кристиан Бунзен сделал следующий вывод: «Египетская история разделяется на три больших части: древнее государство Менеса (das alte Reich des Menes); среднее государство (das mittlere Reich), во время которой египтяне обязаны были платить дань гиксосам, правившим в Мемфисе; новое государство (das neue Reich), с восемнадцатой династии, которая изгнала гиксосов»[2].

Карл Лепсиус пришел к выводу о переломном значении для истории Древнего Египта вторжения гиксосов при исследовании архитектурных памятников этой страны. Он увидел, что данное событие ознаменовало собой наступление новой эпохи в развитии древнеегипетского искусства, а значит, и в эволюции общества[3]. Эпоху, предшествовавшую вторжению гиксосов, охватывающую время правления первых тринадцати династий, Лепсиус

---

[1] «Schon der dritte König der dreizehnten Dynastie verlor, wie eben angedeutet, Memphis und den Thron an die eindringenden Hirten. Dann folgte eine schmachvolle Zeit, in einer langen Reihe von Jahrhunderten: ägyptische Fürstenhäuser regierten in Theben und in Xoïs, aber zinsbar und ohnmächtig» (*Bunsen Ch. C. J.* Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte. S. 101).

[2] Ibid. S. 133.

[3] В предисловии к первому тому книги «Памятники из Египта и Эфиопии», который вышел в свет первым изданием в 1849 г., Карл Лепсиус писал, что различные эпохи египетского искусства «тесно взаимосвязаны с общим развитием народа» (Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befehl Seiner Majestät. Herausgegeben und erläutert von R. Lepsius. Neudruck der Ausgabe 1849. Text. Bd. 1. Berlin, 1970. S. 19).

назвал «древним государством (altes Reich)[1]. Эпоха, которая началась после изгнания гиксосов из Египта и вступления на трон семнадцатой династии верховных властителей, была обозначена им как «новое государство» (neues Reich). Она продолжалась, по его мнению, до конца правления тридцатой династии[2]. Промежуточный период между названными эпохами немецкий археолог никак не назвал, что вполне логично: в истории древнеегипетского искусства это была эпоха упадка — период, от которого не сохранилось никаких архитектурных памятников[3].

Периодизацию истории Древнего Египта, предложенную Кристианом Бунзеном и Карлом Лепсиусом, приняли многие историки XIX – начала XX века. Она казалась обоснованной историческими фактами и вполне соответствовала структуре «Египтиаки» Манефона Севеннитского, которая, как известно, разделялась на три книги.

Английский египтолог Джон Кенрик учитывал это обстоятельство, когда писал в своем произведении «Древний Египет под властью фараонов», вышедшем в 1850 году: «Последующая история делилась на три книги, каждая охватывающая период, обозначенный соответственно как Древняя (the Old), Средняя (Middle) и Новая Монархия (the New Monarchy). Первая продолжалась от основания королевства Менеса до вторжения гиксосов. Второй, от завоевания Нижнего Египта гиксосами и установления зависимого королевства в Фивах до изгнания гиксосов. Третий, от восстановления монархии Амосиса до окончательного завоевания Персией»[4]. Подобной периодизации придерживался и Уильям Осбён, писавший в 1854 году: «Вся история Египта разделена Бунзеном и германской школой на три части (sections)… Они назвали эти части, 1. Древнее королевство (The Old Kingdom); 2. Среднее королевство (The Middle Kingdom); 3. Новое королевство (The

---

[1] См.: *Lepsius K. R.* Briefe aus Aegypten, Aephiopien und der Halbinsel des Sinai, geschrieben in den Jahren 1842–1845 wärend der auf Befehl Sr. Majestät des Königs Friedrich Wilhelm IV von Preuβen ausgeführten Wissenschaftlichen Expedition. Berlin, 1852. S. 365.

[2] Ibid. S. 365–366.

[3] Ibid. S. 367.

[4] *Kenrick J.* Ancient Egypt under the pharaohs. In two volumes. London, 1850. Vol. 2. P. 110.

New Kingdom). Первое из этих королевств продолжалось от основания монархии до свержения туземных правителей финикийскими кочевниками. Среднее королевство — это история Египта под господством кочевников. Новое королевство начинается с изгнания кочевников и завершается окончательным умерщвлением этой монархии Александром Великим»[1].

Генрих Фердинанд Карл Бругш в первых своих книгах по истории Древнего Египта делил ее исключительно на периоды правления династий верховных властителей[2], но затем и он принял периодизацию Бунзена–Лепсиуса, правда, с некоторыми поправками. Эпохой «Древнего государства» немецкий египтолог назвал время правления первых одиннадцати династий верховных властителей, эпохой «Среднего государства» — время правления последующих пяти династий — с тринадцатой по семнадцатую. В рамках этой эпохи он выделял период иноземного владычества, наступление которого он связывал с окончанием правления четырнадцатой династии, а завершением считал вступление на престол первого властителя восемнадцатой династии. Время правления династий с восемнадцатой по тридцать первую Генрих Бругш называл эпохой «Нового государства»[3].

Этой периодизации древнеегипетской истории следовал и французский египтолог Франсуа Огюст Фердинанд Мариэтт. «Я различаю, — писал он в книге «Обзор древней истории Египта», — тридцать четыре династии в пяти больших эпохах: Древне-имперскую, от I до XI династии; Средне-имперскую, от XII до XVIII династии; Ново-имперскую, от XVIII до XXXI династии; Египет под властью греков, XXXII и XXXIII династии; Египет под властью римлян, XXXIV династия»[4].

---

[1] *Osburn W.* The Monumental History of Egypt, as recorded on the ruins of her temples, palaces, and tombs. Vol. 1: From the first colonisation of the Valley to the visit of patriarch Abram. London, 1854. P. 223.

[2] См., например: *Brugsch H.* Histoire d'Égypte dès les premier temps de son existence jusqu'a nos jours. Leipzig, 1859.

[3] См.: *Brugsch H.* Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen. Leipzig, 1877 (в русском переводе эта книга вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1880 г. под названием «История фараонов»).

[4] *Mariette-Bay A.* Aperçu de l'histoire ancienne d'Égypte. Pour l'intelligence des monuments exposés dans le Temple du Parc Égyptien. Paris, 1867. P. 14; *Mariette A.*

К началу XX века деление истории древнеегипетской государственности на три эпохи: «Древнее», «Среднее» и «Новое» государства стало общепринятым в египтологии. Но помимо этих эпох, стали выделяться промежуточные периоды между ними.

Изучая фрагменты «Египтиаки» Манефона, египтологи обратили внимание на заметку, касающуюся седьмой династии, которая следует после списка имен верховных властителей шестой династии с указанием количества лет пребывания каждого из них и всех вместе на престоле. В этой заметке говорится (в варианте Юлия Африканского), что седьмая династия состояла из 70 мемфисских властителей (басилевсов), правивших 70 дней[1]. Таким же кратким является сообщение Манефона и о восьмой династии. По версии Юлия Африканского, она состояла из 27 мемфисских властителей, правивших 146 лет[2], во фрагменте «Египтиаки», приведенном Евсевием Памфилом, количество властителей восьмой династии не указывается, но говорится, что ее составили мемфисские басилевсы, правившие сто лет[3]. О девятой династии Манефон написал, что она состояла: по версии Юлия Африканского — из 19, правивших 409 лет[4]; по варианту Евсевия Памфила — из 4 гераклеополисских басилевсов, пребывавших на престоле сто лет[5]. При этом в обоих вариантах называется имя первого из них — Ахтос и сообщается, что он был самым жестоким по отношению к населению Египта, сошел с ума и был убит крокодилом. О десятой династии в «Египтиаке» было отмечено, согласно Юлию Африканскому и Евсевию Памфилу, что она состояла из 19 гераклеополисских властителей, правивших 185 лет[6].

Outlines of Ancient Egyptian History. Translated and edited, with notes, by Mary Brodrick. New York, 1892. P. 4.

[1] *ΓΕΩΩΡΓΙΟΥ ΣΥΓΚΕΛΛΟΥ.* ΕΚΛΟΓΗ ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑΣ. P. 108. Во фрагменте «Египтиаки», приведенном Евсевием Памфилом, о седьмой династии говорится, что она состояла из мемфисских властителей, которые правили 75 дней (ibid. P. 109).

[2] Ibid. P. 108.

[3] Ibid. P. 110.

[4] Ibidem.

[5] Ibid. P. 111.

[6] Ibid. P. 110, 112.

Приведенные факты свидетельствуют, что время пребывания на престоле властителей седьмой, восьмой, девятой и десятой династий было в истории древнеегипетской государственности периодом политической нестабильности, анархии. Английский египтолог Самуэль Бёч сделал на основании этих фактов следующий вывод: «После шестой династии и вплоть до одиннадцатой династии существует огромный разрыв, который ничем нельзя ни заполнить, ни ликвидировать»[1]. При этом он высказал мнение, что седьмая и восьмая мемфисские династии правили одновременно с девятой и десятой гераклеополисскими династиями[2], то есть предположил, что Египетское государство находилось в указанное время в состоянии раскола. Это предположение закономерно влекло за собой признание эпохи правления названных династий особым периодом в истории Древнего Египта, однако Самуэль Бёч всего лишь подправил слегка периодизацию Бунзена–Лепсиуса. К периоду «Древней империи» он отнес эпоху правления первых шести династий, которая началась, по его мнению, около 3000 года и закончилась приблизительно в 2000 году до н.э.; период «Средней империи» связал с эпохой правления последующих одиннадцати династий — с седьмой до восемнадцатой (около 2000–1600 гг. до н.э.). Эпоху, начавшуюся с восшествия на престол восемнадцатой династии и продолжавшуюся до окончания правления тридцать первой династии, английский историк назвал периодом «Новой империи» (1600–332 гг. до н.э.).

В первой половине XIX века основным источником знаний о ходе древнеегипетской истории была «Египтиака». Структура Манефонова произведения и определила во многом деление этой истории на три периода — «Древнее», «Среднее» и «Новое» государство. Во второй половине XIX века круг источников, из которых египтологи могли черпать сведения о Древнем Египте, значительно расширился. Археологические раскопки дали материалы, позволившие представить историческое развитие древнеегипетского государства в бóльших, чем прежде, подробностях. Поэтому на смену упрощенной трехчастной периодизации истории Древ-

---

[1] *Birch S.* Ancient history from monument. Egypt from earliest times to B. C. 300. London, 1879. P. 56.

[2] Ibid. P. 59.

него Египта пришла периодизация более сложная, предполагающая ее деление на множество эпох.

Один из вариантов такой периодизации разработал немецкий историк Эдуард Мейер. В первом томе своей книги «История древностей», вышедшем в 1884 году, он разделил историю Древнего Египта на следующие периоды:

«1) Возникновение египетского государства (Anfänge des aegyptischen Staates). Дин. 1–3. 2) Древнее государство Мемфиса (Das Alte Reich von Memphis). Дин. 4–5. 3) Переходная эпоха (Uebergangsepoche). Дин. 6–10. 4) Древнефиванское государство (Das altthebanische Reich). Дин. 11–12. 5) Упадок фиванского государства (Verfall des thebanischen Reiches). Иностранное господство (гиксосы). Дин. 13–17. 6) Новое (фиванское) государство (Das Neue (thebanische) Reich). Дин. 18–21. 7) Ливийское, эфиопское, ассирийское господство. Дин. 22–25. 8) Период реставрации (Restaurationzeit). Дин. 26. 9) Персидский период. Дин. 27–31»[1].

Эпоха «Древнего государства» была ограничена в этой периодизации временем правления четвертой и пятой династий. Время правления одиннадцатой и двенадцатой династий было выделено в самостоятельный период истории Древнего Египта. Эпоху господства гиксосов, которую Кристиан Бунзен назвал периодом «Среднего государства», Эдуард Мейер представил в качестве промежуточного периода между «древнефиванским» и «новым (фиванским) государством». При этом захват Египта иноземцами он связал с упадком фиванских государств.

Основополагающие принципы периодизации Эдуарда Мейера воспринял с небольшими поправками Йохан Петер Адольф Эрман (*Johann Peter Adolf Erman*, 1854–1937). В книге «Египет и египетская жизнь в древности», опубликованной в 1885 году, он выделил в древнеегипетской истории следующие главные периоды:

«Древнее государство» — династии четвертая и пятая («самое позднее — с 2830 г. до н.э.»), а также шестая («самое позднее — с 2530 г. до н.э.»). «Среднее государство» — династии двенадцатая («приблизительно с 2130 г. до н.э.») и тринадцатая («приблизительно с 1930 г. до н.э.»). «Новое государство» — династии восемнадцатая («приблизительно с 1530 г. до н.э.»), девятнадцатая

[1] *Meyer E.* Geschichte des Alterthums. Erster Band. Geschichte des Orients bis zur Begründung des Perserreichs. Stuttgart, 1884. S. 37.

(«приблизительно 1320–1180 гг. до н.э.») и двадцатая («приблизительно 1180–1050 гг. до н.э.»)[1].

Другой яркий образец многочастной периодизации развития древнеегипетского государства дал американский египтолог Ф. Вендель. В книге «История Египта», вышедшей в 1890 году, он разделил ход этой истории на следующие периоды:

1) «Древняя империя (Old empire)», охватывающая эпоху правления первых шести династий (3200–2400 гг. до н.э.)[2]; 2) «Переходный период (Transitional period)» — эпоха с начала правления седьмой до конца правления десятой династии[3]; 3) «Средняя империя (Middle empire)» — время правления одиннадцатой и двенадцатой династий[4]; 4) период упадка Египетского государства и владычества гиксосов — династии с тринадцатой по семнадцатую (1930–1530 гг. до н.э.)[5]; 5) «Новая империя (New empire)» — время правления династий с восемнадцатой по двадцатую, с 1530 до 1050 год до н.э.[6]; 6) «Период упадка (Period of decline)» — династии с двадцать первой по двадцать вторую (1050–800 гг. до н.э.)[7]; 7) Дезинтеграция Египта и период эфиопского правления (династии с двадцать третьей по двадцать пятую, время с 800 до 645 г. до н.э.)[8]; 8) Период восстановленного Египетского государства («египетский ренессанс») — двадцать шестая династия, время с 645 до 525 гг. до н.э.[9]; 8) Период владычества персов — двадцать седьмая династия (525–414 гг. до н.э.)[10]; 9) Период правления египетских династий — с двадцать восьмой по тридцатую (414–

---

[1] *Erman A.* Aegypten und Aegyptisches Leben im Altertum. Tübingen, 1885. S. 63.

[2] *Wendel F. C. H.* History of Egypt. New York, 1890. P. 31.

[3] Ibid. P. 46.

[4] Ibid. P. 47.

[5] Ibid. P. 58.

[6] Ibid. P. 66.

[7] Ibid. P. 97.

[8] Ibid. P. 112.

[9] Ibid. P. 124.

[10] Ibid. P. 136.

349 гг. до н.э.)[1]; 10) Второй период владычества персов — тридцать первая, персидская, династия (349–331 гг. до н.э.)[2].

Дальнейшую разработку периодизации древнеегипетской государственности на основе новых материалов, добытых археологическими раскопками конца XIX – начала XX века, осуществил американский египтолог Джеймс Генри Брэстед.

В первом своем подходе к периодизации и хронологии истории Древнего Египта он следовал, как сам признавал, методу немецких египтологов Эдуарда Мейера и Адольфа Эрмана[3]. В «Очерке египетской истории», опубликованном в 1896 году в журнале «Библейский мир», Дж. Г. Брэстед разделил историю древнеегипетского государства на следующие периоды:

«Древняя империя» — династии четвертая и пятая («не позднее, чем с 2830 до 2530 г. до н.э.»), а также шестая («не позднее, чем с 2530 г. до н.э.»). «Средняя империя» — династии двенадцатая («не позднее, чем с 2130 до 1930 г. до н.э.») и тринадцатая («не позднее, чем с 1930 г. до н.э.»). «Новая империя» — династии восемнадцатая («приблизительно с 1600 до 1400 г. до н.э.»), девятнадцатая («приблизительно с 1400 до 1200 г. до н.э.»), двадцатая («приблизительно с 1200 до 1100 г. до н.э.»), двадцать первая («приблизительно с 1100 до 950 г. до н.э.»), двадцать вторая («приблизительно с 950 г. до н.э.»). При этом Брэстед отмечал, что каждая из названных эпох («империй») отделена от другой периодом «великой неизвестности и неопределенной длительности»[4].

Новые материалы по истории Древнего Египта заставили американского египтолога существенно уточнить ее периодизацию и хронологию. Во втором, «полностью переработанном», издании своей «Истории Египта с древнейших времен до персидского завоевания» Джеймс Брэстед представил ход этой истории в следующем виде:

«*Введение календаря* — 4241 г. до н.э.

Додинастическая эпоха — до 3400 г. до н.э.

---

[1] *Wendel F. C. H.* History of Egypt. New York, 1890. P. 145, 147.

[2] Ibid. P. 155.

[3] *Breasted J. H.* Sketch of Egyptian History with Special Reference to Palestine down to about 950 B. C. // Biblical World. 1896. Vol. 7. № 6. P. 441.

[4] Ibid.

Восшествие на престол Менеса — 3400 г. до н.э.

Первые две династии — 3400–2980 гг. до н.э.

Древнее королевство: династии с третьей по шестую — 2980–2475 гг. до н.э.

Восемнадцать гераклеополисских властителей — 2445–2160 гг. до н.э.

Среднее королевство: династии одиннадцатая и двенадцатая — 2160–1788 гг. до н.э.

Внутренние конфликты феодалов, гиксосы — 1788–1580 гг. до н.э.

Империя: Первый период, восемнадцатая династия — 1580–1350 гг. до н.э.

Империя: Второй период, девятнадцатая и часть двадцатой династии — 1350–1150 гг. до н.э.

Упадок: последние два поколения двадцатой династии — приблизительно с 1150 до 1090 г. до н.э., Тинисско-Амонисский период, двадцать первая династия — 1090–945 гг. до н.э., Ливийский период, династии с двадцать второй по двадцать четвертую — 945–712 гг. до н.э., Эфиопский период — 722–663 гг. до н.э. (двадцать первая династия — 712–663 гг. до н.э.), Ассирийское верховенство — 670–662 гг. до н.э.

Реставрация: Саисский период, двадцать шестая династия — 663–525 гг. до н.э.

Персидское завоевание — 525 г. до н.э.»[1].

Периодизация истории древнеегипетского государства, предложенная Джеймсом Брэстедом, подвела итог разработкам этого вопроса в египтологии XIX – начала XX века.

§ 4. Современная периодизация истории древнеегипетского государства

Нынешнему уровню наших знаний о Древнем Египте в наибольшей степени соответствует, по моему мнению, следующая

---

[1] *Breasted J. H.* A History of Egypt from the earliest times to the Persian conquest. Second edition, fully revised. New York, 1909. P. 21. Первое издание этой книги вышло в свет в 1905 г.

периодизация и хронология истории древнеегипетской государственности:

1) Эпоха формирования классового общества и государства (3600—3100 гг. до н.э.).
2) Эпоха «Раннего царства» — династии I–II (3100—2750 гг. до н.э.).
3) Эпоха «Старого царства» — династии III–VI (2750—2150 гг. до н.э.).
4) Период политической раздробленности — династии VII–X (2150—2050 гг. до н.э.).
5) Эпоха «Среднего царства» — династии XI–XIII (2050—1700 гг. до н.э.).
6) Период владычества гиксосов и борьбы египтян за независимость — династии XIV–XVII (1700—1600 гг. до н.э.).
7) Эпоха «Нового царства» — династии XVIII–XX (1600—1050 гг. до н.э.).
8) Эпоха «Новейшего царства» — династии XXI–XXIV (1050—750 гг. до н.э.).
9) Период правления кушитской (эфиопской) династии — династия XXV (750—650 гг. до н.э.).
10) Эпоха «Позднего царства» — династия XXVI (650—525 гг. до н.э.).
11) Период владычества персов — династия XXVII (525—404 гг. до н.э.).
12) Эпоха «Позднейшего царства» — династии XXVIII–XXX (404—343 гг. до н.э.).
13) Второй период владычества персов — династия XXXI (343—332 гг. до н.э.).
14) Эпоха эллинистического государства — династия XXXII (332—30 гг. до н.э.)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА И ХАРАКТЕР ЕГО ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История древнеегипетской государственности — одно из самых удивительных явлений в человеческой истории. Она удивительна своей продолжительностью и насыщенностью катастрофическими событиями. На протяжении, по меньшей мере, трех с половиной тысяч лет на территории Древнего Египта возникали, развивались, гибли и опять возрождались государства. Возрождались как будто для того, чтобы спустя определенное время снова погибнуть.

Почти пятьсот лет или более существовало так называемое «*Старое царство*». Однако, став могущественнейшей на Земле державой, оно по каким-то причинам начало клониться к упадку и в конце концов распалось. Некоторые египтологи считают, что гибель «Старого царства» была обусловлена в значительной мере изменениями в климате Древнего Египта, вызвавшими обмеление Нила. Для такого мнения есть основания, но думается, причину распада единого древнеегипетского государства эпохи «Старого царства» необходимо искать и в самой его организации, и в переменах, происходивших в XXIII–XXII веках до н.э. в его социальной базе.

Больше столетия не было в Древнем Египте единого для всей его территории и всех его жителей государства. За этот срок, казалось бы, должна была исчезнуть даже память о подобной форме организации. Тем не менее такое государство здесь снова появилось. Египтологи назвали его «*Средним царством*».

Просуществовав триста или более лет, единое государство эпохи «Среднего царства» также погибло, причем под влиянием, главным образом, внутренних процессов. Возможно, и на этот раз роковую роль сыграли природные катаклизмы. Наибольшего могущества «Среднее царство» достигло во время правления XII династии (приблизительно с 1990 до 1780 г. до н.э.): это был период, когда Нил являлся столь же полноводным, как и во время расцвета «Старого царства»[1]. С началом же правления XIII династии совпадает наступление нового периода обмеления Нила[2]. И любопытно, что именно с этого момента верховная государственная власть в Древнем Египте начала слабеть. Ее носители, имевшие своей резиденцией город Мемфис, стали терять контроль над северными и южными территориями. Местные правители начали превращаться в монархов, а подвластные им административно-территориальные образования — в самостоятельные государства. Одно из них возникло в дельте Нила: его монархи, обосновавшиеся в Аварисе, представлены в «Египтиаке» Манефона в качестве XIV династии. Другое — на юге от Мемфиса, в районе Фив. Его монархи будут позднее причислены к XVII династии. Таким образом, единое государство эпохи «Среднего царства» раскололось в период правления XIII династии на три самостоятельных государства.

Этим воспользовались вожди чужеземных семитских племен из Палестины, называвшиеся словом, которое звучало приблизительно как Хикау-кхосует и означало «вожди пустынь». В одной из версий «Египтиаки» Манефона, цитируемой в произведении Иосифа Флавия «Против Апиона», они были названы «гиксосами», то есть «вождями кочевников». По рассказу Манефона, их племена вторглись в Египет во время правления фараона Тутмоса[3]. Египтологи долгое время воспринимали рассказ Манефона как достоверный. Археологические раскопки, проводившиеся на

---

[1] Изложение результатов исследования уровня полноводности Нила во времена правления XII династии смотри в статье: *Bell B.* Climate and the History of Egypt: The Middle Kingdom // American Journal of Archaeology. 1975. Vol. 79. № 3 (Jul.). P. 226–247.

[2] См.: Ibid. P. 269.

[3] См.: The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 78–81.

территории Египта в последние десятилетия, позволили получить материалы, которые заставили отнестись к нему критически.

Многие факты свидетельствуют, что так называемые «гиксосы» начали осваивать земли в дельте Нила еще в период политической раздробленности Древнего Египта, наступивший после распада государства эпохи «Старого царства». Обосновавшись на новом для себя месте, они постепенно взяли под свой контроль почти всю территорию дельты. Продвигаясь на юг, они смогли в конце концов возобладать и в районе Мемфиса. Примерно в 1700 году до н.э. один из гиксосов, имя которого Манефон передал как Саит (Saites)[1], объявил себя верховным властителем Египта и заставил жителей северной и центральной частей страны платить ему дань. При этом южная ее часть осталась под контролем правителей из египтян. По какой причине гиксосы отказались от захвата Фив, трудно сказать. Думается, вряд ли фиванское государство было способно им противостоять. Возможно, гиксосы были связаны с его монархами родственными отношениями: иначе почему Манефон считал XVII династию состоявшей наполовину из пастушьих царей, а наполовину — из фиванских, то есть египетских[2].

Как бы то ни было, фиванское государство, существовавшее в течение всего периода господства гиксосов в Египте, сохраняло и продолжало после распада единого государства эпохи «Среднего царства» традицию исконной египетской государственности.

Именно из этой традиции выросло впоследствии новое единое древнеегипетское государство — так называемое «Новое царство». К началу XVI века до н.э. небольшое египетское государственное образование, являвшееся обломком единого государства эпохи «Среднего царства», усилилось настолько, что сумело одержать верх над гиксосами и изгнать их из пределов страны.

Скорей всего именно это событие было представлено в еврейской религиозной литературе в качестве исхода из Египта евреев во главе с Моисеем. Современный египтолог Майкл Райс пишет по этому поводу: «Глубоко иронично, что мифы о египетском плене, исход и жизнь Моисея-законодателя — все это имеет проис-

---

[1] The Aegyptiaca of Manetho. P. 90–91.

[2] См.: Ibid. P. 95.

хождение в периоде не рабства, а господства, по меньшей мере, над частью Египта семито-говорящих завоевателей. Во время палестинского вторжения в Египет невозможно, конечно, говорить об израильтянах (Hebrews) и тем более о евреях (Jews); таких различий просто не существовало. Возможно, даже вероятно, однако, что среди сиро-палестинских орд, пришедших в это время в Египет, были предки некоторых из тех, кто в первом тысячелетии станут израильтянами»[1].

Возникшее в Египте после изгнания гиксосов новое единое государство стало самой величественной в истории Древнего Востока державой, причем как с точки зрения экономической и военной мощи, так и по уровню развития культуры. Египетские властители эпохи «Нового царства» вели успешные завоевательные походы и расширили его территорию до небывалых прежде размеров. Египетское государство превратилось в империю. Однако судьба «Нового царства» оказалась столь же плачевной, как и судьба предшествовавших царств — «Старого» и «Среднего».

Во время правления XXI династии многие города и провинции Египта попали под контроль ливийских вождей и перестали подчиняться центральной власти. В развитии древнеегипетской государственности наступила новая эпоха — так называемого «Новейшего царства».

Приблизительно в 920 году до н.э. один из ливийских вождей, опираясь на военную силу, взошел на трон и основал XXII династию фараонов. Но воссоздать на территории Древнего Египта мощное государство ливийцы не смогли. С каждым новым правлением находившаяся в их руках верховная государственная власть все более слабела. И к середине VIII века древнеегипетское государство снова распалось на несколько самостоятельных государственных образований.

В этой обстановке верховная государственная власть оказалась в руках сформировавшегося на территории Нубии Кушитского (Эфиопского) государства[2]. Вожди кушитов приняли на себя ти-

---

[1] *Rice M.* Egypt's Legacy. The Archetypes of Western Civilization 3000–30 B. C. London and New York, 2003. P. 147.

[2] См. об этом: *Adams W. Y.* The First Colonial Empire: Egypt in Nubia, 3200–1200 B.C. // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. № 1 (Jan.). P. 68.

тул фараона, составив XXV династию, а с ним и звание властителя обеих земель, однако единой для всей страны государственной организации им создать не удалось, если только они действительно стремились к этому. Во все время правления кушитских (эфиопских) фараонов Египет оставался в состоянии государственной раздробленности и пребывал под властью клановых объединений местной знати. С началом VII века до н.э. в борьбу с кушитами (эфиопами) за контроль над Египтом вступили ассирийцы. Это соперничество ослабляло клан кушитских вождей, правивших Египтом, и создавало условия для возрождения египетской государственности.

Она вызревала в небольших местных государственных образованиях, пользовавшихся большой степенью самостоятельности и независимости от центральной власти. В середине VII века до н.э. один из египетских вождей сумел установить контроль над всей территорией страны. Возродившееся древнеегипетское государство — так называемое «*Позднее царство*» — было слабым по своей организации: его единство поддерживалось в большей мере не мощью верховной государственной власти, не бюрократией, но договорами фараонов с местными правителями и кланами местной знати.

Такое государство не могло противостоять персидскому войску во главе с Камбисом, вторгшемуся в 525 году до н.э. в пределы страны. В результате Египет на восемь десятилетий попал под власть персов, войдя в состав персидской империи. По сообщению Геродота, преемник Камбиса на царском престоле Дарий разделил персидскую державу на 20 сатрапий (округов), назначив их правителей — сатрапов и установив для каждой сатрапии определенный размер податей. Египет вместе с Ливией и Киреной составил шестую сатрапию, с которой должно было собираться 700 талантов серебра. Больше нее платила лишь сатрапия, состоявшая из Вавилона и части Ассирии, — 1000 талантов (*Геродот.* III. 89–91)[1].

Освободились египтяне от владычества персов приблизительно в 404 году до н.э. Созданное ими государство прожило всего шесть десятилетий. Это время составило эпоху так называемого «Позднейшего царства». С самого ее начала Египетское государство было вынуждено вести борьбу против стремившейся его по-

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. М., 1993. С. 167–168.

корить персидской державы. Египтяне успешно противостояли могучему противнику, несмотря на частую смену правителей на троне[1] и слабость центральной власти, но в конце концов их силы истощились. Приблизительно в 343 году до н.э. правивший тогда в Египте фараон Нектанеб II, поняв, что не сможет удержать власть под напором войск персидского царя Артаксеркса III, покинул свою резиденцию город Мемфис и бежал с родственниками и приближенными в Эфиопию. Он был последним фараоном из египтян. После него трон верховного властителя в Египте занимали исключительно чужеземцы.

По некоторым данным, египтяне многократно поднимали восстания, не желая мириться с персидским владычеством. И не всегда безуспешно. Египтолог Ю. Я. Перепёлкин писал об этом: «Загадочно и то, что произошло в Египте после разгрома его Артаксерксом III. Всего одно короткое десятилетие отделяет падение Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо)[2] (в 343 г.) от прихода в Египет Александра Македонского (в 332 г.). И вот, в какие-то нам ближе неизвестные годы этого десятилетия только что поверженный, разоренный, ограбленный Египет, без стен вокруг городов, без средств, без наемников нашел в себе силы воспрянуть, восстать и, пускай ненадолго, но все-таки сбросить персидское иго. Это событие связано с именем фараона, чье имя условно читается как “Хабибиш”»[3]. Перепелкин считал, что факт царствования данного фараона где-то между 342 и 332 годами до н.э. не подлежит сомнению. «Имеется, — отмечал он, — брачный договор верхнеегипетского происхождения, помеченный 1-м годом царствования этого фараона, с именем свидетеля, значащимся и на деловом памятнике от 324 года. Известна также надпись от 2-го года царствования

---

[1] Согласно Манефону, за это время в Древнем Египте сменилось три династии фараонов: XXVIII династию представил лишь один властитель, правивший 6 лет; XXIX — четверо, правивших в общей сумме 21 год, XXX династию составили три фараона, которые правили: по варианту «Египтиаки» в переложении Юлия Африканского — 38 лет, по варианту этого произведения, пересказанному Евсевием Памфилом, — 20 лет (см.: The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 182–185).

[2] Ю. Я. Перепелкин прочитал таким образом имя фараона XXX династии, более известного в исторической литературе под именем Нектанеба II.

[3] *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 461.

царя Хабибиша, повествующая о сооружении им каменного гроба для священного быка Хапи (Аписа греков) и напоминающая надписи Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба II). Этот Хабибиш, видимо, владел как Верхним, так и Нижним Египтом»[1].

Поражение армии персидского царя Дария III в битве с македонскими войсками при Иссе в ноябре 333 года до н.э. повлекло за собой падение персидской власти над Египтом. В декабре следующего года сюда прибыл Александр Македонский. Он и стал следующим фараоном Древнего Египта. По египетской территории были расставлены македонские гарнизоны. Начался новый период в истории древнеегипетской государственности — эпоха «Эллинистического государства».

После смерти Александра Македонского в 323 году до н.э. его империя была разделена между диадохами — македонскими военачальниками. Египет достался в управление соратнику македонского полководца Птолемею Лагу, который стал править Египтом в качестве сатрапа. В 305/304 году до н.э. он принял титул басилевса (царя) и египетского фараона. Основанная им династия правила Египтом до 30 года до н.э. — больше, чем какая-либо другая династия египетских верховных властителей. Все пятнадцать царей этой династии носили имя Птолемея. Их социальной опорой были не только египетские жрецы и аристократы, но и довольно многочисленный слой македонцев и греков, поселившихся в основном на севере Египта, в районе основанного Александром Македонским города Александрии. Египетская духовная культура, религия, политическая идеология, организация государственной власти, бытовая культура, экономика и т. д. развивались в период правления Птолемеев под большим влиянием македонских и греческих традиций. По этой причине данный период в истории древнеегипетской государственности, охвативший 275 лет, именуется эпохой «Эллинистического государства».

Последними верховными властителями этого государства были Клеопатра VII и ее сын от Юлия Цезаря Птолемей XV Цезарь, занимавший египетский трон с 44 года до н.э. в качестве соправителя своей матери.

1 августа 30 года до н.э. в Александрию вступил со своими войсками Октавиан. Клеопатра спустя несколько дней (примерно

---

[1] *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 462.

12 августа) покончила с собой. Перед смертью она, желая спасти своего сына от расправы, отправила его юг Египта. Оттуда Птолемея Цезаря, прозванного Цезарионом (Цезаренком) должны были переправить в Индию. Однако наставник последнего египетского царя Родон уговорил его возвратиться в Александрию, внушив юноше надежду на то, что Октавиан отдаст ему Египет в управление.

Октавиан же после недолгих размышлений принял решение убить Птолемея Цезаря. «Нет ничего хорошего в многоцезарстве», — якобы сказал он, отдавая приказ об убийстве юноши.

Египет после трехсотлетнего правления Птолемеев был страной, богатой материальными ресурсами и культурными ценностями. Александрия по праву считалась в то время главным интеллектуальным центром Средиземноморья. Для Рима Египет, славившийся своими урожаями зерновых, имел большое значение и как поставщик продуктов. Поэтому Октавиан никому не передал эту страну в управление, но сам стал ее верховным властителем. Непосредственно же управлять Египтом от его имени стали назначавшиеся им из числа знатных римлян префекты. Египет превратился в провинцию Римской империи и прекратил свое существование в качестве самостоятельного государства.

* * *

Первый взгляд на столь долгую и катастрофическую историю вызывает впечатление, что перед нами история не одного, а нескольких государств. В 1882 году в Париже вышел в свет третий том «Всеобщей истории» Мариуса Этьена Фонтана (*Marius Etienne Fontane*, 1838–1914)[1] с весьма оригинальным названием «Египты

[1] Первый том своей «Всеобщей истории» Мариус Фонтан посвятил истории иранцев (*Fontane M.* Les Iraniens. Zoroastre (de 2500 à 800 av. J.-C.). Paris, 1881), второй — истории ведической Индии (*Fontane M.* Inde Vedique (de 1800 à 800 av. J.-C.). Paris, 1881). Четвертый том его «Всеобщей истории» был посвящен истории ассирийцев, евреев и финикийцев (*Fontane M.* Les Asiatiques. Assyriens, hébreux, phéniciens (de 4000 à 559 av. J.-C.). Paris, 1883), пятый — истории Греции (*Fontane M.* Le Grèce (de 1300 à 480 av. J.-C.). Paris, 1885), шестой — истории Афин (*Fontane M.* Athènes (de 480 à 336 av. J.-C.). Paris, 1889), седьмой — истории варваров (*Fontane M.* Les Barbares (de 117 à 395 av. J.-C.). Paris, 1897), восьмой —истории Европы (*Fontane M.* L'Europe (de 872 à 1122 av. J.-C.). Paris, 1902), девятый — исто-

(Les Égyptes)»[1]. Причина, по которой французский историк употребил слово «Египет» во множественном числе, видна из содержания его книги. Он обратил внимание на то, что на каждом этапе своей древней истории египетская цивилизация представала в новом виде. В частности, неоднократно перемещалась резиденция фараонов: из Тиниса — в Мемфис, из Мемфиса — в Фивы, из Фив — в Элефантин или Танис. Смена династий была в целом ряде случаев не переходом верховной власти от одного клана египетских фараонов к другому, но представляла собой захват монархического трона иностранцами: ливийцами, эфиопами, персами, греками, римлянами. Каждая из этих перемен означала «глубокую революцию», возникновение на территории Египта «другого мира». «Дух мемфисского Египта, — писал Мариус Фонтан, — отличается от духа Египта фиванского, и дух эфиопского Египта равным образом обладает своей оригинальностью. Северный или Нижний Египет, центральный или Средний Египет, южный или Верхний Египет — каждый из них имеет свой религиозный, социальный, политический характер. Это — не три враждебных народа, но это — три совершенно различных Египта; и когда династии правили по отдельности, в Нижнем Египте, в Среднем Египте и в Верхнем Египте, не следует видеть здесь исторически один "народ", разделенный амбициями суверенов, и искать, где находится легитимность; а подобает просто констатировать, что в этот момент истории три Египта перестали повиноваться одному единственному фараону»[2].

Попытка взглянуть на развитие Древнего Египта как на историю нескольких различных «Египтов» была как будто не замечена современными ему египтологами. Отреагировал на нее, насколько мне известно, только Габриэль Шарм[3]. Возражая против по-

---

рии эпохи Возрождения (*Fontane M.* La Renaissance (de 1250 à 1516 av. J.-C.). Paris, 1910).

[1] *Fontane M.* Histoire universelle: Les Égyptes (de 5000 à 715 av. J.-C.). Paris, 1882.

[2] Ibid. P. 74–75.

[3] Габриэль Шарм (*Gabriel Charmes*, 1850–1886) был по профессии журналистом и специализировался на освещении и анализе событий международной политики. Заболев туберкулезом, он переселился, по совету докторов, на Ближний Восток и посвятил себя путешествиям по Египту, Марокко, Тунису, Сирии, Па-

нимания древнеегипетской истории, представленного Мариусом Фонтаном, он привел в пример историю средневековой Франции: «Разве говорят о Франциях по той причине, что при Меровингах и Каролингах наша страна была разделена между различными суверенами?»[1] Соглашаясь с тем, что Египет под властью гиксосов отличался от Египта, управлявшегося фараонами египетского происхождения, Г. Шарм тем не менее не считал это отличие достаточным основанием для того, чтобы говорить об истории не Египта, а Египтов. По его словам, «Франция также подчинялась игу иностранцев, ее столица оказалась в руках англичан, ее легитимный государь вынужден был удалиться в провинцию, где родина была чудом сохранена»[2].

Примеры, подобные тому, который привел Габриэль Шарм, можно обнаружить в прошлом не только Франции, но и многих других стран. Однако для развенчивания представления о древнеегипетской истории как об истории не одного, а нескольких Египтов совсем не обязательно выходить за ее пределы.

Второй после катастрофичности удивительной особенностью истории Древнего Египта является высокая степень традиционности, преемственности светской и религиозной культуры общества, политических форм его организации и государственной идеологии. Регулярно происходившие в Древнем Египте политические катастрофы сделали его историю прерывистой: эпохи, когда здесь существовало единое государство, оказались отделенными одна от другой периодами анархии, одновременного правления нескольких властителей, каждый из которых был полновластен лишь в одной какой-то местности. При таком характере египетской истории было бы вполне естественным для фараонов, возрождавших на территории Египта единое государство, начинать его историю заново. Но фараоны во всех подобных ситуациях поступали ровным счетом наоборот — они представляли свое государство продолжением прежнего общеегипетского государства.

лестине. Историю Древнего Египта Г. Шарм изучал на территории самого Египта, знакомясь с результатами археологических раскопок, которые проводили там французские египтологи.

[1] *Charmes G.* L'Égypte. Archéologie. Histoire. Littérature. Paris, 1891. P. 253.

[2] Ibid. P. 254.

Единое государство эпохи «Среднего царства» отделялось от единого государства периода «Старого царства», по меньшей мере, столетием государственной анархии. И несмотря на это династии верховных правителей «Среднего царства» ставились в один ряд с династиями «Старого царства». Подобно тому, как государство эпохи «Среднего царства» считалось преемником государства «Старого царства», государство периода «Нового царства» рассматривалось в качестве продолжения государства времен «Среднего царства».

Но самое главное заключается в том, что преемственность каждого нового единого для всего Египта государства по отношению к общеегипетскому государству, ему предшествовавшему, не только мыслилась в общественном сознании, но и была фактом общественном практики. Общественный и государственный строй Древнего Египта не оставались в неизменном состоянии, они развивались с течением времени, но это развитие было эволюцией тех основ, которые сложились еще в процессе формирования общеегипетской государственной организации. Причем наибольшая степень традиционности была присуща развитию явления, составлявшего стержень древнеегипетской государственности, а именно: институту верховной власти.

Данная традиционность не нарушалась при смене одной династии египетских фараонов на другую, она сохранялась и тогда, когда верховная государственная власть в Древнем Египте оказывалась в руках чужеземцев. Завоевав Египет и воссев на трон верховного властителя, иностранные правители как будто попадали в плен египетской политической и религиозной традиции: они принимали на себя все традиционные атрибуты власти египетского фараона, его статус и функции, титулы, церемонии и ритуалы, идеологические догматы и нормы поведения. Более того, стремились представить себя в качестве наследников прежних фараонов-египтян.

Так поступали, например, гиксосы, установившие на рубеже XVIII и XVII веков свою политическую власть над северной и центральной частями Египта. Источники зафиксировали, по меньшей мере, несколько попыток этих чужеземных вождей представить себя в качестве традиционных египетских властителей. Взойдя на трон, гиксосы принимали вместе с верховной властью их титулы, включая имена Хора и Ра. Причем данные титулы изображались

египетскими иероглифами и таким точно способом, каким это делали прежде египтяне. Гиксосы старались соблюдать и все ритуалы, сопровождавшие осуществление власти традиционным египетским правителем[1].

Правители-эфиопы, захватив верховную власть над Египтом, продолжали оставаться эфиопскими правителями, но только в своей Эфиопии. В Египте же они старались править в манере, свойственной египетским фараонам. Персидские цари, захватив Египет и включив его в состав персидской державы, делали все, чтобы предстать перед египтянами в качестве настоящих фараонов: они поддерживали жрецов, строили храмы, не нарушали привилегий местной знати, они принимали на себя фараоновские титулы, а некоторые из персидских царей брали себе даже специальные, фараонские, имена (Камбис, Дарий I, Дарий II). Дарий I построил храм в честь египетского бога Аммона[2], покровителя египетских фараонов. «Возлюбленный Аммона» — такое имя принял на себя Дарий II.

Еще более показательным было в этом смысле поведение в Египте Александра Македонского. Могущественнейший правитель, не встретивший со стороны египтян ни малейшего военного сопротивления и вообще ничего, что могло бы противодействовать его власти, тем не менее покорился египетским традициям. Завоеватель всего Востока пришел в Египет как наследник египетских фараонов, защитник исконных египетских традиций.

С конца эпохи «Старого царства» велась в Древнем Египте традиция, согласно которой каждый египетский монарх носил среди своих титулов звание любимца Аммона — космического божества воздуха (или ветра), который наполняет собой весь видимый мир и дает дыхание всему живущему. Данное звание было свидетельством единения древнеегипетского верховного властителя с главными природными силами. Позднее Аммон стал воплощать собой вообще все мироздание. «Твоя сущность — солнце, плоть твоя —

---

[1] *Chimko C. J.* Foreign Pharaohs: self-legitimization and indigenous reaction in art and literature // The Journal of Society for the Study of Egyptian Antiquities. 2003. Vol. 30. P. 17.

[2] Аммон — это греческий вариант имени египетского бога, которое звучало приблизительно как «Амун».

дыхание для каждого носа, тобою дышат, дабы жить», «ты — небо, ты — земля, ты — преисподняя, ты — вода, ты — воздух между ними», — говорилось в гимнах, сложенных в честь Аммона в период «Нового царства»[1].

Если новый верховный властитель был сыном предыдущего египетского фараона, то он считался легитимным уже в силу одного этого факта. Но когда на трон верховного властителя вступал чужеземный завоеватель, не имевший родственных связей с предыдущим фараоном, то ему для того, чтобы сделать свою фактическую власть легитимной в глазах египтян, необходимо было прежде всего стать сыном бога Аммона посредством специальной церемонии. Александру Македонскому, чтобы ее совершить в храме Аммона, который был расположен в оазисе Сива, надлежало идти несколько дней по безводной пустыне. И он без раздумий пустился в этот трудный путь и побывал в храме.

Еще более примечательным стал факт распространения среди египтян, с ведома или даже усилиями самого Александра Македонского, легенды, согласно которой он был физически рожден от связи его матери Олимпии с последним египетским фараоном Нектанебом II[2]. Приняв титул египетского фараона, Александр возродил угасший после свержения с трона последнего египетского фараона Нектанеба II культ фараоновой души («ка») в храме Люксора. Тем самым он еще раз убедительно показал египтянам, что пришел в их страну в качестве не завоевателя, но освободителя.

Птолемеи, воцарившиеся в Египте после смерти Александра Македонского, также относились уважительно к египетским традициям. Они специально изучали их, дабы узнать, что должен делать в соответствии с ними хороший египетский правитель.

---

[1] См.: *Павлова О. И.* Амон Фиванский. (Ранняя история культа V–XVII династий). М., 1984. С. 9.

[2] Наиболее подробное изложение этой легенды дано в эфиопской версии истории Александра Македонского, которая была написана неизвестным автором от имени Калисфена, сопровождавшего македонского полководца в его походах. См.: The Ephiopic Version of Pseudo-Callisthenes // The Life and Exploits of Alexander the Great, being the Series of Translations of the Ephiopic Histories of Alexander by the Pseudo-Callisthenes and Other Writers with Introduction of E. A. Wallis Budge. London, 1896. P. 3–30.

На чем же держалась эта удивительная по своей продолжительности и силе традиционность древнеегипетской государственности? Данное свойство было заложено в самом ее характере. *Государственность Древнего Египта не просто освящалась религией, она в значительной мере сама была религией.*

Дошедшие до нас списки древнеегипетских правителей, зафиксированные на так называемом «Туринском папирусе», «Палермском камне» или в «Египтиаке» Манефона, называют первых из них богами[1]. Это воззрение было общепринятым. И оно заставляло каждого нового верховного властителя представлять себя преемником предшествовавших египетских правителей, потому что в этих условиях разорвать данную преемственность означало для него утратить связь с богами.

Неразрывная связь государственности и религии проявлялась и в характерном для государственной идеологии Древнего Египта на всех этапах его истории воззрении на верховного властителя как на воплощение бога. Косвенным образом это воззрение выражалось в представлении о фараоне как сыне бога Ра или Аммона: оно означало, что фараон рождался от бога и, следовательно, само его тело имело божественную природу. Прямым выражением воззрения на верховного властителя как на бога являлся его титул. Он состоял из пяти частей и четыре из них так или иначе отождествляли его носителя с богом. Сохранилось и немало гимнов, в которых фараоны воспевались в качестве богов[2]. При этом фараоны, тем не менее, сами считали себя и считались в общественном сознании нуждающимися в покровительстве других богов. До наших дней дошли тексты молитв, обращенных к богам с просьбами оказать помощь фараону, даровать ему жизнь и власть на многие

---

[1] Согласно списку древнеегипетских властителей, начертанному на «Туринском папирусе», первая их династия состояла из 11 богов, правивших в общей сложности 7700 лет. В «Египтиаке» Манефона указываются не только цифры, обозначающие, сколько лет правили боги (в варианте Юлия Африканского, по Георгию Синкеллу, в общей сумме — 967 лет), но также имена этих богов: Гефест, Гелиус, Агафодемон, Кронос, Осирис и Изис, Тифон (см.: The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 14–17).

[2] См. об этом: *Posener G.* De la divinité du Pharaon. Paris, 1955. P. 3.

лета[1]. Подобные факты означают, что верховные властители занимали в пантеоне древнеегипетских богов не самое высокое место. Но иначе и быть не могло: фараоны признавались лишь земными богами. Главной их функцией было поддержание порядка на Земле, на вверенной им государственной территории. Забота о порядке во вселенной лежала на других богах.

Отсюда вытекал и особый взгляд на деятельность носителя верховной государственной власти: она мыслилась в качестве особой формы религиозного служения. И поэтому носила в значительной мере ритуальный характер. Исполнение религиозных ритуалов — это функция специальных служителей, жрецов. В Древнем Египте, в силу того, что государственная деятельность представлялась в качестве деятельности религиозной во всем своем содержании, жреческие должности неизбежно сливались с государственными, а государственные — со жреческими. Фараон же считался главным служителем любого египетского бога[2], единственным посредником между богами и людьми.

Вместе с тем сам характер древнеегипетской официальной религии предполагал ее развитие исключительно в форме государственной идеологии. Сущностью данной религии было не приобщение людских душ к богам, но поддержание сотрудничества богов и фараонов с целью сохранения в обществе соответствовавшего законам мироздания порядка («маат»). Древнеегипетские храмы не были местом общения индивидов с богами, они не объединялись в единую для всей страны самостоятельную корпорацию, но являлись элементами государственной организации.

Государственный характер древнеегипетской религии, с одной стороны, и *религиозный характер древнеегипетской государственности*, с другой, не гарантировали существовавшее на территории Древнего Египта единое государство от разрушения под действием каких-либо факторов. Но любое возникавшее в этой стране единое государство, даже если период политической анархии растягивался на столетия, неизбежно приобретало устройство, в котором государственные институты сливались с религиозными

---

[1] См.: *Posener G.* De la divinité du Pharaon. Paris, 1955. P. 23–27.

[2] См. об этом: *Перепелкин Ю. Я.* Переворот Амен-Хотпа IV. Часть 2. М., 1984. С. 246–247.

в неразрывное целое. Преемственность каждого нового общеегипетского государства с предыдущим возникала, таким образом, сама собой. Оставалось лишь признать ее. И фараоны охотно это делали. Потому что, признавая свое государство продолжением предыдущего, они тем самым освящали его стариной и делали авторитетнее для населения свою власть.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕДИНОГО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

На основе фактов, полученных при археологических раскопках на египетской территории в последние десятилетия, можно сделать вывод о том, что процесс формирования государства совершался в Древнем Египте с 3600 до 3100 года до н.э. Современные египтологи называют эту эпоху «додинастическим периодом (Predynastic period)»[1]. В древнеегипетском обществе данного времени уже существовало неравенство, выделялись устойчивые группы людей, обладавших более высоким статусом и материальным благосостоянием: это были клановые объединения, монополизировавшие в своих руках и сделавшие наследственными управленческие и религиозно-ритуальные функции. Они составляли высший класс древнеегипетского общества. Средний класс воплощали собой свободные земледельцы, искусные ремесленники, торговцы, лица, занимавшие невысокие должности в формировавшемся управленческом аппарате. К низшему классу относились слуги представителей высшего и среднего класса, простые работники, утратившие по каким-то причинам личную свободу, военнопленные, обращенные в рабов.

Нил создавал исключительно благоприятные предпосылки для ведения земледелия, особенно в южной части его долины. Периодические разливы этой реки удобряли и увлажняли почву, позво-

---

[1] См., например: The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 1. Part 1. Prolegomena and Prehistory. Cambridge, 2007. P. 463; *Rice M.* Egypt's Making. The Origins of Ancient Egypt 5000–2000 BC. Second Edition. London and New York, 2003. P. 3, 29, 34. *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005. P. 4, 23, 29, 30, 50.

ляя получать обильные урожаи при использовании простейших орудий труда, примитивных ирригационных систем и при минимальных затратах людских сил. С другой стороны, прилегающая к Нилу территория была богата глиной, позволявшей развивать гончарное производство. Вместе с тем, пространство Древнего Египта было удобным для развития торговли: на нем было немало точек, где сходились торговые пути из одних стран в другие. В этих местах и возникли первые древнеегипетские городские поселения, ставшие политическими и религиозными центрами первоначальных государственных образований. Природа, климат и географическое положение Древнего Египта позволяли получать прибавочный продукт на довольно примитивном уровне развития экономики. Поэтому здесь раньше, чем в других странах, возникла возможность для освобождения многочисленных групп людей от производительного труда и перехода их в разряд профессиональных управленцев и религиозных служителей.

Материалы археологических раскопок показывают, что формирование первоначальной государственности на территории Древнего Египта было сложным процессом, содержание которого составляли коренные перемены не только в социальной структуре и в механизмах управления обществом, но и в его духовной культуре: в религиозных верованиях, идеологии и психологии. Новый общественный строй, предполагавший заметные различия в имущественном положении и статусе различных групп людей, а также монополизацию управленческой функции определенным кланом, мог стать устойчивым лишь при условии признания его со стороны большинства членов общества. Для обеспечения такого признания должна была возникнуть идеология, оправдывающая общественное неравенство, придающая носителям публичной власти качества, возвышающие их над обыкновенными людьми.

Формирование в Древнем Египте механизмов осуществления публичной власти стимулировало появление здесь письменности. По признанию египтологов, изучающих древнеегипетские иероглифы, многие из этих знаков применялись еще в додинастические времена. Самые ранние из дошедших до нас древнеегипетских письменных документов описывают торжественные церемонии правителей и наиболее значимые события их правлений, фиксируют объемы выращенных зерновых культур, оливок и дру-

гих произведенных тем или иным способом продуктов[1]. Письменность становится необходимой для осуществления публичной власти в особенности тогда, когда одной из важнейших ее функций делается контроль за производством, распределением и расходованием материальных продуктов. Появление и быстрое распространение в том или ином древнем обществе письменности служит поэтому явным свидетельством того, что в нем начал формироваться государственный аппарат.

Природные и климатические особенности Древнего Египта обусловили неравномерность в течении на его территории процессов классообразования и государствообразования. В южной части этой страны — в так называемом Верхнем Египте — данные процессы начались раньше и протекали стремительнее, чем в северной ее части — в Нижнем Египте. На территории именно Верхнего Египта появились в середине IV тысячелетия до н.э. первые государственные образования. Среди них самыми влиятельными были те, которые имели в качестве своих политических и религиозных центров городские поселения под названиями *Некхен (Иераконполис)*[2], располагавшееся на юге, ближе всех к истоку Нила, *Накада*, находившееся дальше по течению Нила, и *Тинис* — самое северное из столичных поселений. В дельте Нила подобными центрами были городские поселения Маади[3] и Буто.

Приблизительно в 3200 году до н.э. произошло слияние двух главных государственных образований Верхнего Египта — Накады и Некхена (Иеранконполиса) в одно политическое сообщество. Во главе его оказался властитель, который стал носить двойную корону: красную — вождя Накады и белую — вождя Некхена.

Верховным божеством нового государственного объединения был объявлен бог Некхена Хор. Являлось ли это слияние результатом завоевания Некхеном Накады или следствием политического соглашения двух общин, трудно сказать. Как бы то ни было, с этого момента берет свое начало процесс объединения мелких древнеегипетских государственных образований в одно крупное госу-

---

[1] *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. P. 65.

[2] В исторической литературе Некхен обозначают, как правило, греческим названием Иераконполис, данным скорее всего в Птолемеевском Египте. В настоящее время это город Ком-эль-Амар.

[3] Маади — в настоящее время составляет южный пригород Каира.

дарство. Некхен (Иераконполис) был расположен на пересечении торговых путей, связывавших долину Нила с его дельтой и территорией, прилегающей к Средиземному морю, с Нубией, Палестиной, Сирией, Ливаном, с побережьем Красного моря, Месопотамией. Выгодное географическое положение этого города способствовало быстрому обогащению правивших кланов и усиливало их могущество. Скорее всего именно по этой причине Некхен стал первым политическим и религиозным центром формировавшегося на территории Древнего Египта единого государства.

До последнего времени в исторической литературе доминировало мнение о том, что главным фактором, заставившим небольшие древнеегипетские государственные образования объединиться в одно крупное государство во главе с монархом, была потребность в создании и поддержании единой для всей страны системы ирригации.

Это мнение неоднократно высказывали в своих работах и письмах К. Маркс и Ф. Энгельс. На нем строили свои объяснения процесса формирования единого государства в Древнем Египте многие историки. Так, С. Ф. Кечекьян писал, например, в 1944 году в первой части учебника по всеобщей истории государства и права, цитируя статью К. Маркса «Британское владычество в Индии»: «Таким образом, организация орошения “повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства”. Господствующий класс в целях извлечения прибавочного продукта должен был организовать публичные работы, т. е. создать систему ирригационных сооружений»[1]. Подобный взгляд выражал и историк И. В. Виноградов: «Силами отдельных номов, да и более крупных объединений было чрезвычайно трудно поддерживать на должном уровне все ирригационное хозяйство страны, состоявшее из небольших, не связанных или слабо связанных друг с другом оросительных систем. Слияние нескольких номов, а затем и всего

---

[1] Всеобщая история государства и права. В двух томах / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2002. Том 1. С. 4. О создании «единого централизованного административного управления сложным ирригационным хозяйством» и о том, что в едином древнеегипетском государстве «функции управления сложной ирригационной системой» находились в руках фараона, говорится и в учебнике «История государства и права зарубежных стран», издаваемом издательством «Норма» (Том 1: Древний мир и Средние века. М., 2004. С. 47–48).

Египта в единое целое (достигнутое в результате длительных, кровопролитных войн) позволяло совершенствовать оросительные системы, постоянно и организованно их ремонтировать, расширять каналы и укреплять дамбы, совместно бороться за освоение заболоченной Дельты и в целом рационально использовать воды Нила. Совершенно необходимые для дальнейшего развития Египта, эти мероприятия было возможно осуществить только общими усилиями всей страны после создания единого централизованного административного управления»[1].

Мнение о том, что главным фактором возникновения в Древнем Египте единого государства с разветвленным административным аппаратом стала потребность централизованно управлять обширной ирригационной системой, распространено и среди иностранных историков. Карл Виттфогель выразил его следующим образом: «Если ирригационное земледелие зависит от эффективного обращения с большими водными ресурсами, отличительное качество воды — ее тенденция собираться в массу — становится исходно решающим. Большое количество воды может быть помещено в каналы и сохраняться в пределах границ только посредством применения массовой работы, и эта массовая работа должна координироваться, подчиняться дисциплине и направляться. Таким образом, множество земледельцев, жаждущих освоить засушливые низовья и равнины, вынуждены создавать организационные инструменты, которые на основе домашинной технологии дают им успех только в одном случае: если они будут работать в кооперации со своими товарищами и подчинять себя управляющей власти»[2].

Приведенные высказывания имеют одну общую черту: они основаны не на фактах, а на умозрительном представлении о древнеегипетском земледелии. Их авторы исходят из того, что оно требовало создания централизованной и широкомасштабной системы ирригационных сооружений. При этом предполагается, что без такой системы древнеегипетское общество обойтись не могло и отсюда делается вывод о том, что она действительно была

---

[1] История Востока в шести томах. Том 1: Восток в древности. М., 2000. С. 151.

[2] *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957. P. 18.

создана и существовала. Но кто мог создать централизованную и широкомасштабную систему ирригационных сооружений, кроме централизованного государства с сильной верховной властью и с обширным административным аппаратом?

Подобное государство в Древнем Египте существовало на самом деле, но это единственный достоверный факт в утверждениях тех, кто считает главной причиной его возникновения потребность в создании и поддержании единой для всей страны системы ирригации.

Существует множество убедительных свидетельств того, что основным способом ирригации возделывавшихся земель была в Древнем Египте природная ирригация, которая осуществлялась спонтанно в процессе разлива Нила. Искусственная же ирригация с помощью построенных сооружений для орошения почв являлась чаще всего лишь побочной, дополнявшей природную там, где это требовалось. Лишь во времена засухи, когда река мелела и ее разливов было недостаточно для орошения почв, искусственная ирригация могла быть основной. Однако при этом устройство и поддержание ирригационных сооружений находились, как показывают факты, в ведении местных правителей. Соответственно общей для всей страны ирригационной системы в Древнем Египте не создавалось.

Дошедшие до наших дней сведения о древнеегипетском государственном управлении не дают оснований считать, что в нем предусматривались органы и должностные лица, специально занимавшиеся организацией строительства ирригационных объектов и поддержанием их функционирования[1]. Современный иссле-

---

[1] «Примечательно, — пишет об этом факте египтолог Карл Бутцер, — что масса чиновничьих званий Старого царства не предусматривает никакого свидетельства о существовании централизованного, бюрократического аппарата, который мог бы обеспечивать управление ирригацией на национальном, региональном или локальном уровне. Кажется поэтому, что экологические проблемы предварительно решались на локальном уровне, по крайней мере, до открытия Фаюма в период Среднего царства. Развитие профессиональной постоянно функционирующей бюрократии должно быть отнесено поэтому к различным социальным устремлениям. Другими словами, нет никакой причинной связи между гидравлическим земледелием и развитием фараонской политической структурой и обществом» (*Butzer K. W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago and London, 1976. P. 110). Делая такой вывод, К. Бутцер

дователь древнеегипетской агрокультуры Дж. Д. Хью указывает в своей статье об использовании в ней ирригационных сооружений, что сохранилась маска властителя первой династии по имени «Скорпион», изображающая его копающим канал, но недавние разыскания обнаружили, по его словам, что «большая часть ирригационной работы находилась под контролем местных должностных лиц»[1].

«Нет никаких признаков того, — пишет современный специалист по географии Древнего Египта Фекри Хасан, — что главной функцией централизованного правительства в Египте или его бюрократии было управление искусственной ирригацией. Несмотря на ссылки на производившиеся время от времени водяные работы в ответ на засухи и копание местных каналов для дренажа или ирригации возвышенностей, масштаб водяных работ в Древнем Египте едва ли сравнится с теми, которые предпринимались Мохаммедом Али в девятнадцатом столетии. Централизованное правительство в Египте являлось более заинтересованным в сборе налогов и более озабоченным монументальной демонстрацией царской власти и религиозных институтов, чем ирригацией. Бассейновой ирригации в местном масштабе было более, чем достаточно, чтобы удовлетворить нужды раннего населения Древнего Египта… Хотя создание искусственных каналов могло практиковаться в местном масштабе с раннего династического периода (3000–2700 гг. до н.э.), если не до этого, нет никаких признаков государственно-контролируемой ирригационной системы. Удивительно, что приспособления для подъема воды — такие, как применявшийся простой шадуф (основанный на принципе рычага), — были неизвестны до Нового царства, 1550–1070 гг. до н.э. Ирригационные работы предпринимались, таким образом, в местном или региональном масштабе, и могли приобрести особенное значение, когда уровень воды в Ниле падал»[2].

сослался на книгу: *Baer K.* Rank and Titles in the Old Kingdom: The Structure of the Egyptian Administration in the 5th and 6th Dynasties. Chicago, 1960.

[1] *Hughes J. D.* Sustainable Agriculture in Ancient Egypt // Agricultural History. 1992. Vol. 66. № 2. History of Agriculture and the Environment. P. 17.

[2] *Hassan F. A.* The Dynamics of a Riverine Civilization: A Geoarchaeological Perspective on the Nile Valley, Egypt // World Archaeology. 1997. Vol. 29. № 1 (Jun.). Riverine Archaeology. P. 52, 55.

«Широкомасштабная культивация зерновых основывалась во все периоды на относительно примитивной, но эффективной бассейновой системе ирригации. Она была организована скорее на местном, чем на национальном уровне, но легкость и успех процесса всегда зависел от полноводья Нила, которое значительно варьировалось в древности»[1], — отмечает А. Б. Ллойд.

В работах по экономической истории Древнего Египта, выходящих в последние годы, преобладающей становится мысль о том, что ирригационная деятельность не была в Древнем Египте связана с существованием единого государства. «Связь между централизованным государством и ирригацией земли в Египте была всегда не прямой»[2], — к такому выводу пришел, например, современный египтолог Жозеф Маннинг.

Последние открытия археологов сделали очевидным, что формирование в Древнем Египте единого государства было процессом, который совершался под действием множества различных факторов. И какой из них был главным, вряд ли возможно установить. Уверенно можно утверждать лишь одно: объединение небольших государственных образований произошло вследствие появления у них потребностей, которые могли быть удовлетворены лишь в рамках крупного централизованного государства.

В исторической литературе преобладает мнение о том, что процесс этого объединения привел сначала к возникновению двух самостоятельных государств — верхнеегипетского и нижнеегипетского[3]. Резиденцией правителей первого, южного, был Некхен, столицей второго, северного, — якобы поселение под названием

---

[1] *Lloyd A. B.* The Late Period, 664–323 // Ancient Egypt: A Social History / Ed. by B. G. Trigger, B. J. Kemp, D. O'Connor and A. B. Lloyd. Cambridge, 1983. P. 326.

[2] *Manning J. G.* Irrigation et État en Égypte antique // Annales. Histoire. Sciences Sociales. 57-e Année. 2002. № 3 (May — Jun.). P. 623.

[3] Так, американский египтолог Джеймс Генри Брэстед писал в своей книге «История Египта с самых ранних времен до персидского завоевания»: «После архаической эпохи первобытной цивилизации и периода маленьких и местных монархических государств (small and local kingdoms), различные центры цивилизации Нила постепенно слились в два монархических государства (kingdoms): одно, включающее долину вплоть до Дельты, и второе, состоящее из самой Дельты» (*Breasted J. H.* A History of Egypt. From the earliest times to the Persian conquest. Second edition, fully revised. New York, 1909).

«Пе», находившееся в северо-западной части Дельты Нила[1]. Единое же древнеегипетское государство возникло в результате победы Верхнего Египта над Нижним.

Для такого представления имеются некоторые основания, но все они таятся исключительно в древнеегипетской мифологии. Материалами же археологических раскопок существование самостоятельного государства в дельте Нила не подтверждается. Эти материалы свидетельствуют скорее о том, что Нижний Египет до самого своего вхождения в состав общеегипетского государства не объединялся под эгидой какого-либо одного правителя, оставаясь раздробленным на несколько государственных образований, и, следовательно, единое государство возникало в Древнем Египте из одного политического и религиозного центра — города под названием Некхен (Иераконполис).

После подчинения Накады, правитель Некхена распространил свою власть и на Тинис. Сформировавшееся в результате этого новое государственное объединение продолжило свою экспансию на север, присоединяя к себе все новые и новые земли, как правило, те, по которым проходили торговые пути. Закономерно в связи с этим, что и резиденция верховных властителей расширявшегося таким образом государства переносилась все дальше на север — сначала в Тинис, а потом в Мемфис.

Когда, в какой момент данное политическое объединение превратилось в государство Верхнего и Нижнего Египта, невозможно определить с точностью. Можно лишь предполагать, что произошло это еще в додинастический период. Такое государство, по всей видимости, уже существовало в Древнем Египте при монархе, имя которого состояло из звуков «н», «м» и «р» (N'r–mr). Египтологи назвали его условным именем «Нармер». Некоторые из дошедших до нас материалов (и прежде всего «палетка Нармера»[2])

---

[1] The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 1. Part 2. Early History of the Middle East. Cambridge, 2006. P. 1.

[2] Так называют обнаруженную в 1898 г. при археологических раскопках в месте, где располагался древнеегипетский город Некхен (Иераконполис), плитку из темно-зеленого камня, в форме щита длиной 63 см, изображающую в символической форме победу Нармера, властителя Верхнего Египта, над властителем Нижнего Египта. См.: *Quibell J. E.* Hieraconpolis. Part 1. Plates od discoveries in 1898 by J. E. Quibell. London, 1900. P. 10, XXIX.

дают основание считать, что именно он объединил или воссоединил Верхний и Нижний Египет.

Одним из символом монархической власти является, как правило, корона. Нармер имел две короны: белую — корону Верхнего Египта, в которой он был изображен на лицевой стороне палетки, и красную — корону Нижнего Египта, в которой он представал на обратной стороне палетки. Подобный символ уже использовался ранее и тоже для выражения власти над объединенными территориями. Правда, тогда это были территории Верхнего Египта — государственные образования с центрами в Накаде и Некхене (Иераконполисе).

Именно в Накаде было обнаружено при археологических раскопках самое раннее изображение короны. На керамическом обломке черного цвета проступал рельеф этой царской инсигнии, и ее вид соответствовал облику красной короны[1]. Белая корона появилась явно позднее. Самое раннее из ее изображений, найденных археологами, дается на палетке Нармера.

Поскольку красная корона была древнее, она почиталась египтянами более священной, чем белая. Данный факт заставляет сильно усомниться в том, что единое древнеегипетское государство возникло путем победы Верхнего Египта над Нижним. Если допустить такой ход событий, то как тогда объяснить, что корона побежденного правителя возобладала над короной победителя? Все это наводит на мысль о том, что *двойная корона древнеегипетского властителя отражала не столько реальное событие завоевания правителем Верхнего Египта территории Нижнего Египта, сколько представление о широком пространстве его власти, охватывающем обе части Древнего Египта — долину Нила и дельту*. С этой точки зрения, наличие у Нармера красной и белой короны является очевидным признаком того, что он уже был верховным властителем единого древнеегипетского государства. Во всяком случае, являлся таковым в тот момент, когда неизвестный нам искусный мастер вытачивал из камня палетку с его изображением.

---

[1] См. об этой находке, сделанной Флиндерсом Петри, в статье: *Baumgartel E. J.* Some Remarks on the Origins of the Titles of the Archaic Egyptian Kings // The Journal of Egyptian Archaeology. 1975. Vol. 61. P. 28. Фотография черепка с изображением красной короны приводится между стр. 30 и 31 данной статьи.

Идея двойной короны монарха, дуализма в пространстве его власти поддерживалась на всем протяжении истории древнеегипетской государственности. Она стала неотъемлемым элементом официальной политической идеологии и воплощалась в целом ряде ритуалов и прежде всего в торжественной церемонии появления монарха на публике. Во время нее будущий носитель верховной государственной власти появлялся сначала в белой, верхнеегипетской короне, затем в красной, нижнеегипетской, и это действо рассматривалось в качестве акта, выражавшего единство всего Египта. Так, согласно краткой летописи древнеегипетских монархов первых пяти династий, начертанной на «Палермском камне», последний монарх второй династии[1] совершал публичный выход в первый, во второй и в четвертый, предпоследний, год своего правления. Первое его появление на публике было связано скорее всего с коронацией. Запись этого события на «Палермском камне» обозначала не только ритуальные действия монарха, но и смысл их. «Появление монарха Верхнего Египта. Появление монарха Нижнего Египта. Объединение двух земель»[2] — таким было ее содержание. Применительно ко второму году правления также говорилось о появлении монарха в коронах Верхнего и Нижнего Египта, но после записи об этом сообщалось о его вступлении в двойной храм. Подобные ритуальные действия совершал и последний властитель четвертой династии по имени Шепсескаф (Shepseskaf)[3]. И формула, которой обозначались эти действия на «Палермском камне», была похожей. «Появление монарха Верхнего Египта. Появление монарха Нижнего Египта. Объединение двух земель»[4], — гласила она. После этого

---

[1] В записи на «Палермском камне» его имя не приводится. В «Египтиаке» Манефона этот монарх именуется Кхенересом. Современные египтологи обозначают его именем Кхасекхем или Кхасекхемуи (Khasekhem или Khasekhemwy).

[2] The Palermo Stone. First to the Fifth Dynasties // Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the seventeenth dynasties. Chicago, 1906. P. 64.

[3] Подобным именем он именуется и современными египтологами.

[4] The Palermo Stone. First to the Fifth Dynasties . P. 67.

сообщалось о том, что монарх совершил обход «Стены»[1]. Властитель пятой династии, по имени Нефериркар, величался титулом «монарх Верхнего и Нижнего Египта, любимец двух богинь» (далее в титуле приводились их имена). Торжественная церемония, совершавшаяся им в седьмой день второго месяца первого года правления (по всей видимости, это была церемония восшествия на трон), обозначалась на «Палермском камне» формулой: «Рождение богов. Объединение двух земель»[2]. Подобные примеры (а их можно привести много) явно свидетельствуют, что *объединение Верхнего и Нижнего Египта в одно государство рассматривалось египтянами в качестве ритуальной функции верховного властителя, осуществлявшейся каждым из них на протяжении всего его правления.* Данное представление отражало реально произошедшее в прошлом слияние различных частей Древнего Египта в единое политическое сообщество, но оно не содержало в себе информации о том, каким образом и когда случилось это объединение, какой из древнеегипетских правителей его совершил. Память о реальном историческом событии была стерта абстрактным политическим ритуалом.

Тот факт, что политическое объединение Древнего Египта произошло под эгидой верхнеегипетского властителя, был вполне закономерным. Верхний Египет опережал Нижний Египет в экономическом, политическом и культурном развитии — об этом свидетельствуют многие данные. И главным центром экономического роста являлся именно Некхен (Иераконполис). В середине IV тысячелетия до н.э. главной отраслью его экономики было земледелие, базировавшееся на использовании вод Нила. Местные общины были настолько богаты и хорошо организованы, что могли строить речные дамбы, возводить и поддерживать ирригационные сооружения. Управленческая функция здесь поэтому рано получила повышенное значение, и люди, ее осуществлявшие, быстро приобрели привилегированный общественный статус. Земледельческая идиллия закончилась около 3200 года до н.э. Нил об-

---

[1] Дословно: «Circuit of the Wall (Обход Стены)». Слово «Стена (Wall)» является в данном случае сокращенным названием города «Белые стены». Позднее он стал именоваться Мемфисом.

[2] Ibid. P. 70.

мелел и перестал питать своими наводнениями почвы Некхена[1]. Строительство и поддержание ирригационных сооружений стало очень трудным и затратным делом. Дожди же не могли обеспечить земледелие водой. Резкое ухудшение условий для ведения успешного земледелия заставило жителей Некхена обратиться к занятиям ремеслами. Здесь стали возникать мастерские по изготовлению различных сосудов из глины, другой домашней утвари, фаянсовых ваз, статуэток, церемониальных палеток и т. д.

Эта перемена в характере экономики повлекла за собой перемену и в политике правящей элиты Некхена. Существовавшие прежде на территории этого государственного образования благоприятные условия для ведения земледелия привязывали к ней его правителей и население. Главные функции правящей элиты были также связаны с данной территорией: на ней располагались участки обрабатываемой земли, были устроены ирригационные сооружения, питающие их водой. Защита данной территории от вторжений чужеземцев, поддержание порядка внутри общин, обеспечение надлежащей работы оросительной системы — эти и другие подобные им общественные функции таили в себе слишком мало побудительных мотивов для экспансии государственного образования с центром в Некхене на другие земли. Упадок земледелия резко ослабил связь его правителей и населения с определенной территорией. Выдвижение же на первый план в экономике Некхена ремесленного производства придало этому государственному образованию чрезвычайную мобильность. Для развития ремесел всегда необходимы по меньшей три условия: искусные мастера, сырьевые материалы и рынки сбыта произведенной продукции. Искусные мастера в Некхене имелись — об этом свидетельствует хотя бы «палетка Нармера», представляющая собой не просто изделие, но настоящее произведение искусства. На это указывают и многие другие изготовленные мастерами Некхена предметы, которые были обнаружены археологами при раскопках в названной местности. Но остальные два условия отсутствовали. Направленность государственного образования с центром

---

[1] См. об этом: *Hoffman M. A., Hany A., Hamroush H. A., Ralph O., Allen R. O.* A Model of Urban Development for the Hierakonpolis Region from Predynastic through Old Kingdom Times // Journal of the American Research Center in Egypt. 1986. Vol. 23. P. 185.

в Некхене (Иераконполисе) на внешнюю экспансию была заложена в его экономике и в соответствовавшей ее характеру структуре общества. Данная экономика предполагала, однако, экспансию скорее мирную, чем военную. Более того, Некхен имел больше возможностей именно для мирной экспансии.

Поэтому даже если завоевание Нижним Египтом Верхнего действительно имело место при формировании единого древнеегипетского государства, оно не могло быть главным фактором в этом процессе. Материалы археологических раскопок последних лет показывают: долина Нила и его дельта не были землями, изолированными одна от другой. До того как обе эти части Древнего Египта слились в одно политическое сообщество, между верхнеегипетскими и нижнеегипетскими общинами происходил интенсивный обмен материальными и духовными ценностями, и вследствие этого шел быстрый процесс взаимопроникновения их культур.

В этих условиях возникновение на территории Древнего Египта единого государства было лишь политическим оформлением сложившейся естественным путем социальной, экономической и культурной общности. С другой стороны, политическое объединение долины и дельты Нила способствовало дальнейшему упрочению социальных, экономических и культурных основ данной общности.

* * *

Становление социального фундамента и организационного каркаса единого государства завершилось на территории Древнего Египта в эпоху «Раннего царства», когда сформировались основные институты государственной власти и основополагающие догматы государственной идеологии.

Начало этой эпохи совпадает с началом летописной династической истории Древнего Египта. Годы правления первых двух династий древнеегипетских монархов составляют временные рамки данной эпохи. Конечно, понятие «династии» является в данном случае весьма условным — называемые династиями группы монархов состояли не только из кровных родственников, но наследственный принцип передачи верховной государственной власти внутри одного кровно-родственного объединения являлся все же

правилом, именно он применялся чаще всего при смене одного монарха на другого.

Согласно папирусному «Туринскому списку» и высеченному на стене храма фараона XIX династии Сети I Абидосской таблице картушей с именами древнеегипетских монархов[1], первым правителем всего Египта был Менес. Родоначальником первой династии древнеегипетских правителей его называли также «История» Геродота и «Египтиака» Манефона. «Мин, первый египетский царь, по словам жрецов, возвел защитную плотину у Мемфиса»[2], — писал Геродот. «Первая династия, — отмечал Манефон, — состояла из восьми монархов, первым из которых был Менес из Тиниса; он правил 62 года и умер от раны, полученной от гиппопотама»[3].

Современные египтологи склоняются к мнению о том, что Менес являлся реальным историческим лицом. В 1896 году французский археолог Жак Жан Мари де Морган (*Jacques Jean Marie de Morgan,* 1857–1924) обнаружил при раскопках в местности Негада, расположенной южнее Абидоса, большую гробницу. В ней находилась дощечка из слоновой кости, на которой было вырезано имя «Хор-Аха (Хор-боец)» вместе с именем «Менес»[4]. Указанная гробница принадлежала женщине по имени Нейтхотеп, которая, по всей видимости, являлась супругой Нармера и матерью — Менеса.

По древнеегипетскому преданию, Хор-Аха, став правителем, перенес свою резиденцию на новое место, расположенное на западном берегу Нила, севернее Тиниса. Стены этого города были построены из белого камня, оттого и город получил название Ineb Hedj («Белые стены»). Вторым его наименованием было слово, зву-

---

[1] Данная таблица является частью изображения, представляющего фараона Сети I выполняющим жертвоприношения перед знаками, обозначающими предшествовавших ему древнеегипетских фараонов.

[2] *Геродот*. История в девяти книгах // Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М., 1993. С. 109.

[3] The Ancient Fragments; containing what remains of the writings of Sanchoniato, Berossus, Abydenus, Megasthenes, and Manetho. London, 1828. P. 51.

[4] Ж. Морган описал это открытие во втором томе своей книги «Исследования происхождения Египта». См.: *Morgan J. J.* Recherches sur les origines de l'Egypte. T. 2. Ethnographie préhistorique et tombeau royal de Negadah, Paris, 1897. P. 158–159.

чавшее приблизительно как «Анкхтарди», то есть «связывающий две земли». Во время правления шестой династии здесь был возведен Храм в честь Птаха, и город как центр этого бога стал именоваться «Домом души Птаха». На языке древнеегипетских иероглифов это звучало приблизительно как «Хат-кю-Птах». На древнегреческом языке это писалось как «Αἰ γυ πτος» (Ай-гю-птос): впоследствии отсюда произошло название страны на европейских языках — Egypt, Египет. По названию же пирамиды древнеегипетского властителя Пепи I город еще именовали словом Мен-нефер или Менфи. Греки стали звали его словом Μέμφις (Мемфис), и это наименование сделалось позднее общепринятым в Европе.

Мемфис находился примерно посередине между Нижним и Верхним Египтом, и, устроив на этом месте свою резиденцию, Хор-Аха упрочил единство египетских земель. Во всяком случае, можно предполагать, что он сыграл какую-то весьма значимую роль в становлении единого древнеегипетского государства. На это указывает и выбор для него второго царского имени: слово «Менес» означало «установитель».

О том, что правление Хор-Ахи открыло новый период в развитии Древнего Египта, свидетельствуют и другие факты. С этого времени берет свое начало древнеегипетское официальное летоисчисление. Правда, велось оно тогда довольно примитивным способом — каждый год правления монарха получал наименование по случившемуся в течение его наиболее примечательному событию. Например, какой-то год мог обозначаться как «год, когда были побиты троглодиты», другой — как «год второго случая подсчета всего крупного и мелкого скота Севера и Юга», третий — «год седьмого случая подсчета золота и земель»[1]. Менес был в общем не первым правителем в Древнем Египте, но он стал первым среди тех из них, о которых сохранились сведения в начертанных на папирусе или высеченных на камне древнеегипетских летописях.

После Хор-Ахи (Менеса) престол верховного властителя унаследовал его сын по имени Джер. В «Египтиаке» Манефона он именуется Атотисом. После Джера верховным правителем Егип-

---

[1] Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the seventeenth dynasties. Chicago, 1906. P. 54.

та стал его сын, имя которого звучало примерно как «Джет» или «Зет». Манефон назвал его Кенкеносом. Эти факты свидетельствуют, что в Древнем Египте сложилась упорядоченная система смены одного монарха на другого.

Согласно «Египтиаке» в переложении Юлия Африканского период правления первой и второй династии занял 555 лет[1], в варианте Евсевия Памфила — 549 лет[2]. Современные египтологи отводят эпохе «Раннего царства» 400–450 лет. Последний правитель второй династии, основным царским именем которого было слово, звучавшее как Кхасекхемуи, оставил после себя такие величественные монументы, какие не оставлял ни один монарх, правивший в Древнем Египте до него[3]. Этот факт служит явным свидетельством того, что древнеегипетское государство в течение правления первых двух династий шло по пути превращения в организацию, способную сосредотачивать в своем распоряжении солидные материальные средства.

---

[1] The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 37.

[2] Ibid. P. 39.

[3] См. об этом: *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005. P. 77–79.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

История Древнего Египта в своем нынешнем состоянии представляет собой в значительной степени историю правителей, а не общества, государства и права. И это вполне объяснимо: главным источником сведений о погибшей почти две тысячи лет тому назад великой цивилизации являются сохранившиеся большей частью в виде обломков каменные монументы с рисунками и надписями да остатки захоронений. Но все они — по преимуществу атрибуты жизни и смерти лишь тех людей, которые обладали властью и богатством: фараонов, их сановников и чиновников, родственников и слуг. Простые же египтяне оставили после себя очень мало следов своего пребывания на Земле. О том, как они жили, каков был их статус, можно только догадываться на основании скудного набора материалов.

Очень мало сведений имеют историки и о древнеегипетских общественных объединениях: профессиональных корпорациях, территориальных союзах, сельских общинах. Добыть такие сведения можно лишь посредством археологических раскопок в местах расположения древнеегипетских сел, но археологи до последнего времени работали, главным образом, там, где находились монументальные сооружения: храмы, дворцы правителей Древнего Египта, пирамиды, захоронения фараонов[1].

---

[1] «В действительности египетские деревни (villages) почти невидимы в опубликованных археологических документах», — признает глава Ассоциаций по исследованию Древнего Египта (Ancient Egypt Research Associates) американский египтолог Марк Ленер (*Lehner M.* Villages and the Old Kingdom // Egyptian Archeology / Edited by Willeke Wendrich. Oxford, 2010. P. 89).

* * *

Простейшие формы социальной дифференциации существовали в Древнем Египте еще на грани V–IV тысячелетий до н.э. Различия же классового характера начали развиваться здесь с появлением небольших государственных образований. Функции управления в них были монополизированы кланами вождей, совокупность которых и составила первоначальный господствующий класс. Опираясь на свой ведущий статус в обществе, данные кланы стали накапливать богатство. На первых ступенях развития в Древнем Египте класс имущественно богатых людей почти полностью совпадал с кругом родственников правителей. Об этом свидетельствуют материалы исследованных египтологами захоронений в местах, где располагались такие поселения, как Абидос, Накада, Некхен (Иераконполис). Высокие должности в управлении обитателей богатых могил отражаются в их именах и титулах. По словам Тоби Уилкинсона, «к концу додинастического периода местные элиты — теперь семьи монархов во всех смыслах — успешно монополизировали экономические ресурсы своих территорий до такой степени, что оказались способными вести работы, достаточные для сооружения монументальных захоронений. Более того, они могли призывать профессиональных администраторов к себе на службу для организации доставки престижных товаров из-за границы посредством ведения торговли на далекие расстояния и найма искусных мастеров для изготовления тонко выделанных украшений для захоронений»[1].

Древнеегипетский общественный строй **эпохи «Раннего царства»** представлял собой пирамиду, вершину которой составлял монарх и члены его семьи. В верхний слой общества входили также те, кто занимал высокие должности в государственном управлении.

Ступенькой ниже их стояли на социальной лестнице кланы вождей бывших государственных образований, ставшие в объединенном государстве наместниками верховных властителей и потому сохранившие свой высокий социальный статус.

Средний слой древнеегипетского общества составляли должностные лица среднего ранга в центральном управлении, а также писцы, жрецы, искусные мастера.

---

[1] *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005. P. 25.

Писцы — пожалуй, самая интересная группа в древнеегипетском обществе первых эпох. Она формировалась на основе не наследственного, а профессионального принципа. Заняться же этой профессией и тем самым войти в эту группу мог человек любого происхождения. Писцами могли называть себя и сановники, занимавшие высокие должности в государственном управлении, но для них это было исключительно почетное звание, свидетельствовавшее об их грамотности, образованности и уме. Профессиональные же писцы имели хотя и значимый, но не слишком высокий статус. Многие из них служили сборщиками налогов, казначеями, помощниками фараонов и высших должных лиц в администрации или жрецов в храмах. В дошедших до нас древнеегипетских поучениях писцы восхваляются как самые полезные чиновники в государстве, а иногда утверждается, что именно они управляют всем государственным имуществом. К таким сентенциям надо относиться критически, ведь их записывали писцы — что им стоило сочинить какую-нибудь небылицу, возвышавшую их в глазах общества.

Писцы играли немаловажную роль в становлении и укреплении единого для всего Древнего Египта государства: без них государственной власти невозможно было контролировать обширные пространства, эффективно управлять государственным имуществом, собирать налоги, распределять материальные ценности, сохранять информацию, необходимую для принятия решений.

Основание древнеегипетской социальной пирамиды составляли массы общинников-земледельцев, ремесленников, простых работников, слуг. Рабство в эпоху «Раннего царства» скорее всего уже существовало, но количество рабов в это время было еще невелико и рабский труд не играл сколько-нибудь заметной роли в экономике.

По мнению Ю. Я. Перепелкина, в эпоху «Раннего царства» уже существовало, по крайней мере, в зачаточном состоянии постоянное войско[1]. Древнеегипетские правители тогда много воевали: с непокорными вождями Низовья, с южными, западными и северо-восточными соседями. На одном из надгробий, относящихся ко времени правления первой династии, некий слуга монарха увековечил себя в виде знака воина с луком в руке, как будто военная

---

[1] *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 95.

служба была его постоянной профессией. Профессиональные воины скорее всего не просто существовали в то время, но образовывали особую по своему статусу социальную группу. Одной из важнейших функций тогдашней государственной власти была охрана торговых путей, а каким образом можно было постоянно осуществлять эту функцию без профессиональных воинов? При этом нужны были воины не только пешие — для боевых действий на земле, но и лодочные, воевавшие на воде, плавая по Нилу на больших многовесельных лодках, по нескольку десятков воинов и гребцов каждая.

Профессиональная группа лодочников имела большое значение для функционирования древнеегипетского государства. Лодки и лодочники способствовали успешному ведению хозяйства, с их помощью осуществлялась перевозка товаров и работников, освоение новых земель и т. д. Нил на рубеже IV–III веков до н.э. был значительно многоводнее, чем столетия спустя. Территория же государства была вытянута вдоль Нила, и только наличие достаточного количества воинов на лодках позволяло тому или иному верховному властителю контролировать процессы, происходившие на государственной территории. Становление в Древнем Египте объединенного государства и поддержание его единства и силы было невозможно без использования лодок, а также мирных и боевых лодочников. О том, что лодкам и лодочникам придавалось в Древнем Египте эпохи «Раннего царства» большое значение, свидетельствует тот факт, что они нередко изображались на табличках с именами древнеегипетских правителей, которые клались в их захоронения. Знаки, обозначавшие лодку, присутствуют и на «Палермском камне». Лодки считались необходимыми для правителей и в посмертном путешествии, поэтому они часто помещались рядом с их могилами. Для лодок так же, как и для правителей, делались саркофаги[1]. Лодки считались сакральными

[1] В 1991 г. Экспедиция Пенсильванско-Йельского института изящных искусств обнаружила при раскопках в Абидосе 12 огромных захоронений лодок, в 2000 г. — еще два таких захоронения. Все они относились ко времени правления первой династии. Лодочные могилы были раскопаны также в Саккаре (Saqqara) и в Хелуане (Helwan), но в Абидосе погребенные лодки составляли целую флотилию. Занимавшийся этими раскопками американский египтолог Дэвид О'Коннор писал в книге, посвященной их результатам: «Самое важное то, что лодочные могилы в Абидосе являются первыми, связанными с ранними погребальными

инструментами в руках древнеегипетских монархов для поддержания порядка на вверенной им богами государственной территории.

Общественный строй Древнего Египта **эпохи «Старого царства»** был в значительной мере результатом дальнейшего развития общественного строя предшествовавшей эпохи. Как и ранее, высокое место в социальной иерархии определялось высокой должностью в государственном управлении. Возможность же египтянина занять эту должность зависела прежде всего от наличия у него родственных отношений с монархом или с высокими должностными лицами и от степени близости к ним по родству. В полном соответствии с этим самые высокие государственные должности занимали сыновья верховного властителя. Естественным следствием такого принципа формирования высшей элиты общества была наследственность званий и должностей.

Как и прежде класс имущественно богатых людей формировался в основном из тех, кто занимал высокие должности в государственном управлении. В эпоху «Старого царства» вельможи превратились в очень влиятельную социальную группу. Они завели обширные хозяйства, в которых трудились и земледельцы, и скотоводы, и рыбаки, и ремесленники различных специальностей. Рассредоточенные по территории страны, эти производственные комплексы обеспечивали работой и необходимыми средствами существования ее население. Хозяева их находились в полной зависимости от монарха и потому были силой, поддерживавшей государственное единство Египта при любых условиях, тогда как бывшие вожди местных племен или локальных государственных образований, обращенные в наместников, были потенциально настроены на независимость от центральной власти и подчинялись ей лишь до тех пор, пока она была сильной.

монументами монархов, соединенными таким образом с более поздними пирамидальными комплексами Старого и Среднего царств, которые в ряде случаев включали в себя могильники и захоронения лодок, похожие на абидосские образцы. В более общем смысле, эти ранние лодочные захоронения в Абидосе и где-либо еще относятся к долговечной и строгой ассоциации лодок, кораблей и флотов с египетскими доктринами посмертной жизни» (см.: *O'Connor D.* Abydos. Egypt's First Pharaohs and the Cult of Osiris. New York, 2009. P. 182).

Весьма влиятельной среди древнеегипетских сановников и чиновников эпохи «Старого царства» была группа лиц, занимавших жреческие должности. Жрецы делились на корпорации служителей какому-либо богу или богине: например, Осирису, Изиде, Хору, Аммону, Птаху, Тоту и т. д. Каждое божество было привязано к определенному месту на территории страны, а бывало, что и к нескольким местам. В этом случае под одним названием выступали в сущности разные божества. Привязка бога или богини к определенному месту осуществлялась через храм. От эпохи «Старого царства» храмов не осталось, за исключением заупокойных, строившихся при гробницах фараонов. Однако то, что храмы строились в эту эпоху по всей территории страны и в большом количестве, не вызывает сомнений. Сохранилось много сообщений о таком строительстве. Нигде не возводилось столько храмов, сколько на территории Египта. Эта страна по праву считалась в древности храмом мира.

Каждый храм был не только местом совершения обрядов в честь того или иного бога, но и хранилищем священных текстов, летописей, различных сакральных предметов. Храм являлся обыкновенно и центром хозяйства, которое по своей обширности и богатству могло превосходить производственные комплексы вельмож.

Влияние храмов на общество имело также идеологическую и эстетическую стороны. Храмовые здания проектировались лучшими архитекторами, они возводились лучшими строителями, украшались самыми искусными мастерами. Стены и колонны храмов обыкновенно украшались текстами гимнов богам, изображениями религиозных ритуалов, именами фараонов, правивших в Египте с Менеса, описаниями важнейших событий их правлений и т. д. Каждый храм, украшенный таким образом, превращался в каменный архив древностей. А жрецы становились хранителями исторических традиций, а значит, и носителями религиозно-политической идеологии, скреплявшей элиту страны в культурную общность.

В эпоху «Старого царства» жречество было открытой для пополнения новыми людьми группой. Хотя наследственность жреческих должностей уже становилась довольно распространенным явлением, правилом она еще не сделалась. Жреческая функция налагала на ее носителя довольно жесткие правила поведения в

обществе и совершенно определенные требования к образу жизни, внешнему облику и одежде. Жрецы должны были являться примером благочестия, образцом нравственной и физической чистоты. Им полагалось брить голову и носить одежду из белого льна или из каких-либо других легких тканей, но в любом случае не из шерсти. Эти достоинства жрецов отражались в самом названии данной социальной группы, которое обозначалось египетским термином из согласных букв «в» и «б». Какими были гласные буквы этого слова и как оно точно звучало, неизвестно, однако его значение было весьма знаменательным — «чистый» или «очистившийся» человек.

Расширение надзорной и распорядительной функций древнеегипетского государства в рассматриваемую эпоху повлекло за собой небывалое увеличение численности писцов и соответственно усиление их общественного значения. С другой стороны, возведение многочисленных сооружений: пирамид, храмов, дворцов, необходимость украшать их стены и колонны произведениями искусства, а также разного рода идеологическими, религиозными и ритуальными текстами порождали потребность в значительно большем, чем прежде, количестве искусных мастеров. И данная категория населения действительно сильно выросла в численности в период «Старого царства». Об этом свидетельствуют остатки поселений мастеров, обнаруженные и исследованные археологами. Указанные поселения располагались, как правило, поблизости от монументов, которые их обитателями возводились и украшались.

Все это означает, что в общественном строе древнеегипетского государства названной эпохи существенно возросла численность среднего класса.

Низший класс Древнего Египта состоял, как и прежде, из простых земледельцев, ремесленников, работников. На самом дне социальной пирамиды находились различные категории зависимых производителей, слуг и рабов. Для их обозначения использовались самые различные термины, например, такие, которые звучали приблизительно как «хам» или «бак». В целом же данная терминология была весьма неопределенной: статус низших категорий населения сильно варьировался в зависимости от конкретной местности, отрасли экономики, исторического периода, от статуса того человека, от которого они были в зависимости, на которого работали.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют, что Египет имел в эпоху «Старого царства» довольно интенсивные торговые отношения не только с соседними государствами, но и весьма отдаленными. Тем не менее источники ничего не говорят о существовании в древнеегипетском обществе профессиональных торговцев, купеческого сословия. С другой стороны, при описании сановников или чиновников источники нередко упоминают среди их обязанностей доставку из других стран тех или иных материалов. Эти факты заставляют думать, что торговой деятельностью занимались в Древнем Египте, как правило, государственные служащие, и сама она считалась разновидностью государственной деятельности. Эта особенность древнеегипетской торговли вполне объяснима: правящая элита видела в ней один из главных источников своих доходов, охрана торговых путей была одной из важнейших функций древнеегипетского государства. Тем более что и сами египтяне могли предложить для продажи в другие страны немало ценной, пользовавшейся спросом в качестве товара продукции. Древний Египет был уже в эпоху «Старого царства» страной не только земледельцев, но и квалифицированных ремесленников, искусных мастеров, составлявших многочисленную массу производителей домашней утвари, одежды, украшений.

Во время правления шестой династии произошло усиление общественного влияния кланов местных правителей[1]. Это было началом распада единого древнеегипетского государства. Можно с уверенностью предположить, что в состоянии политической раздробленности в древнеегипетском обществе значение слоя высших должностных лиц центральной администрации резко упало.

Восстановилось оно лишь в новом общеегипетском государстве, существовавшем в **эпоху «Среднего царства»**.

Структура правящего класса стала в эту эпоху более сложной, чем прежде. Значительную его часть составляли наследственные сановники. Но наряду с ними на высших государственных должностях нередко оказывались и лица незнатного происхожде-

---

[1] Ю. Я. Перепелкин отмечал, что усиление областных владетелей в конце «Старого царства» заметно «по многочисленности их гробниц на местах» (*Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 191).

ния. Наконец, самостоятельную группу в этом классе составляла жреческая знать. Правда, высшие жреческие должности, как и прежде, нередко совмещались с высшими должностями центрального управления.

Наиболее же влиятельной группой в окружении верховных властителей сделались военачальники различного рода. Постоянное войско стало важным фактором общественной жизни. Военные гарнизоны стояли во многих крупных селениях, обеспечивая верховным властителям сохранение контроля над всей территорией страны.

Кланы местных правителей формально опять подчинялись монарху, но по сравнению с эпохой «Старого царства» они стали обладать большей самостоятельностью. Материалы археологических раскопок позволяют сделать вывод о том, что в эпоху «Среднего царства» эти кланы в целом сохранили положение местной знати, приобретенное в период политической раздробленности, но в условиях единого государства стали еще богаче, получив для своего обогащения новые источники. Именно через них шел сбор налогов в общегосударственную казну. Именно они ведали набором войсковых отрядов для египетской армии.

Средний слой древнеегипетского общества составляли в рассматриваемую эпоху чиновники, занимавшие невысокие должности в центральной администрации, основная масса жречества, искусные мастера, разбогатевшие земледельцы, скотоводы и ремесленники.

Низший общественный слой, как и прежде, составляли различные категории зависимых работников, слуги и рабы. Они делились на две большие группы: 1) те, кто принадлежал верховному властителю, храмам, местным администрациям, и 2) те, кто находился в распоряжении отдельных лиц. Среди зависимых работников встречались земледельцы, скотоводы, ремесленники.

Рабство было в эпоху «Среднего царства» значительно более распространенным явлением, нежели прежде. Рабы являлись предметом купли-продажи и дарения. Их можно было передать по наследству. Обладателями слуг и рабов были не только представители высших слоев общества, но и богатые земледельцы, скотоводы, ремесленники.

О древнеегипетском обществе времен правления гиксосов почти ничего не известно. Раскопки на месте расположения ре-

зиденции гиксосских правителей — Авариса[1] позволили археологам получить материалы, свидетельствующие об их палестинском происхождении[2]. Освобождение египтян от этого первого в их истории иностранного владычества, достигнутое в результате многолетней вооруженной борьбы против захватчиков, определило характер сформировавшегося на территории Древнего Египта нового единого государства. Ведение войны стало одной из постоянных его функций, а профессиональная армия — одним из главных государственных институтов. Победоносные войны с соседями превратили Египет в могущественную империю. Военная профессия сделалась для египетского правящего класса самым привлекательным занятием, а ограбление чужих народов превратилось для него в один из главных источников материального дохода.

Восстановление государственного единства благоприятным образом сказалось на развитии древнеегипетской экономики. Слой имущественно богатых египтян значительно расширился в новую эпоху. Фактор материального богатства стал играть более важную роль в общественной жизни.

Все это не могло не повлиять на характер общественного строя Древнего Египта. По сравнению с обществом эпохи «Среднего царства» древнеегипетское общество **эпохи «Нового царства»** стало более сложным и динамичным.

Военачальники составили самую влиятельную часть древнеегипетской знати. В период правления XX династии фараонов звания армейских командиров стали носить даже знатные жрецы. Подобное звание имел, например, верховный жрец храма Аммона, расположенного в Фивах[3]. Многие представители знати являлись обладателями сразу нескольких армейских званий.

Расширение территории Египетского государства повлекло за собой увеличение численности должностных лиц местной администрации. В условиях обширного государства фараоны могли эффективно управлять страной только через них. Местные чинов-

---

[1] В настоящее время Телль-эль-Даба.

[2] См., например: *Assmann J.* The Mind of Egypt. History and Meaning in the Time of Pharaohs. New York, 2002. P. 197.

[3] См. об этом: *Spalinger A. J.* War in Ancient Egypt. The New Kingdom. Oxford, 2005. P. 270.

ники получили в связи с этим больше возможностей для своего обогащения. И материалы археологических раскопок свидетельствуют, что они сполна воспользовались новой ситуацией. Лица, занимавшие не слишком высокие должности в местной администрации, могли теперь позволить себе то, что прежде позволяли только очень знатные особы, сановники центрального управления.

Местная знать стала в эпоху «Нового царства» одной из самых богатых и влиятельных группировок в политической элите страны.

Египтяне-солдаты профессиональной армии выделились в рассматриваемый период в самостоятельную социальную группу среднего класса древнеегипетского общества. Данная группа не имела кастового характера, а, напротив, была в высшей степени мобильной. Военная служба позволяла лицу незнатного происхождения подняться вверх по социальной лестнице, а при благоприятных жизненных обстоятельствах достигнуть самых высот социальной иерархии.

Заметные перемены произошли в эпоху «Нового царства» в жреческом сословии. Его численность существенно возросла[1]. Усилилось политическое влияние жречества. Самостоятельные, не имевшие прежде сколько-нибудь тесных связей между собой жреческие коллегии при храмах объединились в единую для всей страны организацию во главе с верховным жрецом храма Аммона в Фивах. Не случайно в конце правления XX династии этот жрец сделался фактическим правителем Верхнего Египта[2].

Многие храмы превратились в эпоху «Нового царства» в крупные хозяйственные предприятия, сосредоточившие в своем распоряжении огромные по площади земельные угодья, большое количество скота. На храмы работали массы находившихся от них в зависимости земледельцев, скотоводов, ремесленников. Фарао-

---

[1] Об этом свидетельствуют добытые в конце XIX в. материалы археологических раскопок в Абидосе. По словам Генри Брэстеда, «приблизительно одну четвертую часть всех лиц, погребенных на великом и священном кладбище Абидоса, составляли жрецы» (*Breasted J. H.* History of Egypt. From the earliest times to the Persian conquest. Second edition, fully revised. New York, 1909. P. 247).

[2] *Spalinger A. J.* War in Ancient Egypt. The New Kingdom. P. 271.

ны регулярно совершали в пользу храмов щедрые пожертвования слуг, рабов, скота, земли[1].

Успешные завоевательные походы египетских фараонов сопровождались захватом в покоренных странах большого количества пленных. Хлынувший в Египет в эпоху «Нового царства» многотысячный их поток привел к резкому возрастанию числа рабов в древнеегипетском обществе. Это резко удешевило рабский труд. Рабами стали владеть и люди незнатные, обладавшие весьма скромным достатком: простые жрецы, мелкие чиновники, земледельцы, пастухи, ремесленники и даже слуги.

Пленные пополняли массы государственных рабов, использовавшихся на тяжелых работах в каменоломнях и разного рода мастерских, в качестве гребцов на кораблях, слуг во дворцах фараонов и сановников. Часть пленных передавалась храмам и превращалась, таким образом, в храмовых слуг и рабов. Захваченные в плен знатные иностранцы могли и не обращаться в рабов, но зачисляться на государственную службу. Сановник, руководивший воинским учетом и набором при фараоне Аменхотепе III, отмечал в своем жизнеописании: «Пополнял я подданных лучшими из добычи, взятой его величеством на бранном поле»[2].

Применительно к эпохе «Нового царства» можно говорить о существовании в древнеегипетском обществе социальной группы торговцев, но ее положение в социальной иерархии было весьма низким. Крупномасштабная, приносившая большие прибыли торговля была прерогативой египетской знати, государственных сановников. Остальным же слоям населения оставалась лишь мелкая, повседневная торговля на территории самого Египта.

Составлявшиеся в указанную эпоху документы учета населения показывают, что единых для всей страны и устойчивых названий социальных групп не существовало. Эти документы фиксировали деление людей на воинов, жрецов, «мастеров всевозможных», «слуг царевых», «рабов царевых», «землепашцев». При этом под «слугами царевыми» чаще всего понимались земледельцы, а «землепашцами» назывались не только те, кто обрабатывал землю, но и держатели земельных участков, получавшие с них бога-

---

[1] См. об этом: *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. СПб., 2000. С. 280.

[2] Цит. по: *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 259.

тые урожаи зерна и относившиеся к весьма состоятельным людям. Это могли быть и чиновники государственного управления, и жрецы[1]. А «рабами царевыми» в древнеегипетском государстве эпохи «Нового царства» именовались работники государственных хозяйств, которые по личному своему статусу были зависимыми людьми, но не рабами.

В **эпоху «Новейшего царства»** Египет оказался под властью фараонов ливийского происхождения. Это произвело настоящую революцию в высшем классе египетского общества. Знатные египтяне вынуждены были уступить ведущие позиции в государстве ливийским сановникам. Ядром новой политической элиты Древнего Египта стали военачальники-ливийцы.

Многие представители египетской аристократии нашли себе прибежище в храмах, которые сделались подлинными хранилищами традиций исконной древнеегипетской государственности. Прежние сановники стали жрецами. Эта метаморфоза, а также браки между детьми светских сановников и знатных жрецов повлекли за собой слияние светской и жреческой знати в единое сословие. Вобрав в себя традиционную политическую элиту страны, древнеегипетское жречество сохранило себя в качестве единой для всей страны религиозно-политической, хозяйственной и культурной корпорации. Новые правители страны вынуждены были считаться с этой мощной силой, представлявшей собой в сущности настоящее жреческое государство в рамках территориального государства Древнего Египта.

Произошедшее во время правления ливийских фараонов ослабление государственного надзора за процессами в обществе способствовало развитию товарно-денежных отношений. Государственная власть прекратила раздачи продуктов населению, практиковавшиеся в прежнюю эпоху. Единственным возможным для египтян способом получить необходимые для быта предметы была теперь их покупка и приобретение путем обмена на какие-нибудь другие ценности. С другой стороны, оттесненная от управления страной египетская знать лишилась возможности обогащаться путем военных захватов иностранных имуществ. И для нее покупка и обмен стали главными способами удовлетворения своих материальных потребностей.

---

[1] См.: *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 263.

Потеря ослабленным древнеегипетским государством чужеземных владений и прекращение победоносных войн сделали покупку рабов основным способом их приобретения. Практика торговли рабами имела место и прежде, но в эпоху «Новейшего царства» она стала намного более распространенной. Данная перемена способствовала появлению в сознании древнеегипетского общества представления о коренной противоположности раба и свободного человека. Отражением этого представления стало противопоставление понятию «раба», выражавшегося знаком, звучавшим подобно слову «бак», понятия «свободного человека», которое ранее отсутствовало в древнеегипетском языке. Любопытно, что для его обозначения было использовано слово, звучавшее приблизительно как «намхи», которым в эпоху «Нового царства» именовался сирота. «И это в высокой степени знаменательно, — замечал по этому поводу Ю. Я. Перепелкин. — Обозначать "*свободного*" стало не какое-нибудь слово для лица высокопоставленного или богатого, а слово, обозначавшее простолюдина, бедняка. Тем самым "*свободное*" состояние связывалось не с сановитостью, не с богатством, а с одною свободою от рабства. Это уже нечто, напоминающее греко-римские понятия»[1].

В VIII веке древнеегипетское государство, находившееся под управлением ливийских фараонов, стало стремительно слабеть. В результате верховную власть в нем захватили правители Эфиопии. Но им также не удалось восстановить прежнюю государственную мощь Древнего Египта. Три столетия правления ливийцев и одно столетие правления эфиопов были поэтому периодом фактической раздробленности страны.

Правившие после этого в течение ста двадцати пяти лет фараоны из египтян стремились восстановить традиционную древнеегипетскую государственность, взяв за ее образец государство эпохи «Старого царства», но потерпели неудачу в этом начинании. Эпоха их правления — так называемое **«Позднее царство»** — стала для древнеегипетского общества периодом новых крупных перемен в статусе социальных групп. Кланы прежних сановников, перемешавшиеся с кланами жреческой знати, снова поднялись на вершину общественной пирамиды.

---

[1] *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 378.

Жречество, сохранявшее во времена правления иностранцев традиции египетской государственности, теперь, когда эти традиции восстановились на практике, заметно упрочило свое общественное влияние. Жреческие должности стали в эпоху «Позднего царства» привлекательными как никогда. Они давали их обладателям не только повышенный социальный статус, но обеспечивали высокий уровень и материального благосостояния. Храмы, которые и в предшествовавшие эпохи далеко не бедствовали, получили более благоприятные условия для ведения хозяйства, а значит, для наращивания своей экономической мощи. Не случайно распространенной сделалась практика продажи жреческих должностей.

Общественный строй Древнего Египта утратил прежнюю свою мобильность: переход из одной социальной группы в другую стал в новую эпоху более трудным. Взяв страну в свое управление, египетская знать не сумела восстановить былого могущества государственной организации. Одной из причин этой неудачи было слишком большое упование правящего сословия на религиозно-идеологические факторы государственного единства и недостаточное внимание к армии. Люди, занимавшие высокие должности в государственном управлении, были в значительной своей массе выходцами из жреческих семей и соответственно видели в государстве большой храм, а не организацию, предназначенную достигать своих целей посредством насилия.

Слабость государственной власти заставляла египтян создавать корпорации для совместной защиты своих интересов. Объединение в них происходило прежде всего по профессиональному признаку. Наследственность же профессий придавало корпорациям закрытый характер. Подобная организация древнеегипетского общества обеспечивала сохранение его исконных традиций, но препятствовала поступательному развитию страны.

Эпоха «Позднего царства» стала последним в истории Древнего Египта периодом, когда эта страна имела возможность снова сделаться могущественной державой. Но ее правящая элита оказалась неспособной к широкомасштабной государственной деятельности. Она заботилась больше о собственных корыстных интересах, нежели о величии государства. Она стремилась любыми способами сохранить свои привилегии и не желала колебать сложившийся общественный порядок какими-либо переменами.

Захват Египта персами в 525 году до н.э. и включение его территории — на более чем столетие — в состав персидской державы были естественными результатами вышеописанной эволюции древнеегипетского общественного строя. Вторичное завоевание персами Египта, после шести десятилетий его независимости, также было не случайным. И вполне закономерным стал переход этой страны под власть сначала Александра Македонского, а затем его военачальника Птолемея.

Древнеегипетское общество эпохи правления династии Птолемеев имело черты типичной эллинистической социальной системы. Правящий слой состоял в значительной мере из греков и македонцев. Местные же политические элиты были преимущественно египетскими по своему этническому происхождению.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

§ 1. Введение

Древнеегипетская государственность выступала в различных формах. Первоначальным ее воплощением были небольшие государственные образования, возникавшие на пересечении торговых путей и там, где складывались наиболее благоприятные условия для ведения земледелия. Они растворились впоследствии в общеегипетском территориальном государстве, но не исчезли навсегда. В периоды ослабления верховной государственной власти локальные государственные образования возрождались и брали на себя функцию управления обществом.

Созданное западноевропейскими интеллектуалами XVIII века и до сих еще бытующее в исторической литературе представление о древнеегипетском государственном строе как деспотическом, при котором монарх всевластен и перед ним все падают ниц, является не более чем мифом. Материалы, отражающие в той или иной мере политическую жизнь древних египтян, свидетельствуют, что внутренняя организация единого для всего Древнего Египта государства была весьма сложной конструкцией. Монарх выступал в ней могущественной фигурой, но не всесильной. Он принужден был действовать в рамках определенной традиции, следуя освященным ею и религией правилам. Проводником его власти являлся государственный аппарат, функционировавший в значительной мере как самостоятельная правящая корпорация. Местное же управление находилось в распоряжении должностных лиц, лишь формально подчиненных верховному властителю. В каждой местности существовали свои кланы знати, с которыми не мог не считаться даже самый влиятельный его наместник.

Взаимоотношения монарха, бюрократического аппарата и местной администрации не оставались в неизменном состоянии: древнеегипетский государственный строй был развивающимся явлением. С переходом от одной исторической эпохи к другой менялись и характер верховной власти, и структура бюрократического аппарата, и организация местного управления. Так, в эпоху «Раннего царства» и в начале «Старого царства» иерархия высших должностных лиц формировалась в значительной мере на основе кровнородственных связей: чем ближе по родству к монарху был сановник, тем более высокую должность занимал. Во времена же правления четвертой и пятой династий этот фактор перестал играть определяющую роль при замещении высших государственных постов. На них чаще оказывались лица, не являвшиеся родственниками верховного властителя.

С переходом от одной исторической эпохи к другой менялись и роль монарха в древнеегипетском обществе, и конструкция государственного аппарата, но возникавшее в каждую новую историческую эпоху новое состояние древнеегипетской государственности не теряло своей преемственности с предыдущим ее состоянием: новый государственный строй, при каких бы он условиях ни формировался, неизменно становился продолжением прежнего государственного строя.

§ 2. Институт верховной государственной власти

1. Монарх в социально-политической организации древнеегипетского общества

Древнеегипетское государство можно назвать монархическим, однако при этом следует иметь в виду, что это была весьма необычная монархия. К ней невозможно применить определения, используемые для характеристики монархии европейского типа. Ее нельзя назвать ограниченной или неограниченной, абсолютной или конституционной. Неверным будет и описание древнеегипетской монархии как деспотической. Не вполне соответствует ее сущности и словосочетание «теократическая монархия».

Носителем верховной власти являлся в Древнем Египте, как это и бывает в монархиях, один человек. Но он выступал не толь-

ко в качестве *главы* государства, но и его *основанием*. Существование государства без монарха здесь было совершенно немыслимым. Система государственной власти, государственная территория, общество, духовная культура — все это при отсутствии верховного властителя останавливалось в движении и рассыпалось на отдельные части. Они соединялись только в монархе и приводились в движение только его властью.

Европейский монарх выступал в двух свойствах: с одной стороны — как физическое лицо, с другой — как политический институт[1]. Древнеегипетский же монарх воображался не только в этих свойствах, но и представителем могущественных сил, управляющих Вселенной. В этом качестве он считался проводником, через который космическая духовная энергия входила в общественный и государственный организм, придавая ему соответствующий законам Вселенной порядок — «маат» и приводя жизнь людей в гармонию с природными процессами[2].

Вместилищем данной энергии считалась царская душа, обозначавшаяся иероглифом, который звучал приблизительно как слово «Ка». Она мыслилась бессмертной, способной существовать независимо от человеческого тела. При этом предполагалось, что человек, предназначавшийся для должности верховного властителя, рождался вместе с Ка, но до восшествия на престол его тело не соединялось с царской душой. Их соединение происходило во время церемонии коронации, освящавшей появление нового верховного властителя. Проникая в тело коронующегося человека, Ка придавала ему божественность и силу, возвышая тем самым над людьми. Такое действие Ка иногда отражалось в титулатуре монарха, особенно в тех случаях, когда могли возникнуть сомнения в легитимности его восшествия на престол. Например, титулатура Хатшепсут — женщины, ставшей в первой половине XV века до н.э. верховным властителем

---

[1] См. о доктрине двух тел короля: *Томсинов В. А.* Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. М.: Зерцало, 2009. С. 29–34.

[2] « Я установил маат вместо хаоса», — объявляет древнеегипетский царь в одном из текстов, начертанном на стене пирамиды (XXIV в. до н.э.). Со времен правления первого царя IV династии Снефру (примерно середина XXVII в. до н.э.) понятие «маат» стало включаться в царскую титулатуру.

Древнего Египта[1], имела следующий вид: «Хор, могущественный своим Ка, господин Востока и Запада, изобильный годами, добрая богиня, праведная госпожа, золотой сокол, божественная в своих занятиях, монарх Верхнего и Нижнего Египта, Маат-Ка-Ра, дочь Ра, Кхнумит Аммон, Хатшепсут».

Смерть монарха представлялась египтянам гибелью только его тела — царская душа, освободившись от телесной оболочки, продолжала жить в новом помещении, которым становилась пирамида или другое сооружение, хранившее царское тело[2]. О том, что пирамида была домом для царской души — Ка, свидетельствует ее внутренняя конструкция, рисунки и надписи на стенах. Душа умершего царя должна была общаться со звездами, и в пирамиде предусматривались для этого окна, выходящие в небо.

Царская душа была объектом особого поклонения со стороны египтян и во время жизни верховного властителя. В ее честь воздвигали величественные статуи, которые в этом случае ставились, как правило, при храмах. Так, расположенные перед входом в колоннаду храма в Люксоре сидящие колоссальные фигуры фараона эпохи «Нового царства» Рамсеса II являются не чем иным, как изображением его царской души — Ка. Об этом свидетельствует надпись на основании одной из статуй[3].

Представление о монархе как о носителей космической духовной энергии, приводящей в действие природные и общественные

---

[1] Хатшепсут была супругой и сестрой фараона Тутмоса II. После его смерти, случившейся между 1504 и 1479 гг. до н.э. она стала регентом при своем малолетнем пасынке Тутмосе III, чтобы управлять страной до тех пор, пока он не достигнет совершеннолетия (см.: *Wente E. F.* Thutmose III's Accession and the Beginning of the New Kingdom // Journal of Near Eastern Studies. 1975. Vol. 34. № 4 (Oct.). P. 265–272). Однако спустя какое-то время Хатшепсут объявила себя верховным властителем и приняла соответствующий титул (см.: *Robins G.* The Names of Hatshepsut as King // The Journal of Egyptian Archaeology. 1999. Vol. 85. P. 103–112). Умерла Хатшепсут, или была отстранена от власти, или уступила трон повзрослевшему Тутмосу III приблизительно через два десятилетия своего правления.

[2] При раскопках гробницы Тутанхамона археологи обнаружили статую, поставленную напротив входа в погребальную комнату; на ней была высечена надпись, представлявшая Тутанхамона в виде Ка. См. об этом: *Bell L.* Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // Journal of Near Eastern Studies. 1985. Vol. 44. № 4 (Oct.). P. 256.

[3] Ibid. P. 259.

процессы, поддерживалось не только монументами, но и особыми ритуалами. Так, один из таких ритуалов призван был внушать египтянам, что главная их река периодически разливается не иначе, как по приказу носителя этой власти: при наступлении времени подъема Нила монарх приходил во главе торжественной процессии на берег и бросал в воду свиток с приказом реке немедленно разлиться. И река выполняла приказ — начинала спустя какое-то время разливаться.

Ни в одной стране Древнего Востока фигура монарха не обволакивалась столь плотным облаком религиозно-политической мифологии, как в Древнем Египте. Это обстоятельство создает огромные трудности в реконструкции реального состояния института верховной государственной власти в этой стране. В исторических трудах чаще всего излагается лишь миф о фараонах, а не то, какими были в действительности их государственные функции и властные полномочия.

Впрочем, полностью отделить реальное от мифического в государственности Древнего Египта невозможно: *творение и культивирование мифов о государственной власти было одной из основных функций древнеегипетского государства*, которое являлось, с этой точки зрения, своего рода театром. Фараон выступал в нем в качестве не только главного, но и постоянного актера. Он продолжал играть роль и после своей смерти, которая, в представлении египтян, была не прекращением его существования, но лишь переходом в новое состояние — выходом его души из человеческого тела. Театром становилась теперь пирамида, в которую помещался саркофаг с телесной оболочкой фараона, превращенной в мумию. Сохраняя таким способом тело своего верховного властителя, египтяне полагали, что его дух, совершив путешествие к звездам, возвратится в свое прежнее обиталище.

Поддержание подобных мифов требовало огромных материальных средств: ведь для этого необходимо было возводить и украшать письменами и картинами пирамиды, статуи, стелы, величественные дворцы и храмы. Тот факт, что они создавались в Древнем Египте в довольно большом количестве, показывает, что верховная государственная власть имела в своем распоряжении огромные материальные богатства. Главными его источниками были налоги, собиравшиеся с населения, военные завоевания, по-

зволявшие грабить чужие народы, а также собственное хозяйство монарха.

Особенно большими размерами оно отличалось в эпоху «Старого царства». Это показывают отчеты о состоянии государственного хозяйства и начертанные на монументах изображения и письмена[1].

Экономическое могущество древнеегипетского верховного властителя облегчало ему задачу удержания в повиновении своих вельмож, сановников, местных правителей, чиновников государственного аппарата: он являлся для всех этих людей источником не только властных полномочий, но и материальных богатств. Почитание своего монарха как бога было для них вполне естественным. Приближаясь к государю, высшие должностные лица целовали землю перед ним. Если же государь дозволял кому-либо из сановников поцеловать свои ступни, это считалось проявлением высшего с его стороны благоволения по отношению к нему.

2. Термин «фараон»

В исторической литературе древнеегипетского монарха любой исторической эпохи принято называть «фараоном (pharaoh)». При этом обыкновенно утверждается, что данное слово происходит от иероглифического знака, звучащего приблизительно как «перо (pero)» или «пер-аа (per-aa)» и обозначающего резиденцию монарха — «великий дом»[2].

Между тем знак, передающийся в настоящее время термином «фараон», стал использоваться для обозначения верховного властителя Древнего Египта почти через две тысячи лет после возникновения в этой стране единого государства — где-то во времена «Нового царства». Более того, некоторые материалы свидетельствуют, что первоначально название египетского правителя, звучавшее как «перо» или «пер-аа», употреблялось при дво-

---

[1] См.: *Перепелкин Ю. Я.* История Древнего Египта. С. 147–148.

[2] См., например: *Buson M. R* Encyclopedia of Ancient Egypt. New York, 2002. P. 303; *Bierbrier M. L.* Historical Dictionary of Ancient Egypt. Lanham, 2008. P. 177; *Netzley P. D.* The Greenhaven Encyclopedia of Ancient Egypt. New York, 2003. P. 232; *Shaw I., Nicholson P.* The British Museum Dictionary of Ancient. Cairo, 2002. P. 222.

рах ближневосточных монархов, состоявших с ним в переписке, и только позднее получило применение в самом Египте. В качестве одного из титулов древнеегипетского верховного властителя знак, передающийся словом «фараон», был впервые использован применительно к Шешонку I[1], основателю XXII (ливийской) династии. Таким образом, называя всех правивших когда-либо в Древнем Египте монархов «фараонами», историки допускают слишком большую условность. Верховные властители «Раннего», «Старого», «Среднего» и «Нового» царств не имели такого титула. У позднейших же властителей Древнего Египта данный титул если и появлялся, то не был единственным.

3. Титулы древнеегипетского монарха

В додинастический период древнеегипетский монарх обозначался титулом, представлявшим его воплощением бога Хора, который считался египтянами владыкой Небес[2]. И данный титул был тогда единственным. Знак бога Хора, выраженный рисунком сокола, одновременно символизировал и верховную государственную власть. Титул ее носителя изображался в виде прямоугольного контура дворца с воротами в нижней его части и с восседающим на крыше соколом. Это изображение называлось словом, звучавшим приблизительно как серекх (srkh)[3]. Первоначально серекх никак не персонифицировался — так что было невозможно понять, какому конкретно человеку он принадлежал. Позднее внутри контура дворца, над воротами, стали помещать знак, отражавший то или иное качество бога Хора. Это мог быть рисунок скорпиона (Хор-Скорпион), сома (Хор-Сом) или знак, выражавший эпитет «сражающийся» (Хор-Аха).

---

[1] В Древнем Египте рядом с именами фараонов никогда не ставились порядковые номера: в полном своем объеме эти имена состояли из нескольких названий и эпитетов, поэтому имя какого-либо монарха всегда отличалось от имен всех других носителей верховной власти.

[2] В древнеегипетской египтологии этот бог представлялся также сыном бога, которого греки называли впоследствии Осирисом.

[3] См. об этом: *O'Brien A. A.* The Serekh as an Aspect of the Iconography of Early Kingship // Journal of the American Research Center in Egypt. 1996. Vol. 33. P. 123–138.

В эпоху «*Раннего царства*» титулатура древнеегипетского монарха была дополнена тремя новыми титулами. Один из них называл его «осокой и пчелой», то есть соединяющим отдельные части в единое целое, например: Верхний и Нижний Египет, Черную землю и Красную землю (долину и пустыню), день и ночь, человеческое и божественное. Другой титул именовал монарха воплощением «двух владычиц», под которыми подразумевались богиня из Верхнего Египта по имени Некхбет, выступавшая в облике коршуна, и богиня из Нижнего Египта по имени Уаджет, представлявшаяся в виде кобры.

Дуализм в характеристике верховного властителя, которую давали указанные титулы, воплощался и в ритуалах, которые он должен был регулярно совершать, и в его коронах. Как уже говорилось, одна из них — белая — считалась короной Верхнего (южного) Египта, другая — красная — короной Нижнего (северного) Египта. По мнению американского историка Генри Франкфорта, наименование египетского монарха царем Верхнего и Нижнего Египта «выражало в политической форме глубоко укорененную египетскую тенденцию понимать мир в дуалистических терминах в качестве серии пар противоположностей, балансирующих в неизменном равновесии. Вселенная в целом рассматривалась как “небо и земля”. В свою очередь “земля” в рамках этой концепции понималась опять-таки дуалистически, как “север и юг”, как “территория Хора и территория Сета”, как “две земли”, как “два берега (Нила)”… Когда фараон принимал на себя дуалистические титулы или называл себя “господином двух земель”, он подчеркивал не разделенное начало своей власти, но ее универсальность»[1].

Еще один титул древнеегипетского монарха называл его «Хором золота» (данный титул выражался рисунком сокола над знаком, обозначавшим золото). Смысл этого титула не вполне ясен. Можно предполагать, что им подчеркивалась божественная природа монарха, поскольку эпитетом «золотой» характеризовались боги.

---

[1] *Frankfort H.* Kingship and the gods: a study of ancient Near Eastern religion as the integration of society & nature. Chicago, 1978. P. 19. Данная книга считается классической в современной египтологии. Первое ее издание вышло в свет в 1948 г.

В эпоху «*Старого царства*» в титулатуру древнеегипетского верховного властителя вошел пятый титул, который называл его сыном Ра — бога солнца[1]. Это название подразумевало, что каждый монарх единого древнеегипетского государства имел двух отцов: он рождался своей матерью не только от земного отца — ее мужа, но и от бога Ра. Поэтому его сущность была двойственной: одновременно и человеческой, и божественной. Но если Ра считался старшим, большим богом солнца, то древнеегипетский монарх — младшим, молодым богом. Есть основания полагать, что именно с титулом сына Ра было связано его наименование «фараоном». Знак «пр», от которого оно было выведено, являлся, возможно, корнем не слова «перо (pero)» или «пер-аа (per-aa)», обозначавшего «великий дом», резиденцию верховного властителя, но термина, который означал «великий сын»[2]. В пользу такого его толкования свидетельствует и название первоначальной резиденции верховных правителей единого древнеегипетского государства. Оно происходит от иероглифов, передающихся буквами «нкхн (nkhn), которые звучат, по мнению египтологов, примерно как Некхен (на греческом — Иераконполис). Одно из главных значений этих иероглифов выражается словами «город великого сына».

В начале правления IV династии имена и титулы древнеегипетских властителей стали изображаться в овальном контуре —

---

[1] Египтолог из Эстонии Сергей Стадников пишет об этом титуле: «Титул “Сын Ра” впервые обозначен на камне из поминального храма царя Джедефра (4-я династия), однако там это был еще не титул, а дополнительный эпитет правителя (2528–2520 до н.э.). Только со времен Среднего царства его начинают в законодательном порядке использовать как титул перед личными именами, дающимися при рождении» (*Стадников С. А.* Окруженный солнцем владыка. Универсализм как феномен в идеологии египетских царей // Вышгород. Литературно-художественный общественно-политический журнал. Таллинн, 2007. № 5. С. 111). На мой взгляд, в Древнем Египте так и не сложилось четкого различия между титулом и эпитетом, которым характеризовался тот или иной правитель. То, что современные египтологи называют титулом фараона, в строгом смысле этого слова титулом не являлось, но составляло часть его имени, а титулатура древнеегипетского монарха была на самом деле совокупностью не титулов как таковых, но имен его.

[2] См. об этом толковании термина «фараон»: *Lutz H. F.* Kingship in Babylonia, Assyria, and Egypt // American Anthropologist. New Series. 1924. Vol. 26. № 4. P. 452.

картуше (по египетски: шену)[1]. По словам египтолога А. О. Большакова, «смысл картуша состоял, видимо, в том, чтобы при помощи завязанной вокруг написанного имени царя веревки защитить его от внешней опасности или угрозы распада… Но и этим не исчерпываются древние интерпретации картуша. Поскольку понимание кольца как орбиты солнца придало ему солярный характер, вполне естественные ассоциации вели к интерпретации его уже как солнечного диска»[2].

На протяжении истории Древнего Египта титулатура монарха развивалась, что отражало перемены в характере института верховной государственной власти, ее статусе в обществе, а также в представлениях египтян о ее сущности и функциях. Однако основные элементы титулатуры, ее конструкция оставались в сущности неизменными. Религиозно-политический миф о верховном властителе закреплялся не только его именами и титулами, но также искусством: пирамидами и другими грандиозными монументами, скульптурами, рисунками и текстами, их украшавшими, литературными произведениями различных жанров. Идеологический миф о монархе поддерживался и торжественными церемониями, ритуалами и обрядами, сопровождавшими его восшествие на престол и осуществление им государственной деятельности. Воззрение египтян на верховного властителя как на победителя сил хаоса и созидателя порядка в обществе и природе порождало представление о его физической смерти как о временной победе этих злых сил. Поэтому восшествие на престол нового монарха оформлялось церемонией, показывавшей восстановление нарушенного порядка, новое объединение Верхнего и Нижнего Египта.

---

[1] Самым ранним из сохранившихся картушей является картуш первого монарха IV династии, известного по первородному имени Снефру или Снофру. Картуши древнеегипетских монархов всех династий собраны в издании: Le Livre des Rois, contenant la list chronologique des rois, reines, princes, princesses et personages importants de L'Égypte depuis Ménés jusqu'a Nectanebo II. Recueillis et mis en ordre par Émile Brugsch-Bey et Urbain Buriant. Le Caire, 1887. P. 1–134.

[2] *Большаков А. О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб., 2001. С. 100.

4. Изменения в титулатуре древнеегипетского монарха во времена солнцепоклоннического переворота XIV века

Устойчивость древнеегипетской традиционной религиозно-политической мифологии подверглась серьезному испытанию в середине XIV века до н.э., во время правления XVIII династии, когда на престол взошел Аменхотеп IV[1]. Принятая им на себя титулатура была вполне традиционной: «[Да] живет Хор, телец крепкий, высокий двумя перьями, обе владычицы, великий царствованием в Эп-эсове, Хор золота, воздевший венцы в Оне Верховья»[2] и т. д.

Приблизительно с шестого года правления Аменхотепа IV в его титулатуре появились нововведения. Первые ее элементы стали выражать следующие фразы: «[Да] живет Хор, телец крепкий, возлюбленный Йота, обе владычицы, великий царствованием в Ах-йот, Хор золота, воздевший имя Йота»[3].

Йот рисовался в виде солнечного диска и мыслился в качестве могущественного бога, который создал все, что есть на Земле, и благодаря которому все земное продолжает существовать. Среди египтологов более распространенным является наименование его Атоном. Включение имени данного бога в титулатуру было главным нововведением: фараон представлялся отныне сыном солнечного диска, занимающим принадлежащий ему трон. По этой причине совершенная Аменхотепом IV религиозно-политическая реформа и называется египтологами *солнцепоклонническим переворотом*.

Второе нововведение было не менее значимым: Хор перестал изображаться в виде сокола. Об этом свидетельствует замена в титулатуре характеристики Хора как «высокого двумя перьями» на «возлюбленного Йота (Атона)». Последние два слова одновремен-

---

[1] Специально изучавший историю Аменхотепа IV (Amenophis IV) американский египтолог Дональ Редфорд в качестве дат его правления назвал 1377–1360 гг. до н.э. См.: *Redford D. B.* Akhenaten. The Heretic King. Prinston, New Jersey, 1987. P. 13.

[2] Цит. по: *Перепелкин Ю. Я.* Переворот Амен-Хотпа IV. Часть 1. Книги 1 и 2. М., 1967. С. 142.

[3] Там же. С. 144.

но выражали новое имя фараона: вместо Аменхотепа он стал Эхнайотом (Эхнатоном).

Немаловажным нововведением в титулатуре были и слова «великий царствованием в Ах-йот» вместо «великий царствованием в Эп-эсове[1]». Оно означало, что, приняв имя Эхнайота (Эхнатона) Аменхотеп IV сменил и место своей резиденции.

Йот (Атон) не был новым богом: ему поклонялись и фараоны, предшествовавшие Эхнайоту (Эхнатону). Новым был способ поклонения. Поясняя созданное в результате солнцепоклоннического переворота новое воззрение на фараона, Дональд Редфорд писал: «Эхнатон — единственный сын Диска; единственный, кто его знает; единственный, кто может толковать его для людей; единственный, кто может предложить некоторые жертвы; единственный, кто управляет Землей»[2].

Солнцепоклоннический переворот был попыткой облечь государственность Древнего Египта в новую религиозно-политическую оболочку. Он потерпел неудачу. После смерти Эхнайота (Эхнатона) в этой стране быстро восстановилась традиционная государственная идеология. Но данный результат совсем не означает, что предпринятая им реформа была случайным событием — спонтанным порывом молодого властителя. В действительности она выразила тенденции, которые проявились в древнеегипетском государстве задолго до его восшествия на престол. В частности, о поклонении солнечному диску говорится в гимнах, создание которых можно отнести к начальному периоду правления XVIII династии. При Аменхотепе III изображение фараона в образе солнечного диска было уже вполне распространенным явлением[3]. Неуспех реформы Эхнайота (Эхнатона) свидетельствует поэтому не о слабости новой идеологической конструкции верховной государственной власти, но о чрезвычайной устойчивости ее традиционной идеологии.

---

[1] «Эп-эсов» — другое название Карнака, древнеегипетского религиозного центра эпохи «Нового царства», располагавшегося в районе Фив.

[2] *Redford D. B.* The Sun-Disc in Akhenaten's Program: Its Worship and Antecedents, II // Journal of the American Research Center in Egypt. 1980. Vol. 17. P. 26.

[3] См. об этом: *Redford D. B.* The Sun-disc in Akhenaten's Program: Its Worship and Antecedents, I // Journal of the American Research Center in Egypt. 1976. Vol. 13. P. 50–51.

5. Статус древнеегипетского монарха в условиях политической раздробленности в переходный период от «Старого царства» к «Среднему царству»

Единство древнеегипетского государства держалось почти исключительно на могуществе монарха. А это могущество, в свою очередь, всецело зависело от размеров материального богатства, находившегося в его распоряжении. Монархи пятой династии стали уступать в этом отношении своим предшественникам, и власть их ослабла. Местные правители начали строить гробницы, не уступавшие по своему богатству гробнице верховного властителя. А в прежние времена они не могли позволить себе хоть в чем-то ему равняться.

Многие факты и среди них прежде всего распространение голода среди населения указывают на то, что главной причиной распада единого древнеегипетского государства, произошедшего приблизительно в середине XXII столетия до н.э., был упадок в земледелии вследствие изменений в климате, повлекших за собой засуху и обмеление Нила[1]. Подобные климатические переме-

---

[1] Факт резкого уменьшения количества осадков и обмеления Нила в период с 2850 до 2600 гг. до н.э. был давно известен египтологам. Одним из первых это событие специально исследовал немецкий географ, сотрудник Академии наук и литературы в Майнце Карл Бутцер (с 1959 г. ассистент-профессор географии в Висконсинском университете, США). См.: *Butzel K.* Das öekologische Problem der neolithischen Felsbilder der öestlichen Sahara // Akademie der Wissenschaften und der Literatur (Mainz). Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse. 1957. № 1. S. 20–49. В 60–70-х гг. XX в. исследованиями климатических изменений в истории Древнего Египта занималась Барбара Белл, американский астроном из обсерватории Гарвардского колледжа. В статье «Темные века в древней истории» она привела множество текстов середины XXII в. до н.э., ясно показывающих, что египтяне переживали в то время суровый голод, вызванный преимущественно недостатком воды в Ниле, нежели человеческой небрежностью, и высказала при этом мнение о нем как о главной причине распада единого государства. По ее словам, «нет никакого другого адекватного объяснения для полной и, кажется, внезапной дезинтеграции как правительства, так и египетского общества, случившейся в конце правления Пепи II династии VI, около 2180 г. до н.э.» (*Bell B.* The Dark Ages in Ancient History. I. The First Dark Age in Egypt // American Journal of Archaeology. 1971. Vol. 75. № 1. P. 8). Мысль о том, что распад «Старого царства» был вызван более природными причинами, нежели кризисом в политической системе, является главным выводом статьи египтолога Дэвида

ны произошли тогда и в Месопотамии. Любопытно, что именно в то время распалась Шумеро-Аккадская империя, на обломках которой возник позднее могущественный Вавилон.

Засуха была губительной для первых территориальных государств Древнего Востока потому, что их единство держалось почти всецело на институте верховной государственной власти. А могущество монарха покоилось, в свою очередь, на доходах от государственных земледельческих хозяйств и сборах с частных землевладельцев. Сезоны засухи и обмеление Нила влекли за собой падение урожайности, а значит, резкое снижение доходов от земледелия. Обедневший монарх мало что мог дать своим сановникам и чиновникам: они переставали смотреть на своего государя как на источник материальных благ и не считали необходимым оказывать ему прежнее почтение. С другой стороны, недостаток материальных ресурсов не позволял культивировать среди населения в прежних размерах и формах миф о могуществе монарха. Его власть теряла свой авторитет не только в рамках административного аппарата, но и в масштабе всей страны.

Начало периода раздробленности связывается в египтологии с окончанием правления шестой династии. Седьмая династия, согласно «Египтиаке» Манефона в варианте Георгия Синкелла, «состояла из семидесяти монархов Мемфиса, которые правили в течение 70 дней»[1]. Современные египтологи полагают, что монархи седьмой династии правили в общей сложности восемь лет, а восьмой — тринадцать[2]. «Седьмая и восьмая династии занимали годы с 2150 до 2134 до Христа»[3], — пишет Майкл Райс.

После этого формальный титул верховного властителя Египта перешел от правителей из Мемфиса к роду правителей из города,

---

О' Коннора «Политические системы и археологические данные в Египте: 2600–1780 гг. до н.э.». См.: *O'Connor D.* Political Systems and Archaeological Data in Egypt: 2600–1780 B. C. // World Archaeology. 1974. Vol. 6. № 1. Political Systems. P. 15–38.

[1] The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 57. По варианту Евсевия Памфила, «седьмая династия состояла из пяти монархов Мемфиса, правивших 75 лет» (ibidem).

[2] The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 1. Part 2. Early History of the Middle East. Cambridge, 2006. P. 197.

[3] *Rice M.* Egypt's Legacy. The Archetypes of Western Civilization 3000–30 B. C. London and New York, 2003. P. 124.

название которое звучало по-египетски приблизительно как Хененесу (Heneneswe). В исторической литературе этот город более известен под греческим названием «Гераклеополис». Данные правители составили девятую и десятую династии.

Правление династий с седьмой по десятую охватывает примерно столетие. Это один из самых темных периодов древнеегипетской истории. Достоверно о нем можно сказать только одно — это было время, когда египтяне терпели небывалые бедствия: голод, мор, междоусобные войны, разорения жилищ и хозяйств.

Распад древнеегипетского единого государства означал фактическую ликвидацию института монархии. Формально данный институт продолжал существовать: Египет не оставался без монархов. Но, *во-первых*, их власть была могущественной чаще всего лишь в пределах их собственного дворца или поселения, для страны в целом она являлась чисто формальной. А *во-вторых*, нередко бывало так, что носителями верховной власти считали себя одновременно несколько кланов местных правителей.

Статус древнеегипетского монарха, его взаимоотношения с сановниками и политика по отношению к обществу неизбежно должны были в этих условиях измениться. Новое общественное значение института верховной государственной власти нашло свое отражение в поучении, которое было составлено пятым правителем из Хененесу (Гераклеополиса) для наследника престола Мерикара.

«Царская власть — это прекрасная служба»[1], — внушал он своему сыну. Царь представлялся в соответствии с таким взглядом не богом, которому подчиняются без каких-либо условий, но властителем, который для того, чтобы подданные ему повиновались и управление шло успешно, должен был обладать целым набором особых качеств и проводить определенную политику.

Во-первых, царю надлежало быть зрелым мужем и знать свою страну. «Открой твое лицо, чтобы ты смог управлять в качестве (зрелого) мужа»[2], — наставлялся будущий царь в указанном поучении. *Во-вторых*, он должен был обладать умственной одарен-

---

[1] Поучение пятого гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 200.

[2] Там же. С. 202.

ностью и даром предвидения. Об этом качестве царя в поучении Мерикара говорилось: «А смышлен он уже при его выхождении из (родительского) чрева, ибо бог возвышает его пред миллионами людей»[1]. *В-третьих*, ему следовало быть во всем сведущим. «Царь-владыка свиты не бывает неосведомленным»[2], — гласило поучение. *В-четвертых*, ему надлежало знать, что говорили и как поступали его предки. «Уподобляйся твоим отцам и твоим предкам… — наставлялся в рассматриваемом поучении будущий царь, — смотри, их речи сохранены в (древних) письменах. Разворачивай (свитки), чтобы ты мог их читать и поступать сообразно знанию»[3]. *В-пятых*, царь должен был обладать ораторским искусством. «Будь искусным в речах, и ты будешь силен… Сила царя — в его языке, речь сильнее любого оружия. Не решаются хитрить с тем, кто искусен разумением»[4], — говорилось в поучении Мерикара.

Все перечисленные качества монарха должны были, по мысли составителя поучения для Мерикара, помочь будущему царю держать в повиновении сановников. «Мудрый — это для сановников. Не нападают на него знающие, что он (многое) знает, не заводится вблизи него (кривда); преподносится ему правда столь же чистая, как советы из речей предков»[5].

Но для успешного управления страной царю мало было обладать этими качествами — необходимо было проводить деятельную политику во благо подданных. «Не бывает благочестия, затаившегося (в бездействии); хорошо творить для будущего», — утверждалось в поучении. Одно из главных предназначений верховного властителя автор этого сочинения видел в его обязанности поддерживать справедливый правопорядок в мире (маат), защищать слабых и обездоленных. Поучение наставляло Мерикара: «Говори *маат* в своем доме, и будут трепетать пред тобой сановники, которые ведают страной. Признак (божественного) владыки —

---

[1] Поучение пятого гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара. С. 200.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 193.

[4] Там же.

[5] Там же.

праведность сердца, (и тогда) ведомства дворца внушают трепет окрестностям. Исполняй *маат*, и ты будешь (долго) пребывать на земле. Утешь стенающего и не притесняй вдову, не прогоняй сына от имущества его отца»[1]. Царь призывался бережно относиться к чужим памятникам, не делать «различия между сыном (знатного) мужа и простолюдином», приближать к себе человека «за деятельность его рук», не разорять подданных, исполняющих предписания, не наказывать невиновных, не убивать без причины, а карая преступников, не забывать о милосердии. Поучение внушало будущему царю воздерживаться от злых дел и творить дела добрые: «[Человек] остается (жив) после смерти, лишь когда помещены возле него его (добрые) дела в качестве припасов»[2]. «Побуждай своим добрым нравом, чтобы вступались [за тебя]! Жалок (правитель), желающий себе (владеть) всей землей…, алчный, когда владеют другие, — это несведущий. На земле (скоротечно) проходит [жизнь], нет ей продленья, но (добрая) память на ней — это (вечная) молодость. Не подобает владыке Обоих земель владеть тем, что принадлежит миллионам людей»[3].

Большое внимание уделялось в поучении стилю обращения царя со служащими государственного управления. Он призывался заботиться о своих чиновниках, обогащать и возвышать их, добиваться исполнения ими законов.

Поучение Мерикара показывает, что в период политической раздробленности древнеегипетский монарх выступал скорее в роли высшего должностного лица, главы административного аппарата, чем могущественного властителя. Он утратил божественный авторитет и вынужден был прилагать огромные усилия для обеспечения повиновения себе подданных. Для сохранения же лояльности к себе чиновников и сановников монарх вынужден был угождать им, раздаривая награды, новые должности, земельные участки и работников. Такая модель поведения носителя верховной государственной власти свидетельствовала о слабости этой власти в Древнем Египте рассматриваемого времени.

---

[1] Поучение пятого гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара. С. 194–195.

[2] Там же. С. 195.

[3] Там же. С. 194.

Одна из причин такого ее состояния таилась скорее всего в организационной рыхлости клана правителей из Хененесу (Гераклеополиса). В то время, когда писалось поучение Мерикара, данный клан ослабел настолько, что стал явно уступать свои позиции в стране знатному роду из поселения, обозначавшегося словом, которое звучало приблизительно как Васет или Весе. В историческую литературу оно вошло под греческим наименованием «Фивы». Соперничество между двумя кланами местных правителей за титул верховного властителя над Египтом продолжалось долго, усугубляя раскол страны. Примерно в середине XXI века до н.э. правитель из Васета (Фив) сумел разгромить войско правителя Хененесу (Гераклеополиса) и установить контроль над значительной частью долины Нила. Это позволило ему провозгласить себя верховным властителем Египта. В историю он вошел как фараон Небхепетр Ментухотп II, создатель нового единого государства в Древнем Египте — так называемого «*Среднего царства*»[1].

6. Институт верховной государственной власти в эпоху «Среднего царства»

Новая, одиннадцатая по счету, династия верховных властителей появилась из рода местных правителей. Его представители занимали в эпоху «Старого царства» высокие должности в государственном управлении, бывали и верховными жрецами, но никогда не становились монархами. Новое объединение Египта произошло в значительной мере посредством проведения ими энергичной экспансионистской политики. При этом главной опорой их власти была армия. Эти обстоятельства определили характер института верховной государственной власти эпохи «Среднего царства».

О монархе эпохи «Старого царства» можно сказать, что он царствовал, но не правил. Его главные функции были идеологическими по своему содержанию. Его главной задачей являлось поддержание религиозно-политического мифа о верховной государственной власти, который придавал ей авторитет среди населения

---

[1] В надписи на стене одного из храмов времен XIX династии его имя называется вместе с именами Менеса, легендарного основателя I династии и первого единого государства в Египте, и Амосиса, основателя XVIII династии и единого государства эпохи «Нового царства».

и способствовал сохранению государственного единства. Управление же страной сосредотачивалось в руках главы административного аппарата, который назывался словом, звучавшим приблизительно как тжати (tjati). В исторической литературе он представляется чаще всего термином «визирь».

Монарх эпохи «Среднего царства» *и царствовал, и управлял*. Исполнение религиозно-политического ритуала, участие в торжественных церемониях составляло значимую часть его государственной деятельности. Но не самую важную. К нему, а не к тжати (визирю) сходились в эту эпоху нити государственного управления. Он был верховным судьей, и главнокомандующим армией, и руководителем строительства различных хозяйственных сооружений и величественных монументов, имевших идеологическое и культурное назначение.

О характере государственной деятельности монарха указанной эпохи дает представление следующая надпись на пограничной стеле царя XII династии Сенусерта III в Семне (Нубии): «Я передвинул свою границу дальше, чем мои предки. Я сделал прибавление к тому, что мне было завещано. *Я царь, который говорит и действует.* Что затевает мое сердце, сделано моей рукой. Покоряю наступая, быстр в преследовании (врага), который нападает… Я похищал их жен. Я уводил их рабов. Засыпал их колодцы, убивал их скот. Топтал их посевы и сжигал их. Так как мой отец живет, я говорю правду! Это не похвала, что исходит из моего рта!»[1] (курсив мой. — *В. Т.*).

В эпоху «Старого царства» большое внимание уделялось генеалогии носителей верховной государственной власти, так как считалось, что каждый монарх получает статус верховного властителя через кровь от монарха, своего предшественника. В эпоху «Среднего царства» генеалогия утратила прежнее значение: переход престола от отца к сыну был распространенным явлением, но при этом все равно подразумевалось, что статус верховного властителя передается наследнику не от отца, а от неба. Женщины из семьи монарха рассматривались поэтому более способными для

---

[1] Цит. по: *Стадников С. А.* Окруженный солнцем владыка. Универсализм как феномен в идеологии египетских царей // Вышгород. Литературно-художественный общественно-политический журнал. Таллинн, 2007. № 5. С. 107.

передачи статуса верховного властителя, так как считалось, что они рождают от связи с богом. Этому воззрению более соответствовала передача престола не родному сыну, а внуку — сыну своей дочери или племяннику — сыну сестры. И такой порядок наследования верховной государственной власти часто применялся на практике.

Последнего монарха XI династии — Ментухотпа IV — сменил на престоле его тжати (визирь) Аменемхет. Это вызвало недовольство со стороны других претендентов на престол, однако новый монарх легко с ним справился и успешно правил в течение почти трех десятилетий, основав XII династию. Манефон именно с нее начал вторую книгу своей «Египтиаки», обозначив таким образом начало нового периода в истории древнеегипетской государственности.

Некоторые египтологи начало эпохи «Среднего царства» связывают с восшествием на престол Аменемхета I. И для этого есть основания. Первый монарх XI династии восстановил государственное единство Египта скорее идеологически, чем фактически. Данное событие выразилось в принятии Ментухотпом титула «Хор-Сема-Тави», который во времена «Старого царства» обозначал власть над Верхним и Нижним Египтом, и в переносе своей резиденции в столицу «Старого царства» Мемфис. Первый монарх XII династии воссоздал центральную администрацию, то есть придал единому древнеегипетскому государству институционную основу.

Последнего монарха XII династии — Аменемхета IV, правившего всего четыре года (приблизительно с 1799 до 1787 г. до н.э.), сменила на престоле женщина по имени Собекнеферу[1], которая была его сестрой, а возможно, и официальной супругой. Правила она тоже четыре года, и неизвестно, умерла ли она или была свергнута с престола. Как бы то ни было, такой порядок наследования верховной государственной власти был для Древнего Египта вполне нормальным явлением. Не случайно имя Собекнеферу было внесено в Туринский список правителей.

Восемь монархов XII династии правили в общей сложности 215 лет. XIII династия состояла из 50 или 60 монархов, правивших

---

[1] В исторической литературе эта правительница именуется также как Нефрусобек.

приблизительно 130–140 лет[1]. У многих из них срок правления исчислялся всего лишь несколькими месяцами. Этот факт свидетельствует о существенном ослаблении верховной государственной власти с переходом от XII к XIII династии[2]. Существовавший в качестве правила в эпоху «Старого царства» и довольно часто применявшийся в период «Среднего царства» порядок наследования трона по прямой линии от отца к сыну во времена XIII династии если и сохранился, то стал редкостью[3].

По этой причине XIII династия была в действительности совокупностью нескольких семей древнеегипетских монархов, общим для которым являлась только резиденция. Манефон называл в качестве ее Диосполис, то есть Фивы, однако древнеегипетские источники, датируемые временем, падающим на конец правления этой династии, указывают на Мемфис как на ее столицу[4]. И данная столица была неизменной в течение всего времени существования XIII династии. Об этом можно говорить с полной уверенностью, поскольку смена столицы повлекла бы за собой смену династии. Фивы же являлись резиденцией местных правителей. В результате ослабления в Египте верховной государственной власти, произошедшего в конце правления XIII династии, они получили фактический статус монархов. В историю Древнего Египта фиванские правители вошли в качестве XVII династии.

Есть основания полагать, что указанные две династии какое-то время, исчисляющееся двумя-тремя десятилетиями, правили одновременно. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что

---

[1] Согласно Манефону, XIII династия состояла из 60 монархов, правивших 453 года (The Aegyptiaca of Manetho // Manetho / with English translation by W. G. Waddell. Cambridge, London, 1964. P. 73–74). Цифра 453 является в данном случае явной ошибкой переписчика — в оригинале скорее всего стояла цифра 153.

[2] Другим свидетельством ослабления центральной власти в период правления XIII династии является отсутствие на возводившихся в это время монументах местных правителей каких-либо ссылок на верховного властителя.

[3] С большей или меньшей долей уверенности можно говорить лишь об одном случае такого наследования верховной власти на протяжении всего правления XIII династии.

[4] В районе Мемфиса располагались и захоронения XIII династии, что тоже указывает на этот город как на резиденцию ее монархов. См.: *Ryholt K. S. B.* The political situation in Egypt during the second intermediate period, c. 1800–1550 B. C. Copenhagen, 1997. P. 79–84.

первые правители XVII династии были связаны брачно-семейными узами с высшими сановниками XIII династии[1]. В пользу того, что XVII династия была основана в Фивах в то время, когда в Мемфисе продолжалось правление XIII династии, говорит и то, что первые фиванские правители стремились представить себя в качестве преемников царей XII династии: они воспринимали их титулатуру, церемонии и ритуалы[2].

7. Институт верховной государственной власти в период владычества гиксосов

Территория дельты Нила пребывала в период правления XIII династии под контролем местных правителей из гиксосов, не подчинявшихся центральной власти. Вероятнее всего, именно они образовали династию, которую Манефон назвал четырнадцатой. Согласно «Египтиаке», она состояла из 76 монархов, имевших резиденцию в Ксоисе[3]. Современные египтологи склонны считать столицей XIV династии город Аварис[4], располагавшийся в восточной части дельты Нила.

О том, что XIII и XIV династии правили одновременно, свидетельствует соглашение между властителями, их представлявшими, позволявшее тем, кто проживал на территории, которая контролировалась одной династией, свободно проезжать и торговать в пределах территории другой династии[5].

XV династию образовали, по Манефону, правители-гиксосы, захватившие Мемфис и ликвидировавшие тем самым XIII династию[6]. Произошло это на рубеже XVIII и XVII веков.

---

[1] См. об этом: *Bennett C.* A Genealogical Chronology of the Seventeenth Dynasty // Journal of the American Research Center in Egypt. 2002. Vol. 39. P. 151.

[2] См.: *Rice M.* Egypt's Legacy. The Archetypes of Western Civilization 3000–30 B. C. P. 148.

[3] См.: The Aegyptiaca of Manetho. P. 75. «Ксоис» — греческое название болотистой местности в западной части дельты Нила.

[4] См.: *Ryholt K. S. B.* The political situation in Egypt during the second intermediate period. P. 104.

[5] См.: Ibid. P. 88.

[6] «Пятнадцатая династия состояла из пастушьих царей. Было шесть царей из Финикии, захвативших Мемфис: в номе Сетройт они основали город, с кото-

Состав XVI династии не вполне ясен. В тексте «Египтиаки», изложенном Георгием Синкелом по Юлию Африканскому, она представлена в качестве династии 32 пастушьих царей, а по Евсевию Памфилу — как династия пяти фиванских царей[1]. Современные египтологи, анализируя дошедшие до наших дней скудные сведения о XVI династии, склоняются к мысли, что это была группа вождей-гиксосов, правивших скорее всего одновременно с монархами из гиксосов, образовавших XV династию. Но в каком месте на территории Египта располагалась их резиденция, неизвестно[2].

Список царей Древнего Египта, составленный верховным жрецом в Мемфисе во время правления XXII династии (вторая половина IX – начало VIII в. до н.э.), в качестве предшественников правителей XVIII династии указывает правителей-гиксосов, относимых к XV династии. Это означало, что правившие на юге в одно время с ними монархи XVII династии не рассматривались в жреческих летописях в качестве самостоятельных властителей. Правители-гиксосы восприняли в конце концов титулы египетских царей эпохи «Среднего царства», включая имена Хора и сына бога Ра[3]. Причем данная титулатура писалась египетскими иероглифами и стилем, соответствующим тому, который использовался при фиксации имен и титулов царями XIII династии[4].

В течение длительного времени фиванское государство мирно сосуществовало с государством гиксосов. Сановники каждого из государств свободно передвигались по территории другого госу-

---

рого как с базы подчинили Египет. Первый из этих царей, Саит, правил 19 лет» (The Aegyptiaca of Manetho. P. 91).

[1] См.: Ibid. P. 93.

[2] См., например: *Valbelle D.* Histoire de l'Etat pharaonique. Paris, 1998. P. 190–191.

[3] Достоверно известно, что традиционным для египетского царя именем сына бога Ра величался последний правитель XV династии, представленный в «Египтиаке» Манефона как Апофис (см. об этом: *Wente E. F.* Thutmose III's Accession and the Beginning of the New Kingdom // Journal of Near Eastern Studies. 1975. Vol. 34. № 4 (Oct.). P. 269).

[4] См.: *Chimko C. J.* Foreign Pharaohs: self-legitimization and indigenous reaction in art and literature // The Journal of Society for the Study of Egyptian Antiquities. 2003. Vol. 30. P. 17.

дарства. Фиванские правители, возможно, были данниками гиксосов. Во всяком случае, воевали они чаще с южными соседями — вождями нубийцев, нежели с царями севера.

И только в последние десятилетия XVII века до н.э., когда государство гиксосов ослабело, а фиванское государство усилилось, его правитель Камос начал широкомасштабную войну против гиксосов. Он не был поддержан в этом мероприятии фиванской знатью, зато получил полную поддержку со стороны своих воинов. И благодаря этому нанес гиксосам целый ряд поражений.

Начатую Камосом войну за изгнание гиксосов из Египта успешно продолжил его брат и преемник на троне Амос. Ему удалось довести войну с гиксосами до полной победы и объединить Египет.

8. Институт верховной государственной власти в эпоху «Нового царства»

Возникшее в третий раз в истории Древнего Египта единое государство получило в египтологии название «*Нового царства (New Kingdom)*». Первый его царь — Амос — стал родоначальником XVIII династии египетских монархов. Любопытно, что создание в Египте нового единого государства мыслилось его верховными властителями как восстановление государства эпохи «Среднего царства». Преемственная связь фараонов эпохи «Нового царства» с монархами «Среднего царства» подчеркивалась и монументами. В 2005 году сотрудники французско-египетского центра исследования храмов Карнака обнаружили статую монарха XIII династии Неферхотпа и его супруги. Во времена «Среднего царства» данная статуя стояла внутри храма бога Аммона в Фивах. Примечательной ее особенностью был водруженный на ее вершину обелиск шестого фараона XVIII династии женщины по имени Хатшепсут.

Единое государство эпохи «Нового царства» возникло в ходе борьбы египтян против гиксосов. Главной опорой египетских монархов в этой борьбе была армия. Указанные обстоятельства определили характер института верховной власти в Древнем Египте указанной эпохи.

Захват посредством военной силы иностранных городов и территорий с целью их ограбления и добычи разного рода полезных ископаемых и материалов стал главной целью государствен-

ной политики древнеегипетских монархов. Египет превратился в обширную империю, объединившую под властью фараона территории Нубии, Эфиопии, Сирии, Палестины, Финикии, Ханаана. Древнеегипетский верховный властитель стал императором: соответственно в его титулатуру вошел новый титул — «царь царей».

Носителями данного титула были все фараоны XVIII династии, прославившиеся успешными военными походами. Отсюда можно сделать вывод, что «царь царей» — это прежде всего военный руководитель. Начиная с XIX династии, египетский фараон рисовался, как правило, в образе грозного воина на колеснице. Произошедшая метаморфоза отразилась в именах, эпитетах и титулах, присваивавшихся фараонам.

Титулатура Сенусерта I, монарха XII династии, была следующей: «Хор, Жив Рождениями, Обе Владычицы, Живущий в Вечных Рождениях, Хор Золота, Царь Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара (Становление Ра Ка); Сын Ра (Герой богини Усрет); будь (ему) дано жизни, здоровья и нескончаемого счастья как Ра».

Титулатура фараона XVIII династии Тутмоса III имела следующий вид: «Хор, Сильный Бык, Сияющий в Фивах, Обе Владычицы Повторяют Царское Правление Словно Ра На Небе; Хор Золота Могучий Силой “Со Святыми Коронами”; Царь Верхнего и Нижнего Египта Менхепера (Становление Ра Остается Постоянным); Сын Ра, Из Его Красоты, Возлюбленный Им, *Владыка Всякой Чужой Земли*, Тутмос (Тот родился), дар нескончаемой жизни!»[1] (курсив мой. — *В. Т.*).

Одной из главных целей государственной деятельности древнеегипетского фараона стало в эпоху «Нового царства» сохранение власти над завоеванными землями и поддержание господства над чужеземным населением. Эта цель достигалась посредством размещения египетских военных гарнизонов в ключевых местах завоеванных стран, назначения должностных лиц, обеспечивающих проведение здесь египетской оккупационной политики и сбор дани, формирования опоры египетской власти среди местного населения. Кроме того, в захваченных странах создавались базы со снаряжением и продовольствием для египетской армии, строились дороги, возводились морские порты, разрабатывались рудники, возделывались земельные угодья и т. д.

---

[1] Цит. по: *Стадников С. А.* Окруженный солнцем владыка. С. 111.

Идеологическое обоснование такому вмешательству во внутреннюю жизнь чужих стран давало представление о фараоне как властителе над всем земным миром. Однако утвердившийся в Египте еще в додинастическую эпоху взгляд на государственное управление как на религиозную и культурную деятельность предполагал, что подданными египетского верховного властителя могут быть только египтяне, то есть люди общей с ним религиозно-политической культуры и потому способные воспринять его не только в качестве физического лица, но и как бога — как священную духовную силу.

Эта особенность древнеегипетского политического мышления многое объясняет в характере империалистической политики, проводившейся фараонами «Нового царства». Они, как правило, сохраняли существовавшую в завоеванной ими стране административную систему, если местные правители вовремя и в требуемых размерах платили дань и отказывались от проведения внешней политики, которая бы шла вразрез с интересами египетской державы. При этом древнеегипетские фараоны не пытались навязать населению оккупированных ими стран египетские культурно-религиозные ценности. *Империализм древнеегипетских фараонов не был ни военным, ни культурным: он являлся по преимуществу экономическим, то есть имел главной своей целью не уничтожение физическое или духовное чужих народов, не расширение жизненного пространства для египтян за счет чужих земель, но лишь обеспечение притока в свою страну материальных благ с территорий завоеванных стран.*

Фараон эпохи «Нового царства» имел под своим началом огромный бюрократический аппарат. Эффективное управление им возможно было лишь путем издания многочисленных законов и инструкций. Поэтому интенсивная законодательная деятельность стала отличительной особенностью древнеегипетского монарха данной эпохи.

В период правления Рамсеса II (приблизительно 1304–1237 или 1290–1224 гг. до н.э.)[1] «Новое царство» достигло вершины своего

---

[1] Египтологи не имеют единого мнения о времени правления Рамсеса II. Так, М. Б. Раутон первоначально считал более достоверной датой его восшествия на трон 1290 г. до н.э. (*Rowton M. B.* Manetho's Date for Ramesses II // The Journal of Egyptian Archaeology. 1948. Vol. 34 (Dec.). P. 69). Но, сопоставив события цар-

могущества. Вряд ли когда-либо еще строилось в Египте так много храмов, как в это время. Данный факт — очевидный признак мощи верховной государственной власти.

Вместе с тем уже тогда в развитии этого института появились тенденции, которые приведут спустя два столетия к новому упадку древнеегипетской государственности. Имперский и военизированный характер политической организации «Нового царства» подрывал традиционную социальную и идеологическую основу института верховной власти, ослабляя тем самым государственное единство страны. Во все предшествовавшие эпохи главной функцией древнеегипетского монарха было поддержание среди подданных порядка, соответствующего законам устройства природы и общества, то есть «маат». Этой цели служили, в конечном итоге, и меры, направленные на упрочение авторитета верховной государственной власти. Типичный древнеегипетский царь был поэтому не только правителем, но и жрецом. Его государственная деятельность имела одновременно и жреческий характер: она понималась в качестве служения неким религиозным идеалам, в ее содержании большое место занимало исполнение различных религиозных ритуалов и церемоний.

ствования Рамсеса II с событиями правлений современных ему вавилонских и ассирийских царей, пришел к выводу, что более правильной датой начала его правления будет 1304 г. (*Rowton M.* Comparative Chronology at the Time of Dynasty XIX // Journal of Near Eastern Studies. 1960. Vol. 19. № 1 (Jan.). P. 22). 1290–1224 гг. до н.э. называет в качестве времени правления Рамсеса II египтолог Майкл Райс (*Rice M.* Egypt's Legacy. The Archetypes of Western Civilization 3000–30 B. C. London and New York, 2003. P. 172). «Датой восшествия Рамсеса II на трон для единоличного правления, — говорится в «Кэмбриджской древней истории», — был, возможно, 1304 г. до Христа, но до этой даты он являлся в течение неопределенного периода соправителем со своим отцом. Даты на его монументах указывают, однако, на его единоличное правление и не включают годы соправления» (The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 2. Part. 2. History of the Middle East and Eagean Region, c. 1380–1000 B. C. Cambridge, 2006. P. 225). Согласно «Египтиаке» Манефона фараон Рамсес, сын фараона Сетоса (Сети I), правил 66 лет (The Aegyptiaca of Manetho. P. 151). Данная цифра считается египтологами достоверной, поскольку она подтверждается несколькими надписями на древнеегипетских монументах. Поначалу, в течение нескольких лет, Рамсес II управлял обширным государством вместе со своим отцом Сети I (см.: *Murnane W. J.* The Earlier Reign of Ramesses II and His Coregency with Sety I // Journal of Near Eastern Studies. 1975. Vol. 34. № 3 (Jul.). P. 153–190).

Царский дворец был, с этой точки зрения, не просто жилищем, но и своего рода храмом.

В эпоху «Нового царства» среди функций верховного властителя на ведущее место выдвинулась его роль как военного руководителя. Подготовка к войне, ее ведение, командование армией — все это стало основным содержанием его государственной деятельности. Не случайно основателями новых фараоновских династий чаще всего становились в эту эпоху военачальники или выходцы из семьи военачальника. Таким человеком был, например, основатель XIX династии фараон Рамсес I, дед Рамсеса II.

С другой стороны, превращение Египетского государства в империю означало, что под властью фараона оказались представители различных этносов, чьи религиозные верования отличались от верований египтян. Иностранцы, в первую очередь ливийцы, нубийцы и сирийцы, составили значительную часть ведомой им армии, они заняли немало должностей в государственном аппарате. Традиционная египетская религиозно-политическая мифология, придававшая верховной государственной власти авторитет, в этих условиях теряла свое значение. Фараону теперь не было большой необходимости действовать в качестве жреца. Жреческая функция обособилась от государственной деятельности и приобрела самостоятельное значение. Жрецы превратились в особую корпорацию, а храмовые организации — в настоящие государства в государстве. Дары фараонов храмам увеличились в своих размерах настолько, что стали более похожими на дань, чем на добровольное пожертвование.

Если верховный властитель «Старого царства» представлялся обществу преимущественно в образе бога и это представление заслоняло его человеческую природу, то для фараона эпохи «Нового царства» было вполне нормальным представляться в виде не только бога, но и человека, обладающего всеми присущими ему от природы свойствами. Верховная государственная власть стала в связи с этим считаться принадлежностью не только божественной, но и человеческой сущности ее носителя. Справедливость, ум, воинская доблесть и другие столь же высокие человеческие качества фараона сделались столь же значимыми основаниями его авторитета, как и свойство божественности. Для выражения связи верховной власти с человеческой природой была выработана

особая символика. Одним из главнейших ее элементов стала так называемая «голубая корона». Она появилась в начале эпохи «Нового царства»[1]. Фараоны надевали ее, когда выступали на войну в качестве главнокомандующих войсками. «Голубая корона» считалась поэтому «короной войны». Вместе с тем она возлагалась на голову фараона при коронации, выражая смертный характер его персоны и соответственно наследственность его власти[2]. Сохранились изображения увенчанных «голубой короной» фараонов, которые совершают жертвоприношения[3].

9. Возвышение верховного жреца Аммона при последних рамсессидах

Особенно щедрыми были дары фараонов в пользу храма бога Аммона в Фивах. Его верховный жрец постепенно превратился во влиятельную политическую фигуру в масштабе страны, что привело к радикальной трансформации института монархической власти в Древнем Египте.

Во времена Рамсеса II фиванский верховный жрец Аммона еще не был самостоятельной фигурой: он назначался фараоном, от которого получал и основную массу материальных средств. Он призван был, подобно обыкновенному сановнику, служить своему монарху. Такому призванию всегда в большей мере соответствуют люди, не отличающиеся ни духовным авторитетом

---

[1] Некоторые египтологи — например: Юрген фон Бекерат (Jürgen von Beckerath) и Уильям Хайс (William C. Hayes) — полагают, что «голубая корона» уже существовала во второй переходный период, отделяющий эпоху «Нового царства» от эпохи «Среднего царства». Однако исследователь древнеегипетской письменности Уильям Вивиан Дэвис (Davies, William Vivian), специально занимавшийся вопросом происхождения данной короны, сумел убедительно доказать, что появилась она не ранее времени правления XVIII династии. См. об этом: *Davies W. V.* The Origin of the Blue Crown // The Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 69–76. См. также материалы, подтверждающие точку зрения Уильяма Дэвиса, в статье: *Leahy A.* Royal Iconography and Dynastic Change, 750–525 BC: The Blue and Cap Crowns // The Journal of Egyptian Archaeology. 1992. Vol. 78. P. 223–240.

[2] См.: *Hardwick T.* The Iconography of the Blue Crown in the New Kingdom // The Journal of Egyptian Archaeology. 2003. Vol. 89. P. 121.

[3] См.: *Collier S.* The Crowns of Pharaoh: their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship. Los Angeles, 1996. P. 117.

в обществе, ни материальным богатством. Не случайно фараон Рамсес II назначил на пост верховного жреца Аммона в Фивах человека по имени Небуненеф, который занимал ранее должность верховного жреца Осириса в Тинисе, малозначимую в политическом и финансовом отношениях.

Однако тот факт, что Аммон считался тогда в Египте главным богом страны, а посвященный ему храм был средоточием огромных материальных богатств и центром сплоченной и авторитетной жреческой корпорации, составляло предпосылки для последующего возвышения верховного жреца Аммона. Рамсес II был слишком занят делами в Сирии–Палестине и поэтому пребывал чаще всего в своей резиденции, располагавшейся в восточной части дельты Нила[1]. Фивы оставались в связи с этим в полном распоряжении верховного жреца Аммона.

После смерти второго монарха XX династии Рамсеса III (предположительно между 1163 и 1153 г. до н.э.), последнего великого фараона-воина, институт верховной государственной власти в Древнем Египте начал стремительно терять свое значение и силу. При этом позиции верховного жреца Аммона, напротив, все более усиливались. В период правления Рамсеса IV [2] он превратился в самостоятельную фигуру. Пост верховного жреца Аммона и сопряженные с ним звания стали наследоваться. Начало такой практике положил Рамсеснакхт, занявший данный пост на третьем году правления Рамсеса IV. Он сумел обеспечить переход своей должности к старшему сыну Несамону. Тот в свою очередь передал ее своему брату Аменхотпу.

Рамсеснакхт был первым, кто, будучи верховным жрецом Аммона, одновременно занимался распределением зерна, масла, рыбы, соли и одежды среди работников, возводивших фараонов погребальный комплекс. Жалованье все подобные работники так-

---

[1] В «Кэмбриджской древней истории» об этом говорится следующее: «Дельтовая резиденция фараонов со времени правления Рамсеса II и позднее была известна под названием “Пер-Рамсес”, “Дом Рамсеса”, библейское наименование “Раамсес”, но о местонахождении ее все еще спорят. Ее идентичность с великим городом Танисом кажется более вероятной» (The Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 2. Part. 2. P. 225).

[2] Даты правления Рамсеса IV, упоминаемые в трудах по истории Древнего Египта, существенно расходятся между собой: одни египтологи указывают на период с 1163 до 1153 г. до н.э., другие на 1153–1147 гг.

же получали из казны храма бога Аммона, хотя считались слугами фараона. Вместе с тжати (визирем) Рамсеснакхт контролировал доставку гранита для фараонова саркофага. Кроме того, он надзирал за работами на рудниках по добыче золота. Причем эти его занятия были не случайными, а постоянными. Об этом свидетельствует перечень званий Рамсеснакхта, начертанных на его статуе, из которого следует, что помимо должностей верховного жреца Аммона и управляющего фараоновым храмом он имел звание «надзирателя за зернохранилищами Аммона» и «надзирателя за казной Аммона»[1].

В период правления фараона Рамсеса IX[2] статус верховного жреца Аммона приблизился к статусу монарха. Эту должность занимал тогда младший сын Рамсеснакхта Аменхотп. На стене храма в Карнаке сохранился рисунок, изображающий его стоящим с поднятыми руками перед Рамсесом IX в присутствии сановников. Двое из них надевают на шею верховному жрецу Аммона золотое ожерелье. Шесть других сановников стоят неподалеку от фараона, держа в руках мешки с золотом и ожерелья. Все сановники представлены ростом меньше, чем Аменхотп, но сам он показан почти равным в размерах фараону[3]. Известна, по меньшей мере, еще одна картина Аменхотпа и Рамсеса IX, на которой верховный жрец Аммона и фараон изображены почти одинаковыми по росту. До этого подданные никогда не осмеливались представить себя равными монархам по каким-либо параметрам. И то, что Аменхотп осмелился изобразить себя таковым, явно свидетельствует о том, что он приобрел очень высокий политический статус.

---

[1] См. об этих занятиях верховного жреца Аммона в статье: *Polz D.* The Ramsesnakht Dynasty and the Fall of the New Kingdom: A New Monument in Thebes // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1998. Bd. 25. P. 278–279.

[2] Примерно в 1140–1121 гг. до н.э., по другим данным — в 1126–1108 гг.

[3] См. описание этой сцены в издании: Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. The Twentieth to Twenty-Sixth Dynasties. Chicago, 1906. P. 242–243. Сам же рисунок см. в издании: *Breasted J. H.* A History of Egypt from the Earliest Times to the Persian Conquest. Second edition, fully revised. New York, 1912. Иллюстрация между стр. 510 и 511.

10. Херихор и Рамсес XI: возникновение диархической организации верховной государственной власти

Предположительно в двенадцатый год правления последнего фараона XX династии Рамсеса XI[1] Фивы были заняты войсками кушитов (эфиопов), пришедшими с юга, с территории египетской колонии Нубии[2]. Во главе их стоял наместник фараона в Нубии вождь кушитов («царский сын Куша») Панехси. О том, с какой целью он привел свои войска в Фивы, трудно сказать что-либо определенное. Некоторые египтологи считают, что Панехси, поссорившись с Рамсесом XI и его сановниками, поднял мятеж против фараона, результатом которого стал захват им Фив и свержение Аменхотпа с поста верховного жреца Аммона[3]. Другие полагают, что все было наоборот: мятеж поднял Аменхотп, а фараон поручил наместнику Нубии привести его к повиновению[4]. Третьи высказывают гипотезу, согласно которой

---

[1] Рамсес XI правил предположительно в 1114–1085 гг. до н.э., по другим данным — в 1097–1069 гг.

[2] См. о статусе Нубии в составе египетской державы: *Adams W. Y.* The First Colonial Empire: Egypt in Nubia, 3200–1200 B.C. // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. № 1 (Jan.). P. 36–71.

[3] См.: *Gardiner A.* Egypt of the Pharaohs. Oxford, 1961. P. 313–314. *Haycock B. G.* The Kingship of Cush in the Sudan // Comparative Studies in Society and History. 1965. Vol. 7. № 4 (Jul.). P. 463.

[4] «Ясно, что Рамсес XI, — говорится во втором томе “Кэмбриджской древней истории”, — был признаваем во время оккупации Фив Панехси и что поэтому его интервенция была направлена не против монарха и верховного жреца, но против одного последнего. Может быть, верховный жрец, поощряемый огромным ростом его власти в Египте, требовал для себя больше полномочий относительно Эфиопии и ее богатств, чем Панехси был готов уступить. Монарх, нравилась ему интервенция Панехси или нет, вынужден был принять ее; равным образом возможно, однако, что Рамсес XI сам обратился к Панехси как к единственному фактору, способному ограничить или удалить Аменхотпа» (The Cambridge Ancient History. Vol. 2. Part 2. P. 633). Одним из аргументов в пользу этой точки зрения служит факт официального присвоения Панехси титулов военачальника и надзирателя за зернохранилищам. Данный факт отражен в так называемом «Туринском налоговом папирусе», датируемом 12 годом правления Рамсеса XI (см.: *Polz D.* The Ramsesnakht Dynasty and the Fall of the New Kingdom: A New Monument in Thebes // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1998. Bd. 25. P. 292–293).

мятеж был поднят противниками верховного жреца в самих Фивах. И Панехси, занимая своими войсками город, выполнял приказ фараона о подавлении мятежа и восстановлении Аменхотпа на его должности[1]. Четвертые, соглашаясь с тем, что наместник Нубии, войдя в Фивы со своими войсками, действовал на основании распоряжения фараона, утверждают далее, что вместо наведения порядка он начал грабить фиванские дома и храмы и это рассорило его с Аменхотпом и Рамсесом XI. Фараон, узнав от верховного жреца Аммона о недостойном поведении Панехси, приказал ему покинуть Фивы. Панехси не подчинился и поднял мятеж. На его подавление Рамсес XI направил своего военачальника Херихора, которому одновременно поручил управлять Фивами вместо Аменхотпа[2].

Как бы то ни было, фактом является, что в указанное время в Фивах резко дестабилизовалась обстановка. Об этом свидетельствуют многие документы[3]. Наместник Нубии вмешался в ситуацию и, восстановив с помощью войск порядок, правил Фивами в течение примерно пяти лет — до тех пор, пока власть над этим городом не перешла к египетскому военачальнику по имени Херихор или Хрихор[4], который занял пост верховного жреца Аммона.

---

[1] См.: *Wente E. F.* The Suppression of the High Priest Amenhotep // Journal of Near Eastern Studies. 1966. Vol. 25. № 2 (Apr.). P. 85; *Bunson M. R.* Encyclopedia of Ancient Egypt. Revised Edition New York, 2002. P. 295.

[2] См.: *Török L.* The kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization. Leiden, 1997. P. 105–106.

[3] См.: *Thijs A.* The Troubled Careers of Amenhotep and Panehsy: The High Priest of Amun and the Viceroy of Kush under the Last Ramessides // Studien zur Altägyptischen Kultur. 2003. Bd. 31. P. 289–306.

[4] Звание «начальника войска» упоминается почти во всех сохранившихся надписях о Херихоре. Неясно, однако, над каким войском был он начальником — кушитским, которое находилось под главным командованием наместника Нубии Панехси, или египетским, которым распоряжался фараон. В связи с этим неясно и другое, а именно: пришел Херихор в Фивы с юга вместе с кушитами или с севера, из резиденции фараона. Египтологи высказывают различные точки зрения на сей счет. См.: *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. Из истории Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984. С. 132–134. На мой взгляд, титулы, которыми Херихор обладал, и в особенности высшее придворное звание «семер» показывают, что он был приближенным фараона, а следовательно, прибыл в Фивы из его резиденции, то есть с севера.

Его государственная деятельность в Фивах продолжалась не более восьми лет[1], но за этот срок он успел совершить то, что обеспечило ему почетное место в политической истории Древнего Египта: Херихор предпринял попытку создать новую конструкцию верховной государственной власти.

Данная попытка нарушала существовавшую в то время египетскую политическую традицию. Она выходила за рамки официальной религиозно-политической мифологии. Ее осуществление вело если не к расколу страны на два государства, то в любом случае к значительному ослаблению власти фараона. Тем не менее, предпринимая эту попытку, Херихор действовал не как заговорщик, а вполне открыто и скорее всего с молчаливого согласия Рамсеса XI. Хотя, возможно, совсем и не молчаливого. Резиденцией фараона был в то время расположенный на территории дельты Нила город Танис. Отсюда можно было эффективно управлять северной частью страны, а также делами на побережье Средиземного моря, а также в Сирии-Палестине. Но сколько-нибудь эффективно контролировать происходившее в южной части страны, на территории Верхнего Египта было затруднительно. Не спасало положения и наличие разветвленного государственного аппарата. Им должен был кто-то управлять. Обыкновенный сановник, назначенный фараоном и не имеющий авторитета верховного властителя, вряд ли мог справиться с этой задачей. Поэтому вполне вероятно, что Рамсес XI для сохранения управляемости Верхнего Египта сам пошел на создание в Фивах второго политического центра и Херихор всего лишь выполнял его предначертание. И надо признать: действовал он вполне разумно, в полном соответствии со сложившимися условиями.

Очевидно, что в условиях нестабильной обстановки восстановить и поддерживать порядок мог только властитель, сочетающий в себе высший духовный авторитет с военной силой и контролем над финансами. Заняв пост верховного жреца Аммона, дававший ему такой авторитет и одновременно предоставлявший в его распоряжение огромные финансовые средства, Херихор сохра-

---

[1] За три-четыре года до смерти фараона Рамсеса XI верховным жрецом Аммона был сын Херихора по имени Пианх. Это видно из высеченного на стеле текста ответа оракула Аммона (См.: *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. С. 151–152).

нил за собой начальство над войсками. Об этом свидетельствует его первоначальная титулатура, предусматривавшая оба эти звания: «Верховный жрец Аммона-Ра, царя богов, великий начальник войска Верхнего и Нижнего Египта, правитель, Херихор правогласный».

Вместе с тем Херихор принял на себя титул «царского сына Куша», то есть наместника Нубии[1] — территории, богатой рудниками по добыче золота.

С постом верховного жреца Аммона еще со времен Рамсеснакхта были соединены обязанности надзирателя за зернохранилищами и руководителя работами по возведению монументов его величества. Херихору отошли соответственно и эти должности.

Надпись на гробнице фараона Сети I, сделанная при его перезахоронении в 24-й год правления Рамсеса XI, свидетельствует, что Херихор занимал в это время еще и пост тжати.

Соединение должностей военачальника, верховного жреца Аммона, наместника и тжати (визиря) в руках одного сановника было необычным явлением для Древнего Египта. Но еще более удивительным стало другое: изображения Херихора и надписи с его именами, титулами, эпитетами, сохранившиеся в храме Кхонсу (бога луны) и в гипостильном зале, соединяющем его с храмовым комплексом Аммона, свидетельствуют, что в дополнение к упомянутым должностям он принял на себя еще и звание *верховного властителя*.

Картина, представленная на стене внутреннего двора храма Кхонсу, показывает Херихора и его супругу Неджемет, предлагающих цветы фиванскому богу Монту. При этом Херихор облачен в одежду фараона, а его имена и звания обрамлены, как и подобает фараонским именам и званиям, картушами. Надпись на стене гипостильного зала дает следующий перечень званий: «царь Верхнего и Нижнего Египта, господин двух земель, господин ритуалов, сын Ра, обладатель диадем, Херихор, в доме своего отца, Аммона-Ра, царя богов, который может давать жизнь, покой, господство и

---

[1] В списке наместников Нубии, составленном египтологом Георгом Рейснером, имя Херихора следует за Панехси. См.: *Reisner G. A.* The Viceroys of Ethiopia // The Journal of Egyptian Archaeology. 1920. Vol. 6. № 1. P. 51.

здоровье царю Верхнего и Нижнего Египта»[1]. На основаниях десяти колонн гипостильного зала сохранились надписи, начертанные по единому образцу следующего содержания: «Обновление монументов, которые царь Верхнего и Нижнего Египта, господин двух земель, господин ритуалов, сын Ра, обладатель диадем, Херихор совершил в доме своего отца, Аммона-Ра, царя богов»[2].

В Лувре и в Британском музее хранятся в настоящее время фрагменты папируса с текстом «Книги мертвых», составленной для супруги Херихора. Неджемет именуется в них следующей титулатурой: «Царская мать господина двух земель, божественная мать Хонсу-ребенка, старшая гарема Аммона-Ра, царя богов, глава почтенных женщин, госпожа двух земель»[3], а сам Херихор представлен в качестве верховного жреца Аммона и фараона: его имя и титулы вырисованы в картуше.

Факты показывают, что Херихор не только величал себя фараоном, но и старался действовать как фараон. Так, на 19-м году правления Рамсеса XI верховный жрец-фараон установил в Фивах особое летоисчисление, объявив о начале новой эпохи — так называемой «Эры Возрождения»[4]. Никаких сведений о том, что Рамсес XI как-то воспротивился данной реформе, не сохранилось. Вполне вероятно, что фараон даже санкционировал это нововведение, но вряд ли он был его инициатором[5]. На седьмом году «Эры

---

[1] Цит. по: *Roth A. M.* Some New Texts of Herihor and Ramesses IV in the Great Hypostyle Hall at Karnak // Journal of Near Eastern Studies. 1983. Vol. 42. № 1. P. 43.

[2] Цит. по: Там же. С. 44. По мнению египтолога Энн Рос (*Ann Roth*), «хотя только десять из шестидесяти одной колонны в южной половине гипостильного зала носят те или иные следы Херихоровых надписей, их произвольное размещение делает вероятным, что первоначально все основания колонн были надписаны. Из пятидесяти одного не имеющего надписи основания колонны сорок четыре были полностью перестроены, а оставшиеся семь сильно истерты» (ibid. P. 45).

[3] Цит. по: *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. С. 123.

[4] На египетском языке название данной эры звучало примерно как «уэхем месут (wehem mesut)».

[5] О том, что новое летоисчисление и соответственно новую эру — «Эру Возрождения» — ввел в Фивах Рамсес XI, пишет в своей книге о царстве Куш Ласцло Торок. По его словам, Рамсес XI объявил тем самым «программу обновления страны после времен войны и мятежа» (*Török L.* The kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization. Leiden, 1997. P. 106).

Возрождения» Херихор умер, и спустя некоторое время после этого в Фивах было восстановлено традиционное египетское летоисчисление. Такое совпадение может быть, конечно, случайным, но более вероятным его объяснением является то, что именно Херихор являлся инициатором введения в Фивах нового летоисчисления.

Под «возрождением» верховный жрец — фараон подразумевал восстановление правопорядка и правосудия, нарушенных в Фивах предшествовавшими событиями. Главный же смысл правосудия он видел в прощении и помиловании, полагая, что именно этими действиями лучше всего восстанавливается порядок в обществе.

Оценивая описанные события, венцом которых стало присвоение военачальником и верховным жрецом Аммона Херихором титулов тжати (визиря) и фараона, французский египтолог Гастон Масперо отмечал: «Царем был все еще Рамессид, но истинным хозяином Египта стал первый пророк фиванского Аммона Хрихору (Hrihorou)»[1].

Подобную картину упадка официальной фараонской власти в Египте в конце правления XX династии рисовал в своей истории Египта и американский египтолог Джеймс Брэстед. По его словам, после произведенного Херихором переворота «ничего теперь не осталось для верховного жреца в способе осуществления полномочий и власти такого, что он не принял бы на себя; он — командующий всеми армиями, наместник Куша, — держит казну в своих руках и строит сооружения для богов. В то время как фикция официального существования последнего рамсессида поддерживалась в течение, по крайней мере, двадцати семи лет, окончательное принятие на себя верховным жрецом высшего статуса было подтверждено, кажется, оракулом Кхонсу и последующим одобрением Аммона. Оно было зафиксировано в упомянутой выше надписи, документе очень фрагментарном и неясном, запечатленном на той же самой фатальной двери, которая в процессе возведения храма Кхонсу, как и в истории государства, знаменует окончательный переход. Так как через эту дверь современный посетитель проходит из внутреннего зала, носящего

---

[1] *Maspero G. C.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Treizièm edition. Paris, 1921. P. 338.

имена как Хрихора, так и Рамсеса XII[1], во внешний двор, построенный Хрихором, где тень фараона исчезает, и имя верховного жреца, которому предшествуют титулы фараона, заключенные в царский картуш, оказывается, по меньшей мере, единственным. И впредь имя "Рамсес" больше не появляется в качестве личного имени, а носится как титул, обозначающий потомка некогда могущественной линии»[2].

Русский египтолог И. А. Стучевский не соглашался с такой картиной и, возражая против мнений Гастона Масперо и Джеймса Брэстеда, писал: «Херихор был, бесспорно, весьма своеобразным "фараоном", "фараоном" полулегальным, призрачным, провозглашенным таковым по всей форме главным образом лишь в переднем дворе храма Хонсу. Именно это обстоятельство не учитывала старая, многолетняя египтологическая традиция, которая, ссылаясь на факт хорошо прослеживаемого качественного скачка в титулатуре Херихора, засвидетельствованного в его надписях, утверждала, например, что при переходе из гипостильного зала в передний двор храма Хонсу современный посетитель как бы становится наблюдателем знаменательного "предельного момента" "как в процессе сооружения храма Хонсу, так и в истории государства", момента, когда "Херихор осмелился лишить власти Рамсеса, который тогда правил, и поставить себя царем на его место". В действительности, как теперь можно считать уже установленным, Херихор не только не лишил власти Рамсеса XI, но и сам умер до окончания царствования последнего»[3].

Современные египтологи оценивают действия Херихора поразному. «Херихор и его наследники, — отмечает немецкий египтолог Дэниэль Польц, — использовали политические и экономические структуры, организацию и институты, так успешно созданные членами династии Рамсеснакхта, чтобы превратить второй центр власти в Верхнем Египте в государство в государстве»[4].

---

[1] В XIX и в начале XX в. египтологи считали фараона, в правление которого разворачивались описываемые события, Рамсесом XII.

[2] *Breasted J. H.* A History of Egypt from the Earliest Times to the Persian Conquest. Second edition, fully revised. New York, 1912. P. 520–521.

[3] *Стучевский И. А.* Рамсес II и Херихор. С. 146.

[4] *Polz D.* The Ramsesnakht Dynasty and the Fall of the New Kingdom: A New Monument in Thebes // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1998. Bd. 25. P. 293.

«Подчиненность царя стала полной после того, как Херихор узурпировал царский трон»[1], — подчеркивает американский египтолог Несиа Харклесс.

По моему мнению, оценка действий верховного жреца Херихора, сосредоточившего в своих руках все сколько-нибудь значимые властные полномочия и принявшего на себя титул фараона, должна учитывать два основных обстоятельства: социально-политическую ситуацию, сложившуюся в Фивах к тому времени, когда он туда прибыл, и его статус в окружении Рамсеса XI.

Многие данные свидетельствуют о том, что на двенадцатом году правления Рамсеса XI в Фивах сложилась далеко не мирная обстановка. Более того, вполне вероятно, что здесь даже вспыхнула гражданская война, иначе как объяснить тот факт, что для наведения порядка понадобились войска. Смена нескольких наместников Нубии всего за пять лет заставляет думать, что нестабильным было положение на всей вообще территории южной части Египта. В этих условиях концентрация военной, идеологической, исполнительной и финансовой власти в руках одного человека оказывалась первейшей предпосылкой для прекращения общественной вражды и восстановления государственного порядка. Очевидно, что *фигура верховного жреца с титулом фараона была в данном случае самой подходящей для роли диктатора*.

И думается, не случайно воплощением такой фигуры стал именно Херихор. На мой взгляд, примерить на себя титул фараона, да не где-нибудь, а в храме Кхонсу, являющемся неотъемлемой частью храмового комплекса, посвященного богу Аммону, мог только тот, кто происхождением своим, собственной знатностью был вполне достоин этого звания. Причем знатность его должна была отличаться самым высоким качеством. Подобным человеком мог быть лишь член семьи фараона, статус которого позволял ему унаследовать царский трон.

Херихор как раз и был таким человеком. В посвященных ему изображениях и текстах есть немало деталей, свидетельствующих о том, что он считался официальным наследником Рамсеса XI. В частности, именно в этом качестве представляет Херихора над-

---

[1] *Harkless N. D.* Nubian Pharaohs and Meroitic Kings: The Kingdom of Kush. Bloomington, 2006. P. 123.

пись на цоколе его сидячей статуи в Фивах[1]. Она содержит следующий перечень принадлежавших ему званий и эпитетов: «Наследственный принц и властитель двух земель, семер, великий во всей земле, тжати (визирь), разрешающий дела на основе “маат”, слушающий простых людей Верхнего Египта, надзиратель за южными иностранными землями, делающий пожертвования в имущество Аммона, управляющий ради него целиком всей землей, первый пророк Аммон-Ра, царя богов, Херихор, справедливый, который говорит: “Что касается любого человека, который спустя много лет сдвинет эту статую с места, то на него обрушится гнев Аммона, Мут и Кхонсу. Его имя исчезнет с земли Египта, да умрет он от голода и жажды”»[2].

Отражением принадлежавшего Херихору титула «наследственного принца» было звание «наследственной принцессы» у его супруги. На одной из стен переднего двора храма Кхонсу сохранилось изображение его семьи. Неджемет характеризуется в нем следующей надписью: «Наследственная принцесса, чье благоволение огромно, госпожа двух земель, обладатель очарования, сладостно любимая, руководитель музыкальной труппы Аммон-Ра, царя богов, великая супруга царя, им любимая, справедливая»[3].

Если приведенные древнеегипетские тексты прочитаны египтологами правильно и Херихор действительно являлся членом семьи Рамсеса XI — например, его сыном или мужем его дочери — то принятие им на себя, помимо звания верховного жреца Аммона, титулов тжати (визиря) и фараона было не «узурпацией царского трона» и тем более не созданием «государства в государстве», но попыткой формирования в Египте вместо монархии *диархии*, то есть формы правления, при которой верховная государственная власть официально имеет двух носителей, ее осуществляют одновременно два человека.

---

[1] В настоящее время место, где были расположены Фивы, более известно по названию египетской деревни Карнак.

[2] The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt’s Third Intermediate Period / Translated by Robert Ritner. Houston, 2009. P. 82. См. также: *Lefebvre G.* Histoire des Grands Prêtres d’Amon de Karnak jusqu’à la XXI dynastie. Paris, 1929. P. 63–68.

[3] The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt’s Third Intermediate Period. P. 85.

Такой вариант развития египетского государственного строя был вполне закономерен. Все империи сталкиваются на определенном этапе своей эволюции с проблемой сохранения управляемости страны, и чем обширнее бывает империя, тем острее оказывается данная проблема. И одним из способов ее решения является соправительство в форме диархии или даже тетрархии. О том, что оно может быть вполне эффективным средством поддержания в течение какого-то времени управляемости огромной по своим размерам империи, доказывает пример Древнего Рима периода правления императора Диоклетиана, учредившего, как известно, сначала диархию, а затем тетрархию.

В Древнем Египте задача поддержания страны в состоянии управляемости была актуальной для монархов во все исторические эпохи. Но особенно сложной она стала после того, как Египетское государство превратилось в обширную империю. Рамсес II имел в своем распоряжении сильную армию и вел победоносные войны, дававшие приток материальных богатств в страну и способствовавшие поддержанию его авторитета как верховного властителя. И этого авторитета было вполне достаточно, чтобы управлять империей из одного политического центра. Рамсес III продолжал его политику, и потому конструкция верховной государственной власти оставалась прежней. Но фараоны, правившие после него, не имели сильной армии и не вели победоносных войн. Создание параллельного центра государственной власти было в этих условиях наиболее оптимальным средством сохранения управляемости страны. Очевидно, что наилучшим местом для него были Фивы — резиденция фараонов с XVII по XX династию и религиозный центр Египта, а самой удачной кандидатурой на роль второго носителя верховной власти оказывался верховный жрец Аммона, который еще при предшественниках Рамсеса XI стал влиятельной и самостоятельной политической фигурой.

Появление в Древнем Египте второго фараона и соответственно второго политического центра не было результатом спланированной заранее политической реформы, наподобие той, которую осуществил в Древнем Риме в конце III века император Диоклетиан. Египетская диархия возникла спонтанно, под действием конкретных обстоятельств, сложившихся на юге страны. Однако Рамсес XI признал ее. Во всяком случае, никакой враждебности по отношению к фиванскому властителю, который со-

средоточил в своих руках вопреки египетской политической традиции полномочия военачальника, верховного жреца Аммона, тжати (визиря) и принял на себя титул фараона, он не проявлял. Взаимоотношения между двумя политическими центрами Египта были такими, как будто они являлись всего лишь различными резиденциями одного и того же правящего клана.

После смерти Херихора все его должности и титулы унаследовал его старший сын, имя которого произносилось приблизительно как Пьянкх. Тот, в свою очередь, передал их своему сыну (внуку Херихора), которого звали Пинубджем. Есть сведения, что последний женился на дочери Рамсеса XI[1]. Их сын Псусеннес стал третьим фараоном XXI династии[2] и первое время правил вместе с отцом, который тоже считался фараоном. При этом Псусеннес пребывал на севере в Танисе, а Пинубджем — на юге страны, в Фивах[3].

Таким образом, стихийно возникшая в Египте в конце правления XX династии диархическая организация верховной государственной власти стала официально признанной в период пребывания на троне фараонов XXI династии. Это означало окончание эпохи «Нового царства» и начало следующего периода в развитии древнеегипетской государственности.

11. Институт верховной государственной власти в период «Новейшего царства». «Ливийская полиархия»

Египтологи дали этому периоду название «Новейшего царства». Формально единое древнеегипетское государство продолжало в течение него существовать, но верховная государствен-

---

[1] См.: *Thompson J.* A History of Egypt: From Earliest Times to the Present. Cairo, 2008. P. 85.

[2] Ibidem. Правление Псусеннеса I приходится приблизительно на 1039–991 гг. до н.э.

[3] Грэхем Хагенс пишет в своей статье о XXI династии: «Сведения о периоде соправления Пинубджема и Псусеннеса дают некоторые каменные блоки из Таниса, на которые были нанесены картуши… Пинубджем был погребен в западных Фивах с фараоновой пышностью и блеском, которые долго помнились потомками» (*Hagens G.* A Critical Review of Dead-Reckoning from the 21st Dynasty // Journal of the American Research Center in Egypt. 1996. Vol. 33. P. 156).

ная власть выступала в форме не монархии, а полиархии. В стране возникло множество самостоятельных религиозно-политических и административных центров (Фивы, Мемфис, Танис, Бубастис, Гераклеополис, Саис, Медес, Атрибис и др.). Их главы, как правило, занимали одновременно должности верховного жреца какого-либо местного бога, военачальника и тжати (визиря). Они происходили из клана вождей ливийских племен, переселившихся в Египет при последних рамсессидах. В отличие от египтян ливийцы не имели традиции монархического управления, предполагавшего подчинение всего народа одному верховному властителю, и сохраняли раздробленность на родовые объединения, каждое из которых управлялось своим вождем.

Взаимоотношения между вождями были урегулированы вековыми обычаями, гасившими конфликты в их среде, и упорядочены кровно-родственными и брачно-семейными отношениями, которыми почти все они, по традиции, были связаны. В результате в Египте в период господства ливийских вождей сложилась весьма своеобразная система политических отношений, обеспечивавшая сохранение единой государственной организации при отсутствии монарха, при наличии множества самостоятельных властителей.

12. Кушитская (эфиопская) монархическая власть в Египте

«Ливийская полиархия» существовала в Египте почти три столетия. Приблизительно в VIII веке до н.э. на смену ей пришла кушитская (эфиопская) монархия. Ее установили властители из кушитского царства с центром Напате, возникшего на обломках «Нового царства» примерно в IX веке до н.э. Победа кушитского царя над ливийскими вождями была достигнута военным путем. Однако утверждению господства кушитов над Египтом в огромной степени способствовала их давняя приверженность к культу бога Аммона и к другим египетским религиозно-политическим традициям. С другой стороны, сильное и многолетнее влияние египетской культуры на кушитов предопределило восприятие их царями, завоевавшими Египет, титулов египетских фараонов[1]. Ку-

[1] Согласно «Египтиаке» Манефона кушитские (эфиопские) фараоны составили XXV династию (см.: The Aegyptiaca of Manetho. P. 166–167).

шитские цари, занимавшие трон фараона, в целом ряде случаев проявляли себя более последовательными приверженцами египетских религиозных традиций, чем сами египтяне. Они восстанавливали старые храмы, строили новые, дарили в пользу храмов материальные богатства. По словам исследователя истории царства Куш Б. Г. Хейкока, «культурные, религиозные и политические традиции Напаты и Египта должны были поистине настолько смешаться, и Египет на протяжении его долгой культурной истории, при его многочисленном населении и его эффективно организованной агрокультуре, настолько утвердил свою репутацию центра мира, что напатанские монархи могли добиться полного признания своего нового значения лишь став фараонами»[1].

Но принимая на себя титулы египетских фараонов и присущие им правила поведения, ритуалы и церемонии, кушитские цари сохраняли традиционные правила передачи престола, сложившиеся в Напате. По этим правилам первым претендентом на освободившийся престол являлся не сын, а кто-либо из братьев царя, по его выбору. Причем царь мог выбрать своим наследником любого вообще родственника. Сохранилась стела с надписью, в которой фараон-кушит по имени Тахарка[2] признает, что стал фараоном потому, что его предшественник на троне фараон Шебитку предпочел его всем своим братьям и детям[3]. Своим собственным традициям кушитский правящий клан следовал и в погребальных церемониях, и в устройстве захоронений своих вождей, имевших титулы египетских фараонов[4].

---

[1] *Haycock B. G.* The Kingship of Cush in the Sudan // Comparative Studies in Society and History. 1965. Vol. 7. № 4. P. 464.

[2] Фараон Тахарка правил приблизительно в 689–663 гг. до н.э.

[3] Ibid. P. 466 (прим.). Из текста надписи, в которой фараон Тахарка сообщает о пожертвованиях в пользу храма Аммон-Ра в Каве (Нубия), следует, что он был братом Шебитку, который сделал его своим соправителем (См.: Journal of Near Eastern Studies. 1953. Vol. 12. № 1. P. 63).

[4] См. об этом: The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. 3. Part. 2. The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the Eighth to the Sixth Centuries B.C. Cambridge, 2006. P. 681. В 591 г. до н.э. фараон Псамметих II захватил Напату. Кушитский царь вынужден был перенести свою резиденцию в Мероэ.

Восстановив в Египте монархию, кушитские (эфиопские) фараоны не сумели стать полновластными монархами на всей территории страны. Титул монарха Верхнего и Нижнего Египта, выражавший распространение власти фараона на обе части Египта, был воспринят ими лишь в качестве почетного звания, но не как идеологическое и юридическое основание добиваться реального господства над всем Египтом. Кушитские фараоны мирились с правившими самостоятельно властителями дельты, если они демонстрировали формальную лояльность.

В условиях «ливийской полиархии» высшие должности в местной администрации стали наследственными. Подобное положение сохранялось и в период кушитской монархии. Оно также ограничивало верховную государственную власть: получалось, что монарх царствовал, но не правил. Наличие в стране верховной государственной власти при таком ее состоянии почти не ощущалось. Последним фараоном кушитской (эфиопской) династии был Тантамани[1]. Вынужденный под давлением войск ассирийцев и союзных с ними правителей дельты удалиться в Напату, отказавшись от верховной власти над Египтом, он тем не менее много лет после этого все равно признавался в Фивах египетским фараоном.

Любопытно, что вскоре после своего восшествия на трон Тантамани предпринимал попытку подчинить своей власти правителей дельты Нила. Решиться на это его побудил, скорее всего, верховный жрец Аммона, поскольку рекомендацию идти туда войной Тантамани получил от оракула храма Аммона в Фивах. Ее текст сохранился на одной из стел. «Верхний Египет уже принадлежит тебе, — обращался оракул к фараону, — завоюй Нижний Египет, и ты будешь носить двойную корону, так как тебе будет отдана земля во всей ее длине и ширине, без кого-либо еще делящего ее с тобой»[2]. Тантамани не осмелился проигнорировать совет оракула и собрал армию для вторжения в дельту. Но его военный поход против местных правителей окончился неудачей.

В 60-е годы VII века до н.э. дельта Нила оказалась под контролем ассирийского царя Ассурбанипала. Ряд местных вождей, при

---

[1] Фараон Тантамани (в другом написании: Танутамон или Танветамани — Tanwetamani) правил в 664–656 гг. до н.э.

[2] Цит. по: Ancient Egyptian Literature. History and Forms / Edited by Antonio Loprieno. Leiden, 1996. P. 288.

его поддержке, открыто выступили против кушитского фараона. Ведущую роль среди них сыграл Псамметих I — правитель египетского государственного образования с центром в Саисе, расположенном в западной части дельты Нила[1]. Приблизительно в 664 году до н.э. ему удалось, опираясь на помощь ассирийских войск, взять Фивы и вытеснить кушитов на юг Египта[2]. После этого, воспользовавшись тем, что ассирийские войска покинули египетскую территорию и оказались втянутыми в боевые действия с вавилонской армией, Псамметих I подчинил своей власти, военным путем или посредством соглашений, мелких правителей дельты и установил контроль над всем Нижним Египтом[3]. Основанная им династия правила страной до нашествия персов в 525 году до н.э.[4]

13. Институт верховной государственной власти в период «Позднего царства»

Сохранилась надпись, из которой следует, что Псамметих I считал началом своего правления в качестве египетского фараона смерть предпоследнего фараона кушитской династии Тахарки, случившуюся примерно в 664 г. до н.э. Правление Тантамани он почему-то игнорировал.

Первоначально Псамметих I считался лишь царем Нижнего Египта. Титул царя обеих частей Египта, то есть Верхнего и Нижнего, появился в его титулатуре лишь после того, как его дочь Ни-

---

[1] Поселение Саис было основано в эпоху «Нового царства», в период правления рамсессидов, ливийскими наемниками, служившими в египетской армии. К VII в. до н.э. они окончательно египтизировались, восприняв религиозные верования, традиции и обычаи местного населения, одновременно смешавшись с ним посредством браков. В настоящее время на месте, где располагался древнеегипетский город Саис, находится город под названием Са-эль-Хагар.

[2] См. об этом: *Spalinger A.* Psammetichus, King of Egypt: I // Journal of the American Research Center in Egypt. 1976. Vol. 13. P. 133, 136.

[3] Ibid. P. 138–139.

[4] По Манефону основателем этой — 26-й по его счету — династии был эфиоп Амерес, а Псамметих I являлся пятым ее представителем (См.: The Aegyptiaca of Manetho. P. 173). Греческий жрец-историк не принимал во внимание, что из них только Псамметиха I можно назвать египетским монархом. Власть же его предшественников распространялась лишь на небольшую территорию Саисского государственного образования.

токрис была провозглашена супругой бога Аммона в Фивах. Описание этой церемонии сохранилось в надписях на стеле, воздвигнутой в ее честь[1]. Таким образом, несмотря на то, что Псамметих I добился господства над Египтом с помощью военной силы, основанием своей верховной власти он мыслил родство с главным египетским богом.

Фараоны XXVI (саисской) династии развернули широкомасштабное строительство храмов, фараоновских статуй и других монументов, копируя при этом архитектурный стиль эпохи «Старого царства». Их успешные военные походы в Палестину и против царства Куш показывают, что Египет снова стал военной державой. Это подтверждают и материалы археологических раскопок[2].

Фараон Нехо II (610–595 гг. до н.э.), сын Псамметиха I, начал строить корабли и создал флот для торговли и войны на море, что было весьма необычно для египетских властителей: в прежние эпохи египтяне не имели большого интереса к морским делам. Подобные факты свидетельствуют, что в период правления XXVI династии верховная государственная власть в Египте восстанавливала свое традиционное значение в общественной жизни и былую мощь.

14. Институт верховной государственной власти в период персидского владычества

В 525 году до н.э. Египет был завоеван персами. В отличие от ассирийского царя Ассурбанипала персидский царь Камбис решил включить эту страну в состав своей державы[3]. Для идеологическо-

---

[1] Adoption stela of Nitocris // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. The Twentieth to Twenty-Sixth Dynasties. Chicago, 1906. P. 481–483.

[2] «Картография археологических данных демонстрирует громадную саисскую военную машину», — такой вывод делает преподаватель египетской археологии в университете Дюрхэма Пенелопа Уилсон (*Wilson P.* Consolidation, Innovation and Renaissance // Egyptian Archeology / Edited by Willeke Wendrich. Oxford, 2010. P. 244).

[3] Империей Персидская держава стала при Дарии I (521–485 гг. до н.э.), когда была выстроена имперская административная система с четким делением территории, находившейся под властью царя, на провинции, когда был опреде-

го и юридического закрепления данного акта он объявил себя фараоном и стал соблюдать все подобающие этому званию ритуалы и церемонии. Любопытно, что время своего восшествия на трон египетского верховного властителя Камбис отсчитывал с того момента, когда стал царем Персии[1]. Это означало, что приобретение титула фараона Египта он старался не связывать с завоеванием данной страны. Отказ Камбиса от роли завоевателя Египта облегчал для него задачу привлечения к себе на службу представителей египетской аристократии, без поддержки которых управлять этой страной было невозможно.

Наиболее известным среди таких людей был знатный египтянин по имени Уджахорреснет. При двух последних фараонах XXVI династии — Амасисе (570–526 гг. до н.э.) и Псамметихе III (526–525 гг. до н.э.) он командовал флотом. А после захвата Египта персами стал служить царю Камбису, затем его преемнику Дарию I, заняв должности управляющего царским дворцом, коменданта крепостей, хранителя царской печати, главного лекаря царя, главного писца, надзирателя совета писцов, верховного жреца Ра, проповедника египетской богини войны по имени Нейт[2].

лен статус завоеванных стран и в том числе Египта, созданы механизмы сбора налогов или дани с их населения в царскую казну и установлены ее размеры (см.: *Goodspeed G. S.* The Persian Empire from Darius to Artaxerxes // The Biblical World. 1899. Vol. 14. № 4 (Oct.). P. 251–257).

[1] См. об этом: *Atkinson K. M. T.* The Legitimacy of Cambyses and Darius as Kings of Egypt // Journal of the American Oriental Society. 1956. Vol. 76. № 3. P. 168.

[2] Нейт — одна из самых древних египетских богинь — считалась матерью и наставником бога Ра. Чтобы побеждать в битвах, фараон должен был слушаться ее советов. В эпоху «Нового царства» и в последующие эпохи богиня Нейт была особенно почитаемой на территории дельты. Она часто изображалась с красной короной на голове и рассматривалась в качестве покровительницы местных властителей. Не случайно поэтому Нейт стала главным божеством Саиса. Находившийся в этом городе храм богини Нейт именовался «домом пчелы». Соответственно пчела была одним из символов титулатуры фараонов XXVI династии. Данный символ выражал воинственность того, кто обладал им. Любопытно, что Наполеон Бонапарт, восхищавшийся культурой Древнего Египта, взял пчелу в качестве символа своей императорской власти. По словам исследователя древнеегипетской религии Ричарда Уилкинсона, «древние греки идентифицировали Нейт с Афиной, вероятно, в первую очередь из-за ее воинственности,

В Грегорианском музее Ватикана в настоящее время хранится статуя Уджахорреснета в три ладони высотой, из зеленого базальта, стоявшая первоначально в саисском храме Нейт[1], а впоследствии оказавшаяся среди предметов египетской коллекции римского императора Адриана[2]. Высеченный на ней текст автобиографии этого египтянина[3] описывает, каким образом персидский царь стал египетским фараоном. В нем говорится, в частности: «Великий царь всех иностранных земель Камбис пришел в Египет и с ним были выходцы из всех иностранных земель. Когда он завоевал эту страну всю целиком, они поселились здесь. Великий правитель Египта и великий царь всех иностранных земель, он возвысил меня до звания главного лекаря, обязав быть рядом с ним в качестве спутника и управляющего своим дворцом. Я же составил для него титулатуру царя Верхнего и Нижнего Египта, Месути-Ра (т. е. потомка Ра. — *В. Т.*)»[4]. Далее Уджахорреснет сообщает, что рассказал Камбису о египетских традициях, которым

хотя существовали и другие аспекты Нейт, поддерживавшие эту ассоциацию» (*Wilkinson R. P. H.* The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. New York, 2003. 157).

[1] По данным археологов, она была сооружена приблизительно в 519 г. до н.э.

[2] См. фотографию этой статуи из зеленого камня, изображающей стоящего во весь рост Уджахорреснета (без головы), в издании: *Kuhrt A.* The Persian Empire. A Corpus of Sources from Ahaemenid Period. New York, 2007. Vol. 1. P. 121. А также в книге: The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. 4. Persia, Greece and Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C. Cambridge, 2006. P. 259.

[3] Отдельные надписи на данной статуе впервые перевел Ж.-Ф. Шампольон. В 1851 г. в «Археологическом журнале (Revue Archéologique)» был опубликован полный перевод автобиографии Уджахорреснета на французский язык, осуществленный Эммануэлем де Ружэ (Emmanuel de Rougé). В 1878 г. в десятом томе сборника «Документы прошлого» был издан перевод всего текста данной автобиографии на английский язык, сделанный египтологом Питером Ле Паж Ренуфом на основе перевода Г. Ф. К. Бругша. См.: The Pastophorus of the Vatican / Translated by P. Le Page Renouf // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 10. Egyptian Texts. London, 1878. P. 49–54. В дальнейшем перевод автобиографии Уджахорреснета на английский язык неоднократно обновлялся.

[4] Цит. по: Ancient Egyptian Literature. Vol. 3: The Late Period / Edited by Miriam Lichtheim. Berkeley and Los Angelos, 2006. P. 37–38; *Lloyd A. B.* The Inscription of

должен следовать фараон, и призвал его чтить великую богиню Нейт, мать бога Ра, и уважать величие Саиса как города, который она избрала своей резиденцией. Одновременно египтянин посоветовал персидскому царю, ставшему фараоном, выгнать из храма Нейт всех иностранцев[1] и обеспечить главной богине Саиса щедрые жертвоприношения. И, по его рассказу, Камбис выполнил все подобные рекомендации и вел себя как настоящий египетский фараон.

Рассказ Уджахорреснета о том, что персидский царь соблюдал надлежащим образом египетские религиозно-политические традиции, противоречит сообщению греческого историка Геродота о том, что Камбис был великим безумцем и поэтому издевался над египетскими святынями и обычаями[2]. Однако его достоверность доказывается другими древнеегипетскими источниками[3]. Переводчик и комментатор текста автобиографии Уджахорреснета, египтолог Элэн Ллойд пишет по этому поводу: «Не только египетские тексты того времени подтверждают описанное в нашей надписи, но существуют прекрасные основания для того, чтобы отвергнуть историчность самой по себе классической традиции. В действительности она отражает, вероятно, не более чем враждебную жреческую пропаганду, порожденную ограничительными фискальными мерами, примененными Камбисом к некоторым египетским храмам. Мы можем поэтому принять без сожаления, что ситуация, выраженная в этой части нашего текста, была следующей: Камбис предпринял истинную попытку примирить егип-

---

Udjahorresnet a Collaborator's Testament // The Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 169.

[1] Уджахорреснет имел в виду в данном случае, скорее всего, воинов-чуземцев, пришедших в Египет с Камбисом.

[2] См.: *Геродот*. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М., 1993. С. 150.

[3] Так, сохранилась следующая надпись на саркофаге священного быка Аписа в Саккаре: «Хор Сматови (Хорово имя Камбиса. — *В. Т.*), царь Верхнего и Нижнего Египта, Месути-Ра (т. е. потомок Ра. — *В. Т.*), Камбис — пусть он живет вечно! Он воздвиг прекрасный монумент для своего отца Аписа-Осириса с огромным гранитным саркофагом» (цит. по: *Kuhrt A.* The Persian Empire. A Corpus of Sources from Ahaemenid Period. P. 124).

тян с персидским правлением путем принятия на себя традиционной роли фараона во всех ее смыслах»[1].

Данное Элэном Ллойдом объяснение истоков враждебности части египетских жрецов к персидскому царю, ставшему фараоном, не подтверждается в полной мере источниками[2]. С другой стороны, из некоторых документов известно, что при вступлении персидских войск в египетские города разграблению подвергались не только дома, но и храмы[3]. Не исключено, что именно этого и не могли жрецы простить Камбису. Как бы то ни было, сам факт существования враждебного отношения египетских жрецов к персидскому царю очевиден. Но столь же очевидным являлось и то, что он был крайне заинтересован в признании своего статуса фараонов со стороны египетского общества. Персия находилась далеко от Египта, и держать эту страну под контролем с помощью одной военной силы было невозможно.

Поход в Египет дорого обошелся Камбису: спустя три года после вторжения в эту страну он решил возвратиться на родину и по пути умер. Многие факты говорят в пользу того, что смерть эта не была случайной.

Титулатуру египетского фараона воспринял и наследник Камбиса на царском троне в Персии Дарий I. Картуши со знаками, обозначавшими его титулы и звания, сохранились во многих египетских храмах[4]. Обыкновенно он представлялся как «сын Солн-

---

[1] *Lloyd A. B.* The Inscription of Udjahorresnet a Collaborator's Testament. P. 173.

[2] См. текст законов Камбиса о доходах храмов в издании: *Kuhrt A.* The Persian Empire. A Corpus of Sources from Ahaemenid Period. P. 125–126. В примечании к этим законам Амелия Курт пишет, что точный их смысл неясен, как неясны и их последствия, и «неопределенным остается, можно ли ими объяснить враждебность по отношению к Камбису, отраженную в ужасных рассказах Геродота о его поведении в Египте» (ibid. P. 127).

[3] Об этом рассказывается, например, в одном из папирусов на арамейском языке, датируемом 408 г. до н.э. (см.: The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. 4. P. 255, 258). Факт недостойного поведения в храмах иностранцев, пришедших в Египет с войском Камбиса, косвенно подтверждается и в цитировавшейся выше автобиографии Уджахорреснета: египтянин сообщает, что просил персидского царя изгнать иностранцев из храмов.

[4] См. об этом: *Fried L. S.* The Priest and the Great King. Temple-Palace Relations in Persian Empire. San Diego, 2004. P. 77–78.

ца, Нтариуш (имя Дария. — *В. Т.*), Хор, сын Исисы (Изиды), сын Осириса, возлюбленный Аммона» и т. д.[1]

Дарий I стремился соблюдать египетские религиозно-политические традиции и соответственно не разрушать характерной для Египта идеологической доктрины верховной государственной власти. Однако фактическая ее конструкция приобрела в период владычества в этой стране персов своеобразный вид.

Персидские цари, имевшие одновременно статус египетских фараонов, пребывали в Персии. Египтом же управляли их наместники — сатрапы, расположившиеся со своим двором в старинной столице страны Мемфисе. На эту должность назначались, как правило, представители царской семьи или высшей персидской знати. В обязанности сатрапа входило обеспечение мира на территории управляемой ими страны, отправление правосудия, сбор налогов. В помощь к нему царь-фараон определял секретаря и военачальника. Время от времени для проверки деятельности этих трех должностных лиц и состояния страны в целом он посылал сюда специальных инспекторов.

И Камбис, и Дарий I принимали титул фараона непосредственно в Египте. После них, кажется, ни один персидский царь Египта не посещал. Возможно, именно по этой причине только Камбис обладал всеми традиционными титулами египетского верховного властителя. Дарий I — почти всеми, а вот следовавшие за ними персидские цари, принимая на себя статус египетского фараона, довольствовались одним или двумя званиями из его титулатуры. Артаксеркс I носил, например, лишь звание «великого фараона».

При таком способе осуществления верховной государственной власти терялась связь ее носителя с храмами. Самые авторитетные и богатые из них приобрели большую самостоятельность в период владычества персов, образовав своего рода государство в государстве.

С 60-х годов V века до н.э. на территории Египта стали периодически происходить восстания представителей местной знати

---

[1] The Inscription of Darius at the Temple of El-Khargen // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 8. Egyptian Texts. London, 1876. P. 143–144.

против персидской власти. Греческий историк Фукидид писал об одном из таких выступлений, случившихся в первые годы правления Артаксеркса I (приблизительно в 460 г. до н.э.), в западной части дельты: «В это время ливиец Инар, сын Псамметиха (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорного пункта Мареи, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее бóльшую часть страны. Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр, покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса»[1]. В действительности восстание ограничилось лишь территорией дельты и частично долины Нила, тем не менее оно серьезно пошатнуло позиции персов в Египте. Восставший египетский вождь был потомком фараонов XXVI (саисской) династии и боролся за независимость страны от Персии: неслучайно первым его действием было изгнание с территории дельты сборщиков податей в царскую казну.

Подавить это восстание Артаксеркс смог только через пять лет, послав против его участников большое войско[2]. Но несмотря на победу, персам не удалось подчинить себе западную часть дельты. Впрочем, и на других египетских территориях их власть становилась более формальной, чем фактической. В дальнейшем персидские сатрапы старались держать под контролем лишь судоходство по Нилу от Мемфиса до побережья моря[3]. На большее у них не хватало ни военных сил, ни авторитета среди местного населения. Туземные же вожди были также неспособны распространить свою власть на всю территорию страны.

В 423 году до н.э. на престол в Персии вступил под именем Дария II сын Артаксеркса I от одной из вавилонских наложниц. В «Египтиаке» Манефона он указан в качестве последнего египетского фараона XXVII (персидской) династии[4]. С его смертью

---

[1] *Фукидид.* История. Л., 1981. С. 46.

[2] См.: Там же. С. 48.

[3] См. об этом: *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of Persian Empire. Winona Lake, 2002. P. 576.

[4] The Aegyptiaca of Manetho. P. 176–177.

в марте 404 года до н.э. прекратилось владычество персов над Египтом.

15. Фараоны XXVIII, XXIX и XXX династий: последние туземные властители Египта

За год до этого египетский вождь из дельты Нила по имени Амиртеос, являвшийся правнуком Инара, и следовательно, потомком XXVI династии египетских фараонов, поднял восстание против персидского царя. Трехлетняя ожесточенная борьба между сыновьями Дария II — Артаксерксом и Киром Младшим — за освободившийся царский трон помешала персам принять решительные меры против восставших. Это позволило Амиртеосу утвердиться в качестве самостоятельного правителя с титулом фараона на территории дельты Нила и претендовать на верховную власть над всем Египтом.

В «Египтиаке» Манефона Амиртеос из Саиса был назван монархом XXVIII династии, правившим шесть лет[1]. Сменивший его на фараоновом троне Неферитес был обозначен уже как представитель следующей XXIX династии. Она состояла из четырех монархов из города Мендеса, правивших в общей сложности 20 или 21 год[2].

XXX династию составили, согласно Манефону, три фараона из города Севеннита. По версии «Египтиаки», изложенной Евсевием Памфилом, они правили 20 лет. По варианту Юлия Африканского, пересказанному Георгием Синкелом, правление последней туземной династии в Египте продолжалось 38 лет. Последняя цифра подтверждается фактами. Согласно им, первый фараон XXX династии по имени Нектанебо I взошел на трон приблизительно в 380 году до н.э. и правил до своей смерти в 362 году. Следующим фараоном стал его родной сын Теос. Он правил всего два года. В 360 году до н.э. Теос был свергнут с престола своим двоюродным братом Нектанебо, командовавшим в его армии отрядами пеших египетских воинов. Правление последнего фараона XXX династии, вошедшего в историю под именем Нектанебо II, длилось 18 лет.

---

[1] The Aegyptiaca of Manetho. P. 178–179.

[2] Ibid. P. 179–181.

Политическим идеалом, на который ориентировались фараоны последних египетских династий, была модель верховной государственной власти, которую воплощали фараоны XXVI династии. Данная модель сочетала в себе представления о монархе как о боге, господствовавшие в Египте в эпоху «Старого царства», с характерным для эпохи «Нового царства» воззрением на фараона как на человека. Божественная природа фараонской власти подчеркивалась величественными статуями, которые в большом количестве возводились в период правления XXVI династии. Культ статуй фараонов поддерживался и во времена последних египетских монархов. С другой стороны, возобновлена была появившаяся в эпоху «Нового царства» традиция ношения фараонами «голубой короны», которая выражала связь верховной государственной власти с человеческой сущностью ее носителя.

Стремление фараонов XXVIII, XXIX и XXX династий копировать ритуалы и церемонии могущественных властителей-воинов Египетской империи было вполне оправданным: для утверждения и сохранения своей власти они вынуждены были вести почти беспрерывную войну. «Голубая корона», являвшаяся, помимо прочего, «короной войны», вполне соответствовала преимущественному характеру их государственной деятельности.

Власть фараонов последних египетских династий только формально распространялась на весь Египет. Фактически под их контролем находилась лишь дельта и часть долины Нила. Фараон Амиртеос, чтобы принудить к повиновению своей власти местных правителей, вынужден был почти все свое шестилетнее правление вести с ними борьбу. И часто достигал своей цели только посредством договоров с тем или иным вождем о разделе сфер влияния. Преемники Амиртеоса на троне обладали более сильной властью, но их могущество почти целиком держалось лишь на армии, которая не могла быть в тех условиях надежной опорой египетского монарха. Для содержания войск требовались огромные средства, но возможности для их получения были весьма ограниченными у фараонов последних египетских династий. В их распоряжении не было, в отличие от верховных властителей «Старого», «Среднего» и «Нового» царств, обширных государственных хозяйств. Они не имели разветвленного административного аппарата, способного обеспечить сбор налогов. Да и тако-

го авторитета, каким обладали указанные властители, фараоны XXVII, XXIX и XXX династий не приобрели. Попытка Теоса собрать налоги с храмов и состоятельных египтян для обеспечения военной экспедиции в Азию против персидских войск вызвала с их стороны открытое возмущение, что позволило противникам фараона среди его родственников решиться на государственный переворот.

До середины 80-х годов персидский царь Артаксеркс II, кажется, вовсе не помышлял о том, чтобы вернуть Египет в состав своей империи[1]. Но после двух десятилетий пребывания на персидском троне он довольно серьезно взялся за решение этой задачи. Была развернута подготовка к военному походу на Египет. В 373 году до н.э. персидские войска, ведомые сатрапом Сирии Фаранобазосом и поддержанные отрядом афинского военачальника Ификратоса, вторглись на территорию дельты. Персидский сатрап намеревался двинуться на Мемфис, резиденцию фараона Нектанебо, но из-за нежелания греческого командира следовать этому плану отказался от его выполнения. Царь же не смог прислать ему дополнительные войска для захвата египетской столицы, так как столкнулся с мятежом со стороны некоторых из своих военачальников.

В 360 году до н.э. Артаксеркс II приступил к подготовке нового, еще более масштабного военного вторжения в Египет, но смерть царя, последовавшая на рубеже 359 и 358 годов, не позволила осуществить данный замысел. Его сын Артаксеркс III после своего вступления на престол вынужден был несколько лет вести борьбу за подчинение непокорной персидской знати своей власти. Немало времени и сил отняли у него и мероприятия по восстановлению имперского порядка за пределами Персии. Поэтому на военный поход в Египет с целью захвата этой страны он решился лишь в 343 году. Армия, которую собрал для него Артаксеркс III, состояла не только из персов, но также из отрядов греческих, кипрских и финикийских наемников. Более того, самыми боеспособными войсками в персидской армии, пришедшей снова

---

[1] Во всяком случае, нет никаких источников, свидетельствующих о каком-либо приготовлении персов в это время к военному походу в Египет (*Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of Persian Empire. P. 634–635).

завоевывать Египет, командовали греческие наемные военачальники.

Столкнувшись с этой армией на территории дельты, фараон Нектанебо II бросил свои войска и удалился в Мемфис, надеясь укрыться за его крепостными стенами и организовать эффективную защиту. Лишенные его командования египетские войска прекратили сопротивление завоевателям. Расположенные по городам и крепостям дельты военные гарнизоны также стали без боя сдаваться персидскому царю. Узнав об этом и поняв, что Мемфис защитить будет невозможно, Нектанебо II бежал в Нубию (Эфиопию). Артаксеркс III тем временем продвигался на юг, беря под свой контроль все новые египетские территории. В результате Египет снова оказался под владычеством персов.

16. Фараоны XXXI династии: второй период владычества персов

Артаксеркс III восстановил систему управления Египтом, существовавшую с 525 до 404 года до н.э., — в тот период, когда эта страна входила в состав Персидской империи. Звание египетского фараона было соединено с титулом персидского царя. Для непосредственного же управления Египтом снова был назначен сатрап.

В «Египтиаке» Манефона Артаксеркс III представляется как Охус (Ochus), то есть под своим первоначальным именем, которое носилось им до восшествия на персидский трон. При этом говорится, что египетским монархом он стал на двадцатом году своего царствования над персами и после этого правил шесть лет (по варианту Евсеевия Памфила) или два года (по версии Юлия Африканского, изложенной Георгием Синкелом)[1]. Охуса сменил его сын Арсес (Arses), который правил четыре года (по версии Евсевия Памфила) или три года (по Юлию Африканскому). Последним же фараоном Египта XXXI (персидской) династии был Дарий III. По варианту «Египтиаки», пересказанному Евсевием Памфилом, он правил шесть лет, согласно Юлию Африканскому — четыре го-

[1] The Aegyptiaca of Manetho. P. 184–187.

да[1]. После этого, весьма короткого, рассказа о последнем периоде владычества персов в Египте во всех вариантах «Египтиаки» следует сообщение, что здесь заканчивается описание египетской истории Манефоном.

В египтологии принято считать, что рассказ о XXXI династии не принадлежит авторству Манефона, а является позднейшим добавлением к написанному им тексту «Египтиаки». На мой взгляд, для такого вывода нет достаточных оснований, но и утверждать безоговорочно, что данный рассказ написан Манефоном, невозможно.

Как бы то ни было, второй период правления фараонов персидской династии был непродолжительным — он занял всего десять лет. Разгром армии Дария III войсками царя Македонии Александра III в битве при сирийском городе Исса в ноябре 333 года до н.э. фактически прекратил владычество персов над Египтом. В этой битве полегло много персидских военачальников. Погиб в ней и сатрап Египта по имени Сабак[2].

В конце 332 года, прервав свою военную кампанию против персидского царя, в Египет прибыл с сорокатысячным войском сам Александр Македонский. С этого момента в истории древнеегипетского государства начался новый период.

§ 3. Александр Македонский как египетский фараон

Историки до сих пор спорят о том, какую цель преследовал Александр Македонский, направляясь в декабре 332 года до н.э.

---

[1] The Aegyptiaca of Manetho. P. 184–187.

[2] См.: *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С приложением сочинением Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А. А. Вигасин. М., 1993. С. 40. Кн. 3. Гл. 11. § 9–10: «Но македонцы, стоявшие рядом с Александром, ободряя друг друга, во главе с ним самим ворвались в середину персидской конницы. Избиение врага походило на его полный разгром. Вокруг колесницы Дария лежали его самые славные полководцы, почетно погибшие на глазах своего царя, все они лежали ничком, так как пали, сражаясь и получив раны в грудь. Среди них узнали Атизия, Реомитра и правителя Египта Сабака, командиров больших армий».

из Сирии в Египет[1]. Дошедшие до нас произведения античных авторов (Диодора Сицилийского[2], Помпея Трога[3], Страбона[4], Квинта Курция Руфа[5], Плутарха из Херонеи[6], Луция Флавия Арриана[7] и Ахилла Татия[8])[9], в которых рассказывается о египетском похо-

---

[1] См., например: *Bloedow Ed. F.* Egypt in Alexander's Scheme of Things // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series. 2004. Vol. 77. № 2. P. 75–99.

[2] Древнегреческий историограф, автор «Исторической библиотеки» в сорока книгах, Диодор Сицилийский жил в I в. до н.э., приблизительно с 80 до 29 г.

[3] Произведение римского историка времен Октавиана Августа Помпея Трога «Historiae Philippicae (История Филиппа)» сохранилось в кратком пересказе (эпитоме) Марка Юниана Юстина, жившего в первой половине III в. См.: *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». М.: РОССПЭН, 2005. Приводимые в «Эпитоме» характеристики и оценки Александра Македонского и его отца Филиппа II принадлежат скорее всего лично Юстину, но исторические факты заимствованы, очевидно, у Помпея Трога, иначе Юстину не было никакой необходимости называть свое произведение «Эпитомой» его сочинения.

[4] Главным произведением древнегреческого историографа и географа Страбона, жившего приблизительно в период с 64/63 г. до н.э. по 23/24 г. н.э., является «География». События египетского похода Александра Македонского описываются в различных местах последней, семнадцатой, книги данного сочинения.

[5] Древнеримский историограф, автор «Истории Александра Македонского (Historiae Alexandri Magni Macedonis)» в десяти томах, Квинт Курций Руф жил примерно в I в. до н.э.

[6] Древнегреческий историограф, автор «Сравнительных жизнеописаний» и целого ряда нравственно-философских сочинений, Плутарх из Херонеи (на древнегреч.: Πλούταρχος) жил в период с 45 до 127 г. н.э.

[7] Луций Флавий Арриан (ок. 85–175 гг. н.э.) был греком по происхождению, но состоял на государственной службе в Римской империи. Он написал множество исторических сочинений, среди которых самое известное — «Anabasis Alexandri (Поход Александра)» — посвящено истории военных походов Александра Македонского.

[8] Ахилл Татий — древнегреческий писатель, живший во II в. н.э. в Александрии. Помимо целого ряда повестей, он написал историю Александра Великого.

[9] Названные античные авторы жили спустя три–пять столетий после смерти Александра Македонского и свои произведения о нем написали на основе записей тех людей, которые были его современниками или жили во времена, не слишком отдаленные от его смерти. Плутарх называет 15 имен таких людей, на рассказах которых он составил свою биографию Александра (Клитарх, Поликлет, Онесикрит, Антиген, Истр, Антиклид, Филон Фиванский, Филипп из Феангелы, Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский, Дурид Самосский и др.). Неко-

де великого полководца, ничего не сообщают на этот счет. Большинство исследователей античной истории и египтологов, пытавшихся ответить на указанный вопрос, главной целью пребывания Александра Македонского в Египте сочли его стремление взять под свой контроль побережье Средиземного моря в устье Нила и тем самым нейтрализовать персидский флот (Йоганн Густав Дройзен[1], Джон Багнелл Бери[2], Эдуард Мейер[3], Симон Хорнблауэр[4] и др.).

Английский египтолог Дэвид Георг Хогарт (*David George Hogarth*, 1862–1927) не связывал египетскую экспедицию македонского полководца с военной кампанией против персидской державы, но усматривал в его действиях план создания новой базы для торговли. Александр Македонский, отмечал он, «пребывал в долине Нила ровно столько времени, сколько тратит обыкновенный турист на единственный визит, и он никогда больше не воз-

---

торые из писателей — современников македонского полководца — сопровождали его в военных походах и соответственно описывали то, что видели сами. Это был, например, секретарь Александра Харет, соратники полководца Птолемей и Аристобул. Предположительно до 327 г. находился в окружении Александра историограф Каллисфен Олинтус, чья мать приходилось двоюродной сестрой его учителю Аристотелю. Каллисфен сопровождал Александра в египетском походе и лично наблюдал битву при Иссе. Скорее всего на основе именно его рассказов были описаны эти эпизоды истории Александра Македонского в дошедших до нас произведениях античных авторов. Во всяком случае, сходство этих описаний показывает, что у них был один и тот же источник.

[1] См.: *Droysen J. G.* Geschichte Alexanders des Grossen. Gotha–Stuttgart, 1925. S. 179. Первое издание данной книги вышло в свет в 1833 г.

[2] Цель и смысл похода Александра Македонского в Египет ирландский историк выразил следующим образом: «Но было бы стратегической ошибкой погрузиться в сердце Персидской империи, оставив позади себя непокоренными Сирию и Египет и персидский флот, контролирующий побережье. Победа при Иссе не заставила Александра отклониться от этого неизбежного пути; стратегическая ценность этой победы заключалась просто в том, что она открыла ворота в Сирию и Египет» (*Bury J. B.* A History of Greece to the Death of Alexander the Great. London, 1900. P. 763).

[3] См. об этом: *Meyer Ed.* Alexander der Große und die absolute Monarchie // Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums, Halle, 1910. S. 287–288.

[4] См. об этом: *Hornblower S.* The Greek World 479–323 B. C. London, 1983. P. 273.

вращался сюда, разве что в виде забальзамированного тела. Тем не менее, он изменил ход истории в Египте и учредил там самое долговременное из македонских царств — такое, которому было предначертано существовать три столетия и затем оставаться под европейским господством еще в течение шести столетий. В дополнение, он основал город, который спустя пятьдесят лет стал крупнейшим в мире портом и до сих пор является крупнейшим в восточном Средиземноморье; он перенаправил торговлю своего времени и создал на будущие века новую торговлю между континентами; и он усилил могущество Египта, добавив к нему всю северную Африку, так же как и запад — например, залив Габес (Syrtis)… Я думаю, мы можем считать, что он пришел в Египет из Сирии определенно для того, чтобы устроить некоторые из этих дел, коль скоро человеческое предвидение может предвидеть последствия человеческих действий»[1]. В заключительной части своей статьи Д. Г. Хогарт заметил: «Именно македонская оккупация Египта открыла Красное море и Индийский океан европейской торговле»[2]. С этой точки зрения, главной непосредственной целью прихода Александра Македонского в Египет было создание нового порта на побережье Средиземного моря. Он действительно создал такой порт, дав ему название Александрия. Но этим поступком далеко не ограничивались действия македонского властителя в Египте.

Древнегреческий историограф Луций Флавий Арриан (на лат.: *Lucius Flavius Arrianus*, приблизительно 85–175 гг.), который оставил самое, пожалуй, достоверное описание походов Александра Македонского[3], о его египетской эпопее, длившейся от четырех до шести месяцев, рассказал следующее:

«Александр пошел на Египет, куда первоначально и собирался, и, выступив из Газы, на седьмой день прибыл в египетский город

---

[1] *Hogarth D. G.* Alexander in Egypt and Some Consequences // The Journal of Egyptian Archaeology. 1915. Vol. 2. № 2 (Apr.). P 53.

[2] Ibid. P. 60.

[3] Данный авторитет произведению Арриана «Поход Александра» придает то, что его содержание базируется на исторических сочинениях соратников Александра Македонского Птолемея и Аристобула. Но это не значит, что тексты Арриана свободны от ошибок. См.: *Bosworth A. B.* Errors in Arrian // The Classical Quarterly. New Series. 1976. Vol. 26. № 1. P. 117–139.

Пелусий. Флот его из Финикии направился также в Египет, и он застал свои корабли уже в Пелусийской гавани. У Мазака, перса, которого Дарий поставил сатрапом Египта, не было персидского войска, и он, узнав об исходе сражения при Иссе, о позорном бегстве Дария и захвате Александром Сирии, Финикии и значительной части Аравии, беспрепятственно впустил Александра в страну и ее города. Он (Александр. — *В. Т.*) ввел в Пелусий гарнизон; кораблям велел подняться по реке до Мемфиса, а сам отправился к Гелиополю. Нил оставался у него справа; земли, через которые пролегала его дорога, добровольно покорялись ему. Пересекши пустыню, он явился в Гелиополь, а оттуда, переправившись через реку, прибыл в Мемфис, где принес жертву разным богам, в том числе и Апису, и установил празднество с состязаниями гимнастическими и мусическими. На него съехались знаменитости из Эллады. Из Мемфиса он поплыл вниз по реке к морю, взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан, а из всадников царскую илу, составленную из "друзей". Придя в Каноп, он проплыл кругом залива Мариа и вышел там, где сейчас находится город Александрия, названный по имени Александра. Место показалось ему чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы,— были посвященные эллинским богам, был и храм Исиды Египетской,— и по каким местам вести кругом стены. По этому поводу он совершил жертвоприношение, и оказалось оно благоприятным»[1].

«Александра охватило желание отправиться к Аммону в Ливию; он хотел вопросить бога — говорили, что предсказания Аммона сбываются в точности… Область, где находится храм Аммона, представляет собой кругом сплошь песчаную безводную пустыню, среди которой находится небольшое пространство (в самом широком месте оно простирается самое большее на 40 стадий[2]), сплошь засаженное плодовыми деревьями, маслинами и финиковыми пальмами, и единственное в окрестности, где бывает роса. Ключ, бьющий здесь, ничем не похож па ключи, ко-

---

[1] *Арриан*. Поход Александра. М.: Миф, 1993. С. 111.

[2] 6 километров.

торые бьют в других местах. В полдень вода в нем холодна на вкус, а на осязание кажется совсем ледяной. Когда солнце склоняется к вечеру, она становится теплее, от вечера и до полуночи все теплеет и в полночь делается совершенно горячей. С полуночи она постепенно охлаждается, на рассвете она уже холодна и в полдень совершенно ледяная. Эти изменения совершаются постепенно и каждый день. Есть там и соль, которую уже в готовом виде выкапывают из земли. Жрецы Аммона привозят ее в Египет. Отправляясь туда, они кладут ее в корзиночки, сплетенные из листьев финиковой пальмы, в подарок царю или кому другому. Зерна у нее крупные (попадались больше чем в три пальца) и чистые, как хрусталь. Египтяне и прочие благочестивые люди пользуются этой солью при жертвоприношениях, считая, что она чище морской. Александр пришел в изумление и восторг от этого места; он вопросил бога и, услышав ответ, который, по его словам, пришелся ему по душе, вернулся в Египет той же самой дорогой, как рассказывает Аристобул. Птолемей, сын Лага, говорит, что он пошел другой — прямо на Мемфис.

В Мемфис пришли к нему многочисленные посольства из Эллады; и не было человека, которого бы он отпустил, не исполнив его просьбы… Египет он устроил таким образом: назначил в Египте двух номархов египтян, Долоаспа и Петисия, и между ними и поделил египетскую землю. Когда Петисий отказался от своей должности, Долоасп принял всю власть. Фрурархами он назначил “друзей”: в Мемфисе Панталеонта из Пидны, в Пелусии Полемона, Мегаклова сына, из Пеллы. Командовать чужеземцами он поставил этолийца Ликида; “писцом” у них Эвгноста, Ксенофантова сына, одного из “друзей”, а “наблюдателями” Эсхила и Ефиппа, сына Халкидея. Управление соседней Ливией он поручил Аполлонию, сыну Харина, а управление Аравией, прилегающей к Герополю, Клеомену из Навкратиса. Ему было приказано оставить номархов управлять их номами по их собственным обычаям, как установлено исстари; ему же собирать с них подати, которые им велено было вносить. Стратегами в войске, которое оставалось в Египте, он назначил Певкеста, сына Макартата, и Балакра, сына Аминты, наархом же Полемона, сына Ферамена… Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой

естественную крепость; поэтому он и счел небезопасным вручить управление всего Египта одному человеку»[1].

Профессор департамента классических и религиозных исследований факультета искусств в университете Оттавы Эдмунд Фредерик Блоедов в статье, посвященной главной цели похода Александра Македонского в Египет, высказал мысль о том, что для ее установления необходимо проанализировать его действия в этой стране. Описание пребывания македонского полководца в Египте, данное Аррианом и другими античными историографами, показывает, что он совершил здесь четыре основных поступка: *во-первых*, принес в Мемфисе «жертву разным богам, в том числе и Апису, и установил празднество с состязаниями гимнастическими и мусическими»; *во-вторых*, основал город-порт Александрию[2]; *в-третьих*, посетил храм Аммона в оазисе Сива; и наконец, *в-четвертых*, дал распоряжения об организации управления Египтом и назначил высших должностных лиц в новую египетскую администрацию.

Совершение обряда жертвоприношения не могло быть, по мнению Э. Блоедова, главной целью египетской экспедиции Александра Македонского. Не было у него какой-либо необходимости идти в Египет и для того, чтобы издать распоряжения относительно системы управления страной и о назначении высших должностных лиц египетской администрации. Что же касается основания Александрии, то профессор Блоедов выразил в своей статье уверенность в том, что решение об этом Александр Македонский принял только в Египте. По его словам, «нет даже самого легкого намека в дошедших до нас источниках на то, что существовал предварительный план этого»[3].

Рассмотрев деятельность македонского полководца в Египте, Э. Блоедов сделал следующее заключение относительно главной цели его пребывания в этой стране: «Так как никакие распоряжения об управлении страной не требовали его присутствия там и

---

[1] *Арриан*. Поход Александра. С. 112–114.

[2] Диодор Сицилийский, Помпей Трог (в пересказе Юстина) и Квинт Курций Руф относили принятие Александром решения об основании Александрии ко времени после посещения им храма Амона в оазисе Сива.

[3] *Bloedow Ed. F.* Egypt in Alexander's Scheme of Things // Quaderni Urbinati di Cultura Classica. New Series. 2004. Vol. 77. № 2. P. 94.

основание города Александрия не являлось заранее планировавшейся целью, то остается только одна возможность — визит к оракулу Аммона в Сиве. Это, как оказалось, было главной целью его похода в Египет. И мотив для него был двояким: затмить своих предков, Персея и Геракла, и спросить оракула о своем божественном происхождении, т. е. добиться подтверждения этого. Соответственно, в решающий момент карьеры Александра его действия определялись не рациональными и военно-стратегическими соображениями, как можно было бы ожидать и что так долго поддерживалось современными критиками, но личными, субъективными предпочтениями, а именно: религиозными, романтико-героическими устремлениями, обуревавшими его до того, как он покинул Македонию»[1].

Посещение храма Аммона в оазисе Сива действительно было наиболее значимым поступком Александра Македонского во время пребывания в Египте. И вряд ли стало случайным то, что никакой другой эпизод его египетской эпопеи не был изложен античными историографами так подробно, как этот.

Диодор Сицилийский начал свое описание египетского похода Александра Македонского с сообщения, что он был «радостно» принят египтянами, «потому что персы оскорбляли их святыни и правили с помощью силы» [2]. После этих слов греческий историограф сразу же приступил к рассказу о том, как македонцы добирались до храма бога Аммона и какие тяготы им приходилось испытывать на этом пути. «Уладив все дела в Египте, Александр отправился к Амону вопросить бога. В середине пути встретили

---

[1] «Since neither arrangements for governing the country required his presence there, nor the founding of the city of Alexandria was a pre-planned objective, we are left with only one possibility — the visit to the oracle of Ammon at Siwah. This, it turns out, was his principal reason for going to Egypt. And the reason for this was twofold: to upstage his relations, Perseus and Heracles, and to consult the oracle about his divine filiality, i.e., to seek confirmation thereof. Accordingly, at a major junction in his career, Alexander's actions were determined by, not rational and strategic military considerations, as one would expect and which for so long has been maintained by modern critics, but by personal, subjective inclinations: religious, roman tic heroism — preoccupations that predate his departure from Macedonia» (ibid. P. 98–99).

[2] *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII / Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинением Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. С. 303.

его послы из Кирены[1], везшие ему венец и великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 превосходнейших лошадей для колесниц четверней. Приняв их, он заключил с ними дружественный союз и вместе со своими спутниками отправился дальше к храму. Подойдя к безводной пустыне, он запасся водой и продолжал путь по стране, где песок лежал горами. Запас воды вышел за 4 дня; найти ее было негде. Всеми овладело отчаяние, как вдруг разразился ливень, который поразительным образом спас людей, нуждавшихся в воде; они, неожиданно спасенные, приписали этот случай промыслу богов. Набрав в какой-то впадине столько воды, сколько хватило бы на 4 дня, они после четырехдневного пути вышли из безводных мест. Дорога потерялась среди безбрежного песка, и проводники объявили царю, что вороны, карканье которых слышится справа, указывают дорогу, ведущую прямо к святилищу. Александр счел этот случай счастливым предзнаменованием и, решив, что бог с радостью его примет, ускорил свой путь. Сначала он наткнулся на так называемое "Горькое озеро", а затем, пройдя 100 стадиев, миновал "города Аммона" и через один день пути подошел к священному участку»[2].

Общение Александра Македонского с оракулом Аммона Диодор описал так, будто сам при нем присутствовал: «Когда жрецы ввели Александра в храм и он увидел бога, старший пророк, человек очень преклонного возраста, подошел к нему со словами: "Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе бог"[3]. "Принимаю

---

[1] Кирена — город-государство, основанный в VII в. греческими колонистами с острова Фера. Во время персидского господства над Египтом Кирена входила в состав египетской сатрапии. Факт вручения Александру Македонскому короны послами из Кирены, свидетельствующий о признании его верховной власти над этим городом, не приводится Аррианом.

[2] *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII. С. 303–304.

[3] Французский перевод этого фрагмента из семнадцатой книги Диодоровой «Исторической библиотеки», сделанный аббатом Террассоном, более смысловой и точнее выражает то, что происходило на самом деле: «A l'égard d'Alexandre qui avoit été introduit dans le temple par les Prêtres; il contemploit la statue du Dieu, lorsque le plus ancien d'entr'eux l'aborda & lui dit d'un ton de Prophéte, ô mon fils! recevés cette dénomination de la part du Dieu (Что касается Александра, введенного жрецами в храм; то он рассматривал статую Бога, когда самый старый из них подошел вплотную и сказал ему тоном пророка: "О мой сын! Прими от Бога это наименование)» (Histoire Universelle de Diodore de Sicile. Traduit en François

твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей". Жрец вошел в святилище, и пока люди, несшие бога, двигались, подчиняясь указаниям божественного голоса, он сказал Александру, что бог обязательно исполнит его просьбу. "Напоследок открой мне то, что я ищу узнать: настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался?" — "Не кощунствуй, — закричал жрец, — нет на земле человека, который мог бы злоумыслить на того, кто родил тебя! Убийцы же Филиппа понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятиях: и раньше ты не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим". Александр обрадовался этому предсказанию и, почтив богов великолепными приношениями, вернулся в Египет»[1].

Квинт Курций Руф описание египетского похода великого македонца начал, так же как и Диодор, с рассказа о том, как тепло он был встречен местным населением. «Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра»[2]. И он вступил на египетскую землю в качестве не завоевателя, но освободителя. Послав пеших воинов в Пелусий, ключевой город дельты Нила, Александр «с отборным отрядом воинов и без обоза» поплыл по реке к Мемфису. Персидские гарнизоны никакого сопротивления ему не оказывали. «От Мемфиса по той же реке, — продолжает свой рассказ Квинт Курций Руф, — царь проникает во внутренние области Египта и, организовав все

---

par Monsieur l'Abbé Terrasson, de l'Académie de Françoise. Tome cinquième. A Paris, M. DCC. XLIV (1744). P. 100). В 1846 г. был опубликован новый перевод на французский язык «Исторической библиотеки» Диодора. Приведенный фрагмент семнадцатой книги был изложен в несколько измененном содержании: «Lorsqu' Alexandre fut introduit dans le temple et qu'il apercu la statue du dieu, le prophète, home très-âge, s'avança ver lui et lui dit: "Salut, ô mon fils, recevez se nom de la part du dieu"» (Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 3. Paris, 1846. P. 231).

[1] *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII. С. 304–305.

[2] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С приложением сочинением Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. С. 62.

управление так, чтобы ни в чем не нарушать отеческих обычаев египтян, решил отправиться к оракулу Юпитера-Аммона»[1].

Примечательно, что Александр Македонский не отказался от решения посетить храм Аммона даже после того, как узнал, что дорога к нему проходит через жаркую, безводную и труднопроходимую пустыню, причем занимает она несколько дней. «Ему предстоял путь, едва доступный по трудности лишь немногим, и притом опытным людям, — писал Квинт Курций Руф. — Там недостает влаги на земле и в воздухе, простираются бесплодные пески, пышущие невыносимым жаром, и почва, раскаленная от солнечных лучей, обжигает ноги. Там надо бороться не только с жарой и засухой, но еще и с сыпучим и очень глубоким песком, в котором вязнут ноги. Египтяне преувеличивали значение этих трудностей, но Александра побуждало страстное желание дойти до храма Юпитера, которого он, не довольствуясь происхождением от смертных, считал своим прародителем, или хотел, чтобы его таковым считали»[2].

Четыре дня Александр и его воины шли по пустыне, пока не добрались до святилища бога. У храма их встретил старейший жрец, который назвал македонского царя сыном Аммона. Александр сказал в ответ, что принимает и признает данное звание, отрекаясь от человеческого жребия. Затем, согласно рассказу Квинта Курция Руфа, «он спросил, надо всем ли миром отец его предназначил ему иметь власть. Жрец, продолжая льстить ему, объявил, что он будет правителем всех земель. После этого царь спросил, все ли убийцы его отца наказаны. Жрец ответил, что его отец недоступен для преступления, но убийцы Филиппа наказаны; он добавил, что царь будет непобедим, пока не отойдет к богам»[3].

Далее историограф сообщил, что Александр совершил жертвоприношение и поднес дары жрецам и богу. Его спутникам также было разрешено обратиться к Юпитеру-Аммону с вопросами, но они, по его словам, «ни о чем другом не спросили, как о том, разрешает ли им Юпитер воздавать своему царю божеские почести. Жрец ответил, что Юпитеру тоже приятно (чтобы они воздава-

---

[1] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 62.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 64.

ли божеские почести своему царю-победителю). Правдиво и свято верящим ответы оракула могли, конечно, показаться пустыми; но судьба часто побуждает тех, кого приучила полагаться лишь на нее, более жаждать славы, чем быть достойными ее»[1].

Страбон, рассказывая в своей «Географии» о визите Александра Македонского в храм Аммона, привел некоторые, взятые у Каллисфена, весьма интересные подробности, о которых умолчали другие античные историографы. Посетовав, что писатели, рассказывавшие до него о подвигах великого македонца, сообщая «кое-что, достойное доверия», «прибавляли много лести», Страбон написал далее: «Александр выступил из Паретония и попал в полосу южных ветров, но был вынужден продолжать путь, сбившись затем с пути от поднявшихся облаков летучего песка; он был спасен наступившими ливнями и двумя воронами, которые указали ему дорогу. Этот рассказ уже является лестью, такого же рода и следующий о том, что жрецы разрешили только одному царю войти в храм в обычной одежде: остальные же должны были переодеться и (кроме Александра) слушать изречения оракула, находясь вне храма, и только он — из храма. Ответы оракула давались не словами, как в Дельфах и у Бранхидов, но большей частью кивками и знаками, как у Гомера:

Рек и во знаменье черными Зевс помавает бровями (Ил. I, 528)

Причем прорицатель принимал на себя роль Зевса. Однако прорицатель в точных выражениях сказал царю, что он — сын Зевса»[2].

Из приведенных описаний посещения Александром Македонским храма Аммона в оазисе Сива видно, что и сам он придавал данному мероприятию повышенное значение. Но можно ли это посещение считать главной целью его египетского похода? Думается, для македонского полководца важное значение имело не само по себе общение с оракулом бога Аммона, но та ценность, которая приобреталась им в результате его участия в этой религиозной церемонии, а именно — *религиозно освященный, а значит, законный и общепризнанный титул египетского фараона*.

---

[1] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 64.

[2] *Страбон*. География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 750.

Бог Аммон считался в Египте со времен Среднего царства главным богом Египта и звался «господином тронов обеих земель Верхнего и Нижнего Египта»[1]. В связи с этим мыслилось, что именно от него каждый верховный властитель получает властные правомочия. По словам Гастона Масперо, «Амон являлся с давних времен в Фивах и в колониях не только верховным богом-господином, но и предком, от которого происходили все фараоны, являвшиеся настоящими суверенами Египта. Таким образом, он унаследовал права бога Ра, который был первым главой божественных династий, а затем человеческих: все монархи имели в своих венах кровь Ра или, по-фивански, кровь Амон-Ра»[2].

Церемония наделения нового фараона властными полномочиями совершалась в храме Аммона в Карнаке. Во время нее фараон объявлялся сыном Аммона и властителем над всей землей. Самый ранний из известных случаев восшествия на трон посредством такой церемонии связан со вторым фараоном XII династии, именуемым в исторической литературе как Сенурсет I (приблизительно 1971–1926 гг. до н.э.). Текст, написанный на папирусе Весткар[3], содержит следующее заявление бога Аммона, сделанное в процессе церемонии восшествия на престол царицы Хатшепсут: «Я даю тебе всю жизнь и удовлетворение, всю стабильность, всю радость сердца со мной; Я даю тебе все здоровье, все земли; Я даю тебе все страны, всех людей»[4]. Еще один пример подобной церемонии есть в тексте, начертанном на папирусе Харриса[5]. Здесь приводятся благодарственные слова Рамсеса III в адрес Аммона. «Именно

---

[1] Данная надпись сопровождает образ бога Аммона, начертанный на стене погребального храма Рамсеса III, расположенного в западной части Фив (см.: *Wilkinson R. H.* The Comlete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. New York, 2003. P. 96.

[2] *Maspero G. C. Ch.* Comment Alexander devint Dieu en Égypte // Maspero G. C. Ch. Études de mythologie et d'archéologie égyptiennes. Tome 6. Paris, 1912. P. 275.

[3] Такое название документу дано по имени его первого обладателя — мадам Весткар. Данный папирус датируется началом правления XVIII династии.

[4] Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 2. The Eighteenth Dynasty. Chicago, 1906. P. 82.

[5] Обнаружен в 1855 г. в районе Фив местными жителями. Продан ими господину А. Харрису, отсюда и название — папирус Харриса. Датируется временем правления фараона Рамсеса III.

Ты, — говорит фараон богу, — создал небеса и землю; и Ты назначил меня быть властителем над двумя землями и правителем на твоем великом троне. Ты дал мне все земли под солнцем»[1].

На стеле, обнаруженной в начале 60-х годов XIX века на горе Гебел Баркал (400 км от Хартума), сохранились надписи и рисунки происходившей в храме бога Аммона церемонии наделения властью Рамерки Аспалута, второго фараона двадцать пятой — кушитской (эфиопской) династии[2]. На рисунке изображен Рамерка Аспалут, стоящий на коленях перед Аммоном и его супругой, госпожой небес Мут. Из надписей следует, что богиня сообщает фараону: «Я даю тебе всю жизнь и власть, все здоровье и радость навсегда». А бог наставляет: «Мой возлюбленный сын! Я даю тебе восход Ра, его власть над этим местом! Я возлагаю на твою голову две короны непоколебимые как небеса, опирающиеся на четыре столба! Живи, процветай, заботься о своем обновлении и регулярном возвращении в молодость подобно Ра. Навсегда пусть все земли и все чужие страны будут собраны под твоими двумя сандалиями!»[3]

Подобных случаев можно привести много. Из них очевидно, что *общение Александра Македонского с оракулом в храме Аммона*

---

[1] Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. P. 142.

[2] В списке фараонов XXV династии, который приводится в «Египтиаке» Манефона, Рамерка Аспалут даже не упоминается. Однако о том, что такой фараон действительно существовал и правил в Египте (во второй половине VIII в. до н.э.), свидетельствуют много различных надписей. Так, в одной из них описывается как «царь Верхней и Нижней стран, Рамерка, сын Солнца Аспалут» совершает жертвоприношение Амону-Ра. См.: Inscription of Queen Madsenen. Translated from Egyptian text by Paul Pierret and translated from the French be G. Maspero // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 4. Egyptian Texts. London, 1875. P. 88. Царица Мадсенен была супругой Рамерки Аспалута. О том, что он был вторым фараоном эфиопской династии, говорится в сообщении об археологических открытиях 1911 г. в первом номере «Американского журнала археологии» за 1912 г. См.: *Bates W.* Archaelogical News. Notes on Recent Excavations and Discoveries // American Journal of Archaeology. 1912. Vol. 16. № 1. P. 115.

[3] Stele of the Coronation // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 6. Egyptian Texts. London, 1876. P. 72.

был не чем иным, как церемонией, освящавшей передачу ему верховной власти над Египтом. «Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе бог», — этими словами встретил его, по рассказу Диодора, который выше приводился, оракул Аммона. «Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей». О том, что между оракулом Аммона и македонским полководцем состоялся именно такой, *исключительно ритуальный*, разговор, показывает и цитировавшееся выше произведение Квинта Курция Руфа. Согласно ему Александр «спросил, надо всем ли миром отец его предназначил ему иметь власть». Оракул же ответил, что «он будет правителем всех земель».

Полное соответствие данного разговора ритуальным фразам, которые начиная с эпохи «Нового царства» произносились во время совершавшейся в храме Аммона церемонии вступления на престол нового фараона, свидетельствует о том, что историографы правильно передали его содержание. Однако глубинный, религиозно-мистический и одновременно политический смысл короткой беседы Александра Македонского с оракулом Аммона они совершенно не поняли.

Некоторые античные писатели обращенную к богу Аммону просьбу македонского полководца дать ему власть над «всей землей» расценили как проявление в нем стремления к мировому господству. Квинт Курций Руф, приведя слова оракула о том, что Александр «будет правителем всех земель», и сообщив после них, что «царь не только позволил называть себя сыном Юпитера (т. е. Аммона. — *В. Т.*), но даже отдал об этом приказ»[1], высказал мнение, что македонский полководец «хотел этим возвеличить славу своих подвигов»[2].

Луций Флавий Арриан визит Александра в храм Аммона в оазисе Сива объяснил его желанием узнать свое будущее. По словам историографа, великий македонец «хотел вопросить бога — говорили, что предсказания Аммона сбываются в точности и что именно он предсказал Персею и Гераклу: одному, что Полидект пошлет его против Горгоны, а другому, что он придет к Антею в

---

[1] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 64.

[2] Там же.

Ливию и к Бусириду в Египет. Александр стремился подражать и Персею, и Гераклу; вдобавок, происходя из рода обоих, он возводил свое происхождение к Аммону, как возводят мифы происхождение Геракла и Персея к Зевсу. Итак, он отправился к Аммону, рассчитывая, что он в точности узнает о том, что его касается, или по крайней мере сможет сказать, что узнал»[1].

Арриан не указал, что заимствовал данное объяснение у Каллисфена. Зато это сделал Страбон, который не стал гадать насчет причины, побудившей македонского полководца прийти в храм Аммона, а просто сообщил: «Каллисфен говорит, что жажда славы побудила Александра подняться по Нилу к оракулу, так как он слышал о том, что в прежние времена Персей и Геракл совершили такое путешествие»[2].

Юстин же в посещении Александром храма Аммона увидел всего лишь его желание приписать себе божественное происхождение. В составленной им эпитоме сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum» это событие было представлено в качестве осуществленной македонским царем хитроумной операции. Отметив, что «Александр без борьбы занял Родос, Египет и Киликию», Юстин далее рассказал: «Затем он направился к Юпитеру Амону, чтобы вопросить [бога] о том, что ожидает его в будущем, а также и о своем происхождении, ибо мать Александра, Олимпиада, призналась давно своему мужу Филиппу, что зачала Александра не от него, а от громадной величины змея. Да и Филипп в последние годы своей открыто заявлял, что Александр не его сын. По этой-то причине Филипп и развелся со своей женой, как с уличенной в разврате. Поэтому-то Александр, желая приписать себе божественное происхождение и вместе с тем обелить мать, через посланных вперед лиц [тайно] подсказывает жрецам, какой ответ они должны ему дать. Когда Александр вошел в храм, жрецы тотчас же приветствовали его как сына Аммона. Довольный тем, что бог признал его сыном, он приказывает считать Аммона своим отцом. Затем он спрашивает: всем ли убийцам отца отомстил? — и получает такой ответ: его отец не может быть убит и не может умереть; отмщение же за царя Филиппа завершено

---

[1] *Арриан.* Поход Александра. С. 112.

[2] *Страбон.* География в 17 книгах. С. 750.

полностью. На третий же вопрос ему было дано в ответ, что дарует ся ему победа во всех войнах и власть над всеми землями»[1].

Все содержание приведенного отрывка из «Эпитомы» Юстина показывает, что о подлинном смысле беседы Александра Македонского с оракулом Аммона его автор даже не догадывался[2]. Чего стоит одно только его утверждение о том, что македонец будто бы подсказал жрецам, какой ответ они должны ему дать. Данный ответ был для египетских жрецов очевидным без всякой подсказки, так как признание Александра сыном Аммона являлось частью старинной церемонии, совершавшейся в Египте более тысячи лет и оформлявшей восшествие на престол нового фараона.

Другая часть этой церемонии была совершена в Мемфисе, в храме бога Птаха. О том, что происходило во время нее, описал в своей «Истории Александра Великого» Ахилл Татий: «По всем городам прорицатели встречали Александра, вынося изображения своих богов и провозглашая его новым Сесонхосисом, владыкой мира. Когда он прибыл в Мемфис, его посадили на трон в тронном святилище Гефеста и одели в пышное одеяние как царя Египта.

Александр видит статую из черного камня и надпись на подножии ее: “Бежавший царь вновь придет в Египет, не состарившись, а помолодев, и подчинит нам наших врагов персов”. Александр спросил, чья это статуя. Ему отвечали:

— Это наш последний царь Нектанеб. Когда персы выступили, чтобы завоевать Египет, он при помощи волшебства увидел, что египетские боги вышли навстречу неприятельским лагерным начальникам, и, поняв, что боги его предали, спасся бегством. Когда же мы стали искать его и вопрошать наших богов, куда бежал наш царь, бог так вещал нам из святилища Синопейского храма: “Бежавший царь снова придет в Египет, не постарев, а помолодев, и наших врагов — персов — он подчинит нам”.

Услышав это, Александр вскакивает на подножие статуи, обнимает ее и говорит: “Это мой отец. Я — его сын. Оракул бога вам не солгал. Впрочем, я удивляюсь, как это вы покорились вар-

---

[1] *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». М., 2005. С. 91.

[2] Если Юстин в данном случае лишь воспроизвел в своем сочинении написанное в «Истории Филиппа», то этим автором был, следовательно, Помпей Трог.

варам, между тем как у вас есть стены нерукотворные, которых не может разрушить неприятель: ведь кругом реки, они охраняют ваш город, и извилистые, труднопроходимые дороги, по которым не могут продвигаться огромные войска. Вот я пришел к вам с небольшим отрядом, да и то мы страдали от бездорожья. Но надо приписать промыслу богов и их справедливости то, что вы, обладатели плодородной земли и живительной реки, подпали под власть тех, у кого нет ни того, ни другого. Если бы вы, обладая дарами, какие есть у вас, еще бы и царили, то варвары, лишенные этих даров, вымерли бы. Поэтому они имеют военную мощь, а вы, обладающие земледельческим искусством, находитесь в услужении у тех, кто его не знает, так что неимущие получают от имущих". Сказав так, Александр потребовал дани, которую они приготовили для Дария. "Не для того, — сказал он, — чтобы сделать вклад в собственную казну, а для того, чтобы я мог покрыть издержки по строительству вашего же города — Александрии, расположенной в Египте, но являющейся столицей вселенной". После таких его слов они охотно дали деньги и с почетом проводили его через Пелусий»[1].

По рассказу Арриана, пребывая в Мемфисе, Александр Македонский «принес жертву разным богам, в том числе и Апису»[2]. Данное жертвоприношение являлось, возможно, частью торжественной церемонии, освящавшей его вступление на трон фараона: Апис, выступавший в облике священного буйвола, считался в официальной египетской религиозно-политической мифологии воплощением бога Птаха.

О том, что Александр Македонский стал фараоном Египта в результате не только завоевания этой страны, но и пройдя соответствовавшую египетской традиции верховной власти торжественную церемонию и надлежащие религиозные ритуалы, свидетельствует и его фараонская титулатура, образцы которой сохранились на некоторых древнеегипетских архитектурных сооружениях. Знаки данной титулатуры, обрамленные традиционным египетским картушем, были высечены, например, над вхо-

---

[1] *Ахилл Татий*. История Александра Великого // Поздняя греческая проза / Пер. с древнегреч. под ред. М. Е. Грабарь-Пассек и С. В. Поляковой. М., 1961. С. 408–409.

[2] *Арриан*. Поход Александра. С. 111.

дом в храм Тутмосиса III, который Александр после того, как стал фараоном, распорядился восстановить. Немецкий археолог Курт Зете напечатал рисунок этого картуша со знаками, обозначающими титулатуру фараона Египта Александра, в первом томе книги «Иероглифические документы греко-римской эпохи»[1]. Картуш с титулами Александра Македонского сохранился и на одном из древнеегипетских папирусов (№ 10188), хранящихся в Британском музее[2].

Знаки в картуше Александра Македонского показывают, что его фараонская титулатура была построена в полном соответствии с египетской традицией. Традиционными были и составлявшие ее имена и эпитеты верховного властителя. Так, в качестве ее первого элемента указывалось Хорово имя со всеми подобающими эпитетами. Представленный в качестве бога Хора Александр назывался могущественным монархом, атакующим иностранные земли, и защитником Египта. Последующие элементы титулатуры составляли знаки, которые можно перевести словами: «царь Верхнего и Нижнего Египта, избранный Ра, возлюбленный Аммона, сын Солнца, Александр, сын Аммона»[3].

Содержание соответствовавшей египетской религиозно-политической традиции титулатуры фараона показывает, что статус египетского верховного властителя предполагал наличие у его носителя звания сына бога Аммона. В свою очередь, звание сына бога Аммона было неотъемлемой частью фараонского статуса. Нельзя было являться сыном Аммона и при этом не быть фараоном. Невозможно было стать фараоном, не став сыном Аммона.

Таким образом, пребывание Александра Македонского в Египте позволило ему совершить в храме бога Птаха в Мемфисе и в храме Аммона в оазисе Сива необходимые для приобрете-

---

[1] См.: Weihinschrift Alexanders des Großen üder der Thüre des von ihm neu erbauten Janktuars im Festtempel Thutmosis III zu Karnak // Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Bd. 1. Bearbeitet von Kurt Sethe. Leipzig, 1904. S. II.6.

[2] См.: The History of Alexander the Great, being the Syric Version of Pseudo-Callisthenes. Edited from five manuscripts with an English translation and notes by Ernest A. Wallis Budge. Cambridge, 1889. P. XLI.

[3] Цит. по: Там же. P. LI.

ния статуса верховного властителя Египта священные церемонии и ритуалы. В этом и заключался, по-моему убеждению, главный смысл его египетской эпопеи. Главной же целью египетского похода Александра Македонского было получение им законного и потому признаваемого всеми титула фараона.

Но для чего ему понадобился данный титул?

Из описаний античными историографами его вступления в Египет видно, что местное население признало Александра своим правителем сразу, как только он вступил на египетскую землю. То есть самого факта его победы над прежним властителем Египта Дарием III было вполне достаточно для того, чтобы он мог властвовать над египтянами.

Любопытно, что титул главы персидской державы не привлек внимания Александра Македонского, хотя носитель его обозначался как «царь царей». Александр не принял на себя этого высокого титула даже после окончательного разгрома Персидской державы и смерти Дария III. Звание же египетского фараона со всеми его традиционными атрибутами македонский полководец счел необходимым принять на себя и для совершения подобающих при восшествии на фараонский трон ритуалов отправился в Египет.

Момент, который он выбрал для египетского похода, был весьма неудачным с точки зрения его интересов в военной кампании против Дария III. Отъезд Александра в Египет до ее завершения давал персидскому царю многомесячную передышку, а с нею возможность собрать новую армию и лучше подготовиться к будущим сражениям, с тем чтобы переломить ход войны с Македонией в свою пользу. Почему же македонский полководец счел возможным ради звания египетского фараона подвергнуть риску судьбу своего государства в военном столкновении с Персидской державой?

Разгадка этой тайны содержится в письмах, которыми обменялись между собой после битвы при Иссе Дарий III и Александр Македонский. Первым написал персидский царь. Он потребовал от Александра вернуть ему мать, жену и детей за выкуп, равный денежной сумме, которую можно собрать со всей Македонии, и предложил на равных условиях сразиться с ним за царство. У македонского царя это письмо вызвало сильное раздражение «своим заносчивым тоном», но «особенно его возмутило, что Да-

рий приписал себе царский титул[1], но не прибавил его к имени Александра»[2].

В ответном письме Александр, перечислив прегрешения персидского царя, заставившие македонцев пойти на него войной, заявлял: «Я теперь *владыка всей Азии*; приходи ко мне. Если ты боишься, что я причиню тебе какое-либо зло, то пошли кого-либо из близких тебе получить для себя гарантии безопасности. Когда ты придешь ко мне, я верну тебе, по твоей просьбе, и мать, и жену, и детей и дам все, что ты еще пожелаешь. О чем ты меня ни попросишь, все будет твое. В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к *царю Азии*, а не обращайся как к равному»[3] (курсив мой. — *В. Т.*). Очевидно, что под «Азией» в данном случае подразумевалась не вся территория Азиатского континента, но лишь та, которую Александр Македонский мог контролировать или надеялся в будущем подчинить своей власти. Ясно, что под понятие «Азия» им подводилась и территория, которая в настоящее время считается Северной Африкой.

Победа Александра Македонского в битве при Иссе была его второй по счету победой над персидским царем. Она сделала совершенно реальной для македонского полководца перспективу получить власть над обширными территориями Азии. В связи с этим перед ним возникала задача идеологического, политического и юридического оформления своего нового статуса, а значит, и проблема подбора нового, в полной мере соответствовавшего этому статусу, титула. Звание «басилевса Македонии», которое Александр в то время носил[4], его статусу господина Азии не соответствовало. Оно и в рамках Македонского государства еще не устоялось, а для других стран вообще ничего не значило. К тому же традиция македонской верховной власти предполагала слиш-

---

[1] Дарий III не имел, в отличие от Александра Македонского, царского происхождения.

[2] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 46.

[3] *Арриан*. Поход Александра. С. 99.

[4] См. о титуле македонского царя: *Errington R. M.* Macedonian ‘Royal Style’ and Its Historical Significance // The Journal of Hellenic Studies. 1974. Vol. 94. P. 20–37; *Hammond N. G. L.* The King and the Land in the Macedonian Kingdom // The Classical Quarterly. New Series. 1988. Vol. 38. № 2. P. 390.

ком много ограничений со стороны общества при ее осуществлении[1].

В этих условиях для Александра было вполне логичным принять на себя титул «царя Азии». Однако данный титул не имел исторических основ и не опирался на какую-либо традицию. В связи с этим он был лишен какого-либо идеологического наполнения и политического значения. Звание «царя Азии» могло получить идеологически и политически весомый смысл только в одном случае — если оно становилось общим выражением совокупности традиционных титулов верховных властителей если не всех, то хотя бы крупных и влиятельных государств азиатского региона. Титул египетского фараона имел для Александра в данной ситуации особое значение.

Во-первых, это был самый древний, а значит, покоящийся на самой прочной религиозно-политической традиции монархический титул. *Во-вторых,* он предполагал божественность верховного властителя, а значит, высшую степень его авторитета в обществе. *В-третьих*, он имел богатейшее духовное наполнение. Титул фараона Египта выражал в концентрированной форме целую систему политико-религиозной мифологии, особый тип мировоззрения и соционормативной культуры. *В-четвертых*, идеология, составлявшая духовное наполнение данного титула, была в значительной мере не только египетской, но и общечеловеческой. Не случайно многие из богов, которым поклонялись египтяне, являлись одновременно богами греков, македонцев и других народов. *В-пятых*, титул фараона был универсальным по своему характеру. Пространством его власти считался весь мир: египетский фараон мыслился верховным властителем, ответственным за весь космос, за всю землю, все народы.

Универсальность фараонского титула особо подчеркивалась ритуалом, совершавшимся при его принятии в храме Аммона, когда оракул объявлял о том, что фараон является сыном этого бога и получает власть над всей землей. Со времен «Нового царства» местом, где происходила данная церемония, был, как правило, храм Аммона в Фивах. Александр Македонский предпочел

---

[1] *Samuel A. E.* Philip and Alexander as Kings: Macedonian Monarchy and Merovingian Parallels // The American Historical Review. 1988. Vol. 93. № 5 (Dec.). P. 1270–1278.

ему другой храм — в оазисе Сива, несмотря на то, что до последнего добраться было намного труднее, чем до первого. Фиванский Аммон был до персидского завоевания Египта самым авторитетным среди данного рода богов. И это неслучайно: Фивы являлись до этого момента важнейшим египетским политическим и религиозным центром. Они оставались таковым даже после того, как резиденция фараонов переместилась на север — на территорию дельты Нила. Но ко времени прихода в Египет македонского полководца Фивы были в явном упадке. Фиванские храмы, разграбленные персидскими завоевателями, так и не восстановились. И среди храмов Аммона самым большим авторитетом пользовался тогда тот, который располагался в оазисе среди ливийской пустыни. Он был известен не только египтянам, но также македонцам, грекам, римлянам и другим народам Средиземноморья. Бог, которому был посвящен храм в оазисе Сива, считался ими Зевсом или Юпитером[1]. При этом для египтян он оставался Аммоном[2]. Для Александра Македонского, желавшего получить законный и признаваемый не только в Египте, но и во всем Средиземноморье титул фараона, трудно было придумать более удачное место совершения необходимых для восшествия на фараонский трон ритуалов, чем храм Аммона в оазисе Сива. *Да и сам титул фараона, освященный в храме бога, который признавался авторитетным не только в Египте, но и во многих других странах, а по сути, на всем пространстве военных походов македонского полководца, приобретал универсальное зна-*

---

[1] Есть немало свидетельств тому, что греки отождествляли бога Аммона с Зевсом по меньшей мере за два века до Александра Македонского. Геродот Галикарнасский изложил во второй книге своей «Истории» легенду, услышанную им во время пребывания в греческом городе Додоне: «Две черные голубки однажды улетели из египетских Фив, одна — в Ливию, а другая к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы поняли это как волю божества и исполнили ее. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там прорицалище Аммона. И это также — оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрецы» (*Геродот.* История в девяти книгах. М., 1993. С. 98). Из этого сообщения Геродота следует, что в середине V века до н.э. отождествление бога Аммона с Зевсом было уже традицией.

[2] См. об этом: *Maspero G. C. Ch.* Comment Alexander devint Dieu en Égypte. P. 275.

чение. Его носитель вполне мог начинать строить обширную империю.

Согласно Арриану, перед последней битвой с Дарием III Александр Македонский просил своих военачальников сказать солдатам, «что в этом сражении они будут сражаться не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, а за *всю Азию*; решаться будет, кто должен ею править»[1] (курсив мой. — *В. Т.*). По сообщению Плутарха, Александр после этой битвы, состоявшейся под Гавгамелами, был провозглашен «*царем Азии*»[2]. Данное провозглашение состоялось после того, как он стал в результате совершения необходимых религиозных церемоний законным фараоном Египта. Вряд ли это было простым совпадением.

После битвы под Гавгамелами Александр направился в Вавилон. Факты о его пребывании в этом городе, приведенные Арианом, позволяют утверждать, что македонский полководец был официально возведен на трон вавилонского царя. По словам историографа, «когда он был недалеко от Вавилона и вел войско уже в боевом порядке, навстречу ему всем народом вышли вавилоняне с правителями и жрецами, каждый с дарами. Город, кремль и казна были сданы. Александр, вступив в Вавилон, приказал вавилонянам восстановить храмы, которые Ксеркс велел разрушить, в том числе и храм Бела, бога, особенно чтимого вавилонянами[3]. Сатрапом Вавилона он поставил Мазея; начальство над войском, оставленным Мазею, поручил Аполлодору из Амфиполя, а сбор податей Асклепиодору, сыну Филона. Сатрапом в Армению он отправил Мифрена, который сдал ему в Сардах акрополь. В Вавилоне встречался он, конечно, с халдеями, выполнил все пожелания халдеев относительно вавилонских храмов и принес, между прочим, жертву Белу по их указаниям»[4]. Действия, которые совершал в Вавилоне, согласно рассказу Арриана, Александр Македонский — в особенности жертвоприношение Белу-Мардуку, который отождествлялся с египетским Аммоном и греческим Зевсом, и издание распоряжения о восстановлении храмов, — мог совер-

---

[1] *Арриан.* Поход Александра. С. 118.

[2] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Том 2. С. 139.

[3] Другое наименование этого бога — Бел-Мардук.

[4] *Арриан.* Поход Александра. С. 124.

шать здесь, как и в Египте, лишь человек, имевший официальный царский титул[1].

По сравнению с титулом египетского фараона звание вавилонского царя было на тысячу с лишним лет менее древним, но зато оно превосходило древностью другие титулы верховных властителей на территориях тогдашней Азии, на которые распространялась власть Александра Македонского. Вместе с тем это звание опиралось на мощную религиозную традицию, хранителями которой были вавилонские жрецы-халдеи. Титул египетского фараона в соединении с титулом вавилонского царя возвышал Александра Македонского над всеми правителями средиземноморских и азиатских государств, придавая надлежащий политический смысл и авторитет принятому им на себя званию «царя Азии».

По роковому стечению обстоятельств именно с Вавилоном и Египтом оказалась связана и посмертная судьба великого македонца.

Умер Александр 10 июня 323 года в Вавилоне во дворце Навуходоносора[2]. Но похоронить себя завещал в Египте. Перед смертью

---

[1] См. о принятии Александром титула вавилонского царя: *Fredricksmeyer E. A.* Alexander the Great and the Kingship of Asia // Alexander the Great in Fact and Fiction / Edited by A. B. Bosworth and E. J. Baynham. Oxfor, 2000. P. 146–147.

[2] О причинах смерти Александра Македонского историки до сих пор спорят, сталкивая между собой версию его кончины от какой-либо болезни и версию его отравления. См., например: *Bosworth A. B.* The Death of Alexander the Great: Rumour and Propaganda // The Classical Quarterly. New Series. 1971. Vol. 21. № 1 (May). P. 112–136; *Engels D.* A Note on Alexander's Death // Classical Philology. 1978. Vol. 73. № 3 (Jul.). P. 224–228. Очевидно, что любые высказывания о причине смерти великого македонца могут быть лишь предположениями. Содержащиеся в сочинениях античных историографов описания состояния Александра в последние дни его жизни дают много оснований утверждать, что умер он от какой-то болезни (например, малярии). Однако, в данных сочинениях приводится немало фактов, пусть и косвенных, говорящих в пользу версии отравления. «Многие думают, — писал о возможной причине смерти Александра Квинт Курций Руф, — что он был умерщвлен ядом, который дал ему по приказанию отца сын Антипатра, по имени Иола, бывший среди слуг царя. Часто, правда, слышали слова Александра, что Антипатр претендует на царское достоинство, что он, гордясь своей победой над спартанцами, считает себя по силе выше обычного военачальника и что все получаемое от царя приписывает себе. Думали также, что Кратер был послан для убийства с отрядом ветеранов. Сила яда, добываемого в Македонии, такова, что он разрывает даже подковы, но копыто животного его выдерживает. Источник, из которого добывают этот яд, называют Стиксом; его

он «распорядился, чтобы тело его было отвезено в храм Аммона»[1]. И готовили его к погребению египетские и вавилонские жрецы[2].

Праху умершего фараона придавалось в Египте религиозно-мистическое и одновременно политическое значение. Забота о его погребении в соответствии с традициями страны, оказание ему надлежащих почестей, сохранение памяти о нем — все эти действия были для фараона живого не просто выполнением одной из главных его функций: они составляли одно из важнейших свидетельств его *легитимности*. Считалось, что умерший фараон продолжает властвовать через фараона живого, питая его духовной энергией, исходящей из погребения, которое в соответствии с таким воззрением рассматривалось в качестве обители души того, чье тело упокоено в нем.

Данное воззрение на умершего верховного властителя получило в Египте наивысшее развитие и выразилось в самых ярких

привез Кассандр и передал брату Иоле, а этот влил его в питье царя. Как бы этому слуху ни верили, его заставило забыть могущество тех, кого он задевал. Ведь Антипатр захватил царство Македонское, а также и Грецию. Власть его переняли его потомки, так как были истреблены все, кто остался в каком-либо родстве с Александром» (*Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 244). На вероятность смерти Александра от яда указывали и другие античные историографы. См.: *Арриан*. Поход Александра. С. 244–245; *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Том 2. С. 164; *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII. С. 346–347. Юстин писал: «Когда Александр Великий скончался во цвете лет на вершине славы, во всем Вавилоне воцарилось скорбное молчание… Все варварские народы, недавно им побежденные, оплакивали его не как врага, но как отца. И мать царя Дария, которая, потеряв сына и сменив царственное величие на положение пленницы, тем не менее до этого дня не жаловалась на свою жизнь — настолько милостив был к ней победитель, — когда услыхала о его смерти, наложила на себя руки, не потому что она врага предпочла сыну, но потому, что в том, кого она боялась как врага, она встретила сыновнюю почтительность. Напротив, македонцы радовались, как будто потеряли не согражданина своего, столь великого царя, но врага, проклиная и его чрезмерную строгость, и постоянные военные опасности. Кроме того, вожди [войска] домогались царства и власти, а рядовые воины — сокровищ и несметных запасов золота, считая их нежданной своей добычей; одни намеревались стать преемниками высшей власти, другие — наследниками огромных богаств, ибо в казне было пятьдесят тысяч талантов и податные сборы давали ежегодно по тридцать тысяч талантов» (*Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». С. 110).

[1] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 233.

[2] См.: Там же. С. 243.

формах, но в различных своих вариантах и формах, пусть менее развитых и ярких, оно было распространено во всей Азии, а также в Греции и Македонии. В связи с этим борьба за власть, разгоревшаяся после смерти Александра между его соратниками, неизбежно становилась, помимо прочего, еще и борьбой за его прах[1].

По этой причине тело Александра оставалось не погребенным почти два года. В конце концов, все случилось так, как и должно было случиться: в борьбе за царский прах победил тот соратник Александра, который получил в управление Египет, а именно: Птолемей Лаг. «Тело Александра было, наконец, перевезено Птолемеем, которому достался Египет, в Мемфис, а оттуда, через несколько лет, — в Александрию. Имени и памяти его там воздаются всяческие почести»[2]. Такими словами Квинт Курций Руф закончил свою «Историю Александра Македонского», умолчав о том, каким образом Птолемею удалось завладеть прахом царя.

Рассказ об этом можно найти у Павсания — древнегреческого путешественника и писателя, жившего во II веке н.э. В его «Описании Эллады» содержится следующее сообщение о Птолемее: «По смерти Александра он восстал против тех, которые хотели передать всю власть Арридею[3], сыну Филиппа; он оказался главным виновником того, что отдельные народы распались на отдельные царства. Он сам переправился в Египет[4], убил Клеомена, которого Александр поставил в качестве сатрапа над Египтом, считая его сторонником Пердикки[5] и поэтому человеком, которого нель-

---

[1] См. об этом: *Erskine A.* Life after Death: Alexandria and the Body of Alexander // Greece & Rome. Second Series. 2002. Vol. 49. № 2 (Oct.). P. 167–171.

[2] *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С. 233.

[3] Сводный брат Александра Македонского Арридей был провозглашен после его смерти новым царем под именем Филиппа.

[4] В действительности Птолемей получил Египет при распределении между военачальниками управления провинциями империи Александра Македонского. «Египет с частью Африки и Аравии, — писал об этом Юстин, — первым получил Птолемей, некогда за доблесть назначенный Александром в полководцы из рядовых. В помощники для управления провинцией ему дают Клеомена, построившего Александрию» (*Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». С. 113). В других вариантах рукописи произведения Юстина указывалось, что Помпей получил «Египет с частью Африки, Азии и Ливии».

[5] Пердикка был военачальником Александра Македонского, занимая в момент его смерти принадлежавший прежде Гефестиону пост хилиарха, начальни-

зя считать верным и преданным ему, Птолемею; македонян, назначенных перевезти тело Александра в Эги, он убедил передать тело (Александра) ему. И он похоронил его по македонскому обряду в Мемфисе; зная, что за это Пердикка пойдет на него войною, он держал Египет на военном положении. Для того, чтобы дать этому походу благовидный предлог, Пердикка взял с собою Арридея, сына Филиппа, и мальчика Александра, родившегося от Роксаны, дочери Оксиарта, и Александра (Македонского. — *В. Т.*); на самом же деле он злоумышлял против Птолемея, желая отнять у него царство над Египтом. Изгнанный из Египта, когда и другие военные дела шли у него не блестяще, а кроме того, оклеветанный перед македонянами, он был убит своими телохранителями»[1].

Страбон писал в своей «Географии», что «Птолемей, сын Лага, успел отнять у Пердикки тело Александра, когда тот перевозил его из Вавилона и свернул в Египет, движимый алчностью и желанием присвоить себе страну»[2].

Диодор же привел в восемнадцатой книге своей «Исторической библиотеки» другой вариант этой истории. По его рассказу, Арридей[3], в течение двух лет занимавшийся изготовлением и украшением катафалка для перевозки праха Александра, получил поручение доставить его из Вавилона в Египет. И Птолемей «для оказания почестей Александру прошел со своей армией, превращенной в конвой, до Сирии. Он принял тело с самыми высокими знаками уважения. Он решил более подходящим в тот момент перевезти его не в храм Юпитера Аммона, но в город, основанный Александром, который уже стал почти самым знаменитым в мире. Им был сооружен здесь храм, который своим величием

ка царской гвардии и личной охраны. После смерти Александра он стал регентом при новом царе — страдавшем слабоумием Арридее, а затем и при родившемся в начале октября 323 г. сыне Александра Македонского от Роксаны, который был объявлен еще одним царем. См. о регентстве Пердикки: *Bosworth A. B.* Perdiccas and the Kings // The Classical Quarterly. New Series. 1993. Vol. 43. № 2. (1993). P. 420–427.

[1] *Павсаний.*Описание Эллады / Перевод с древнегреческого С. П. Кондратьева. СПб., 1996. *С.* 53–54.

[2] *Страбон.* География в 17 книгах. С. 733.

[3] В данном случае имеется в виду не сводный брат Александра, а другой македонец, но имевший такое же имя, как и он.

и красотой был достоин славы Александра; он совершил торжественную погребальную службу, чествуя его героическими жертвоприношениями и великолепными играми[1]. Птолемей был сполна вознагражден людьми и богами за оказание такой чести памяти Александра. Благородство и величие души Птолемея привлекло в Александрию множество иностранцев, пожелавших служить в его армии; и хотя им вскоре предстояло биться с царской армией[2], они не пренебрегали опасностями, которые перед ними вставали, и все были готовы отдать свою жизнь за Птолемея»[3].

По рассказам Гая Светония Транквилла и Луция Кассиуса Диона, в 30 году до н.э. тело Александра осматривал, будучи в Александрии, Октавиан Август[4]. Саркофаг Александра Македонского видел во время пребывания в Александрии в период с 20 по 13 годы до н.э. путешественник Страбон[5].

Таким образом, античные писатели по-разному представляли судьбу праха Александра Македонского. Диодор и Страбон полагали, что, перевезенный в Египет, он был сразу же доставлен в Александрию и там погребен на веки вечные. Квинт Курций Руф и Павсаний сообщали о том, что сначала тело Александра было погребено в Мемфисе и только по прошествии какого-то времени его переместили в Александрию. При этом если первый указывал,

---

[1] Героическими жертвоприношениями и грандиозными играми Александр Македонский чествовался как основатель Александрии.

[2] Диодор имеет в виду армию под командованием военачальника Александра Македонского Пердикки.

[3] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 3. Paris, 1846. P. 326–327.

[4] «В это же время он осмотрел тело Великого Александра, гроб которого велел вынести из святилища; в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемеев, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов» (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 41). «После этого он осматривал тело Александра и на самом деле коснулся его, из-за чего, говорят, отвалился кусочек носа. Однако, он отказался посмотреть на останки Птолемеев, хотя александрийцы очень хотели их показать, заметив “Я желал видеть царя, а не тела”» (Dio’s Roman History. With an English translation be Earnest Cary. In nine volumes. Vol. 6. London, 1955. P. 45–47). Текст Луция Кассиуса Диона опубликован в данном издании в переводе на древнегреческом и английском языках.

[5] *Страбон.* География в 17 книгах. С. 733.

что в Александрию оно было перевезено «через несколько лет», то второй уводил это событие в будущее на *несколько десятилетий*, относя его ко времени правления Птолемея II Филадельфа, правившего с 283 по 246 год до н.э. По словам Павсания, «этот Птолемей, влюбившись в Арсиною, свою родную сестру и по отцу, и по матери, женился на ней, совершив то, что у македонян ни в коем случае не дозволяется, но что было в обычае у египтян, над которыми он властвовал. Затем он убил брата своего Аргея, будто бы посягавшего на его жизнь. Он же перевез прах Александра из Мемфиса»[1].

В 1897 году на острове Парос был обнаружен обломок мраморной стелы, на котором неизвестный историограф сделал на древнегреческом языке[2] надписи о главных событиях в истории Греции и Македонии, происходивших с 336 до 299 года до н.э. Их отсчет велся со времени архонтства в Афинах Диогнета, которое приходилось на 264/263 годы до н.э.[3] Среди этих надписей была и

---

[1] *Павсаний.*Описание Эллады. С. 55. Переводчик сочинения Павсания на русский язык почему-то добавил к этой фразе после слова «из Мемфиса» слово «в Александрию», поставив его в скобках. В оригинале же говорится лишь о том, что Птолемей II «перевез прах Александра из Мемфиса» и не указывается куда. Английский перевод данной фразы Павсания более точен: «It was Ptolemy who brought down the body of Alexander from Memphis» (Pausanias's Description of Greece. Translated with a Commentary of J. G. Frazer. In six volumes. Vol. 1. Translation. London, 1898. P. 10).

[2] Точнее, на аттическом наречии древнегреческого языка с примесью ионийского диалекта.

[3] Первая же часть данной хронологической таблицы, охватывающая «славные» события греческой истории с 1582/1581 года до н.э. и до 355/354 года до н.э., была обнаружена еще в 20-х годах XVII века на территории, где когда-то располагался древнегреческий город Смирна. В 1627 году английский коллекционер древностей Томас Говард, граф Эрандел, переправил мраморную плиту с данной таблицей в Англию. В 1628 году любитель древностей, знаменитый английский правовед Джон Селден перевел ее текст с древнегреческого на латинский язык и в следующем году издал в виде отдельной книги со своими комментариями. В 1667 году внук Томаса Говарда, лорд Генри Говард, передал указанную мраморную плиту в составе коллекции древностей, собранной дедом, в дар Оксфордскому университету (в настоящее данная коллекция хранится в Ашмолевом музее при Оксфордском университете). Однако верхняя часть плиты, на которой были нанесены записи о событиях с 1582/1581 по 896 год до н.э., исчезла и известна в настоящее время только по публикации Джона Селдена. См.: Marmora Arundelliana; siue Saxa Græcè incise. Ex venerandis priscæ Orientis

такая, в которой говорилось о захоронении Александра Македонского. Вот ее текст на русском языке: «С тех пор, как Антигон переправился в Азию и Александр был захоронен в Мемфисе и умер Пердикка после похода в Египет, и Кратер, и также софист Аристотель, в возрасте 50 лет, а произошло это, когда Архип был архонтом в Афинах и Птолемей совершил поездку в Кирену, прошло 57 лет»[1]. Приведенный текст означает, что в 321/320 году до н.э. прах Александра покоился в Мемфисе. Отсюда следует, что правду о его судьбе сообщали не Диодор и Страбон, а Квинт Курций Руф и Павсаний.

Любопытно, что в дальнейшем перечне событий, изложенных в «Паросской хронике», ничего не говорится о переносе праха Александра из Мемфиса в Александрию. Между тем событие это, если бы оно случилось, наверняка вошло бы в данную хронику. Квинт Курций Руф правильно указал, что Птолемей Лаг захоронил тело Александра сначала в Мемфисе, но его высказывание о том, что «через несколько лет» оно было оттуда перевезено в Александрию, не находит подтверждения в других источниках. Павсаний в данном случае более правдив, поскольку из его сообщения о судьбе праха Александра следует, что, перемещенный из Вавилона в Мемфис, он еще долго там оставался. Но можно ли поверить в истинность его утверждения, что именно Птолемей II

---

gloriæ ruberibus, auspicijs & impensis Herois Illustriss. Thomæ Comitis Arundelliæ & Surriæ, Comitis Marescalli Angliæ, pridèm vindicata & in ædibus eius hortisque cognominibus, ad Thamesis ripam, disposita. Accedunt inscriptiones aliquot veteris Latij, ex locupletissimo eiusdem Vetustatis Thesauro selectæ, Auctariolum item aliundè sumtum. Publicauit & commentariolos adiecit Ioannes Seldenus I.C. Londini, MDCXXIX (1629). В 1788 г. текст «Паросской хроники» был издан на древнегреческом языке с переводом на латинский и английский языки и с добавлением диссертации, в которой исследовалась ее аутентичность. См.: The Parian Chronicle, or the Chronicle of the Araundelian Marbles; with a Dissertation concerning its authenticity. London, MDCCLXXXVIII (1788). См.: также разбор этого исторического источника, опубликованный Ричардом Гау в сборнике лондонского Общества древностей «Археология»: *Gough R.* Observations in Vindication of Authencity of the Parian Chronicle // Archaelogia: or, Miscellaneous Tracts relating to Antiquity. Published by the Society of Antiquaries of London. Vol. IX. London, MDCCLXXXIX (1789). P. 157–186.

[1] См. в Интернете древнегреческий и английский тексты этого фрагмента: http://www.ashmolean.org/ash/faqs/q004/q004017.html , а также русский: http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part3-f.htm.

«перевез прах Александра из Мемфиса»? При изложении исторических событий той эпохи Павсаний довольно часто допускал неточности, что убедительно показывают современные историки[1]. И в данном случае он вполне мог приписать Птолемею II то, что тот на самом деле не совершал. Известно, что культ Александра в Александрии действительно существовал, но его осуществление совсем не предполагало наличия захоронения великого македонца. Данный культ совершался в храме, посвященном ему в частных домах[2].

Надлежащим местом захоронения умершего фараона считался со времен XXVI (египетской) династии внутренний двор большого храмового комплекса в Мемфисе или где-либо еще. Захоронение тела, а следовательно, и души усопшего фараона в Александрии противоречило египетской погребальной традиции. Погребенный не в историческом, традиционном центре, а в новом городе, *фараон утрачивал связь со своими предками и со своим отцом — богом Аммоном*. А это означало, что он лишался магической силы и ничего не мог передать своему преемнику на троне.

Тело Александра Македонского должно было поэтому покоиться на территории храма Аммона в оазисе Сива. Завещая перед смертью похоронить себя здесь, Александр тем самым просил своих соратников исполнить то, что в полной мере соответствовало египетским традициям. Он искренне считал бога Аммона

---

[1] В качестве примера здесь можно привести сообщение Павсания о двух битвах Птолемея с Деметрием, сыном бывшего своего соратника, военачальника Александра Македонского Антигона. Первая из них случилась в 312 г. до н.э. и в ней Птолемей победил Деметрия. Вторая, согласно «Паросской хронике»,— спустя шесть лет, т. е. в 306 г., и в ней Деметрий победил Антигона. Павсаний же писал о том, что вторая битва произошла «по прошествии зимы» (*Павсаний*. I. 6. 6). В другом месте своего «Описания Эллады» Павсаний указал, что Птолемей I, когда был близок к смерти, «оставил власть над Египтом» своему сыну, рожденному от Береники (*Павсаний*. I. 6. 8). Однако документы того времени не подтверждают этого, свидетельствуя о том, что основатель династии Птолемеев занимал трон до самой смерти. См. об этом: *Hazzard R. A.* The Regnal Years of Ptolemy II Philadelphos // Phoenix. 1987. Vol. 41. №. 2. P. 150–151.

[2] См.: *Taylor L. R.* The Cult of Alexander at Alexandria // Classical Philology. 1927. Vol. 22. № 2. P. 162–169.

своим отцом и, совершая жертвоприношения, часто говорил, что действует по его приказу[1].

* * *

Греческий археолог Лиана Сувалидис в 90-е годы ушедшего столетия вела раскопки в районе оазиса Сива и обнаружила остатки фараонской гробницы. В ней лежали обломки саркофага из алебастра, изготовленного явно за пределами Египта, и барельеф с восьмиконечной звездой, изображение которой было, как известно, личным символом Александра. Гробница соединялась подземным проходом с храмом Аммона. Рядом с ней находились три стелы. Содержание высеченных на них надписей на древнегреческом языке не оставляло никаких сомнений насчет того, чье захоронение было обнаружено.

На главной стеле было начертано: «Александр, Аммон-Ра. Во имя почтеннейшего Александра я приношу эти жертвы по указанию Бога и переношу сюда тело, которое такое же легкое, как самый маленький щит, в то время, когда я являюсь господином Египта. Именно я был носителем его тайн и исполнителем его распоряжений, я был честен по отношению к нему и ко всем людям. И так как я последний, кто еще остался в живых, то здесь заявляю, что я исполнил все вышеупомянутое ради него». Приблизительная дата нанесения приведенной надписи — 290 год до н.э. Ее мог сделать только тот, кто сопровождал Александра Македонского во всех его походах, а именно: Птолемей Лаг.

На второй стеле было надписано: «Первый и неповторимый среди всех, который выпил яд, ни мгновения не сомневаясь». Данная надпись подразумевала обычай, существовавший в старину у македонцев: тот, кто добивался своими великими подвигами почестей от современников и при этом имел желание оставить добрую память для потомков, умирал в зените своей славы, приняв яд.

На третьей же стеле сохранилась следующая надпись: «В этом районе проживают 400 тысяч человек, 100 тысяч из них служат в армии, и 30 тысяч солдат охраняют гробницу». Стела с этой надписью была скорее всего перемещена из прежнего захоронения Александра Македонского, которое находилось в Мемфисе. Пред-

---

[1] См., например: *Арриан.* Поход Александра. С. 210.

ставить, каким образом в оазисе Сива могли разместиться 400 000 человек, очень трудно, а для города Мемфиса это количество жителей и войск было вполне нормальным.

К сожалению, после этих открытий Лиана Сувалидис не смогла продолжить исследование гробницы, поскольку египетские власти, не объясняя причин, разорвали с ней контракт на дальнейшее проведение археологических раскопок.

Поэтому относительно обнаруженной ею гробницы можно высказывать лишь предположения.

Скорее всего она и есть настоящее захоронение праха Александра. А это означает, что в Александрии кем-то из Птолемеев было устроено поддельное, бутафорское его погребение[1]. Эта уловка позволяла, с одной стороны, придать резиденции Птолемеев дополнительный авторитет, а с другой — соблюсти египетскую погребальную традицию, которую — и Птолемеи хорошо это знали — нарушать было нельзя, дабы не навлечь на государство страшной беды и разорения.

Думается, соратник Александра Македонского Птолемей Лаг все же выполнил последнюю волю своего царя и захоронил его прах у храма Аммона. Недаром в древности оазис Сива назывался Аммонией и Сантарией. Смысл последнего наименования выражает весьма примечательное словосочетание —

«МЕСТО, ГДЕ ПОКОИТСЯ АЛЕКСАНДР».

---

[1] Одним из подтверждений этому являются, мне думается, странные истории с саркофагами Александра Македонского, стоявшими в птолемеевском погребальном комплексе в Александрии. Их и крали, и меняли на другие, они исчезали и вновь появлялись. На саркофаге, который в начале XIX в. считался принадлежавшим Александру Македонскому, Ж.-Ф. Шампольон прочитал картуш фараона — Нектанебо II. См. об этом: *Chugg A.* The Sarcophagus of Alexander the Great? // Greece & Rome. Second Series. 2002. Vol. 49. № 1 (Apr.). P. 12–13. Странным выглядит и упомянутый в приводившемся выше рассказе Луция Кассиуса Диона факт о том, как Октавиан Август, осматривая мумию Александра Македонского, коснулся носа, и от него отвалился кусочек. Наконец, заметим, что существование двух гробниц одного и того же умершего человека было в то время вполне допустимым явлением. Так, сам Александр намеревался устроить две гробницы для Гефестиона, умершего за несколько месяцев до его смерти: одна гробница должна была стоять в Вавилоне и хранить тело его возлюбленного соратника, а другая стать обителью его духа. И эта вторая гробница должна была находиться не где-нибудь, а в Александрии.

§ 4. Институт верховной государственной власти в период правления Птолемеев

Александр Македонский умер в переломный момент существования своей империи. Ее пространство было уже невозможно расширять путем завоеваний без риска потери всего завоеванного. Являясь конгломератом различных стран и народов, она держалась лишь на военной силе и авторитете одного человека, носившего весьма странный титул «царя Азии». И хотя Александр собирался продолжать завоевательную политику[1], на первый план перед ним выдвигалась задача создания на подвластных ему территориях административной системы, способной обеспечить су-

---

[1] «Сам он в душе лелеял необъятные планы, — писал Квинт Курций Руф в последней, десятой, книге «Истории Александра Македонского», — после покорения всех стран к востоку от моря переправиться (из-за вражды к Карфагену) из Сирии в Африку, затем, пройдя все просторы Нумидии, направить свой поход на Гадес (ведь молва утверждала, что именно там находятся столбы Геркулеса), оттуда проникнуть в Испанию, которую греки называют Иберией (по реке Иберу), и пройти мимо Альп к побережью Италии; оттуда уже недалеко до Эпира» (*Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. М., 1993. С. 226). О том, что Александр готовил «экспедицию против карфагенян и других народов, обитавших со стороны Ливии, Иберии и на всем побережье до Сицилии», сообщал и Диодор Сицилийский, в начале восемнадцатой книги своей «Исторической библиотеки» (Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 3. Paris, 1846. P. 302). Арриан же писал: «Я не могу в точности сказать, каковы были намерения Александра, и не собираюсь гадать об этом. Одно, думаю я, можно утверждать, что замышлял он дела не малые и не легкие и не усидел бы спокойно на месте, довольствуясь приобретенным, если бы даже прибавил к Азии Европу, а к Европе острова бретанов. За этими пределами стал бы он искать еще чего-то неизвестного и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой. И я поэтому с одобрением отношусь к тем индийским софистам, о которых рассказывают следующее: Александр застал их под открытым небом, на лугу, где они обычно и проводили время. При виде царя и его войска они только и стали делать, что топать ногами по тому месту, где стояли. Когда Александр через переводчиков спросил, что это значит, они ответили так: “Царь Александр, каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у нас сейчас под ногами. Ты, такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому, ты прошел столько земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь, и тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения”. И здесь Александр одобрил и эти слова, и тех, кто их сказал; действовал же он все равно по-другому, как раз наоборот» (*Арриан*. Поход Александра. М., 1993. С. 220–221).

ществование его империи в качестве единого политического организма.

Предпринимавшиеся македонским полководцем первоначальные меры по организации управления в завоеванных странах показывают, что он действовал в этом направлении весьма осторожно. Им, как правило, сохранялась основа прежней управленческой пирамиды. И если что-то менялось в ней, то лишь вершина. Главной заботой Александра в первые годы его завоевательной эпопеи были финансы. Он старался поэтому в первую очередь взять под свой контроль сбор налогов. Так, в Сирии вместо одной должности сатрапа зимой 333/332 года до н.э. было учреждено две и обе они были отданы соратникам Александра — Менону и Андромаху, которых спустя некоторое время заменили на других[1]. При этом для осуществления надзора за сбором налогов в этой стране был назначен специальный представитель Александра. В Финикии сатрапа не было, здесь главным должностным лицом стал назначенный македонским царем сборщик налогов[2]. В Египте Александр упразднил должность сатрапа, отдав его функции двум номархам. Впоследствии один из них (Петисис) отказался от своей должности и всю власть взял на себя другой (Долоаспис). Ответственным лицом за получение налогов с Египта Александр сделал руководившего постройкой Александрии Клеомена из Навкратиса, но организацию их сбора он поручил номархам, которым разрешил действовать в соответствии с местными традициями и обычаями (*Арриан.* III. 5. 2–4)[3]. Через какое-то время Клеомен взял над Египтом всю власть и вплоть до кончины Александра управлял этой стран как сатрап (*Павсаний.* I. 6. 3)[4], хотя официально такого титула не носил, а назывался просто «правителем (*dioiketes*)».

Ключевые административные должности в своей империи Александр Македонский отдавал, как правило, своим соратникам, но бывало и так, что на высшие посты ставились представители

---

[1] *Bosworth A. B.* The Government of Syria under Alexander the Great // The Classical Quarterly. New Series. 1974. Vol. 24. № 1 (May). P. 51.

[2] *Badian E.* The Administration of the Empire // Greece & Rome. Second Series. 1965. Vol. 12. № 2. Alexander the Great. P. 168–169.

[3] *Арриан.* Поход Александра. С. 114.

[4] *Павсаний.* Описание Эллады.

местной знати. Например, сатрапом Вавилона он назначил перса Мазаеуса, имевшего своих родственников среди вавилонян[1].

Вавилону Александр явно отводил центральное место в своей империи — сюда он возвращался после военных походов, здесь собирались посланники различных государств. Именно в этот город поступали налоги и дань, собранные с покоренных им народов. Вавилон постепенно становился столицей его державы.

Египет же при таком устройстве империи превращался в ее окраину. Возможно, именно поэтому при разделе империи Александра Македонского между его военачальниками — диадохами Птолемей Лаг, пожелавший получить эту страну в свое управление, легко добился данной цели. Он имел репутацию одного из самых опытных, мудрых и авторитетных командиров в армии Александра Македонского. И удаление его в Египет было выгодным для тех из диадохов, которые решили бороться за власть над всей империей: с арены данной борьбы уходил военачальник, обладавший всеми качествами искусного политика.

Решая вопрос о новом царе, диадохи первоначально согласились с предложением Пердикки подождать родов супруги Александра Македонского Роксаны и, если родится мальчик, именно его «поставить в наследники отцу», дав ему в опекуны Леонта, Пердикку, Кратера и Антипатра; «немедленно все дали клятву повиноваться этим опекунам» (*Юстин*. XIII. 2. 14)[2]. Однако это решение не поддержала македонская пехота (фаланга). Возмущенные тем, что им не позволили участвовать в его принятии, пехотинцы провозгласили царем сводного брата Александра Македонского Арридея, приказав ему именоваться по отцу — Филиппом. Диадохи вынуждены были уступить своим воинам. Они пошли на то, чтобы признать царем Арридея, но при этом сохранили право на трон и для сына Александра, если он родится.

Птолемей сперва отказался признать Арридея царем, объяснив свою позицию тем, что сводный брат Александра был рожден

---

[1] Скорее всего, вавилонянкой была супруга Мазаеуса: на это предположение наводят вавилонские имена его детей. См.: *Badian E.* The Administration of the Empire. P. 175.

[2] *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum Philippicarum». М.: РОССПЭН, 2005. С. 112.

от блудницы и страдал слабоумием (*Юстин.* XIII. 2. 11)[1]. Однако затем он, по всей видимости, согласился с таким поворотом событий[2]. Получить Египет в свое управление Птолемей мог лишь при условии, если он назначался туда сатрапом, но полномочие сделать это назначение имел только царь. Право же на трон сына Александра Македонского и Роксаны Птолемей признал сразу. Мальчик родился в начале октября 323 года, получил имя своего отца и спустя некоторое время был провозглашен диадохами еще одним, в дополнение к Арридею-Филиппу, носителем царской власти.

Арридей-Филипп являлся царем шесть лет и четыре месяца. В декабре 317 года до н.э. он был убит по приказу Олимпиады, матери Александра Македонского[3]. Александр IV остался в одиночестве на царском троне.

Сохранился текст декрета Птолемея Лага, изданный приблизительно в 312–311 годах до н.э., который свидетельствует о том, что он признал сына Александра Македонского египетским фараоном. Александр IV был назван в этом акте «любимцем богов, давших ему достоинство его предков, золотым Хором, господином во всем мире, царем Верхнего и Нижнего Египта, господином обеих Земель, усладой сердца Аммона, избранным Солнца, сыном Солнца»[4]. Сам Птолемей обозначил себя сатрапом Египта, действующим от имени египетского фараона Александра.

---

[1] Арридей был сыном царя Филиппа II от танцовщицы Филинны из фессалийского города Ларисса. Родился он примерно в одно время с Александром Македонским.

[2] Сохранились изображения картуша Арридея-Филиппа и надписи, свидетельствующие о том, что он считался египетским фараоном, в одном из храмов Гермополиса (см.: Weihinschrift des Königs Philippus-Arridäus aus dem Tempel von Hermopolis (Aschmunen) // Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Bd. 1. Bearbeitet von Kurt Sethe. Leipzig, 1904. S. II. 9) и в большом храме Аммона в Карнаке (Bauinschrift desselben Königs Philippus-Arridäus in dem von ihm neu erbauten granitsanktuar des grossen Amontempels von Karnak // Ibid. P. II. 10).

[3] Описание этого убийства см. в главе 11 девятнадцатой книги «Исторической библиотеки» Диодора (Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 4. Paris, 1846. P. 13–14).

[4] Ein Decret Ptolemaios' des Sohnes Lagi, des Satrapen // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde / herausgegeben von Prof. Dr. R. Lepsius

В 309 году до н.э. сын Антипатра Кассандра приказал своим подручным убить вдову и наследника Александра Македонского. Смерть Александра IV означала, что Египет остался без фараона. Однако Птолемей не стал спешить с принятием на себя титула египетского верховного властителя и продолжал править страной в прежнем качестве. И только в 305/304 году до н.э. он возложил на себя данный титул[1].

Совершить этот поступок Птолемея побудило событие, произошедшее годом ранее. После убийства Александра IV царский трон, дававший со времен Александра Македонского официальную власть над обширными территориями Азии, более трех лет оставался свободным. Ни один из диадохов не считал для себя возможным претендовать на него. Ситуация изменилась в 306 году, когда сын диадоха Антигона Деметрий начал борьбу с Птолемеем за Кипр. В решающем морском сражении ему удалось нанести сатрапу Египта сокрушительное поражение[2]. После этой победы Антигон и Деметрий приняли на себя звание *басилевса*, которое носил Александр Македонский[3].

---

zu Berlin unter Mitwirkung von Prof. Dr. H. Brugsch. 1871. Bd. 9. S. 1. Оригинальный текст указанного декрета был написан древнеегипетскими иероглифами — он приводится в этой публикации. В подстрочнике дан перевод его на немецкий язык. См. также публикацию этого текста в переводе с немецкого на английский язык: Decree of Ptolemy Lagides, the Satrap // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 10. Egyptian Texts. London, 1878. P. 69.

[1] В «Паросской хронике» об этом событии говорится: «После осады Родоса и с тех пор, как [Пт]олемей наследо[вал] трон, [а произошло это, когда Эвксенипп был архонтом в Афинах, прошел 41 год]» (http://ancientrome.ru/antlitr/marble/part3-f.htm). Так как отправной точкой при летоисчислении «Паросская хроника» берет 264/263 г. до н.э., то и получается, что Птолемей принял на себя звание верховного властителя в 305/304 г. до н.э.

[2] Перед началом этого сражения у Птолемея было 210 кораблей, и все они, за исключением 8-ми, были потоплены или захвачены Деметрием в качестве добычи.

[3] По сообщению Плутарха, Антигона и Деметрия басилевсами провозгласил, после победы над Птолемеем, народ. «Отца друзья увенчали диадемой немедленно, а сыну Антигон отправил венец вместе с посланием, в котором называл Деметрия царем» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Том 2. М., 1994. С. 377). См. об этом также: *Диодор*. XX. 53 (Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Tome 4. Paris, 1846. P. 162).

Действия, предпринятые ими в дальнейшем, заставляют думать, что царские титулы были приняты ими исключительно для того, чтобы получить хоть какое-то легитимное основание для захвата Египта. Македонская империя была к тому времени окончательно разделена (Антигон, в частности, получил в управление Фригию, Ликию и Памфилию), и вряд ли в тех условиях можно было восстановить ее прежнее единство под властью одного человека. Но отобрать у Птолемея Египет Антигону и Деметрию было вполне по силам.

Первым шагом на пути решения такой задачи стала их попытка захватить Родос, находившийся под покровительством Птолемея. Целый год Деметрий осаждал остров, но безуспешно. Выдержать осаду родоссцам помог Птолемей, регулярно поставлявший им продовольствие.

Во время этой осады Птолемей и решился возложить на себя титул верховного властителя Египта. Любопытно, что официально данный титул выразился в звании не фараона, а *басилевса*. Это показывает, что Птолемей принял его прежде всего для того, чтобы защитить свою власть над Египтом от притязаний Антигона и Деметрия, которые, сделавшись басилевсами и преемниками Александра Македонского, получили формальные основания претендовать на нее.

Титул «басилевса» ничего не значил для египтян, лишь у македонцев и греков его носитель считался обладателем верховной государственной власти. Антигон и Деметрий восприняли указанный титул в качестве звания, дающего власть над всеми территориями бывшей империи Александра Македонского, для Птолемея же он был титулом, подтверждавшим легитимность его власти только над Египтом и землями, которые он получил при разделе империи. Поскольку главная опасность для Птолемея как властителя исходила из Македонии и Греции, то и титул он взял македонско-греческий.

Однако перед египтянами ему надлежало представать только в качестве представителя фараона или самим фараоном. Признавая Александра IV фараоном, Птолемей тем самым подчеркивал легитимность своего статуса правителя Египта в качестве сатрапа. Но после убийства сына Александра Македонского статус представителя фараона перестал быть легитимным, поскольку фараонский трон опустел. Чтобы сохранить власть над Египтом, Пто-

лемею ничего не оставалось делать, как стать новым фараоном. И он стал им. Об этом свидетельствует его изображение в фараонском одеянии на одной из печатей, обнаруженных при археологических раскопках на египетской территории[1], а также тот факт, что его имя писалось в картуше, то есть способом, которым обыкновенно писались имена египетских фараонов[2]. Но в какой именно момент Птолемей возложил на себя звание египетского фараона, трудно сказать. Вероятнее всего, это звание было принято им вместе с титулом басилевса в 305/304 году до н.э. Но Птолемей вполне мог стать фараоном раньше или позднее указанного времени. Единственное, что кажется несомненным: он не мог взойти на фараонский трон ранее 309 года — в то время, когда был жив официально считавшийся египетским фараоном Александр IV[3].

Но с другой стороны, есть основания утверждать, что *намерение* стать верховным властителем Египта появилось у него в самом начале правления в этой стране. На это указывает настойчивость, проявленная им в борьбе за тело умершего Александра Македонского. Птолемей приложил максимум усилий для того, чтобы оно было погребено в Мемфисе. При этом он не проявил никакого желания унаследовать власть царя Азии. Более того, когда после убийства Пердикки Птолемею предложили занять его место регента при слабоумном Арридее-Филиппе и малолетнем Александре IV, он отказался от этой должности, несмотря на то, что данное предложение было поддержано армией. Отсюда очевидно, что погребения праха Александра Македонского на территории Египта Птолемей добивался не для того, чтобы увеличить свои шансы в соперничестве с другими диадохами за власть над его империей,

---

[1] См. иллюстрацию в книге: *Mahaffy J. P.* A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London, 1898. P. 25.

[2] См. картуш Птолемея I в издании: *Dodson A.* The Hieroglyphs of Ancient Egypt. London, 2001. P. 132. Рисунок очень похожего на него картуша приводится в сборнике иероглифических документов греко-римской эпохи, изданном Куртом Зете. См.: Bruchstück von einem Denkstein eines der beiden ersten Ptolemäer, vermutlich Soter I // Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Bd. 1. Bearbeitet von Kurt Sethe. Leipzig, 1904. S. II. 22–23.

[3] По приказу Птолемея в Карнаке была возведена его статуя-колосс. Александр IV представлен в ней в одежде фараона. См.: *Mahaffy J. P.* A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 37.

но исключительно с целью придать легитимное основание своему правлению в этой стране.

До сих пор не обнаружено каких-либо документальных свидетельств о совершении Птолемеем религиозных церемоний, необходимых для восшествия на трон фараона. Вследствие этого можно, конечно, предположить, что он не совершал их. Но следует иметь в виду, что Птолемей сопровождал Александра Македонского в его египетском походе и присутствовал при совершении данных церемоний как в Мемфисе, так и в храме Аммона, расположенном в оазисе Сива, и должен был хорошо понимать их значение. Скорее всего, необходимые для принятия титула фараона церемонии он совершил, но сведений о них не сохранилось.

Прибыв в Египет, Птолемей с самого начала повел себя так, будто был фараоном. Так, он приказал казнить Клеомена, выполнявшего в Египте функции сатрапа. Павсаний утверждал, что Птолемей убил его потому, что видел в нем сторонника Пердикки и, следовательно, человека, на верность и преданность которого не мог положиться (*Павсаний*. I. 6. 3). Возможно, в этом действительно таилась главная причина, по которой Птолемей решил подвергнуть Клеомена смертной казни, но для будущего фараона в данном случае было важнее другое: чрезвычайно жадный до денег Клеомен установил такие высокие налоги и настолько погряз в различного рода финансовых махинациях[1], что восстановил против себя практически все слои египетского общества. Он обложил грабительскими поборами храмы и нагло нарушал египетские традиции. Египетские жрецы воспринимали его как врага. Предав Клеомена казни, Птолемей показал египтянам, что будет защищать их интересы самым решительным образом.

Вместе с тем Птолемей стал заботиться о египетских храмах, восстанавливать те из них, которые за время персидского правления были разрушены или обветшали. В то же время он продол-

---

[1] Махинации Клеомена разоряли не только египтян, но также афинян и других греков. Об одной из них рассказал в своей речи против Дионисодора греческий оратор Демосфен. По его словам, наместник Египта Клеомен «со времени своего прихода к власти принес немало зла» Афинам, «а еще больше — остальным эллинам, именно тем, что он, занимаясь перепродажей, вздувал цены на хлеб: и он сам, и его подручные» (*Демосфен*. Речи. В трех томах. Том 2. М., 1994. С. 221).

жил строительство в Египте новых храмов, развернувшееся после его посещения Александром Македонским. Одновременно им были предприняты меры по возвращению из Азии вывезенных персами из Египта культовых ценностей.

Противостояние между Птолемеем, с одной стороны, и Антигоном с Деметрием, с другой, было одновременно противоборством двух различных представлений о верховной государственной власти. Новоявленные басилевсы Эллады и Азии придавали слишком большой вес титулу верховного властителя. Согласно их представлениям, данный титул имел самостоятельное значение и не зависел от фактического владения территорией. Они полагали, что обладать титулом верховного властителя какой-либо страны можно даже в том случае, если фактическая власть над ней принадлежит другому.

Птолемей же считал, что титул верховного властителя той или иной страны производен от фактической власти над ней, от способности контролировать происходящее на ее территории, собирать налоги с ее населения и формировать армию из местных жителей. С его точки зрения, обладатель фактической власти вполне мог обойтись без титула. «Птолемей сохранил Египет как собственность, завоеванную мечом», — написал Диодор (XVIII. 39. 5)[1]. Эта мысль казалась историографу настолько важной, что он повторил ее в несколько ином выражении: «Птолемей сохранил Египет как завоевание после того, как он, против всякого ожидания, разбил Пердикку и уничтожил царскую армию» (*Диодор*. XVIII. 43. 1)[2].

У Птолемея и в самом деле имелось достаточно оснований смотреть на Египет как на свою добычу. Но он хорошо понимал, что невозможно удержать эту добычу в своих руках с помощью одной силы, что нельзя управлять страной без поддержки подданных, а следовательно, без идеологической оболочки, соответствующей их религиозно-политическому сознанию.

Устроив погребение праха Александра Македонского в Мемфисе, Птолемей I поступил в полном соответствии с египетскими религиозно-политическими традициями, с точки зрения кото-

---

[1] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Tome 3. P. 336.

[2] Ibid. P. 339.

рых каждый правящий фараон получает энергию для своей власти из духа своего предшественника на троне. Великий македонец не просто признавался египтянами настоящим фараоном, но был безмерно уважаем ими за то, что освободил Египет от персов, которые вели себя в этой стране бесцеремонно и грубо нарушали исконные египетские традиции. На связь Птолемея с Александром призваны были указывать и монеты с его изображением, которые начали чеканить в Птолемеевском Египте еще до 300 года до н.э.

В последнее десятилетие правления Птолемея центром культа Александра как бога стала Александрия[1]. Приблизительно в 290–289 годах до н.э. здесь был создан институт ежегодно сменявшихся жрецов-эпонимов «бога Александра». Их именами стали обозначаться следующие один за другим года.

Представляя себя в качестве преемника Александра Македонского, Птолемей придавал своей власти легитимность в глазах египтян. Но одновременно он внушал уважение к ней македонцам и грекам.

Наследник Птолемея I на троне его сын от Береники Птолемей II соединил культ Александра с культом своего отца. Была создана легенда о том, что он родился в действительности не от Лага, но от македонского царя Филиппа II[2]. Наряду с празднествами в честь Александра, считавшегося родоначальником династии Птолемеев, в Александрии стали устраиваться празднества в честь его непосредственного преемника на египетском троне Птолемея I.

Для поддержания культа отца Птолемей II ввел в обращение золотую и серебряную монету с его изображением. В первые двадцать два года его правления чеканились монеты с надписью на реверсе, на греческом языке, «Птолемей басилевс». Затем появились монеты со словами «Птолемей Сотер».

Добавленное к имени Птолемея I прозвище Сотер представляло его в качестве Спасителя, но кого? Павсаний писал, что имя «Сотер» Птолемею, сыну Лага, дали родосцы (*Павсаний*. I. 8. 6)[3]. Птолемей действительно спас Родос от захвата Деметрием в 305/304

---

[1] См. об этом: *Taylor L. R.* The Cult of Alexander at Alexandria // Classical Philology. 1927. Vol. 22. № 2 (Apr.). P. 162–169.

[2] См.: *Collins N. L.* The Various Fathers of Ptolemy I // Mnemosyne. Fourth Series. 1997. Vol. 50. Fasc. 4 (Aug.). P. 436–476.

[3] *Павсаний*. Описание Эллады. Кн. I–IV. СПб., 1996. С. 57.

году до н.э. Но никаких документальных подтверждений тому, что именно родосцы присвоили Птолемею это почетное имя, не существует[1]. Факты показывают, что Сотером Птолемея I нарек его сын Птолемей II. Причем сделал он это не ранее, чем на двадцать третьем году своего правления, то есть в 263/262 году до н.э.[2] Сохранились документальные свидетельства о том, что Птолемей I и Береника именовались в начале правления Птолемея II «Сотерами (Спасителями)», подразумевая, по всей видимости, что они спасли своего сына, ставшего фараоном, от каких-то опасностей. Одно из них — посвящение, начертанное на маяке в Фаросе: «Состратос, сын Дексифаноса, [посвящает это] Богам Сотерам от имени тех, кто плавает [по морям]»[3]. Другое представляет собой надпись о совершении дара богу Серапису и богине Изиде «от имени басилевса Птолемея, сына Птолемея и Береники, Спасителей»[4]. Индивидуально же, к одному Птолемею I, прозвище «Сотер» стало применяться лишь во второй половине правления его сына.

В дальнейшем каждый из Птолемеев имел помимо основного дополнительное имя. Так, Птолемей II, правивший с 283 до 246 года до н.э., звался Филадельфом (Любящим сестру). Птолемей III (246–221 гг. до н.э.) — Эвергетом (Благодетелем). Птолемей IV (221–205 гг. до н.э.) — Филопатором (Любящим отца). Птолемей V (205–180 гг. до н.э.) — Эпифаном (Великолепным). Птолемей VI (180–145 гг. до н.э.) — Филометром (Любящим мать). Птолемей VII (145 г. до н.э.) — Неос Филопатором (Новым любящим отца). Птолемей VIII, являвшийся соправителем своего брата Птолемея VI в 170–163 годах, имел такое же второе имя, какое было у Птолемея III, то есть — Эвергет. Птолемей IX, правивший со 116 до 107 года и затем с 88 до 81 года до н.э., звался дополнительным именем, составленным из нескольких прозвищ: Сотер

---

[1] См.: *Hazzard R. A.* Did Ptolemy I Get His Surname from the Rhodians in 304? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 93. P. 52–56.

[2] См. главу «When did Ptolemy II Style His Father as Ptolemaios Soter?» в книге: *Hazzard R. A.* Imagination of Monarchy: Studies in Ptolemaic Propaganda. Toronto, 2000. P. 3–17.

[3] См.: Там же. P. 15–16.

[4] *Pfeiffer S.* The God Serapis, His Cult and the Beginnigs of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II Philadelphus and His World / Edited by Paul McCechnie and Philippe Guillaume. Leiden, 2008. P. 394–395.

Лафур Филометр. Птолемей X (107–88 гг. до н.э.) именовался еще и Александром. Птолемей XI (80 г. до н.э.) — также имел дополнительное имя Александр. У Птолемея XII, который правил с 80 по 58 и с 55 до 51 года до н.э., было многословное дополнительное имя: Теос Филопатор Филадельф Новый Дионисий. Современники добавили к нему еще и прозвище Авлет (Играющий на флейте). Птолемей XIII, правивший вместе со своей старшей сестрой Клеопатрой VII с 51 по 47 год до н.э., имел в качестве еще одного имени прозвание Теос Филопатор. Их брат Птолемей XIV, деливший с самой знаменитой египтянкой трон в 47–44 годах до н.э., звался Филопатором Филадельфом. И наконец, Птолемей XV, сын Клеопатры VII от Юлия Цезаря, считавшийся соправителем своей матери с 44 до 30 года до н.э., именовался также Филопатором Филометром и прозывался Цезарионом.

Что же касается римских цифр, которыми обозначаются в исторических трудах фараоны династии Птолемеев, то они в ту эпоху не применялись, но позднее были придуманы историками для того, чтобы отличать их друг от друга.

Культ Сераписа был создан Птолемеем I с помощью греческого мистика Тимотеуса и египетского жреца Манефона[1]. Название этого бога было образовано из имени Осирис-Апис или Осирапис, которым звался каждый умерший священный буйвол Апис[2], являвшийся при жизни телесным воплощением бога Птаха, а после смерти соединявшийся с богом Осирисом. Культ Осириса-Аписа возник в Мемфисе, в среде проживавших там греков, задолго до прихода Птолемея в Египет. Преобразование его в культ Сераписа произошло путем включения в него элементов культа ряда греческих богов: Зевса, Гелиоса, Дионисия и других. Главным культовым центром Сераписа стал возведенный в Александрии храм Серапеум[3], тогда как главным местом культа Осириса-Аписа (Осираписа) был Мемфис.

---

[1] *Stiehl R.* The Origin of the Cult of Sarapis // History of Religions. 1963. Vol. 3. № 1 (Summer). P. 21–33.

[2] «Апис» — греческое имя священного буйвола. На египетском языке оно звучало как слово «хапи» или «хеп».

[3] См.: *McKenzie J. S., Gibson Sh., Reyes A. T.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence // The Journal of Roman Studies. 2004. Vol. 94. P. 73–121.

Апис мыслился египтянами в качестве источника, из которого фараон получал производительную силу. Осирис же выражал идеи спасения и возрождения. Серапиус вобрал в себя все, что в сознании египтян связывалось с Аписом и Осирисом, но главное его значение было в другом: в том, что он мог стать общим богом для египтян, македонцев и греков. Культ Сераписа содержал в себе элементы культов египетских, македонских и греческих богов и потому был способен играть объединяющую роль. Такой религиозный культ был необходим для поддержания стабильности полиэтнического социально-политического образования, возникшего в Египте в период правления Птолемеев.

Македонцы и греки уже в III веке до н.э. составляли значительную по своей численности и очень влиятельную часть населения Александрии. Представители этих этнических групп занимали основные должности в государственном аппарате, они являлись основной силой в птолемеевской армии. Государственная идеология Птолемеевской династии неизбежно должна была в этих условиях эллинизироваться.

Однако для основной массы населения Египта и в особенности для египетских жрецов и знати Птолемеям надлежало оставаться фараонами, их власть должна была выступать соответственно в традиционной идеологической оболочке. Факты показывают, что они сохранили в своей титулатуре звания и эпитеты, присущие египетским фараонам. Так, Птолемей II именовался как «царь Верхнего и Нижнего Египта, господин обеих Земель, мощный силой Ра, возлюбленный Аммона, сын Ра, обладатель короны, Птолемей»[1]. В другой надписи он звался «мощным силой Ка Аммона, возлюбленным Ра»[2]. В титулатуре Птолемея III были такие определения: «Наследник (двух) братских богов, избранный Ра, живое воплощение Аммона»[3]. Птолемей IV звался следующим образом: «Наследник (двух) благодетельных богов, избранный Птаха, мощный силой Ка Ра, живое

---

[1] Цит. по: *Huß W.* Ptolemaios der Sohn // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1998. Bd. 121. S. 230.

[2] The Throne-Names of the Ptolemies (translated by F. L. Griffith) // *Mahaffy J. P.* A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 255.

[3] Ibidem.

воплощение Аммона»[1]. Птолемей V — «Наследник (двух) отцелюбивых богов, избранный Птаха, мощный силой Ка Ра, живое воплощение Аммона»[2]. Птолемей IX — «Наследник (двух) очевидных богов, избранный Птаха, поступающий по правилам Аммона, живое воплощение Ра»[3]. Птолемей X — «Наследник благодетельного бога и благодетельной богини, избранный Птаха, поступающий по правилам Ра, живое воплощение Аммона»[4]. Птолемей XI — «Наследник (двух) благодетельных богов, избранный Птаха, поступающий по правилам Аммона, живое воплощение Ра»[5]. Птолемей XIII — «Наследник бога, который спасает, избранный Птаха, поступающий по правилам Аммона, живое воплощение Ра»[6].

Местом своего коронования на фараонский трон Птолемеи выбирали, как правило, Мемфис. Птолемей XII короновался в 76 году до н.э. в Александрии, но обряд возложения короны на него совершал верховный жрец храма Аммона из Мемфиса. Священный для египтян город Птолемеи посещали также для того, чтобы принести жертвоприношения священному буйволу Апису, которого в Мемфисе продолжали чтить и после того, как в Александрии утвердился культ Сераписа.

Птолемеи были македонцами по своему этническому происхождению, но их монархия не была македонской. В то же время и египетской назвать ее трудно. В исторической литературе до последнего времени всецело доминировало представление о Птолемеях как неограниченных монархах. Выражая его, английский историк Уильям Тарн писал в статье, посвященной Птолемею II: «Царь был государство, безусловно, и во всех отношениях; ограничения как таковые, налагавшиеся на македонских царей старинной квази-конституцией Македонии, не существовали для Птолемеев; они являлись автократами подобно фараонам. Первый Птолемей, первоначально сатрап сына Алексан-

---

[1] *Mahaffy J. P.* A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 255.

[2] Ibidem.

[3] Ibid. P. 256.

[4] Ibidem.

[5] Ibidem.

[6] Ibidem.

дра, впоследствии потребовал Египет для себя как территорию, завоеванную копьем (spear-won territory), которая по македонскому праву переходила к царю; и за пределами трех греческих городов, Навкратиса, Александрии и Птолемаиса, Птолемей II владел каждым дюймом египетской почвы, включая храмовые земли и земли старой феодальной знати, которая была упразднена; другие, по его доброму желанию, могли пользоваться частью его почв и плодов, но на его условиях. Армия и флот были его; он являлся источником правосудия, и его рескрипты имели законную силу; министры и чиновники были исключительно его людьми, которыми он распоряжался по своему выбору. Только одна македонская черта сохранилась в его монархии: каждый подданный все еще имел право представить свою петицию лично ему, и, хотя многие петиции не шли далее местных правителей, некоторые достигали дворца и рассматривались царем. Во втором столетии даже эта черта исчезла, и петиции больше не доходили до царя»[1]. В другом месте своей статьи Уильям Тарн отмечал, что основу экономической системы Птолемеевской монархии составляла земля, «которая принадлежала Птолемею». «Часть земли Птолемей предоставлял в пользование другим; однако значительная часть — возможно, в Дельте — и бóльшая часть в Фаюме находилась в его собственных руках и обрабатывалась для него туземными крестьянами; она называлась царской землей и земледельцы являлись царскими людьми, царскими крестьянами»[2].

Подобное воззрение на характер Птолемеевской монархии выражал и американский историк русского происхождения М. И. Ростовцев. «С самого начала своего правления в Египте, — писал он, — Птолемеи приняли решительную политическую линию подавления элементов, ослаблявших и дезинтегрировавших центральную власть. Они присвоили себе политико-религиозный принцип, который составлял когда-то базис египетского государства. Сущность этого принципа состояла в том, что царь единолично держал абсолютную власть и неограниченные права распо-

---

[1] *Tarn W. W.* Ptolemy II // The Journal of Egyptian Archaeology. 1928. Vol. 14. № 3/4 (Nov.). P. 247–248.

[2] Ibid. P. 255.

ряжения материальными ресурсами страны в целом и богатством индивидов в частности»[1].

Представление о Египетском государстве во все эпохи его существования, в том числе и в период правления Птолемеев, как государстве деспотическом всецело доминирует и в российской историко-правовой науке. «Сложившиеся и восходящие к глубокой древности формы древнеегипетской деспотии, с неограниченной властью фараона, с разветвленным аппаратом многочисленных чиновников, активным вмешательством в хозяйственную жизнь были сохранены Птолемеями»[2], — пишет в своей книге о Птолемеевском Египте Д. В. Кузнецов.

Исследования массы документов о земельных отношениях в эллинистическом Египте, обнаруженных в последние десятилетия, и новое прочтение тех, которые были найдены ранее[3], радикально изменили представления историков о характере Птолемеевской монархии. В настоящее время в исторической литературе все более утверждается мнение о том, что Птолемеям не удалось

---

[1] *Rostovtzeff M. I.* The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times // The Journal of Egyptian Archaeology. 1920. Vol. 6. № 3 (Jul.). P. 164.

[2] *Кузнецов Д. В.* Эллинистический Египет: основные тенденции развития в конце IV – второй трети I века до н.э.: Учебное пособие. Благовещенск, 2005. С. 72.

[3] Профессор-историк Калифорнийского государственного университета Стэнли Бёрштейн следующим образом показывает, как изменилось в последнее время толкование содержания важнейших документов птолемеевского правления: «Так, внимательный анализ обнаружил, что “Налоговые законы (Податной устав) Птолемея II” описывают не действительное осуществление Птолемеевской масляной монополии, но нереалистичную правительственную идею о том, как такая монополия должна работать. Подобным же образом другой документ, так называемый «план посева культур», который первоначально считался ежегодно составлявшимся в Александрии планом, который устанавливал детально для каждого региона Египта, сколько культур должно быть засеяно в следующем году, оказался вместо этого докладом, составленным центральным правительством на основе умозрительных исчислений местных чиновников будущих урожаев их округов. Его целью было не рациональное планирование египетского сельского хозяйства, но грубая оценка размера будущего правительственного налога. Точно также “Инструкции Диокетеса для своего хозяйства” были не официальным учебником для управленцев, но литературным произведением, описывающим обязанности и характер идеального чиновника» (*Burstein S. M.* Reign of Cleopatra. Connecticut, 2004. P. 39–40).

создать в Египте сильного, в высшей степени централизованного, единого государства. Их монархическая власть была свободна от ограничений, с которыми должны были считаться македонские цари, но она вынуждена была сталкиваться с ограничениями другого рода. Центральный аппарат Птолемеевской монархии состоял в значительной мере из македонцев и греков, тогда как местная администрация формировалась из египтян. Раскол государства по вертикали — между верховной властью и местным управлением — дополнялся раздроблением его по горизонтали. Вследствие этого Птолемеевский Египет представлял собой конгломерат территорий, управлявшихся во многих отношениях самостоятельно местными органами власти, которые действовали в значительной мере независимо от монарха, носившего звание египетского фараона. Успехи того или иного представителя династии Птолемеев в качестве носителя верховной государственной власти были связаны с его способностью обеспечить компромисс в своих отношениях с местными правящими элитами, сохранять баланс интересов различных этнических групп (египтян, македонцев, греков, евреев и др.), поддерживать равновесие между различными группировками в государственном аппарате.

Простые египтяне относились к чужой для них государственной власти довольно неприязненно. Там же, где размер налогов, взимаемых в пользу Птолемеев, был чрезмерным, отношение к ним местного населения становилось открыто враждебным. В таких случаях египтяне нередко поднимали восстания. Но они носили в основном локальный характер и не представляли серьезной опасности для Птолемеев. Искусно лавируя среди различных групп местного населения, представители македонской династии успешно выходили из любых внутренних кризисов. Не имея опоры в среде простых египтян, Птолемеи сумели привлечь на свою сторону египетских жрецов. Щедрые финансовые пожертвования Птолемеев в пользу храмов, постоянная демонстрация ими уважения к египетским религиозным традициям сделали жречество настоящим союзником Птолемеевской монархии.

Профессор Стэнфордского университета Джозеф Мэннинг, исследовав государственную организацию Египта в период правления Птолемеев, пришел к двум основным выводам: 1) «Птолемеевское государство намного более институционно гетерогенное, чем обыкновенно предполагается, было изначально успеш-

ным в установлении равновесия и в достижении главной своей цели — получения налогов». 2) «Птолемеи управляли своей основной территорией путем осуществления власти не над обществом, но скорее через него»[1]. По мнению американского историка, «старое воззрение на Птолемеевское государство как в высшей степени централизованное, навязанное Виттфогелевской[2] "деспотической" моделью, необходимо пересмотреть. Следовавший из нее анализ, который исключал возможность частной собственности, оказался попросту ошибочным… Демотические свидетельства земельного держания в Фиваиде[3] показывают, что древняя практика небольших держаний земли в рамках храмового имущества продолжалась в период Птолемеев и что существовала ясно выраженная концепция частной собственности»[4].

В условиях, когда фараон имел право собственности лишь на какую-то, весьма ограниченную в размерах, часть земель, а по отношению к основной массе земельных угодий страны его властные полномочия ограничивались исключительно правом собирать налоги, могущество государства зависело в значительной мере от качества организации и эффективности работы бюрократического аппарата, от его способности поддерживать государственный порядок и обеспечивать поступление налогов в казну. Птолемей II Филадельф и Птолемей III Эвергет имели в своем распоряжении государственный аппарат, способный эффективно исполнять указанные функции[5], поэтому во времена их правления — с 283 по

---

[1] *Manning J. G.* The Last Pharaohs: Egypt Under the Ptolemies, 305-30 BC. Princeton, 2010. P. 1.

[2] Имеется в виду Карл Август Виттфогель (*Karl August Wittfogel*, 1896–1988), разработчик весьма примитивной теории «восточного деспотизма», автор целой серии работ об этом вымышленном западноевропейскими историками феномене. См.: *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. Yale: University Press, 1957.

[3] Фиваида включала в себя обширный регион, состоявший из тринадцати номов Верхнего Египта, от Абидоса до Асуана.

[4] *Manning J. G.* Land and Power in Ptolemaic Egypt. The Structure of Land Tenure. Cambridge, 2003. P. 233.

[5] При Птолемее II Филадельфе в Египте ежегодно собиралось налогов в среднем на сумму 14 800 талантов. Это намного больше, чем при других Птолемеях. Помимо налоговых сборов Птолемей II имел и другие весьма существенные источники пополнения казны. В итоге своим наследникам он оставил 740 тысяч

222 годы до н.э. — эллинистическое государство в Египте переживало период расцвета. Птолемеевская держава занимала тогда господствующие позиции в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Она отличалась процветавшей экономикой и самой мощной армией среди государств указанного региона. Власть египетского монарха распространялась на обширные территории за пределами его страны.

Во втором веке до н.э. экономика Птолемеевского Египта начала клониться к упадку. Собирать налоги стало труднее, и размер их не возрастал, как прежде. В решении данной проблемы Птолемеи пошли по пути расширения бюрократического аппарата, но это лишь увеличивало расходы государственной казны. Вместе с тем более активное вмешательство государственной власти в экономическую жизнь и повышение размера налогов влекло за собой усугубление экономического кризиса и обострение отношений между македонско-греческой политической элитой и египетским обществом. В последнее десятилетие существования Египта в качестве независимого государства ко всем его бедам добавилась засуха. Она привела к обмелению Нила и каналов. Следствием этого стало еще большее падение урожайности. Египет охватили бунты голодных людей[1].

Шаткость социальной базы монархии и оскудение государственной казны[2] ослабляли верховную власть и раскалывали клан Птолемеев на враждующие группировки, борьба между которыми принимала иногда чрезвычайно жестокий характер. В качестве примера здесь можно привести историю Птолемея VIII Эвергета, который со 170 года до н.э. правил в Египте вместе с братом Птолемеем VI Филометором, а в 164 году изгнал его из Александрии. В следующем году браться сошлись между собой в битве. Птолемей VI одержал в ней победу и возвратился на трон. В 145 году он умер, и корона досталась его сыну Птолемею VII. Птолемей VIII

талантов. См.: *Broughton T. R. S.* Cleopatra and «The Treasure of the Ptolemies» // The American Journal of Philology. 1942. Vol. 63. № 3. P. 329.

[1] См. об этом: *Green P.* The Last of the Ptolemies // Grand Street. 1985. Vol. 4. № 3 (Spring). P. 158.

[2] Факты, свидетельствующие об оскудении государственной казны в Египте, начиная со II в. до н.э., приводятся в статье: *Broughton T. R. S.* Cleopatra and «The Treasure of the Ptolemies». P. 329–331.

воспользовался этим случаем и сверг своего племянника с престола, а затем организовал его убийство. Воцарившись в Александрии, он женился на вдове своего покойного брата и матери убитого племянника Клеопатре II. Впоследствии он взял в жены свою племянницу, которую также звали Клеопатрой, а прежнюю супругу попытался удалить из Александрии, но потерпел неудачу. Пользовавшаяся большим уважением своих подданных Клеопатра II сама изгнала Птолемея VIII из столицы и стала править вместо него. Прибыв с Клеопатрой III на Кипр, Птолемей VIII вызвал к себе, якобы погостить, младшего сына Клеопатры II и, когда тот приехал на остров, убил его. После этого он послал тело мальчика матери в качестве «подарка» на день ее рождения. В 118 году до н.э. Птолемей VIII возвратился с Клеопатрой III в Александрию, но лишь для того, чтобы умереть здесь спустя два года.

Распри между различными представителями династии Птолемеев неоднократно в течение II и I веков до н.э. выливались в гражданские войны, разорявшие страну. При этом враждовавшие стороны нередко пытались заручиться поддержкой Рима, обещая взамен нее разного рода уступки и блага. Птолемей VIII и Птолемей X опускались в этих обещаниях до того, что готовы были завещать Риму всю свою страну. Римский Сенат не принял с их стороны такого дара и не обратил Египет в свою провинцию только потому, что сам был раздираем внутренними противоречиями.

Незаконнорожденный сын Птолемея IX Птолемей XII Авлет, правивший в Египте с 80 года до н.э., в 58 году был изгнан из Александрии местной толпой. По рассказу Страбона, «все цари после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли государственными делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний — Авлет; он, помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце; на этих состязаниях он вступал в соревнования с соперниками. Александрийцы, однако, изгнали его[1].

---

[1] Изгнание Птолемея XII из Александрии произошло спустя несколько месяцев после уступки им Риму Кипра, последней территории за пределами Египта и очень выгодной для египтян, которые вели торговлю. Александрийцы просили фараона возвратить остров или отказаться от союза с римлянами, но Птолемей отказался выполнить данную просьбу. По всей видимости, именно это перепол-

Так как из трех дочерей царя только одна, старшая, являлась законной, то ее и провозгласили царицей[1]; однако два его малолетних сына были тогда совершенно устранены от власти[2]. После ее вступления на престол в мужья царице пригласили некоего Кибиосакта из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей. Царица, однако, уже через немного дней велела задушить этого человека, не будучи в состоянии переносить грубость и низость его характера; вместо него явился человек, который также выставлял себя сыном Митридата Евпатора; это был Архелай, сын Архелая, воевавшего против Суллы, который после того получил почести от римлян»[3].

Тем временем Птолемей Авлет, вместе с дочерью Клеопатрой — будущей царицей Клеопатрой VII, обосновался в Риме и стал искать здесь себе поддержки для возвращения на египетский трон. За содействие в этом мероприятии он давал внушительные (более 6000 талантов) взятки римским полководцам Помпею и Цезарю, а также сенаторам, заимствуя деньги на них у римского финансиста Гая Рабириуса Постумуса[4], который, в свою очередь, брал деньги для кредита у друзей.

нило чашу терпения столичных жителей, живших в значительной мере за счет торговли, и заставило их потребовать от Птолемея покинуть город. Но возможно, Птолемей сам его оставил, опасаясь восстания. На троне в Александрии остались его супруга и сестра Клеопатра V и старшая дочь Береника IV.

[1] Страбон имеет в виду Беренику IV. Вместе с ней на троне в Александрии осталась супруга Птолемея XII Клеопатра V, но она спустя год умерла.

[2] Помимо Береники и Клеопатры у Птолемея XII Авлета была еще одна дочь — Арсиноя. Кроме того, он имел двух сыновей. После его смерти они будут занимать египетский трон под именами Птолемея Теоса Филопатора (Птолемея XIII) и Птолемея Филопатора Филадельфа (Птолемея XV).

[3] *Страбон*. География в 17 книгах. М., 1994. С. 734–735. Согласно рассказу Диона Кассия, Береника «послала за одним Селевком, который претендовал на принадлежность к царской расе, процветавшей когда-то в Сирии, признала его официально мужем и сделала его своим партнером по управлению царством и ведению войны. Когда он проявил себя неуважительно по отношению к ней, она убила его и соединилась на тех же самых условиях с Архелаем, сыном того Архелая, который сдался Сулле; он был энергичным человеком, проживавшим в Сирии» (Dio's Roman History. With an English Translation by Earnest Cary. In Nine Volumes. Vol. 3. London, 1914. P. 393).

[4] См. об этом: The Speech of M. T. Cicero in Defence of Gaius Rabirius Postumus // Orations of Marcus Tullius Cicero / Literraly translated by C. D. Yong.

В 57 году до н.э. Сенат принял решение поручить Лентулу Спринтеру организовать военную экспедицию в Египет для восстановления Птолемея XII на фараонском троне, однако его противники развернули активную пропаганду против исполнения этого решения, и экспедиция была отложена[1]. Тогда фараон-изгнанник вступил, через посредничество Постумуса, в переговоры с народным трибуном и проконсулом Сирии Авлом Габинием и сумел убедить его совершить военный поход в Египет. За свое восстановление на троне Птолемей обещал ему выплатить 10 000 талантов — сумму, близкую к размеру годового налога со всей страны[2].

В июле 56 года до н.э. Габиний двинул свои войска на Египет. В столкновении с египетской армией при Пелусии в октябре того же года римляне одержали победу и в начале 55 года вошли в Александрию. В результате Птолемей XII был восстановлен на троне в качестве фараона. Постумус сразу же потребовал от него возврата долга. Однако государственная казна оказалась пустой, и Птолемей вынужден был для ее пополнения прибегнуть к конфис-

---

Vol. 3. Containing the Orations for His House, Plancius, Sextius, Coelius, Milo, Licarius, etc., etc. London, 1913. P. 440. См. об этой истории также: *Siani-Davies M.* Ptolemy XII Auletes and the Romans // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1997. Vol. 46. № 3. P. 316.

[1] См. об этом: *Sanford E. M.* The Career of Aulus Gabinius // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1939. Vol. 70. P. 86; *Fantham E.* The Trials of Gabinius in 54 B.C. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1975. Vol. 24. № 3. P. 430. Мэри Сиани-Дэвис пишет в своей статье о Птолемее XII, что Сенат решил в конце концов «не поддерживать восстановление царя военным действием» (*Siani-Davies M.* Ptolemy XII Auletes and the Romans. P. 329). На самом деле Сенат как раз решил поддержать восстановление Птолемея XII посредством римских войск, но противник этого решения Гай Като обратился к оракулу Сивиллы и тот нашел знаки, предвещавшие неудачный исход этой операции.

[2] По сообщению Диодора Сицилийского, Птолемеи собирали ежегодно более 6000 талантов налога (*Диодор*. XVII. 52. 6). «Что касается доходов Египта, — писал Страбон (XVII. 1. 13), — то Цицерон в одной из речей говорит об этом, сообщая, что Авлету, отцу Клеопатры, ежегодно выплачивалось податей на сумму 12 500 талантов» (*Страбон*. География в семнадцати книгах. М., 1994. С. 736). Скорее всего, данная цифра называлась Цицероном в его речи в защиту Рабириуса Постумуса. В дошедшем до нас варианте этой речи она отсутствует, но Страбон вполне мог видеть другой ее вариант, в котором цифра 12 500 талантов называлась.

кациям имущества богатых семей. По сообщению Диона Кассия, «испытывая нужду в больших деньгах», он «предал смерти свою дочь (Беренику. — *В. Т.*), а также самых выдающихся и богатейших граждан»[1]. Но полученные столь жестоким способом деньги покрыли только часть долга. Остальную сумму Птолемей мог добыть лишь посредством налоговых сборов со своих подданных. И в этих условиях он не нашел ничего лучшего, как назначить своего римского кредитора на пост главного казначея (диоцета) Египта. Гай Рабириус Постумус получил возможность легально собирать налоги с населения страны[2], а в случае их неуплаты обращать в уплату налогов имущество неплательщиков.

Предприимчивый римлянин сполна воспользовался этой возможностью. Он быстро собрал сумму в 10 000 талантов, обещанную для Авла Габиния за восстановление Птолемея XII на египетском троне. Сколько Постумус собрал денег для себя, осталось неизвестным, но египтяне были настолько возмущены действиями казначея, что Птолемею пришлось заключить его в тюрьму. Кто-то устроил Постумусу побег из-под ареста (скорее всего, сам Птолемей), и ему удалось покинуть Египет, избежав неминуемой смерти[3].

Однако злоключения Постумуса на этом не закончились. В 54 году в Риме было выдвинуто обвинение против Авла Габиния в том, что он использовал имевшиеся в его распоряжении как у проконсула Сирии войска для восстановления Птолемея XII на троне в обход решения Сената, исключительно для личных целей. В качестве обвинителя Габиния по этому делу выступал известный римский оратор Цицерон[4]. Проконсул Сирии возразил на его обвинение, что военный поход в Египет был совершен им в интересах Римской республики, поскольку позволил разгромить устроенные пиратами на египетском побережье базы, с которых они нападали на корабли римских торговцев. Суд признал данное возражение обоснованным и вынес оправдательный приговор. Про-

---

[1] Dio's Roman History. Vol. 3. P. 395.

[2] The Speech of M. T. Cicero in Defence of Gaius Rabirius Postumus. P. 448–449.

[3] См.: Ibid. P. 452–453.

[4] См. об этом деле: *Fantham E.* The Trials of Gabinius in 54 B.C. P. 425–443; *Williams R. S.* Rei Publicae Causa: Gabinius' Defense of His Restoration of Ptolemy Auletes // The Classical Journal. 1985. Vol. 81. № 1 (Oct.–Nov.). P. 25–38.

тивники Габиния не успокоились и выдвинули против него второе обвинение — на этот раз в вымогательстве 10 000 талантов. Проконсул Сирии, признав факт получения им данной суммы, пояснил, что вся она пошла исключительно на содержание вверенных ему римских легионов. Но суд не принял такого оправдания и приговорил обвиняемого к выплате штрафа, равного взятой им сумме. У Габиния таких денег не оказалось, и тогда обвинение было выдвинуто против Гая Рабириуса Постумуса, через которого Птолемей XII передавал проконсулу Сирии 10 000 талантов. Римского финансиста обвинили также в том, что он побудил Габиния восстановить Птолемея XII на троне, что, будучи римским гражданином, состоял на государственной службе в Египте и носил египетские одежды. Защитником Постумуса, а следовательно, и Габиния, выступил Цицерон[1]. Ему удалось доказать невиновность своего подзащитного, и тот был оправдан.

Птолемей XII Авлет правил в Египте после восстановления на троне с помощью римских войск менее четырех лет. В 51 году до н.э. он умер и египетский трон перешел к его детям: Птолемею XIII Теосу Филопатору и Клеопатре VII.

Описанная история показывает, что последние Птолемеи легко жертвовали ради сохранения своей власти в Египте интересами страны, рассматривая ее будущее в качестве товара, который можно выгодно для себя продать. Вступившая на трон после Птолемея XII Клеопатра VII была первой египетской царицей, которая знала язык египтян. Однако и она всегда была готова продать Египет Риму за личное свое благополучие. За три без малого столетия своего правления в Египте династия Птолемеев так и не стала египетской.

Впрочем, и Египет к концу птолемеевского правления превратился по сути в другую страну, которая была лишь тенью великого государства, существовавшего когда-то на ее территории. Египтяне так и не выдвинули из своей среды новой династии фараонов. Знатные египетские семьи, лишенные возможности занимать должности в административном управлении и в армии, то есть служить государству, пошли в жрецы и стали посвящать свою

---

[1] См. его речь в защиту Гая Рабириуса Постумуса в издании: Orations of Marcus Tullius Cicero / Literraly translated by C. D. Yong. Vol. 3. London, 1913. P. 438–456.

жизнь службе богу. Храмы Египта на всем протяжении его истории играли огромную роль в судьбе страны: они были хранителями исторической памяти и духовных традиций египтян, они были родниками, которые питали духовное поле египетского общества, придавая ему качество великой цивилизации. Но они не могли заместить собой государство. А верховная жреческая власть не могла заменить собой верховную государственную власть. Государство было почвой египетской цивилизации, а фараон — ее солнцем. Без государства и фараона египетская цивилизация была обречена на увядание.

* * *

В 30 году до н.э. Октавиан включил Египет в состав Римской державы. Египетские жрецы, стремясь продолжить религиозно-политическую традицию своей страны, стали величать его фараоном, «возлюбленным Птаха и Изиды», но сам Октавиан не принял на себя этого звания. Слово «фараон» исчезло из египетской государственной идеологии и символики.

Египет занял особое место среди провинций Рима: он был отдан не под власть Сената, как прежние провинции, но остался в распоряжении Октавиана. Для непосредственного же управления этой страной была создана должность назначаемого единолично Октавианом и подотчетного только ему префекта (praefectus fabrum of Octavian) со статусом римского магистрата.

Исключительность положения Египта в составе Римской державы была связана с его ролью житницы всего Средиземноморского региона: египтяне производили третью часть всего зерна, потреблявшегося римлянами.

Дион Кассий писал в «Римской истории», что Октавиан обложил Египет данью и поручил его Корнелию Галлу[1]. «Из-за многолюдности как городов, так и страны, легкого, переменчивого характера жителей и величины зерновых припасов и богатства, не осмеливаясь доверить страну кому-либо из сенаторов, он даже запретил сенаторам жить в ней, кроме как по личному разрешению,

[1] Корнелий Галл командовал римскими легионами, стоявшими в Киренаике. Должность правителя Египта с титулом praefectus fabrum of Octavian он занимал до 15 апреля 29 г. до н.э.

данному от его имени. С другой стороны, он не позволил египтянам быть сенаторами в Риме»[1].

Корнелий Тацит дал в «Анналах» следующее объяснение наложенному Октавианом запрету сенаторам посещать Египет: «Август наряду с прочими тайными распоряжениями во время своего правления, запретил сенаторам и виднейшим из всадников приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и море и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду»[2].

О том, как управлялся Египет в качестве римской провинции, принадлежавшей единолично императору, Тацит рассказал и в сочинении под названием «История». По его словам, «в Египте уже со времен божественного Августа место царей заняли римские всадники, которые управляли страной и командовали войсками, охранявшими здесь порядок: императоры сочли за благо держать под своим личным присмотром эту труднодоступную провинцию, богатую хлебом, склонную из-за царивших здесь суеверий и распущенности к волнениям и мятежам, *незнакомую с законами и государственным управлением*»[3] (курсив мой. — *В. Т.*).

Говоря о незнакомстве египтян «с законами и государственным управлением», римский историк подразумевал скорее всего правовой и государственный порядок Рима. Свои собственные законы коренные жители Египта не забывали: они жили по этим законам тысячелетия и продолжали жить по ним в течение столетий римского владычества.

Ликвидация Октавианом Августом традиционного для Египта института верховной государственной власти не означала исчезновения связанных с ним религиозных мифов, церемоний и ритуалов. Египетские жрецы в течение нескольких веков после этого продолжали сохранять знание о них и память о своих фараонах.

После Октавиана Августа первым из римских императоров посетил Египет Тит Флавий Веспасиан, который правил в Риме с

---

[1] Dio's Roman History. With an English Translation by Earnest Cary. In Nine Volumes. Vol. 6. London, 1955. P. 47.

[2] *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Том 1: Анналы. Малые произведения. М., 1993. С. 71.

[3] *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Том 2: История. М., 1993. С. 10.

69 до 79 года н.э. Попав на египетскую землю, он задумал пройти церемонию посвящения в фараоны. И египетские жрецы совершили ее в полном соответствии со старинными традициями. Веспасиан был объявлен сыном Аммона и при этом оракул произносил те же самые слова, которые слышал за четыре столетия до этого во время своего пребывания в храме этого бога Александр Македонский.

§ 5. Государственный аппарат Древнего Египта

1. Общая характеристика древнеегипетского государственного управления

Древнеегипетская цивилизация прославилась великими свершениями в монументальном искусстве и духовной культуре. *Создание единого для всей страны государственного аппарата было достижением, которое вполне можно поставить в ряд великих культурных достижений Древнего Египта.* Функционирование данного аппарата предполагало наличие письменности и обширного слоя грамотных и образованных людей. Его существование создавало условия для мирной жизни населения, обеспечивало порядок в обществе, сохранение хозяйства от разорения и соответственно развитие экономики. Наличие в распоряжении верховного властителя государственного аппарата позволяло ему сосредотачивать в своих руках огромные материальные ресурсы, благодаря этому содержать целые армии творцов произведений искусства: мастеров, художников, каменщиков, ремесленников, и осуществлять широкомасштабное строительство храмов, дворцов, пирамид и других величественных сооружений. Неслучайно ослабление верховной государственной власти, разрушение единого государства всегда сопровождалось в Древнем Египте прекращением строительства монументов, упадком всех видов искусства. Эта закономерность действовала при распаде «Старого царства», который начался в период правления шестой или даже пятой династий[1]. Она проявлялась и при крушении «Среднего

[1] Американский историк Раштон Кулборн писал в 1954 г. в журнале «Этика», издаваемом Чикагским университетом, о переменах, которые переживало

царства», и в дальнейшем, когда государственное единство страны становилось чисто номинальным.

Государственный аппарат сложился в Древнем Египте в процессе формирования здесь единого государства — приблизительно в XXXIII–XXXI веках до н.э. Он был несущей конструкцией этого государства, его организационной основой. Правитель небольшого государственного образования мог превратиться в царя Верхнего и Нижнего Египта лишь при условии, если в его распоряжении появлялся инструмент, дававший ему возможность осуществлять свою власть на всей территории страны. Административные органы и чиновники, наделенные статусом, авторитетом и полномочиями, позволявшими им подчинять население монаршей воле, и выступали в качестве такого рода инструмента.

Первоначально круг лиц, осуществлявших государственное управление, ограничивался членами семьи верховного властителя и другими его родственниками. Служебная иерархия строилась в этих условиях на основе родственных отношений: чем ближе был по родству к монарху государственный служащий, тем более высокую должность он занимал в администрации. С расширением территории государства и увеличением административных функций в сферу государственного управления стали вовлекаться люди, не входившие в круг родственников монарха. Но клановый принцип долго еще являлся доминирующим в организации древнеегипетского государства.

В эпоху «Старого царства» государственный аппарат превратился в обширный, состоящий из множества управленческих органов и должностей, бюрократический механизм. Он был предназначен для выполнения самых разнообразных функций: надзора за проведением работ в государственных хозяйствах, обеспечения сбора налогов, контроля за производством и распределением продуктов. Одной из важнейших сторон государственной деятельности было в Древнем Египте отправление религиозного культа.

древнеегипетское общество во времена правления пятой и шестой династий: «Когда мы обращаемся к цивилизации в целом, мы обнаруживаем, что она стала приходить в упадок во время шестой династии, может быть, уже и при пятой. Мы наблюдаем политический крах и также упадок стилей в искусстве. Интеллектуальное и религиозное развитие следуют точно таким же курсом» (*Coulborn R.* Review: The Rise and Fall of Civilization. Ethics. 1954. Vol. 64. № 3. P. 212).

Храмовые корпорации являлись частью государственного аппарата, а жреческие должности входили в категорию государственных должностей. Для защиты от вторжений на территорию страны чужеземных войск, а также при появлении необходимости совершить военный поход в чужие земли (например, за какими-нибудь материалами для строительства монументов) местные правители собирали вооруженные отряды и предоставляли их в распоряжение верховной власти.

Скудость дошедших до настоящего времени сведений о государственном аппарате Древнего Египта не позволяет реконструировать его реальное состояние в сколько-нибудь полном виде не только применительно к эпохе «Старого царства», но и к позднейшим временам[1]. Но очевидно, что он был институциализирован в довольно слабой степени — во всяком случае, совсем не так, как в современном государстве. То, что в исторической литературе, посвященной Древнему Египту, называется «министерствами», «ведомствами» или «департаментами»[2], на самом деле являлось в большинстве случаев лишь направлениями государственной деятельности или функциями государства, исполнявшимися отдельными должностными лицами или группами чиновников.

Финансовое направление деятельности государственных властей предполагало организацию сбора налогов и надзор за поступлением в казну доходов из царского хозяйства, а также контроль за расходованием казенных средств для обеспечения жизнедеятельности монарха и его семьи, сановников царского двора, служащих государственного аппарата. Для выполнения этих функций назначались соответствующие надзиратели и контролеры, для содействия им определялись помощники.

---

[1] «Когда мы обращаемся к структуре общей администрации в этот период, мы сталкиваемся с заметной нехваткой сведений», — пишет Элэн Ллойд в работе, посвященной истории Древнего Египта в период с 404 до 332 г. до н.э. (The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. 6. The Fourth Century B. C. Cambridge, 2006. P. 343).

[2] «Центральная администрация разделялась в целом на департаменты казначейства, сельского хозяйства и работы», — пишет Ричард Яснов. При этом американский египтолог называет сановника, ведавшего общественными работами, «министром труда (minister of labor)» (*Jasnow R.* Egypt. Old Kingdom and First Intermediate Period // A History of Ancient Near Eastern Law / Edited by Raymond Westbrook. Vol. 1. Leiden, 2003. P. 100).

Экономическое направление государственной деятельности составляли, например: руководство царским хозяйством, обеспечение добычи материалов для строительства и других полезных ископаемых, ведение торговли как на территории страны, так и за ее пределами, организация общественных работ для строительства каналов, дорог, зданий, городских стен.

Военное направление государственной деятельности выражалось прежде всего в мерах по обеспечению охраны границ страны, защиты ее населения от нападений армий иностранных государств. Вместе с тем древнеегипетское государство и само вело агрессивные войны. Их целью мог быть захват рудников, позволяющих получить какие-либо необходимые для строительства или производства материалы[1]. Военные походы за пределы страны могли совершаться египетскими властителями также с целью захвата материальных ресурсов или пленных для обращения их в работников[2], но нередко они были просто ответной реакцией на военное вторжение иностранцев.

Идеологическое направление деятельности древнеегипетского государства было в эпоху «Старого царства» необыкновенным

---

[1] О том, что египетские властители нередко вели войны с целью захвата рудников, свидетельствуют многие факты. Так, на Синайском полуострове, в районе медных рудников, разрабатывавшихся во времена правления второго египетского властителя III династии, известного под именем Джосера, сохранился барельеф, изображающий его с булавой, занесенной над головой поверженного врага. Среди начертанных на барельефе иероглифических надписей есть и такая, в которой перечисляются имена и должности чиновников, участвовавших в этой военной экспедиции: «начальник воинов царской экспедиции», «начальник пустынной области Нетанх», «царский плотник Мери-иб». Захватив медные рудники, египетский царь ставил управлять ими своего чиновника (см.: *Weill R.* Les origines de l'Égypte pharaonique. Première partie: La II et la III dynasties. Paris, 1925. P. 127–130).

[2] В некрополе Абидоса сохранилась высеченная на каменной плите иероглифическая надпись, содержащая рассказ египетского тжати времен «Старого царства», по имени Уни, о своей служебной карьере. Описывав, как он командовал войском, посланным для завоевания одной из азиатских стран, Уни сообщил в данном рассказе, что военный поход был успешным, «страна жителей песков» была разорена, ее укрепления разрушены, воины ее истреблены, и далее особо отметил, что вернулся со своим войском домой, «захватив множество пленников», и что за это царь похвалил его «больше всех» (Надпись Уни // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Составление и комментарий А. А. Вигасина. М., 1997. С. 20–21).

по своему размаху. Государственная власть развернула широкомасштабное строительство храмов, пирамид, статуй монархов и других культовых монументов. На обеспечение отправления религиозного культа, проведение торжественных церемоний, праздничных или погребальных, призванных внушать почтение к главе государства, тратились огромные государственные средства. Организацией этих церемоний занимались специально назначенные для этого сановники.

Социальное направление государственной деятельности также имело идеологическую окраску. Его содержание составляли меры по поддержке населения во времена стихийных бедствий, в сезоны неурожаев. В этих ситуациях государство приходило на помощь простым производителям: чиновники бесплатно раздавали им зерно, масло и другие необходимые для жизни продукты. Раздачи в голодные годы простым египтянам припасов из государственных хранилищ практиковались во все периоды существования в Древнем Египте мощного единого государства, но правилом они стали именно в эпоху «Старого царства».

Судебная функция государства осуществлялась царем, тжати и должностными лицами государственного управления, в том числе жрецами. В эпоху «Раннего» и «Старого» царств суд вершился как религиозная церемония. Царь слушал споры и выносил решения в месте, которое называлось «Залом Хора». Тжати мог вести судебный процесс единолично или с группой своих помощников. Споры по сделкам, предполагавшим передачу имущества от одного лица к другому, могли рассматриваться в суде под названием, звучавшим подобно словам «Акхкет Кхуфу». Он состоял из чиновников государственного управления и заседал, как показывают источники, около пирамиды Хеопса[1].

В эпоху «Нового царства» суд вершился, как правило, коллегиями или советами чиновников (кенбетами). По всей видимости, они создавались специально для рассмотрения различного рода споров. Местные кенбеты, выступавшие в качестве государственных судов низшей инстанции, состояли из чиновников местного управления. Роль судов более высоких инстанций вы-

---

[1] См. об этом: *Goedicke H.* Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich. Beihefte zur Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 5. Vienna: Verlag Notring, 1970. S. 159–160.

полняли кенбеты чиновников центрального управления. Существовали кенбеты и при храмах. В столице для решения споров в качестве суда высшей инстанции действовал «великий кенбет», состоявший из высокопоставленных чиновников. Председательствовал в нем тжати[1]. Оформлением судебных процедур во всех кенбетах занимались писцы. В столичном кенбете эту задачу выполнял писец высшего ранга — «царский писец». Смешение судебной функции государства с административной исключало появление профессиональных судей.

Неразвитость институционной основы государственного управления Древнего Египта отражалась в терминологии, обозначавшей государственные должности: в египетском языке отсутствовало понятие государственного органа вообще, а названия должностей чиновников обозначали чаще всего не место в государственном управлении, но *род государственной деятельности*. Типичными для древнеегипетского государственного аппарата наименованиями должностей были выражения, начинавшиеся со слов «*надзиратель*», «*контролер*», «*хранитель*». Весьма значимой фигурой здесь являлся, например, «*надзиратель за царскими зернохранилищами*», «*контролер писцов царской казны*», «*хранитель печати*». Распространенными были названия должностей, которые строились по моделям: «*тот, кто делает то-то и то-то*», «*посвященный в такие-то дела*» и т. д.

Официальная древнеегипетская идеология представляла власть монарха в качестве универсальной, распространяющейся не только на территорию страны, но и на всю вообще землю и даже на небо. Этому воззрению соответствовали такие наименования государственных должностей, как, например: «глава всех продуктов, которые дает небо и доставляет земля».

Верхнюю ступень аппарата управления современного государства составляет, как известно, правительство — Совет или Кабинет министров. Вершину государственного аппарата Древнего Египта образовывал *двор монарха*. В него входили должностные лица, приближенные к главе государства, среди которых высшим был тжати (визирь). Полномочия дворцовых сановников имели,

---

[1] См. о кенбетах как судебных органах в статье: *Allam S.* Egyptian Law Courts in Pharaonic and Hellenistic Times // The Journal of Egyptian Archaeology. 1991. Vol. 77. P. 110–114.

как правило, самый общий характер, а титулы содержали указание на предназначение их носителей служить монарху, выражавшееся в таких фразах, как, например: «*следующий за монархом*», «*слуга монарху*», «*посвященный во все царские тайны*» и т. д. Дворцовые должности были по своей сущности лишь царскими поручениями, но сановники, призванные к их исполнению, часто занимали и какие-либо постоянные места в государственном аппарате.

Высокопоставленные государственные служащие имели, по обыкновению, несколько титулов и званий. И чем выше кто-либо из них стоял в служебной иерархии, тем, как правило, длиннее была его титулатура. Она состояла обычно из титулов и званий, указывавших не только на исполнявшиеся им государственные должности, но и на его принадлежность к той или иной социальной группе. В титулатуре чиновника могли содержаться также указания на его добросовестность, преданность своему начальнику и царю. Подобное качество выражал, например, следующий титул: «*Надзиратель за зернохранилищем, который каждый день исполняет желания своего господина*»[1].

Наряду с титулами, отражавшими действительно исполнявшиеся их носителями административные функции, существовала категория почетных титулов — таких, как, например: «*Администратор Хора — звезда на вершине неба*», «*Сотрудник Некхена*»[2].

Названия должностей, связанных с выполнением той или иной государственной функции, не были постоянными: они могли меняться даже просто при назначении на них новых лиц. Но по сложившемуся еще в эпоху «Раннего царства» обычаю должности государственных служащих, в особенности жреческие, считались египтянами семейной собственностью и, как правило, переходили в порядке наследования от отцов к сыновьям. Для обеспечения материального содержания своих чиновников монарх передавал им земельные участки, работников для их обработки, скот. Все это имущество было привязано к должности и наследовалось вместе с нею. Такой порядок существовал и в эпоху «Старого царства», и во все последующие времена.

---

[1] A Selection of Offering Formulae and Titles // *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age. Atlanta, 2005. P. 209.

[2] *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age. Atlanta, 2005. P. 27.

Египтолог О. Д. Берлев, исследуя надписи на древнеегипетских памятниках, относящихся к эпохе «Среднего царства», сделал вывод о том, что «должности были таким же объектом собственности, как земля, скот, вещи. Должности присваивались и отчуждались, как и прочее имущество, а вместе с ними и реальное обеспечение должности, в которое входили и люди. Египтянам, разумеется, приходилось делать различие между должностным и личным имуществом, хотя то и другое рассматривалось как dt (собственность). Различие это состояло вовсе не в том, что личное имущество было, так сказать, постоянной, а должностное — временной собственностью. Коль скоро держание должности было наследственным, эта разница скрадывалась. Существенным было лишь то, что должностное имущество было неотделимо от должности и могло отчуждаться только вместе с нею. Это обстоятельство способно было в известных условиях превращать должностное имущество в своего рода экономическую крепость того или иного лица, тогда как личное могло играть роль разменной монеты»[1].

Передача должностей по наследству от отцов к сыновьям считалась в Древнем Египте явлением желательным по целому ряду оснований. Во-первых, эта практика поддерживала стабильность государственного аппарата и общества. Во-вторых, она обеспечивала семьям государственных служащих постоянный уровень материального благосостояния. В-третьих, обычай передачи должностей по наследству был выгоден жрецам. Принимая на себя отцовскую должность, приносившую доход, сын получал возможность поддерживать культ своих предков и совершать дары в пользу храмов. Жрецы поэтому желали служилым египтянам, чтобы они передавали свои должности детям[2].

Факты показывают, что в Древнем Египте наследовались должности не только жрецов и гражданских чиновников, но и военных

---

[1] *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 254–255.

[2] На одном из древнеегипетских памятников эпохи «Среднего царства» сохранилась надпись, повествующая о данном неким чиновником дворцового управления обещании вознаградить жрецов храма Усире в Эботе за возглашение формулы: «Передадите вы должности ваши детям вашим и будут отпрыски ваши пребывать на местах ваших, в должностях ваших, что от особы (= собственных), и не будете вы голодать, не будете жаждать» (цит. по: *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. С. 178–179).

командиров. Так, начальник одной из пограничных крепостей на территории Верхнего Египта, назначенный на этот пост еще в молодом возрасте правителем Фив Ментухотепом I (приблизительно 2133–2117 гг. до н.э.), оставил надпись, в которой сообщил, что стал нести службу «еще во младенчестве, т. е. в той поре, когда царь имеет обыкновение назначать человека на должность лишь в том случае, когда человек занимает место (умершего) отца своего»[1]. Из этого сообщения следует, что отцовская должность переходила сыну в порядке наследования не самопроизвольно, но путем назначения его на это место монархом. Кроме того, из текста приведенной надписи вытекает, что в порядке наследования можно было получить должность в таком молодом возрасте, в котором иным образом ее невозможно было заиметь.

Указанный случай относится к переходному периоду между эпохами «Старого» и «Среднего» царства. Распад единого древнеегипетского государства, когда бы он ни происходил, всегда сопровождался разрушением общеегипетского государственного аппарата. Возрождение же единого государства означало восстановление и центрального государственного управления.

Древнеегипетский государственный аппарат эпохи «Среднего царства» являлся более сложным административным образованием, по сравнению с аппаратом государства предшествовавшего времени. Одной из главных его частей стала постоянная армия. Она обеспечила подавление сопротивления местных правителей, ставших в период анархии самостоятельными государями, и в последующем была одной из основных опор верховной государственной власти. Военачальники вошли в состав царского двора, в ближайшее окружение монарха. Они заняли должности в центральном и местном управлении. Об этом свидетельствуют такие появившиеся в указанную эпоху должностные титулы, как «главный из руководителей городской милиции», «солдат городской милиции», «писец армии» и т. д.[2]

---

[1] Цит. по: *Берлев О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. С. 186.

[2] «Ко времени Сенусерта III (1874–1855 гг. до н.э.), с централизацией власти и созданием крепостей с постоянными гарнизонами в них, армия, поддержанная ее административным органом, была бездонной ямой расходов, поглощавшей избыток продукции, который ранее питал мирную строительную програм-

В период правления Сенусерта III была осуществлена административная реформа, результатом которой стало резкое ослабление власти местных правителей — во всяком случае, в регионах, прилегавших к Фивам, резиденции монархов. Эти регионы были разделены на две части: северную и южную. Для управления каждой из них был создан государственный орган с названием, звучавшим примерно как «варет (wâret)». Его штат составляла целая группа должностных лиц: 1) чиновник, носивший титул «докладчика», который являлся, по всей видимости, руководителем варета, имевшим право доклада тжати или царю; 2) чиновник с титулом «второй докладчик», который был, похоже, его заместителем; 3) рядовые чиновники; 4) писцы. В составе варета имелся также совет или суд, предназначенный, как представляется, для разрешения споров[1]. И северный и южный вареты располагались в Фивах: они являлись, следовательно, органами центрального государственного управления, сфера деятельности которых была ограничена определенными территориями. Подобный характер деятельности имели почти все органы и служащие древнеегипетского государственного аппарата: их административные полномочия распространялись, как правило, не на всю страну, но лишь на определенную территорию. Единственным должностным лицом центрального государственного управления Древнего Египта, у которого пространство административной деятельности составляла вся страна, был тжати (визирь). Но такое положение он сохранял не во все эпохи древнеегипетской истории, а лишь в периоды «Раннего», «Старого» и «Среднего царства». В эпоху «Нового царства», когда территория Египта, вследствие серии успешных завоевательных войн, существенно расширилась, появилось два сановника с титулом тжати: один — для Южного Египта, другой — для Северного. Единственной персоной, обладавшей властью над всей страной, оставался после этого лишь фараон, царь Верхнего и Нижнего Египта. Тжати, который прежде являлся наряду с монархом фигурой общеегипетского масштаба, превра-

---

му пирамид», — делают вывод авторы книги «Солдат фараона. Египет Среднего царства, 2055–1650 гг. до н.э.» (Soldier of the Pharaoh. Middle Kingdom Egypt 2055–1650 B. C. Oxford, 2007. P. 5).

[1] См. об этом: *Hayes W. C.* Notes on the Government of Egypt in the Late Middle Kingdom // Journal of Near Eastern Studies. 1953. Vol. 12. № 1. P. 31–33.

тился в сановника с ограниченным пространством власти. Однако эта перемена не уравняла его с другими египетскими сановниками. В рамках подвластной ему территории тжати действовал как настоящий государь. Должность тжати во все эпохи истории Древнего Египта имела особое значение в механизме осуществления государственной власти.

2. Тжати (визирь)

Должность, называвшаяся словом, которое звучало приблизительно как «тжати», была главной в древнеегипетском государственном аппарате, но ее нельзя отождествлять с постом современного главы правительства — премьер-министра, что нередко делают историки[1]. Статус тжати в обществе, его место в механизме осуществления государственной власти, административные функции и должностные полномочия были такими, каких не имеет ни одно должностное лицо в современном государстве. Более того, должность, аналогичную тжати, трудно найти в средневековых государствах и государствах той эпохи, в которую существовал Древний Египет.

В исторической литературе тжати именуется чаще всего термином «визирь», которым обозначался помощник калифа или султана в средневековых мусульманских государствах[2]. Тем са-

---

[1] «Это была высшая нецарская должность в Древнем Египте, называемая djat или tjat, служившая как премьер-министр нации во все периоды (This was the highest nonroyal office in ancient Egypt, called a djat or tjat, served as the prime minister of the nation in all periods)», — пишет Маргарет Бунсон в статье, посвященной визирю (тжати) (*Bunson M.R.* Encyclopedia of Ancient Egypt. Revised Edition. New York, 2002. P. 425). Джеймс Брэстед писал о тжати Рекхмире, что он был «первым министром или визирем Египта» (Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 2. Chicago, 1906. P. 266). «Визирь, который исполнял обязанности премьер-министра и главного судьи, являлся, вероятно, более могущественным, чем какой-либо человек в Древнем Египте, за исключением самого царя» — такими словами характеризует тжати современный немецкий египтолог Бири Фэй (*Fay B.* Tell me, Richard — did the Ancient Egyptian realy wear suspenders? (Thoughts on the Vizier's Insignia and one of the man who wore it during Amenhotep III's reign) // Servant of Mut: studies in honor of Richard A. Fazzini / Edited by Sue H. D'Auria. Leiden, 2007. P. 90).

[2] Происхождение термина «визирь» или, в другом написании, «везирь», не вполне ясно. Некоторые историки полагают, что он произошел из арабского

мым он уподобляется высшему должностному лицу в государствах, которые существенно отличались от древнеегипетской державы устройством, функциями, идеологией. В действительности статус, значение и функции тжати в государственном аппарате Древнего Египта были уникальны, не похожи ни на одну должность в государственном управлении какой-либо другой страны. Следует иметь в виду также, что роль тжати в механизме осуществления государственной власти не оставалась неизменной на протяжении древнеегипетской истории: она менялась не только с переходом от эпохе к эпохе, но и со сменой династий.

Самые ранние следы этой фигуры можно заметить на палетке Нармера, в изображении человека, идущего впереди царя и несу-

---

термина «вазир», означающего «несущий бремя». По мнению Эрика Ханне, данный термин не встречается до периода правления династии Аббасидов (*Hanne E.* Viziers // Medieval Islamic Civilization. An Encyclopedia / Edited be Josef W. Mery. New York, 2006. Vol. 2. P. 855). Государство Аббасидов существовало на Ближнем Востоке с 750 по 1258 г. Помощник калифа в нем назывался «вазиром». Но подобным термином именовался помощник калифа и в государстве Умайядов, которое существовало с 661 по 750 г. (см.: *Hawting G. R.* The First Dynasty of Islam. The Umayyad Caliphate A. D. 661–750. London, New York, 2000. P. 52). Пришедшие на смену Умайядам Аббасиды просто унаследовали эту должность от предшествовавшей династии. «Вазиром» назывался помощник монарха и в Персии. В персидском трактате середины XII в. с арабским названием «Муфид-аль-Улум», содержавшем наставления для монарха, имелась глава, специально посвященная значению этой должности. Вазир сравнивался в ней со скачущим на слоне человеком, который внушает страх другим, но еще больше боится за свою собственную жизнь (*van Gelder G. J.* Mirror for Princes or Vizor for Viziers: The Twelfth-Century Arabic Popular Encyclopedia «Mufīd al-ʾulūm» and Its Relationship with the Anonymous Persian «Baḥr al-fawāʾid» // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. 2001. Vol. 64. № 3. P. 330). Впоследствии подобная должность появилась и в Османской империи. Современные турецкие историки пишут о ней: «Везир — это наиболее известная, после султана, должность в государственном управлении исламского государства. Этот важный институт существует у Османов с давних пор. В период основания государства был один везир, при Мураде I их стало два, один из них великий везир (садразам), при Баязиде Йылдырыме — три, при Мураде II — четыре, и так продолжалось до первых лет правления Сулеймана Канунр. К концу его правления число везиров увеличилось до семи, а в конце XVI в., в 1596 г. стало шестнадцать; в 1599 г. было уже двадцать три везира, и они, с точки зрения статуса, делились на две группы: внутренние и внешние везиры» (История Османского государства, общества и цивилизации. В двух томах / Под редакцией Экмеллетдина Ихсаноглу. Том 1: История Османского государства и общества. М., 2006. С. 130–131).

щего одну из его регалий. Он обозначен иероглифом, звучащим примерно как слово «тати»[1]. Чернильные надписи, обнаруженные археологами в галерее под ступенчатой пирамидой Джосера, второго монарха третьей династии, свидетельствуют, что в середине правления второй династии при царском дворе служил человек знатного происхождения по имени Менка, который имел звание «тот, кто за занавесом», свидетельствовавшее о том, что он был сановником при царском дворце и носил титул «тжати»[2].

В эпоху **«Старого царства»,** во времена правления третьей и четвертой династий, данный титул принимал на себя, как правило, один из сыновей царя[3]. Так, тжати по имени Нефермаат был сыном Снефру, последнего царя III династии. Тжати Канефар также являлся сыном Снефру: он занимал данный пост при своем отце, а после его смерти — при Хуфу (Хеопсе), втором царе IV династии. Его сменил в качестве тжати сын Хуфу и соответственно внук Снефру по имени Хемиун. Другой сын Хуфу, которого звали Хуфу-Хаф, тоже стал тжати, а потом, вероятно, и новым царем, принявшим имя Хафры. Его сын Дуаэнра являлся, в свою очередь, тжати при Менкауре, пятом царе IV династии.

Царский сын, получавший звание тжати, непременно становился еще и верховным жрецом Птаха, главного бога города Мемфиса, царской резиденции. Полномочия тжати придавали ему статус фактического соправителя своего отца. Они давали ему власть над государственным аппаратом, а это означало в условиях «Старого царства» власть над всей страной. Тжати непосредственно руководил деятельностью государственных органов и считал-

---

[1] См. об этом: *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005. P. 116.

[2] Надпись, содержащая имя Менка и обозначающая его титулом «тжати», приводится в книге Т. А. Уилкинсона «Раннединастический Египет. См.: Ibid. P. 117.

[3] «Хорошо известно, что все визири носили титул “zs nswt (царского сына)” со времени правления Снефру (последний царь III династии. — *В. Т.*) до начала V династии» — такое заключение делает в своем исследовании древнеегипетской царской семьи эпохи «Старого царства» французский египтолог Мишель Бод. «Все визири с IV династии и до самого начала V-й (династии) были “царскими сыновьями”», — повторно утверждает он на другой странице своей книги (*Baud M.* Famille royale et pouvoir sous l'Ancient Empire égyptien. Le Caire, 1999. Tome 1. P. 176, 275).

ся начальником всех должностных лиц Египта. Он распоряжался всеми материальными ресурсами государства. Именно к нему стекалась вся информация о состоянии египетской экономики, о доходности царских хозяйств, о налоговых сборах и наполнении казны. Без его печати ни один государственный документ не мог рассматриваться в качестве действительного. Тжати был верховным судьей, последней судебной инстанцией при разрешении споров. Он являлся ближайшим советником царя во всех государственных делах.

Египетский царь эпохи «Старого царства» являлся во многом лишь церемониальной фигурой. Его главная роль заключалась в поддержании авторитета государства. Она была высокозначимой, поскольку государственная власть, лишенная авторитета, перестает быть властью, а государство, утратившее власть над населением страны, обращается в ничто. Однако исполнение данной роли требовало совершения множества торжественных церемоний, ритуалов и обрядов. Причем едва ли не каждый день. Это диктовало совершенно определенный образ жизни и государственной деятельности. Царь должен был появляться перед своими подданными в образе бога и никем иным, а значит, ему надлежало вести жизнь затворника величественного дворца. Во время церемоний его должны были окружать дворцовые сановники. В связи с этим не только царь, но и двор египетского царя имел характер преимущественно ритуального учреждения и плохо был приспособлен для выполнения административных функций.

Повседневное управление государством предполагало частое общение с другими людьми, появление на публике в качестве человека, призванного всем интересоваться, во все вникать. Царь-Бог не мог себе этого позволить. Поэтому фигура тжати была необходимым дополнением к особе верховного властителя Древнего Египта: монарх в этой стране *царствовал, но не управлял,* тжати *управлял, но не царствовал*.

Надписи на древнеегипетских памятниках эпохи «Старого царства» сохранили имена самых известных и влиятельных тжати. Среди них на первое место следует поставить Имхотепа, занимавшего эту должность в правление царя Джосера и при трех его преемниках на престоле. Его происхождение неизвестно, однако титулы, которые он носил, помимо звания тжати, выдают в нем весьма знатного человека. Он величался, в частности, «первым

после царя Верхнего Египта», «мудрым советником», «управляющим царским дворцом». Он был верховным жрецом Птаха со званием «сына Птаха», «хранителем царской печати», «заведующим всеми царскими работами», «главным архитектором», «главным писцом» и т. д. Но первоначальной должностью, прославившей его среди египтян и давшей ему большое влияние в царском дворце, была должность лекаря. Искуснее его в лечении различных болезней и большего знатока человеческого организма не было в Египте не только его времени, но и всех последующих времен.

Имхотеп вошел в историю мировой архитектуры в качестве первого зодчего, начавшего проектировать и строить сооружения из камня. Он первым стал возводить пирамиды, придумав для них ступенчатую форму. Главным его архитектурным произведением является погребальный комплекс Джосера в Саккаре, остатки которого сохраняются до сих пор. Имхотеп получил в Египте известность и как автор дидактических сочинений. Его изречения писались на стенах храмов, они распространялись среди египтян на папирусах до тех пор, пока сохранялась египетская письменность.

После смерти Имхотепа среди египтян стихийно возник культ его почитания. Впоследствии он стал официальным, государственным культом. В честь Имхотепа возводились храмы и статуи. Данный культ сохранялся и в Птолемеевском Египте: по приказу Птолемея V на острове Филае был воздвигнут храм в честь Имхотепа.

В период правления царя пятой династии Униса (приблизительно 2356–2323 гг. до н.э.) должность тжати занимал человек по имени Птаххотеп. Его дед, которого тоже звали Птаххотеп, был тжати при царе Изези, правившем до Униса (приблизительно в 2388–2356 гг. до н.э.). Его отец, Акхетхотеп, также служил при царском дворе в качестве тжати.

Птаххотеп второй получил известность в качестве автора моральных наставлений, написанных им для своего сына. Их текст дошел до нас по копии на папирусе, составленной в эпоху «Среднего царства». Сведения, содержащиеся в нем, дают представления о характере государственной деятельности тжати в то время. Птаххотеп надеялся, что его сын унаследует этот высокий пост, и старался преподать ему правила поведения, соответствующие званию тжати. «Позволь моему сыну унаследовать мое положение, —

обращался он к царю, — для этой цели я буду наставлять его в решениях судей, в мудрости тех, кто жил в более ранние годы»[1]. И царь на это отвечал: «Учи его до того, как уйдешь в отставку, о том, что было сказано в прошлом; когда понимание и ясность войдут в него, он станет тогда примером для детей знати. Наставляй его, ибо никто не рождается мудрым»[2].

В тексте наставлений сыну Птаххотеп неоднократно упоминает свои титулы и звания. Их совокупность показывает пространство его государственной деятельности. Целый ряд его титулов носит общий характер: Птаххотеп пишет о себе, что он является, например, наследственным аристократом, градоначальником, хранителем царской печати, посвященным в царские секреты, исполнителем всех дел царя. Другая группа титулов и званий Птаххотепа указывает на конкретные сферы его государственной деятельности. Он величает себя тжати и судьей, верховным жрецом, возлюбленным бога, переписчиком священных книг, руководителем всеми царскими работами, начальником писцов, надзирателем над двумя зернохранилищами, управляющим двумя Белыми домами, то есть финансами страны, надзирателем за погребениями.

Сосредоточение такого количества высокозначимых в древнеегипетском государстве титулов и должностей у одного сановника было вполне нормальным явлением, если он имел звание тжати. С другой стороны, только тжати мог держать в своих руках все подобные титулы и должности одновременно. Факты показывают, что сановник, возводившийся в звание тжати, никогда не ограничивался им одним, но непременно принимал на себя если не все из перечисленных выше титулов и должностей Птаххотепа, то, во всяком случае, большинство их. Это проливает свет на подлинную сущность данного звания в эпоху «Старого царства»: оно обозначало не просто должность как совокупность конкретных полномочий, но должность-*ранг* — место в государственной иерархии. Звание тжати ставило его обладателя выше всех сановников и тем самым позволяло ему сосредоточить в своих руках важнейшие должности в государстве.

---

[1] The Maxims of Ptahhotep // The Literature of Ancient Egypt. An Antology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry / Edited with Introduction by W. K. Simpson. Yale, 2003. P. 131.

[2] Ibidem.

Как уже отмечалось, с конца правления III династии и во все время царствования IV династии ранг тжати имели, как правило, лишь персоны, являвшиеся по своему происхождению царскими сыновьями. Однако затем ситуация изменилась: тжати периода правления V династии уже не были царскими сыновьями по рождению. Характеризуя данную перемену, Мишель Бод пишет: «Модель политического общества, основанного на царской семье в широком смысле, времен правления IV династии, во время V династии уступила место модели корпуса чиновников, не имеющих семейной связи с царем»[1]. В действительности суть произошедшей перемены заключалась в другом. Родственная связь чиновников с монархом не утратила своего значения во время правления V династии — она лишь приобрела новое качество.

Тжати Птаххотеп имел знатное происхождение, но природным сыном царя не был. Несмотря на это, в наставлениях сыну он называл себя «старшим сыном царя, от плоти его»[2]. Подобным образом еще два тжати периода правления V династии именовались «царскими сыновьями», хотя не были ими по рождению: Сехемкара, занимавший эту должность-ранг при царях Усеркафе и Сахуре, и Птахшепсес — тжати царя Ниусерра[3]. Очевидно, что указание на родственную связь с царем являлось в этих случаях всего лишь фикцией. Если во время правления IV династии наименование «сын царя» отражало *родственные отношения* с верховным властителем того, кому оно присваивалось, то в период царствования V династии оно стало *титулом*, который указывал на отличавшийся особой приближенностью к царю *статус* его носителя[4].

---

[1] *Baud M.* Famille royale et pouvoir sous l'Ancient Empire égyptien. Le Caire, 1999. Tome 1. P. 315.

[2] The Maxims of Ptahhotep. P. 131. См. также современный перевод наставлений Птаххотепа на русский язык, осуществленный М. И. Соколовой. Он опубликован на сайте египтологии: http://www.egyptology.ru/reader.htm. Весь фрагмент, в котором Птаххотеп называет себя «сыном царя», имеет следующее содержание: «Начало изречений речи доброй, сказанной принцем, князем, отцом бога, любимым богом, сыном царя старшим от плоти его, градоначальником визирем Птаххотепом для обучения невежд знанию».

[3] *Baud M.* Famille royale et pouvoir sous l'Ancient Empire égyptien. Tome 1. P. 176.

[4] Одним из проявлений приближенности к монарху того или иного сановника было в Древнем Египте дозволение ему лобызать ступни его величества, а

В период правления VI династии тжати перестали именоваться «царскими сыновьями». Эта перемена не повлекла за собой понижения этого ранга при царском дворе. Тжати по-прежнему держали в своих руках важнейшие государственные должности. Но начавшийся где-то с середины правления VI династии процесс ослабления верховной государственной власти имел своей обратной стороной усиление власти местных правителей и соответственно расширение аппарата местного управления. В нем стали появляться должности, которые в центральном государственном аппарате были принадлежностью звания тжати, а именно: «заведующего казной», «надзирателя над зернохранилищем», «надзирателя за всеми работами монарха» и т. д.[1] Это означало, что местные администрации начали постепенно превращаться в аппараты управления самостоятельных государственных образований.

В эпоху **«Среднего царства»** статус тжати при дворе монарха и его функции в государственном аппарате были подобны тем, которыми он обладал во времена «Старого царства». Как и прежде, это звание часто переходило по наследству от отца к сыну. Вместе с тем одна и та же персона могла занимать пост тжати при нескольких фараонах. Так, человек по имени Анкху, живший в 60-е – 30-е годы XVIII века до н.э., был тжати при двух или трех царях, а может быть, даже и при шести[2]. Их общее время правления вполне уложилось в течение его взрослой жизни. Сменил же Анкху на должности тжати его сын Иимеру, который, в свою очередь, передал этот пост своему сыну[3].

Отсюда видно, что *в условиях слишком частой и хаотичной смены монархов, непостоянства института верховной власти*

не землю перед ним, как обыкновенным подданным. См. об этом: *Dorman P. F.* The Biographical Inscription of Ptahshepses from Saqqara: A Newly Identified Fragment // The Journal of Egyptian Archaeology. 2002. Vol. 88. P. 102.

[1] См. об этом: *Andrássy P.* Untersuchungen zum ägyptischen Staat des Alten Reiches und seinen Institutionen. Berlin / London, 2008. S. 39.

[2] Имена царей, при которых Анкху мог занимать должность тжати, были приблизительно следующими: Хенджер, Семенхара, Себекемсаф I, Себекхотеп III, Неферхотеп I и Сихатор.

[3] См. об этом: *Hayes W. C.* Notes on the Government of Egypt in the Late Middle Kingdom // Journal of Near Eastern Studies. 1953. Vol. 12. № 1. P. 38–39.

должность тжати являлась важнейшим фактором сохранения стабильности государственной организации Древнего Египта.

Высокое значение тжати в механизме осуществления государственной власти предъявляло особые требования к тем, кто занимал данный пост. Чтобы государственный аппарат работал эффективно, его рычаги должны были направлять люди умные, образованные, обладающие способностями к государственной деятельности. И среди египетских тжати было на редкость много таких людей.

В свете этого неудивительными представляются ситуации, когда тжати поднимались на ступеньку выше в государственной иерархии и всходили на царский трон. Такой случай произошел, например, с Аменемхетом, который был тжати при последнем царе XI династии Ментухотепе IV[1], а после его смерти воспользовался сложившейся ситуацией и захватил трон, став царем Аменемхетом I, основателем XII династии, возродившей единое государство в Древнем Египте.

Тжати эпохи «Старого царства», если судить по сохранившимся их изображениям и статуям, не имели отличительного одеяния, инсигнии. В эпоху же «Среднего царства» у тжати появилась такая одежда-инсигния. Сохранившиеся изображения и статуи тжати времен правления XIII династии представляют их в юбке, завернутой высоко на груди; иногда в дополнение к этому покрытыми мантией. Подобная юбка считалась одеждой всей вообще египетской знати, но тжати отличала от других сановников спрятанная за верхним краем юбки печать со шнурком поверх нее. Юбка одевалась обыкновенно так, чтобы спереди, в области живота, образовывалась выпуклость, как бы из-за слишком объемного брюха. Оно считалось у египтян признаком благосостояния и высокого социального статуса. Сановники, которым не посчастливилось такого брюха заиметь, старались одеждой своей создать впечатление, что оно у них есть[2].

---

[1] Ментухотеп IV правил, по разным данным, в период с 1997 до 1985 г. до н.э. или в 1992–1985 гг.

[2] Это объяснение обычая египетской знати эпохи «Среднего царства» носить юбку с выпуклым передом мне кажется более правильным, чем то, которое дает немецкий египтолог Бири Фэя. По его мнению, юбка с выпуклым передом являлась у египтян «символом статуса и благосостояния не потому, что скры-

Установившийся во времена «Среднего царства» обычай носить юбку, завернутую высоко на груди и с выпуклостью впереди, был характерен и для тжати последующих времен.

В эпоху **«Нового царства»** статус тжати оставался таким же, каким он был в предшествовавшие эпохи. Будучи по своему значению в механизме государственной власти вторым, после фараона, лицом, он, как и прежде, сосредотачивал в своих руках все нити управления страной. Однако страна стала другой. Успешные военные походы фараонов привели к расширению подвластной им территории до небывалых масштабов. Египет превратился в обширную империю, управлять которой было невозможно прежними методами. При отсутствии системности в организации государственного аппарата единственным фактором, упорядочивавшим его деятельность, являлся тжати. Появление новых государственных должностей и увеличение численности чиновников, неизбежное в условиях активной внешней экспансии государства, усиливало его политический вес в правящем сословии. Тжати превращался в поистине исполинскую фигуру в древнеегипетской государственности. Вместе с тем он становился персоной, способной соперничать за власть над Египтом с самим фараоном. Такое соперничество оказывалось вполне вероятным в условиях, когда верховный властитель был не только церемониальным, но и активно действующим главой государства. Египетским фараонам эпохи «Нового царства» было свойственно стремление самолично заниматься делами государственного управления. Они, как правило, сами командовали армией и вели ее в бой. С точки зрения древнеегипетской политической идеологии функции фараона и тжати в механизме государственной власти существенно

вала большой живот, но потому что избыток одежды показывал положение и благосостояние ее носителя» (*Fay B.* Tell me, Richard — did the Ancient Egyptian really wear suspenders? (Thoughts on the Vizier's Insignia and one of the man who wore it during Amenhotep III's reign) // Servant of Mut: studies in honor of Richard A. Fazzini / Edited by Sue H. D'Auria. Leiden, 2007. P. 90). Эпохе «Среднего царства» предшествовал период анархии и голода среди египтян, длившийся почти столетие. Голод наступил вследствие засушливого климата и обмеления Нила, поэтому он был всеобщим: от него страдали не только простые жители Древнего Египта, но и знатные люди. Объемный живот после таких страданий не мог не восприниматься самым существенным признаком высокого положения и благосостояния.

отличались друг от друга, но на практике это различие нередко стиралось: фараон действовал как тжати, а тжати как фараон. Херихор, управлявший Южным Египтом во времена Рамсеса XI, то есть примерно в 30-е — 20-е годы XII века до н.э., продемонстрировал это самым убедительным образом. Факты показывают, что именно тжати вершил в Египте верховный суд, именно он принимал доклады чиновников и сановников, а бывало, и назначал их на должности, именно к нему стекалась вся информация о состоянии дел как в центральном, так и местном государственном управлении.

Приблизительно в середине правления XVIII династии в Египте появилось два тжати: один — для южной части страны, другой — для северной. Тжати Южного Египта обосновался в городе Фивы. Пространство его власти охватывало территорию от южной границы государства до города Кис[1], который являлся во времена владычества гиксосов северной границей пребывавшего под управлением египтян Фиванского государственного образования. Резиденцией тжати Северного Египта стал Мемфис. Его юрисдикция была распространена на Средний и Нижний Египет, то есть территорию, на которой когда-то властвовали гиксосы. Территория, отведенная в управление северному тжати, оказалась значительно больше территории, на которую распространялась власть южного тжати. При этом оба они подчинялись только фараону и никому другому.

Ситуация, когда страной управляют два тжати, действующих в различных ее частях, неоднократно возникала в Египте и в прежние эпохи[2]. Но во всех случаях это было временное состояние государственного управления, вызванное преходящими обстоятельствами. Два тжати, появившиеся в начале эпохи «Нового царства», являлись, за исключением двух случаев[3], постоянным

---

[1] Греки называли этот город Кусае.

[2] Два тжати было в Египте, по всей видимости, в период правления Пепи II, падающего примерно на 2279–2219 гг. до н.э., и во времена Сенусерта I, правившего приблизительно в 1971–1926 гг. до н.э.

[3] Во время правления фараона XVIII династии Аменхотепа IV, принявшего в процессе религиозной реформы имя Эхнатона (приблизительно 1351–1334 гг. до н.э.), и при фараоне XX династии Рамсесе III, который правил примерно в 1185–1153 гг. до н.э., в Египте был один тжати.

явлением древнеегипетской государственности вплоть до периода правления Кушитской (Эфиопской) династии, то есть до середины VIII века до н.э. Об истинных причинах раздвоения главной должности в государственном управлении Древнего Египта можно только гадать, но если Хатшепсут или кто-либо из ее преемников на троне пошли на эту реформу для того, чтобы ослабить позиции тжати в механизме государственной власти, то они, безусловно, достигли этой цели.

Вместе с тем к учреждению двух постов тжати вместо одного могло побудить осознание невозможности после расширения территории Египта и увеличения численности чиновников исполнять функции тжати по всему ее пространству одному человеку.

Во время правления Рамсеса II, приблизительно в 1269 году, резиденция фараона была перенесена в дельту Нила, в город Пирамес. Это способствовало углублению обособленности Южного Египта от Северного в экономическом, идеологическом и политическом отношениях. Раздвоение должности тжати приобрело в этих условиях другой смысл: оно позволило сформировать в стране легальным путем второй государственный центр. Его географическим местом стал город Фивы, а политическим ядром — тжати Южного Египта, который, оставшись здесь, приобрел большую степень самостоятельности в управлении подвластной ему территорией и начал действовать как фараон.

Наличие двух политических центров в условиях, когда верховная государственная власть утратила свой авторитет среди населения и легко могла стать добычей какой-нибудь группировки египетской знати, позволяла ослабленному египетскому государству избегать в течение долгого времени жестокой, разрушительной даже для самого прочного общественного и государственного организма, борьбы за трон монарха.

Сын фараона или другой его родственник, который мог претендовать на престол, имел возможность удовлетворить притязания на власть без борьбы за нее, но договорившись с фараоном о своем назначении на должность тжати в Фивах. И факты свидетельствуют, что данный пост занимали чаще всего родственники монарха.

С другой стороны, существование в Египте порожденных раздвоением должности тжати двух политических центров придавало позициям правившей в стране династии больше прочности. За-

хват противниками этой династии одного из центров не устранял ее с политической арены. Другой центр мог объявить себя единственным легитимным средоточием верховной государственной власти или просто прийти на помощь своему поверженному политическому близнецу.

Сохранившиеся от «Нового царства» различного рода надписи и рисунки, отражающие деятельность тжати, дают основание для вывода о существовании в Древнем Египте устойчивой идеологической традиции, определяющей место тжати в государственной иерархии, характер его власти, круг полномочий и способ их осуществления, его взаимоотношения с фараоном и с чиновниками. Данная традиция сформировалась еще в эпоху «Старого царства». Во времена «Среднего царства» данной традиции было дано письменное выражение. Но в наиболее ярких формах она проявилась в период правления XVIII и XIX династий, в иероглифических надписях и рисунках, сделанных на стенах могильных сооружений тжати, имена которых звучали приблизительно как Узерамун, Рекхмира, Аменемопет, Хапу, Пасер.

Из них самыми богатыми по содержанию являются те, которые были обнаружены в погребении Рекхмиры[1], расположенном в огромном некрополе, который тянется вдоль западного берега Нила, напротив места, где находился город Фивы. Указанный некрополь считался местом захоронения наиболее знатных египтян, сановников, царедворцев.

Надпись на стене могилы Рекхмиры зафиксировала основное событие его жизни — назначение на должность тжати, а также: 1) содержание наставления, данного ему при этом фараоном; 2) титулы и звания, которые были присвоены Рекхмиру; 3) его основные обязанности на посту тжати; 4) его отношение к фараону; 5) его деятельность в качестве судьи; 6) его административную деятельность; 7) характеристику его способностей как госу-

---

[1] Французский египтолог Евгений Ревиллаут читал имя этого тжати как Rezmara. Он высказывал предположение, что «имя Резмара, означающее “savant comme le dieu Ra (ученый как бог Ра)”, как этот верховный бог, которому уподобляются цари, — было дано однажды своему фавориту Тутмосом, вместо присвоенного ему через несколько дней после рождения» (См.: *Revillout E.* Introduction historique sur l’administration et l’organisation légale des terres dans L’Ancienne Ègypte // Revue Égyptologique. Publiée sur la direction de M. Eugène Revillout. Paris, 1896. Vol. 7. № 2. P. 86).

дарственного деятеля; 8) его просьбы к богам быть свидетелями его правдивости; 9) совет живущим прислушиваться к тому, что сказали их предки; 10) просьбу делать жертвоприношения богам во спасение душ фараона и Рекхмиры.

Английский египтолог Элэн Гардинер относил надпись из могилы тжати Рекхмиры к жанру автобиографии. «Не без колебания, — отмечал он при ее публикации, — описал я эту надпись как автобиографию, так как из особых событий в карьере Рекхмиры в ней было зафиксировано лишь одно, а именно: возведение его на высший административный пост в стране. Но есть много разновидностей автобиографии, и та, которая перед нами, кажется хорошим образцом того, что должно было являться, по мнению египтян, автобиографией. Автор надписи, был ли это сам Рекхмира или кто-то другой, явно не жалел красок для этой композиции, поскольку текст был исправлен в нескольких местах красными чернилами. Он изобилует необычными словами и фразами, а для изображения избраны более насыщенные цвета, чем обыкновенно применялось египтянами»[1].

Указанная надпись, состоявшая из сорока пяти строк иероглифов зеленого цвета, была сделана в углу большой картины, изображавшей Рекхмиру при исполнении им наиболее значимых функций тжати[2]. Он занимал эту должность в период наивысшего

---

[1] *Gardiner A. H.* The Autobiography of Rekhmerē // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde / Herausgegeben von Georg Steindorff. Leipzig, 1925. Bd. 60. S. 62.

[2] Картина, изображающая деятельность Рекхмиры, и надпись на ней, нанесенные на стену его могилы, привлекли внимание ученых еще первой четверти XIX в. В 1819 г. французский минералог и путешественник Фредерик Гэллиод (*Frédéric Gailliad*) скопировал некоторые сцены картины, а в начале 30-х гг. XIX в. опубликовал их в книге «Recherches sur les arts et métiers, les usages de la vie civile et domestique des anciens peuples de l'Egypte, de la Nubie et de l'Ethiopie». В 1837 г. их напечатал в первом томе своей книги «Manners and Customs of the Ancient Egyptians, including their Private Life, Government, Laws, Arts, Manufactures, Religion and Early History» английский Дж. Г. Уилкинсон. После этого сцены деятельности Рекхмиры публиковали Ж.-Ф. Шампольон, Н. Ф. Розеллини, Г. А. Хоскинс. К. Р. Лепсиус скопировал рисунки и тексты из могилы Рекхмиры во время экспедиции в Египет в начале 40-х гг. XIX в. и спустя несколько лет напечатал их в третьей части издания под общим названием «Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien». После этого появилось еще несколько публикаций отдельных фрагментов указанной картины и надписи. В 1889 г.

могущества Древнего Египта за всю его историю, приблизительно в 1471–1448 годах до н.э., на протяжении бóльшей части царствования Тутмоса III и нескольких лет правления его сына Аменхотепа II. Прадед Рекхмиры являлся тжати при фараоне Тутмосе II, а возможно, и ранее — при Тутмосе I. Его дед Амотжу был тжати при фараоне-женщине Хатшепсут. Его отец Неферубен и дядя Узерамун[1] носили это звание в начальный период правления

появилась книга Филиппа Вирея «Могила Рекхмары» (Le Tombeau of Rekhmara. Préfet de Thébes sous la XVIII dynastie. Éditeur Philippe Virey // Mémoires publiés par les Membres de la Mission archéologique française au Caire. Tome V. Paris, 1889). Французский египтолог представил в ней свой перевод той части надписи из могилы Рекхмиры, где были изложены его обязанности в качестве тжати, но он оказался неполным и ошибочным. Содержание этого документа было изложено Филиппом Виреем почему-то в обратном порядке. Заслугой ученого стала публикация обнаруженных им в могиле Рекхмиры неизвестных до этого текстов. В 1896 г. другой французский египтолог — Евгений Ревиллаут — восстановил правильный порядок текста, содержавшего описание обязанностей тжати, в своем переводе его, опубликованном в № 2 седьмого тома «Египтологического журнала» (*Revillout E.* Introduction historique sur l'administration et l'organisation légale des terres dans L'Ancienne Ègypte // Revue Égyptologique. 1896. Vol. 7. № 2. P. 86–88) и в № 2–4 восьмого тома этого журнала (*Revillout E.* Supplément aux donnés juridique des inscriptions de Rezmara sur la transmissions héréditaires // Revue Égyptologique. 1897. Vol. 8. № 2–4. P. 164–165). Первое научно выверенное издание на египетском и английском языках текста, излагавшего обязанности тжати, причем и тех его частей, которые ранее считались невидимыми, предпринял английский египтолог Перси Эдвард Ньюберри. Восстановить эти лакуны ему помогли варианты документа подобного рода, обнаруженные им в могилах тжати Узерамуна и Аменемопета. Книга П. Э. Ньюберри «Жизнь Рекхмары», вышедшая в 1900 г., содержала одну треть рисунков и текстов из могилы этого тжати. В 1906 г. свой перевод на английский язык приведенных в данной книге иероглифических текстов, которые содержали пересказ наставления фараона, полученного Рекхмирой при назначении на должность тжати, и перечень его обязанностей опубликовал, во втором томе сборника «Древние документы Египта», Дж. Г. Брэстед. При этом он дал и описание основных сцен в картине, изображающей деятельность Рекхмиры в качестве тжати (Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 2. Chicago, 1906. P. 266–295). В начале 30-х гг. XX в группа археологов во главе с Р. Афенсом (*R. Athens*) обнаружила надпись, содержавшую описание обязанностей тжати, на стене могилы человека по имени Пасер, который занимал должность тжати при фараонах XIX династии Сети I и Рамсесе II.

[1] В «Кэмбриджской древней истории» дядя Рекхмиры называется именем Аменуср (Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 2. Part 1. History of the Middle East and Aegean Region, c. 1800–1380 B. C. Cambridge, 2006. P. 353).

Тутмоса III и вполне вероятно, что одновременно. Если это было именно так, то Неферубен являлся тжати для Северного Египта, а Узерамун — для Южного. На этом посту его сменил Рекхмира[1].

Известно, что Рекхмира получил воспитание как будущий жрец Маат, богини правосудия, то есть скорее всего изначально готовился исполнять функции тжати, среди которых главной выступала судебная. Знания, навыки и умения, которые он приобрел во время учебы, высоко оценивались в сделанной от его имени могильной надписи. «Я был знатоком из знатоков во всех профессиях… — говорилось в ней. — Не было никого (подобного) мне (в способности) делать счастливым или несчастным. Не было плана, об исполнении которого я не знал… Я был ловким во всех предприятиях, осторожным при даче совета, готовым слушать. Я был искусным в прошлых делах, и то, что случалось вчера, позволяло мне знать то, что должно было случиться завтра»[2].

Титулы, которые Рекхмира носил в дополнение к своему основному званию тжати, определяли его положение при дворе фараона и в государственном аппарате, а также его качества как государственного деятеля. В содержании рассматриваемой надписи он был представлен как: «наследственный и местный принц, управляющий управляющих, носитель тайн, тот, кто вхож в святилище, и от кого бог ничего не скрывает, и для кого нет ничего неведомого как на небесах, так и на земле, или в каком-либо укромном месте потустороннего мира; жрец Дома Пламени[3]; жрец в Великом Доме[4]… (контролер) всех церемониальных одежд; судья Шести Высоких Судов; руководитель каждого ведомства фараона; он был полезен только тому, кто делал его полезным; склонный к примирению при вынесении судебных решений; воспитанник царя Верхнего Египта; последователь царя Нижнего Египта; сопровождающий Хора[5]...; под чьим кольцом с печатью (соединяются и)

---

[1] См. описание жизни Рекхмиры в издании: *Newberry P. E.* The life of Rekhmara: vezîr of Upper Egypt under Thothmes III and Amenhetep II (circa B.C. 1471–1448). London, 1900.

[2] Цит. по: *Gardiner A. H.* The Autobiography of Rekhmerē. P. 73.

[3] Один из храмов Нижнего Египта.

[4] Один из храмов Верхнего Египта.

[5] То есть фараона, выступавшего воплощением Хора.

связываются воедино дома золота и дома серебра; управляющий [Аммона..., Рекхмира]»[1].

Перед описанием своего назначения на пост тжати Рекхмира дал краткое, но емкое определение своего статуса. «Я человек знатного происхождения, — подчеркнул он, — (только) второй после фараона, (только) четвертый после судьи Двух Друзей»[2]. Первая фраза из этого определения вполне понятна — тжати действительно был второй после верховного властителя фигурой в механизме государственной власти. В пояснении здесь нуждается вторая фраза. Под судьей «Двух Друзей» подразумевался в данном случае бог писцов Тот, выступавший в египетском мифе о споре Гора и Сета судьей между ними. Иначе говоря, Рекмира ставил себя в иерархии мира на четвертое место после бога Хора, воплощением которого был фараон, бога Сета и бога Тота.

На церемонию назначения на должность тжати Рекхмира прибыл ко дворцу фараона со своими братьями. Они стали среди толпы приглашенных, примерно в тысячу человек, а Рекхмира подошел к воротам. Дворцовые служащие поклонились будущему тжати, и старший среди них показал ему, куда идти…

На следующий день после назначения Рекхмира снова был вызван к фараону во дворец — на этот раз, чтобы выслушать наставление о том, как ему надлежит действовать на посту, на который его назначили. «Посмотри на должность тжати, — начал говорить фараон, — блюди (над всем), что там делается, ибо это опора всей страны. А теперь что касается должности тжати, — она не сладка; в действительности она горька подобно желчи. Посмотри, он (т. е. тжати. — *В. Т.*) есть медь, ограждающий золото в доме своего [господина]; он — один из тех, кто не склоняет своего лица по направлению к сановникам и коллегиям, и кто не превращает кого-либо из них в своего [сторонника]. Смотри, что касается «[всего] того, что делает человек в хозяйстве своего господина, он будет счастлив, и нет ничего, что он делает для кого-либо еще»[3].

---

[1] Цит. по: *Gardiner A. H.* The Autobiography of Rekhmerē. P. 63.

[2] Цит. по: Ibid. P. 64.

[3] *Faulkner R. O.* The Installation of the Vizier // The Journal of Egyptian Archaeology. 1955. Vol. 41. P. 18–22. Перевод опубликованного Р. О. Фолкнером в указанной статье английского текста наставления фараона своему тжати на русский язык приводится в издании: *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права

Бóльшая часть наставления фараона Рекхмире была посвящена его деятельности в качестве судьи. «Не суди [несправедливо], так как бог ненавидит пристрастность, — увещевал его величество своего тжати. — Это поучение: поступай соответственно. Взирай на того, кого ты знаешь, так же, как на того, кого ты не знаешь, на того, кто ближе к тебе, так же, как на того, кто дальше [от тебя]… Не показывай напрасно гнева на человека, [но] гневайся на то, на что следует гневаться. Внушай к себе страх, чтобы люди могли уважать тебя. Так как правитель, которого уважают, является настоящим правителем. Обрати внимание, (настоящее) достоинство правителя заключается в том, что он вершит правосудие, но если человек беспрестанно внушает страх к себе, то есть что-то неправедное в нем, по мнению людей; они не говорят про него: "Он является (хорошим) человеком". Опять же, люди говорят, что правитель, который говорит неправду, получит по заслугам, но ты будешь успешно отправлять свою должность и вершить правосудие. Обрати внимание, то, чего желают, это осуществление правосудия речениями тжати. Теперь [что касается тжати], он стал ее (т. е. справедливости. — *В. Т.*) законным стражем [со времени] бога. Обрати внимание что люди говорят о главном писце тжати, "Писец Правосудия", — говорят о нем. И что касается зала, в котором ты судишь, в нем есть большое помещение, заполненное [записями] всех [прошлых] судебных решений. Что касается того, кто вершит правосудие перед всеми людьми, то он и есть тжати. Обрати внимание, человек будет пребывать в своей должности, если он действует в соответствии с поручением, данным ему, и это человек непорочного характера, если он действует согласно тому, что ему было сказано. Не поступай по твоему [собственному желанию] в делах, относительно которых известен закон»[1].

Как бы отвечая на это наставление фараона, Рекхмира оставил на стене своего погребения следующий отчет о своих поступ-

---

XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 133–134. Данный перевод мне показался не совсем адекватным. Поэтому я предлагаю свой перевод на русский язык английского текста наставления из статьи Раймонда Фолкнера. Для обозначения второго человека в государственной иерархии Древнего Египта английский египтолог использует слово «vizier (визирь)», мне показалось более правильным употреблять термин, которым он назывался, т. е. «тжати».

[1] *Faulkner R. O.* The Installation of the Vizier. P. 22–23.

ках: «Я ненавидел [несправедливость] и не поступал несправедливо… Я остался невиновным перед богом… Я [побуждал] истцов и ответчиков е примирению. Я не [подавлял] справедливость ради вознаграждения. Я не был глухим к тем, кто приходил ко мне с пустыми руками; и более того, я ни у кого не брал взяток…»[1]

В дальнейшем описании своей государственной деятельности Рекхмира счел необходимым повторить, что судил справедливо. «Я не склонялся ни на одну сторону, — подчеркивал он. — Я никакого внимания не уделял наградам. Я не проявлял гнева [по отношению к тем, кто приходил] ко мне как проситель. Я не отказывал ему. Я терпел его в тот момент, когда у него случалась вспышка гнева. Я избавлял робкого человека от насилия»[2].

Приведенный отчет Рекхмира завершал призывом бога в свидетели своей правдивости. «Слушайте те, кто еще существует, — обращался он к будущим посетителям своего погребального сооружения, — бог знает то, что находится в теле; [все] органы, [которые в нем], открыты перед ним. Поймите же, его глаза постигают натуры [людей] в их жизнях»[3].

Наиболее интересной по своему содержанию частью надписи на стене могилы Рекхмиры был текст, в котором описывались полномочия и обязанности тжати. Публикуя его в своем сборнике старинных египетских документов, Дж. Г. Брэстед отмечал, что «это наиболее важная из надписей, дающих знание об организации государства при восемнадцатой династии»[4].

Содержание указанной надписи показывает, что тжати надлежало исполнять в механизме государственной власти не менее тридцати различных функций. Они охватывали следующие направления государственной деятельности: 1) *судебное*: рассмотрение дел и утверждение решений нижестоящих судов, 2) *финансовое*: контроль за состоянием казны и сбором налогов, 3) *военное*: контроль за состоянием крепостей, армии и флота, 4) управление дворцом и резиденцией фараона, 5) контроль за делопроизвод-

---

[1] Цит. по: *Gardiner A. H.* The Autobiography of Rekhmerē. P. 70–71.

[2] Ibid. P. 74.

[3] Ibid. P. 74–75.

[4] Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 2. Chicago, 1906. P. 270.

ством в центральном управлении, 6) надзор за состоянием храмовых хозяйств, 7) контроль за состоянием дел в центральном государственном управлении и назначение чиновников, 8) контроль за состоянием дел в местном управлении, 9) надзор за сельским хозяйством, 10) организация экспедиций по территории Египта и в другие страны, 11) организация доставки сообщений о происходящем в стране и за ее пределами во дворец к фараону.

Из описания судебной деятельности тжати видно, что он вершил суд не один, а с другими сановниками. Но право вынесения судебного решения принадлежало только тжати. Ни один из сановников не мог присвоить себе этого права и не мог назначить кому-либо наказание. В случае обвинения сановника, который являлся членом судебной палаты, действовавшей при тжати, он подлежал суду и приговор по его делу выносил тжати.

Что же касается финансового направления в государственной деятельности тжати, то в перечне его функций особо отмечалась обязанность регулярно проверять состояние казны. «Это он вместе с начальником сокровищницы будет открывать сокровищницу. Это он будет осматривать подати земли…»[1], — говорилось в рассматриваемой надписи. Согласно ей, именно тжати должен был определять размер податей и недоимок для всей страны и всех хозяйств, в том числе и храмовых.

На тжати лежала обязанность обеспечения обороны страны от вражеских вторжений. Вследствие этого он проявлял особую заботу о поддержании в надлежащем состоянии крепостей, армии и флота. В частности, был принят порядок, по которому тжати регулярно докладывали «о состоянии крепостей юга и севера»[2], а также флота[3]. В соответствии с этим порядком тжати подчинялись начальники крепостей и войсковых отрядов. Кроме того, предписывалось, что «это он будет устанавливать количество войск, следующих, сопутствуя владыке при путешествиях на север и юг»[4],

---

[1] Должностная инструкция везиру // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 140.

[2] Там же. С. 137.

[3] «Ему будут докладывать все кенбеты передней части флота и задней части флота», — гласила должностная инструкция тжати (там же. С. 141).

[4] *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. С. 139.

что «это он будет предоставлять ладьи всем имеющим право на их предоставление»[1].

Любопытно, что подати и недоимки тжати Южного Египта мог устанавливать только для юга и резиденции. Но при этом он командовал крепостями и войсковыми подразделениями, располагавшимися по всей стране. Таким образом, забота о защите страны от военных вторжений не была разделена между двумя тжати: ее возложили исключительно на тжати Южного Египта. И это вполне объяснимо: он, в отличие от тжати Северного Египта, всегда находился при фараоне.

Как управляющий дворцом фараона и его резиденцией — городом Фивы тжати контролировал доступ во дворец и в резиденцию, а также выход из них.

Значительную часть государственной деятельности тжати составляла, как показывает содержание надписи в могиле Рекхмиры, работа с документами. Чаще всего это были отчеты с мест о состоянии хозяйств и сборе налогов. Вместе с тем документировались и судебные процессы: во всяком случае, судебные решения местных судов подавались тжати в письменном виде. Судебный процесс, который он вершил сам, также документировался: при нем всегда состоял так называемый «писец правосудия». При этом в зале, где проходило судебное заседание, лежали, как указано в надписи о деятельности тжати, сорок кожаных свитков, развернутых перед ним[2]. Очевидно, что это были тексты законов.

О полномочиях тжати относительно храмов в надписи на стене могилы Рекхмиры было сказано, что «это он будет выслушивать о нуждах всех храмовых владений», что «это он будет производить взимание податей для местных храмов» и что именно «он будет устанавливать границы всех округов, всех пастбищ, всех храмовых владений, всех владений»[3]. На практике тжати ведали в дополнение к указанному также храмовым строительством.

Содержание рассматриваемой надписи показывает, что контроль тжати над состоянием дел в центральном и местном управлении Египетского государства осуществлялся преимуществен-

---

[1] *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. С. 141.

[2] Там же. С. 136.

[3] Там же. С. 140.

но путем выслушивания докладов различных должностных лиц, а также посредством ознакомления с письменными отчетами с мест. Эти отчеты всегда находились в помещении — зале, где работал тжати. В его ведении было также назначение начальников округов, причем как в Южном (Верхнем) Египте, так и в Северном (Нижнем).

Главной отраслью египетской экономики было сельское хозяйство, в основном земледелие. От его процветания зависело состояние всего государства. Неудивительно, что надзорные и контролирующие функции тжати в этой области описывались в инструкции, данной ему фараоном, предельно подробно. Он решал споры по поводу земельных участков, устанавливал их границы, предоставлял наделы земли во владение, вел учет скота, ведал всеми сельскохозяйственными работами: порубкой деревьев, обработкой земли, устройством каналов и т. д.

Описанные функции тжати не исчерпывают содержания его государственной деятельности. Тжати отвечал перед фараоном за состояние всей страны. «Это он будет делать доклады о состоянии Обеих Земель его величеству»[1], — устанавливала инструкция для тжати, изложенная в надписи на стене могилы Рекхмиры. Тжати должен был знать обо всем, что происходило в стране. Особенно о том, что оказывало влияние на земледелие. В указанной надписи говорилось, что ему «будут докладывать восход Сириуса и (подъем) Нила. Ему будут докладывать о дожде»[2].

Всеобъемлющий характер полномочий тжати выражал и панегирик фараону, представленный в рассматриваемой надписи от имени Рекхмиры. «Я сердце господина, уши и глаза монарха. Зри, я его самый что ни есть собственный шкипер, я не знаю, что такое спать ночью и днем. Я провожу свою жизнь с сердцем, занятым носовыми и кормовыми канатами[3], и земледелец не ускользает из моих рук. Я бдительно слежу, чтобы не свивались канаты. Что такое царь Верхнего Египта? Что такое царь Нижнего Египта? Он

---

[1] *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. С. 141.

[2] Там же.

[3] Дословно: «I spend my life, my heart being occupied with the prow-rope and the stern-rope». В данном случае подразумевается управление государством, которое уподобляется кораблю.

есть бог, чьими деяниями живут. [Он есть] отец и мать [всех людей]; единственный в своей персоне, не имея себе равных»[1].

Некоторые историки, основываясь на описании функций египетского тжати в надписи из могилы Рекхмиры, представляют его в качестве персоны, подобной префекту претория (praefectus praetorio) при римском императоре[2]. На самом деле никакого сходства между египетским тжати и римским префектом претория нет. Это были совершенно разные по своей сущности государственные должности. Такая фигура, как тжати, могла появиться только в Древнем Египте и больше нигде. Сложившаяся в этой стране еще в эпоху «Раннего царства» и окончательно оформившаяся во времена «Старого царства» государственная организация охватывала значительно более широкую по сравнению с другими странами сферу общественной жизни. В нее включились, например, храмы со всеми своими хозяйствами, которые в древних обществах обыкновенно сохраняли свою самостоятельность и были способны даже противостоять государственной власти. Египетские жрецы являлись государственными служащими, в то время как в Месопотамии и особенно в Индии священнослужители образовывали особые социальные группы и не входили в состав государственной организации. Повышенную степень огосударствления имела древнеегипетская экономика. Инструкция фараона для тжати, изложенная в надписи, которая была нанесена на стену могилы Рекхмиры, показывает, что государственная власть не просто контролировала сельское хозяйство страны, но фактически управляла им.

Идеологическая сфера древнеегипетского общества также была монополизирована государством. В Древней Индии, в Месопотамии, в Древнем Китае могли существовать независимые от государства и при этом весьма авторитетные среди населения

---

[1] *Faulkner R. O.* The Installation of the Vizier. P. 69.

[2] «Префект претория римских императоров играл очень похожую роль», — писал Евгений Ревиллаут в своем комментарии к тексту из могилы Рекхмиры, в котором были изложены обязанности тжати. «Вы заметили, без сомнения, что здесь функции Рекхмиры абсолютно такие же, как у префекта претория», — повторял французский египтолог свою мысль в другом месте указанного комментария (*Revillout E.* Introduction historique sur l'administration et l'organisation légale des terres dans L'Ancienne Ègypte // Revue Égyptologique. 1896. Vol. 7. № 2. P. 85, 86).

идеологические системы, включавшие в себя религиозные верования и мифы, философские и этические учения. Такими системами были, например, индуизм и буддизм, даосизм, первоначально конфуцианство и т. д. В Древнем Египте таких идеологических систем возникнуть не могло. В древнеегипетском обществе главной интеллектуальной силой, хранителями религиозных традиций, этической мудрости, знаний об окружающем мире были сановники, жрецы, писцы, то есть государственные служащие. При этом один и тот же человек мог здесь быть одновременно и сановником, и жрецом, и писцом.

Грань между обществом и государством была в Древнем Египте весьма зыбкой: государство в этой стране было силой, формировавшей общество, определявшей его существование в качестве единого социального организма. При таком устройстве государственной и общественной организации верховная государственная власть неизбежно приобретала такое же значение, которое мозг имеет для человеческого организма. Но сам по себе данный орган функционировать не может. Для этого организму необходимо еще и сердце, и глаза, и уши. Тжати и представлял собой все названные органы. И такая сущность этой фигуры предельно ясно сознавалась в Древнем Египте. Вот почему тжати по имени Рекхмира заявлял о себе в могильной биографической надписи: «*Я сердце господина, уши и глаза монарха*».

В отличие от визиря в мусульманских государствах, в отличие от префекта претория в Римской империи, древнеегипетский тжати был не просто помощником верховного властителя: он воплощал собой органы государственного организма, посредством которых приводились в движение все клетки этого организма, благодаря которым последний жил полноценной жизнью.

Тот факт, что представление о государственной деятельности тжати, выраженное в надписи, нанесенной на стену погребения Рекхмиры, несли в своем содержании и подобные надписи, обнаруженные в могилах Узерамуна, Аменемопета, Хапу, Пасера, свидетельствует о том, что это была целая традиция. В период правления XVIII династии она была уже зрелой, в достаточной степени оформленной. Следовательно, формирование этой традиции началось еще в эпоху «Среднего царства», а возможно, и ранее — во времена «Старого царства». Как бы то ни было, сам факт существования традиции, воплощавшей общепризнанные в египетском

обществе представления о тжати, показывает, что идеологическую, религиозно-мифологическую оболочку имел не только верховный властитель, но и тжати. Это, в свою очередь, подтверждает мысль об исключительной роли данной фигуры в механизме государственной власти Древнего Египта времен «Старого», «Среднего» и «Нового» царств.

В последующие эпохи значение тжати в функционировании Египетского государства заметно упало. Надпись на одной из сохранившихся статуй тжати Южного Египта по имени Харсиесис, правившего в Фивах какое-то время в период с X до середины VIII века до н.э., зафиксировала следующую титулатуру этого человека: «Надзиратель над писцами…; ответственный за раздел жертвоприношений богам Юга и Севера; ответственный за южные ворота…; управляющий дворцом; палка Аписа; палка черного буйвола; пророк Аммона-Ра; служитель Амеса Некхена; служитель, который присматривает за манерами придворных; ответственный за слово, которым царь назначает день для созыва знатных людей и [при произнесении] которого согласился пробуждаться, и которое также успокаивает его величество в момент (ярости); тот, кто дает указания священнослужителям относительно их поведения во время месячных праздников…; верховный начальник нома Джуфи; глава пророков Осириса в Тауре[1]; жрец Птаха; пророк, судья и тжати Харсиесис»[2]. Приведенная надпись показывает, что во времена, когда ее текст наносился на стелу, тжати был уже обычным сановником, который по своему статусу не слишком возвышался над местными правителями.

С утверждением на египетском престоле кушитской (эфиопской) династии должность тжати еще больше упала в своем значении. В периоды правления последних египетских династий в честь некоторых тжати были возведены красивые монументы, что явно свидетельствует о том, что люди, занимавшие эти должности, были весьма влиятельными сановниками.

Александр Македонский изменил управление Египтом таким образом, что в нем не нашлось места для традиционной египет-

---

[1] Название нома.

[2] Цит. по: *Meulenaere H. de.* La Statue d'un Vizir Thébain: Philadelphia, University Museum E. 16025 // The Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 139–140.

ской должности тжати. Птолемеи же, правившие в последнюю эпоху существования Египта как самостоятельного государства, не стали восстанавливать эту должность в государственном аппарате страны.

3. Должностные лица центрального государственного управления

Первоначальный государственный аппарат Древнего Египта состоял, если не целиком, то в основном, из родственников и слуг верховного властителя и представлял собой группу приближенных царя, исполнявших по его поручению те или иные функции управления царской резиденцией и территориями, прилегающими к ней. Об этом свидетельствуют самые ранние должностные титулы и звания. Так, один из приближенных царя эпохи «Раннего царства», а возможно, и более древнего времени назывался «*контролером Двух Тронов*», другой носил титул «*посвященного в секреты царских указов*», третий представлялся в могильной надписи как «*тот, кто стоит у головы царя*», четвертый — как «*тот, кто за занавесью*».

Древнеегипетский государственный аппарат эпохи «Старого царства» прошел по меньшей мере трехсотлетнюю непрерывную эволюцию и тем не менее основной корпус его должностных лиц так же, как в предшествовавшую эпоху, формировали царские родственники и слуги. Причем иерархия родственных отношений была определяющим фактором для государственной иерархии: чем ближе являлся служащий государственного аппарата по своим родственным связям к царю, тем более высокую должность занимал. Это факт удостоверен массой различных материалов, полученных при археологических раскопках. Американский археолог и египтолог Майкл Эллен Хоффман, специально исследовавший вопрос о роли родственных отношений в древнеегипетском государстве на первой стадии его развития, писал: «Ранняя фараонская администрация была почти несомненно основана на подчиненных, ядром которых были родственники и чьи узы периодически цементировались стратегическими брачными альянсами»[1].

---

[1] *Hoffman M. A.* Egypt before the Pharaohs: the prehistoric foundations of Egyptian civilization. London, 1980. P. 325.

По мере развития древнеегипетской государственности родственные связи теряли свое значение в структуре государственного аппарата, но определенное влияние на иерархию должностных лиц этот фактор сохранял во все исторические эпохи.

Могущество верховной государственной власти в эпохи «Раннего» и «Старого» царств имело в качестве своего фундамента обширное хозяйство монарха. Тех, кто управлял им, вполне можно отнести к категории царских слуг. Однако доходы от личного хозяйства монарха шли не только на личное потребление царской семьи: они использовались и на государственные нужды — в частности, на содержание храмов и поддержание религиозного культа верховного властителя, на материальное обеспечение служащих административного аппарата. Сколько-нибудь четкого различия между государственным хозяйством и личным хозяйством верховного властителя не было. Слуги царя могли постоянно или периодически выполнять поручения, которые иначе, как службой государству, назвать невозможно, а государственные должностные лица могли выполнять функции царских слуг. Статус государственных должностных лиц, как правило, смешивался со статусом слуг, поэтому название чиновников государевыми слугами было вполне нормальным явлением.

Лица, управлявшие царским хозяйством на той или иной территории страны, как правило, составляли одновременно и местную администрацию. «Во время первой и второй династий, — пишет в своей книге о раннединастическом Египте Тоби Уилкинсон, — большинство, если не все из царских хозяйств могли быть расположены в Дельте — где они должны были формировать опору для управления регионом в целом — в особенности в западной половине. Будучи также одной из наиболее широких плодородных территорий в Египте, западная Дельта была, возможно, менее густо населена и политически развита, чем восточная Дельта в поздние додинастические времена. Вследствие этого она могла рассматриваться новыми египетскими правителями в качестве “завоеванной территории”, подходящей для аннексии и экономической эксплуатации»[1].

Обозначая должности, титулы и звания служащих государственного аппарата, одновременно указывали на социальный ста-

---

[1] *Wilkinson T. A.* Early Dynastic Egypt. London, 2005. P. 99.

тус или ранг их обладателей. Так, звание «носителя печати» имели, как правило, знатные особы, не входившие в круг родственников царя, но пользовавшиеся его доверием.

Как уже отмечалось, почти все ключевые должности в государственном управлении первоначально сосредотачивал в своих руках тжати. В этих условиях многие чиновники выступали исключительно в качестве его помощников. Но постепенно некоторые должности обособлялись от персоны тжати и в государственном аппарате появлялись новые сановники. Так было, например, с должностью «*надзирателя за всеми царскими зернохранилищами*», которая поначалу являлась принадлежностью тжати, но затем — примерно с III династии — ее стал занимать специально назначенный для исполнения этой функции сановник[1]. Так было и с должностью заведующего царской канцелярией — «*надзирателя за писцами царских документов*». Ее также отправлял сначала тжати, а затем для руководства за чиновниками, которые вели переписку царя, составляли различного рода акты, обеспечивали сохранность царского архива и т. д., было назначено особое должностное лицо. Наконец, еще один пример — должность «*хранителя царской сокровищницы*». Ее тоже держал поначалу в своих руках тжати, но потом она была передана другому сановнику.

Нельзя не отметить, что из круга полномочий тжати выводились в самостоятельные должности те из его функций, которые требовали для своего исполнения повседневных усилий. При этом сановники и чиновники, которые их занимали, были подотчетны, как и все другие должностные лица государственного аппарата, его главе, то есть тжати. Со временем они обзаводились помощниками и таким образом превращались в руководителей государственных органов, но над ними все равно стоял тжати и только через его посредство их отчеты или просьбы могли попасть к царю.

Среди должностных лиц среднего и низшего рангов наибольшее число людей было занято в *налоговой сфере государственного*

---

[1] «Мы знаем сравнительно мало об управлении государственными зернохранилищами, и сведения, которые имеем, пришли из третьей династии, — отмечает Тоби Уилкинсон. — Контролер зернохранилищ упоминается на печати времен правления Санакхта из Бейт Каллаф, тогда как в конце династии весь контроль над центральными зерновыми запасами осуществлял Пехернефер в качестве надзирателя всех царских зернохранилищ» (ibid. P. 112).

управления. На территории Верхнего Египта земельные участки тянулись узкой полосой по берегам Нила, и служащие налогового ведомства вынуждены были объезжать частные хозяйства на лодках. Это замедляло сбор налогов, но зато облегчало доставку полученных в качестве них продуктов сельского хозяйства в государственные хранилища. В Нижнем Египте земельные угодья располагались на широком пространстве дельты Нила, поэтому собирать налоги здесь было намного труднее, чем в Египте Верхнем. Указанное различие обусловило разделение налоговых сборщиков на два ведомства: одно — для Верхнего Египта, другое — для Нижнего. Сохранившиеся надписи времен «Раннего царства» свидетельствуют, что существовало и две казны, обозначавшихся как «*Белый дом*» и «*Красный дом*». Это деление соответствовало двум символам древнеегипетской монархии: белой короне, воплощавшей верховную власть над Верхним Египтом, и красной короне, символизировавшей верховную власть над Нижним Египтом.

В период правления Сехемхета, третьего царя III династии[1], налоговые ведомства Верхнего и Нижнего Египта стали называться одинаковым словом, а именно: как «Белый дом», что наводит на мысль об их объединении в одно учреждение.

Собранные в качестве налогов продукты поступали в государственные хранилища. Их функционирование обеспечивала группа чиновников во главе с начальниками хранилищ. Общее же руководство ими осуществлял «*надзиратель за всеми хранилищами*».

Особая группа государственных служащих занималась распределением продуктов из государственных хранилищ среди лиц, состоявших на содержании государства. Это были, как правило, чиновники центральных и местных органов государственного управления, жрецы, периодически разорявшиеся из-за колебаний климата и уровня воды в Ниле земледельцы и т. д. Ими руководил сановник с титулом «*Управляющий щедростью*». В его подчинении находился довольно многочисленный штат государственных служащих более низких рангов.

Их деятельность не была благотворительностью. Во-первых, земледельцам раздавались продукты, собранные с них же в качестве налога. Во-вторых, практика таких раздач была необходи-

---

[1] Приблизительно в 2611–2603 гг. до н.э.

мым условием земледелия, зависевшего в огромной степени от климатических условий и, в частности, от уровня воды в Ниле. Его невозможно было поддерживать постоянно и в необходимых масштабах посредством ирригационных сооружений, поэтому их строительство и управление ими не входило в функции верховной государственной власти и государственного аппарата. Вместо этого в Египте уже на ранних этапах развития единого государства была создана система страхования земледельцев от риска полного разорения в случае перемены климата и обмеления Нила. Эта система не предотвращала разорения хозяйств и массового голода среди трудового населения Египта при наступлении долговременного, длившегося десятилетия, а то и целый век, периода засухи[1], но в случаях, когда эти периоды были кратковременны, длились год или несколько лет[2], она была достаточно эффективной.

Для создания такой системы страхования земледельцев требовалось в первую очередь сформировать эффективный механизм накопления продуктов в специальных хранилищах, а значит, наладить сбор налогов. А поскольку накопления необходимо было делать значительные, то налоги должны были собираться в доста-

---

[1] В могиле главы одного из номов, египетского сановника по имени Анктифи-Накхт, который жил в период политической раздробленности, отделявший эпоху «Среднего царства» от «Старого», была начертана надпись с рассказом о том, что происходило в Египте в тогдашние голодные времена. В ней сообщалось: «Когда весь Верхний Египет умирал от голода, и все его жители ели своих детей, я поступал таким образом, чтобы смерть из-за голода не пришла в этот ном. Я давал в долг зерно Верхнему Египту и (давал) Северу блевотину, которую в Верхнем Египте употребляли в пищу» (Tomb D'Ankhtifi-Nakht (I époque intermédiaire) // *Vandier J.* La famine dans l'Égypte ancienne. Le Caire, 1979. P. 105).

[2] Сохранился текст письма основателя III династии фараона Нетжеркхета (Джосера), написанное им в 18-й год своего правления, к наместнику в Элефантине Мадиру, в котором его величество напоминал ему о голодных годах, пережитых египтянами: «Знай же, Я был несчастен на Великом Троне, и те, кто были во дворце, страдали сердцем от самого великого зла, так как Нил не разливался в течение семи лет. Оскудели полевые злаки, высохли фрукты, и не хватало пищи. Каждый грабил своего ближнего. Люди еле двигались. Дети плакали. Юноши ждали. Сердца стариков пребывали в печали. Их ноги искривились, нагибаясь к земле. Их руки изогнулись. Придворные были в нужде. Храмы закрылись. В святилищах [ничего не было, кроме воздуха]. Все опустело» (Цит. по: Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament / Edited by James B. Pritchard. Princeton, 1969. P. 31 и сл.)

точно больших размерах. Нил благоприятствовал организации их сбора и транспортировке в хранилища, поскольку собранные продукты можно было перевозить на лодках, в большом количестве и на большие расстояния. Но для того, чтобы собирать большие по размеру налоги, следовало иметь государство с обширной территорией и немалой численностью населения.

По всей видимости, **именно потребность в системе страхования земледельцев от риска полного разорения в случае перемены климата и обмеления Нила, необходимость создавать значительные централизованные накопления продуктов и, следовательно, собирать налоги насколько возможно с большей территории, вызвала к жизни в Древнем Египте единое для всей страны государство**. Это обстоятельство объясняет, почему оно возникло здесь так рано, уже в IV тысячелетии до н.э., и на довольно примитивной ступени развития орудий труда.

Древние египтяне увидели в едином для всей страны государстве способ уменьшить слишком большую зависимость своего земледелия от капризов климата и уровня воды в Ниле. Поэтому объединение существовавших на территории Древнего Египта, по меньшей мере, с середины IV тысячелетия до н.э. небольших государственных образований в большое централизованное государство с монархом, почитавшимся в качестве высшего авторитета, произошло во многом добровольно. Неслучайно археологи до сих пор не смогли обнаружить никаких предметов, относящихся к указанному времени, которые бы свидетельствовали, что политическое объединение Древнего Египта сопровождалось большой войной и было осуществлено насильственно правящим кланом одного из государственных образований.

Государство, которое возникло для выполнения функции страхования земледелия от риска полного разорения в случае перемены климата и обмеления Нила, неизбежно должно было обзавестись разветвленным государственным аппаратом, поскольку без него было невозможно управлять процессами сбора налогов, накопления собранных в качестве них продуктов в общих для всей страны хранилищах и распределения этих продуктов между теми, кто испытывал в них нужду. Но должностным лицам также необходимо было материальное обеспечение. И все они, за исключением, может быть, вельмож, которые имели собственные хозяйства, естественно, получали его из казны, пополнявшейся как продук-

цией царских, государственных хозяйств, так и продуктами, собиравшимися в качестве налогов с простых земледельцев. Таким образом, должностные лица, управлявшие сбором налогов и распределением доходов государственной казны или сокровищницы, одновременно обеспечивали существование и государственного аппарата.

Сложившаяся в Древнем Египте с давних времен структура государственного управления, титулы и звания должностных лиц, характер их служебной деятельности — все это показывает, что древнеегипетский государственный аппарат функционировал так, как функционирует механизм управления большим хозяйством. Его чиновники занимались организацией добычи полезных ископаемых, перевозками и торговлей. Они осуществляли контроль за земледелием и скотоводством, руководили ремесленными и скульптурными мастерскими.

В самом начале эпохи «Старого царства» в Египте появилась целая группа должностных лиц, ответственных за строительство царских монументов. Во главе ее стоял «*надзиратель за всеми царскими работами*». Эта должность, как правило, принадлежала тжати, но ее могли исполнять и другие сановники. Для возведения монументов требовались материалы, которые надо было разыскивать часто по всей территории страны и даже за ее пределами — например, на Синайском полуострове. В связи с этим снаряжались целые экспедиции для поиска и добычи необходимых материалов. Их организацией занималась специальная группа чиновников, деятельность которых контролировал сановник с титулом «*надзирателя за экспедициями*». Передвигались данные экспедиции, как правило, на больших лодках или кораблях по Нилу. На них же доставлялись к месту строительства добытые из рудников материалы.

Лодки и корабли использовались также для путешествий по стране царя и его сановников. Их организацией и обеспечением ведала особая группа государственных служащих. В нее входили: начальники корабельных команд, инспекторы кораблей, писцы корабельных объединений, штурманы кораблей и т. д.[1] Над ними

---

[1] См. об этом: *Galán J. M.* Two Old Kingdom Officials Connected with Boats // The Journal of Egyptian Archaeology. 2000. Vol. 86. P. 146. Список обнаруженных на египетских памятниках титулов должностных лиц, управлявших морскими ко-

стоял сановник, носивший титул контролера царского корабля. Из этого факта можно сделать вывод, что путешествия царя и его сановников по стране были довольно частым явлением. А совершались они царем, скорее всего, для поддержания политического контроля над страной.

Особую группу должностных лиц государственного аппарата составляли чиновники, называвшиеся на египетском языке словами, звучавшими приблизительно как «хем нетжер». В переводе на русский язык это — «*пророк*» или «*служитель богу*». В исторической литературе людей этой категории именуют жрецами. Принимая такое наименование, следует иметь в виду, что «хем нетжер» не являлся священнослужителем наподобие попа, раввина или муллы. Он был государственным служащим, главная функция которого заключалась в обеспечении культа того или иного бога. Если это были Хор или Ра, то данный культ являлся одновременно культом верховного властителя, который считался воплощением этих богов.

Местом службы древнеегипетских жрецов не всегда было здание храма: многие религиозные церемонии совершались вне его, но жреческая служебная иерархия была тесно связана с храмовой организацией. Во главе ее стоял «первый пророк» — верховный жрец бога, которому был посвящен храм. За ним шел в храмовой иерархии «второй пророк». Его главной функцией было, как правило, управление хозяйством храма. «Пророкам» подчинялись чиновники-жрецы, называвшиеся на египетском языке словом, звучавшим примерно как «вэб».

Некоторые из них могли достигать высокого статуса при царском дворе. Надпись на обнаруженном в некрополе Гизы саркофаге человека по имени Вета, который жил в самом конце эпохи «Старого царства», указывает на то, что он был «*вэб*-жрецом царя», «царским знакомым», «хранителем секретов пирамиды Менкаура», «мастером по выделке кожи», «помощником надзирателя за мастерами по выделке кожи», «хранителем секретов», «тем, кто радует своего господина деятельностью по выделке кожи», «надзирателем за дублением», «создателем сандалова масла для царя, который работает при изготовлении сандалова мас-

---

раблями, приводится в книге: *Jones D.* A glossary of ancient Egyptian nautical titles and terms. New York, London, 1988.

ла для царя, чтобы порадовать своего господина», «контролером пергамента, который изготавливает кожаный свиток для жреца-чтеца, чтобы порадовать своего господина» и, наконец, «тем, кто радует своего царя, когда случается, что он сидит у входа во внутренний двор»[1].

Определенная иерархия и специализация существовала не только внутри храмовой организации, но и среди храмов. Высшим в этой иерархии считался сначала храм Хора. Но во время правления IV династии в Египте утвердился культ бога солнца — Ра. Царь, считавшийся земным воплощением Хора, стал рассматриваться и в качестве сына Ра или младшего бога солнца. Количество храмов, посвященных богу солнца, резко увеличилось в период правления V династии. Жрецы Ра стали самой многочисленной группой среди чиновников — «служителей богу». Центром поклонения богу Ра был город Ууну, более известный под греческим названием Гелиополя, то есть города солнца. Пребывавший здесь верховный жрец Ра стал пользоваться самым высоким авторитетом среди всех жрецов. Он носил титул «*самого великого из всех пророков*».

Большая группа должностных лиц была занята организацией погребальных обрядов, устройством и поддержанием в надлежащем состоянии могильных сооружений для царей и сановников. В районе Саккары, во времена правления IV и V династий, эти функции исполняли жрецы храма Хекет, которую египтяне представляли в образе лягушки и считали богиней возрождения[2]. В период правления VI династии появились такие должности, как «инспектор жрецов пирамидного комплекса Тети», «дворцовый служитель пирамидного комплекса Тети», «жрец пирамидного комплекса Унаса»[3].

Верховный жрец храма Птаха в Мемфисе имел в эпоху «Старого царства», помимо прочих титулов, звание «Великий, управляющий ремесленниками». Он руководил в этом качестве строительством и украшением пирамид и других культовых сооружений.

---

[1] Titles on the Sarcophagus of Weta from Giza // Texts from Pyramid Age. By Nigel C. Strudwick / Edited by Ronal J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 425.

[2] См. об этом: *Bárta M.* The Title “Priest of Heket” in the Egyptian Old Kingdom // Journal of Near Eastern Studies. 1999. Vol. 58. № 2 (Apr.). P. 107–116.

[3] Ibid. P. 108.

В надписи, нанесенной на ложную дверь в мастабе Птахшепсеса[1], тжати при царе V династии Ниусере, который правил примерно с 2445 до 2421 года до н.э., говорится применительно к человеку, занимавшему в то время эту должность: «[Что касается Узеркафа, верховный жрец Мемфиса] более уважался царем, чем кто-либо из слуг. Ему находилось место в каждом корабле двора; он входил в пределы южного дворца во все празднования коронации»[2]. Подобный текст был обнаружен и в могиле Сабу, носившего также имя Ибеби. Он занимал должность верховного жреца Птаха в Мемфисе при последнем царе V династии Унисе и первом царе VI династии Тети. В надписи говорилось о нем: «Верховный жрец Птаха более уважался царем, чем кто-либо из слуг. Ему находилось место в каждом корабле двора; член двора, он входил в пределы южного дворца во все празднования коронации. У него было прекрасное имя Убеби»[3]. Далее сообщалось о том, что при царе Тети он имел следующие титулы и звания: «Верховный жрец Птаха, носитель царской чаши, управляющий секретными делами царя в каждом месте, уважаемый царем, верховный жрец Птаха, преданный Двойному Дому, посетитель праздников, благоволящий к каждому ремесленнику, уважаемый каждым государем, член его двора, привязанный к сердцу господина, фаворит сердца своего господина, возлюбленный своим господином, почитающий Птаха, делающий то, что бог от него желает, каждый день в присутствии царя»[4].

Эффективное государственное управление невозможно без ведения различного рода записей. Должностные лица, специально подготовленные к этой деятельности, появились в Египте еще в эпоху «Раннего царства». Об этом свидетельствуют составленные в

---

[1] Эти надписи были обнаружены в Саккаре Ф. О. Ф. Мариэттом и опубликованы в 1889 г. См.: Les Mastabas de l'Ancien Empire. Fragment du dernier ouvrage de A. Mariette publié d'après le manuscrit de l'auteur par Gaston Maspéro. Paris, 1889. P. 112–113.

[2] Inscriptions of Ptahshepses // Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the seventeenth dynasties. Chicago, 1906. P. 118.

[3] Inscriptions of Sabu, called Ubebi // Ibid. P. 131.

[4] Ibid. P. 132.

ту пору, а возможно, и раньше так называемые «Тексты пирамид»[1]. В них содержится, в частности, следующий призыв: «О писец, писец, разбей письменный прибор твой, разломай кисть свою, раскроши папирусные свитки свои»[2]. Сохранилась древнеегипетская скульптура, относящаяся ко времени «Раннего царства»[3]. Она изображает человека, сидящего на полу со скрещенными ногами и с развернутым на коленях папирусным листом. Это поза писца, занятого работой.

Звание писца имело двоякий смысл. В тех случаях, когда им обозначались царь и высокие сановники, оно выступало скорее в качестве эпитета, свидетельствуя о грамотности, образованности или чистоте души того, кто его носил. В «Текстах пирамид» царь называется «писцом божьей книги». Именно в этом звании он, отправившись в загробный мир, предстает перед богом Ра. Другое значение звания писца было более распространенным: оно обозначало должностных лиц на различных ступенях служебной лестницы, занятия которых предполагали ведение каких-либо записей. Это мог быть «царский писец», то есть служивший при монархе и занимавший высокие должности сановник. А мог быть и «писец пастбищ пестрого скота» — простой чиновник, начинавший свою службу с низших должностей. Продвигаясь по служебной лестнице, он мог стать «писцом дома документов», или «администратором, надзирателем за писцами», или «писцом царского войска». Писцы служили во всех ведомствах государственного управления. При каждом из высоких должностных лиц был писец.

---

[1] «Среди текстов мертвых, которые мы обнаружили начертанными в пирамиде царя 6 династии, некоторые древнее, чем так называемое a. R. (Старое царство. — *В. Т.*) (дин. 4–6), а может быть, даже древнее, чем Менес, первый царь», — писал о «Текстах пирамид» немецкий египтолог Курт Зете (*Sethe K.* Zur Datierung der Pyramidentexte // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde / Herausgegeben von A. Erman und G. Steindorff. Leipzig, 1900. Bd. 38. S. 64). Сохранившиеся надписи с «Текстами пирамид» относятся ко временам правления V и VI династий.

[2] Цит. по: *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 9–10.

[3] До Второй мировой войны она хранилась в музее Чикагского университета. См.: *Ranke H.* Die archaische Statue eines Schreibendes // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde / Herausgegeben von G. Steindorff. Leipzig, 1939. Bd. 75. S. 89–92.

Особенно много писцов служило в налоговых органах и при сокровищницах — там, где требовалось вести ежедневный учет материальных ресурсов. Писцы возглавляли и ведомства по управлению зернохранилищами. Об этом свидетельствует, например, надпись на стеле, которая была обнаружена в 1936 году в Назлет-эль-Батран при рытье канала от Саккары до Гизы. Она гласит: «Шестой год правления, третий месяц второго сезона[1], восьмой день, его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Усимарера Меиамиуна[2]. В этот день было дано поручение царскому писцу, надзирателю за Двойным Зернохранилищем… тронов Двух Земель, великому человеку зернохранилища фараона — да будет он жить, процветать и здороветь… Са-ну-ро… зафиксировать границы полей предместья поселения Ра-стау»[3].

Должности писцов были и храмах. Жрецы-писцы составляли священные тексты, которые наносились на стены пирамид и других монументов.

Писцы присутствовали и в судах: они вели протоколы судебных заседаний, формулировали судебные решения. Писец, который вел делопроизводство в высшей судебной инстанции — в суде тжати, — именовался «писцом правосудия».

Дети писцов часто становились писцами, и в этом смысле звание писца было, так же как и многие другие должностные титулы, наследственным. Однако для того, чтобы стать писцом, необходимо было научиться грамотно писать и приобрести умение формулировать тексты различного рода документов. По этой причине писцы не были замкнутой группой должностных лиц. Это звание мог получить любой, кто приобрел необходимые для работы писца знания, навыки, умения.

Состав государственного аппарат Древнего Египта невозможно описать в сколько-нибудь полном виде. И не только из скудости документальных материалов, отражающих его организацию, но также потому, что ни в одну из эпох своего существования

---

[1] Имеется в виду зима.

[2] Это имя носили фараоны Рамсес III и Шешонк I, но поскольку стелы подобного рода были типичны для «Нового царства», то более вероятно, что в данном случае имеется в виду Рамсес III.

[3] Цит. по: *Gaballa G. A.* Three Documents from the Reign of Ramesses III // The Journal of Egyptian Archaeology. 1973. Vol. 59. P. 111–112.

он не оставался неизменным. Менялся набор должностей: одни из них ликвидировались, другие появлялись. Менялись названия должностей, титулы, звания. Менялся статус тех или иных должностных лиц. Динамика указанных перемен была взаимосвязана с изменениями в состоянии государственного организма Древнего Египта в целом, и если б удалось ее реконструировать, история этой страны ожила бы, то есть предстала бы в своем подлинном виде.

О том, какой сложный характер могли иметь перемены в древнеегипетском государстве в самый, казалось бы, стабильный период его исторического развития, какой являлась эпоха «Старого царства», демонстрируют метаморфозы, происходившие с должностью «инспектора царского дворца».

Надписи на погребальных стелах времен «Раннего царства», обнаруженные археологами в Абидосе и Саккаре, показали, что эта должность существовала в правление первой династии[1]. Однако материалы раскопок погребальных сооружений, относящихся ко второй и третьей династиям, не дали каких-либо следов этой должности. Исследование же надписей в погребениях сановников у пирамид Гизы, Саккары, Дашура и Абу Роаш дало материал, свидетельствующий, что при последующих династиях должность «инспектора царского дворца» опять появилась. Более того, археологи узнали имена тринадцати человек, занимавших ее во время правления четвертой династии, тридцати — в течение царствования пятой династии, и двух — в начале правления шестой династии[2]. Месторасположения захоронений этих людей позволили сделать вывод о падении престижа должности «инспектора царского дворца» со сменой четвертой династии пятой[3]. Но

---

[1] *Bárta M.* The Title Inspector of the Palace during the Egyptian Old Kingdom // Archív Orientální. Quarterly Journal of African and Asiatic Studies. Praha, 1999. Vol. 67. № 1. P. 1–2.

[2] Перечень этих имен приводится в статье чешского египтолога Мирослава Барты «Титул инспектора дворца во время египетского Старого царства». См.: Ibid. P. 3–8.

[3] Во времена IV и V династий умерших «инспекторов царского дворца» хоронили в Гизе. Там же располагались погребения царей IV династии. Но захоронения верховных властителей V династии стали производиться в Саккаре-Абузире. И тжати начали хоронить там же. Таким образом, могилы «инспекторов царского дворца» оказались на большом отдалении от погребений не только

еще более существенная перемена с этой должностью произошла в начале шестой династии. Титулы, ее обозначавшие, исчезли из надписей на памятниках данного времени. Такая ситуация вполне могла свидетельствовать об исчезновении и должности, но только не в случае с должностью «инспектора царского дворца»: резиденция царя не должна была оставаться без управления даже на малое время. Следовательно, эту должность стал отправлять какой-либо сановник в дополнение к остальным своим должностям. Но кому она больше всего подходила? — Очевидно, что прежде всего тжати.

Перечень обязанностей тжати, изложенный в надписи, нанесенной на стене могилы Рекхмиры, показывает, что именно он во времена правления XVIII династии управлял дворцом фараона[1]. Функции тжати начала «Нового царства» имели традиционный характер: они перешли к нему от тжати «Среднего царства». Уже на основании одного этого обстоятельства можно предположить, что исчезновение в начале правления шестой династии должностного лица с титулом «инспектора царского дворца» означает, с большой вероятностью, что данный титул и должности перешли к тжати.

В 1997 году сотрудники Центра средиземноморской археологии Варшавского университета раскопали в Саккаре могилу человека по имени Мерефнебеф, который являлся тжати в начале правления шестой династии, при царях Тети и Пепи I. Внутри могилы были обнаружены надписи, одна из которых содержала перечень его титулов и должностей. Их названия показывают, что занимал он их не одновременно, а постепенно, продвигаясь по служебной лестнице от низших должностей к высшим. Надпись в могиле Мерефнебефа представляет, таким образом, его карьеру на службе в государственном аппарате. Последняя, самая высшая ее ступень, — это должность тжати. До того, как Мерефнебеф занял ее, он стал «*управляющим царским дворцом*». Очевидно, что он оставался на этой должности и после получения титула тжати.

царей, но и тжати. Это вполне можно считать признаком, указывающим на падение значения этой должности в период правления V династии.

[1] См.: Должностная инструкция везиру // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 137.

Служебная карьера должностного лица в Древнем Египте выглядела не так, как продвижение по службе современного чиновника. Древнеегипетский служащий государственного аппарата не переходил с одной должности на другую. Занимая новую должность, он не лишался прежней должности. Новая должность просто добавлялась к старым. *Служебная карьера древнеегипетского должностного лица представляла собой накопление должностей, их нанизывание одна на другую. Он собирал должности для себя, как собирают материальное богатство, копил титулы и звания, как копят имущество.*

Такова была закономерность государственной службы в Древнем Египте, ее общее правило. Данный порядок, конечно же, не обходился без исключений. И в перечне должностей Мерефнебефа есть и такие, которые он не сохранял в своих руках при переходе на более высокую ступень служебной лестницы. Как бы то ни было, за время своей жизни он имел 34 титула и звания. Некоторые из них являлись лишь почетными, но большинство обозначало соответствующую должность. В могильной надписи Мерефнебеф был представлен как: «милостивая рука», «надзиратель за писцами царских документов», «контролер холста», «младший надзиратель за Большим домом», «младший надзиратель за служителями храма Мерет-Тети», «наследственный принц», «хранитель холста Большого дома», «хранитель головных уборов», «управляющий имуществом “Себа-Хор-Кхенти-пет”», «знатный человек», «служитель бога», «посвященный в секреты», «посвященный в секреты команды», «посвященный в секреты каждой команды», «посвященный в секреты царских команд», «посвященный в секреты каждой царской команды», «посвященный в секреты Дома утра»[1], «посвященный в секреты царя в его культовом месте», «посвященный в секреты царя в каждом культовом месте», «глава Некхеба», «хранитель пирамиды Тети», «управляющий царским дворцом», «управляющий двумя тронами в Доме жизни»[2], «жрец-

---

[1] Данный титул давал его носителю право присутствовать при утренних религиозных ритуалах, совершавшихся царем.

[2] «Дома жизни» представляли собой, скорее всего, корпорации жрецов, писцов, мастеров разного рода, в которых составлялись религиозные тексты для различных нужд, создавались магические формулы заклинаний, заупокойные тексты, писались астрономические, медицинские, литературные сочинения,

чтец», «главный жрец-чтец», «писец», «соратник», «единственный соратник», «единственный истинный соратник», «инспектор ремесленников Большого дома», «инспектор Большого дома», «главный судья», «тжати»[1].

Сосредоточение в руках тжати в период правления шестой династии должностей, которые прежде занимали чиновники среднего ранга, свидетельствует, по всей видимости, о том, что верховные властители были уже не в состоянии содержать государственный аппарат прежних размеров. Поэтому старались по возможности уменьшить количество должностных лиц. И в первую очередь подвергали сокращению штат дворцового управления. С другой стороны, возложение на тжати в дополнение к прежним его должностям титула «инспектора царского дворца» со всеми его обязанностями могло быть результатом стремления самого тжати получить более частый доступ к царю и большее влияние на его величество.

Во время правления пятой династии в государственном аппарате Древнего Египта появилась близкая по рангу к должности тжати должность «надзирателя за Верхним Египтом». Было ли это нововведение следствием усиления провинциальной знати или, напротив, центральная власть брала под более сильный контроль управление на местах, трудно сказать. Но очевидно, что такая реформа могла проводиться под действием серьезных причин. По всей видимости, уже тогда в государственном управлении страны начались разрушительные процессы, которые привели в конце правления шестой династии к распаду древнеегипетского единого государства.

Гибели величественного «Старого царства» способствовала в значительной мере перемена климата на территории Северной Африки: он стал более засушливым, что повлекло за собой обмеление Нила. Земледелие в Египте пришло в упадок и, как след-

---

разрабатывались орнаменты украшений, велись другие художественные работы и т. д.

[1] См.: Warning and Biographical Texts of Merefnebef from Saqqara // Texts from Pyramid Age. Atlanta, 2005. P. 438–441. См. также: *Saqqara I.* The Tomb of Merefnebef. Polish-Egyptian Excavations at Saqqara I / By Karol Myśliwiec and Kamil Kuraszkiewicz [et al.], Warszawa, 2004. См. о могиле Мерефнебефа в Интернете: http://www.osirisnet.net/mastabas/merefnebef/e_merefnebef_01.htm.

ствие, резко упали доходы государственной казны. Это подорвало позиции верховной государственной власти: монарх оказался не в состоянии обеспечить материальное содержание достаточного для поддержания своей власти на всем пространстве страны количества государственных служащих. В этих условиях отдельные сановники, а иногда и целые ведомства стали выходить из подчинения его величеству. Центральное государственное управление начало разрушаться.

Предпосылки распада древнеегипетского единого государства коренились и в организации его административного аппарата. Многие должности в нем были наследственными и считались семейной собственностью. Поэтому при ослаблении верховной государственной власти они стали совершенно беззастенчиво использоваться теми, кто их занимал, не для служения царю и, следовательно, государству, но исключительно для личного обогащения. О том, что происходило в Египте во времена правления последней династии «Старого царства», некоторое представление дают обнаруженные археологами могилы тогдашних столичных сановников. Никогда ранее они не строили для себя такие роскошные погребальные сооружения, как в этот период. Подобным же образом вела себя и провинциальная знать. Можно догадаться, в какой роскоши купались сановники при своей жизни, если столько средств тратили на захоронения своих бренных останков.

Стремление к обогащению затмило у сановников порывы к почестям: это означало, что дух государственности умер в их стране.

Начало возрождения в Древнем Египте единого государства пришлось на время правления царя XI (фиванской) династии Небхепетра Ментухотпа II, правившего во второй половине XXI века до н.э. Приблизительно в 2040 году он победил правителя Гераклеополиса Мерикару и объединил под своей властью значительную территорию страны.

Аппарат центрального государственного управления восстанавливался в Египте постепенно. В период политической раздробленности на местах сформировались настоящие государственные образования, главы которых не желали никому подчиняться, а сил у царя, чтобы принудить их к подчинению, было мало. Поэтому египетские монархи вынуждены были долго, вплоть до правления пятого царя XIII династии Сенурсета III, мириться с

самостоятельностью местных правителей. Более того, они старались опереться на их помощь в борьбе со своими соперниками, претендентами на верховную власть. И в награду за это подтверждали самостоятельность местных царьков, наделяя их новыми и новыми привилегиями, давая им титулы «великих правителей».

Сенурсет III сумел прекратить эту практику и подчинить себе местных правителей. Как он достиг этого, осталось неизвестным, но к концу его правления, то есть примерно к середине XIX века до н.э., они перестали зваться «великими правителями», их захоронения стали напоминать более скромные могилы чиновников, чем погребальные сооружения царей, как это было ранее.

Кроме того, Сенурсет III завершил завоевание Нубии[1], включив ее территорию в качестве провинции в состав Египетского государства. Данный факт означает, что он имел весьма боеспособную армию в своем распоряжении. Отсюда вполне понятным становится и его успех в борьбе с местными царьками.

Возрожденный во время его правления в полном своем масштабе государственный аппарат Древнего Египта повторял в основных своих конструкциях аппарат управления «Старого царства». Большинство должностей и ведомств сохранили свои прежние названия. Титулы и звания также остались в большинстве своем такими же, какими были тогда[2]. Это неудивительно: единое для всей территории страны государство разрушилось, но традиции древнеегипетской государственности не исчезли вместе с ним. Они продолжали жить в осколках могущественной пирамидной державы — в рамках небольших государственных образований, на которые распалось «Старое царство».

По мнению английского египтолога Стефана Кирке, для «Среднего царства» характерна «бóльшая определенность и разграниченность официальных титулов (greater precision and demarcation of the official titles)»[3]. Однако египетские тексты указанного времени, содержащие списки титулов и звания различных сановников, не подтверждают этого. Административная терминология

---

[1] См.: Plundering of Nubia // Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest. Vol. 1. P. 296.

[2] См., например: Inscription of Ameni // Ibid. P. 317.

[3] *Quirke S.* The Regular Titles of the Late Middle Kingdom // Revue d'Égyptologie. 1986. Vol. 37. P. 124.

«Среднего царства» была столь же расплывчатой, как и подобная терминология «Старого царства». Официальные титулы в эту эпоху так же, как и ранее, являлись в большинстве своем описательными и представляли собой скорее эпитеты, нежели титулы в строгом смысле этого слова. А из-за того, что для обозначения титулов во времена «Среднего царства» использовались, как правило, старые термины, титулатура сановников стала в этот период еще более неопределенной, чем была в предыдущую эпоху. Ведь содержание полномочий и место той или иной должности в государственном управлении Египта с переходом от одной эпохи к другой претерпело изменения, пусть не всегда заметные на первый взгляд.

Надпись на погребальной стеле сановника по имени Сехетерибра, служившего на различных должностях во время правления Сенурсета III, содержит длинный перечень его титулов, которые являются, в сущности, аналогичными титулам сановника эпохи «Старого царства». Так, Сехетерибра представлен здесь как: «Наследственный принц», «носитель царской печати», «единственный любимый соратник», «вельможа царя Верхнего Египта», «великий человек царя Нижнего Египта», «надзиратель за рогами, копытами и перьями»[1], «[надзиратель за] двумя приятными болотами», «тот, кого его превосходительство господин Двух Земель видит», «человек правды перед Двумя Землями», «правдивый свидетель подобно Тоту», «управляющий секретными делами в храмах», «руководитель всех работ в царском доме», «более точный, чем вес, подобный балансу», «думающий, отличный в советах», «говорящий хорошее», «повторяющий то, что любят», «хороший в слушании», «отличный в говорении», «подлинное изображение любви», «лишенный способности обманывать», «фаворит сердца царя, которому предназначена (должность) “Столпа Юга”», «тот, кто сопровождает своего господина во время хождений по цар-

[1] Стефан Кирке посвятил данному титулу статью, в которой отмечает, что «надзиратель за рогом, копытом, пером и чешуей появился в начале Среднего царства среди самоописательных фраз, предположительно для обозначения ответственности за скот и его продукцию» (*Quirke S.* Horn, Feather and Scale, and Ships: On Titles in the Middle Kingdom // Studies in Honor of William Kelly Simpson / Edited by Peter Der Manuelian and Rita E. Freed. Boston, 1996. Vol. 2 P. 668).

скому дому, входя в его сердце», «истинный фаворит своего господина», «тот, кому рассказывают о секретных делах», «кто находит слова для совета», «надзиратель за царским имуществом», «заместитель главы сокровищницы»[1].

Особенностью государственного аппарата эпохи «Среднего царства», отличающей его от аппарата предыдущих эпох, являлось значительно большее присутствие в нем военных. В государственном управлении «Старого царства» военные должности если и были, то тесно сплетались с гражданскими. Египетские сановники время от времени получали поручение организовать военный поход против какой-либо страны для захвата рудников или разгрома ее армии, угрожавшей Египту. В период «Среднего царства» в государственном аппарате существовала целая иерархия военных должностей.

Сохранилась надпись на погребальной стеле человека по имени Себек-кху, которого звали также Заа. Он описал в ней свою карьеру, указав предварительно, что родился в двадцать седьмой год правления царя Верхнего и Нижнего Египта Небкуры, в общепринятом ныне названии — Аменемхета II. Когда Себек-кху было двадцать четыре года, на трон взошел Сенурсет III, и молодой человек поступил к нему на службу. В надписи на стеле он рассказал об этом событии следующее: «Его величество убедил меня, что мне следует нести службу в качестве воина, позади и рядом его величества, с шестью людьми двора»[2]. Следующей должностью Себек-кху был пост «сопровождающего правителя». В войне своего монарха «с троглодитами Нубии» он командовал, как следует из его слов, подразделением численностью шестьдесят человек. Новой ступенью в службе воина была должность «командира сопровождающих», которых было уже сто человек. Итоги его карьеры отражала следующая титулатура, приведенная в надписи на стеле: «Наследственный принц, землевладелец[3], крепкий как сандал, удовлетворенный (жизненным) путем, идущий дорогой того, кто покровительствует ему, тот, кто получил богатство от госпо-

---

[1] Inscription of Seheteribre // Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest. Vol. 1. P. 325–326.

[2] Stela of Sebek-khu, called Zaa // Ibid. P. 306.

[3] Джеймс Брэстед перевел данное египетское звание европейским титулом «граф».

дина Двух Земель, тот, чью карьеру двигала любовь, великий комендант города (резиденции)»[1].

Сложившийся и развитый в эпоху «Среднего царства» государственный аппарат просуществовал до времен правления XVII династии. Гиксосские правители, образовавшие XIV и XV династии, были способны контролировать только северную и центральную часть Египта. В то же время южная часть страны осталась под властью XIII династии египетских царей, имевших своей резиденцией Фивы. При этом гиксосы вели активную торговлю не только со странами, располагавшимися восточнее или западнее дельты: они сумели наладить постоянные коммерческие отношения с Нубией. В свою очередь, египетские цари не прекращали торговли с Ханааном — страной, которая располагалась на землях, простиравшихся на запад от северо-западной излучины Евфрата и от Иордана до средиземноморского побережья.

Чиновники гиксосского государства спокойно проезжали по территории Южного Египта в Нубию. Более того, на юге Египта и в Нубии были созданы, по всей видимости, перевалочные базы гиксосов для ведения торговли. На эту мысль наводят материалы археологических раскопок. Египетские чиновники, служившие царям XIII династии, подобным же образом, то есть совершенно свободно, разъезжали по территории, находившейся под властью гиксосских правителей. Не исключено, что между египетскими царями XIII династии и гиксосскими властителями так называемых XIV и XV династий заключались даже официальные соглашения, позволявшие представителям каждого из государств вести торговлю на территории другого государства[2]. Более того, некоторые факты дают основания полагать, что гиксосские чиновники служили в египетских фортах в Нубии вместе с чиновниками царей XIII династии[3].

---

[1] Stela of Sebek-khu, called Zaa // Ibid. P. 305.

[2] Эта мысль высказывается в книге К. Рихолта «Политическая ситуация в Египте во время второго переходного периода См.: *Ryholt K. S. B.* The political situation in Egypt during the second intermediate period, c. 1800–1550 B. C. Kopengagen, 1997. P. 111–112.

[3] «Рамки соглашений хорошо иллюстрирует тот факт, что чиновники Четырнадцатой династии даже погребались в пределах египетских фортов в Нубии», — отмечает К. Рихолт (ibid. P. 112). Энтони Спалингер (*Anthony Spalinger*)

Административный аппарат гиксосского государства не мог обойтись без египтян. И можно не сомневаться, их было там большинство, хотя ключевые государственные должности держали, конечно, гиксосы. Их вожди, занимая царский трон, старались следовать традициям египетской государственной власти: они возводили храмовые здания, статуи и дворцы в египетском стиле, поддерживали египетское жречество, проводили необходимые торжественные церемонии, копировали прежних египетских правителей в одежде, в манере поведения, в обращении с подданными, принимали на себя традиционные египетские титулы и имена, которые писались иероглифами, несмотря на то, что «иностранные личные имена гиксосов нелегко совмещались с традиционной египетской письменной системой»[1]. Свои верования гиксосские правители приспособили к египетской религии, а главным своим государственным богом сделали египетского Сета.

Государственный аппарат египетских царей XIII династии, сформировавшийся в эпоху «Среднего царства» и сохранявшийся, в усеченном виде, на территории Южного Египта, в течение всего периода владычества гиксосов в Северном и Центральном Египте, стал мостом, соединившим эту династию с XVII династией египетских монархов, а государство времен «Среднего царства» с государством эпохи «Нового царства». По словам египтолога Криса Беннетта, XVII династия была верхнеегипетским режимом, отобравшим контроль у XIII династии за два или три десятилетия до окончательного падения этой династии. Основатели XVII династии были тесно связаны брачными узами с высшими должностными лицами поздней XIII династии и, как оказалось, развили прочные связи с верхнеегипетскими провинциальными чиновниками, а именно: губернаторами Эль-Каба и Эдфу. «Основание XVII династии было не просто политическим последствием кол-

---

считает вопрос о существовании вполне мирных взаимоотношений между властителями египетской XIII династии и гиксосской XIV династии еще не решенным. См. его рецензию на книгу К. Рихолта в издании: Journal of Near Eastern Studies. 2001. Vol. 60. № 4 (Oct.). P. 296–300.

[1] A Companion to Ancient Egypt / Edited by Alan B. Lloyd. Oxford, 2010. Vol. 1. P. 104.

лапса XIII династии, но также одним из событий, повлекших за собой ее падение»[1].

Эпоха между «Средним» и «Новым» царствами, называемая в исторической литературе «переходным периодом», не была перерывом в развитии традиционной египетской государственности. Государственные традиции «Среднего царства» непосредственно перешли в политическую организацию «Нового царства». И каналом этого перехода был государственный аппарат. В его развитии сохранялась преемственность на всем протяжении времени от XIII до XVII, а следовательно, и до XVIII династии, начало правления которой открыло новую эпоху в истории Древнего Египта.

Вместе с тем на характер древнеегипетского государства эпохи «Нового царства» повлияли и гиксосы. «Представлявшееся туземными историками позднейших времен как абсолютное несчастье, — отмечает египтолог Уильям Хейес (*William Hayes*), — гиксосское владычество оказалось в действительности явлением, обеспечившим египтян стимулом и средствами к ведению "мировой" экспансии и потому положило основания и в огромной степени определило характер Нового царства, или, как его часто называют, "империи"»[2].

Несущая конструкция государственного аппарата эпохи «Нового царства» была такой же, как во времена «Старого» и «Среднего» царств. Во главе государственного управления стоял тжати, который выполнял роль координатора деятельности различных государственных ведомств и одновременно выступал в качестве верховного надзирателя и контролера. Учреждение двух тжати повлекло за собой раздвоение и государственного аппарата: в нем сформировались две самостоятельные администрации: одна — для Южного Египта, другая — для Северного.

Соответственно стало два казначейства вместо одного и два поста надзирателя за казной или сокровищницей. Появились две системы государственных зернохранилищ и две должности надзирателя за царскими зернохранилищами. Надзор за скотовод-

---

[1] *Bennett C.* A Genealogical Chronology of the Seventeenth Dynasty // Journal of the American Research Center in Egypt. 2002. Vol. 39. P. 151.

[2] Cambridge Ancient History. Third Edition. Vol. 2. Part 1. History of the Middle East and Aegean Region, c. 1800–1380 B. C. Cambridge, 2006. P. 57.

ством также стали осуществлять два сановника: один — на юге, другой — на севере.

Налоговая сфера государственного управления тоже раздвоилась: в Египте снова, как в эпоху «Раннего царства» и в начале «Старого царства», стали функционировать две системы сбора налогов: для Южного и Северного Египта. Количество налоговых чиновников, по всем признакам, существенно возросло. Среди них выделились в отдельное ведомство должностные лица, производившие учет урожаев, получаемых с земельных участков. Во главе их был поставлен сановник с титулом «писца полей господина Двух Земель».

Небольшие военные отряды, которыми располагали египетские цари времен «Старого» и «Среднего» царств, заменила в эпоху «Нового царства» многочисленная постоянная армия, состоявшая в значительной мере из профессиональных командиров и рядовых воинов. Указ Хоремхеба, последнего фараона XVIII династии, правившего приблизительно с 1319 до 1292 года до н.э., свидетельствует, что она так же, как и другие государственные институты, была разделена на две части: одни войска были расположены в Южном Египте, другие в Северном[1].

Выдвижение армии на ведущие позиции в государственном аппарате имело прямое влияние на его структуру. В Египте появилось большое количество должностных лиц, связанных так или иначе с организацией снабжения войск, постройки кораблей, обеспечением содержания корабельных команд. При этом государственное управление осталось в целом гражданским, хотя на различных должностях появилось много бывших командиров армейских подразделений.

Одним из таких людей был Аменемон из Фив. Надпись, сохранившаяся на посвященной ему статуе, зафиксировала основные вехи его служебной карьеры, которая началась в первые годы правления Рамсеса II, а также полученные им титулы и эпитеты. Она гласила: «Покровительствуемый в высшей степени Совершенным Богом, наперсник, превосходный для своего господина,

---

[1] См.: Edict of Harmhab // Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the Persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Vol. 3. The Nineteenth dynasty. Chicago, 1906. P. 27.

командир большой армии, Аменемон, правдивый в речи, сын чести, верховный жрец Аммона, Веннефер, правдивый в речи; он говорит следующее: я был сопровождающим Его особы, когда он был ребенком. Он назначил меня возничим[1] и надзирателем за лошадьми, когда он был господином (царем). Мой господин был благосклонен ко мне за мои превосходные качества и назначил меня командующим его армией. Мой господин был благосклонен ко мне за мои способности и послал меня в качестве царского посланника во все иностранные земли; Я сообщал ему касавшееся чужих стран в каждом их аспекте. Он снова был благосклонен ко мне за плодотворность моей деятельности и назначил меня надзирателем за работами в своем храме миллиона лет Двойного царя, Узермаатра Сетепенры (Рамсеса II), во владении Аммона. Я был уникален, превосходен, был способен плодотворно действовать для моего господина; он назначил меня Ка-жрецом[2] для своей статуи. Он создал мое благосостояние во всех аспектах <…>. Командующий большой армией, Аменемон, правдивый в речи, рожденный от великого в гареме Аммона-Ра в Карнаке»[3].

Древнеегипетские сановники эпохи «Нового царства» носили такие же титулы знатности, какие имели высшие должностные лица времен «Старого» и «Среднего» царств. Самым распространенным из них был титул «носителя печати». Они создавали для защиты своих интересов такие же точно замкнутые объединения, которые существовали в среде египетской знати прежних времен. Одним из них была организация, обозначавшаяся словом, звучавшим примерно как «пат». Она возникла, по всей видимости, еще в эпоху «Раннего царства». Ее главным богом считался Хор, а главным символом око Хора[4]. В эпоху «Нового царства» эта организация превратилась в настоящую касту египетских сановников, занимавших высшие должности.

---

[1] На колеснице.

[2] В данном случае под Ка-жрецом понимается жрец души Рамсеса II.

[3] The Sistrophorous Statue of the Army Commander Amenemone from Thebes // *Frood E.* Biographical Texts from Ramessid Egypt / Edited by Jones Baines. Atlanta, 2007. P. 190–191.

[4] Данный символ можно увидеть в настоящее время на однодолларовой банкноте США.

Ее членом являлся, например, египетский сановник по имени Майя, служивший при фараонах Тутанхамоне и Хоремхебе. На это указывает надпись на стене его погребального сооружения в Саккаре. Майя представляется в ней как «член пата, землевладелец, носитель царской печати, единственный сопровождающий, носитель опахала справа от царя, праздничный руководитель Аммона, истинный царский писец, возлюбленный им, надзиратель за сокровищницей для господина Двух Земель»[1].

Основной фигурой египетского государственного аппарата попрежнему был писец. Но значение этих должностных лиц выросло до небывалых масштабов. Существовавший в Египте во времена «Нового царства» стиль государственного управления предполагал значительно более интенсивное делопроизводство, чем то, которое было в предыдущие эпохи.

Писцы пребывали, как это было и прежде, на всех ступенях служебной иерархии, но высшей для них считалась должность «царского писца». Ее занимали, как правило, высшие сановники — такие, как вышеупомянутый Майя.

Эпоха «Нового царства» стала апогеем в эволюции государственного аппарата Древнего Египта. Сформировавшись в эпоху «Раннего царства», во время правления первых династий египетских царей, и пройдя путь эволюции длиной, по меньшей мере, в полтора тысячелетия, он достиг во время правления XVIII и XIX династий высшей точки в своем развитии и после этого начал приходить в упадок. В первой трети XI века до н.э., во время царствования Рамсеса XI, он разделился на две самостоятельные администрации: одна для территории дельты Нила и Среднего Египта, другая — для Южного Египта. Столицей первой была резиденция фараона город Пи-Рамсес-ми-Аммон (Дом-Рамсеса-возлюбленного Аммоном). Столичным городом второй — Фивы.

«Ливийская полиархия», установившаяся в период «Новейшего царства», и последовавшее столетие правления кушитской (эфиопской) династии способствовали дальнейшей деградации египетского государственного управления. Административный аппарат оказался раздробленным на множество фрагментов. Вследствие этого верховная государственная власть утратила

---

[1] The Saqqara Tomb of the Overseer of the Treasury Maya // *Frood E.* Biographical Texts from Ramessid Egypt / Edited by Jones Baines. Atlanta, 2007. P. 142.

способность контролировать всю территорию страны. Английский египтолог Томас Гарнет Генри Джеймс, характеризуя анархию, установившуюся в Египте во времена владычества кушитских царей, отмечал, что она не была всецело разрушительной. «Она была скорее политической, чем культурной анархией, и выражалась во фрагментации страны, особенно на севере. Не только администрация, но в огромной мере также и суверенитет осуществлялся на местах; однако общая административная система Египта была настолько хорошо установлена, что практика управления в маленьких царствах и полуавтономных государствах оказалась, насколько об этом можно судить, чрезвычайно приверженной к старинным формам и процедурам. Египет не развалился, когда центральное правительство рухнуло, потому что он был не конфедерацией государств, различающихся обычаями, языком и религией, но являлся нацией с сильными региональными чертами, регионами, которые были в значительной степени идентичны старинным номам, или группам номов. Отсутствие центрального правительства неизбежно вело, однако, к развалу общих служб, системы поддержания водных путей, управления правосудием во всей стране, организации земледелия и сбора налогов, и сверх всего, к непоследовательности национальной политики в сфере иностранных дел»[1].

Основатель XXVI (саисской) династии Псамметих I сумел к концу первого десятилетия своего правления, то есть примерно к середине VII века до н.э., объединить территорию Египта. Резиденцией египетских фараонов снова сделался Мемфис. Фивы остались политическим центром Южного Египта, но верховный жрец Аммона, тжати и другие сановники, управлявшие этим регионом, признали над собой власть новой династии. Для принуждения их к подчинению себе Псамметих I использовал различные средства, от угрозы применения военной силы до мирных соглашений. Он оставил на ключевых должностях в государственном аппарате представителей знатных египетских семей, которые держали их прежде, нередко в течение нескольких поколений. При этом Псамметих I и его преемники на троне поощряли установ-

[1] The Cambridge Ancient History. Vol. 3. Part 2. The Assyrian and Babylonian Empires and other States of the Near East, from the Eight to the Sixth Centuries B.C. Cambridge, 2008. P. 730.

ление брачных уз между семьями мемфисских и фиванских сановников. В 656 году до н.э. дочь Псамметиха I по имени Нитокрис была торжественно провозглашена в Фивах, с согласия местной знати, «божественной супругой Аммона». При этом носившая данное звание представительница кушитской династии не была лишена его. После смерти Нитокрис в 584 году звание «божественной супруги Аммона» унаследовала дочь тогдашнего фараона Псамметиха II Анкхнеснеферибра. В этом качестве она пребывала до персидского завоевания Египта. При этом управляющими хозяйством храма Аммона были исключительно выходцы из семей саисской знати[1].

В северной же части Египта Псамметих I постарался отстранить местных правителей от власти, заменив их на выходцев из самых различных регионов страны[2].

В царствование Амасиса (приблизительно 570–526 гг. до н.э.) было завершено восстановление единого для страны государственного аппарата. Подробности этого процесса неизвестны, но одним из факторов, способствовавших унификации государственного управления в Египте в период правления XXVI династии, стало отсутствие внутренних войн, стабильность общественной жизни. Кроме того, административной унификации благоприятствовало распространение среди египтян демотического письма, которое было удобнее использовать для ведения записей, чем письмо иератическое и тем более иероглифическое. Предпосылки для более эффективного учета материальных ресурсов и улучшения организации налоговых сборов создавало введение в торговое обращение Египта в конце VI века до н.э. чеканных монет[3].

---

[1] The Cambridge Ancient History. Vol. 3. Part 2. P. 733.

[2] См. об этом: *Spalinger A.* Psammetichus, King of Egypt: I // Journal of the American Research Center in Egypt. 1976. Vol. 13. P. 138–139, 142.

[3] По словам специалиста в области нумизматики древнего мира Джеймса Кетиса, «археологическая и нумизматическая литература хранит некое благоразумное молчание по вопросу чеканки монет египетскими фараонами, причину которого нетрудно обнаружить. Во-первых, чеканки монет (в ее современном смысле) не существовало нигде в Средиземноморском регионе до периода египетской двадцать шестой династии, когда фараонская эпоха близилась к концу. Во-вторых, особая экономическая гомогенность Египта препятствовала такому развитию. Наконец, не было найдено ни одного убедительного нумизматического свидетельства, указывающего на такую чеканку монет, или мало

Для усиления своей власти фараоны XXVI династии использовали отряды греческих наемников. Так, Псамметих I, по рассказу Геродота, сумел с помощью ионян и карийцев победить других царей. В награду за их помощь он пожаловал им «участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила». Более того, фараон передал грекам «даже египетских юношей на обучение эллинскому языку». Греческие поселения на территории Египта располагались поначалу выше города Бубастиса, по направлению к морю, у так называемого Пелусийского устья Нила. Фараон Амасис переселил греков в Мемфис, «сделав их телохранителями для защиты от своих же египтян»[1].

Во времена правления XXVI династии Египет сделался местом паломничества знатных греков из различных полисов. Из античных источников известно, что эту страну посещал и много общался с местными жрецами афинский мудрец и политический деятель Солон[2].

Привлекал к себе Египет в это время и торговцев из других стран, и земледельцев, и ремесленников. Многие из них оставались здесь на постоянное жительство. В результате ко времени персидского завоевания в египетских городах возникли целые кварталы выходцев из Греции, Финикии, Сирии, Палестины. А в некоторых областях Египта сложились многолюдные поселе-

---

их» (*Curtis J. W.* Coinage of Pharaonic Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1957. Vol. 43. P. 71). Специалист по истории Египта эпохи Птолемеев профессор Йельской школы права Джозеф Мэннинг связывает начало монетизации египетской экономики в конце VI в. до н.э. с развитием торговли египтян с греками. Он обращает внимание на то, что на рубеже VII и VI вв. до н.э. в западной дельте возникла греческая торговая колония, образовавшая город Наукратис. По его словам, «множество монетных кладов, обнаруженных в Египте к сегодняшнему дню, пришли или с дельты, или из Мемфисского региона, отражая тесные связи северного Египта со Средиземноморьем» (*Manning J. G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B. C. Princeton and Oxford, 2010. P. 131).

[1] *Геродот.* История в девяти книгах. М., 1993. С. 129.

[2] «Некоторое время он занимался философскими беседами также с Псенофисом из Гелиополя и Сонхисом из Саиса, самыми учеными жрецами», — сообщает Плутарх в своем очерке о Солоне, замечая далее: «От них, как говорит Платон, узнал он и сказание об Атлантиде» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. М., 1994. Том 1. С. 109).

ния иностранцев. Большинство чужеземцев селились на территории дельты Нила, но немалое их число оседало в Мемфисе или в его окрестностях.

Иностранцы пополняли и состав египетского государственного аппарата, причем не только армию, но и гражданскую администрацию. Возникновение эллинистического государства в Египте связывается в исторической литературе исключительно с деятельностью первых фараонов династии Птолемеев. В действительности первые зачатки его стали формироваться еще в период правления XXVI династии.

Персидские цари смотрели на Египет исключительно как на источник материальных богатств, поэтому главной их заботой было не управление страной, а лишь получение налогов, притом насколько возможно в большем количестве. Поставив во главе египетского государственного аппарата вместо тжати сатрапа, они сохранили его основу, то есть ведомства, управляющие сбором налогов и зернохранилищами, а также должностных лиц, осуществлявших надзор за земледелием. Не стали персидские завоеватели разрушать и администрации на местах, увидев в них эффективный инструмент для сбора налогов с местных хозяйств.

Пережив последовательно стодвадцатилетний период персидского владычества, шестидесятилетнюю эпоху правления последних египетских династий — с двадцать восьмой по тридцатую, одиннадцать лет нового персидского господства и десятилетие фараонства Александра Македонского, государственный аппарат XXVI династии с нововведениями, внесенными за это время в его структуру, оказался в распоряжении Птолемея I. Соратник великого македонца распорядился этим наследством как рачительный хозяин. Он сохранил действовавший в Египте в течение длительного времени и привычный для египтян механизм государственной власти, заменив лишь его главные рычаги.

4. Центральное государственное управление в Египте в эпоху правления династии Птолемеев

Организация государственного управления регионами и местностями почти не изменилась при Птолемеях. Должности в региональных и местных администрациях остались в руках египтян. Продолжилась и практика передачи их по наследству,

в рамках семей. Однако высшая сфера государственного управления Египтом была коренным образом преобразована. Первые цари династии Птолемеев, на долю которых выпало создавать в этой стране основы новой системы верховной государственной власти, стремились сформировать ее таким образом, чтобы она была способна поддерживать порядок в обществе и осуществлять эффективный контроль за деятельностью должностных лиц регионального и местного управления, обеспечивая тем самым сбор налогов в необходимых размерах и их бесперебойное поступление в казну.

Будучи македонцами по происхождению и греками по образованию, Птолемей I и Птолемей II старались опираться в своей государственной деятельности на македонцев и греков. Представители этих этнических групп составили основной штат царского двора, они заняли большинство должностей в центральном государственном аппарате. В связи с этим устройство высшей сферы государственного управления было основано Птолемеями в значительной мере на опыте его организации в Македонии и в греческих государствах. Греческий язык сделался главным языком птолемеевской бюрократии. Ни один монарх династии Птолемеев, вплоть до Клеопатры VII, не знал египетского языка. Соответственно и должности в центральном государственном аппарате Египта носили греческие названия.

В связи с этим египетские писцы были вынуждены осваивать греческий язык. Владея двумя языками, они играли роль связующего звена между высшим, греческим, слоем бюрократического аппарата и низшим, египетским. Благодаря двуязычным писцам греческая терминология все более утверждалась среди египетских должностных лиц.

Занимая высшие должности в государственном управлении Египта, македонцы и греки имели в своем подчинении массу чиновников-египтян. Это разделение не могло не порождать этнических конфликтов. По словам Эллэна Ллойда, «Греко-македонское отношение к египтянам состояло в том, чтобы египтяне эксплуатировались для блага их иностранных хозяев. Это отношение не могло не порождать среди большой массы туземцев настроение горечи и отчаяния, которое находило свое выражение в распространении асилы, активных забастовок, массового ухода в пустыни или болота и продолжительных серий восстаний, начавших-

ся, по меньшей мере, в такое раннее время, как период правления Птолемея IV, и позднее продолжавшихся»[1].

Острота конфликтов между египтянами, с одной стороны, и македонско-греческой правящей элитой, с другой стороны, смягчалась уважительным отношением многих македонцев и греков к традициям страны, которой они управляли. Египет издавна воспринимался в Македонии и Греции в качестве цивилизации, стоявшей выше их по культурному развитию. Греческие философы считали египетских жрецов хранителями древней мудрости и своими учителями. Поддержанию такого отношения македонцев и греков к египетской культуре способствовала идеологическая политика Птолемеев. Как уже отмечалось, цари этой династии, хотя и носили греческий титул «басилевса», мыслили себя египетскими фараонами и старались соблюдать связанные с этим званием традиции и обычаи, исполнять необходимые религиозные церемонии и ритуалы. Формируя правящую элиту своего государства из македонцев и греков, Птолемеи не закрывали допуск на высшие государственные должности чиновников египетского происхождения. Главными условиями карьеры для таких египтян являлась, правда, преданность Птолемеевской династии и знание греческого языка.

Процесс эллинизации регионального и местного государственного управления в Египте шел не без поддержки Птолемеев, но при этом они не стремились к разрушению традиционных египетских административных систем. Основу последних составляли храмы. Птолемеи оказывали им всяческую поддержку: материальную, политическую, идеологическую. В Птолемеевском Египте так же, как и в эпохи правления египетских династий, строились храмовые здания, причем их стены покрывались, в соответствии с египетской традицией, иероглифическими надписями. Египетские жрецы были привилегированным слоем в эллинистическом государстве Птолемеев. Цари этой династии нередко привлекали их в качестве своих советников, чтобы узнавать у них о египетских традициях и обычаях, о фараонах, правивших когда-то в Египте.

Политическое устройство **Птолемеевского царского двора** воспроизводило во многих своих чертах организацию двора ма-

---

[1] *Lloyd A. B.* Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1982. Vol. 31. № 1. P. 36.

кедонских и греческих басилевсов. Его ядро составляли придворные, именовавшиеся «родственниками» (*syngenes*) басилевса и «друзьями басилевса» (*phíloi toú basíleōs*). «Родство» и «дружба» могли быть не только условными, но и настоящими, однако, выраженные в виде титулов, они являлись не формой действительно родственных или дружественных отношений между монархом и придворными, но всего лишь ритуалами, имевшими политическое значение.

«Друзья басилевса» являлись как бы «гвардией» среди его придворных. Они служили царской семье в качестве военачальников и высших должностных лиц администрации царского двора и государственного управления. Они составляли главную опору царя и одновременно играли роль его осведомителей о состоянии дел при дворе и в обществе. Аристотель писал о значении для монарха этой категории придворных: «В настоящее время монархи вынуждены прибегать к помощи многих глаз, ушей, рук и ног, делая соучастниками своей власти людей, сочувствующих их правлению и лично расположенных к ним. Если это не друзья монарха, они не станут поступать согласно с его предначертаниями, а если они друзья монарха и его власти, [то будут так поступать]; ведь дружба неизбежно предполагает совершенное равенство, так что, если монарх предполагает, что такие друзья должны разделять его власть, он допускает вместе с тем, что и власть должна быть равной между равными и подобными»[1].

«Друзья басилевса» представляли собой консолидированную группу сановников, пользовавшихся наибольшим доверием со стороны Птолемеев. Они содействовали царям своими советами, помогали им контролировать и сам двор, и армию, и аппарат государственного управления. По обыкновению, именно из этой категории людей Птолемеи подбирали командующих армейскими подразделениями и флотом, должностных лиц финансовых ведомств, правителей теми или иными регионами страны, посланников в иностранные государства.

«Друзья басилевса» были, как правило, выходцами из богатых и знатных семей и не нуждались в регулярном жалованье. Но цари обыкновенно не жалели средств, чтобы вознаградить их за

---

[1] *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1983. Том 4. С. 483.

плодотворную службу, предоставляя им и земли, и деньги, и часть добычи, захваченной в победоносных военных походах. Эта группа придворных была очень опасной для царя. Жизнь его величества зависела от них и прямо, и косвенно. В истории Птолемеевской династии бывали случаи, когда «друг царя» становился его убийцей. Об одном из таких случаев довольно подробно рассказал Полибий. В 205 году до н.э. грек Сосибиус, пребывавший при Птолемее IV в качестве «друга-советника» царя, убил его и царицу Арсиною[1].

Среди «друзей царя» существовала своя иерархия. Формально она выражалась в почетных дворцовых титулах, должностях, царских поручениях. Высшие члены этой группировки сановников заседали в царском совете — синедрионе. Это были, как правило, высшие чины армии и высшие должностные лица гражданского управления. Помимо формальной иерархии, была также иерархия неформальная: место в ней определялось степенью приближенности того или иного «друга» к царю. Соответственно выделялись «первые друзья царя», «равные первым друзьям» и просто «друзья царя».

Данные об этнической принадлежности «друзей царя» при дворе Птолемеев, собранные в таблицы Леоном Мооореном[2], показывают, что в период с 305 до 180 года до н.э. таких придворных насчитывалось 25 чел., а со 180 до 30 года до н.э. — 47. Больше всего среди них было выходцев из материковой Греции: 8 — в первый из указанных периодов и 10 — во второй. Следующими по количеству были уроженцы Александрии: соответственно 6 и 8. Третьими — македонцы: 3 и 7. Выходцы из Египта в период с 305 до 180 года до н.э. отсутствовали вообще, а после 180 года их было четверо в группе «друзей царя». Но египтянином являлся среди них только один, а именно: Петосарапис, служивший при дворе Птолемея VI.

Документ, датируемый первым десятилетием правления Птолемея V Эпифана, которое пришлось на время с 205 до 195 года до н.э., приводит следующий список придворных титулов и рангов:

---

[1] См.: *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. Том 2. Кн. VI–XXV. СПб., 1995. С. 247–255.

[2] См.: *Mooren L.* The Aulic Titulature in Ptolemaic Egypt. Introduction and Prosopography. Brussel, 1975.

1) «родственник» (*syngenes*), 1а) «равный родственнику» (*homotimos* родственнику), 2) «относящийся к первым друзьям» (*ton proton philon*), 2а) «равный первым друзьям», 3) «главный телохранитель» (*archisomatophylax*), 4) «относящийся к друзьям» (*proton philon*), 5) «относящийся к наследникам» (*ton diadochon)*, 6) «относящийся к телохранителям» (*ton somatophylakon*). Звание телохранителя указывало не только на ранг, но и на должность его носителя. Остальные же звания были скорее почетными титулами, показывавшими ранг их носителей. Они добавлялись иногда к названию должности или к титулу, указывавшему на должность. Так некто Боэций (Boethos) представляется в документе, датируемом 22 апреля 135 года до н.э., как «родственник и стратег (syngenes und stratege)», а в документе, относящемся к августу или сентябрю того же года, в качестве «родственника и эпистратега Фиваиды (syngenes und epistratege der Thebais)».[1].

Характеризуя в своей книге о Египте Птолемеев созданное ими государственное управление, Джозеф Мэннинг счел необходимым отметить: «Птолемеевская бюрократия была в таком случае, говоря в общих чертах, продолжением более ранней практики, так как происходила из египетского исторического опыта»[2]. «Общий стиль управления был фараонским, консервативным и реакционным. Приняв фараонские образцы правления и сделав своей опорой элиту солдат, жрецов и бюрократов, Птолемеи придали новую силу, более того, новую жизнь старинной системе»[3]. Эти оценки опираются на конкретные факты. И сами Птолемеи считали свое правление продолжением цепи правлений египетских фараонов: неслучайно Манефон в своей «Египтиаке», составленной для Птолемея II Филадельфа[4], включал их династию в общую историю династий египетских монархов.

---

[1] См.: *Vandorpe K.* Der früheste Beleg eines Strategen der Thebais als Epistrategen // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1988. Bd. 73. S. 48.

[2] *Manning J. G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B.C. Princeton and Oxford, 2010. P. 147.

[3] Ibid. P. 203.

[4] В тексте письма Манефона Птолемею Филадельфу, который приводится в «Хронографии» Георгия Синкелла и в «Хронике» Евсевия Памфила, говорится, что он составил историю Египта в соответствии с приказом его величества (The Epistle of Manetho, the Sebennyte, to Ptolemy Philadelphus // The Ancient Fragments;

Бюрократия Птолемеев действительно строилась на основе той организации государственного управления, которая сложилась в Египте до восшествия на фараонский трон первого представителя указанной династии. Но эта организация не была «старинной системой» египетской администрации. За семь с лишним столетий, прошедших после крушения государства эпохи «Нового царства», в государственном управлении Египта многое изменилось. Персидское же владычество деформировало всю его структуру. Из нее был изъят институт тжати, один из важнейших элементов египетской государственности. Фараон и тжати своими функциями взаимно дополняли друг друга. Власть тжати была на практике в такой же мере наследственной, как и власть фараона. Две наследственные власти придавали государству Древнего Египта своеобразие и вместе с тем повышенную устойчивость. Вместе с тем для государственного аппарата, устроенного весьма хаотично, тжати был силой, которая его упорядочивала.

Птолемеи не восстановили института тжати. В созданной ими системе государственного управления его функции взял на себя фараон. Именно он стал главным контролером и надзирателем. Ему шли жалобы подданных на злоупотребления чиновников, хотя и через многие бюрократические инстанции, число которых могло превышать три десятка. Перед ним непосредственно отчитывались в своей деятельности высшие должностные лица. От него они получали приказы и распоряжения. Свидетельством этому служат многие царские письма. Так, сохранилось письмо Птолемея VIII, датируемое 156 годом до н.э., в котором его величество дает следующее указание одному из своих сановников: «Царь и царица придают огромное значение правосудию, осуществляемому относительно всех подданных их царства. В настоящее время многие люди подают жалобы против тебя, твоих подчиненных и особенно сборщиков податей о злоупотреблениях властью и обманных взысканиях и некоторые заявляют даже о вымогательстве. Мы желаем тебе не терять из виду тот факт, что все это несовместимо с нашими правилами поведения и еще менее — с твоей безопасностью»[1].

---

containing what remains of the writings of Sanchoniatho, Berossus, Abydenus, Megasthenes and Manetho / By I. P. Cory. London, 1828. P. 49).

[1] Цит. по: *Bowman A. K.* Egypt after the pharaohs: 332 B.C. – A.D. 642: from Alexander to the Arab Conquest. Berkeley and Los Angelos, 1996. C. 58.

По этой причине главным органом в государственном аппарате Птолемеевского Египта стала канцелярия. В ее состав входили: 1) царский *эпистолаграф* (epistolagraphos) — советник монарха по внешнеполитическим вопросам, ведавший его дипломатической перепиской с другими государями; 2) *гипомнематограф* (hypomnematographos) — сановник, который составлял проекты царских указов. Каждый из этих лиц имел многочисленный штат помощников.

Одним из наиболее влиятельных должностных лиц в центральном государственном управлении Птолемеевского Египта выступал *диойкет* (dioiketes). Эта должность упоминается в сочинениях античных историографов об Александре Македонском. Из них следует, что полководец, покидая Египет, назначил Клеомена из Навкратиса ответственным за постройку Александрии и получение налогов с египтян. Действуя в указанном качестве, Клеомон имел титул диойкета.

Слово, эквивалентное греческому названию данного титула, существовало в египетском языке: оно звучало как «сенти». Этот факт позволяет предположить, что термином «диойкет» была названа должность, которая появилась в государственном управлении Египта задолго до прихода сюда греков и Александра Македонского.

Как бы то ни было, в птолемеевской бюрократии диойкет приобрел особое значение. Он стал руководителем целой армии чиновников, призванных контролировать производство сельскохозяйственной продукции и самое главное — обеспечивать сбор налогов и их бесперебойное поступление в государственную казну.

Налоги платились частью монетами, частью продуктами. Для хранения последних по всей стране была создана сеть складов, а также организована система распределения хранившихся в них припасов и доставки их в те или иные места. Все это находилось в ведении диойкета. Одновременно он выполнял функции управляющего казной.

Ведомство диойкета было по сути государством в государстве. Оно составляло стержень не только центрального, но также регионального и местного государственного управления, пронизывая, таким образом, всю страну сверху донизу. В региональных и местных администрациях имелись должностные лица, ответственные

за сбор налогов и хранение припасов. Они руководили штатом мелких сборщиков налогов и подчинялись напрямую главному диойкету.

Описанная система управления сбором налогов и финансами была довольно эффективной. На это указывает уже сам факт существования в Египте в рассматриваемую эпоху чрезвычайно громоздкого, со множеством должностей и огромной массой чиновников, бюрократического аппарата. Для его содержания требовались огромные средства, которые притом должны были поступать регулярно и в течение долгого времени. Отсюда очевидно, что Птолемеям удалось создать хорошо работавший механизм сбора налогов и управления финансами. Древнегреческий поэт Феокрит, живший в Александрии с 274 до 270 года до н.э. и пользовавшийся покровительством Птолемея Филадельфа, писал впоследствии в своей похвале этому царю, что «он превосходит в богатстве всех других монархов, настолько велики налоги, поступающие каждодневно и с каждого направления в его богатое хранилище»[1]. Следует отметить, что численность населения Египта при Птолемеях находилась в пределах 3–4 миллионов человек[2].

Факты показывают, что при формировании в Египте новой системы налогообложения Птолемеи опирались не только на египетский и персидский опыт, но также на практику греческих государств. По словам Джозефа Мэннинга, существовавшие в Египте при Птолемеях механизмы сбора некоторых налогов и соответствовавшие им финансовые институты были заимствованы из Греции IV века до н.э. и «в особенности из Афинского опыта. Терминология Птолемеевских документов о сборе налогов является

---

[1] *Theocritus*. Encomium of Ptolemy Philadelphus. Text and Translation with Introduction and Commentary by Richard Hunter. Berkeley and Los Angeles, 2003. P. 87.

[2] Чрезмерная зависимость древнеегипетского земледелия от климатических условий и уровня воды в Ниле ставила пределы росту численности населения на пространстве, примыкающем к этой реке. По подсчетам историков-демографов, сельское хозяйство Древнего Египта времен «Старого царства» могло обеспечить существование 1,2 миллиона человек, в эпоху «Нового царства» — 2,1 миллиона, в период правления Птолемеевской династии — 3,2 миллиона. См.: *Hassan F A*. Population ecology and civilization in Ancient Egypt. In Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes / Edited by C. L. Crumley. Santa Fe, New Mexico: School of American Research, 1993. P. 170.

афинской четвертого столетия, и раннее восприятие ее Птолемеями показывает, что цари опирались на все греческие прецеденты, установленные в течение четвертого века, и попытались применить их к новым, египетским, условиям. Мы не знаем, как была впервые введена первоначальная система сбора налогов, но к середине третьего века она функционировала в полной мере»[1].

Заимствованной у греков системе налогообложения Птолемеи придали такую организационную форму, которая в наибольшей степени соответствовала характеру египетской государственности. Чиновники центрального, регионального и местного управления, обеспечивавшие сбор налогов и их поступление в казну или хранилища, были соединены в одно ведомство, организованное на основе принципа строгого подчинения вышестоящему начальнику. Таким образом, была создана властная вертикаль, в которой стирались различия между теми или иными уровнями государственного управления. Служившие в этом ведомстве чиновники местных и региональных администраций являлись одновременно должностными лицами центрального государственного аппарата.

Подобным же образом было устроено в Птолемеевском Египте и управление армией. Военными гарнизонами, рассредоточенными по территории страны, руководили командиры, подчинявшиеся только вышестоящим начальникам своего ведомства. Такая организация управления войсками, с одной стороны, позволяла поддерживать в них строгий порядок, а с другой стороны, обеспечивала Птолемеевской армии необходимую мобильность. Имея в своем распоряжении рационально организованную и эффективно работавшую финансовую систему, цари династии Птолемеев могли позволить себе держать многочисленную армию. В свою очередь, обладая такой армией, они были в состоянии контролировать всю территорию страны.

Но как бы хорошо (для того времени) ни было организовано в Птолемеевском государстве управление финансами и военными гарнизонами, македонско-греческая правящая элита не могла бы властвовать в Египте в течение почти трех столетий, если бы она не делилась властью и получаемыми посредством ее благами с

---

[1] *Manning J. G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B. C. 152–153.

верхами египетского общества. Данный компромисс пронизывал всю организацию государственного управления Египтом. Территория страны была разделена в административном отношении на десятки округов, именовавшихся греческим словом «ном». В каждом номе существовала своя администрация, основные должности в которой занимали египтяне. Количество номов менялось в различные эпохи, и не было единой для всех номов системы управления. Тринадцать южных номов Верхнего Египта, располагавшихся на территории от Абидоса до Асуана, образовывали особый регион с центром в Фивах — так называемую Фиваиду. Во втором веке до н.э. им управляло должностное лицо с титулом «стратега» или «эпистратега»[1]. Отдельную провинцию Птолемеевского Египта с особой системой управления составлял Фаюм — территория долины (Эль-Лахун) в Верхнем Египте, окруженная со всех сторон Ливийской пустыней. Ее центром был город Арсиноя, называвшийся до Птолемеев Крокодилополем. Главным богом-покровителем этого города являлся Себек, изображавшийся с головой крокодила.

Македонцы и греки составляли примерно 5% населения Египта, но это были солдаты-наемники, чиновники, торговцы, то есть весьма влиятельные группы населения. И Птолемеи вынуждены были считаться с их интересами. Они позволяли городам, где македонцы и греки составляли большинство населения, — Наукратис, Птолемаис и др., иметь особое административное устройство, предполагавшее более активное участие народа в управлении городом, наподобие того, которое существовало в греческих полисах. Особая система управления существовала в Александрии и на территории, прилегавшей к столице, — так называемой «хоре». Здесь также большинство населения составляли македонцы и греки.

Таким образом, государственное управление в Птолемеевском Египте не было унифицированным явлением для всей страны. На различных ее территориях использовались разные варианты административного устройства. При этом и египетский государственный аппарат в целом, и система управления отдельными регионами и местностями пребывали в постоянном развитии. Менялся

---

[1] *Vandorpe K.* Der früheste Beleg eines Strategen der Thebais als Epistrategen // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1988. Bd. 73. S. 47–50.

набор должностей, их статус, названия, титулы чиновников. Менялось содержание должностных обязанностей. Переменчивым было соотношение различных государственных органов и должностей между собой. Неизменным оставалось одно: центральное государственное управление являлось на протяжении всей истории Птолемеевского эллинистического государства в Египте лишь надстройкой над системами местного административного устройства. Они составляли настоящую основу этого государства.

Впрочем, данная закономерность действовала на протяжении всего исторического развития древнеегипетской государственности. Древний Египет часто называют страной фараонов. Между тем фараоны, их двор и административный аппарат представляли собой только фасад древнеегипетской государственности. Фундаментом же ее было местное управление.

5. Местное управление

Местное административное устройство Древнего Египта даже поздних эпох его истории известно лишь в самых общих чертах. Сведений же об организации местного управления в начальные периоды существования этой страны — в эпохи «Раннего» и «Среднего» царств — почти не сохранилось. Можно лишь предполагать, что первыми провинциями древнеегипетского единого государства были вошедшие в его состав небольшие государственные образования. Материалы археологических раскопок показывают, что такие мини-государства возникли сначала на территории Верхнего Египта. Закономерно в связи с этим, что и первые свидетельства деления древнеегипетского государства на провинции были обнаружены в этом же регионе[1].

В исторической литературе древнеегипетские провинции называются «номами», руководители же их — «номархами». Эти названия — греческие по происхождению: они появились в эпоху правления династии Птолемеев для обозначения округов, на

---

[1] Одним из таких свидетельств являются надписи, сделанные чернилами на каменных лодках в комплексе ступенчатой пирамиды, относимой египтологами ко времени правления Нинетжера, третьего царя второй династии. Они изобразили знаки шестнадцати провинций Нижнего Египта. См.: *Helck W.* Die Datierung der Gefäßaufschriften der Djoserpyramide // Zeitschrift fur Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1979. Bd. 106. S. 129.

которые была разделена территория страны, и правителей этих округов. Применение терминов «ном» и «номарх» к более ранним эпохам существования Древнего Египта, и в особенности ко временам «Раннего», «Старого» и «Среднего» царств, носит поэтому весьма условный характер. Административно-территориальное деление древнеегипетского государства не было искусственным: во все эпохи его истории это деление основывалось на естественно возникших различиях между отдельными местностями в способах производственной деятельности, в религиозных верованиях, в обычаях, традициях, формах организации общественной власти. По этой причине в египетском языке не возникло единого термина для обозначения провинций. Каждая из них называлась по-своему. Соответственно и правители их носили разные титулы. Например, правитель Иераконполиса (Некхена) — городского поселения, которое стало ядром первого территориального государства в Египте, величался титулом «хранитель Некхена».

Каждый ном имел свой религиозный и политический центр — храм, посвященный какому-либо богу, и город, где располагалась резиденция номарха. Светские по своей природе функции государственного управления были в Древнем Египте тесно переплетены с религиозными, ритуальными функциями. Номарх рассматривался в качестве не только руководителя провинции, но и жреца. В титулатуре типичного номарха обязательно присутствовал титул «пророка» какого-либо бога. Кроме того, номархи могли иметь звания писцов и чтецов священных книг, «жрецов-чтецов», «посвященных в священные секреты» и т. д.

Должности руководителя провинции и чиновников провинциального аппарата управления были так же, как и многие места в центральном государственном аппарате, наследственными. Они, как правило, передавались в рамках одной семьи, от отца к сыну.

Во времена, когда верховная государственная власть в Египте была достаточно сильной, номархи выступали в качестве царских сановников, то есть имели статус должностных лиц государственного управления, подчиненных царю. В периоды же ее ослабления они становились самостоятельными правителями, иногда принимали на себя даже царские титулы и звания. Тем не менее следует признать, что номы и номархи не представляли собой какой-либо угрозы государственному единству, поскольку получали от него

много весомых благ и преимуществ и вместе с тем всегда сохраняли в рамках единого государства довольно большую степень самостоятельности. Поэтому в эпохи политической раздробленности страны, если на территории Древнего Египта снова возникали экономические условия для существования единого государства, то движущей силой его возрождения становился какой-нибудь ном, а новым царем — его номарх. Эту роль неоднократно играл в истории Древнего Египта ном с центром в Фивах.

Существование в рамках древнеегипетского единого государства во все эпохи его истории самостоятельных территориальных округов с развитым административным устройством — по сути, мини-государств — было обусловлено в первую очередь экономическими причинами.

Земледелие в Древнем Египте зависело в огромной степени от поведения Нила. Полноводная, протекавшая по всей территории страны и периодически разливавшаяся на обширные прибрежные зоны река была источником материального благополучия египтян. Обмеление же Нила лишало египтян урожаев и приводило к всеобщему голоду. Чтобы меньше зависеть от подобных капризов природы, которые периодически случались[1], египтяне строили ирригационные сооружения. Они позволяли орошать почву, которую не достигали воды Нила при его разливе. Верховная государственная власть могла в отдельные периоды содействовать строительству ирригационных сооружений и осуществлять контроль за поддержанием их в надлежащем состоянии, но в целом ирригационные сооружения находились прежде всего в ведении местных правителей. Обеспечение их функционирования было обязанностью должностных лиц местных администраций.

---

[1] Карл Бутцер, специально исследовавший вопрос о развитии ирригации в Древнем Египте, писал по этому поводу: «В общем, режим разливов Нила более предсказуем и надежен, чем у какой-либо другой мировой реки, благодаря множеству его водных источников в Африке южнее Сахары и основательной регулярности муссоновых дождей. Но, как мы увидели, масштабы разлива Нила и объем с 622 года н.э. и историческая запись разливов Нила показывает существенную степень кратко- и долговременного непостоянства: хорошие, средние и плохие разливы; периодически разливы бывали или чрезмерными, или весьма недостаточными» (*Butzer K. W.* Early Hydraulic Civilization in Egypt. A Study in Cultural Ecology. Chicago and London, 1976. P. 41).

Организация сбора налогов в масштабе страны и обеспечение бесперебойного их поступления в государственные хранилища была функцией чиновников центрального государственного аппарата. Однако процесс сбора налогов с хозяйств осуществлялся служащими местного управления. Они же занимались непосредственно и распределением продуктов среди населения во времена неурожаев. Развитое административное устройство на местах было, таким образом, необходимым условием существования единого для всей страны государства и центрального государственного аппарата.

Поэтому чем большее развитие в Древнем Египте получало центральное государственное управление, чем больший масштаб оно приобретало, тем сильнее развивалось местное административное устройство.

В эпоху «Старого царства» стимулирующим фактором в развитии местного управления являлись царские хозяйства. Должностные лица, обеспечивавшие их функционирование, действовали на практике как местные администрации. По словам Тоби Уилкинсона, эта «система лучше всего была развита в Дельте, где располагалось большинство царских хозяйств. Поэтому именно в рамках Нижнего Египта была обнаружено самое раннее свидетельство существования регионального управления»[1]. Сеть таких хозяйств и местных администраций давала верховной государственной власти возможность осуществлять политический контроль над территориями, удаленными от резиденции монарха.

Разработка государственных рудников также могла способствовать формированию местного управления. Для управления ими назначались специальные должностные лица, которые становились фактическими правителями районов, в которых эти рудники находились.

Наивысшего же уровня развития системы местного управления достигли в Египте в эпоху «Нового царства», то есть именно в то время, когда верховная государственная власть пребывала на вершине своего могущества, а центральный государственный аппарат имел небывало огромные размеры.

---

[1] *Wilkinson T. A. H.* Early dynastic Egypt. London and New York, 2005. P. 118.

Местные администрации в этот период стали более широкими по составу. В них увеличилось количество должностей, возросла численность чиновников.

Управление городскими территориями, по всей видимости, окончательно обособилось от управления землями, на которых велось земледелие. Надписи на храмах показывают, что правителями городов нередко становились верховные жрецы их богов-покровителей. Помимо административных и религиозных функций, они сосредотачивали в своих руках судебные полномочия.

В течение правления первых четырех фараонов XVIII династии (Амосиса I, Аменхотепа I, Тутмоса I и Тутмоса II) египтяне завершили завоевании Нубии (Эфиопии). Она была включена в состав египетской державы в качестве одной из провинций со своеобразной системой управления. При фараоне Амосисе I территорией Нубии управлял военачальник с титулом коменданта. Аменхотеп I сделал должность руководителя новой египетской провинции сугубо гражданской, дав сановнику, назначенному на этот пост, следующие титулы: «наследственный принц», «топарх», «носитель царской печати», «единственный соратник», «фаворит царя в Южных Землях», «царский сын»[1]. Резиденцией данного правителя был избран город Асуан. В состав подвластной ему территории была включена, помимо Нубии, примыкавшая к ней южная часть территории Верхнего Египта. В качестве главной обязанности на «царского сына» было возложено обеспечение регулярного поступления в государственную казну налогов с территории вверенной ему провинции. Для выполнения этой обязанности при нем был создан целый штат чиновников[2].

Во времена, последовавшие за эпохой «Нового царства», многие местные администрации на территории дельты Нила и в южной части Египта стали самостоятельными, а их главы сделались маленькими государями — «царьками». Эти процессы были проявлением глубокого кризиса, который переживала тогда верховная государственная власть в Древнем Египте. Обратной его стороной была деградация местного управления. Административный

---

[1] *Reisner G. A.* The Viceroys of Ethiopia // The Journal of Egyptian Archaeology. 1920. Vol. 6. № 1. P. 29.

[2] См. об этом: *Adams W. Y.* The First Colonial Empire: Egypt in Nubia, 3200–1200 B.C. // Comparative Studies in Society and History. 1984. Vol. 26. № 1. P. 56–57.

аппарат, призванный действовать как неотъемлемая часть единого государственного организма, после того, как его глава становился «царьком», функционировал исключительно в качестве придатка к своему правителю.

Ко времени восшествия на фараонский трон Птолемея I Египет представлял собой совокупность более сорока отдельных территорий, управлявшихся местными администрациями почти самостоятельно. Периодические выплаты налогов в пользу того, кто считался египетским фараоном, были едва ли не единственным проявлением связи этих администраций с верховной государственной властью.

Сохранив в целом прежнее административное устройство провинций (т. е. номархов, топархов[1], комархов[2] и других должностных лиц), Птолемеи постарались взять под свой контроль сбор налогов и армейские гарнизоны. С этой целью они ввели в управление провинциями должностных лиц, подчинявшихся не номарху, как все остальные, а соответствующим высшим должностным лицам центрального государственного управления.

В каждом из номов появилось должностное лицо с греческим титулом «ойкономос» (*oikonomos*) и с весьма широким кругом полномочий. На ойкономоса были возложены, в частности, такие обязанности, как осуществление надзора за производством сельскохозяйственной продукции, оказание помощи ее производителям, земледельцам и скотоводам, тестирование качества производимых продуктов, хранение коллекций высококачественного зерна, ведение учета скота, контроль за ценами на продукцию, дабы они не превышали разумных пределов, и, наконец, контроль за сбором налогов.

В подчинении ойкономоса находился целый штат должностных лиц, призванных помогать ему выполнять перечисленные функции. Это сборщики налогов и аудиторы (*logeutai, logistai, eklogistai*), писцы и контролеры записей — антиграфы (*antigrapheis*). Сам ойкономос подчинялся непосредственно диойкетесу, который ведал

---

[1] Топархи, в отличие от номархов, были руководителями более мелких административно-территориальных подразделений, входивших в состав нома.

[2] Комархами или комограмматами (Komogrammateus) назывались провинциальные писцы.

в центральном государственном управлении казной и хранилищами продуктов.

Чиновники местного управления, общавшиеся при выполнении своих должностных функций непосредственно с египетским населением, набирались из египтян. На должность ойкономосов Птолемеи назначали македонцев или греков.

Управление стоявшими в провинциях военными гарнизонами было отдано должностным лицам, называвшимся «стратегами» или «эпистратегами». Им помогали в командовании войсками офицеры с титулами «гиппархов», «гегемонов» и др. Роль стратега в управлении провинцией постепенно возрастала. Во II веке до н.э. он стал брать на себя функции номарха и даже ойкономоса, отодвигая этих должностных лиц от главных рычагов управления номом.

Птолемеевская бюрократия превратилась к тому времени в монстра, пожиравшего огромные материальные средства. Чтобы прокормить его, Птолемеи вынуждены были увеличивать размер налогов, а это не могло не вызывать протестов со стороны трудового населения Египта. Восстания египтян против македонской династии стали обычным явлением. Стремление Птолемеев опираться больше на армейских командиров, чем на гражданских чиновников, являлось в этих условиях вполне естественным. Но оно не спасало их государство от гибели, а лишь отодвигало ее на какое-то время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОГО ПРАВОПОРЯДКА

§ 1. Трудности изучения древнеегипетского права

Изучение права любой древневосточной страны является чрезвычайно трудным делом для современного исследователя, в особенности если он — человек европейского образования. Понятийный аппарат юриспруденции, юридическая терминология, стиль правового мышления, способы правотворчества, формы выражения правовых норм — все эти элементы правовой культуры развивались на Древнем Востоке по особым закономерностям, которые существенно отличались от закономерностей эволюции правовой культуры в Европе. При этом право каждого древневосточного государства обладало своеобразными чертами, делавшими его непохожим на право других стран Древнего Востока.

Право Древнего Египта отличалось от других вариантов древневосточного права в первую очередь тем, что поступательно развивалось в течение трех или даже более тысячелетий. Ни одно древнее право не имело такой длительной и непрерывной истории, как право Древнего Египта. Казалось бы, о нем должно было сохраниться и больше сведений, чем о праве какого-либо другого древневосточного государства. Однако действительная картина получилась прямо противоположной: документальных материалов, отражающих в той или иной мере правовую жизнь древнеегипетского общества на протяжении его развития со времен «Раннего царства» и до периода правления Птолемеевской династии, сохранилось настолько мало[1], что некоторые историки высказы-

[1] В «Оксфордской международной энциклопедии юридической истории» данная картина характеризуется следующими словами: «В Египте лишь тонкая

вают предположение об отсутствии в Древнем Египте вплоть до III века до н.э. зрелой правовой культуры.

Ученые, изучающие право, действовавшее на территории Месопотамии, имеют в своем распоряжении несколько юридических сборников и, в частности, такой свод правовых норм, как «Законы Хаммурапи». Материала этих сборников недостаточно для того, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о праве, действовавшем в тех странах, где они были созданы, но его вполне хватает для обоснованных выводов о сущности основных правовых институтов и о характере правового мышления. К тому же месопотамские юридические сборники дополняются громадным количеством правовых текстов, начертанных на глиняных дощечках. По словам английского ученого, специалиста по истории древнего ближневосточного права Раймонда Уэстбрука, «были выкопаны десятки тысяч правовых документов и еще больше обнаруживается каждый год. Они распределяются неравномерно по времени, концентрируясь, главным образом, в двух периодах: старовавилонском (с девятнадцатого по шестнадцатый век до н.э.) и в нововавилонско-персидском (от шестого до четвертого столетия)»[1].

Исследователи, обращающиеся к изучению права Древнего Египта, оказываются в значительно худшем положении: до сих пор не обнаружено ни одного свода действовавших в этой стране правовых норм. Более того, в дошедших до нас древнеегипетских правовых материалах времен «Старого», «Среднего» и «Нового» царств нет ни ссылок на такой свод, ни других каких-либо признаков, которые бы указывали на его существование в эти эпохи. Мало сохранилось от первых эпох истории древнеегипетского государства текстов отдельных законов.

струйка юридических источников сохранилась от времен до четвертого столетия (до н.э.), когда начали появляться в увеличивающемся количестве демотические документы» (*Westbrook R.* Ancient Near Eastern Law // The Oxford International Encyclopedia of Legal History / Editor in Chief Stanley N. Katz. Vol. 1. Oxford, 2009. P. 167).

[1] *Westbrook R.* The Character of Ancient Near Eastern Law // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. P. 5.

§ 2. Законодательная деятельность древнеегипетских царей

Самым ранним актом древнеегипетского законодательства принято считать пока указ Шепсескафа, последнего царя IV династии, правившего где-то на рубеже XXVI и XXV веков до н.э. или немногим позднее. Сохранились только фрагменты его текста[1], из которых можно понять, что указ был посвящен достройке пирамиды Менкауры, отца и предшественника Шепсескафа на троне. Он начинался с названия титула и имени царя и обозначения времени его принятия. «Хор Шепсескаф, год после первого случая подсчета скота и скотоводов…, который был осуществлен в присутствии самого царя. Царь Верхнего и Нижнего Египта Шепсескаф». Далее шел основной текст указа: «Для царя Верхнего и Нижнего Египта [Мекауры] он воздвиг монумент (в форме) жертвоприношения *пекхер*… в пирамиде Менкаура… Что касается жертвоприношения *пекхер*, принесенного для царя Верхнего и Нижнего Египта [Менкауры]… жреческая обязанность [исполнена] относительно его навсегда…». Далее в тексте указа говорилось о запрете жрецам что-то делать, но что конкретно — из сохранившихся обрывков фраз понять трудно[2].

Из сохранившихся же почти в полном объеме указов древнеегипетских царей самым ранним является, по всей видимости, указ Нефериркары, монарха пятой династии, который правил приблизительно в 70-е – 60-е годы XXV века до н.э. Он был адресован надзирателю над жрецами по имени Хэмуэру. Царь приказывал ему: «Я не уполномочиваю какого-либо человека

(1) забирать какого-нибудь жреца, находящегося в твоем номе, для принудительного труда или какой-либо (другой) работы в номе, за исключением исполнения культовых ритуалов для его бога в храме, где они обыкновенно исполняются, и для поддержания храмов, в которых они исполняются;

---

[1] Они находятся в настоящее время в египетском музее гор. Каира.

[2] Decree of Shepseskaf from the Pyramid Temple of Menkaure at Giza // *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age / Edited by Ronald J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 97–98.

(2) набирать бригаду работников для какой-либо работы на храмовом поле[1], на котором кто-нибудь из жрецов исполняет свой жреческий долг;
(3) забирать какого-либо подневольного человека, работающего на каком-нибудь храмовом поле, на котором кто-нибудь из жрецов исполняет свой жреческий долг, для выполнения принудительной работы или какой-нибудь работы в номе.

Они (все) освобождаются на все время указом царя Верхнего и Нижнего Египта Нефериркары; ты не должен иметь какого-либо законного требования к ним относительно какой-либо обязанности. Что касается какого-либо человека из нома, кто заберет какого-либо жреца, находящегося на земле храма и исполняющего жреческую службу в этом номе; (что касается) подневольного человека, находящегося на каком-либо храмовом поле; тебе следует послать его в Великий Дом[2] для принудительного труда или какой-либо работы в номе и пусть его заставят работать в каменоломне и жать ячмень и пшеницу. (А что касается) какого-либо знатного человека, царского знакомого или персоны, имеющей отношение к реверсивным жертвоприношениям, кто будет поступать в противоречии с этим указом его величества, который был зарегистрирован в Большом Доме, (его) дом, земля, люди и все, чем он владеет, следует отобрать у него, а его привлечь к принудительному труду». В конце приведенного указа было помечено, что он скреплен печатью в присутствии самого царя во второй месяц сезона шему[3], в одиннадцатый день[4].

---

[1] Досл.: «божьем поле».

[2] То есть в царский дворец.

[3] Шему (отсутствие, низкая вода) — сезон сбора урожая в Древнем Египте: он приходился на нашу весну и первый месяц лета, т. е. март, апрель, май, июнь. Ему предшествовал сезон «перет» (появление суши) — ноябрь, декабрь, январь, февраль. Третий сезон египтяне называли словом, звучавшим примерно как «экхет» (половодье). Он охватывал наши месяцы июль, август, сентябрь, октябрь.

[4] Decree of Neferirkare from Abydos // *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age / Edited by Ronald J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 98–101. На стр. 100 этого сборника древнеегипетских документов приводится оригинальный, иероглифический, текст Указа Нефериркары.

Самым большим по объему царским указом являлся, пожалуй, указ шестой династии Пепи I, правившего приблизительно в 2335–2285 годах до н.э. Он был адресован к целому ряду сановников, среди которых находились: надзиратель за царскими писцами, тжати, надзиратель за работами, надзиратель за исполнением божественных жертвоприношений, надзиратель за реверсионными жертвоприношениями, инспектор над чужеземцами и др. Текст указа освобождал два поселения работников и мастеровых, занятых на постройке пирамид, от привлечения на работы в царский дворец, от налогов в пользу резиденции царя, устанавливал другие привилегии для них, а также для проживавших в этих поселениях женщин и детей[1].

Сохранилось целая серия указов царя шестой династии Пепи II[2]. Они были посвящены большей частью освобождению храмов и поселений строителей пирамид от тех или иных повинностей.

От времен правления последней династии «Старого царства» сохранились также указы о пожертвованиях царями храмам какого-либо имущества, о пожаловании ими своим сановникам земельных участков, о назначениях на должности тех или иных лиц, но больше всего дошло царских указов, освобождавших храмы от налогов и обязанности выделения работников для государственных работ.

§ 3. Диодор Сицилийский о древнеегипетских царях-законодателях

Диодор Сицилийский назвал в своей «Исторической библиотеке» шесть египетских царей-законодателей, которые установили, говоря его словами, законы «необыкновенные» и «выдающие-

---

[1] См.: Decree of Pepy I from Dahshur // *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age / Edited by Ronald J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 103–105.

[2] См.: Decree of Pepy II from Abydos // Ibid. P. 106; Decree of Pepy II from the Valley Temple of Menkaure at Giza // Ibid. P. 106–107; Decree of Pepy II from Koptos (Koptos B) // Ibid. P. 107–109; Decree of Pepy II from Koptos (Koptos C) // Ibid. P. 109–111; Decree of Pepy II from Koptos (Koptos D) // Ibid. P. 112–113; Decree of Pepy II (?) from Koptos (Koptos G) // Ibid. P. 114–115; Decree of Pepy II from Dakhla Oasis // Ibid. P. 115.

ся». Начал историограф с царя, который в летописной традиции египтян считался основателем единого государства. «После того, как было создано древнее установление, в соответствии с традицией, под управлением богов и героев, первым, кто обязал людей служить писаным законам, был Мневес (Менес), человек замечательный величием души и достойный сравнения со своими предшественниками»[1] (*Diodor.* I. 94). Современный египтолог Дэвид Лортон относится к этому сообщению древнегреческого историографа как к вполне достоверному историческому факту. По его словам, первые древнеегипетские цари «должны были озаботиться согласованием законов малых вождей Верхнего Египта и юридической системы Нижнего Египта в период объединения. Далее, быстрое развитие экономики, которое должно было последовать после объединения, и осушение болот, прилегающих к Нилу, посредством широкомасштабных ирригационных работ, без сомнения, увеличивало количество юридических проблем, возникавших из обычного течения дел. В случае, когда общество владело письменностью, вполне можно было бы ожидать, что эти факторы вызовут к жизни уже в ранние времена писаный кодекс законов»[2].

Вторым законодателем Египта был, согласно Диодору, «Сасихес (Sasychès)[3], человек выдающегося ума. К уже установленным законам он добавил другие и взялся регулировать в особенности культ богов. Он способствовал изобретению геометрии и изучению египтянами теории наблюдения за звездами. Третьим являлся Сесоосис (Sesoosis)[4], который прославился не только своими великими деяниями, но и тем, что ввел в класс воинов военное законодательство, регулировавшее все, что касалось войны и армии. Четвертым был Бокхорис[5], царь мудрый и искусный: (египтяне) обязаны ему законами, относящимися к монархии, а также

---

[1] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 105.

[2] *Lorton D.* The Treatment of Criminals in Ancient Egypt. P. 4–5.

[3] Трудно сказать, какого древнеегипетского царя имел в виду Диодор под именем Сасихеса.

[4] По всей видимости, под этим именем Диодор подразумевал одного из царей, носивших имя Сенусерта.

[5] Второй и последний фараон XXIV (ливийской) династии, правивший после семилетнего, примерно, правления своего отца фараона Тефнахта, приблизи-

точными правилами, относящимися к договорам и соглашениям. Он оказался настолько мудрым в судебных решениях, вынесенных им, что память о многих его приговорах сохранилась до сих пор. Но сообщают, что он был слаб телом и очень жаден до серебра. После Бокхориса законами занимался еще и Амасис[1]. Он издал указы об управлении провинциями и об администрации внутри страны»[2] (*Diodor.* I. 94–95).

В качестве шестого египетского фараона-законодателя Диодор Сицилийский назвал персидского царя Дария I, отца Ксеркса. «Имея своим предшественником ужасного поведением Камбиса, который осквернил храмы Египта, он позаботился о том, чтобы показать благожелательность и уважение к религии. Он часто встречался с египетскими жрецами и получал от них наставления в теологии и знания по истории, записанные в священных анналах. Узнав, таким образом, о величии царей Египта и их человечном отношении к своим подданным, он построил свою жизнь в соответствии с этой моделью и внушил своим поведением поклонение со стороны египтян и стал единственным царем, получившим при жизни имя бога; а после его смерти они оказывали ему такие же почести, которые имели по обычаю древние цари Египта»[3].

О законодательной деятельности царя Дария I известно, в частности, что примерно в 519 году до н.э. он послал своему сатрапу в Египет письмо, в котором приказал ему собрать умных людей из среды жрецов, воинов и писцов и поручить им свести воедино на письме все старинные египетские законы, принятые до 44-го года правления фараона Амасиса, падающего на 526 год до н.э.[4] Сохранились свидетельства о том, что такая комиссия из

тельно в 723–717 гг. до н.э. Бокхорис — греческое имя данного фараона, египетским его именем было Бакенренеф.

[1] Имеется в виду фараон XXVI (саисской) династии Амасис II (Яхмос II — на древнеегипетском языке), правивший Египтом приблизительно с 570 до 526 г. до н.э.

[2] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Tome 1. P. 106.

[3] Ibid. P. 107.

[4] Письмо Дария I с поручением организовать составление свода египетских законов сохранилось лишь в отдельных фрагментах: оно было записано на обратной стороне папируса с текстом так называемой «Демотической хрони-

египтян, знавших местные обычаи и законы страны, действительно была созвана и работала в течение шестнадцати лет. Она якобы создала два варианта свода законов: один — на демотике, другой — на арамейском языке[1]. Собранные законы были разделены на три группы: 1) законы, относящиеся к публичному праву, 2) законы относительно храмов и 3) законы, регулирующие поведение частных лиц[2].

Очевидно, что замысел персидского царя заключался в данном случае не в составлении единого свода законов для Египта, но в записи и систематизации действующих правовых установлений, без знания которых было невозможно эффективно управлять этой страной. Поручение же данной работы комиссии из местных жителей показывает, что Дарий хотел собрать воедино не столько законы, сколько обычаи Древнего Египта.

Любопытно, что Диодор не назвал в списке египетских законодателей ни одного фараона династии Птолемеев. Причина этого умолчания вполне объяснима: греческий историограф не считал Птолемеевскую монархию египетской. Свой обзор деятельности царей-законодателей Египта он завершил словами: «Вот люди, которым обязаны эти законы, вызывающие восхищение у всех других народов. Некоторые из этих институтов, являвшиеся в момент их принятия прекрасными, были отменены позднее, в эпоху, когда македонцы завладели Египтом и положили конец древней монархии»[3].

ки». Данный папирус находится в настоящее время в Национальной библиотеке в Париже и известен среди египтологов как «Папирус № 215». Персидский царь писал своему египетскому сатрапу: «Пусть они приведут ко мне умных людей… из воинов, жрецов и писцов Египта, служивших в храмах, и пусть они запишут прежние законы Египта, действовавшие до сорок четвертого года правления фараона Амасиса… Пусть они принесут сюда законы, относящиеся к фараону, храму и населению» (цит. по: *Olmstead A. T.* Darius as Lawgiver // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1935. Vol. 51. № 4 (Jul.). P. 247).

[1] Арамейский язык играл в то время роль лингва-франка (свободного языка) на большей части территории Ближнего Востока. Он являлся имперским языком Персидской державы.

[2] См. об этом: *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002. P. 474.

[3] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Tome 1. P. 107.

§ 4. Особенности правовой культуры Древнего Египта. Богиня Маат и понятие «маат»

Соблюдение законов считалось египтянами одним из признаков нормального состояния общества, пренебрежение же ими рассматривалось в качестве свидетельства переживаемой обществом катастрофы. Произведение человека по имени Ипусер, известное под названием «Предостережения египетского мудреца», которое сохранилось по копии, сделанной в эпоху «Нового царства», но было написано, по всей вероятности, в конце «Старого царства» или в переходный период от него к «Среднему царству»[1], рисовало картину полного разрушения порядка в египетском обществе. «Воистину, — говорилось в его тексте, — свитки законов выброшены из судебной палаты (*judgement-hall*)[2] на улицу, люди ходят по ним в публичных местах. Бедняки ломают печати на них»[3].

---

[1] Канадский ученый, специалист по древней истории Ближнего Востока Джон Ван Сетерс, проанализировав текст произведения Ипусера, признал, что его содержание, «без сомнения, отражает очень беспокойный период в египетской истории», и сделал вывод о том, что оно не могло быть написано ни в какое другое время, кроме как в конце правления XIII династии (*Seters J. Van.* A Date for the «Admonitions» in the Second Intermediate Period // The Journal of Egyptian Archaeology. 1964. Vol. 50. P. 13, 23). Ранее австрийский египтолог Вильгельм Чермак высказывал мнение о том, что «Предостережения египетского мудреца» относятся ко второму переходному периоду древнеегипетской истории, т. е. ко времени между концом эпохи «Среднего царства» и началом эпохи «Нового царства» (*Czermak W.* Über den Seth der Hyksoszeit // Mélanges Maspero. Mémoires de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. Tome 1. Le Caire, 1935. P. 721–738).

[2] Р. О. Фолкнер перевел египетское слово, обозначавшее место, где находились указанные свитки, как «совещательная палата (council-chamber)». См.: *Faulkner R. O.* The Admonitions of an Egyptian Sage // The Journal of Egyptian Archaeology. 1965. Vol. 51. P. 56. В заметках к рассматриваемому сочинению египетского мудреца, опубликованных в предыдущем томе «Журнала египетской археологии», он высказал предположение, что в данном случае, вполне возможно, подразумевается архив, поскольку в следующих строках говорится о том, что решение дел в палате лишилось замкнутости или секретности. См.: *Faulkner R. O.* Notes on "The Admonitions of an Egyptian Sage" // The Journal of Egyptian Archaeology. 1964. Vol. 50. P. 30.

[3] *Gardiner A. H.* The admonitions of an Egyptian sage, from a hieratic papyrus in Leiden. Leipzig, 1909. P. 49.

Такая ситуация была возможна в Древнем Египте лишь в условиях отсутствия верховной государственной власти и разрушения системы центрального государственного управления. В официальной религиозно-политической идеологии правопорядок в обществе считался неотъемлемой частью порядка во вселенной. Вселенский же порядок мыслился творением божественного духа разумности и справедливости. Его персональным воплощением египтяне признавали богиню Маат, которая выступала в облике красивой женщины с пером страуса на голове.

Сохранившиеся документальные материалы не позволяют определить с точностью время появления Маат в пантеоне древнеегипетских божественных существ, но в эпоху «Старого царства» она уже считалась одной из самых почитаемых богинь. Одна из надписей в пирамиде Пепи I связывала ее с Осирисом, который представлялся ее господином[1], другая уподобляла ее солнцу. «[Этот Пепи, — говорилось в ней, — светит днем, этот Пепи не дает совершиться] преступлению, [этот] Пепи заботится о [Маат] подобно солнцу». В «Текстах пирамид» Маат упоминалась стоявшей позади бога солнца Ра, а в начале правления XVIII династии эта богиня именовалась его дочерью. А поскольку фараон представлялся египтянам сыном Ра, то он рассматривался, следовательно, в качестве родного брата Маат. Заботу о ней официальная религиозно-политическая мифология объявляла одной из главных обязанностей фараона. Начиная с царя IV династии Снефру имя Маат включалось, как правило, в царскую титулатуру. Причем нередко оно называлось в одном ряду с названиями души фараона — Ка и его отца — бога Ра. В результате получался титул «Маат-Ка-Ра». Его носила, например, царица Хатшепсут, венчавшаяся на царство в храме богини Маат.

Мужем Маат считался лунный бог Тот, который почитался как изобретатель божественных слов и письменности, цифр и счета, а также как покровитель всех человеческих знаний. Связь богини Маат с богом Тотом была вполне закономерной: у них было

---

[1] «Осирис появился, — гласила эта надпись, — контролирующая власть стала ясной, господин Маат взошел на высоту в первый (лунный месяц) года (который есть) год господина» (The Ancient Egyptian Pyramid Texts / Translated with an Introduction and notes by James P. Allen / Edited by Peter Der Manuelian. Atlanta, 2005. P. 183).

общее назначение — вносить упорядоченность в течение жизни. По словам Бернадетта Меню, «в сфере правосудия Тот вел записи и исполнял функцию Маат, которая логически ему предшествовала, как в плане космическом, так и в плане метафизическом. Норма есть дело Маат, ее применение — дело Тота»[1]. В другом месте своей статьи французский египтолог уточняет: «Маат — это понятие идеала права (добродетели и справедливости), основанное на фундаментальном различии между добром и злом, противопоставляемое *jsf.t* (беспорядку, беззаконию, неправде). Это есть решающий критерий, естественное или универсальное право, которое обнаруживается в платоновских произведениях и близкое к философии права; Тот есть архетип судьи, который применяет право, ссылаясь на маат, он "магистрат Маат" и модель царя в судебной сфере»[2].

С образом Маат была связана идея последнего суда. Согласно древнеегипетской мифологии именно эта богиня совершала главное судебное действие — взвешивала сердце умершего человека. А мерилом здесь служило ее перо. Если сердце оказывалось тяжелее ее пера, то это указывало на его отягощенность грехами. Высокое значение своеобразно отразилось в иероглифическом письме: оно стало одним из символов богини Маат.

Лежавший в основе вселенского порядка божественный дух разумности и справедливости имел не только персональное, но еще и понятийное воплощение. В этом качестве он обозначался на древнеегипетском языке тем же самым словом «маат», но в этом случае оно подразумевало не богиню в облике женщины с пером, а необыкновенно широкое по своему смыслу понятие.

По мнению немецкого египтолога Яна Ассманна, специально изучавшего содержание «маат» как «центрального понятия египетской мысли», оно непереводимо, его можно только описать и лучшим выражением его смысла является лозунг: «Wahrheit, Gerichtigkeit, Weltordnung», «vérité, justice, ordre», «truth, justice, order»[3]. Заметим по этому поводу, что если бы в действительно-

---

[1] *Menu B.* Le tombeau de Pétosiris (2). Maât, Thot et le droit // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1995. P. 282.

[2] Ibid. P. 285.

[3] *Assmann J.* Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im alten Ägypten. München, 2006. S. 17.

сти так и было, то это означало бы, что древнеегипетский термин «маат» вполне можно выразить исконно русским словом «правда», подразумевающим истину, справедливость и соответствующий им порядок в обществе. Однако маат не просто истина, справедливость и порядок. Из древнеегипетских текстов следует, что маат есть некое качество любой жизни во вселенной. Ян Ассманн приводит в своей книге, посвященной этому понятию, образцы таких текстов[1]. В послесловии к новому ее изданию, вышедшему в свет в 2006 году, он признает, что «это космическое измерение маат в египтологии всегда виделось и поэтому слово “маат” переводилось не только как “справедливость”, но также как “мировой порядок” и “истина”»[2]. По его словам, «из внутреннего смысла древнеегипетских текстов вытекает, что маат существует не для государства, не для того, чтобы царство возникло, было легитимизировано и положительно воспринималось, а наоборот: государство существует для маат. Для того, чтобы маат претворилась в жизнь, царство должно опираться на богов»[3].

Это означает, что официальная религиозно-политическая идеология Древнего Египта исходила из того, что действия государства должны соответствовать маат, а законы, издаваемые верховной государственной властью, выражать своим содержанием сущность маат, то есть божественный дух справедливости и разумности. О распространенности среди древних египтян такого воззрения свидетельствуют прежде всего надписи в захоронениях фараонов и сановников. «Ты должен соблюдать законы Маат»[4], — такая надпись была обнаружена археологами в захоронении Кен-Амуна, сановника периода правления XIX династии. «Его законы процветают как дар Маат [Земле]»[5], — говорится в мемфисском коронационном тексте Харемхеба. Обнаруженная в Абидосе надпись с посвящением

---

[1] См.: *Assmann J.* Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im alten Ägypten. S. 167–168.

[2] Ibid. S. 290.

[3] Ibidem.

[4] Цит. по: *Lorton D.* The King and the Law // Varia Aegyptiaca. 1986. Vol. 2. P. 57.

[5] Ibidem.

Рамсесу II гласит: «Возлюбленный Маат, он живет [ею] своими законами»[1].

Официальная религиозно-политическая идеология требовала также, чтобы божественному духу справедливости и разумности под названием «маат» соответствовали не только законы, но и судьи. Объявляя в своем указе об издании законов для судей, фараон Хоремхеб сообщал, что в дополнение к этому «преподал им (праведный) образ жизни, наставляя их как вести себя согласно маату»[2].

§ 5. Источники права: закон, обычай, судебное решение, договор

Существовавшая в Древнем Египте, начиная с эпохи «Старого царства», организация государственной власти была довольно сложной по своему устройству и не могла функционировать без применения правовых инструментов. Она предполагала интенсивную законодательную деятельность монархов, издание множества различных правовых актов: законов, инструкций, рескриптов, предназначенных для исполнения как населением страны в целом, так и чиновниками государственного аппарата в частности. Вместе с тем древнеегипетская экономика уже в указанную эпоху и тем более позднее находилась на такой стадии развития, на которой хозяйственные отношения обыкновенно выступают, в значительном своем объеме, в правовых формах, и при этом основным способом разрешения конфликтов являются судебные процедуры.

Последние археологические открытия на территории Египта дают основание полагать, что письменность существовала здесь

---

[1] *Lorton D.* The King and the Law // Varia Aegyptiaca. 1986. Vol. 2. P. 57.

[2] На английском языке, в переводе с древнеегипетского Курта Пфлюгера, данная фраза из Указа Хоремхеба выглядит следующим образом: «I have taught them the (right) course of life (by) guiding them to justice» (*Pflüger K.* The Edict of King Haremhab // Journal of Near Eastern Studies. 1946. Vol. 5. № 4 (Oct.). P. 265). Словом «justice» К. Пфлюгер перевел древнеегипетский термин «маат». См. также: *Shupak N.* A New Source for the Study of the Judiciary and Law of Ancient Egypt: «The Tale of the Eloquent Peasant» // Journal of Near Eastern Studies. 1992. Vol. 51. № 1. P. 9–10.

еще до эпохи «Раннего царства»[1]. Следовательно, уже тогда имелась возможность записи каких-то царских распоряжений и договоров между частными лицами. До начала эпохи «Старого царства» письменность в Древнем Египте развивалась в течение нескольких столетий: за этот срок в ее рамках вполне могла сформироваться зрелая знаковая система для выражения правовых норм. Дитер Мюлер в своей рецензии на составленный Гансом Годике сборник древнеегипетских частных правовых надписей, относящихся к «Старому царству»[2], отметив, что юридические документы названной эпохи трудны для понимания, объяснил, что они являются таковыми «частью из-за их высокоразвитой юридической фразеологии, частью из-за нашего незнания юридической системы, на которой они основываются»[3].

Рассказывая о судопроизводстве в Древнем Египте, Диодор сообщал, что во время рассмотрения дел перед судьей лежали «все законы, составленные в восемь томов», а «истец должен был детально описать содержание своего искового требования»[4] (*Diodor.* I. 75). Данный факт не подтверждается известными древнеегипетскими документами. Однако обнаруженные на территории Древнего Египта письменные памятники содержат немало свидетельств существования в этой стране обширного законодательства и практики ведения записей судебных решений. Так, папирус, датируемый временем правления XIII династии и называемый по месту его хранения «Бруклинским», зафиксировал названия законов, действовавших в то время: это — 1) «закон, касающийся тех, кто дезертирует», 2) «закон, касающийся того, кто умышленно дезертирует на шесть месяцев (или более)», 3) «закон, касающийся умышленного оставления работ», 4) «закон, касающийся того, кто убегает, не выполнив поручен-

---

[1] В 1988 г. немецкий египтолог Гюнтер Дрейер обнаружил в Абидосе, в могиле одного из древнеегипетских царей, правившего примерно в XXXII в. до н.э., слоновые пластинки с нанесенными на них иероглифами.

[2] Die privaten Rechtsinschriften aus dem Alten Reich / By Hans Goedicke. Wien, 1970.

[3] Journal of the American Research Center in Egypt. 1971–1972. Vol. 9. P. 139.

[4] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. P. 85.

ного ему», 5) «закон, касающийся того, кто совершает побег из тюрьмы»[1].

Другой пример — инструкция тжати Рекхмире, датируемая приблизительно серединой XV века до н.э.: в ней упоминаются сорок кожаных свитков, которые тжати следовало иметь перед собой развернутыми во время судебного заседания[2]. Публикуя этот документ на русском языке, И. М. Лурье заметил в примечании к этой фразе: «Имеются в виду кожаные свитки с записанными на них законами»[3]. Возможно, что это действительно были записи законов, хотя также вполне вероятно, что кожаные свитки содержали тексты судебных решений. В наставлении фараона при назначении Рекхмиры на должность тжати говорилось: «Что касается помещения, в котором ты судишь, есть в нем просторная комната, заполненная [записями (?) всех (прошлых)] судебных решений»[4], «не поступай [своевольно] в делах, относительно которых известен закон»[5].

В древнеегипетском языке имелось понятие «закона» — оно обозначалось термином из двух согласных букв «хп (*hp*)», которое звучало приблизительно как слово «хеп». Профессор свободного университета города Брюсселя Аристид Теодоридес, изучавший его употребление на протяжении истории Древнего Египта, пришел к выводу, что оно охватывало установленные фараоном «нормативные правила, применявшиеся к совокупно-

---

[1] Цит. по: *Jasnow R.* Egypt. Middle Kingdom and Second Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. P. 255.

[2] Должностная инструкция везирю // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 136.

[3] Там же.

[4] *Faulkner R. O.* The Installation of the Vizier // The Journal of Egyptian Archaeology. 1955. Vol. 41. P. 22–23. В публикации И. М. Лурье данная фраза переведена следующим образом: «Что касается зала, в котором ты судишь, — есть в нем помещение [с рукописями] всех (прошлых) судоговорений» (Назначение везиря // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 135).

[5] *Faulkner R. O.* The Installation of the Vizier. P. 23. И. М. Лурье перевел эту фразу таким словами: «Не твори своего желания в вещах, относительно которых известен закон» (*Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 135).

сти территорий»[1], и что оно «отсутствовало в период, предшествовавший Среднему царству»[2]. По его словам, «тексты Среднего царства используют “хеп (hep)”…, но аутентичные документы Старого царства игнорируют “хеп (hep)”, хотя в действительности, нельзя сомневаться, что законы тогда имелись»[3]. «Слово ***hp*** появилось в египетском языке в Среднем царстве (примерно в 2000 г. до н.э.)»[4], — отмечается в статье американского египтолога Чарльза Нимса, посвященной этому термину.

Термин «хеп» применялся для обозначения закона и в эпоху «Нового царства», и в позднейшие времена. Он встречается в юридических документах и Птолемеевского Египта[5].

Чарльз Нимс изучал употребление указанного слова в текстах древнеегипетских юридических документов, написанных на демотике в период правления династии Птолемеев[6]. В результате он пришел к следующим выводам: «*А*. Демотический термин **hp** обозначает **право**; он имеет иногда значения **обычая**, **порядка**, **правосудия** или **субъективного права** (right), в зависимости от свое-

---

[1] *Théodoridès A.* La coutume et la loi dans L’Égypte pharaonique // La coutume: Custom. Première partie — First Part. Antiquité, Afrique noire, Amérique, Australie. Antiquity, Black Africa, America, Australia. De Boeck Université, 1990. P. 42.

[2] Ibid. P. 43.

[3] Ibidem. Дэвид Лортон полагает, что не только законы, но и термин «хеп», обозначавший их, существовал уже в период «Старого царства». По его словам, наличие данного термина «не удостоверено отчетливо во времена ранее Среднего царства: тексты, содержащие его, которые предположительно проистекают из более раннего периода, такие как Максимы Птаххотепа и Предостережения египетского мудреца, не известны по копиям, предшествовавшим Среднему царству, и есть поэтому вероятность, что в них были заменены слова или вставлен новый материал. Это не означает, однако, со всей необходимостью, что в Старом царстве не было ни кодифицированного права, ни термина хп (hp)» (*Lorton D.* The Treatment of Criminals in Ancient Egypt: Through the New Kingdom // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1977. Vol. 20. № 1. P. 59).

[4] *Nims Ch. F.* The Term Hp, “Law, Right”, in Demotic // Journal of Near Eastern Studies. 1948. Vol. 7. № 4 (Oct.). P. 243.

[5] Джозеф Мэннинг приводит в своей книге о последних фараонах текст закона, цитируемого в одном из исковых заявлений периода правления Птолемеев в Египте. При этом он отмечает, что «термин, примененный для обозначения понятия “закон” в цитате из закона, был египетским словом *hp*» (*Manning J. G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B.C. Princeton, 2010. P. 195).

[6] Ibid. P. 260.

го употребления. *B.* В контрактах **hp** лучше всего переводить как субъективное право (*right*). *C.* Право на имущество относится к праву собственности на это имущество. *D.* Право, упоминаемое в документе, относится к правам, предоставляемым или передаваемым указанным документом, включая не только юридические привилегии и обязательства, выраженные в нем (его условия), но также подразумеваемые правовыми нормами, которые касаются ситуаций, предусмотренных документами такого рода. *E.* Фраза "осуществлять **hp**" означает "осуществлять **право**" или "осуществлять **правосудие**" и в отдельных случаях имеет специальные значения»[1].

От закона (*xen*) древние египтяне отличали обычай. Последний обозначался в ряде текстов термином, звучавшим примерно как слово «нета». Об этом свидетельствует содержание Указа Хоремхеба[2]. Обычай, как и закон, по египетским представлениям, должен был также соответствовать маат

Французский папиролог Даниэль Бонё, изучавший на основе папирусных документов систему управления водами Нила, пришел к выводу о том, что их распределение регулировалось в большей мере не законами фараонов, а местными обычаями. И такой порядок действовал на всем протяжении древнеегипетской истории. Даже цари династии Птолемеев признавали, что орошение земельных угодий должно регулироваться посредством обычаев. При этом оговаривалось, что они должны применяться в той мере, в какой соответствуют справедливости, то есть маат[3].

Помимо законов древнеегипетские монархи издавали акты, имевшие форму инструкций, наказов, наставлений. Для их обозначения существовал даже специальный термин из четырех согласных букв — «тп-рд (*tp-rd*)», который появился, скорее всего, лишь во времена «Среднего царства»: в документах предшество-

---

[1] *Manning J. G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B.C. Princeton, 2010. P. 260.

[2] См. об этом: *Kruchten J.-M.* Le decret d'Horemheb : traduction, commentaire epigraphique, philologique et institutionnel. Bruxelles, 1981. P. 166–168.

[3] См. об этом: *Bonneau D.* La coutume en matière d'irrigation dans L'Égypte ancienne // La coutume: Custom. Première partie — First Part. Antiquité, Afrique noire, Amérique, Australie. Antiquity, Black Africa, America, Australia. De Boeck Université, 1990. P. 53–60.

вавшей эпохи он отсутствует. Данным термином именуется, в частности, документ, известный под названием «Инструкция тжати Рекхмиры». И. М. Лурье высказал предположение, что указанная инструкция и текст возведения везира (тжати) в должность, является «лишь незначительной частью того обширного должностного законодательства, которое существовало в Египте»[1]. В обоснование этого мнения ученый сослался на упоминающиеся в древнеегипетских текстах «наставление для войск», «наставление для жрецов».

Значение источника права имели в Древнем Египте, помимо обычаев и актов, издававшихся царями, также судебные решения. Тот факт, что в зале судебного заседания всегда находились, кроме законов, также свитки с записями судебных тяжб, позволяет предположить существование в древнеегипетских судах практики вынесения решений на основании не только законов, но и вынесенных по аналогичному делу предыдущих судейских вердиктов.

Наиболее древние образцы из найденных археологами текстов договорного характера относятся к концу правления третьей династии. Но их буквально единицы. От последующих времен таких документов сохранилось значительно больше. В качестве примера можно привести датируемую временем правления IV династии запись на папирусе обряда сделки по обмену небольшого дома на отрез полотна для одежды.

В начале этого документа указывается время совершения сделки: «год после третьего случая подсчета скота Нижнего и Верхнего Египта, третий месяц сезона *Перет*, двадцать шестой день в Инерти-Импу». Затем описываются предложения (оферты) сторон. Первая сторона заявляет: «Я предлагаю с моей стороны сделки дом в 16 кабитов длиной и 15 — шириной»[2]. Египетский кабит был равен 52 см. Следовательно, для обмена на одежду предлагался дом длиной 8,32 метра и шириной 7,8 метра, а площадью — 64,9 кв. метра. Вторая сторона предлагала для обмена на этот дом отрез полотна в 15,5 кабита. Запись данной сделки содержала фор-

---

[1] *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 96.

[2] House Purchases from the Gebelein Papyri // *Strudwick N. C.* Texts from Pyramid Age / Edited by Ronald J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 185.

мулу, которая произносилась при ее совершении свидетелем: «Так как царь живет, Нетжерсен гарантирует, что Маат будет установлена и я удовлетворен относительно ее»[1].

Эпохи «Среднего» и «Нового» царств оказались более богатыми на юридические документы частного характера, но в массе всего обнаруженного археологами древнеегипетского письменного материала этих эпох записи договоров составляют весьма незначительную часть. И это вполне объяснимо: для основной массы договоров было вполне достаточно устной формы. Многие же соглашения, которые из-за повышенной значимости для сторон их предмета предполагали фиксацию их условий в письменном виде, опирались на местные обычаи, придававшие необходимую юридическую силу той или иной договоренности между частными лицами без какой-либо ее записи. Впрочем, особенности древнеегипетской экономики и организации общества были таковы, что оставляли слишком мало пространства для договорного способа правового регулирования. По этим и другим причинам развивался он медленно, что особенно очевидно на фоне той эволюции, которая происходила в сфере договорных отношений в обществах древней Месопотамии.

Тем не менее, договор входил в число основных источников права в Древнем Египте. Более того, в условиях, когда многие важнейшие сферы общественной жизни — в том числе земельные отношения, владение и распоряжение недвижимостью, отношения между работниками и владельцами хозяйств, брачные отношения между мужчиной и женщиной и т. д. — оставались не урегулированными законом и лишь в малой степени регулировались обычаями, *договор являлся часто единственным источником вещных прав* для индивидов, единственным источником правовых норм для них[2]. Правомочия владения и распоряжения имуществом, по-

---

[1] House Purchases from the Gebelein Papyri. P. 185.

[2] Следует заметить, что подобное значение договор имеет и в современном праве. Ведущий российский специалист в области коммерческого права профессор Б. И. Пугинский пишет по этому поводу: «Итак, стороны в договоре **сами устанавливают право**, хотя и “в известном смысле” и только «для самих себя». Они могут устанавливать **любые правила** в отношении предмета своего соглашения, если только не нарушают при этом каких-либо запретов. **Право признает созданные сторонами в договоре правила**, т. е. обеспечивает их принудительное осуществление и защиту. Очевидно, что договаривающиеся стороны

лученные каким-нибудь лицом на основании надлежащим образом заключенного и оформленного договора, признавались государством и защищались его органами от посягательств со стороны любого другого индивида. Иначе говоря, права, приобретенные кем-либо по договору, обязаны были уважать все члены общества, причем даже в тех случаях, если считали их полученными незаконно. Можно было отнять у кого-либо вещь, купленную на основании договора, но нельзя было лишить прав на нее, предоставленных посредством законного договора. А признать договор недействительным и не порождающим вследствие этого прав и обязанностей мог только суд, действующий от имени общества и государства. Данный принцип был основополагающим элементом правопорядка, существовавшего в Древнем Египте. И благодаря именно этому принципу договор получал здесь значение источника права.

Роль договора в регулировании общественных отношений заметно возросла в Египте в условиях фактической политической раздробленности, существовавшей в VIII и в первой половине VII века до н.э. Однако самые благоприятные условия для развития договорного правового способа регулирования общественных отношений сложились в этой стране в эпоху правления династии Птолемеев — в обстановке существовавшего здесь в то время полиэтнического общества и плюралистического правопорядка.

§ 6. Судоустройство и судопроизводство

О судебной системе Древнего Египта сохранилось, так же как и о праве, мало сведений. Они дают лишь фрагментарное представление о судебной власти в этой стране.

Древнеегипетский суд являлся неотъемлемой частью государственного управления: в качестве судей выступали чиновники. Высшим судьей был соответственно глава государственного аппарата — тжати. По этой причине в древнеегипетском языке не сложилось терминов, специально предназначенных для обозначе-

---

выступают при этом как “мини-законодатели”, законодатели в отношении самих себя» (*Пугинский Б. И.* Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало, 2008. С. 63).

ния суда. И при характеристике судоустройства Древнего Египта можно говорить лишь об органах государственного управления, которые наряду с административными, исполняли также судебные функции.

Высший суд воплощал царь. Его судебная функция вытекала из его царской должности, предполагавшей поддержание маат — природного и общественного порядка, устроенного на началах божественной справедливости и разумности. Место, где он вершил суд и объявлял об изданных законах или назначениях высших должностных лиц, именовалось «залом Хора». Сохранилось, правда, мало документов, показывающих, как именно верховный властитель судил. Это заставляет думать, что древнеегипетский царь был скорее символом верховного правосудия, нежели действительным его вершителем.

Реально действовавшим высшим судом являлся в Древнем Египте суд тжати. Данный факт подтверждается многими документами. В инструкциях или наставлениях своим тжати фараоны неизменно призывали их проявлять особую заботу о правосудии.

Судебные функции имели, по всей видимости, и ведомства центрального государственного управления. В документальных материалах эпохи «Старого царства» нередко встречается название «шесть великих домов», обозначающее государственные органы, осуществлявшие, помимо управленческой, судебную функцию. Надзирателем над «великими домами» являлся, как правило, тжати.

Основной объем судебной деятельности на территории страны выполняли во времена «Старого» и «Среднего» царств государственные органы управления, имевшие название, которое звучало примерно как «джаджат». Они ведали одновременно налоговыми сборами и выступали в качестве инстанции, удостоверявшей договоры о передаче земельных участков и строений. Позднее термин «джаджат» стал употребляться чаще в религиозной литературе и в значении не государственного органа, но судебной функции — судилища[1].

В документах эпохи «Нового царства» наиболее распространенными обозначениями государственных органов, вершивших

---

[1] См.: *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 42–43.

суд, стали названия со словом «кенбет (*knb-t*)». Суд, заседавший в столице, назывался «Великим кенбетом». В его состав входили высшие сановники, а председательствовал на нем тжати. Некоторые тексты свидетельствуют, что Великий кенбет мог давать обязательные для выполнения распоряжения нижестоящим судам[1]. Например, какому-нибудь городскому кенбету или кенбету округа. На местах тоже были свои кенбеты — местные административные органы с судебной функцией. Все кенбеты являлись коллегиальными органами: в них заседало от восьми до четырнадцати человек. Они не были знатоками права, но во всех кенбетах была предусмотрена должность писца, который фактически готовил, а нередко и вел судебные заседания, одновременно фиксируя то, что на них говорилось. Помимо чиновников гражданского управления в кенбеты входили служащие храмов. При этом жрецы высокого ранга входили в Великий кенбет или в кенбеты городов.

Наконец, существовали храмовые кенбеты. Это были, как правило, советы жрецов, управлявшие хозяйствами храмов. В их юрисдикцию входили и дела исключительно светского характера: связанные, например, с передачей земельных участков, с наймом на работу, уплатой долга и другими конфликтами по поводу имущества.

Органы государственного управления не могли иметь одинаковых названий, поэтому термин «кенбет» обозначал скорее всего какой-то общий для многих из них элемент — например, совет авторитетных людей в той или иной местности. На эту мысль наводит зафиксированный многими источниками факт присутствия в составе кенбетов представителей различных социальных групп: жрецов, работников, чиновников. По словам российского египтолога И. М. Лурье, общепринятый перевод, который мы даем kbn-t «суд», «Gericht», хотя и согласуется в юридических текстах с их применением, является в действительности неточным; он самопроизвольно вызывает представление о том, что knb-t — это институт, подобный тем, которые существуют в настоящее время и чьим единственным делом являются юридические процедуры. В действительности роль knb-t ни в коей мере не ограничивалась юридическими функциями. Члены knb-t действовали

[1] См. об этом: *Allam S.* Egyptian Law Courts in Pharaonic and Hellenistic Times // The Journal of Egyptian Archaeology. 1991. Vol. 77. P. 111.

как придворные. В ленинградском папирусе 3 1116Б ro. 2–3 можно прочитать, что «они (т. е. члены knb-t) вышли после того, как исследовали здоровье (фараона) согласно их ежедневному обычаю. Они надзирали также за сбором налогов и их доставкой в соответствующее место. Таким образом, функция knb-t была значительно шире, чем роль суда. С учетом этого данное слово не должно переводиться как "суд", правильным переводом будет слово "палата" или "совет"»[1].

В период с VIII до IV века до н.э. название «кенбет» вышло из употребления. Вместо него для обозначения судебной деятельности во времена правления основателя XXVI династии Псамметиха I (655–610 гг. до н.э.) стал применяться термин впи (wpi) в различных его вариантах[2]. Такая перемена в терминологии явно указывает на то, что в указанное время в Древнем Египте произошла какая-то реорганизация государственного строя, повлекшая за собой выделение судебной функции в самостоятельный род государственной деятельности. Псамметих I был египтянином, ставшим фараоном после целой эпохи правления в Египте иноземных монархов (ливийских и кушитских). Вряд ли он оставил в стране прежнее устройство государственного управления, а значит и судебной власти.

Древнеегипетское судопроизводство являлось письменным с очень давних времен. Неслучайно одной из главных фигур в древнеегипетских судах был уже в эпоху «Старого царства» писец. «Многие тексты обнаруживают, — отмечает профессор университета в Тюбингене Шафик Аллам, — что писец играл удивительно активную роль в юридических процедурах. Он не только получал жалобы, составленные спорящими сторонами, добивавшимися возбуждения юридической процедуры, он должен был иногда открыто обвинять лицо, вовлеченное в скандал. Во время судебных разбирательств писец не только вел записи, он часто помогал в допросах; он мог непосредственно задавать сторонам вопросы, способствующие прояснению их юридической ситуации. Посту-

---

[1] *Lourie I.* A Note on Egyptian Law-Courts // The Journal of Egyptian Archaeology. 1931. Vol. 17. № 1/2 (May). P. 63–64.

[2] Тексты, в которых встречается данный термин, приводятся в статье Шафика Аллама о египетских судах в фараонские и эллинистические времена. См.: *Allam S.* Egyptian Law Courts in Pharaonic and Hellenistic Times. P. 117–119.

пая таким образом, он был в поиске истины и его допрос определенно служил правосудию. В процедуре, где в качестве верховного судьи выступал бог, писец также был уполномочен вмешиваться в порядок определения божественного приговора. Когда исследование спорного дела требовало, чтобы факты были проверены на достоверность судящим органом, писец принимал в этом эффективное участие»[1].

§ 7. Суд оракула

Юридическую силу при разрешении конфликтов между индивидами имели в Древнем Египте, начиная со времени правления XIX династии, изречения оракулов. Несколько случаев применения такой процедуры для урегулирования взаимоотношений в древнеегипетском обществе описаны на папирусе № 10335, хранящемся в настоящее время в Британском музее. Вот описание одного из них:

«Второй год правления царя, третий месяц акхета, первый день. Слуга Амунемуиа взывает к Аммону Ре-Кхенти[2] на его прекрасном празднике, фестивале Харим, говоря: “Помоги мне, Аммон Ре-Кхенти, мой добрый и возлюбленный господин! Надзиратель за скотом алтаря заставил меня остаться здесь, в Ре-Кхенти, у жителей, охраняя его склад и выполняя его обязанности; и люди пришли ко мне ночью и украли пять туник моей цветной одежды. Мой добрый и возлюбленный господин, кто мне возвратит украденное?” И бог очень приветливо кивнул. И слуга Амунемуиа повторил ему (имена) всех жителей городка; и бог кивнул при (имени) земледельца Петхауемдиамуна, говоря, что это он их украл. И земледелец Петхауемдиамун сказал в присутствии бога: “Это ложь, это не я украл их”. И бог был чрезвычайно разгневан»[3]. После этого Петхауемдиамун представал перед богом Аммоном двух других округов Фив, и оба раза оракул объявлял его виновным

---

[1] *Allam S.* Egyptian Law Courts in Pharaonic and Hellenistic Times. P. 112–113.

[2] Ре-Кхенти — название округа в Фивах с храмом, посвященным местному богу Аммону.

[3] Цит. по: *Blackman A. M.* Oracles in Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1925. Vol. 11. № 3/4 (Oct.). P. 250–251.

в воровстве. Затем он еще раз предстал перед Аммоном Ре-Кхенти и, обратившись к нему с просьбой о помощи, спросил: «Это я взял одежду?» Бог в ответ приветливо кивнул и сказал: «Это ты взял их». И назначил ему телесное наказание, которое надлежало исполнить в присутствии горожан. Тогда Петхауемдиамун произнес клятву в присутствии бога и признался в совершенной краже. По завершении данной процедуры преступник предстал перед инспектором дома по перевозке царского трона, который назначил ему сто ударов пальмовой палкой. Выдержав их, Петхауемдиамун дал следующую клятву: «Если я возьму назад то, что я сказал, пусть меня бросят крокодилу»[1].

В своем анализе описанных сцен публикатор приведенного текста Айлуорд Блэкмэн обратил внимание на тот факт, что обвиняемый в преступлении богом Петхауемдиамун без каких-либо колебаний отвергает данное обвинение. «Это бросает интересный свет на отношение сознания египтян к божественности, — замечает ученый, — он, очевидно, думал, что может предпринять попытку обмануть бога с таким же успехом, как попытаться обмануть чиновника»[2].

От эпохи «Нового царства» сохранилось немало обращений египтян к богам с просьбой вернуть имущество, украденное ворами. Так, в одно из них, датируемое временем правления фараона Рамсеса IV, говорится о том, что воры проникли в дом и «украли 2 больших печения и 3 ломаных печения, разлили масло, открыли амбар с полбой», украли какую-то вещь из свинца, «вошли в береговой склад и украли часть вчерашнего хлеба *керешт* и вылили масло». В другой день «вошли в склад и украли 3 больших хлеба, 8 печений *саб* и сосуд с печением, утащили пивной сосуд…». Перечислив украденное, египтянин обращался к богу: «О, мой владыка, верни мне все утраченное мной»[3].

Перечень украденных вещей показывает, что обращение к богу об их возврате исходило от небогатого человека. Документы свидетельствуют, что чаще всего именно такие люди обращались

---

[1] *Blackman A. M.* Oracles in Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1925. Vol. 11. № 3/4 (Oct.). P. 251–252.

[2] Ibid. P. 255.

[3] Обращение к богу с просьбой вернуть украденное имущество // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 316.

к оракулам в храмах для разрешения тех или иных бытовых конфликтов.

И. М. Лурье, специально изучавший суд оракулов, отмечал, что «подавляющее большинство известных нам решений богов по судебным делам касаются имущественных споров»[1]. В условиях Древнего Египта это были, в основном, споры о земле и о воде.

В своей книге о древнеегипетском праве И. М. Лурье привел документ о решении оракулом спора о принадлежности колодца, датируемый временем правления XXII династии. Из его содержания видно, что данный спор возник между сановником фараона[2] по имени Уахаст, занимавшим должности начальника орошаемой земли, жреца нескольких богов (Гаторы[3], Хора и Сехмет[4], Сутеха[5]), местного правителя Оаза с центром в поселении Сауахет, и жрецом Сутеха Несисубастом. Отстаивая свои права на колодец, Несисубаст говорил Уахасту: «Вот оросительная вода, которая вытекает, и она здесь поблизости от этого истекающего колодца Убенра. Рассмотри его, этот истекающий колодец Пера, вблизи которого ты находишься, — этот колодец частный (?), и он принадлежит моей матери Таухент, мать которой зовут Хентнетеру»[6].

В ответ на это Уахаст предложил Несисубасту предстать для разрешения спора перед Сутехом. И оба они предстали перед богом. И первый его оракул сказал, как бы передавая слова Сутеха: «Прав Несисубаст, сын Пади. Оросительная вода, которая к северо-

---

[1] *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 87.

[2] И. М. Лурье предполагает, что это Шешонк I.

[3] *Гатора* — старинная египетская небесная богиня, поклонение которой берет свое начало еще в додинастическую эпоху. Считалась матерью Хора, на что указывает написание ее имени в виде образа сокола, показываемого в пределах здания — «дома Хора». Со второй половины эпохи «Старого царства» Гатора мыслилась в качестве жены, дочери и глаза бога Ра.

[4] *Сехмет* — богиня, изображавшаяся в виде женщины с львиной головой. Считалась, так же как и Гатора, дочерью и глазом бога Ра. Воплощала собой власть и военное могущество фараона.

[5] *Сутех* — другое название бога *Сета*, старейшего египетского бога — брата Осириса. С древнейших времен Сет воплощал собой хаос в космосе, в обществе и в человеческой душе. В эпоху «Нового царства» он выступал более в качестве выражения силы, хитроумной, способной всех защитить власти.

[6] Оракул, решивший дело о принадлежности колодца // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. С. 183.

западу от истекающего колодца Убенра, этого колодца Пера, находящаяся в Сауахет, принадлежит Таухент, его матери. Закрепи ее ему сегодня». Второй оракул уточнил: «Нет двух истекающих колодцев, принадлежащих Убенра, и колодца (по названию) Пера, находящихся в Сауахет, кроме истекающего колодца, имеющегося в описи колодцев и плодовых садов Пера, которую управитель Анхеф, сын Сетнахта, выдал как копию свитка описи фараона, ж. з. б.[1], Пеусенеса, ж. з. б., великого бога, в 19-й год»[2]. Третий оракул вынес следующий вердикт от имени бога Сутеха: «Что касается каждого истекающего колодца, который находится в округе вала, который… в округе к западу Сауахет, то они непосредственно вытекают из истекающих колодцев Хеви, как их называют. Это воды *немху*, и нет среди них вод фараона. Они принадлежат *немху*, которые могут вы[вести] их сегодня». Четвертый оракул как бы поставил точку в судебном решении по этому делу. «Что же касается истекающих колодцев, относительно которых жалуется Несисубаст, сын Пади, — сказал он от имени бога, — он может вывести… почву вместе с истекающим колодцем его матери Таухент. Закрепи их ему, и они да будут закреплены для сына его сына — наследника его наследников, его жене и его детям. И пусть не будет другого *немху* ребенка Таухент, который имел бы в них часть, кроме Несисубаста, сына Пади»[3]. Все приведенные изречения оракулы делали в присутствии многих свидетелей, имена которых перечислялись в конце рассматриваемого документа.

Данный пример решения спора судом оракула примечателен, помимо прочего, еще и тем, что его выносило несколько оракулов. Таким образом, указанный суд мог быть и коллегиальным, как обычные, светские суды.

Суд оракула позволял жрецам поддерживать свое влияние на низшие слои населения — слуг, простых работников, ремесленников, жрецов начальных ступеней. Государственные чиновники, исполнявшие судебные функции, благосклонно относились к божественному суду. Более того, бывали случаи, когда они сами передавали какой-либо рассматривавшийся ими спор на реше-

---

[1] То есть «живого здравствующего бога».

[2] Оракул, решивший дело о принадлежности колодца. С. 184.

[3] Там же.

ние оракулу. И это вполне объяснимо. Права мелких производителей на земельные участки и на распоряжение водой регулировались преимущественно обычным правом. Следовательно, споры о них могли успешнее разрешаться в местных судах. Суд оракула являлся самым авторитетным среди них и при решении имущественных споров был эффективнее суда чиновника. Такие споры затрагивали, как правило, интересы многих людей, их трудно было решать на основе одних законов. Они всегда были чреваты острыми конфликтами, поэтому в интересах сохранения стабильности общественной жизни их старались не оставлять нерешенными. Суд оракула, покоившийся на правосознании и представлениях о справедливом, был гибким. Это позволяло найти решение самому запутанному имущественному спору. Авторитет же данного суда обеспечивал высокую степень признания вынесенного им решения со стороны общества.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРАВОПОРЯДОК В ПТОЛЕМЕЕВСКОМ ЕГИПТЕ

Правовая политика Птолемеев в Египте в полной мере соответствовала полиэтническому характеру созданного ими государства. Они сохраняли действие в стране привычного для ее коренных жителей египетского права и одновременно признавали имеющими силу для подданных македонского и греческого происхождения правовые установления, перенесенные в Египет из Македонии и Греции. При этом Птолемеи не отказывались от издания собственных узаконений — например, в форме декрета — диаграмматы (*diagrammata*) или указа — простагматы (*prostagmata*)[1], формируя, таким образом, систему царского законодательства. Кроме того, источником права считалась воля монарха. Иначе говоря, сам басилевс считался воплощением закона — «ходячим законом» или «оживленным законом (*nomos empsychos*)».

---

[1] В качестве примера узаконения, изданного в форме простагматы, можно привести указ Птолемея II Филадельфа, датируемый 258 г. до н.э., в котором давалось указание чиновникам провести обследование полей, «их ирригационных возможностей, их местоположения, их качества, их пахотных долей, их отношения к имуществу богов-покровителей, их (общих) границ с полями простых землевладельцев и с царскими полями, точно установленных от района к району, размеров земельных участков и виноградников, отмечая, где поля района осушены, — подобным же образом, отмечая пастбища и водные каналы, поля, которые свободны и не обрабатываются, высокие по качеству поля и поля, которые искусственно орошаются, вспахиваются и культивируются, их резервуары с водой и плотины, точно определяя сад за садом с деревьями и их фруктами, огороды, их высокие по качеству поля и низкие по качеству земельные участки, проходящие по ним тропинки, список участков, сдаваемых в аренду…» (цит. по: *Manning J. G.* Land and Power in Ptolemaic Egypt. The Structure of Land Tenure. Cambridge, 2003. P. 148–149). Текст данной простагматы был сначала написан на греческом языке, но затем его перевели на демотику.

Множественность действующих правовых систем всегда предполагает плюрализм и в организации судебной власти. Птолемеевский Египет не был в данном случае исключением. Для каждой из правовых систем здесь были предусмотрены свои суды. Судебный орган, называвшийся «лаокритом (*laokritai*)» и состоявший, как правило, из египетских жрецов и писцов, проживавших в той местности, где он действовал, был призван вершить суд над египтянами в соответствии с «местными законами (*nomoi tes choras*)». Суд под названием «дикастерия (*dikastêria*)» был создан для разбирательства споров в среде македонцев и греков согласно «полисным законам (*politikoi nomoi*)». В египетских документах III века до н.э. упоминается, в дополнение к нему, суд с названием «koinodikion», который решал споры между македонцами и греками, с одной стороны, и египтянами, с другой, в соответствии с «наиболее справедливой точкой зрения (*gnome dikaiotate*)» в тех случаях, когда имелся пробел в праве.

Над указанными судебными органами возвышались «хрематисты (*chrêmatistae*)» — судьи, назначавшиеся басилевсом и представлявшие его власть. Они разбирали дела на основе царских законов — диаграмматов и простагматов. Первоначально они действовали в качестве разъездных судей, то есть регулярно объезжали номы и вершили в них правосудие. Позднее Птолемеи стали назначать постоянного судью для каждого из номов.

Такая специализация судов не означала деления их по этническому признаку: греко-македонские суды действовали не только для греков и македонцев. Как показывают сохранившиеся записи судебных решений, в них рассматривались споры и между подданными еврейского происхождения. В качестве примера можно привести дело об оскорблении еврейкой Гераклеей еврея Досифеоса, которое рассматривалось в дикастерии Крокодилополиса (Фаюм) в 226 году до н.э. Досифеос требовал взыскать с ответчицы 200 драхм для возмещения понесенного им морального ущерба. Однако на решающее заседание суда он не явился. В результате судьи вынесли следующее решение: «Принимая во внимание, что диаграммата, на которую ссылается Гераклея, приводя оправдательные документы, предписывает нам судить таким способом, чтобы, если какое-либо лицо знает или показывает нам, что хочет вести дело по всем вопросам на основе диаграмматы басилевса Птолемея, судебное решение соответствовало диаграммате; и если

какое-либо лицо не хочет по всем вопросам вести дело на основе диаграмматы, но предпочитает греческое право (*politicoi nomoi*)[1], судебное решение было бы в согласии с этими законами; и чтобы по всем другим вопросам мы следовали наиболее справедливой точке зрения (*gnomē dikaiotate*); но когда обе стороны призваны предстать перед судом и одна из них не желает представить письменного заявления или защищать свой иск или отвечать на обвинение или признать поражение (?)… ее следует считать виновной в правонарушении; мы прекращаем это дело»[2].

Таким образом, в Птолемеевском Египте существовал плюралистический правовой порядок. В городах и деревнях, населенных египтянами, продолжало применяться египетское право. В городах и селениях, где проживали, в основном, македонцы и греки, действовало македонско-греческое право, то есть совокупность правовых норм, перенесенных из Македонии и греческих полисов. Действуя в условиях Египта, это право, получившее в документах название «*politicoi nomoi*» — «полисные законы»[3], постепенно превращалось в самостоятельную, отличную от права, действовавшего в Македонии и Греции, систему норм. «В состав этой правовой системы вошла и переведенная на греческий язык Тора, содержавшая нормы еврейского права[4]. Их применение в египетских судах зафиксировано во многих папирусных текстах, сохранившихся с той эпохи. Так, на одном из папирусов приводится следующее исковое заявление: «Басилевсу Птолемею привет от Гелладоты,

---

[1] Термин «*politicoi nomoi*» обозначает в данном случае не законы греческого полиса, но основанное на греческих правовых установлениях право, применявшееся в греческих городах и селениях, расположенных на территории Египта.

[2] Цит. по: *Modrzejewski J. M.* The Jews of Egypt from Rameses II to Emperor Hadrian. Philadelphia, 2001. P. 108.

[3] В английской историко-правовой литературе для обозначения «полисных законов (*politicoi nomoi*)» используется словосочетание «civic laws».

[4] «В Египте, — отмечает Йозеф Модржеевский, — подтверждение еврейского права не могло касаться храма или принять форму “хартии”, оно могло быть достигнуто посредством юридической санкции в пределах системы, установленной для защиты законов и обычаев жителей царства, с приоритетом, отдаваемым царским интересам. Тора, раз она была переведена на греческий язык, могла стать *nomos politicos*, “цивильным правом (civic law)”, гарантированным птолемеевским правосудием» (*Modrzejewski J. M.* The Jews of Egypt from Rameses II to Emperor Hadrian. P. 110–111).

дочери Филонидеса. Я стала жертвой Йонатаса, еврея… Он согласился посредством письменного контракта [в соответствии с гражданским правом евреев взять меня [в жены]. В настоящее время он желает отказаться от договора [и требует] 100 драхм, а также дом: он не отдает имущество, причитающееся мне, и гонит меня из дому… и вредит мне неограниченно в каждом отношении. Я прошу поэтому, мой басилевс, приказать Диофанесу, стратегу, написать… эпистату Самареи не позволять [наносить мне вред] и послать Йонатаса к Диофанесу для того, чтобы [он мог расследовать этот случай]. Так как посредством этого [я не буду больше подвергаться вредительству, но, получив вашу защиту, я добьюсь справедливости]. Прощайте»[1]. Записанная в конце этого заявления дата по тогдашнему египетскому календарю соответствовала 11 мая 218 года по нашему современному календарю.

Дело, начатое приведенным исковым заявлением, любопытно тем, что в нем столкнулись два различных понимания развода: по греческим обычаям, предполагавшим равенство в правах разводившихся супругов, и по еврейским, отдававшим все права мужу. Гелладота, судя по имени, была гречанкой и хотела разводиться по греческим обычаям. А ее муж Йонатас, будучи евреем, поступил в полном соответствии с предписанием Торы, гласившим: «Муж берет жену и владеет ей. Она не доставляет ему удовольствия, потому что он находит в ней что-то неприятное, и он пишет ей заявление о разводе, вручает его ей и посылает ее прочь из дому» (*Deuteronomy,* 24. 1)[2]. Какое окончательное решение было вынесено по этому делу, неизвестно, однако судья, рассматривавший его, оказался в трудном положении. Ведь Йонатас действовал по правилам Торы, которые признавались в Птолемеевском Египте имеющими юридическую силу.

В целом осуществление правосудия в Птолемеевском Египте в условиях множества правовых систем подчинялось следую-

---

[1] Цит. по: *Modrzejewski J. M.* The Jews of Egypt from Rameses II to Emperor Hadrian. P. 111.

[2] В английском переводе данное предписание Торы выглядит следующим образом: «Man takes a wife and possesses her. She fails to please him because he finds something obnoxious about her, and he writes her a bill of divorcement, hands it to her, and sends her away from his house» (The Torah. The Five Books of Moses. Skokie, 2001. P. 579).

щему правилу: приоритет отдавался царскому законодательству. Однако, поскольку оно касалось более административных и фискальных дел и многие сферы общественной жизни не регулировало, то у судей чаще всего возникала необходимость обращаться к другим правовым системам. В этом случае они применяли, в зависимости от этнической принадлежности спорящих сторон и характера спора, «полисные законы (*politikoi nomoi*)», или египетское право. Если же в этих правовых системах не находилось норм, подходящих для рассматриваемого дела, то судьи выносили решение с позиции «наиболее справедливого мнения» (*gnomē dikaiotate*), то есть на основе своего правосознания.

При возникновении спора по контракту между македонцем или греком, с одной стороны, и египтянином, с другой, действовало установленное изданной в 118 году до н.э. диаграмматой Эвергета II, его сестры Клеопатры II и жены Клеопатры III правило, по которому выбор права для его разрешения определялся языком документа. Данное правило гласило: «Египтяне, которые заключили соглашение с греками в контракте, написанном на греческом языке, должны давать и получать удовлетворение перед хрематистами (*chrematistae*); но все греки, которые заключают соглашения (с египтянами) в контракте, написанном на египетском языке, должны давать удовлетворение перед лаокритами в соответствии с египетскими законами (*tes choras nomos*); и иски египтян против египтян хрематисты не должны брать в свои руки, но им следует позволить им судиться перед лаокритами в соответствии с египетскими законами (*tes choras nomos*)»[1].

Спор между египтянином и греком мог разбираться в дикастерии и решаться греческими судьями по египетским правовым установлениям, но они в таких случаях переводились на греческий язык. Об этом свидетельствует записанное на одном из папирусов, который хранится ныне в Туринском музее, «дело Гермиаса». Оно рассматривалось в конце II века до н.э. в дикастерии Диосполиса Великого (Фив), и судьи, греки по этнической принадлежности, имели в своем распоряжении переведенные для этого дела на греческий язык соответствовавшие ему выдержки из местных египетских законов и обычаев. Окончательное решение по нему

[1] Select Papyri. In five volumes. Vol. 2. Non-Literary Papyri Public Documents. With an English Translation by A. S. Hunt and C. C. Edgar. London, 1963. P. 73.

выносил эпистат Гераклеид, то есть грек по своей этнической принадлежности, и он также пользовался текстами египетских правовых установлений, переведенными на греческий язык[1].

Цари из династии Птолемеев не стремились к унификации действовавших в стране правовых норм, они вполне довольствовались тем, что могли держать под своим контролем отправление правосудия. При этом они старались направлять в нужном им направлении деятельность не только дикастерий — судов по греческому праву, но и лаокритов, рассматривавших споры между египтянами по египетскому праву[2]. Одним из свидетельств активной политики верховной государственной власти по отношению к судам является факт создания в годы правления Птолемея II Филадельфа специального руководства по египетскому праву для судей и должностных лиц, оформлявших юридические документы.

Неполный, но весьма большой в объеме текст данного руководства был обнаружен археологами во время раскопок сезона 1938–1939 годов в местности к западу от Гермополиса. Первое его издание, в переводе на английский язык, появилось в 1975 году, под названием «The demotic legal code of Hermopolis West (Демотический юридический кодекс Западного Гермополиса)» [3]. На русском языке данный правовой памятник Птолемеевского Египта был опубликован в 1993 году новосибирским историком А. В. Эдаковым, в приложении к его учебному пособию о древневосточных цивилизациях[4]. Александр Витальевич дал ему название «Демотический правовой свод».

---

[1] См. об этом: *Modrzejewski J. M.* The Septuagint as Nomos: How the Torah became a “Civic Law” for Jews of Egypt // Critical studies in ancient law, comparative law and legal history. Portland, 2004. P. 190.

[2] Запись гражданского спора между египтянами-бальзамировщиками, которое рассматривалось в одном из лаокритов Среднего Египта, предположительно в храме Хатхора в правление Клеопатры III и ее сына Птолемея IX (117–116 гг. до н.э.), показывает, что суд вершили в данном случае три египетских жреца, однако дело рассматривалось ими в присутствии греческого чиновника, представлявшего греческий суд. См.: *El-Aguizi O.* A Ptolemaic Judicial Document from Hwt-nsw [avec 2 planches] // Bulletin De L’Institut Français D’Archéologie Orientale. Le Caire, 1988. P. 52.

[3] См.: *Mattha G.* The demotic legal code of Hermopolis West / Preface and additional notes and glossary by G. R. Hughes. Le Caire, 1975.

[4] См.: Демотический правовой свод // *Эдаков А. В.* История первобытности и древневосточных цивилизаций. Новосибирск, 1997. С. 89–138. А. В. Эдаков от-

По мнению голландского египтолога Питера Виллема Пестмана, указанное юридическое произведение больше всего похоже на учебник по египетскому праву[1]. Йозеф Модржеевски назвал «Демотический правовой свод» «жреческим судебником». «Мы можем видеть, что это собрание принадлежит в действительности к категории священных книг: *dm'-nte* (*djema-neter*) в египетской *sem(e)nouthi* в греческой транскрипции», — написал он в своей статье о египетском праве эллинистического периода, опубликованной в «Оксфордской международной энциклопедии юридической истории». По его словам, «нам следует говорить о нем скорее не как о кодексе, но как о "жреческом судебнике (priestly casebook)". Он предполагает связь с кодификацией египетского права, приписываемой Дарию, через работу, сделанную частично жрецами, которые являлись экспертами в толковании национального права и стремились его сохранить. Хранители собрания, они передавали его через поколения, вводя в него изменения, которые различались от одного религиозного центра до другого. Таким образом, мы столкнулись с произведением во множестве версий, которые тем не менее едины, если смотреть на них с перспективы той обстановки, в которой они возникли; более того, с произведением, которое несет в себе свидетельство великих достижений египтян в юридическом компоненте их национального наследия»[2].

У историков права действительно есть все основания считать, что «Демотический правовой свод» основывался на право-

---

носил время создания Гермополисского свода к периоду правления Птолемея IV Филадельфа (222–205 гг. до н.э.). Его выводы заслуживают внимания: Александр Витальевич был крупным, не оцененным до сих пор специалистом по истории Древнего Египта последних столетий его существования. Этой теме была посвящена его докторская диссертация, не опубликованная, к сожалению, в полном объеме. См.: *Эдаков А. В.* Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. (политическая структура, проблемы экономики и социальная организация общества). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1993.

[1] См.: *Pestman P. W.* L'origine et l'extension d'un manuel de droit égyptien: Quelques réflexions à propos du soi-disant Code de Hermoupolis // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1983. Vol. 26. № 1. P. 14–21.

[2] *Modrzejewski J. M.* Egypt. Hellenistic Period // The Oxford International Encyclopedia of Legal History / Editor in chief Stanley Katz. Oxford, 2009. Vol. 2. P. 414.

вом сборнике, составленном в Египте за несколько веков до начала правления династии Птолемеев. Наиболее вероятным его создателем П. В. Пестман считал Бокхориса, находя повод для такого мнения в характеристике, которую дал этому фараону Диодор Сицилийский[1]. Из нее следовало, что Бокхорис издал законы, относящиеся к договорам, и что его судебные решения были настолько хороши, что сохранились в памяти до времен Диодора, то есть до середины I века до н.э.

Помимо демотического текста Гермополисского правового руководства имелся также его вариант на греческом языке[2]. Данное произведение было авторитетным руководством для тех, кто занимался в Птолемеевском Египте юридической деятельностью. Есть основания полагать, что дошедший до нас текст составлял только часть обширного правового свода.

Восемьдесят процентов содержания сохранившейся рукописи Гермополисского руководства было посвящено вещным правам на недвижимость и двадцать — наследственному праву. В нем излагались такие вопросы, как аренда пахотной земли и споры между арендодателем и арендатором, возвращение заложенного дома, сдача в наем дома и другого имущества, рента, способы подтверждения законного титула на имущество, судебные споры между соседями, наследственные права старшего сына и др. «Вряд ли можно сомневаться, — пишет, оценивая Гермополисский правовой свод, Джозеф Мэннинг, — что правила, собранные в тексте, имели действительную силу в птолемеевские времена, хотя некоторые из страниц сохранили скорее необычные или, по меньшей мере, трудные случаи, чем нормативные»[3].

Гермополисский свод выразил одну из главных особенностей правовой культуры Птолемеевского Египта — ее синкретический характер. Она вобрала в себя и соединила законы и обычаи Древнего Египта предшествовавших эпох, элементы права Македонии и Древней Греции. При Птолемеях широкое развитие получили в Египте переводы законов и юридических произведений с одного

---

[1] См.: *Pestman P. W.* L'origine et l'extension d'un manuel de droit égyptien: Quelques réflexions à propos du soi-disant Code de Hermoupolis. P. 21.

[2] См.: *Manning J G.* The Last Pharaohs. Egypt under the Ptolemies, 305–30 B.C. Princeton, 2010. P. 185.

[3] Ibid. P. 186.

языка на другой — в основном на греческий, что способствовало развитию правовой терминологии в целом.

Установившийся в Египте при первых Птолемеях правопорядок не оставался в последующем неизменным. Так, например, в III и II веках до н.э. доминировавшей формой царских законов была диаграммата (*diagrammata*), в I веке ею стала простагмата (*prostagmata*). Птолемеи не прилагали решительных усилий к унификации действовавшего в их царстве права и даже способствовали своей политикой сохранению правового плюрализма в стране. Они всячески поддерживали, например, египетских жрецов в их стремлении сохранить египетские правовые традиции и потому настаивали на том, чтобы лаокриты имели исключительную компетенцию при разбирательстве споров между египтянами. Египетские жрецы, в свою очередь, старались поддерживать Птолемеев в их управлении страной.

Однако унификация применявшегося в Птолемеевском Египте права тем не менее происходила. Она шла самопроизвольно и постепенно в текущей жизни и в рамках судов. Македонцы и греки, жившие в окружении египтян, воспринимали многие их обычаи, касавшиеся, в основном, регулирования брачно-семейных отношений, порядка наследования имущества. С другой стороны, и египтяне не были свободны от влияния македонско-греческих правовых воззрений. Тем более, что представители обоих этносов нередко оказывались связанными правовыми отношениями в рамках тех или иных сделок[1].

Рассматривая споры между представителями греко-македонского этноса, судьи вполне могли обратиться к нормам египетского права, полагая их более подходящими для правильного решения дела, — в особенности, когда стороны не препятствовали это-

---

[1] В качестве примера можно привести случай субаренды, отраженный в документе о регистрации аренды из так называемого «архива Зенона» — собрания папирусов надзирателя за полями Зенона, которое было обнаружено зимой 1914–1915 гг. на территории, где располагался древнеегипетский город Филадельфия. Египтянин по имени Паноуфис, взяв в аренду землю, передал часть ее в субаренду греку. См.: Fragment of Register of Land Leased from the 10,000 Arouras // Zenon Papyri Business Papers of the Third Century B.C. dealing with Palestine and Egypt / Edited with introductions and Notes by W. L. Westermann, K. W. Keyes and H. Liebesny Vol. 2. New York, 1940. P. 57–58.

му, и тем более, если желали применения к их спору египетских правовых установлений.

В государстве с авторитетной верховной властью, опирающейся на централизованный эффективно действующий государственный аппарат, стремящейся урегулировать своими законами все сферы общественной жизни, с политикой, поддерживающей взаимопроникновение культур, стимулирующей формирование общегосударственной религиозной идеологии, унификация права могла бы иметь несомненный успех и привести к созданию единой для всей страны правовой системы. Но в Птолемеевском Египте не было такой верховной власти и государственного аппарата. И потому существовавший в нем правопорядок был обречен на плюрализм и проистекавшие из него постоянные конфликты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

§ 1. Правовое положение женщин. Институты брачно-семейного права

Древнеегипетское право не проводило резких различий в правовом статусе мужчин и женщин. Надписи и рисунки, относящиеся к эпохе «Старого царства», показывают активное участие женщины и в экономической, и в религиозной сфере жизни общества. Женщина могла приобретать и передавать имущество как самостоятельный субъект права, вести религиозные церемонии в качестве жрицы. Такое положение сохранялось и в последующие периоды древнеегипетской истории. Папирус, датируемый концом эпохи «Среднего царства», хранящийся ныне в Бруклинском музее, содержит текст документа, который давал женщине по имени Сенебтиси право собственности на 95 домашних слуг[1]. Многочисленные случаи совершенных женщинами сделок купли-продажи, займа, сдачи в аренду имущества зафиксированы в Гермополисском правовом своде III века до н.э., вобравшем в себя материал египетского права предшествовавших столетий[2].

---

[1] A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum // Edited with translation and Commentary by William G. Hayes. Brooklyn, 1955. P. 116; *Simpson W.* Papyri of the Middle Kingdom // Textes et langages de l'Égypte pharaonique: Hommage à Jean-François Champollion. Vol. 1. Le Caire, 1973. P. 69.

[2] См. об этом: *Allam S.* Women as Holders of Rights in Ancient Egypt (During the Late Period) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1990. Vol. 33. № 1. P. 1–34.

Женщины нередко становились участниками судебных процессов в качестве истцов, требующих для себя какое-либо имущество. Бруклинский папирус содержит упоминание о замужней женщине, которая вела судебную тяжбу со своим отцом[1]. На нем есть также запись о споре, возникшем из-за того, что один мужчина подарил имущество своей второй жене. Его дочь от первого брака подала иск в джаджат с требованием признать это дарение недействительным. Суд, рассмотрев дело, подтвердил правомочность передачи мужчиной имущества своей второй жене[2].

Документы эпохи «Нового царства» и последующих эпох свидетельствуют, что суды признавали за женщинами право держать землю. Женщина вполне могла посредством сделок купли-продажи умножать свое имущество. Текст на папирусе Вильбуа[3] показывает, что женщины имели такую же обязанность платить налоги и делать рентные платежи, как и мужчины. Сохранились записи судебных процессов, из которых следует, что женщины несли юридическую ответственность за заключенные ими сделки.

Многие надписи и рисунки на стенах храмов показывают, что во времена «Нового царства» роль женщин в религиозных ритуалах заметно возросла[4]. Бывали случаи, когда женщина занимала высокий пост в храмовой иерархии. И это неудивительно: в иерархии египетских божеств некоторые богини занимали значительно более высокое место, чем боги. Достаточно указать на Маат, о которой уже шла речь.

Равенство женщин с мужчинами в правовом статусе не означало, что они занимали в обществе одинаковое с ними место. Женщины могли быть служительницами бога — жрицами, они становились иногда верховными властителями вместо своих мужей, как это было в случае с царицей Хатшепсут. Однако государственное управление Древнего Египта во все эпохи обходилось без

---

[1] См. об этом: *Pestman P. W.* Marriage and Matrimonial Property in Ancient Egypt: a contribution to establishing the legal position of the woman. Leiden, 1961. P. 138.

[2] A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. P. 143.

[3] Папирус из библиотеки американского египтолога Чарльза Эдвина Вильбуа (*Charles Edwin Wilbour*, 1833–1896).

[4] См. об этом: *White R. E.* Women in Ptolemaic Egypt // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 18 (1898). P. 266.

них. Случаи, когда женщина занимала пост чиновника и судьи, были очень и очень редкими. И это неудивительно: главной сферой приложения сил для египетской женщины была семья. Для обозначения жены в египетском языке существовало несколько терминов: *hemet*, употреблявшийся со времен «Старого царства»; *hebsyt*[1], известный из документов «Среднего царства». Их точное значение и различие между ними не вполне ясны[2]. Но одним из самых распространенных терминов для обозначения замужней женщины являлось в Древнем Египте со времен «Среднего царства» слово из букв м.т (*m.t*), смысл которого был близок к словосочетанию «хозяйка дома»[3].

Брак считался в Древнем Египте в большей степени явлением личной жизни индивидов и их семей, нежели общественным институтом. По этой причине он не рассматривался сам по себе в качестве самостоятельного объекта правового регулирования, и брачно-семейного права как такового не существовало. Не имел древнеегипетский брак и религиозного характера: жрецы не участвовали при его заключении. Во всяком случае, документального подтверждения этот факт пока не нашел. Священный характер браку придавало лишь заключение его в соответствии с вековыми обычаями.

С точки зрения классических древнеегипетских воззрений брак был всего лишь союзом мужчины и женщины, создававшимся для ведения совместного хозяйства и рождения детей. Поэтому

---

[1] По словам английского египтолога Криса Айра, «термин *hbsyt* определенно обозначает иногда “конкубину” в общепринятом смысле термина. Так, в одном из оракульских амулетических постановлений Третьего переходного периода дается обещание: “Я должен сделать свою конкубину плодовитой, чтобы иметь детей, как мальчиков, так и девочек”» (*Eyre C. J.* The Adoption Papyrus in Social Context // The Journal of Egyptian Archaeology. 1992. Vol. 78. P. 212). Оракульское амулетическое постановление — это обещание вылечить детей от различных болезней, которое давалось оракулом от имени бога. См. текст такого постановления в издании: Oracular Amuletic Decree // The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt’s Third Intermediate Period / Translated by Robert Ritner. Houston, 2009. P. 74–76.

[2] См. об этих терминах: *Robins G.* Women in ancient Egypt. Cambridge, 1993. P. 60–62.

[3] См.: *Jasnow R.* Egypt. Third Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. P. 800.

заключением соглашения между брачующимися и их семьями и переходом женщины из семьи родителей в дом мужа брачная церемония, в сущности, и ограничивалась. Никаких публичных торжественных обрядов с участием жрецов не проводилось. Брачное соглашение, которое до I тысячелетия до н.э. заключалось, по всей видимости, преимущественно в устной форме, определяло права и обязанности супругов как по отношению друг к другу, так и относительно семейного имущества. В этом распределении взаимных прав и обязанностей мужа и жены и состояло существо древнеегипетского брака.

Сохранившиеся тексты брачных соглашений, из которых почти все относятся ко времени не ранее VII века до н.э., весьма индивидуальны. По словам немецкого египтолога Шафика Аллама, «Их содержание и разделение на статьи, составляющее структуру, и их последовательность могли варьироваться от одного документа к другому»[1]. Более того, тексты брачных контрактов могли не включать в себя некоторых немаловажных договорных условий. Из всего этого очевидно, что брачно-семейные отношения регулировались в Древнем Египте в большей степени местными обычаями, чем какими-либо законами. Только это может объяснить, почему тексты брачных соглашений имели в своем содержании мало типовых формул.

Одним из главных предметов брачного соглашения, судя по сохранившимся документам, был вопрос о гарантиях материального обеспечения супруги. Вступавшие в брак договаривались — сами или через посредство родителей — о том, какое материальное содержание женщина будет иметь не только в браке, но и в случае развода. Самым распространенным средством обеспечения такого содержания было закрепление за вступавшей в брак женщиной какого-либо семейного имущества[2].

---

[1] См. об этом: *Allam S.* Quelques Aspects du Mariage dans l'Égypte Ancienne // The Journal of Egyptian Archaeology. 1981. Vol. 67. P. 118.

[2] См.: Ibid. P. 119. Ричард Яснов показывает на конкретных документах, что практика заключения соглашений о материальном обеспечении женщины, вступавшей в брак, существовала уже в период «Старого царства». См.: *Jasnow R.* Egypt. Old Kingdom and First Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. P. 119.

Тексты дошедших до нас от Древнего Египта брачных соглашений дают представление о том, как заключался в этой стране в I тысячелетии до н.э. брак между мужчиной и женщиной. Так, хранящийся в настоящее время в Каирском музее папирус, датируемый примерно 676 годом до н.э., зафиксировал следующую процедуру: в назначенный день женщина, выходящая замуж, вступила в дом к своему будущему супругу. При встрече с ним она получила от него список имущества, которое передавалось ей при заключении брака в качестве «подарка женщины». После этого муж дал клятву, которой подтвердил, что в случае оставления своей жены он отдаст ей имущество, указанное в списке, за исключением случая, если причиной его ухода от жены будет ее прелюбодеяние. Далее в сохранившемся тексте папируса шло описание условий, касавшихся детей, которые его жена родит от него[1].

Текст брачного соглашения, написанный демотикой на одном из папирусов, хранящемся в настоящее время в Лувре, показывает, какая великая забота проявлялась при заключении брака в Египте времен Птолемея Филадельфа о материальных гарантиях для женщины в случае расторжения мужем брачных уз с ней. Данный текст начинался с указания года правления басилевса и его званий. Затем сообщалось: «Патма, сын Пхелхонса, чья мать — Танет, говорит женщине Тащутем, дочери Релоу, чья мать — Танетем: я принимаю тебя в качестве жены, я дал тебе серебро, 5 шекелей, все серебро — в качестве дара женщине. Я должен дать тебе…»[2]. Далее шло перечисление тех сумм, которые Патма обещал предоставлять своей жене ежемесячно и ежегодно. После этого он заявлял в контракте: «В случае, если я буду относиться к тебе с пренебрежением, в случае, если я возьму вместо тебя другую жену, я дам тебе 20 (мер) серебра, в сто шекелей, всего 20. Все принадлежащее мне имущество и то, которым я буду владеть, является гарантией всех вышесказанных мною слов»[3].

---

[1] См.: *Johnson J. H.* Annuity Contracts and Marriage // For his Ka: Essays Offered in Memory of Klaus Baer / Edited by D. Silverman. Chicago, 1994. P. 114.

[2] Contract of Marriage in the Reign of Ptolemy Philadelphus (XXXst dynasty). Translated by E. Revilout // Records of the Past: being English Translations of the Assyrian and Egyptian Monuments. Published under the sanction of the Society of Biblical Archeology. Vol. 10. Egyptian Texts. London, 1878. P. 77.

[3] Ibid. P. 78.

Другой образец брачного соглашения, записанного демотикой, относится к девятнадцатому году правления Птолемея V Эпифана (186 г. до н.э.). В его основном тексте зафиксированы следующие слова мужа:

«Я сделал тебя своей женой. Я дал тебе серебряные монеты, 4 ките, равноценные 2 статерам, равноценным серебряным монетам, 4 ките еше, как невестин дар. Твой старший сын — мой старший сын, владелец всего и всей собственности, которая принадлежит мне и которую я приобрету в поле, храме, городе. Если я покину тебя как жену и предпочту тебе другую женщину в качестве жены, я дам тебе деньги, 5 (дебен), равноценные 25 статерам, равноценным 5 (дебенам). Здесь список невестиного имущества, которое ты принесла в мой дом с собой: один (название на египетском языке) одежды, в серебряной монете 6 ките, одно (название на египетском языке) ожерелье, в серебряной монете 2 ките, одно кольцо, в серебряной монете 2 ките, твой невестин дар, выше указанный, который я (в действительности) тебе не отдал, серебряная монета, 4 ките. Общая стоимость твоего невестиного имущества, которое ты принесла с собой, серебряная монета, в размере 1 дебен, 4 ките, равноценных 7 статерам, равноценным серебряной монете, в размере 1 дебен и еще 4 ките. Если ты внутри (т. е. в доме мужа. — *В. Т.)*, они внутри с тобой; если ты снаружи (т. е. вне дома мужа. — *В. Т.)*, они снаружи с тобой. В назначенное тобой время, в которое ты пожелаешь уйти, я, будучи его управляющим, дам тебе подобное твоему невестиному имуществу, которое ты принесла с собой в мой дом, или его стоимость в деньгах»[1].

По некоторым сведениям, в ряде областей Египта существовал обычай, доживший до птолемеевских времен, согласно которому будущий муж должен был до вступления в брак передать в дар что-либо родителям своей будущей супруги — для того, чтобы разорвать узы, связывающие ее с прежней, кровнородственной семьей. Родители женщины, выходившей замуж, должны были, в свою очередь, дать ее приданое.

Обычаи различались от местности к местности. Поэтому большая роль обычаев в регулировании брачно-семейных отношений в Древнем Египте порождала региональные разли-

---

[1] *Parker R. A.* A Demotic Marriage Document From Deir el Ballas // Journal of the American Research Center in Egypt. 1963. Vol. 2. P. 114–115.

чия в семейных порядках. Брак и семья у египтян в Фивах были во многом не такими, какими являлись брак и семья у египтян в Мемфисе. Собрание документов одной из фиванских семей, относящихся ко II веку до н.э., которое хранится в настоящее время в Туринском музее, показывает, что в фиванском типе семейных отношений брачное соглашение между мужчиной и женщиной, вступающими в брак, было только первым в цепи договоров, скреплявших юридическими узами семейный союз. Так, египтянин, чье имя писалось на египетском языке словом из букв, звучавших как «*Уси-М-Р*», заключил в 152 году до н.э. брачное соглашение с женщиной по имени «*Та-Нфр*», дав ей десять частей серебра и получив от нее в управление личное ее имущество, которое она принесла с собой в его дом[1]. В 143 году до н.э. он заключил со своей супругой договор купли-продажи, по которому передал ей все свое недвижимое имущество вместе с доходами от него[2]. Очевидно, что договор был в данном случае фиктивным: все в семье осталось таким, каким было прежде. В 134 году до н.э. этот же египтянин составил документ о передаче своему сыну части имущества в размере причитавшейся ему доли в наследстве[3]. Позднее, когда у него родился еще один сын, он сделал то же самое, то есть отписал и ему часть имущества в размере доли в наследстве.

Развод считался в Древнем Египте вполне нормальным явлением, но не одобрялся. Птаххотеп в своих поучениях призывал мужчин не оставлять своих жен. Тексты сохранившихся брачных соглашений показывают, что при заключении брака будущие супруги договаривались и об условиях развода, то есть о разделе имущества, о содержании женщины, если случится, что ее оставит муж, и по другим вопросам. Жена имела такое же право на развод, какое имел муж. На это указывают часто встречающиеся в сохранивших текстах древнеегипетских брачных соглашений такие фразы, как, например: «Если я покину тебя как жену и буду тебя ненавидеть и женюсь на другой женщине, то я…»;

---

[1] Document № 5, dated 31 August 152 // *El-Amir (Mustafa)*. Further Notes on the Demotic Papyri in the Turin Museum // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1969. P. 91.

[2] Document № 7, dated 10 December 143 // Ibidem.

[3] Document № 9, dated 7 May 134 // Ibid. P. 92.

«Если я покину тебя как мужа и буду тебя ненавидеть и выйду замуж за другого мужчину, то я…». Основанием для развода могло являться бесплодие или прелюбодеяние. Для удостоверения развода по древнеегипетским обычаям требовалось четыре свидетеля.

Формула развода, произносившаяся мужем, гласила: «Я покидаю тебя как жену, я удаляюсь от тебя, я не имею никакого притязания к тебе на этой земле, я сказал тебе: “Создай себе мужа в каком-либо месте, чтобы ты могла пойти к нему”».

Документальные материалы показывают, что в древнеегипетском обществе нередким явлением были повторные браки. Мужчина мог жениться вторично после расторжения своего первого брака или после смерти первой супруги. О том, что происходило в последнем случае, дает понять текст на одном из иератических папирусов, хранившемся в 20-е годы XX века в Туринском музее. Он описывает процедуру подготовки брачного соглашения между жрецом по имени Аменкхау и женщиной, которую звали Аноксунозем. Данное событие происходило в последние годы правления XX династии. Первая жена Аменкхоу по имени Татхари умерла, оставив нескольких детей. У женщины, на которой жрец хотел жениться, детей не было. Очевидно, что его вступление во второй брак порождало ряд проблем имущественного характера, которые необходимо было разрешить, прежде чем заключать новое брачное соглашение. Упомянутый текст на папирусе из Туринского музея содержал описание того, как эти проблемы были разрешены.

Из-за повреждения папируса сохранилось менее половины начертанного на нем текста[1], но оставшаяся его часть позволяет вполне ясно представить, что происходило перед вступлением Аменкхау во второй брак.

Он был вызван или сам пришел к тжати. Вместе с ним пришла его новая, будущая супруга и два старших сына из детей от первого брака. От имущества, которое Аменкхау нажил в первом браке, ему после смерти Татхари досталось две трети. Будущая его

---

[1] См.: оригинальный иератический текст данного папируса и его перевод на английский язык в статье: *Černý J., Peet T. E.* A Marriage Settlement of the Twentieth Dynasty: An Unpublished Document from Turin // The Journal of Egyptian Archaeology. 1927. Vol. 13. № 1/2 (Apr.). P. 32–36.

супруга получила от своих родителей одну восьмую часть их имущества. Аменкхау предложил на этой встрече передать принадлежавший ему дом отца Татхари и девятерых рабов из его имущества своим детям от первого брака. А четырех рабов из своего имущества дать новой своей жене. Выслушав Аменкхау, тжати задал вопрос его сыновьям, действительно ли ему принадлежит то имущество, которым он распоряжается. Сыновья ответили утвердительно. Решение, вынесенное по этому делу тжати, скорее всего, утверждало высказанное жрецом предложение о разделении имущества. Текст данного решения был помещен на хранение в храм Рамсеса III. Так были сняты все препятствия для вступления Аменкхау во второй брак.

Данный пример показывает, что государственная власть не оставляла без своего внимания процесс заключения брачного союза в том случае, если при этом затрагивались имущественные интересы многих лиц и появлялась угроза возникновения острого конфликта, который не в состоянии был урегулировать обычай.

Письмо, написанное Хеканакхте, слугой тжати Ментухотпа I по имени Ипи, своему сыну Мерису примерно в 2002 году до н.э., показывает, что одной из форм брака в древнеегипетском обществе того времени выступал *конкубинат*. Давая советы сыну о том, как вести хозяйственные дела, Хеканакхте наряду с этим проявлял заботу о своей наложнице. «Заметь, — обращался он к Мерису, — это моя наложница. Известно, ведь, что надо делать с наложницей мужчины. А что касается кого бы то ни было, кто сделает для нее то же самое, что делаю я… (здесь в оригинальном тексте стоит слово, которое невозможно прочесть) найдется ли среди вас хоть один, кто будет терпелив, когда его жена будет осуждать его? В этом случае я буду терпеливым. Как я могу сидеть с тобой за одним столом? Нет, ты не хочешь уважать мою наложницу»[1]. Из этих фраз видно, что конкубинат регулировался обычаем: именно поэтому Хеканакхте заявлял сыну: «Известно, ведь, что надо делать с наложницей мужчины».

---

[1] Цит. по: *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. № 1. (Jan.– Mar.). P. 9.

Приведенный пример конкубината далеко не единственный случай, зафиксированный в древнеегипетских документах[1]. Следует, однако, признать, что сколько-нибудь большого распространения такая форма брака не имела.

Древнеегипетский брак являлся, по правилу, моногамным. Но допускалась и полигамия. Профессор египтологии в Макарийском университете (Macquarie University) города Сиднея Нагиб Канавати изучил шестнадцать надписей в погребениях эпохи «Старого царства», зафиксировавших состав семей, в которых у мужа было несколько жен, и пришел к следующим выводам:

— полигамия была редким явлением в египетском обществе этого времени, она «если практиковалась, кажется скорее исключением, чем правилом»[2];
— иметь несколько жен могли себе позволить только состоятельные египтяне, занимавшие высокие посты в государственном управлении[3];
— в большинстве случаев египтяне брали в жены других женщин, в дополнение к первой жене, для того, чтобы иметь сыновей или вообще детей, которых не могла родить по каким-то причинам первая жена[4].

---

[1] О другом случае конкубината см. в статье: *El-Amir (Mustafa).* Monogamy, Polygamy, Endogamy and Consanguinity in Ancient Egyptian Marriage // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1964. P. 107.

[2] *Kanawati N.* Polygamy in the Old Kingdom of Egypt? // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1976. Bd. 4. P. 160.

[3] Австралийский египтолог установил, что из шестнадцати египтян, имевших по несколько жен, один был вельможей и начальником каравана в Асуане, другой являлся вельможей и надзирателем за жрецами в Дендере, трое занимали должности номархов, местных правителей, трое имели титул тжати. См.: Ibid. P. 159.

[4] «Законы Хаммурапи» также допускали для мужа возможность в случаях, когда его жена не могла родить сына, взять в жены другую женщину и ввести ее в дом. При этом оговаривалось, правда, что вторая жена «не должна равняться с первой» (§ 145) (см.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Составитель В. А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2004. С. 22). Очевидно, что такой случай не может считаться полигамным браком. Вторая жена просто-напросто брала на себя исполнение функции деторождения, которую не могла выполнять первая жена.

Наиболее ярким примером такой ситуации является брак надзирателя над жрецами из Дендеры, жившего или в самом конце эпохи «Старого царства», или в последовавший за ней период политической раздробленности Египта. У него было три жены: первая — бездетная, вторая — мать двух дочерей, третья — мать, по меньшей мере, одного сына[1].

Американский египтолог Уильям Келли Симпсон изучил тринадцать надписей в погребениях эпохи «Среднего царства», показывающих семьи высоких должностных лиц, у которых было две, три, четыре, пять и даже шесть жен. Результатом его исследования был следующий вывод: «Нам следует признать ограниченное существование полигамии в классах чиновников Среднего царства. Она была сравнительно редкой, но ее публичное признание надписями на стеле, статуе и в могильном рельефе предполагает, что она не была запрещенной»[2].

Приведенные У. К. Симпсоном надписи о составе полигамных семей показывают, что статус жен не был одинаковым. Он различался в соответствии со статусом отцов жен и, вероятно, также в зависимости от того, рождали они детей или нет.

Подобным же образом обстояло дело с полигамией и в эпоху «Нового царства»[3], и в последующие времена древнеегипетской истории. В семьях фараонов также бывали случаи, когда глава имел несколько жен. Но в них такие браки носили явный политический характер. Особенно ярко это проявилось в случае с браками Птолемея I Сотера. В 321 году до н.э. он женился на дочери македонского правителя Антипатра Эвридике. Данный брак укрепил его позиции в Египте. В 321 году Птолемей взял в жены Беренику, внучатую племянницу Антипатра. Целью этого брака было скорее всего рождение наследника египетского трона, который Птолемей в то время еще не занимал, но имел стремление занять. Но еще одной силой, побудившей его взять в жены Беренику, была любовь. Феокрит, древнегреческий поэт и современник первых

---

[1] См.: *Kanawati N.* Polygamy in the Old Kingdom of Egypt? P. 152.

[2] *Simpson W. K.* Polygamy in Egypt in the Middle Kingdom? // The Journal of Egyptian Archaeology. 1974. Vol. 60. P. 104.

[3] «Отдельные случаи не-царской полигамии зафиксированы в позднем Новом царстве», — пишет У. Л. Симпсон и приводит в качестве примера одну из надписей, свидетельствующую об этом. См.: Ibidem.

двух Птолемеев, писал о новой супруге Птолемея I: «Какой выдающейся среди женщин чувства была известная Береника, великий дар ее родителям. Контролер Кипра, могущественная дочь Диона, приложила свои деликатные руки на благоухающую грудь Береники; так, она сказала, что никогда еще ни одна женщина не была столь приятна своему мужу, как Птолемею его любимая жена»[1].

Любопытно, что при этом брак с Эвридикой, прежней своей супругой, Птолемей не расторг — во всяком случае, никаких сведений об этом не сохранилось.

В исторической литературе весьма оживленно обсуждается вопрос о существовании в Древнем Египте практики заключения браков между кровными родственниками — например, братом и сестрой. Интерес к данной теме порождает, очевидно, история Птолемеевской династии, в рамках которой такие браки были нередкостью[2].

Историки дают различные объяснения странному поведению Птолемеев, допускавших браки между близкими родственниками, которые с давних пор относятся к категории строгих табу. На мой взгляд, проблема в данном случае не так проста, как это представляется на первый взгляд. Можно много говорить о генетическом вырождении династии Птолемеев из-за таких браков, но никуда не деться от факта: правление династии Птолемеев в Египте было самым продолжительным среди правлений всех династий, которые когда-либо существовали в этой стране на протяжении трех с лишним тысяч лет. И из монархических династий эллинистических государств Птолемеи были самой успешной династией и правили дольше всех. Необходимо внимательно посмотреть на браки между братьями и сестрами в династии Птолемеев: не были ли они просто политической игрой и не скрывались ли за этими браками нормальные, не табуированные брачно-семейные отношения?

Брент Шоу, исследовавший вопрос о браках между кровными родственниками в Древнем Египте, пришел к выводу о том, что

---

[1] Theocritus. Encomium of Ptolemy Philadelphus / Text and Translation with Introduction and Commentary by Richard Hynter. Berkeley, 2003. P. 81.

[2] См. анализ этих объяснений в статьях Шейлы Аджер: *Ager S. L.* Familiarity Breeds: Incest and the Ptolemaic Dynasty // The Journal of Hellenic Studies. 2005. Vol. 125. P. 1–34; *Ager S. L.* The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Anthropologica. 2006. Vol. 48. № 2. P. 165–186.

«нет ни одного солидного исторического свидетельства, демонстрирующего, что браки между братом и сестрой были или известны, или обыкновенно практиковались “обычными” египтянами в фараонский период, то есть до наступления греко-римского правления»[1].

Ярослав Черни приводил в свое время в качестве примера единокровного брака зафиксированный на стеле XXII династии, стоявшей в Серапеуме, брак между братом и сестрой в семье командира ливийских наемников, которая в конце правления указанной династии жила в Египте. При этом чешский египтолог отмечал, что «он не составляет какого-либо доказательства тому, что такие браки были частыми или даже возможными в более ранние времена и среди других классов общества»[2].

Данный вывод подтверждается документальными материалами, отражающими дух древнеегипетской семьи. Ее самой большой ценностью во все времена считались дети. Сохранились тексты, в которых женщина, описывая свое отношение к своим детям, заявляет: «Я только тень для детей»[3]. Эти слова выражали довольно распространенное среди древних египтян настроение. Оно в полной мере соответствовало характеру древнеегипетского мировоззрения. Диодор Сицилийский писал в своей «Исторической библиотеке»: «Что касается египтян, то жрецы женились только на одной женщине, но другие граждане могли выбрать себе женщин столько, сколько хотели. Родители были обязаны кормить всех своих детей, чтобы увеличивалось население, которое считалось более всего способствующим процветанию государства. Ни один ребенок не считался незаконнорожденным, даже когда он рождался матерью рабыней; ибо, согласно общей вере, отец являлся единственным творцом ребенка, для которого мать была только пищей и кровом» (*Diodor.* I. 80)[4].

---

[1] *Shaw B. D.* Explaining Incest: Brother-Sister Marriage in Graeco-Roman Egypt // Man. New Series. 1992. Vol. 27. № 2 (Jun.). P. 274.

[2] *Černý J.* Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1954. Vol. 40. P. 24.

[3] *Lichtheim M.* Ancient Egyptian Literature: A Book of Readings. Vol. 3: The Late Period. Berkeley, 1980. P. 3.

[4] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 90.

§ 2. Институты наследственного права

Наследование имущества в эпоху «Старого царства» стояло в тесной связи с исполнением погребальных церемоний и обрядов. На это указывают многие древнеегипетские тексты. «Будь так добра моя душа, мой брат, чтобы стать моим наследником, который будет совершать жертвоприношения и стоять у могилы в день погребения, и кто сможет приготовить ложе для некрополя»[1], — говорится в произведении, созданном в период между эпохами «Старого» и «Среднего» царств. Среди египтологов оно известно под разными названиями[2], но по жанру это просто размышления человека, уставшего от жизни.

Наследство не открывалось до тех пор, пока умерший родитель не был погребен. Тот из детей, кому отец поручал ведать организацией его погребения и осуществлять последующие погребальные церемонии и обряды, по обычаю и становился главным наследником отцовского имущества.

Когда сформировался этот обычай, трудно сказать с точностью, однако надо признать, что культ предков — самый древний общественный культ: его возникновение, собственно, и ознаменовало собой появление общества как особой формы совместного существования людей, при которой опыт их производительной и духовной деятельности не утрачивается в результате ухода из жизни людских поколений, но сберегается и копится. Почитание предков позволяло сохранять память о них, а значит, и об их делах и нормах поведения, о добытых ими знаниях об окружаю-

---

[1] Цит. по: *Faulkner R. O.* The Man Who Was Tired of Life // The Journal of Egyptian Archaeology. 1956. Vol. 42. P. 27. В данной статье приводится полный текст данного произведения на египетском и английском языках.

[2] Немецкий египтолог Адольф Эрман, первым напечатавший это произведение — в 1896 г., — дал ему название «*Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele (Разговор усталого от жизни со своей душой)*». На русском языке оно называется «Беседа разочарованного со своим духом». Французские египтологи называют его «Диалогом отчаявшегося со своей душой (Le Dialogue du désespéré avec son âme)». Количество же англоязычных его названий приближается, кажется, к десяти: «The Dispute of a Man with His Soul», «The Dialogue of a Misanthrope with His Soul», «The Suicide», «The Man Who was Weary of Life», «The Man Who Was Tired of Life» и др. Папирус, на котором начертано это произведение, хранится в Берлинском музее и называется Papyrus Berlin 3024.

щем мире и обществе. С утверждением в людской жизни культа предков мир человека стал намного богаче: он начал мыслить себя в соединении не только с живущими вокруг него людьми, но и с теми, которые жили до него и будут жить после него. Культ предков создал основу для появления такого регулятора людских отношений, как обычай, и пространство для развития из совокупности проистекавших от предков норм поведения традиционного или обычного права.

Культ предков сам по себе был первым обычаем среди людей, возникшим из инстинктов не природной их сущности, а социальной. Позднее он стал основополагающей нормой наследственного обычного права, обеспеченной общественным и государственным принуждением. Краткая и емкая формулировка этой нормы сохранилась в древнеегипетских документах. «Пусть имущество отдается тому, кто хоронит», — гласит она. Данная формулировка упоминается, например, в датируемой концом правления XIX – началом правления XX династии (примерно XII в. до н.э.) записи судебного спора о наследстве, которая была зафиксирована на одном из папирусов, хранящихся ныне в Египетском музее в Каире[1]. При этом отмечается, что так «говорит закон фараона», но имя царя не называется[2]. Египетский фараон вполне мог издать закон с таким правилом. Однако содержание и формулировка этого наследственного правила явно свидетельствуют о его традиционности — о том, что когда-то оно существовало в виде устной нормы действовавшего среди египтян обычного наследственного права.

В одном из текстов времен «Среднего царства» или переходного периода от него к «Новому царству» рассказывается о чело-

---

[1] В настоящее время данный папирус известен под названием «Каирского папируса (Papirus Cairo) 58 092», а ранее он именовался «Булакским папирусом (Papirus Bulaq) X», по имени открытого в Каире, в районе Булак, музея египетских древностей, в котором он хранился. В 1891–1902 гг. данный музей размещался в Гизе и потому назывался Гизехским музеем. В 1902 г. он обосновался в новом здании в Каире и стал просто Египетским музеем. См. о нем в Интернет-журнале Виктора Солкина: http://victorsolkin.livejournal.com/258917.html

[2] Papirus Bulaq X recto // *Janseen Jac. J. and Pestman P. W.* Burial and Inheritance in the Community of the Necropolis Workmen at Thebes (Pap. Bulaq X and O. Petrie 16) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1968. Vol. 11. № 2 (Jun.). P. 140.

веке по имени Мениупу, который по каким-то причинам вынужден был покинуть свое селение и переместиться в другую местность, остановившись в доме у своей родственницы. Пожилой и слабый здоровьем, он вскоре умер. И муж женщины, у которой он проживал, сказал ей: «Похорони его и действуй по отношению к нему как наследница»[1]. У нас нет серьезных оснований расценивать эти слова как призыв к супруге предъявить свои права на наследство умершего человека, да и вряд ли было у него какое-либо наследство. Сказанное мужем более похоже всего лишь на совет жене исполнить после погребения ее родственника все церемонии или обряды, которые совершили бы его дети. Но как бы то ни было, в этих словах выражалось ясное сознание тесной взаимосвязи между статусом наследника и исполнением погребальных церемоний.

По существовавшему правилу, распорядителем наследственного имущества становился старший по возрасту сын. Однако родитель мог назначить на эту роль не его, а другого сына, более младшего. В этом случае главный наследник все равно считался «старшим сыном», но уже не по возрасту, а по званию.

Подобный порядок наследования не только соответствовал интересам обеспечения культа предков, на котором держалась вся духовная культура древнеегипетского общества, но и способствовал поддержанию в надлежащем состоянии земледелия, составлявшего основу экономики Древнего Египта во все эпохи его исторического развития. Хозяйства египетских земледельцев не раздроблялись на мелкие осколки, но сохранялись как единые производственные комплексы. И при этом у них всегда был глава, объединявший под своим началом всех членов семьи, а нередко и нескольких семей в рамках одного большого хозяйства. Им становился, естественно, «старший сын». Таким образом, не прибегая к майорату, но обеспечивая всех детей долями в наследстве, египтяне достигали тех целей, которые в других странах считали возможным достичь только жестоким по отношению ко всем младшим детям порядком наследования в пользу исключительно старшего сына.

---

[1] Цит. по: *Gunn B.* Review: «Egyptian Letters to the Dead, mainly from the Old and Middle Kingdom» // The Journal of Egyptian Archaeology. 1930. Vol. 16. № 1/2 (May). P. 154.

Это обстоятельство объясняет, почему сложившийся в Египте в эпоху «Старого царства» порядок наследования оказался на редкость живучим и продолжал существовать во все последующие эпохи древнеегипетской истории.

Демотический правовой свод Гермополиса, составленный в правление Птолемея II Филадельфа, дал описание привилегий древнеегипетского «старшего сына» при наследовании отцовского имущества. Придумать эти привилегии в том виде, в каком они были изложены, законодателю или судье, составителю учебного руководства для судов, вряд ли было возможно. Очевидно, что указанный правовой свод всего лишь воспроизвел нормы египетского обычного права, касавшиеся наследования имущества. Уже само содержание этих норм выдает их старинное происхождение[1].

Из их описания в указанном правовом своде видно, что «старший сын» получал все отцовское имущество в порядке естественного наследования, другие же дети могли претендовать на доли в нем только в случае, когда отец делал на этот счет специальное распоряжение. Тогда «старший сын» был обязан выделить своим младшим братьям и сестрам доли. Но из всех наследников только он мог доказать свое право собственности на полученное по наследству имущество, ссылаясь на то, что оно принадлежало ранее его отцу. Другие наследники получали имущество непосредственно не от своего отца, но от «старшего брата», у которого соответственно должны были храниться все документы о наследовании.

Рассматриваемый правовой свод предусмотрел возможность назначения судом в особых обстоятельствах одной из дочерей в качестве главной распорядительницы наследственным имуществом с правом распределить его между своими братьями и сестрами. Однако соответствовало ли такое правило египетскому обычному праву, невозможно установить.

---

[1] «Нет никакого повода сомневаться, что эти положения могли, в общем и целом, быть спроектированы в более ранние эпохи», — пишет Крис Айр о нормах, закреплявших привилегии «старшего сына» в древнеегипетском порядке наследования (*Eyre C. J.* The Adoption Papyrus in Social Context // The Journal of Egyptian Archaeology. 1992. Vol. 78. P. 216).

Взгляд на наследственное имущество как на материальное обеспечение культа предков способствовал появлению в Древнем Египте уже в самую раннюю эпоху его истории, наряду с наследованием по обычаю и закону, наследственного порядка, похожего на наследование по завещанию. Родитель мог избрать любого человека на роль того, кто возьмет на себя заботу о его посмертной судьбе и передать ему по наследству часть своего имущества. Полученное таким образом наследственное имущество предназначалось для материального обеспечения погребальных церемоний и последующего ухода за могилой, поэтому распоряжение им носило ограниченный характер.

Надпись, обнаруженная в 1890 году в погребении Неконекха, управляющего дворцом царя V династии Менкаухора, правившего приблизительно в 2422–2414 годах до н.э., дает основание считать, что некоторые виды имущества вполне можно было уже тогда передавать в порядке наследования по завещанию. Неконекх получил от его величества два пожалования: храм Хатхора в Ройенете (Технехе) и могилу царского сановника Кхенуки. Главное их значение заключалось в должности жреца, учрежденной для управления храмом и надзора за погребением. Эту должность и занял Неконекх. Перед смертью он собрал своих детей и назвал в их присутствии наследника данного имущества и сопряженной с ним жреческой должности: на эту роль Неконекх назначил царского писца по имени Хенхатхор[1]. Подобным же образом, то есть фактически посредством завещания, смог распорядиться пожалованным ему имуществом и Сенуонекх, жрец Усеркары, царя VI династии, правившего примерно в 2337–2335 годах до н.э.[2]

У египтянина, занимавшего должность в государственном управлении, как правило, имелось имущество, привязанное к ней. А должность он мог передавать по наследству кому угодно. Вместе с должностью передавалось и сопряженное с ней имущество. Таким образом, действовавший относительно должности завещательный порядок наследования автоматически распространялся

---

[1] См.: Testamentery Enactment of Nekonekh // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 105.

[2] См.: Testamentery Enactment of Senuonekh, regulating his Mortuary Priesthood // Ibid. P. 106–107.

и на имущество. Отцовская же должность отходила, по обыкновению, к одному из сыновей. «Пусть моему сыну будет позволено наследовать мое положение»[1], — обращался тжати Птаххотеп к царю в преамбуле к своему «Поучению».

Египтянам не было чуждо понимание наследства и в другом его свойстве, а именно: как имущества, которое дает средства для существования их детей. На это указывает существовавший в Древнем Египте обычай распределять наследственное имущество таким образом, чтобы каждому из детей умершего досталась какая-нибудь доля. По словам американского египтолога Клауса Байера, «практикой египтян не являлась передача имущества только старшему сыну (it was not the practice of the Egyptians to entail estates), и в течение нескольких поколений большое имущество обыкновенно разделялось и подразделялось среди детей наследодателей»[2].

Запись судебной тяжбы, имевшей место в начальный период правления VI династии (примерно в XXIV в. до н.э.), на папирусе № 9010, который был обнаружен в Элефантине, а ныне хранится в Берлинском музее, показывает, что родитель мог передать все наследственное имущество не детям, а какому-либо постороннему человеку для того, чтобы он организовал за счет этого имущества все надлежащие для погребения церемонии и сделал необходимые жертвоприношения, а потом отдал бы его тем, кому оно причиталось в порядке наследования. В данном случае наследодателем выступил Усер, царский сановник, занимавший должность надзирателя за чужеземцами. После его смерти законные наследники принадлежавшего ему имущества — жена и дети — надеялись вступить в наследство. Однако человек по имени Себекхотеп предъявил документ, из которого следовало, что Усер передал ему все наследственное имущество с правомочием распоряжения им на время проведения необходимых погребальных церемоний и обрядов. А поскольку такие церемонии могли длиться довольно долго — от нескольких месяцев до года и больше, то было оче-

---

[1] The Maxims of Ptahhotep // The Literature of Ancient Egypt. An Antology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies and Poetry. Third Edition / Edited with an introduction by William Kelly Simpson. New Haven, London, 2003. P. 131.

[2] *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. № 1. P. 13.

видно, что интересы семьи умершего существенно ущемлялись его завещательным распоряжением. В связи с этим старший сын Усера Тжау, который унаследовал его должности, подал в суд иск о признании недействительной передачи отцом наследственного имущества Себекхотепу. Суд, рассмотрев дело, принял следующее решение: «Если вышеупомянутый Себекхотеп приведет троих добропорядочных свидетелей, хорошо знакомых с этим делом, и которые дадут клятву со словами: “Пусть твоя мощь будет против него, о боже!” относительно этого документа, который является отражением того, что вышеупомянутый Усер сказал по данному делу, то имущество останется в руках Себекхотепа, так как он привел троих свидетелей, которые могут сказать об этом деле, совершавшемся в их присутствии, что “вышеупомянутый Себекхотеп является бенефициаром”. Если он не приведет этих троих свидетелей, которые могут сказать об этом деле, совершавшемся в их присутствии, тогда все, что принадлежало вышеупомянутому Усеру, должно будет остаться с ним, но (скорее) останется с его сыном, царским сановником и надзирателем за чужеземцами, Тжау»[1].

В эпоху «Среднего царства» сохранялся в целом порядок наследования имущества, сложившийся в предыдущий период. Тексты завещаний, написанные на папирусах, обнаруженных в 1889 году в Кахуне, показывают, что наследодатель, как и прежде, связывал передававшееся имущество или с передаваемой должностью, или с какими-то похоронными обязанностями.

К первому из названных случаев относится завещание жреца по имени Мери и по прозванию Кеб в пользу своего сына по имени Антеф, прозванного Иусенбом, которое было составлено в 39 году правления первого царя XIII династии Аменемхета III (приблизительно в 1810 г. до н.э.). Кеб объявил в нем, что передал сыну свою жреческую должность. «Так как я становлюсь старым, — сообщил он далее в своем завещании, — пусть он с этого момента действует на ней. Что касается того титула на имущество, который я дал до этого его матери, то он отменяется; что касается моего дома на территории Хета…, он — для моих детей, рожденных

[1] A Dispute over an Inheritance from Elephantine // Texts from the Pyramid Age / by Nigel C. Strudwick / Edited by Ronald J. Leprohon. Atlanta, 2005. P. 186–187.

мне дочерью *amisa* из *kenbeti'n'u*»[1]. Далее называлось место расположения дома и добавлялось, что он передается «со всем находящимся в нем». В конце завещания был приведен список свидетелей, в чьем присутствии оно было составлено.

Второй случай передачи имущества по завещанию дает завещательное распоряжение жреца Анисенба Уаха. Он получил имущество от своего брата Анисенба Анкхрена в 44-й год правления Аменемхета III и примерно через шесть лет передал его своей супруге Схефту. «Пусть она отдаст его любому из своих детей, рожденному от меня, кому только пожелает, — записал Уах в своем завещании. — Я даю ей восточных рабов, четыре персоны, которых мой брат, посвященный служитель надзирателя за работами, Анкхрен, дал мне. Пусть она отдаст их тем из своих детей, кому желает. Что касается моей могилы, пусть меня похоронят в ней с моей супругой, не позволяя никому перемещать в ней землю. Далее, что касается жилища, которое мой брат, доверенный служитель надзирателя за работами, Анкхрен, построил для меня, то пусть моя жена обитает там, ссылаясь на мою персону, и не позволяя никому выселять себя оттуда». Ниже этой фразы другой рукой было приписано: «Это представитель Гебу, который пусть действует в качестве опекуна моего сына»[2].

Порядок наследования, который показывают древнеегипетские документы, относящиеся к эпохе «Нового царства», скорее всего, существовал еще во времена «Среднего царства», а возможно, и в более ранний период, но тогда он не отражался в надписях на монументах и в текстах на папирусах в таких подробностях, как в указанную эпоху. В его основании лежало деление семейного имущества на три категории: 1) имущество мужа, унаследованное им от своих родителей; 2) имущество жены, унаследованное ею от своих родителей; 3) совместное имущество мужа и жены, приобретенное во время брака, из которого 2/3 принадлежало мужу и

---

[1] Conveyance by Mery (Kahun, VII. 1) // Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (Principally of the Middle Kingdom). Text / Edited by F.L. Griffith. London, 1898. P. 29.

[2] Will of Uah (Kahun, I. 1) // Ibid. P. 31. Оригинальный текст «Завещания Уаха» опубликован в другом томе издания иератического папируса из Кахуна. См.: Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (Principally of the Middle Kingdom). Plates / Edited by F.L. Griffith. London, 1898. Pl. XII.

наследовалось после его смерти детьми, 1/3 — жене и оставалось после смерти мужа у нее[1].

Такое деление семейного имущества гарантировало женщине материальное содержание в случае смерти мужа и без включения ее в число наследников его имущества. И по правилу жена не могла за мужем наследовать (как, впрочем, и муж за ней). Законными наследниками имущества, принадлежавшего ее мужу, были только дети. Имущество жены также должно было переходить к детям. И если у жены не было ни сына, ни дочери, которым она могла бы передать свое имущество, то оно отходило к ее братьям и сестрам, то есть возвращалось в ту семью, откуда женщина пришла к мужу. Подобным же образом имущество мужа, если он умирал бездетным, наследовалось его братьями и сестрами, то есть не доставалось его вдове.

На практике складывались нередко ситуации, создававшие для женщины риск остаться после смерти мужа без средств существования. Такое положение могло, например, возникнуть в тех случаях, когда женщина получила небольшую долю в наследстве от своих родителей, а совместной собственности с мужем в сколько-нибудь солидном размере до его смерти нажить не успела. Египетское обычное право позволяло выходить из таких ситуаций, не нарушая общих правил наследования.

Муж имел возможность в случаях, если жена оставалась после его смерти без средств существования, поскольку вынуждена была отдать все имущество детям, включить в свое завещание оговорку, по которой наследственное имущество переходило к детям не сразу, а по истечении некоторого срока. Очевидно, что оно могло оставаться во владении супруги-вдовы до самой ее смерти

---

[1] На такое деление совместного имущества указывает завещательное распоряжение, сделанное женщиной по имени Наунакхте. Определяя в нем, кому из ее детей и что отойдет при наследовании, она называет среди них тех, которым ничего не достанется из ее доли в совместном имуществе: «они не будут принимать участия в разделе моей одной трети, — говорит она, — они будут участвовать только в двух третях своего отца» (*Černý J.* The Will of Naunakhte and the Related Documents //The Journal of Egyptian Archaeology. 1945. Vol. 31. P. 31). Текст завещания Наунакхте начертан на папирусе, который в начале 30-х гг. XX в. был куплен Элэном Гардинером. Он датируется временем правления Рамсеса V, правившего примерно в 1146–1142 гг. до н.э.

или до тех пор, пока проблема ее материального обеспечения не решалась каким-либо другим путем.

Еще более тягостная для вдовы ситуация могла возникнуть, если в момент смерти мужа у нее не оказывалось детей. Имущество покойного должно было перейти в этом случае по наследству к его братьям и сестрам, и никакой законной возможности противостоять их притязаниям вдова не имела.

Дошедшие до нас юридические документы Древнего Египта показывают, что египтяне были в состоянии найти изящный, то есть не нарушающий закона, выход из таких сложных положений. Об этом свидетельствует, в частности, завещательное распоряжение Ненуфер из среднеегипетского поселения Спермеру. Содержание указанного документа позволяет датировать его временем правления фараона Рамсеса XI, то есть первой половиной XI века до н.э.

Ненуфер не имела в браке детей, и ее муж Небнуфер, желая гарантировать жене на случай своей смерти материальное содержание, решил сделать ее законной наследницей всего их семейного имущества. Как ему удалось решить эту сложную проблему, поведала сама Ненуфер, в рассказе о своих наследственных делах, предварявшем текст ее завещания. «Небнуфер, мой муж, составив документ для меня, музыкантши (musician)[1] Сетекха Ненуфер, и сделал меня своим ребенком, и отписал мне все имущество, которым владел, не имея ни сына, ни дочери, кроме меня». Так начала женщина свой рассказ. Далее она привела слова из завещания мужа: «Все имущество, которое я приобрел вместе с ней, я завещаю Ненуфер, моей жене, и если <кто-либо> из моих братьев или сестер затеет спор с ней назавтра после моей смерти или позднее, и скажет: “Пусть доля моего брата будет отдана мне…”[2]. После приведенных фраз несколько знаков в тексте цитируемого документа оказались по какой-то причине пропущенными, и вслед за пропуском были указано, что данное завещание давалось перед свидетелями и были перечислены их имена.

---

[1] В переводе текста заявления Ненуфер, сделанном Евгением Круз-Урибе, она называется «храмовой певицей (chantress)». См.: *Cruz-Uribe E.* A New Look at the Adoption Papyrus // The Journal of Egyptian Archaeology. 1988. Vol. 74. P. 222.

[2] *Gardiner A. H.* Adoption Extraordinary // The Journal of Egyptian Archaeology. 1941. Vol. 26. P. 23–24.

Все вышеописанное произошло в первый год правления царя Верхнего и Нижнего Египта Рамсеса. Следующее событие, о котором Ненуфер рассказала в своем заявлении, случилось в восемнадцатый год правления Рамсеса XI, в десятый день первого месяца наводнения. В этот день Небнуфер и Ненуфер купили рабыню по имени Динихетири, которая родила впоследствии трех детей, одного мальчика и двух девочек. И Ненуфер взяла их на воспитание. Ко времени составления рассматриваемого заявления они подросли и, как отмечает Ненуфер, проживая с ней, не делали ей никакого зла. Своих детей у нее так и не появилось, а муж ее умер. Поэтому Ненуфер усыновила мальчика-раба и удочерила двух девочек-рабынь, и эти акты также были осуществлены для того, чтобы предоставить усыновленному и удочеренным детям статус наследников[1]. Когда же младший брат Ненуфер по имени Падиу перешел жить в ее дом и женился на своей старшей сестре Тааменне, то она усыновила и его, и тоже с целью предоставить ему право унаследовать ее имущество.

Последнее завещательное распоряжение Ненуфер гласило: «Как Аммон продолжает жить, так и фараон продолжает жить! Настоящим я делаю людей, имена которых здесь записаны, свободными людьми земли фараона, и если какой-либо сын, дочь, брат или сестра их матери и их отца начнут оспаривать их права, кроме Падиу, моего сына, — так как они на самом деле не являются больше ему слугами, но приходятся ему братьями и детьми, будучи свободными людьми земли фараона, пусть осел изнасилует их самих, их жен, если кто-либо из них назовет кого-нибудь их них слугой. И если мне принадлежат поля в стране, или если мне принадлежит какое-либо имущество в мире, или если мне принадлежат еще какие-нибудь вещи (?), все это следует разделить между четырьмя детьми с Падиу в их числе. И что касается тех дел, о которых я рассказала, они все целиком вверяются Падиу, моему сыну, который проживал со мной в то время, когда я была вдовой и когда мой муж умер»[2]. В конце данного завещания при-

---

[1] Сам по себе такой поступок не является необычным для египтян, ведь таким образом они приобретали тех, кто будет заботиться об их погребении и могилах. В данном же случае очень похоже на то, что дети рабыни Динихетири были рождены ею от мужа Ненуфер.

[2] *Gardiner A. H.* Adoption Extraordinary. P. 24.

водились имена свидетелей, присутствовавших при его составлении.

Сохранившиеся завещательные распоряжения, как, впрочем, почти все вообще древнеегипетские частные юридические документы, имеют одну особенность: их письменные тексты представляют собой записанные устные монологи тех или иных лиц, произносившиеся перед судьями или перед свидетелями. Завещание Ненуфер является в этом смысле вполне типичным по своему стилю документом такого рода. Скорее всего, достаточно распространенной была и отраженная в его содержании практика фиктивных усыновлений для решения наследственно-правовых проблем. Иначе трудно объяснить, почему Ненуфер столько раз и совершенно свободно прибегала к этой юридической фикции.

Не меньшее значение для понимания того, как древнеегипетский институт наследования функционировал на практике, имеет завещание Наунакхте, относящееся к 40-м годам XII века до н.э. Из его текста видно, что завещательное распоряжение делалось наименованной женщиной перед судом из четырнадцати человек, в состав которого входили: два главных работника, два писца, два чертежника, шесть простых рабочих и два окружных чиновника. Все они были заняты на работах по возведению царского погребения. По мнению Ярослава Черни, «это был еще маленький суд, вероятно, соответствовавший частному характеру дела»[1].

Наунакхте была женщиной преклонного возраста, нуждавшейся в уходе, что она и не скрывала в своем завещании. Она была дважды замужем: от первого мужа детей не имела, но от второго мужа у нее было восемь детей: четыре сына — Маайнакхтет, Кенхикхопшеф, Аменнакхт и Неферхопт — и четыре дочери — Уоснакхте, Маненакхте, Хеншене и Кхануб. Между ними ей и надлежало разделить наследственное имущество. И как же она его делила?

«Но смотрите, — говорила Наунакхте судьям и детям, — я становлюсь старой, и смотрите, они не заботятся обо мне, как я заботилась о них. Кто мне помогал, тому я и отдам свое имущество, (но) кто ничего мне не отдавал, тому я не отдам свое имущество»[2].

---

[1] *Černý J.* The Will of Naunakhte and the Related Documents // The Journal of Egyptian Archaeology. 1945. Vol. 31. P. 42.

[2] Ibid. P. 31.

После этого сообщения она перечислила имена четверых детей, которым решила дать наследственные доли из своего имущества, составлявшего одну треть из совместного с ее вторым мужем имущества. В это число вошли все ее сыновья. При этом Наунакхте особо выделила Кенхикхопшефа. «Я дала ему в качестве специальной награды (?) бронзовую раковину для мытья посуды и вдобавок — десять мешков пшеницы эмма»[1]. Кенхикхопшеф явно был избран своей матерью на роль «старшего сына» — распорядителя наследственным имуществом.

Из всех дочерей Наунакхте решила дать наследственную долю из своего имущества только Маненакхте. Остальным дочерям она заявила, что они не будут участвовать в наследовании ее имущества, но унаследуют лишь то, что им причитается из отцовской собственности. Можно догадаться, что дочери лишились наследования из имущества своей матери по той лишь причине, что плохо выполняли свою основную обязанность — не заботились о ней надлежащим образом. Наунакхте не могла лишить их долей в имуществе мужа, поскольку, согласно египетским обычаям и законам, участие в разделе наследованного имущества отца являлось неотъемлемым правом всех его детей.

Юридические документы эпохи «Нового царства» показывают, что в египетском наследственном порядке этого времени попрежнему главным принципом распределения наследства было правило, выражавшееся в формуле: «Пусть имущество отдается тому, кто хоронит».

«Булакский папирус» зафиксировал спор о родительском наследственном имуществе между детьми женщины по имени Тгеми. При его разбирательстве было установлено, что только один сын из них принимал участие в погребении своих родителей. Он и получил все имущество по наследству. Однако его братья (а возможно, и сестры) обратились в суд и судились очень долго, причем, как следует из указанного документа, уже с сыном своего брата, который говорил судьям: «Но смотрите, дети госпожи Тгеми оспаривают это сегодня, чтобы востребовать ее имущество. Но они не хоронили своего отца и не хоронили ее, но до сих пор все еще требуют ее имущества, хотя они не хоронили вместе с моим

---

[1] *Černý J.* The Will of Naunakhte and the Related Documents // The Journal of Egyptian Archaeology. 1945. Vol. 31. P. 31.

отцом, когда он хоронил своего отца и свою мать. “Пусть имущество отдается тому, кто хоронит”, — гласит закон фараона»[1].

Другой пример — запись, похожая на текст иска, выражающего притязание египтянина по имени Сиваджи, похоронившего свою мать госпожу Тенхаси без помощи своих братьев и сестер, на все наследственное имущество матери. К иску прилагался список понесенных им расходов и просьба к судье: «Мой господин, прими это во внимание, чтобы вся ее доля была отдана мне, потому что я заботился о ней, когда она умерла»[2].

Выраженное в завещании Наунакхте стремление престарелой женщины увязать распределение долей из своего имущества между наследниками со степенью их заботы о ней было настолько распространенным в Древнем Египте, что его вполне можно считать традицией. Надпись на стеле, обнаруженной в 1938 году при раскопках храма Аммона в древнеегипетском административном центре Западная Амара (Amārah West), зафиксировала соглашение матери, сына и дочери, по которому «мать и сын отказываются от всех притязаний на отцовское имущество (отец, очевидно, умер) в пользу дочери на условии, что последняя будет поддерживать свою мать в ее старости»[3].

Сформировавшиеся в течение III и II тысячелетий до н.э. на основе религиозных традиций, норм обычного права и частично законов правовые основы древнеегипетского наследования сохранялись на протяжении всего первого тысячелетия до н.э.

§ 3. Правовые формы земельных отношений

Документальные материалы, отражающие экономическую жизнь Древнего Египта в первые два тысячелетия существования

---

[1] Papirus Bulaq X recto // *Janseen Jac. J. and Pestman P. W.* Burial and Inheritance in the Community of the Necropolis Workmen at Thebes (Pap. Bulaq X and O. Petrie 16) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1968. Vol. 11. № 2 (Jun.). P. 140.

[2] O. Petry 16 (Hier. Ostr. 21. 1) // Ibid. P. 153.

[3] *Fairman H. W.* Preliminary Report on the Excavations at Sesebi (Sudla) and Amārah West, Anglo-EgyptianSudan, 1937–8 // The Journal of Egyptian Archaeology. 1938. Vol. 24. № 2 (Dec.). P. 155.

его государственности, дают лишь отрывочные и весьма скудные сведения о том, как осуществлялось в этой стране правовое регулирование имущественных отношений. Основная масса дошедших до нас древнеегипетских правовых узаконений и судебных решений, касавшихся имущественных отношений, а также документов, оформлявших вещные права и сделки, относится к первому тысячелетию до н.э. При этом бóльшая их часть приходится на период правления в Египте династии Птолемеев.

Тексты надписей, относящихся к эпохе «Старого царства», показывают, что значительное количество земельных угодий находилось в распоряжении царей, сановников и храмов. Но основную массу землевладельцев составляли простые египтяне, сами обрабатывавшие свои поля.

На характер правового регулирования земельных отношений в Древнем Египте большое влияние оказывала зависимость египетского земледелия от разливов Нила. Уровень воды в реке ежегодно варьировался: соответственно менялись размеры и качество засеваемых зерновыми культурами полей. Это не могло не порождать частых и многочисленных споров между землевладельцами. Но очевидно, что царское законодательство не могло стать в этих условиях сколько-нибудь эффективным инструментом их урегулирования: наиболее подходящим средством упорядочения земельных отношений неизбежно становились в данном случае обычаи и местные общинные объединения. В оттоманском Египте, отмечает Кристофер Айр, вследствие зависимости земледелия от наводнений нормой был «коммунальный стиль земельного держания»[1]. О социальной организации простых землевладельцев в Древнем Египте почти не сохранилось сведений, но можно предположить, что в древности в этой стране действовал такой же способ регулирования земельных отношений, какой существовал в Средние века, то есть опирающийся на местные обычаи и общинные объединения.

Должностные лица государственного управления, получавшие земельные участки от монархов в качестве вознаграждения за службу, тоже не были свободны в распоряжении ими. Их вещные права оказывались в данном случае привязанными к их должности.

---

[1] *Eyre Ch. J.* Peasants and «Modern» Leasing Strategies in Ancient Egypt // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1997. Vol. 40. № 4. P. 378.

Ограниченный характер носило и распоряжение земельными участками, которые предоставлялись царями для возведения культовых сооружений — храмов, пирамид, обыкновенных погребений, стел и т.д.

Обремененность прав на недвижимость личными, семейными, общинными, служебными обязательствами препятствовала развитию торговли земельными участками и домами. Тем не менее, случаи их продаж имели место, причем с самого начала эпохи «Старого царства». Об этом свидетельствует, например, надпись, обнаруженная археологами в одном из погребений времен правления IV династии, которая гласит, что сановник по имени Метжен «получил за эквивалент поле размером 200 аруров[1]…»[2]. Другая надпись, датируемая более поздним временем, содержит сообщение: «Я получил этот дом за эквивалент у писца Tntj, после чего дал ему за это 10 sn.tj»[3]. Из смысла этих фраз очевидно, что выражение «получил за эквивалент» означает «купил».

Джеймс Брэстед привел в своем собрании «Древних документов Египта» надпись из могилы Сенени, жреца времен правления царей VI династии Пепи I, Мернеры и Пепи II. Некоторые фразы в ней оказались стертыми, но те, которые сохранились, американский египтолог прочитал следующим образом: «Что касается этого поля, которое я передал…, которое я отдал моей возлюбленной жене Диснек, [это ее] подлинное [владение. Что касается каких-либо лиц], которые отберут его у этой Диснек, они будут…[4] за это великим богом, господином небес, и я схвачу их [подобно] дикой птице, я [теперь] … и превосходный дух»[5]. В надписи не были на-

---

[1] Один арур составлял примерно 2756,25 кв. м. или 0,275 га.

[2] Оригинальный текст приведенной надписи опубликован в сборнике документов «Старого царства», составленном Куртом Зете. См.: Urkunden des Alten Reichs. Bd. 1 / Bearbeitet von Kurt Sethe. Leipzig, 1932. S. I. 2. 8. Ее английский перевод дается в книге: *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leiden-Köln, 1975. S. 116.

[3] Цит. по: *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. S. 116.

[4] Утраченное слово обозначало какое-то наказание.

[5] Conveyance of Land by Idu, called also Seneni // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 155.

званы ни местоположение подаренного поля, ни его размер. Но из ее содержания очевидно, что земельный участок, о котором здесь идет речь, принадлежал исключительно Сенени.

Приведенные тексты о покупке и дарении земли показывают, что такие сделки совершались, как правило, писцами или жрецами, то есть лицами, которые не являлись землевладельцами. Есть основания считать, что именно в их среде впервые зародились представления о том, что земля может являться индивидуальной собственностью и быть объектом торгового оборота.

От периода политической раздробленности, наступившего после распада государства эпохи «Старого царства», сохранились надписи, свидетельствующие, что право собственности на землю, полученную по наследству от отца, оформлялось документами. Так, на стеле в Западных Фивах было начертано: «Я скрепил печатью (документ) на большое поле, отошедшее мне в качестве доли из отцовского владения»[1].

Надписи, относящиеся ко времени правления XI и XII династий, показывают, что в тогдашнем Египте распространенным явлением были пожалования царями земельных угодий сановникам за службу[2].

В эпоху «Среднего царства» получила развитие практика сдачи индивидами своих земельных участков в аренду, причем, как показывает содержание документов, без всякого разрешения со стороны властей[3]. Это означает, что вещные права получили к тому времени более определенное выражение, а правомочия индивидов по распоряжению землей приблизились к полномочиям собственника. В египетском обществе появились предприниматели, которые стали получать доход за счет передачи земельных участков в аренду и, с другой стороны, такие земледельцы, которые считали вполне выгодным арендовать землю.

---

[1] Цит. по: *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. S. 156.

[2] См.: Вольфганг Хельк полагает, что в данном случае возникала форма землевладения, похожая на европейский средневековый лен. См.: Ibid. S. 157–158.

[3] См.: *Jasnow R.* Egypt. Middle Kingdom and Second Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. P. 277.

Об этом свидетельствуют обнаруженные в сезоне 1921–1922 годов в погребальном комплексе тжати Ипи в Фивах американским египтологом Гербертом Уитлоком четыре письма и три отчета, написанные Хеканакхте, слугой тжати Ментухотпа I по имени Ипи. Все эти документы датируются периодом между маем и октябрем восьмого года правления Ментухотпа II (приблизительно 2002 г. до н.э.)[1]. Наиболее ценные сведения содержатся в двух письмах, написанных Хеканакхте к своим домочадцам в Небесит, располагавшийся немного южнее Фив[2], и в коротком письме-сообщении к надзирателю за дельтой Нила по имени Хрунуфе[3].

В первом из своих писем, адресованных сыну Мерису, Хеканакхте писал: «Что касается всего того, что получится в результате прихода воды на наши поля, именно тебе следует их тщательно обработать и всем моим людям делать то же вместе с тобой. Я возлагаю на тебя ответственность за это. Будь энергичным в обработке земли! Будь внимательным! Мои семена должны быть сохранены; вся мое имущество должно быть сохранено. Я возлагаю на тебя ответственность за это. Заботься о моем имуществе»[4]. Далее Хеканакхте поручал сыну найти десять аруров земли, которую можно арендовать для посевов пшеницы, и столько же земли, чтобы взять в аренду для выращивания ячменя.

Содержание писем показывает, что в Египте того времени, в регионе, прилегавшем к Фивам, для земледельца среднего достатка

---

[1] См. публикацию этих документов в английском переводе: The Hekanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents / Edited by T. G. H. Jame. New York, 1962. По словам Клауса Баера, «два письма, которые Хеканакхте послал своей семье, не имеют параллелей в Древнем Египте как из-за света, который они проливают на личность старого земледельца, жившего в конце 2002 г. до н.э., так и потому, что дела, обсуждаемые в них, очень интересны. Они являются в действительности единственным источником по египетской агрокультуре до Нового царства и единственными сохранившимися текстами от Древнего Египта, которые представляют точку зрения скорее земледельца, чем администратора и вельможи» (*Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. № 1. (Jan.–Mar.). P. 1.

[2] Полные тексты этих двух писем опубликованы Клаусом Баером в статье: *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family. P. 2–9.

[3] Четвертое письмо было написано Хеканакхте к своей матери по имени Ситнебсекхту.

[4] Letter I // *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family. P. 2–3.

в случае, когда состав его семьи позволял обрабатывать больше земли, чем у него имелось ее, выгоднее было не покупать землю, но брать земельные участки в аренду. Почему? Ведь покупка земли была довольно легким делом. По словам Клауса Баера, «индивиды могли покупать землю в тот период, по крайней мере в той мере, в какой это было законно, так же легко, как и в течение Старого царства или позднего Среднего царства, для которого частная собственность на пахотную землю вполне документирована»[1]. Думается, самое вероятное объяснение поведению Хеканакхте, который, имея средства на покупку земли, предпочитал брать ее в аренду, заключается в рискованности египетского земледелия, зависевшего от разливов Нила. При таком положении вложенные в покупку земельного участка средства могли не окупиться. Аренда оказывалась более надежным предприятием, гарантировавшим получение дохода, хотя и меньшего, чем при обработке собственной земли. При этом наиболее целесообразным сроком аренды считался один год — от разлива до разлива Нила.

Письма Хеканакхте показывают, что древнеегипетские земледельцы среднего достатка более выгодным для себя считали в его время накапливать богатство не земельными угодьями, но серебром, зернами пшеницы, маслом, скотом. Такое поведение диктовалось, по всей видимости, нежеланием состоятельных земледельцев привлекать к накопленным ими материальным ценностям внимание властей. В случае покупки земледельцами новых земельных участков этого было бы не избежать, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Распространение в сфере землепользования арендных отношений размывало общинные узы в распоряжении землей и стимулировало развитие индивидуальной собственности на земельные участки. Но больше всего этому способствовало становление в Древнем Египте системы налогообложения, привязанной к земельным участкам. Государственная власть была заинтересована в закреплении их за отдельными индивидами, поскольку это облегчало сбор налогов[2].

---

[1] Letter I // *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family. P. 12–13.

[2] См.: *Jasnow R.* Egypt. Middle Kingdom and Second Intermediate Period. P. 277.

Однако, с другой стороны, неразвитость товарно-денежных отношений в древнеегипетском обществе, отсутствие чеканки монет препятствовали широкому развитию практики торговли землей. Земельные участки чаще всего становились в этих условиях предметом не купли-продажи, а обмена.

В качестве примера здесь можно привести документ о сделке с землей, начертанный иератикой на одном из папирусов, хранящихся в Берлинском музее[1]. Его первые фразы похожи на преамбулу контракта. Из них видно, что он был составлен во второй год правления Аменхотепа IV. Основной же текст документа более похож на сообщение о свершившейся сделке, чем на статьи контракта. В нем говорится: «Сегодня вновь обратился Небмехи к Месуа, главе пастухов рогатого скота, [говоря]: “Дай мне одну корову как цену 3-х аруров поля”[2]. Тогда Месуа [дал] ему корову, [что] составляет ½ *дебен*[3], перед многими свидетелями: перед Яхмесом и сыном его Небамоном, перед Ичучу и его сыном Иуфанхом, перед Хаи, перед Нану». После этих слов стоит пометка: «Составлено писцом Чучу в этот день»[4].

О характере древнеегипетского землевладения, сложившегося в эпоху «Нового царства», можно судить на основании записанного на папирусе Уилбуа кадастрового обзора полей в долине Нила, протяженностью около 150 км: от окрестностей современного го-

---

[1] Фотография папируса и весь начертанный на нем текст были опубликованы в 1906 г. Элэном Гардинером. См.: Four papyri of the 18th Dynasty from Kahun. By Alan IL Gardiner // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde. Mit Unterstützung der deutschen morgenlandischen Gesellschaft / Herausgegeben von A. Erman und G. Steindorff. Bd. 43. Leipzig, 1906. S. 31.

[2] См. о стоимости земельных участков в Древнем Египте статью: *Baer K.* The Low Price of Land In Ancient Egypt // Journal of the American Research Center in Egypt. 1962. Vol. 1. P. 25–45.

[3] «Дебен» — мера веса серебра. По словам Клауса Баера, «в Новом царстве копия Книги Мертвых стоила 1 дебен серебра, сумму, которая только при чрезвычайной инфляции зерновых цен в конце правления XII династии упала сильно меньше половины годового дохода умелого работника» (*Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer’s Letters to His Family. P. 17).

[4] Копия контракта, заключенного главой пастухов Месуа с Небмехи о покупке поля // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 171–172.

рода Эль-Минья до Фаюма[1]. Все содержание этого обзора, датируемого четвертым годом правления Рамсеса V (приблизительно 1142 г. до н.э.), изложено в двух обширных документах: один из них дает описание земель, принадлежавших царю и храмам, с указанием размера получаемого с них налога. Другой описывает царские земли, переданные в пользование различным должностным лицам, с обозначением имени и титулов каждого из них[2].

Из этих описаний видно, что на полях, принадлежавших царю, храмам и сановникам, трудилось большое число мелких землевладельцев, арендовавших у них земельные участки. При этом очевидно, что аренда не была безвозмездной. Таким образом, получалось, что права царя, храмов и сановников на земельные угодья сводились в сущности к праву получения налогов и доходов с производителей, которые их обрабатывали и которые являлись настоящими их держателями.

Зафиксированный указанными кадастровыми описаниями факт наличия в распоряжении храмов огромных массивов земель во многом позволяет объяснить возвышение древнеегипетского жречества в древнеегипетском обществе во времена, последовавшие за эпохой «Нового царства». На правовом регулировании земельных отношений эта перемена сказалась самым непосредственным образом.

В эпоху «Новейшего царства», в X веке до н.э., в условиях, когда верховная государственная власть ослабла и резко возрос политический вес жрецов, сделки с землей стали все чаще удостоверяться в храмах.

Одним из наиболее интересных свидетельств этому являются две надписи: на стене и на поверхности десятого пилона храма Аммона в Карнаке. В первой из них описывается обращение дочери последнего фараона XXI династии Псусенна II, которую звали именем, звучавшим примерно как «Мааткаре», к богу Аммону, к его супруге Мут и к их сыну Кхонсу с просьбой подтвердить ее право собственности на земельные угодья, приобретенные покупкой. Во второй надписи рассказывается о таком же случае, но про-

---

[1] Данный папирус хранится ныне в Бруклинском музее.

[2] См.: The Wilbour Papyrus / Edited by Alan H. Gardiner. Vol. 1. Oxford, 1941. В начале данной книги сообщается, что ее издание посвящено памяти американского египтолога Чарльза Эдвина Уилбуа (*Charles Edwin Wilbour*, 1833–1896).

исходившем с женщиной по имени Хентоуе, отец которой был, по всей видимости, чиновником, жрецом и писцом.

Согласно тексту этой надписи она обращалась к богу Аммону со следующими словами: «Мой добрый господин, что касается указа, который Аммон-Ра, царь богов, издал относительно частных полей, которые Хентоуе получила покупкой в регионе пахотной земли нома…»[1]. Название нома и ряд других слов в рассматриваемой надписи оказались стертыми, однако основное ее содержание сохранилось и из него видно, что Хентоуе опасалась непризнания ее сделки другими людьми и оспаривания со стороны кого-либо. Бог Аммон, богиня Мут и бог Кхонсу через посредство оракула подтвердили законность данной сделки и обещали женщине, купившей землю, свою защиту[2].

Что же касается Мааткаре, то, как показывает содержание надписи, боги ответили ей, через посредство оракула: «Мы убьем всех людей любого рода целой страны, будь они мужчинами или женщинами, если они будут оспаривать какое-либо имущество, [которое Мааткаре, дочь царя Псусенна приобрела покупкой] в южной стране, вместе с вещами каких бы то ни было родов, которые люди той страны продали ей»[3].

Элэн Гардинер, изучавший рассматриваемые надписи, отметил в статье, посвященной их переводу и анализу: «То, что Хентоуе получила, по крайней мере, часть своих владений посредством покупки, ясно из применения недвусмысленного глагола “swn”, не может быть никакого сомнения в том, что “in m snnw” (в надписи) Мааткаре орфографически ошибочный вариант той же самой фразы»[4]. Таким образом, в эпоху «Новейшего царства» в египетском языке существовал уже и особый термин для обозначения покупки земли. Это означает, что продажи и покупки земельных участков стали вполне распространенным в древнеегипетском обществе явлением.

---

[1] Цит. по: *Gardiner A.* The Gods of Thebes as Guarantors of Personal Property // The Journal of Egyptian Archaeology. 1962. Vol. 48. P. 60.

[2] Цит. по: Ibid. P. 61–62.

[3] Цит. по: Ibid. P. 67.

[4] Ibid. P. 65. См. об этом также в книге: *Kitchen K.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 BC). Westminster, 1986. P. 284.

При этом следует отметить, что правовые формы земельных отношений на всем протяжении истории Древнего Египта оставались весьма расплывчатыми. Право собственности не отличалось от владения настолько, чтобы эти правовые формы можно было отличить одну от другой. Для их обозначения в древнеегипетском языке так и не сложилось четких терминов. Более того, в демотике, которая была более приспособлена для выражения юридических категорий по сравнению с иератикой и тем более с иероглификой, право собственности и владение назывались одним и тем же термином. Между тем право индивидуальной собственности на землю, безусловно, существовало в Древнем Египте: на это указывают хотя бы факты продаж земельных участков. Отсутствие четких терминов для обозначения той или иной правовой формы не всегда свидетельствует о ее отсутствии: причины неразвитости понятийного и терминологического аппарата могут быть связаны со сложившимися в том или ином государстве особенностями правового регулирования имущественных отношений.

В Древнем Египте верховная государственная власть вмешивалась в регулирование земельных отношений только для того, чтобы обеспечить сбор налогов и доходов с землевладельцев и земледельцев в необходимом количестве, а также гарантировать регулярное поступление их в государственную казну. Поэтому ее регулирующая функция сводилась в целом лишь к надзору за производством и распределением сельскохозяйственной продукции, поддержке производителя, если она требовалась. Цари держали огромный штат служащих, собиравших сведения о земельных участках, их размерах, плодородии, о видах выращиваемой на них продукции, ее количестве и т. д. Все эти сведения необходимы были монархам исключительно для того, чтобы знать, какое количество налогов и доходов можно будет собрать с земельных угодий страны. Вопрос о том, кому принадлежат те или иные земельные участки, интересовал властителей только для того, чтобы знать, с кого получать налоги или доходы. Очевидно, что для этого достаточно было определить, кто получает в свое распоряжение урожай с подлежащих налогообложению земельных участков, и не было никакой необходимости разбираться в правовых основаниях пользования ими.

В этих основаниях вынуждены были разбираться судьи, решавшие споры между индивидами по поводу земельных участков,

но интересы верховной государственной власти эти споры не затрагивали — земля ведь не оставалась без хозяина. Поэтому цари не предпринимали в своих законах попыток установить четкие правовые формы земельных отношений, отдавая регулирование земельных отношений местным властям и признавая приоритетную юридическую силу в этом вопросе за обычаем.

Развитию правовой терминологии препятствовала практика заключения договоров о продаже или передаче земли в аренду в устной форме. Сохранившиеся от времен, предшествовавших эпохе эллинистического государства, древнеегипетские документы о таких продажах и передачах являются по своему содержанию скорее сообщениями о свершившейся сделке, нежели контрактами как таковыми. Ситуация несколько изменилась при Птолемеях. Но их так же, как и предшествовавших им египетских фараонов, заботило в сфере земельных отношений лишь одно: чтобы земля не оставалась бесхозной и всегда было кому платить с нее налоги. По словам Джозефа Мэннинга, «вполне определенная концепция частной собственности, обнаруживаемая в демотических сделках продажи земли, имеет поэтому долгую историю предыдущего юридического развития. К началу птолемеевского периода египетское право частной собственности, обнаруживаемое в контрактах продажи и уступки, в большинстве отношений похоже на “блэкстонскую” титулатуру прав на землю[1]. Но такие права часто не были в полной мере индивидуализированы, права на землю оставались встроенными в семейные, так же как и в местные институты. В самом деле, большинство документальных свидетельств от фараонского периода предполагают, что долговременная аренда или долговременное право владения, подчиненное правительственным требованиям, являлось нормальным держанием земельного участка»[2].

К настоящему времени египтологами обнаружено более сорока папирусов с зафиксированными на них документами о передаче земли в аренду. Пять из них относятся к периоду правления Кушитской (эфиопской) династии — от середины VIII до сере-

---

[1] Имеется в виду перечень вещных прав, данный английским правоведом Уильямом Блэкстоуном (1723–1780).

[2] *Manning J. G.* Land and Power in Ptolemaic Egypt. The Structure of Land Tenure. Cambridge, 2003. P. 196.

дины VII веков до н.э., семь из найденных такого рода документов происходят из времени правления Амасиса II (570–526 гг. до н.э.), один — от периода персидского владычества, два остались от времени правления фараона XXIX династии Хакора (392–380 гг. до н.э.), двадцать три — от эпохи правления Птолемеев. Между тем многие факты свидетельствуют о том, что аренда земельных участков была в I тысячелетии до н.э. довольно распространенным явлением в Древнем Египте[1]. «Аренда земли является старинной особенностью демотического права, — отмечает Джозеф Мэннинг, — но любопытно, птолемеевские демотические аренды земли были впервые документированы в Нижнем Египте в 190 году до н.э. и в Верхнем Египте только в 178 году до н.э.»[2]. Конечно, бóльшая часть древнеегипетских документов погибла по разным причинам, многие еще не обнаружены, и с этой точки зрения вывод американского египтолога о том, что аренда земли по египетскому праву в Египте Птолемеев не документировалась более ста лет после начала правления этой династии, кажется излишне категоричным. Но в пользу данного факта говорит и отсутствие в египетском языке достаточно четких терминов и формул для надлежащего документального оформления аренды земли.

Но самое главное, сохранившиеся древнеегипетские документы до-птолемеевской эпохи не имеют формы письменных контрактов, а напоминают скорее всего просто сообщения о состоявшейся передаче земли в аренду. Поэтому в них не указываются ни точный размер переданного в аренду земельного участка, ни его границы, ни срок аренды. Такое могло быть только при устной форме договора об аренде. С другой стороны, известно, что в Древнем Египте существовала практика регистрации или удостоверения всех договоров о передаче недвижимости в храмах. Возможно, при этом и указывались все необходимые для их заключения сведения.

Как бы то ни было, документы об аренде земельного участка, составлявшиеся в Египте в период правления Птолемеев, начиная со II века до н.э., содержали указания и на его размер, и на его гра-

---

[1] «Аренда земли была очень распространена в Египте; она давала землевладельцу гибкость и была эффективным способом эксплуатации разрозненных держаний» (ibid. P. 198).

[2] Ibidem.

ницы, и определяли срок действия арендных отношений. Как правило, в соглашениях об аренде между частными лицами он составлял один год и обозначался формулой: «от воды года такого-то до воды года такого-то». Царские же земли передавались в аренду частным лицам на длительный срок.

Кроме того, при документальном оформлении передачи земли в аренду фиксировалась и плата за аренду: она могла устанавливаться в денежной сумме, или в виде четко определенного количества зерна, или в качестве доли от урожая, который делился в таком случае обыкновенно в следующей пропорции: одна треть его объема отходила арендодателю, две трети — арендатору.

При установлении порядка оплаты аренды ориентировались на местные египетские обычаи. В регионе Фаюм и на территории Среднего Египта в обычае была предварительная оплата аренды. Аренда на таких условиях называлась «*продоматической*». Там, где оплата устанавливалась в виде доли от всего объема урожая, она передавалась арендодателю после сбора урожая. Вероятно, были и такие условия аренды, когда плата за нее отдавалась по окончании арендного срока.

Дошедшие до нас от Птолемеевского Египта тексты договоров о передаче земли в аренду различаются и объемом и формулировками статей, но определенный набор договорных условий был общим для всех документов такого рода. Среди них особый интерес представляет изложенный на демотическом египетском языке, объемом в тридцать две строки, договор об аренде, который был заключен приблизительно в 190 году до н.э. между египтянином Петесукхосом и греком Гераклеидесом. Первый публикатор этого контракта Керри Мартин назвал его «самой интригующей демотической арендой земли (most intriguing demotic land lease)»[1].

В преамбуле контракта, как у всех документов такого рода, называлась дата его составления, а именно: год правления царствующего фараона (в данном случае Птолемея Эпифана) с указанием

---

[1] *Martin C. J.* A Demotic Land Lease from Philadelphia: P. BM 10560 // The Journal of Egyptian Archaeology. 1986. Vol. 72. P. 159. В начале названной статьи К. Мартин сообщает, что папирус с текстом рассматриваемого контракта «был приобретен доверенным лицом от Британского музея в 1922 г. у Герьерта Томпсона, который рассказал, что он был обнаружен в Дарб-эль-Герза (Филадельфия)».

имен его предков и месяц (месори), в котором было заключено соглашение. Далее шел основной текст контракта:

«Петесукхос, сын Херие уса, иначе прозываемый (имя невозможно прочитать), его мать — (имя на египетском языке), — земледельцу Гераклеидесу, сыну Каллистратоса, его мать — Коллутес.

Я передаю тебе в аренду 3 (арура) земли… в области [храма] Аммона вышеупомянутого города, границы которой следующие: [на юге] — путь [фараона; на севере] — храмовая область Анубиса; на востоке — [канал]; на западе — область храма Гармотниса. Таковы границы вышеупомянутых земель.

Ты должен обеспечить их скотом и пахотными орудиями, и ты должен выполнить все задачи по возделыванию земли своими пахотными орудиями свободного человека… от 15 года [месяца] месори[1] до 16 года [месяца] эпифи[2], делая посев один год. Ты должен выплатить мне ренту за вышеупомянутые земли в размере 1⅓ артабы[3] пшеницы за один арур земли, насчитывающую в целом 4 артабы. Половина от них — 2 [артабы], считая от 4 (артабы) пшеницы. Годовая рента за вышеупомянутые 3 (арура) земли (должна быть) вся из семенного зерна, которое должно быть чистым, настоящим и измеряться мерой, принятой фараоном и [его gst], оно должно быть качественным (и) привезено (и) передано мне, в моем доме, который находится (в) Филадельфии, (в) 16 год, [месяц] пакхонс[4] (или) паини[5], обязательно и без отсрочки. Что же касается семенного зерна, составляющего ренту, то если (ты) не передашь его мне (в) упомянутое [время] передачи, ты должен будешь передать его в количестве, увеличенном наполовину, в месяц после согласованного месяца, обязательно и без отсрочки. Ты должен будешь дать мне 2 артабы пшеницы и половину от нее —

---

[1] Месяц месори начинался примерно 25 июля по нашему календарю.

[2] Начало месяца эпифи соответствует примерно 25 июня по нашему календарю.

[3] Артаба — египетская мера для сыпучих и жидких тел, составлявшая примерно 40 литров.

[4] Данный месяц назван в честь бога Луны Кхонсу. Его начало соответствует примерно 25 апреля по нашему календарю.

[5] Начало месяца древнеегипетского паини соответствует примерно 25 мая по нашему календарю.

1 артабу, считая от 2 артаб, подлежащих востребованию. Когда я получу их от тебя, мое сердце будет удовлетворено вместе с ними, полученными полностью, без какого-либо остатка. [Я должен] взять их и зачесть их на твой счет в пределах вышеупомянутых дней вышеупомянутого одного года.

Если же я заберу назад у тебя вышеупомянутые земли (или) если какой-либо человек в мире отстранит тебя от них, я заставлю его держаться подальше от тебя. Если я не заставлю его держаться подальше от тебя, я дам тебе 100 (дебен) серебра, считая половину от этого 50 (дебен) серебра, в один из пяти тех дней, в которые я не буду заставлять его держаться подальше от тебя, я выплачу это обязательно и без отсрочки. Тебе следует потребовать от меня [заставить] его держаться от тебя подальше в упомянутый выше год.

Все, что является моим, и что я приобрету, (составляет) гарантию соблюдения мною твоих прав по упомянутой аренде. Я не в состоянии буду сказать: "Я действовал в согласии со всем вышеупомянутым"[1] в то время, когда между нами стоит аренда[2]. Ты можешь требовать, чтобы я исполнял свои обязанности в соответствии со всем вышеупомянутым, обязательно и без отсрочки.

Я должен буду освобождать тебя в упомянутое выше время от любого требования со стороны фараона, касающегося [полей].

Вышеупомянутый Гераклеидес говорит вышеупомянутому Петесукхосу, сыну Херие уса. Ты дал мне в аренду 3 (аурура) земли (в) упомянутой выше области храма Аммона. Я должен буду выплатить тебе ренту в соответствии с тем, что выше записано. Если я оставлю вышеупомянутые земли, отказавшись работать на них в упомянутое выше время, я выплачу тебе ренту в соответствии с тем, что выше записано, обязательно и без отсрочки.

Они, два [вышеупомянутых] человека говорят единодушно: "Все и каждая вещь, которая является нашей, вместе с тем, что мы приобретем, (составляет) гарантию соблюдения прав по [вышеупомянутой] аренде". Мы будем не в состоянии сказать: "Это аренда, условия которой изменились (в течение) года". Мы не в состоянии будем сказать: "Мы действовали в соответствии со всем вышеупомянутым" в то время, когда между нами стоит аренда.

---

[1] В данном случае арендодатель имеет в виду то, что текста договора, показывающего ему его обязанности, не будет в его руках во время его действия.

[2] То есть действует соглашение об аренде.

Один из нас имеет требование относительно другого действовать в соответствии со всем вышеупомянутым, обязательно и без отсрочки.

Записано Пе[тебастисом], сыном Аменнеуса»[1].

Текст контракта был подписан сторонами и удостоверен двенадцатью свидетелями. На его обратной стороне было записано одной строкой: «Арендный договор, который Петесукхос, сын Хериеуса, заключил с Гераклеидесом относительно 3 (аруров) земли (в) области храма Аммона (в этом месте была поставлена печать) на срок до 16 года». После этого назывались имена двенадцати свидетелей, присутствовавших при заключении данного контракта.

Папирус с его текстом был свернут в свиток и перевязан. Содержащиеся в тексте контракта заявления сторон о том, что они будут не в состоянии сказать, что их действия соответствовали условиям контракта, свидетельствуют, по всей видимости, что текст данного контракта, составленный в одном экземпляре, был доверен для хранения какому-то постороннему лицу.

Приведенный контракт показывает, что в Птолемеевский период египтяне стали, вопреки прежней традиции, значительно более подробно формулировать условия соглашений о передаче земли в аренду. О том, что такой способ юридического оформления данных соглашений был не единичными случаями, но сделался, по крайнем мере, начиная со II века до н.э., распространенной практикой, свидетельствует текст контракта об аренде, заключенного в 148 году до н.э., в день и месяц, соответствующие 9 декабря по нашему календарю[2], в городе Гефестиасе Арсинойского нома[3]. В отличие от вышеприведенного контракта 190 года до н.э. он был написан на греческом языке[4].

---

[1] Перевод данного контракта на русский язык сделан мною по тексту, опубликованному в статье: *Martin C. J.* A Demotic Land Lease from Philadelphia: P. BM 10560 // The Journal of Egyptian Archaeology. 1986. Vol. 72. P. 164–166.

[2] В преамбуле данного контракта в качестве его даты называется 34 год правления Птолемея Филометра, день 12 месяца хатхира.

[3] Название Арсинойского нома происходит от преждевременно умершей супруги-сестры фараона Птолемея II Филадельфа. Ранее данный ном назывался Крокодилополисским.

[4] Папирус с оригинальным текстом данного контракта хранится в настоящее время в Бенедиктинской общине аббатства Монтсерра (Benedictine

Основному тексту данного контракта тоже предшествовала преамбула, в которой назывался год правления царствующего монарха с указанием его предков, а также месяц, число и место заключения арендного соглашения. Его сторонами также были грек, имевший имя Гераклеидес, и египтянин, носивший, по странному совпадению, имя Петесукхос. Но в этот раз грек являлся арендодателем, а египтянин — арендатором. В контракте говорилось:

«Гераклеидес, сын Никанора, управляющий имуществом Эубулоса, одного из первых друзей, передал в аренду Петесухосу, сыну Фрамениса, арсинойскому земледельцу, из вышеупомянутого имущества, землю размером 15 аруров на тридцать четыре года за ренту за каждый арур из одиннадцати четыре артабы пшеницы, за оставшиеся четыре с четвертью арура за ренту в пять и две третьих артабы пшеницы, гарантированную от риска и не подлежащую взысканию за убытки. Когда эта земля будет орошена, Петесукхос засеет ее за свой счет чистым зерном. Если он не засеет землю или оставит аренду после того, как засеет землю, он заплатит всю сумму ренты.

А когда земля будет засеяна, представители Гераклеидеса и Эубулоса должны будут гарантировать Петесукхосу и его представителям аренду и землю на согласованный период времени. Если аренда не будет гарантирована, как выше записано, вышеупомянутые представители Гераклеидеса и Эубулоса, будучи партнерами по гарантии, должны будут заплатить штраф в двадцать талентов бронзы и возместить убытки, а эта аренда не будет больше иметь силы. И Петесукхосу должно быть позволено в свою очередь изгонять любого, кто будет ходить по его земле, без того, чтобы нести ответственность за какое-либо преступление. В случае, если аренда будет подтверждена, Петесукхосу следует передать Гераклеидесу и представителям Эубулоса оговоренную ренту в месяц пакхонс того же года и он должен передать урожай в той же самой деревне (название деревни на египетском языке) Эубулосу, где бы он ни приказал это сделать, новым, чистым и настоящим зерном…, (перевезенным) в Гефестиас… за его собственный счет. И за каждую не переданную артабу Петесукхос должен платить немедленно штраф в одну тысячу бронзовых драхм или самую высокую цену, которая может быть (установлена) на рынке в Гефе-

---

community of the Abbey of Montserrat).

стиасе. Пусть представители Гераклеидеса и Эубулоса сами имеют правомочие взыскивать с персоны самого Петесукхоса и со всех его владений, согласно инструкциям и законам».

После основного текста контракта шла следующая запись:

«Этот контракт является имеющим силу. Свидетели: Паменис, жрец; NN; Диодорос, оба персы; Каллиас, Трациан, все трое из них гекатонтаруры[1] из второй гиппархи Аратоса; Дорофеос; Птолемайос, оба македонцы из Эпигона. Хранитель контракта Паменис, жрец.

Я, Гераклеидес, дал аренду, согласно тому, что выше написано и передал (контракт) на хранение с NN, сыном …сукхоса».

Я, Петесукхос, взял аренду, согласно тому, что выше написано, и подписал контракт.

Я, Памениос, получил контракт (на хранение)»[2].

Приведенные тексты контрактов о передаче земли в аренду имеют общую черту в своем содержании: они предельно прагматичны. В них нет ничего, что было бы данью религии, обычаю, традиции, но зато есть все, что необходимо в контракте для того, чтобы плата за аренду получалась арендодателем вовремя и в надлежащем размере, чтобы арендатор пользовался земельным участком свободно, не опасаясь его лишиться по каким-то причинам и потерять тем самым вложенные в землю средства.

Стиль контракта в полной мере соответствует характеру его содержания: это рациональный стиль, предполагающий использование типовых фраз, формул.

---

[1] Гекатонтарурами (hekatontarouroi) назывались рядовые воины Арсиноэского военного гарнизона. Это были, как правило, греки, нанимавшиеся Птолемеями на службу за надел земли. «Гекатонтауры часто упоминаются в наших документах, особенно в Арсиное», — пишет папиролог Вили Кларисс (*Clarysse W.* Egyptian Estate-Holders in the Ptolemaic Period // State and temple economy in the ancient Near East: proceedings of the international conference organized by the Katholieke universiteit Leuven from the 10th to the 14th of April 1978. Leuven, 1979. Vol. 2. P. 731). В данном случае гекатонтаруры были, по всей видимости, соседями арендодателя.

[2] Перевод данного контракта на русский язык сделан мною по тексту, опубликованному в статье: *Torallas Tovar S., Worp K. A.* A Ptolemaic Lease Contract… // Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology, Ann Arbor, 2007. American Studies in Papyrology. Ann Arbor 2010. P. 763–776.

Появлению в Египте таких документов, безусловно, способствовало втягивание во взаимные отношения по поводу земли представителей различных этносов. В обоих представленных выше контрактах сторонами являлись египтянин и грек. Религия, обычай, традиция не могли иметь в таких правоотношениях регулирующего значения: у каждой из сторон они были свои. Традиционные соционормативные регуляторы вполне могли бы заменить законы. Однако Птолемеи отказались от создания в Египте основанного на законе и единого для представителей всех этносов правопорядка. Их законы если и направлялись на регулирование земельных отношений, то затрагивали только самые общие их аспекты, а из конкретных — лишь те, которые касались в основном налогообложения.

Прагматизм был в этих условиях единственно возможным методом регулирования правоотношений. При заключении контракта стороны следовали, конечно, неким общепринятым процедурным правилам и формулировкам, то есть привлекали свидетелей для удостоверения действительности соглашения, старались указывать к тексте контракта необходимые для его вступления в юридическую силу атрибуты: дату заключения контракта, срок его действия, имена сторон, местоположение земельных участков и т. д. Но содержание контракта всецело определялось согласованными между собой прагматическими интересами сторон.

Тексты соглашений об аренде земли, заключенных в Птолемеевском Египте в 190 и в 148 годах до н.э., дают образцы методики согласования различных имущественных интересов, которая использовалась в правовых отношениях между представителями египетского и греческого этносов.

§ 4. Правовое регулирование договорных отношений

1. Введение

Вплоть до начала эпохи «Нового царства» правовое регулирование договорных отношений осуществлялось в Египте в большей степени обычаем, чем законом. Большинство сделок совершалось в устной форме. Поэтому от времен «Старого» и «Средне-

го» царств сохранилось очень мало документальных материалов о договорных отношениях[1]. Записи о них представляют собой, как правило, лишь сообщения о совершенных сделках. Текстов собственно договоров в этих материалах крайне мало.

Однако практика записей условий договора, по всей видимости, существовала. Об этом свидетельствует появление в древнеегипетском языке еще в эпоху «Старого царства» специального термина для обозначения документа, оформляющего сделку, который выражался словом из трех согласных букв — «хтм (htm)»[2]. Дословно оно означало: «то, что скреплено печатью».

Формирование контракта как письменного документа произошло в Египте в начале эпохи «Нового царства» или период, непосредственно ей предшествовавший. Во всяком случае, самые ранние из дошедших до нас древнеегипетских документов, которые можно назвать с полным основанием контрактами, относятся ко времени правления XVIII династии.

От указанной эпохи сохранились записи не только контрактов купли-продажи, найма, займа и др., но и судебных разбирательств по спорам, порожденным ими. Они показывают, что дальнейшее развитие письменной формы договоров сопровождалось выработкой типовых формул для выражений договорных условий. Документы, в содержании которых можно заметить такие формулы, появились ближе к концу эпохи «Нового царства»[3].

---

[1] Немецкий египтолог Ренат Мюллер-Воллерманн пишет по этому поводу: «Существование взаимного товарообмена в Старом царстве засвидетельствовано текстами, изображениями и археологическими находками. Однако текстовой материал очень скуден, малая степень распространенности письменности препятствовала тогда тому, чтобы неофициальные сделки между частными лицами записывались» (*Müller-Wollermann R.* Warenaustausch im Ägypten des Alten Reiches // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1985. Vol. 28. № 2. S. 131.

[2] См.: *Boochs W.* «htm» als juristischer Terminus // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. 1981. Bd. 49. S. 19–24; *Müller-Wollermann R.* Warenaustausch im Ägypten des Alten Reiches. S. 150.

[3] Бен Харринг относит появление «более или менее формализованных типовых текстов» и «типовых заглавий» ко времени правления XX династии. См.: *Haring B.* From Oral Practice to Written Record in Ramesside Deir El-Medina // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2003. Vol. 46. № 3. P. 263–264.

Новый этап в эволюции способов и форм правового регулирования договорных отношений был связан, если верить Диодору Сицилийскому, с деятельностью Бокхориса, второго фараона XXIV (ливийской) династии, правившего где-то в середине VIII века до н.э.[1] Древнегреческий историограф отмечал в своем описании египетских фараонов-законодателей, что египтяне были обязаны Бокхорису «также точными правилами, относившимися к контрактам и соглашениям» (*Diodor.* I, 94)[2].

Записи этих правил не сохранились, но из сообщения Диодора видно, что относились они более к договорам займа. Если же законы Бокхориса регулировали и другие вопросы обязательственного права, то вряд ли они выходили за рамки действовавших среди египтян норм обычного права. *Навязать египетскому обществу, в котором образованные люди, выступавшие в качестве хранителей его культурных ценностей, его исконных духовных традиций, были организованы в мощные храмовые корпорации, что-то чуждое его обычаям, не в состоянии была бы в то время и самая могущественная верховная государственная власть*[3]. Фараоны периода «Новейшего царства», то есть времени примерно с середины XI до середины VIII века до н.э., не имели и части того могущества, которым обладали египетские цари «Нового царства».

Настоящие перемены в развитии правового регулирования договорных отношений наступили лишь в правление XXVI (саисской) династии — в период примерно с середины VII до последней четверти VI века до н.э. И связаны они были не только с подъемом экономики и усилением верховной государственной власти в Египте этого времени, но и с распространением демотической письменности, которая вытеснила из юридических документов иератику. Применение демотики сделало написание текстов договоров более легким делом. Кроме того, знаковая система этой письменности позволила выразить на письме множество

---

[1] Некоторые египтологи относят правление Бокхориса примерно к 723–717 гг. до н.э.

[2] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 106.

[3] Геродот писал в своей «Истории»: «Эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа» (*Геродот.* История в девяти книгах. М., 1993. С. 106).

новых юридических понятий, возникших в практике договорных отношений, сохраняя при этом понятий аппарат, выработанный в рамках иератической письменности. Неслучайно с утверждением демотики в качестве основного языка юридических документов количество договоров, заключавшихся в письменной форме, резко возросло.

Из дошедших до нас древнеегипетских контрактов подавляющее большинство документов такого рода принадлежат эпохе, начавшейся после распространения в Египте демотической письменности. «Существуют, в любом случае, все увеличивающиеся свидетельства написания контрактов между частными индивидами, начиная с XXV династии, — пишет Ричард Яснов. — В то время как все еще эпизодически использовался старинный термин для обозначения "контракта", "завещания", "документа о передаче имущества" *imyet-per*, начали применяться также другие обозначения[1]. Бернадетт Меню, изучавший древнеегипетские юридические документы VIII–V веков до н.э., сделал вывод о том, что в течение правления Псамметиха I в Египте произошла «важная трансформация в юридическом мышлении»[2]. По словам Джозефа Мэннинга, «значительная перемена в праве договоров случилась в царствование Псамметиха I, когда контракты стали билатеральными и больший упор был сделан на обязанности продавца и на письменное соглашение как таковое, которое могло служить титулом для передаваемой собственности»[3].

К началу эллинистического периода в древнеегипетской истории демотика стала всецело преобладающей формой египетского языка. Все египетские юридические документы и контракты в их числе писались на ней. В эпоху правления династии Птолемеев демотика сохранила свое значение в качестве главного письменного языка для контрактов по египетскому праву. Однако официальным юридическим языком этой династии был греческий. Именно на нем писались законы и инструкции, а также контрак-

---

[1] *Jasnow R. L.* Egypt. Third Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. Vol. 1. P. 804.

[2] *Menu B.* Les Actes de Vente en Egypte Ancienne, Particulièrement Sous les rois Kouchites et Saïtes // The Journal of Egyptian Archaeology. 1988. Vol. 74. P. 168.

[3] *Manning J. G.* Land and Power in Ptolemaic Egypt. The Structure of Land Tenure. Cambridge, 2003. P. 174.

ты, оформлявшие договорные отношения, в которых участвовали греки. При рассмотрении споров по контрактам между представителями египетского и македонско-греческого этноса тексты этих документов в том случае, если они были написаны на египетском языке, переводились на греческий. Вместе с тем часто случалось обратное: юридические тексты, написанные на греческом языке, переводились на египетский.

В этих условиях демотическая письменность воспринимала юридические термины греческого языка[1]. И особенно заметным было заимствование греческих терминов в демотических текстах договоров. Это не могло не вызвать перемен в египетском договорном праве.

Способствовала таким переменам и политика Птолемеев в сфере правового регулирования договорных отношений. Представители этой династии исходили из необходимости сохранения в стране действия египетского права, но они не могли идти наперекор экономическим закономерностям, требовавшим унификации договорной практики, и вынуждены были вводить единообразные правила относительно контрактов. В частности, еще в III веке была установлена типовая форма для преамбулы в документах такого рода. В том же столетии из демотических текстов, оформлявших договорные отношения, исчезли упоминания о свидетелях[2]. В 146 году до н.э. было установлено правило, по которому все демотические контракты для того, чтобы считаться действительными, должны были пройти регистрацию в государственных органах. А поскольку в них служили в основном македонцы с греками, это означало, что каждый демотический контракт, подлежавший регистрации, должен был переводиться на греческий язык, хотя бы в основных его положениях.

Таковы общие контуры эволюции на протяжении древнеегипетской истории правового регулирования договорных отношений.

---

[1] По словам Джозефа Мэннинга, «то, что греческий язык был важной частью египетского языка, показывает высокий процент (25%) греческих слов в коптском языке» (ibid. P. 176).

[2] Среди контрактов, предусматривающих наличие свидетелей в качестве гарантии соблюдения сделки, самый поздний датируется 240 годом до н.э. для Верхнего Египта и 213 годом до н.э. — для Нижнего Египта. См.: Ibid. P. 174.

2. Купля-продажа

Большинство сохранившихся со времен «Старого царства» надписей о договорах относятся к сообщениям о покупках. Их содержание излагалось, как правило, по формуле: «я (или он) получил дом (или поле, или какую-нибудь другую вещь) у такого-то человека (называется имя продавца) за эквивалент такой-то». До эпохи «Нового царства» соглашение о покупке-продаже каких-либо вещей заключалось, как правило, в устной форме. Оно могло подтверждаться в письменном виде, если его предметом была недвижимость: дом или земельный участок. Но запись о совершенном договоре купли-продажи, делавшаяся на остраконе (черепке, обломке глиняного кувшина) содержала обыкновенно лишь сообщение о совершенной сделке, а не текст договора. Дополнительной гарантией соблюдения условий договора была его регистрация в государственных органах или в храмах.

В эпоху «Нового царства» торговый оборот недвижимости заметно вырос и число договоров купли-продажи, заключаемых в письменной форме, существенно увеличилось. Они по-прежнему могли записываться на остраконе, но в большинстве случаев для этого теперь использовались папирусные листы. Как и прежде, в тексте договора повторялись основные фразы, сказанные сторонами при заключении сделки, но постепенно для выражения договорных условий вырабатывалась некая типовая формула. Ее представляет, например, остракон, обнаруженный в Дейр-эль-Медине. Начертанный на нем текст выражает суть заключенной сделки следующей фразой: «Для того, чтобы сделать известным, что деньги, которые я (далее следует имя покупателя) дал (имя продавца) в качестве компенсации за (называется купленная вещь)»[1].

Регистрация, или удостоверение, договоров купли-продажи производилась во времена «Нового царства», как и раньше, государственными органами или храмами, но с конца данной эпохи жрецы стали чаще брать на себя выполнение этой функции.

Форма и содержание письменных договоров в указанную эпоху и в последовавший за ней период, вплоть до VII века до н.э.,

---

[1] *Jasnow R. L.* Egypt. Middle Kingdom and Second Intermediate Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. Vol. 1. P. 339.

были еще довольно примитивными: текст соглашения, как правило, воспроизводил основное содержание происходившего диалога между сторонами и слова свидетелей, подтверждающие совершение сделки.

Важным фактором в развитии письменной формы договоров стало появление в период правления XXV династии демотического письма. Во время царствования XXVI династии договоры купли-продажи писались, как правило, на демотике. Они имели уже вид настоящих контрактов, в которых легко можно было выделить: 1) статьи, формулировавшие основные условия договора, то есть условия, необходимые для его заключения, и 2) статьи, выражавшие дополнительные условия, то есть гарантии его соблюдения.

Первые называли продававшуюся и покупавшуюся вещь, ее цену и констатировали ее передачу от продавца покупателю. Для изложения этих условий использовались два типа формул: старинная и новая.

Старинная формула договора купли-продажи являлась более простой и выглядела следующим образом: «Я получил от тебя такое-то количество серебра. Я дал тебе такую-то вещь»[1]. Осуществление контракта виделось, таким образом, в обмене вещи на деньги (серебро).

Новая формула договора купли-продажи была следующей: «Ты удовлетворил мое сердце серебром за такую-то вещь. Эта вещь теперь твоя»[2]. В тексте одного из сохранившихся контрактов времен правления Нектанебо II (360–343 гг. до н.э.) она имела следующий вид: «Ты удовлетворил мое сердце ценой за мою рыжую корову, неповоротливую, которая не клеймена железом и которую зовут ее коровьим именем *Wlgj*»[3].

---

[1] Цит. по: *Menu B.* Les Actes de Vente en Egypte Ancienne, Particulièrement Sous les rois Kouchites et Saïtes // The Journal of Egyptian Archaeology. 1988. Vol. 74. P. 173. На указанной странице приводится список древнеегипетских источников, зафиксировавших старинную формулу договора купли-продажи. Последний из них датируется 45 годом правления Псамметиха I.

[2] Цит. по: Ibid. P. 173–174. Бернадетт Меню привел на этой странице довольно обширный список источников, отразивших новую формулу договора купли-продажи.

[3] Цит. по: *Menu B.* Deux contrats de vente datés du règne de Nectanébo II // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1981. P. 47.

С утверждением этой формулы в договорной практике переход права собственности на вещь от продавца к покупателю стал связываться не с моментом передачи вещи и денег (серебра), но с появлением у продавца состояния удовлетворенности полученным денежным эквивалентом (серебром).

Старинная формула применялась чаще в иератических текстах, датируемых VIII и VII веками до н.э. Самый ранний древнеегипетский текст, в котором можно увидеть новую формулу договора купли-продажи, относится к середине VII века до н.э., а точнее — к 4-му году правления Псамметиха I, и он написан демотикой. Все последующие тексты договоров с новой формулой были также демотическими[1].

Обе формулы имели различные вариации[2], но каким бы образом ни выражался договор купли-продажи, главным моментом в нем было приобретение покупателем права собственности на купленную вещь. Поскольку это право он получал от продавца, то решающим в данном случае было слово последнего. А оно тоже могло выражаться по-разному. Чаще всего продавец делал покупателю следующее короткое заявление о проданной вещи: «Она теперь твоя». И эта фраза включалась в письменный текст договора. Но бывало и так, что продавец произносил, обращаясь к покупателю, более длинную и содержательную фразу — например, такую: «Ни один человек в мире — это касается и моих отца, матери, братьев, сестер, сыновей, дочерей и равным образом меня самого — не может больше считать эту вещь своей собственностью, кроме тебя». Эти слова обеспечивали покупателя от исков об истребовании приобретенной им вещи со стороны родственников продавца.

Но для полной гарантии сохранения покупателем права собственности на купленную вещь одних слов было недостаточно. Договор купли-продажи снабжался поэтому дополнительными статьями, которые призваны были подкрепить гарантии продавца и защитить покупателя от возможных притязаний на вещь со сто-

---

[1] См.: *Menu B.* Les Actes de Vente en Egypte Ancienne, Particulièrement Sous les rois Kouchites et Saïtes. P. 169.

[2] В приложении к своей статье об актах продажи в Древнем Египте Бернадетт Меню приводит различные варианты обоих формул с указанием источников, в которых они встречаются. См.: Ibid. P. 173–178.

роны продавца, его родственников и каких бы то ни было третьих лиц — в том числе сановников и самого фараона. Дополнительные статьи могли содержать в качестве гарантий соблюдения договора как со стороны продавца, так и со стороны покупателя:

1) *Простое обещание не нарушать договор.*

В текст договора могла, например, быть включена следующая фраза: «Никто в мире не услышит от меня ни одного слова, оспаривающего то, что я говорил тебе по предмету нашего соглашения»[1].

2) *Обещание не нарушать договор, подкрепленное клятвой.*

Такое обещание могло выражаться следующей формулой: «Воистину живущий Аммон, воистину живущий фараон… (имя фараона)! Я никогда не назову “ложным” какое-либо слово, изложенное здесь. Я никогда не откажусь от какого-либо слова, изложенного здесь»[2].

3*) Компенсацию за нарушение договора.*

Данная компенсация могла быть установлена статьей договора со следующей формулировкой: «Если я откажусь от договора, я тебе дам тогда (количество) дебен серебра»[3].

Еще одной — и, пожалуй, более важной — гарантией соблюдения договора было участие в процедуре его заключения группы свидетелей. Эта гарантия стала применяться еще в эпоху «Старого царства». Если договор был устным, то она имела устный характер. Но с появлением письменных договоров в них стали включаться слова свидетелей, подтверждавших договорные условия. Причем каждый свидетель воспроизводил в тексте договора рядом со своим именем все условия, которые подтверждал. В письменных договорах более позднего времени свидетели удостоверя-

---

[1] Подобная фраза приводится в текстах договоров, изложенных на папирусах, датируемых от 675 до 491 гг. до н.э. См. их список в приложении к статье: *Menu B.* Les Actes de Vente en Egypte Ancienne, Particulièrement Sous les rois Kouchites et Saïtes. P. 178.

[2] Подобная формула встречается в целом ряде папирусов, датируемых в период с 688 по 592 гг. до н.э. Их список приводится в приложении к вышеуказанной статье Бернадетта Меню. См.: Ibidem.

[3] Подобная статья присутствует в начертанном на ватиканском папирусе договоре купли-продажи, который относится к 726 г. до н.э. См.: Ibidem.

ли его условия лишь своим именем да указанием имен своих родителей.

Очевидно, что у покупателя, который приобретал чужую вещь в свою собственность, было больше оснований опасаться нарушения договора, чем у продавца, менявшего эту вещь на серебро. В связи с этим в Древнем Египте существовала практика, по которой текст договора отдавался на хранение покупателю. Однако чаще всего в качестве хранителей письменных договоров выступали третьи лица.

Наконец, надежной гарантией соблюдения договора считалось посредничество храма при его заключении. Храмы могли давать гарантию защиты прав сторон договора не только против обыкновенных третьих лиц, но даже против самого фараона.

В эпоху правления Птолемеев в Египте получили распространение договоры о покупке будущих вещей — например, зерна нового урожая. При заключении таких соглашений покупатель платил деньги за одно обещание продавца предоставить ему в будущем оговоренное в контракте количество зерна. В ряде случаев подобные договоры являлись формой соглашения о предоставлении займа. Чтобы иметь надежные гарантии возврата денег, кредитор предоставлял заем под обязательство должника отдать долг зерном в случае невозможности выплатить его деньгами.

3. Наем

Договор купли-продажи являлся с древнейших времен, безусловно, самым распространенным видом договора в Египте. Вместе с тем в надписях эпохи «Старого царства» встречаются сообщения о договорах других видов — например, о *найме услуг* и *найме работы*. «Я работник некрополя, который работает за плату…»[1], — говорится в одной из них. «Я поручил изготовить статую скульптору, который был доволен платой»[2], — сообщает другая. Некоторые сведения о работе по найму в эпоху «Среднего царства» можно почерпнуть в одном из писем Хеканахта сво-

---

[1] Цит. по: *Helck W.* Wirtschaftsgeschichte des Alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leiden-Köln, 1975. S. 117.

[2] Цит. по: Ibidem.

им домочадцам[1]. Практика работы на основании соглашений о найме, безусловно, существовала в указанные эпохи, но ни одного текста договора такого рода до нас от них не дошло, что дает основание для вывода о том, что во времена «Старого» и «Среднего» царств условия найма оформлялись, как правило, устным образом.

Большинство древнеегипетских документов, в которых идет речь о договорах найма работников, относится ко времени «Нового царства». Иератический папирус из Берлинского музея, опубликованный в 1906 году Элэном Гардинером, зафиксировал несколько сообщений о найме рабынь в правление Аменхотепа III и два текста договора, закрепивших на письме его условия. Из них видно, что договор такого рода заключался при свидетелях, стороны произносили клятву в том, что будут соблюдать его. При выработке соглашения особо подробно оговаривались размер и способы оплаты работы по найму. В одном из случаев наймодатель взял на себя обязательство возместить нанимателю каждый день, в который рабыня не сможет работать из-за жаркой погоды.

Содержание договоров о найме рабынь показывает, что предметом соглашений были не сами рабыни, а дни их работы на нанимателей. Причем в текстах договоров отсутствовали какие-либо указания на виды работ, для выполнения которых они нанимались. Наем рабынь представлялся в качестве их покупки нанимателем. Так, в одном из контрактов говорилось: «33 год, первый месяц наводнения, 5 день, в правление его величества царя Аменхотепа III, живущего всегда и вечно. В этот день была пастухом Месуа сделана покупка у жительницы города Пихи (?) и ее сына жреца Мени (?) 17 дней (работы) рабыни Харит (Hryt) и 4 дней рабыни Хануит (Hnwt). За это им была дана следующая цена: украшение *джаит* стоимостью 6 рингов[2], украшение *ти* стоимостью 4 ринга, 1 бык стоимостью 8 рингов, 8 коз стимостью 4 (?) ринга и (еще какие-то вещи) стоимостью 15 рингов.

---

[1] *Baer K.* An Eleventh Dynasty Farmer's Letters to His Family // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. № 1. (Jan.–Mar.). P. 2–9.

[2] В переводе Э. Гардинера — «rings».

После этого они сказали: “Как Аммон существует, так и царь существует! Если дни будут жаркими, то будет дана компенсация, день за день, поскольку я сполна уплатил стоимость этого”.

Она произнесла эту клятву перед советом из судей Перусера. Вот их список…». Далее перечислялись имена пяти жрецов. В самом конце контракта назывались имена жителей поселения, выступивших в качестве свидетелей при его заключении[1].

Комментируя тексты сообщений и контрактов о найме рабынь, Элэн Гардинер заметил: «Из шести сделок, записанных здесь, пять были заключены о найме рабов с их собственниками на небольшое число зафиксированных дней. Первое, что заслуживает внимания, — это то, что это очень хорошее и точное свидетельство широкого распространения рабства в правление XVIII династии. Ни один из контрактов такого рода не только не известен до этой даты, но до времени Тахарки[2] еще и не обнаружен»[3]. Однако нельзя не отметить, что плата за наем рабынь была, как показывает вышеприведенный текст договора, довольно высокой.

Предметом договора найма могли быть и животные. «Наем животных, особенно ослов, был всеобщим»[4], — отмечает Ричард Яснов. Очевидно, что при заключении договоров такого рода должны были специально оговариваться условия содержания животных нанимателем, его обращение с ними. Но как было на самом деле, трудно сказать: большинство договоров о найме животных заключалось в устной форме. Не менее важной частью подобных договоров были и гарантии возврата животных хозяину в надлежащем состоянии и в срок. Из документов, в которых нашли отражение в той или иной мере случаи передачи животных в наем, видно, что собственники животных стремились заручиться при

---

[1] Four papyri of the 18th Dynasty from Kahun. By Alan IL Gardiner // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde. Mit Unterstützung der deutschen morgenlandischen Gesellschaft / Herausgegeben von A. Erman und G. Steindorff. Bd. 43. Leipzig, 1906. S. 36.

[2] Тахарка (Тирхака) — фараон XXV (кушитской) династии, правивший в Египте примерно с 690 до 664 г. до н.э.

[3] Ibid. P. 43.

[4] *Jasnow R.* Egypt. New Kingdom // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. Vol. 1. P. 340.

этом гарантиями, которые могли бы защитить четвероногих работников от притязаний третьих лиц. Такой гарантией выступала иногда клятва нанимателя не допустить нарушения интересов наймодателя.

4. Договор займа

Договор займа, так же как обмен, купля-продажа и наем, принадлежит к древнейшим видам договоров. Он существовал в Египте уже в самые ранние эпохи его истории. Однако первые письменные контракты, составленные для юридического оформления условий займа, относятся только к эпохе «Нового царства». От предшествовавших же ей времен сохранились некоторые надписи, которые содержат всего лишь сообщения о сделках такого рода[1].

Так, в произведении, известном под названием «Предостережение египетского мудреца» и датируемом 2002 годом до н.э., говорилось следующее: «Смотри, тот, кто не имел зерна, теперь обладатель зернохранилищ, а тот, кто добивался, чтобы ему дали в долг зерно, теперь сам дает в долг»[2].

Первоначальная письменная форма контракта займа была довольно простой. Она была призвана зафиксировать самые главные условия этого соглашения, а именно: количество передаваемых в долг денег или зерна, срок возвращения взятого взаймы с указанием его количества, которое всегда было больше взятого, причем намного. В качестве гарантии исполнения обязательств по долгу применялась клятва.

Образец такого контракта дает иератическая запись на остраконе, обнаруженная в местности Дейр-эль-Медина. Начинается она с обозначения даты совершения сделки. Затем называются имена лиц, ее заключивших. Далее приводятся следующие слова должника: «Как существует Аммон, как существует правитель! Если я не верну эти 1½ *шат* Пауадж… (имя кредитора со стерты-

---

[1] *Jasnow R.* Pre-demotic Pharaonic Sources // Security for debt in ancient Near Eastern law / Edited by Raymond Westbrook and Richard Jasnow. Leiden, Boston, Köln, 2001. P. 35–37.

[2] Цит. по: *Faulkner R. O.* The Admonitions of an Egyptian Sage // The Journal of Egyptian Archaeology. 1965. Vol. 51. P. 59.

ми последними знаками в нем) до истечения месяца, я буду должен ему вдвойне»[1].

Должник мог дать клятву не только в том, что возвратит долг вовремя, а в случае просрочки отдаст его в двойном размере. Он мог объявить своей клятвой, что в случае нарушения обязательств по возврату долга готов нести наказание, например, в виде ста ударов палкой.

Помимо клятвы гарантией соблюдения договора займа были свидетели. Их имена обыкновенно перечислялись в тексте контракта. В качестве дополнительной гарантии могли быть использованы третьи лица, пользовавшиеся авторитетом в местности, в которой проживал должник.

От эпохи «Нового царства» сохранилось немало записей судебных процессов, возбужденных по искам кредиторов к должникам о возврате долга. Из них видно, что ответственность за неисполнение обязательств по договору займа была имущественной, однако в случаях, когда должник не признавался в том, что брал в долг, и не желал возвращать его, несмотря на представленные суду кредитором убедительные доказательства существования такого долга, то ему могло быть назначено наказание палками. Например, в одном деле, которое рассматривалось в период правления XIX династии, должник по имени Хаэмдуа был приговорен судом к ста ударам палкой за то, что не признавался в долге, а когда признался, то еще и выплатил долг — вещами из своего имущества[2].

Один из иератических папирусов из Берлинского музея, датируемый временем правления XXII династии, зафиксировал следующий текст договора займа: «Год 13, 1-й месяц *шему*, день 11. Педихонсу, сын Джедхонсуифанха, сказал жрецу Аммона, начальнику сокровищницы фараона Анхефенхонсу, сыну Натаифнахта: “Ты ссужаешь мне 5 дебен серебра из [сокро]вищницы (бога) Хершефи; я верну тебе их 10 (в) 14 году, первого месяца *шему*, дня 11-го, не споря с тобой ни одним словом”». Ниже этой записи было по-

---

[1] Долговые документы // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 195.

[2] См.: Черновая запись судебного протокола о возврате имущества // Там же. С. 195–196.

мечено, что она учинена писцом Горсаиси, а за пометкой шел перечень имен шести свидетелей этой сделки[1].

Слова должника «не споря с тобой ни одним словом» представляют собой формулу. На эту мысль наводит присутствие точно такой же фразы и в других текстах контракта о займе. Это указывает на то, что с X века письменная форма для договора такого рода стала в некоторых своих частях типовой.

Приведенный контракт позволил Ричарду Яснову сделать вывод о том, что «Ясно сформулированные долговые документы впервые появились в Египте во время первого тысячелетия [до н.э.]»[2].

Следует отметить, что в Месопотамии такие контракты появились на тысячу лет раньше. А во времена «Законов Хаммурапи», то есть в XVIII столетии до н.э., здесь существовало довольно большое количество различных типов письменных договоров займа[3]. В качестве предмета договорных отношений у жителей Вавилона и других стран Междуречья преобладал заем денег, тогда как египтяне чаще брали в долг не деньги, а зерно или другие продукты.

Явным признаком слабого развития в Древнем Египте правового регулирования кредитования является высокий процент за пользованием кредитом. Вышеприведенный контракт показывает, что он доходил до ста процентов годовых. Между тем в Месопотамии он был на уровне 20%.

Основной причиной такого положения было отсутствие в Древнем Египте самостоятельного сословия торговцев. Оно не появилось здесь и в первом тысячелетии до н.э. Поэтому древнеегипетский договор займа так и не принял развитых правовых форм.

Реформа долговых отношений, произведенная фараоном Бокхорисом, носила, кажется, весьма ограниченный характер. Об

---

[1] Долговое обязательство // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 199. Полный текст этого контракта см. в статье: *Jasnow R.* Pre-demotic Pharaonic Sources. С. 39.

[2] *Jasnow R.* Pre-demotic Pharaonic Sources. С. 39.

[3] См. об этом: *Westbrook R.* Mesopotamia. Old Babilonian Period // A History of Near Eastern Law // Edited by Raymond Westbrook. Leiden, Boston, 2003. Vol 1. P. 403–404.

этом можно судить по тому, что сообщает о ней Диодор Сицилийский.

Согласно его рассказу, Бокхорис издал законы о сделках частных лиц. Они предписали, например, что «взявший взаймы серебро (деньги) без письменного контракта освобождался от выплаты долга, если подтверждал клятвой, что ничего не должен; ибо египтяне прежде всего уважали и опасались клятв. Кроме того, было очевидно, что тот, кто часто прибегал к клятве, заканчивал утратой всякого доверия к себе; и чтобы не лишать себя этого преимущества, все в мире заинтересованы не злоупотреблять клятвой. Далее, законодатель полагал, что, имея основанием всего доверия чувство достоинства, все люди будут честными в своих нравах, дабы не быть опороченными в качестве недостойных доверия. Наконец, он рассудил, что несправедливо отказывать в доверии клятве в коммерческих сделках, в то время когда согласие на кредит дают, не требуя клятвы» (*Diodor.* I, 79)[1].

Кроме того, Бокхорис, по сообщению Диодора, установил, чтобы «кредиторы, которые требуют уплаты долга, могли обращать взыскание только на имущество должника, и не позволял ни в коем случае порабощать его тело. Ибо законодатель предусмотрел, что как вещи принадлежат тому, кто их приобрел или своим трудом, или посредством трансмиссии, или путем дарения; так и личность гражданина принадлежит государству, которое в любой момент может призвать его на свою службу как во время войны, так и во время мира. И действительно, было бы абсурдным позволять кредитору уводить воина в момент сражения за родину, чтобы спасение всех зависело от жадности отдельных лиц. И, кажется, Солон также привез этот закон в Афины, где ему было дано название *сисахфии*, и он освободил всех граждан от долгов, по которым договоры заключались под условием ограничения или утраты индивидуальной свободы»[2].

Предписания Бокхориса если и действовали в Египте, то лишь до прихода персов. В условиях персидского владычества были приняты меры по усилению ответственности должников за неотдачу долга. Очевидно, что в данном случае персов больше все-

---

[1] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. P. 89.

[2] Ibid. P. 89–90.

го заботила выплата долгов по налогам. В частности, кредитору было разрешено при неуплате долга забирать у должника детей на срок, пока они не отработают сумму долга.

Вместе с тем было установлено также правило, по которому контракт о займе должен был храниться у кредитора. Данное правило проистекало из утвердившегося в это время взгляда на этот документ как на письменное требование кредитора, обращенное к должнику.

Новым в правовом регулировании долговых отношений в данный период было разделение суммы долга на основную и на процент по долгу. Прежде эти суммы египтянами не разделялись. Должник, например, клялся возвратить кредитору сумму, в которой воедино были слиты размер долга и процент за пользование кредитом.

Один из хранящихся ныне в Берлинском музее папирусов содержит демотическую запись договора займа, которая датируется 498 годом до н.э. В ней зафиксировано, что в случае невыполнения должником договорных условий кредитор предъявит к должнику требование отдать ему: «Зерно, землю, раба, рабыню, корову, осла, серебро, медь, одежду, масло и все в этом мире, что принадлежит» должнику. «И он возьмет их в счет долга до тех пор, пока он не возвратит ему его деньги вместе с установленным выше накопившимся процентом»[1].

Дополнительным способом обеспечения возврата долга была возможность для кредитора увести к себе в дом жену и детей должника. Эта варварская мера уживалась в древнеегипетском праве вместе с другими, вполне цивилизованными способами обеспечения долговых обязательств, предполагавшими, например, передачу третьим лицам прав на имущество должника, с тем чтобы в случае неуплаты им долга эти лица передавали эти права кредитору.

Указанный варварский способ обеспечения исполнения долговых обязательств продолжал применяться в Египте и в первые десятилетия правления династии Птолемеев. И повод для его использования давали сами цари этой династии, введя в практику

---

[1] Цит. по: *Manning J.* Demotic Papyri (664–30 BCE) // Security for debt in ancient Near Eastern law / Edited by Raymond Westbrook and Richard Jasnow. Leiden, Boston, Köln, 2001. P. 322.

налоговой политики аресты свободных и не совершивших никаких преступлений людей за долги по налоговым выплатам. Только в 118 году до н.э. диаграммата Эвергета II, его сестры Клеопатры II и жены Клеопатры III освободила всех должников по рентным выплатам за аренду и по денежным и зерновым налогам от арестов[1].

Среди папирусов собрания Зенона сохранилось датируемое 245 годом до н.э. письмо жителя Филадельфии Антипатора в адрес Птолемея III Эвергета I с жалобой на кредитора по имени Никон. Оно показывает, как в действительности обстояло дело с регулированием отношений между должниками и кредиторами в Птолемеевском Египте.

Жена Антипатора Симона взяла в долг у Никона 70 драхм под 6% ежемесячных выплат от долговой суммы. Спустя некоторое время кредитор обманом заманил Симону и ее сына к себе в дом. Поместив их в охраняемое помещение, он объявил, что будет держать их здесь в качестве обеспечения выплаты долга. Симона каким-то образом сбежала и возвратилась к мужу. Узнав от нее о происходящем, Антипатор потребовал от Никона освободить сына, но тот ответил, что сделает это лишь после того, как получит свой долг с процентами.

В данном случае Никон нарушил одновременно несколько правовых норм. *Во-первых*, он не имел права самолично арестовывать и задерживать кого-либо в качестве обеспечения исполнения частноправового договора. Это мог сделать по его заявлению лишь чиновник, занимавший должность практора (*practor*). *Во-вторых*, царской диаграмматой, изданной в 246 или 245 году до н.э., — во всяком случае, до заключения Симоной с Никоном договора займа, предполагавшего ежемесячную выплату за кредит в размере 6%, — было установлено, что такие выплаты не могут превышать 2% в месяц[2].

---

[1] Select Papyri. In five volumes. Vol. 2. Non-Literary Papyri Public Documents. With an English Translation by A. S. Hunt and C. C. Edgar. London, 1963. P. 61.

[2] Petition in a Case of Usury and Illegal Detention // Zenon Papyri Business Papers of the Third Century B.C. dealing with Palestine and Egypt / Edited with introductions and Notes by W. L. Westermann, K. W. Keyes and H. Liebesny. Vol. 2. New York, 1940. P. 80.

Антипатор обратился к Птолемею со следующей просьбой: «Прошу вас поэтому, о царь, послать мою жалобу хрематисту и, если я докажу, что доводы, изложенные в жалобе, соответствуют истине, я прошу, чтобы Никон мог подвергнуться надлежащему наказанию, как по вопросу о проценте, в котором он противоречит закону, так и потому, что своей собственной властью поместил в заключение и держит (мальчика), свободного человека; и я прошу, чтобы мальчик был возвращен мне для того, чтобы я, обратившись к вам за помощью, о царь, мог встретиться со справедливостью»[1].

---

[1] Petition in a Case of Usury and Illegal Detention // Zenon Papyri Business Papers of the Third Century B.C. dealing with Palestine and Egypt / Edited with introductions and Notes by W. L. Westermann, K. W. Keyes and H. Liebesny. Vol. 2. New York, 1940. P. 86.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ В РЕЛИГИОЗНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ, В ПРАВОСОЗНАНИИ И В ПРАВЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Понятие преступления имело в древнеегипетском мировоззрении прежде всего религиозно-моральное содержание. В этом качестве оно мыслилось злом вселенского масштаба, то есть деянием, вносящим в мир хаос, несправедливость, ложь, — одним словом, состояние, прямо противоположное *маат*: порядку, справедливости, правде. Каждый преступник считался, с этой точки зрения, поднявшим восстание против *маат*, поэтому древнеегипетский термин, обозначавший мятежника и состоявший из согласных звуков, звучавших приблизительно как «*сби.в* (*sbi. w*)»[1], применялся для обозначения и заговорщика против царя, и вора, совершившего кражу вещей из могилы или из храма.

Как всякое зло, преступление оценивалось в качестве ненормального явления, а преступник воспринимался соответственно в виде человека неадекватного, впавшего в психическую болезнь. Но при этом преступление считалось, как и любое вообще зло, необходимым для существования Вселенной феноменом, а преступники — неотъемлемой частью мироустройства.

Древнеегипетские представления об устройстве мира исходили из понимания его как собрания противоположностей: света и тьмы, неба и земли, земного и Потустороннего мира, чер-

[1] См. об этом: *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription // The Journal of Egyptian Archaeology. 1990. Vol. 76. P. 42.

ного и красного[1], порядка и хаоса, добра и зла, правды и неправды. С этой точки зрения, считалось, что *любое явление в мире существует только потому, что есть и противоположность ему*.

Поэтому силы зла — хаоса, несправедливости, лжи и т. д. — обожествлялись так же, как силы добра: порядка, справедливости, правды. Божественным воплощением сил зла выступал в древнеегипетской религиозной мифологии Сет, сын бога Геба и богини Нут, брат Осириса, изображавшийся в виде человека с головой мистического животного[2]. По словам Ричарда Уилкинсона, «*Бог насилия, хаоса и смешения*: Сет был "Красным богом", богом с плохим характером, который персонифицировал гнев, ярость и насилие и который часто рассматривался как воплощенное зло. Как бог хаоса он противостоял гармонии *маат* (правды) и был истинной темной стороной в устройстве вселенной. Как бог пустыни или "красной земли", он противостоял и представлял собой угрозу для растительности, от которой зависела сама жизнь; и как злейший враг Осириса, истинного царя Египта, он воплощал собой мятеж и раздор»[3].

Несмотря на это Сет считался официальным богом Древнего Египта. Более того, древнеегипетский царь, рассматривавшийся в качестве воплощения бога Хора, одновременно мыслился воплощением и Сета. На это указывает прежде всего титул царицы: супруга царя величалась, помимо прочего, «той, которая видит Хора-Сета»[4]. Этому титулу соответствовало наименование верховного властителя Древнего Египта двойным священным званием — в качестве «Хора-Сета», которое встречается еще в «Текстах пирамид». Правда, в официальной титулатуре царь, как правило, именуясь Хором, не назывался Сетом. Исключение составляют

---

[1] Черный цвет — это цвет земли, заливаемой Нилом. Красный — цвет земли, не заливаемой Нилом. По этой причине они рассматривались в Древнем Египте в качестве противоположных один другому цветов.

[2] Самые ранние надписи о боге Сете, обнаруженные археологами в Накаде, относятся к додинастической эпохе в истории Древнего Египта.

[3] *Wilkinson R. H.* Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. New York, 2003. P. 197.

[4] Цит. по: *Velde H. Te.* Seth, God of Confusion. A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion. Leiden, 1967. P. 71.

лишь титулатуры царя второй династии Перибсена, правившего примерно в 2749–2734 гг. до н.э., второго фараона XIX династии Сети I (1290–1279 гг. до н.э.) и первого властителя XX династии (1186–1184 гг. до н.э.), в которых присутствовало, помимо имени Хора, также имя Сета. Гиксосские вожди, правившие Египтом в XVII веке до н.э., почитали Сета как главного своего бога. Вероятно, с тех пор Сет стал считаться египтянами богом чужеземцев. Поскольку их поселения располагались в большом числе на территории дельты Нила, то именно здесь и возникли культовые центры для поклонения Сету.

Сохранилось немало надписей, свидетельствующих, что в эпоху «Нового царства» и позднее в ряде местностей Древнего Египта Хору и Сету поклонялись как единому богу. В текстах «Ам Дуат» или «Книги о том, что находится в Дуат (Потустороннем мире»)», а также «Книги врат», созданных в начале «Нового царства»[1], Хор и Сет были изображены в образе человека с двумя головами: соколиной головой Хора и приписывавшейся Сету головой какого-то мистического существа[2].

Наряду с группой людей, называвших себя «последователями Хора», в древнеегипетском обществе существовала, начиная с эпохи «Нового царства», группа лиц, именовавших себя «последователями Сета» или «красными» (на египетском языке: *mesu-betesht,* или *desheru*). Они позиционировали себя в качестве смутьянов — сторонников идеологии, связанной с именем бога Сета, воплощавшего собой Хаос. Древнеегипетские тексты описывали «последователей Сета» или «красных» как пьяниц, распутников и мятежников, угрожавших существованию духа *Маат* в египет-

---

[1] Самые лучшие в начертании и наиболее полные в содержании тексты этих книг были обнаружены в погребении фараона Сети I, отца самого великого древнеегипетского фараона Рамсеса II. См. об этом статью доктора египтологии из Нью-Йоркского университета Бояны Можсовой: *Mojsov B.* The Ancient Egyptian Underworld in the Tomb of Sety I: Sacred Books of Eternal Life // The Massachusetts Review. 2001/2002. Winter. Vol. 42. № 4. Egypt. P. 489–506.

[2] Характеризуя это изображение, египтолог Александр Пьянков писал: «Две противоположности, силы добра и зла, Хор и Сет, примирены и образуют теперь одну фигуру» (*Piankoff A.* The Tomb of Ramesses VI. In two volumes. Vol. 1. Text. New York, 1954. P. 209).

ском обществе[1]. Они проклинались как злодеи. Их души считались недостойными для того, чтобы после смерти жить в земле Запада — в Потустороннем мире среди душ праведных людей. Их телесные оболочки считались не заслуживающими могил: гнить в пустыне и служить пищей для хищных птиц и грызунов — таковым только мыслилось их предназначение.

Помимо трона Хора, фараоны «Нового царства» имели и трон Сета. Царица Хатшепсут управляла страной в звании Хора, но когда ей требовалось применить силу, она выступала как Сет. Фараон Рамсес II (приблизительно 1290–1224 гг. до н.э.), перенеся свою резиденцию в город Пер-Рамессес в западной дельте Нила, установил культ почитания Сета наряду с другими богами.

В Египетском музее в Каире хранится статуя, изображающая коронование Рамсеса III, второго фараона XX династии, правившего примерно в 1184–1153 гг. до н.э. Корону Верхнего и Нижнего Египта возлагают на него стоящие по бокам Хор и Сет[2]. Одна из древнеегипетских надписей, посвященных Рамсесу III, гласит, что он, «как и Сет, избранник Ра»[3].

В положении Сета, бога насилия, беспорядка, неправды, в пантеоне богов Древнего Египта во многом и проявляется истинная сущность древнеегипетской доктрины преступления. Деяния, воплощением которых выступал этот бог, были преступными по своему характеру — он был, в частности, убийцей Осириса, однако он все равно считался членом священного пантеона, который, согласно представлениям древних египтян, правил миром. Следовательно, *с точки зрения официальной религиозно-политической идеологии Древнего Египта преступление рассматривалось не в качестве греха, но деяния, которое, хотя и преступает границы нормального, разрушает нормальное устройство мира и нормальное течение жизни, причиняет зло живым существам и даже губит их, является необходимым для существования этого мира условием.*

---

[1] См.: Followers of Set // *Buson M. R.* Encyclopedia of Ancient Egypt. Revised Edition. New York, 2002. P. 139.

[2] См. цветную фотографию этой статуи в издании: *Wilkinson R. H.* Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. P. 197.

[3] Цит. по: *Velde H. Te.* Seth, God of Confusion. P. 20.

Наказание при таком воззрении на преступление не могло мыслиться возмездием преступнику за причиненное им зло. Если *преступление* считалось действием, нарушающим нормальное устройство мира и нормальное течение жизни в нем, то *наказанию* неизбежно должны были придавать значение меры, восстанавливающей прежний порядок в мире. Если *преступление* рассматривалось в качестве действия, творящего этот мир, наряду с добрыми делами, то и *наказание* должно было представляться в виде меры воздействия не только на преступника, но и на мир в целом.

Воззрение на преступление как на деяние вселенского значения и понимание наказания как меры, влияющей не только на человеческое общество, но на весь вообще мир, особенно явственно выступает в древнеегипетской религиозной доктрине «посмертного суда». Его самое раннее описание дано в «Книге мертвых» — собрании заупокойных текстов, создававшихся в Египте, начиная с эпохи «Раннего царства», а возможно, и с додинастических времен. Смысл «посмертного суда» заключался, насколько можно понять из содержания данных текстов, в определении места души умершего человека в другом, лучшем мире на основании его поступков в мире земном. Таким образом, из доктрины «посмертного суда» вытекала *идея неотвратимости наказания*: если человек во время пребывания на Земле совершал преступление, то он в любом случае получал наказание.

Согласно описанию, содержащемуся в «Книге мертвых», судебное разбирательство земных дел умершего началось с его вступления в зал Правосудия (Маат), где восседал главный судья — вселенский бог Осирис. После слов приветствия «Великому Богу, Господину Маат» умерший, представленный на суде своей душой, дал отчет о своих поступках во время жизни на Земле. «Смотри, — сказал он, — я пришел к тебе и принес тебе *маат*. Я хочу оправдаться перед тобой[1]. Я не делал зла людям. Я не притеснял родственников. Я не поступал неправедно в зале правды.

---

[1] Уоллис Бадж перевел эти фразы следующим образом: «I have destroyed sin for thee. I have not sinned against men», т. е. «Я разрушил грех для тебя. Я не грешил против людей» (*Budge E. A. W.* The Book of Dead. The Floating Press, 2008 (по изданию 1920 г.). P. 31). Данный перевод мне показался не вполне соответствующим смыслу «посмертного суда», и я привел его в соответствие с этим смыс-

Я никого не презирал. Я никому не причинял зла. Я не лишал притесняемого обманом его имущества. Я не совершал поступков, вызывающих отвращение у богов. Я не ругал слугу в присутствии его хозяина. Я не причинял боль. Я никого не лишил пищи. Я никого не заставил плакать. Я не совершил убийства. Я никому не приказывал совершить убийство для меня. Я никому не причинил страдания. Я не лишал обманом храмы их жертвоприношений. Я не крал печева у богов. Я не крал жертвоприношений духам (т. е. мертвым). Я не совершил прелюбодеяния. Я не загрязнял себя в священных местах бога моего города. Я не уменьшал сосудов, служивших мерой[1]. Я ничего не отнимал и не добавлял к мере площади. Я не вторгался на поля (других). Я не добавлял веса к мерам. Я не указывал неправильно измерения. Я не забирал молока изо рта детей. Я не уводил скота от его пастухов. Я не ловил в ловушки птиц богов. Я не ловил такого же роды рыбы. Я не останавливал воду (когда ей следовало течь). Я не разрушал дамб на канале. Я не гасил огня, когда ему следовало гореть. Я не поворачивал назад скот, (предназначенный) для жертвоприношений. Я не отворачивался от бога при его появлениях. Я чист. Я чист. Я чист. Я чист…»[2].

В соответствии с древнеегипетскими религиозными воззрениями «суду» Осириса подлежала душа не только простого смертного, но и фараона. Говоря о значении «посмертного суда» для его души, Бояна Можсова пишет: «Царская гробница была моделью царства Осириса. Как только солнце садилось на западном горизонте, оно входило в это темное царство. Путешествуя в ночные часы на своей небесной барже, божественный свет освещал самые глубокие пещеры Потустороннего мира и всех душ, обитавших в его пределах. Защищаемая Сией и Хекой, богами видения и магии, душа Ра опускалась глубже и глубже в ночь. Именно в Потустороннем мире бог солнца повстречался со своим злейшим врагом Апофисом, великим змеем темноты и забвения. Каждая душа должна была предстать перед судом Осириса, бога Потусторон-

---

лом. Подобным же образом мной подправлены и другие фразы перевода «Книги мертвых», сделанного У. Баджем.

[1] В переводе Уоллиса Баджа: «I have not diminished from the bushel» (ibidem).

[2] *Budge E. A. W.* The Book of Dead. P. 31–32.

него мира, перед тем, как упокоиться для отдыха. Однако, чтобы встретить Осириса, все души должны были совершить рискованное путешествие через ночь и повстречаться со змеем. Однако Ра, божественный свет во всех его формах и выражениях, плавал ночами по реке Потустороннего мира, направляя все праведные души к вечной жизни. Соединившись однажды с Осирисом, душа могла возродиться»[1].

Согласно доктрине «посмертного суда», душа человека, совершавшего в земной жизни преступления, не допускалась к вечной жизни, то есть преступник обрекал свою душу на смерть.

Религиозные воззрения на преступление и наказание оказывали заметное влияние на трактовки этих явлений в правосознании древнеегипетского общества и на правовые нормы о преступных действиях и наказаниях за них. Думается, именно характерное для этих воззрений понимание преступления не в качестве греха, но как заблуждения, особого рода психической болезни, вызывающей неадекватное поведение, предопределило весьма осторожное отношение древнеегипетских правителей к применению смертной казни к преступникам. Оно нашло отражение, например, в «Поучении» гераклеопольского государя своему сыну Мерикара, составленном во время правления X династии, то есть в период политической анархии в Египте, который наступил после распада «Старого царства». Отец призывает в нем царевича исполнять маат и при этом дает ему следующие советы: «Остерегайся карать опрометчиво; не убивай, нет тебе в этом пользы. Ты станешь наказывать побоями и заключением, благодаря этому обустроится эта страна; исключение лишь для бунтовщика, чей замысел раскрыт. Бог (достоверно) знает строптивцев, но бог отвергает проливающих кровь; милосердный [продлевает] время (своей жизни)»[2].

В исторической литературе, посвященной Древнему Египту, встречается мнение о том, что в эпоху «Нового царства» наказания в Древнем Египте стали суровее тех, которые применялись к преступникам в прежние эпохи. Его высказывает, в част-

---

[1] *Mojsov B.* The Ancient Egyptian Underworld in the Tomb of Sety I: Sacred Books of Eternal Life. P. 491.

[2] Поучение пятого гераклеопольского государя царевичу Хети, будущему царю Мерикара // *Демидчик А. Е.* Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 195.

ности, Джон Альберт Уилсон в своей книге о культуре Древнего Египта. В действительности документальные материалы о применении наказаний в Древнем Египте не только в эту эпоху, но и во все другие периоды его истории настолько скудны, что не позволяют делать подобных выводов. Поэтому американский египтолог основывает свое заключение об усилении тяжести наказаний с переходом от «Среднего царства» к «Новому царству» на общей оценке политического режима, которая, в свою очередь, тоже является у него слишком умозрительной. По словам Дж. А. Уилсона, в новую эпоху «фараон больше не внушал такого почтения и страха к себе, какое внушал в более священном государстве более ранних времен», что вело к «репрессивному авторитаризму»[1].

Понятие преступления и наказания в древнеегипетском праве, безусловно, развивалось. Но скорее по пути дифференциации этих явлений. В юридических документах эпохи «Нового царства» встречается намного больше категорий преступной деятельности и видов наказания, чем в документах прежних эпох. Ведение судебных дел против преступников стало документироваться в этот период чаще и подробнее, чем прежде. И государственный аппарат получил значительное развитие по сравнению с периодом «Среднего царства». И судебная деятельность государственных органов стала более интенсивной. По этой причине и документов от «Нового царства» сохранилось больше, чем от какой-либо предшествовавшей эпохи. Но нельзя не признать, что правовые нормы о преступлениях и наказаниях также развивались. Многие преступления затрагивали насущные интересы как государства в целом, так и верховного властителя в частности. Закон был для этой сферы лучшим регулятором, а его текст — лучшей формой выражения юридических понятий и терминов. Но религиозное сознание в Древнем Египте всегда довлело над правосознанием. И содержание законов о преступлениях и наказаниях подчинялось духу религиозного мировоззрения, с точки зрения которого **все преступления — это преступления человеческой души, а не тела.** А раз так, то преступник должен нести не столько телесное, сколько духовное наказание.

---

[1] Это мнение высказывал, в частности, американский египтолог в своей книге о культуре Древнего Египта. См.: *Wilson J. A.* The culture of Ancient Egypt. Chicago, 1956. P. 241.

Сохранившиеся документы показывают, что смертная казнь применялась в Древнем Египте в качестве наказания за такие преступления, как: 1) заговор или мятеж против верховного властителя; 2) разграбление, уничтожение или повреждение могил; 3) кража статуи бога, священных реликвий и жертвоприношений из храмов, повреждение или разрушение храмовых зданий; 4) убийство; 5) нарушение клятвы — клятвопреступление.

Но что это была за смертная казнь? — Тот, кто поднимался на мятеж против царя, как правило, подвергался сожжению заживо или утоплению в Ниле. «Не существует могилы для того, кто совершает преступление против его величества: его тело брошено в реку», — такая надпись была высечена на одной из древнеегипетских погребальных стел времен «Среднего царства»[1]. Отсюда очевидно, что *смертная казнь рассматривалась в Древнем Египте в качестве казни не только для тела, но и для души*. Не давая телу преступника возможности упокоиться в могиле, тем самым лишали его душу ее родной обители, губили ее вместе с телом.

Для обозначения преступного деяния, которое составляло заговор или мятеж против верховного властителя, в египетском языке, по всей видимости, отсутствовал специальный термин. Такое преступление было в Древнем Египте редкостью, и нет ничего удивительного в том, что называлось оно по-разному. Документы, описывающие заговор сановников и женщин из царского гарема против Рамсеса III, раскрытый незадолго до его смерти[2], называют его «великим преступлением, заслуживающим смертной

---

[1] Inscription of Sehetepibre // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the Seventeenth Dynasties. Chicago, 1906. P. 327.

[2] По мнению ряда египтологов, Рамсес III был ранен заговорщиками и скончался от ран. Ганс Гёдике пишет в своей статье, посвященной этому заговору: «В то время как представляется определенным, что заговор почти достиг своей цели, убийства Рамсеса III, неясным остается, почему заговор, в конце концов, потерпел неудачу, приведя к аресту заговорщиков. Вероятно, некоторые лояльные члены царской семьи — возможно, Рамсес IV — действовали быстро и подавили мятеж, когда он еще только начинался» (*Goedicke H.* Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? P. 91–92). Между тем исследование останков Рамсеса III показало, что он умер не от ран. См.: *Harris J. E., Weeks K. R.* X-raying the pharaohs. New York, 1973. P. 163.

казни»[1], «полной мерзостью для страны»[2] или просто «мерзостью страны»[3].

Рассказ о «гаремном заговоре», изложенный в так называемом «Судебном Туринском папирусе»[4], ведется от имени Рамсеса III, и он интересен прежде всего выраженным в нем отношением древнеегипетского властителя к смертной казни: *фараон считал себя не вправе назначать преступникам это наказание*. Согласно этому рассказу, его величество поручил вести дело о заговоре группе сановников: двум казначеям, носителю царского штандарта, пяти дворецким, своему адъютанту, чиновнику канцелярии, чиновнику архивов, носителю штандарта пехотного войска, сказав им: «Что касается дел людей, участвовавших в заговоре, — я не знаю кто, пойдите и допросите их». Далее фараон сообщает, что члены следственной комиссии пошли и допросили заговорщиков «и они заставили умереть от своих собственных рук тех, кого они побуждали к (такой) смерти, хотя (я) не знаю, кто, [и они] также назначили наказание другим, хотя я не знаю, кому. Но (я), — подчеркивает фараон, — [строго] обязал их, сказав: "Обратите внимание, проявите заботу, чтобы не допустить ошибочного наказания [кого-либо чиновником], который не стоит над ним". Так я говорил им снова и снова. Что касается всего того, что было сделано, то это сделали именно они. Пусть (ответственность за) все, что они сделали, падает на их (собственные) головы, в то время как я навсегда благословенный и незапятнанный, в то время как я

---

[1] Papyrus Lee // *Goedicke H.* Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? (P[apyrus] Rollin and P[apyrus] Lee) // The Journal of Egyptian Archaeology. 1963. Vol. 49. P. 78, 89.

[2] Papyrus Rollin // Ibid. P. 72.

[3] *Buck A. de.* The Judicial Papyrus of Turin // The Journal of Egyptian Archaeology. 1937. Vol. 23. № 2 (Dec.). P. 154.

[4] А. де Бак в комментарии к своему переводу этого документа пишет, что «принятое название его "Судебный папирус" оказалось ложным. Это не судебный документ вообще, а нарративный, который в настоящем изложении рассказывает ясную и последовательную историю. Его содержание может быть суммировано в нескольких словах. Умерший царь дает отчет о том, что он сделал с участниками в заговоре. Он рассказывает, как он поручил суду их преследование, и делает значительный упор на тот факт, что он не несет ответственности за наложенные на них наказания. Он строго обязал суд быть внимательным, поэтому это их ответственность, а не его, если были сделаны ошибки» (ibid. P. 163).

предстаю как справедливый царь перед Аммон-Ра, царем богов, и Осирисом, властителем над Вечностью»[1].

После этого рассказа в тексте папируса приводятся четыре списка лиц, обвиненных в заговоре против фараона, включающих тридцать сановников и шесть жен охранников гарема, и называется лицо, связанное с ними. Все эти люди именуются «великими преступниками». В списках указываются их фамилии и должности; сообщается, что в результате расследования их преступлений они признаны виновными, и говорится о том, какое наказание было назначено каждому из них.

О шестнадцати сановниках и шести женщинам было сказано, что следственная комиссия «заставила наказание обрушиться на них. Их преступление схватило их»[2]. Шестерым обвиненным в заговоре лицам было рекомендовано или приказано покончить самоубийством. О них в рассказе говорится, что «они взяли свои собственные жизни. Никакого вреда им причинено не было»[3]. О четверых же заговорщиках сказано, что «их оставили там, где они были, они взяли свои жизни»[4]. Еще четверых подвергли отрезанию носов и ушей, «поскольку они отвергли данные им хорошие наставления»[5]. Наконец, человек, связанный с заговорщиками, подвергся следующему наказанию: он был, как указано в рассматриваемом рассказе, «строго обруган плохими словами; он был оставлен в одиночестве, никакого вреда ему не было причинено»[6].

Еще один документ, посвященный «гаремному заговору» против Рамсеса III, сохранился в виде двух фрагментов, один из кото-

---

[1] *Buck A. de.* The Judicial Papyrus of Turin. P. 154. Более ранний вариант перевода этого документа опубликован Генри Брэстедом в собрании «Древних документов Египта». См.: Records of Harem Conspiracy // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. The Twentieth to Twenty-Sixth Dynasties. Chicago, 1906. P. 213. Перевод текста «Судебного Туринского папируса» на французский язык вышел отдельным изданием в 1897 г. См.: Le Papyrus Judiciaire de Turin et le Papyrus Lee et Rollin // Par Th. Deveria. Paris, 1897. P. 13–30.

[2] Ibidem.

[3] Ibid. P. 156.

[4] Ibidem.

[5] Ibidem.

[6] Ibidem.

рых получил среди египтологов название «Папирус Роллин», другой — «Папирус Ли». В этих фрагментах не называются имена заговорщиков (они, скорее всего, приводились в утраченных частях документа), но зато сообщается нечто очень любопытное о порядке назначения высшей меры наказания в Древнем Египте.

В первом из папирусов говорится об одном из заговорщиков, что он был допрошен и были обнаружены факты всех его преступных деяний. «Он совершил их в полном соучастии с другими главными преступниками такого же рода. Преступления, заслуживающие смертной казни, были налицо, и полная мерзость для страны, которую он сделал, была налицо. И когда он понял, что преступления, которые он совершил, заслуживают смерти, он принес смерть самому себе»[1].

В «Папирусе Ли» о преступнике, уличенном в заговоре против фараона, тоже говорится, что при его допросе были открыты все совершенные им преступные деяния и что он совершил их при полном соучастии с другими «великими преступниками», подобными ему, но к этому добавляется: «И к нему были применены наказания, причиняющие смерть, о которых боги сказали: “Примените их к нему”»[2]. Комментируя эти слова, публикатор записей на папирусах Роллин и Ли, Ганс Гёдике отмечает: «Из нашего текста ясно, что назначение смертного приговора не находилось в человеческой юрисдикции. Примечательно, что до ссылки на наказание мы находим [слова] *bwt ntr nb ntrt nb(t)*, указывающие на то, что преступление наносит вред каждому богу. Это упоминание богов в связи с исполнением смертного приговора встречается еще раз в конце строки. Там назначение его прямо приписывается богам и формулируется как сделанное по просьбе “богов”»[3].

---

[1] Papyrus Rollin // *Goedicke H.* Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? (P[apyrus] Rollin and P[apyrus] Lee). P. 72. См. также: Records of Harem Conspiracy // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. P. 220.

[2] Papyrus Lee // *Goedicke H.* Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? (P[apyrus] Rollin and P[apyrus] Lee). P. 78. См. также: Records of Harem Conspiracy. P. 220–221.

[3] *Goedicke H.* Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Ramesses III? (P[apyrus] Rollin and P[apyrus] Lee). P. 89.

По мнению Дэвида Лортона, «вполне возможно, что отнесение смертного приговора в “гаремном заговоре” к божественной юрисдикции проистекает из личной религиозности Рамсеса III в конце его жизни и не должна рассматриваться как регулярная практика при назначении смертной казни»[1]. Однако древнеегипетские документы зафиксировали и другие случаи, когда назначение смертной казни связывалось с желанием бога наказать преступника именно таким образом.

По словам Энтони Лихи, «частота сокрушения врагов с помощью огня, выступающая в качестве темы ранней религиозной литературы, соединенная с некоторыми текстами Рамессидов, иллюстрирующими применение огня для наказания подвластного населения за мятеж против фараона, показывает, что оно имело в Египте долгую историю»[2].

О том, что мятеж против царя следует карать смертной казнью, считал упомянутый выше гераклеопольский правитель, который, призывая своего сына Мерикара проявлять милосердие к преступникам, признавал, что бунтовщик, «чей замысел раскрыт», должен быть казнен. Данный случай в его «Поучении» был представлен в виде исключения. На самом деле в Древнем Египте казнили и за другие преступления, и в целом полагали необходимостью применение смертной казни в довольно многих случаях.

Так, считался заслуживающим смерти сановник, советовавший царю отбросить все планы его предшественника на троне, удалить с высоких должностей назначенных им людей и править по-своему. Среди надписей, украшающих внутреннее помещение храма в Канэ, устроенного внутри скалы в девятый год правления Сети I, есть и такие, в которых фараон грозит самыми страшными карами подобным людям. Одна из них гласит, например: «Что касается какого-либо высокого должностного лица, кто в манере плохого свидетеля будет внушать своему господину эту идею, удалить тех или иных лиц, переместить их

---

[1] *Lorton D.* The Treatment of Criminals in Ancient Egypt: Through the New Kingdom // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1977. Vol. 20. № 1. Special Issue on The Treatment of Criminals in the Ancient Near East. P. 32.

[2] *Leahy A.* Death by Fire in Ancient Egypt // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1984. Vol. 27. № 2. P. 201–202.

в некоторые другие сферы приложения талантов, то ему следует отсечь конечности и предать его огню, в пламени которого сгорит его тело»[1].

С давних времен в Древнем Египте казнили и тех, кто разграблял могилы, и тех, кто похищал статуи бога, священные реликвии и жертвоприношения из храмов. Самыми ранними из обнаруженных документальных свидетельств применения в Древнем Египте смертной казни за разграбление могил являются надписи в погребении гераклеополисского правителя Анкхтифи, расположенном в некрополе древнеегипетского города Нефат (по-арабски: Элль Мо'алла). Они относятся ко времени X династии, то есть к периоду между эпохами «Старого» и «Среднего» царств. Одна из этих надписей гласит: «Что касается какого-либо правителя, который будет править в Нефате (Мо'алла) и который совершит плохое, зловредное действие против этого захоронения или против какой-нибудь части этой могилы, его рука будет отсечена для Хемена[2], во время его процессии из округа, его рука будет отсечена для Хемена, во время его процессии с восточной стороны, его рука будет отсечена для Хемена, во время процессии с берега, его рука будет отсечена для Хемена во время процессии… (далее следует египетское слово, непереводимое на современные европейские языки), его рука будет отсечена для Хемена, во время процессии из Великой Тени[3], и Хемен не примет от него жертвоприношения мясом, предлагаемого в день…, и Хемен не примет от него какого-либо жертвоприношения пищей, и его наследник не унаследует от него»[4].

Приведенная надпись показывает, что в ранние эпохи истории Древнего Египта для наказания преступников, посягавших на могилы, применялась смертная казнь, которая исполнялась в форме религиозного ритуала. Причем семья казненного лиша-

---

[1] Цит. по: *Morales A. J.* Threats and warnings to future kings: The inscription of Seti I at Kanais (Wadi Mia) // Millions of Jubilees: Studies in Honor of David Silverman / Edited by Zahi Hawass and Jennifer Houser Wegner. Cairo, 2010. P. 398.

[2] Хемен — бог Нефата, изображавшийся в виде сокола.

[3] «Великой Тенью» называется в данном случае, по всей видимости, какое-то священное место.

[4] Цит. по: *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 29.

лась возможности наследовать имущество преступника. По мнению публикатора данной надписи Харко Уильямса, она «дает только частичное описание того, что было в действительности смертной казнью в ритуальной маскировке. Это предполагается множеством текстов, описывающих подобные преступления и наказания»[1].

Ритуальность казни преступника, посягнувшего тем или иным образом на могилу, показывает, что преступление понималось в данном случае не в качестве деяния, наносящего какой-либо материальный вред, но как злодейство, разрушающее священный порядок — *маат*. Регулярно совершавшийся в древнеегипетских храмах ритуал восстановления такого порядка предполагал принесение в жертву животного, служившего для египтян воплощением зла, — например, гиппопотама[2]. Смертная казнь человека, грабившего могилы, представлялась, по всей видимости, жертвоприношением, которое приносилось с такой же целью, с какой жертвовался гиппопотам.

Могила имела особое значение в древнеегипетской религиозной идеологии. Человек, следовавший в своей жизни *маат*, с точки зрения этой идеологии, не умирал, но раздваивался на духовную часть своей сущности и телесную. Могила же мыслилась пространством раздельного существования тела человека и его души. При этом предполагалось, что при наступлении надлежащих условий душа вполне может возвратиться в телесную оболочку, в которой когда-то жила, и произойдет воскресение умершего человека к новой жизни. По словам Бояны Можсовой, «могилы были вечными домами, предназначенными для того, чтобы обеспечить всю материальную поддержку жизни и часто наполнялись подобно сундукам для сокровищ»[3]. Это делало их весьма привлекательными для воров. Поэтому воровство предметов из могил стало в Древнем Египте, начиная с эпохи «Нового царства», довольно распространенным явлением: сложились даже целые сообщества людей, для которых оно было профессиональ-

---

[1] *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 34.

[2] По сообщению Манефона, от гиппопотама погиб основатель первой династии древнеегипетских царей Менес. «Он был утащен гиппопотамом и погиб» (Manetho. With an English translation by W. G. Waddell. London, 1964. P. 28–29).

[3] *Mojsov B.* Osiris. Death and Afterlife of a God. London, 2005. P. 18.

ным занятием. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, зафиксировавшие следствие и допросы по делам об ограблении могил[1]. Но с другой стороны, преступники, грабившие могилы, закономерно рассматривались в связи с этим в качестве злодеев, вторгавшихся в священное пространство и нарушавших вселенский порядок.

О том, что к преступникам, воровавшим из могил находившиеся там предметы, применялась смертная казнь, свидетельствуют и многие другие документы. Одним из них является, например, запись допроса свидетелей по делу о разграблении могил царских жен, которое рассматривалось в первый год правления фараона Рамсеса X. В состав суда входили тжати Небмаренакхт, казначей фараона и надзиратель Менмаренакхт, придворный сановник фараона, носитель его опахала Йени. Один из свидетелей, ремесленник по имени Нефуенани, заявил судьям: "Я видел наказание, которое было наложено на воров (могил) во времена тжати Кхаемуеза. Я человек, который всегда ходит смотреть на смертную казнь, когда узнает о ней»[2].

Поддержание могил в неприкосновенности и сохранности считалось важнейшей задачей местных правителей, знатных людей и чиновников. Надпись у входа в одну из могил в Ассиуте, датируемая периодом между «Старым» и «Средним» царствами, устанавливала смертную казнь путем сожжения тех из них, кто оказывался не в состоянии выполнить эту задачу. «Что касается какого-либо правителя нома, — говорилось в ней, — какого либо сына человека, любого знатного или простого человека, кто не сумеет защитить эту могилу и все, что в ней находится, его бог не примет у него белый хлеб, он не будет похоронен на Западе (т. е. в Потустороннем мире. — *В. Т.*), и его тело будет сожжено вме-

---

[1] См.: Papyri Amherst // Ancient Records of Egypt. Historical Documents. By James Henry Breasted. Vol. 4. The Twentieth to Twenty-Sixth Dynasties. Chicago, 1906. P. 264–267; Turin Fragment // Ibid. P. 267–268; Mayer Papyri // Ibid. P. 268–273. Дела грабителей царского некрополя г. Фив во времена Рамсеса IX // *Лурье И. М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 220–250; Протоколы допросов обвиняемых в грабеже царских гробниц (во времена Рамсеса XI) // Там же. С. 250–286.

[2] Цит. по: *Peet T. E.* Fresh Light on the Tomb Robberies of the Twentieth Dynasty at Thebes: Some New Papyri inLondon and Turin // The Journal of Egyptian Archaeology. 1925. Vol. 11. № 1/2. P. 43.

сте с телами преступников, они будут превращены в то, чего не существует»[1].

Надпись времен правления царя XIII династии Неферхотепа I (приблизительно 1696–1685 гг. до н.э.) зафиксировала текст царского указа о назначении смертной казни лицам, приказавшим устроить себе могилу на территории некрополя «Святая земля южнее Абидоса». Данный некрополь был переполнен захоронениями, и царь приказал прекратить строительство в нем новых погребальных сооружений во избежание повреждения старых. «Что касается того, кто обнаружится в пределах этих (пограничных) камней, за исключением уаб-жреца при исполнении своих обязанностей, то он будет сожжен. Более того, что касается какого-либо знатного человека, который прикажет устроить для него могилу в пределах этого святого места, о нем следует сообщить, и этот закон (о наказании сожжением. — *В. Т.*), который относится к некрополю в сегодняшнем его состоянии, должен быть применен к нему»[2].

Древнеегипетские тексты зафиксировали немало случаев кражи простых вещей у частного лица. Такие действия считались, как и положено, правонарушением, однако наказание, которое они влекли за собой, было довольно мягким. Текст, начертанный на небольшом папирусе под номером 352 времен правления XIX династии, который хранится в Лейденском музее, зафиксировал кражу одежды и нескольких предметов из бронзы, совершенную рабыней или служанкой колесничего Пекхари, а также случай возвращения украденных вещей их хозяину — главному работнику Хэю, с одновременной выплатой компенсации[3]. Ярослав Черни, опубликовавший данный текст, сделал при анализе его содержания вывод о том, что «осужденный вор обязывался возвратить украденное имущество обворованному им лицу и уплатить в дополнение к этому компенсацию в размере двух или трех его

---

[1] Tombs III and IV at Assiut // *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 37.

[2] The Neferhotep decree // Ibid. P. 40.

[3] См.: *Černý J.* Restitution of, and Penalty Attaching to, Stolen Property in Ramesside Times // The Journal of Egyptian Archaeology. 1937. Vol. 23. № 2 (Dec.). P. 186–187.

стоимостей»[1]. В случаях же, когда вещи находились, но вор не обнаруживался, дело о краже ограничивалось возвратом украденного имущества к его собственнику.

Возврат украденных вещей их собственнику в качестве главной обязанности вора при краже им личного имущества предполагается и в начертанном на папирусе № 10355 из Британского музея тексте обращения человека, пострадавшего от кражи, к богу Аммона[2].

Таким образом, воровство имущества из дома частного человека считалось в Древнем Египте исключительно личным конфликтом между вором и хозяином украденных им вещей. Похищение же материальных предметов из могил мыслилось нарушением вселенского порядка, выраженного в религиозном мировоззрении, и потому относилось к категории тяжких преступлений.

В подобную категорию зачислялись и похищения предметов религиозного культа из храмов (жертвоприношений, статуй бога, стел с религиозными надписями и т. д.) или посягательства на храмы в какой-либо форме. Одно из самых ранних документальных свидетельств того, что эти деяния понимались в качестве тяжких, влекущих соответственно смертную казнь, является следующая надпись на стеле, датируемой переходным периодом от «Старого» к «Среднему царству»: «Далее, что касается того, кто совершит неправедные действия против этой стелы, то он будет осужден(?) и ему отсекут шею, как птице»[3].

Другое свидетельство составляет надпись на стеле, воздвигнутой на Элефантине[4] Саренпутом I, местным правителем времени царствования Сенусерта I (приблизительно 1856–1911 гг. до н.э.). Она гласит: «Что касается какого-либо правителя, любого уаб-жреца, любого ка-жреца, любого писца или какого-нибудь знатного человека, кто заберет [жертвоприношение] от статуи, его рука будет отсечена, как у быка, его шея будет перерезана, как у

---

[1] *Černý J.* Restitution of, and Penalty Attaching to, Stolen Property in Ramesside Times // The Journal of Egyptian Archaeology. 1937. Vol. 23. № 2 (Dec.). P. 189.

[2] См.: *Blackman A. M.* Oracles in Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology 1925. Vol. 11. № 3/4 (Oct.). P. 250–253.

[3] Stela Cairo CG I65I // *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 35.

[4] Остров на реке Нил, в настоящее время часть территории города Асуан.

птицы; у него не будет больше никакого положения; у его сына не будет больше никакого положения; у него не будет больше дома в Нубийском номе; у него не будет больше могилы в некрополе; и его бог не примет больше от него белого хлеба; он будет предан огню, и его дети сгорят в пламени, его тело удобрит землю. Я буду против него как крокодил в воде, как змея на земле и как враг в некрополе!»[1].

Сравнение смертной казни преступника с действиями, которые осуществлялись во время жертвоприношения животных и птиц в храмах, показывает, что процессу исполнения данного наказания придавался в Древнем Египте характер религиозного ритуала.

Второй царь XII династии Сенусерт I также назначал жестокие наказания тем, кто посягал на храмы и храмовое имущество. Об этом свидетельствует текст сделанной от его имени надписи на обломке стены храма Монту в городе Тоде[2], обнаруженный в 1934 году французской археологической экспедицией под руководством Фернанда Биссона де ла Рока (*Fernand Bisson de la Roque*). Он был опубликован впервые лишь в 1985 году Вольфгангом Хельке[3]. Вторая публикация этой надписи была осуществлена в 1987 году Дональдом Редфордом[4]. Большое количество пропусков в тексте документа, воспроизведенного канадским египтологом, потребовало новой его публикации. Она была осуществле-

---

[1] Stela № 9 in the Hekaib sanctuary // *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 34.

[2] Древнеегипетское название этого города, находившегося на восточном берегу Нила, в 20 км южнее Люксора, звучало примерно как слово «Джарти», т. е. «город сокола». Более древнее его звучание «Дуут», отсюда и произошло, видимо, его современное название Эль-Тод. См. об этом: *Gomaà F.* Tod // Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt / Compiled and edited by Kathryn A. Bard with the editing assistance of Steven Blake Shubert. London and New York, 1999. P. 1025.

[3] См.: *Helck W.* Politische Spannungen zu Beginn des Mittleren Reiches // Ägypten: Dauer und Wandel. Symposium anläßlich des 75jährigen Bestehens des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo am 10. und 11. Oktober 1982. Mainz, 1985. S. 45-52.

[4] См.: *Redford D. B.* The Tod Inscription of Senwosret I and Early 12th Dynasty Involvement in Nubia and the South // Journal of the Society for the Study of Egyptian Antiquities. 1987. Vol. 17 . № 1–2. P. 36–55.

на французскими египтологами Кристофом Барботином и Жак Жаном Клером в 1991 году в «Бюллетене Французского института восточной археологии»[1].

В указанной надписи Сенусерта I говорится о «*голытьбе, которая, ничем не владея, превратилась в шайку грабителей и подстрекателей к разрушению храма*». Но «*тех, кто будут разорять эту область*, — заявляет царь, — *поймают как рыб, не разбирая мужчины это или женщины*, … *и бросят в печь. Они сгорят там, как тряпка*»[2].

Одним из самых священных мест в Древнем Египте являлся Храм бога Осириса, располагавшийся в районе Абидоса[3] и называвшийся «Домом миллионов лет царя Верхнего и Нижнего Египта». Это был огромный храмовый комплекс, в состав которого входили не только религиозные сооружения, но и обширные хозяйственные угодья. Его основали приблизительно в середине XXXII века до н.э.[4] — на месте, где, по преданию, была захоронена голова Осириса, убитого своим братом Сетом. Жена Осириса Исида[5] собрала рассеянные по стране кусочки его тела и принесла их к голове. На этом месте Осирис воскрес и возвратился к власти над Потусторонним миром. При заходе солнца территория вокруг храма Осириса как будто покрывалась золотом: древние египтяне говорили, что она похожа на золотую лестницу, ведущую в Потусторонний мир.

Храм Осириса имел обширные владения в Нубии, которые могли подвергаться посягательствам со стороны наместника Нубии, сановников фараона и чиновников местного управления. Чтобы защитить нубийское хозяйство храма от этих посягательств, фараон Сети I предоставил ему специальным Указом широкий круг

---

[1] См.: *Barbotin Ch., Clère J. J.* L'inscription de Sésostris Ier à Tôd [avec 31 planches et 1 dépliant] // Bulletin De L'Institut Français D'Archéologie Orientale. Le Caire, 1991. P. 1–32. В заключительной части данной публикации приводятся фотографии храмовой стены с надписью Сенусерта I.

[2] Ibid. P. 9.

[3] В 145 км к северу от Люксора.

[4] Последний вариант здания храма Осириса был в основе своей сооружен при фараоне Сети I, а достроен при его сыне Рамсесе II.

[5] На египетском языке ее имя передавалось словом, звучавшим как Асет.

различных привилегий[1]. Он гарантировал всем его работникам защиту и автономию: «они не должны управляться другими и не следует вмешиваться в их дела»[2], — говорилось в одной из статей данного акта. Главными целями этого Указа было, как признавалось в его преамбуле, «воспрепятствовать нанесению вреда какому-либо человеку храмового хозяйства, на какой бы территории страны он ни пребывал, — будь то мужчина или женщина», воспрепятствовать захвату кого-либо из работников храмового хозяйства для принудительного труда на территории другого хозяйства, воспрепятствовать задержанию принадлежавшего храму корабля в водах реки каким-нибудь стражником, воспрепятствовать причинению ущерба полям и скоту храмового хозяйства со стороны какого-либо наместника, начальника или чиновника[3]. В качестве наказаний за такого рода нарушения и за изъятия из хозяйства храма тех или иных вещей следовало назначать, согласно Указу фараона, битье палками, от ста до двухсот ударов, и штрафы в многократном размере по отношению к стоимости изъятого, а сами эти вещи должны были немедленно возвращаться храмовому хозяйству.

Указом Сети I под особую охрану брались животные, принадлежавшие храмовому хозяйству. Если какой-либо посторонний человек уводил к себе какое-нибудь животное, то в качестве наказания ему назначалось отрезание носа и ушей. При этом и сам вор, и его жена с детьми обращались в слуг храмового хозяйства. Однако если хранитель или пастух принадлежавшего этому хозяйству скота допускал продажу или просто передачу какого-либо животного за пределы храмового хозяйства или содействовал каким-либо образом тому, чтобы оно было принесено в жертву не Осирису, а другому богу, то он подлежал смертной казни. За такое деяние, гласил Указ фараона Сети I, «следует назначить ему наказание посредством сбрасывания его на вершину (острого) столба,

---

[1] Текст данного указа был высечен на отвесной скале, похожей на стелу, в местности Наури, в 35 километрах к северу от третьего Нильского порога. Обнаружен в 1924 г.

[2] *Griffith F. L.* The Abydos Decree of Seti I at Nauri // The Journal of Egyptian Archaeology. 1927. Vol. 13. № 3/4 (Nov.). P. 199.

[3] *Edgerton W. F.* The Nauri Decree of Seti I: A Translation and Analysis of the Legal Portion // Journal of Near Eastern Studies. 1947. Vol. 6. № 4 (Oct.). P. 221.

посвятив его жену, его детей (и) все его имущество хозяйству храма и отобрав животное у того, кому он его [отдаст], взыскав с него штраф (в пользу) хозяйства в размере сто к одному[1]»[2].

Наказание посредством сбрасывания преступника на вершину острого столба вполне могло обозначать не род смертной казни, а смертную казнь как таковую, поскольку для обозначения этого вида наказания в египетском языке отсутствовал специальный термин.

Смертная казнь за мятеж против царя, разграбление, уничтожение или повреждение могил, похищение статуи бога, священных реликвий и жертвоприношений из храмов, повреждение или разрушение храмовых зданий предполагала, как правило, такое уничтожение тела преступника, которое, с точки зрения древнеегипетского мировоззрения, считалось одновременно уничтожением и его души. Сохранились надписи, свидетельствующие, что к этим наказаниям добавлялось еще одно — лишение преступника имени. Текст подобной надписи из погребения в некрополе Ассиут, датируемой временем между эпохами «Старого» и «Среднего» царств, гласит: «Но что касается какого-либо мятежника и любого душевнобольного человека, который совершит преступление, несмотря на то, что слышал об этом (т. е. о наказании, установленном за него), его имя не будет существовать, он не будет похоронен в пустыне, он будет сожжен вместе с преступниками, которые прокляты богом. Пусть будет он презираем богами своего города! Пусть будет он презираем жителями своего города!»[3]

---

[1] То есть в стократной стоимости к цене возвращаемого в храмовое хозяйство животного.

[2] *Edgerton W. F.* The Nauri Decree of Seti I: A Translation and Analysis of the Legal Portion. P. 224. Британский египтолог Фрэнсис Ллевеллин Гриффис перевел текст этой нормы несколько по-другому: «ему следует назначить наказание путем сбрасывания его вниз на конец острого столба, передав его жену и детей и все его имущество хозяйству храма и изъяв голову животного у того, кому он [отдал] ее, украв у хозяйства, в размере сто к одному» (*Griffith F. Ll.* The Abydos Decree of Seti I at Nauri // The Journal of Egyptian Archaeology. 1927. Vol. 13. № 3/4 (Nov.). P. 203. В переводе Ф. Л. Гриффиса преступление, за которое назначена столь жестокая казнь, представляется кражей.

[3] Цит. по: *Willems H.* Crime, Cult and Capital Punishment (Mo'alla Inscription). P. 37.

Документальные материалы показывают, что лишение имени в качестве наказания, дополнявшего смертную казнь тела и души преступника, было довольно распространенным в Древнем Египте. Более того, преступникам могли даже заменить их прежнее имя на имя врага бога Ра — Апофиса для того, чтобы усилить наказание. Поскольку преступление мыслилось в древнеегипетском религиозном мировоззрении деянием в большей степени не тела, а души человека, то и настоящим наказанием считалась казнь души преступника. В представлении древних египтян, душа умершего человека не могла существовать без имени и могилы, поэтому самые страшные преступники лишались после смертной казни и того, и другого. Их души обрекались на то, чтобы исчезнуть навсегда из вселенной, не оставив после себя ни следа, ни памяти. Полное исчезновение души человеческой из мира и представлялось ее казнью.

В массе дошедших до нас древнеегипетских юридических документов нет ни одного такого, который бы прямо устанавливал наказание за убийство. «Египетский материал не предусматривает свидетельства о юридической трактовке убийства или нанесения тяжкого телесного повреждения, наиболее очевидных преступлений против личности»[1], — отмечает Крис Айр.

Между тем Диодор в своем описании Древнего Египта привел немало свидетельств о том, что такие преступления наказывались в этой стране смертной казнью. Так, по его рассказу, «тот, кто видел на своем пути человека в схватке с убийцей или подвергавшегося какому-либо насилию и не помог ему, чем только мог, приговаривался к смерти. Если же он был действительно не в состоянии оказать помощь, он был обязан изобличить разбойника перед судом. Если он не делал этого, он получал определенное число ударов прутьями и лишался всякой пищи на три дня»[2].

«Тот, кто убивал умышленно свободного человека либо раба, наказывался смертью, — свидетельствует Диодор, — ибо законодатель желал карать не по различиям фортуны, но по намерению

---

[1] *Eyre C. J.* Crime and Adultery in Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1984. Vol. 70. P. 93.

[2] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 86–87.

злодея; в то же время, применяя его по отношению и к рабам, обязывали всех никогда не совершать преступлений против свободных людей»[1].

Согласно Диодору, «родители, которые убивали своих детей, не подвергались смертной казни, но они должны были в течение трех дней и трех ночей пребывать рядом с трупом (убитого ребенка) и держать, обнимая его, под надзором государственного стражника, ибо казалось несправедливым лишать жизни тех, кто дал ее детям, и верили, что причиняют им этим наказанием достаточно боли и раскаяния, чтобы отвратить их от подобных преступлений»[2].

Однако на детей, которые убивали своих родителей, отмечал Диодор, египтяне «налагали совершенно особое наказание: острым тростником на руках обвиняемого делалось надрезание, и они поджаривались живьем на колючках. Ибо убийство родителей рассматривалось как самое тяжкое преступление, которое только может совершаться между людьми. Беременная женщина, приговоренная к смерти, не подвергалась казни до тех пор, пока не разрешалась от бремени»[3].

Из рассказа Диодора следует, что фараон Шабака Неферкара, правивший примерно в 721/717–707/703 гг. до н.э., отменил смертную казнь за многие преступления, обязав «приговоренных к смерти трудиться закованными в кандалы на общественных работах»[4].

Диодор сообщал также, что среди египтян существовали «очень суровые законы», касавшиеся женщин. Согласно им, «тому, кого уличали в насилии над свободной женщиной, должны были отрезать часть гениталий; ибо считали, что это преступление включает в себя три очень больших зла: оскорбление, упадок нравов и неясность происхождения ребенка. За адюльтер, совершенный без насилия, мужчина приговаривался к тысяче ударов прутьями, а женщине отрезали нос: законодатель хотел, чтобы

---

[1] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 87.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

[4] Ibid. P. 74.

она потеряла свою личную привлекательность и была неспособна к обольщению»[1].

Сохранившиеся юридические документы свидетельствуют, что прелюбодеяние действительно могло трактоваться древнеегипетскими судами как уголовное преступление. Это показывают, в частности, записи судебных разбирательств по делам об адюльтере на остраконах и папирусах, обнаруженных на месте поселения строителей царских гробниц под названием Дейр-эль-Медина. Они датируются временами правления XIX и XX династий.

Одна из этих записей описывает допрос писца по имени Мери-Секхмет, уличенного в прелюбодеянии с чужой женой. Женщина хотя и вышла замуж, но по каким-то причинам продолжала проживать в родительском доме. Сюда и приходил к ней на свидания Мери-Секхмет, который имел, кажется, намерение жениться на своей возлюбленной. На допросе он признался, что «уже сделал ее своей женой»[2]. Но у женщины имелся муж и он однажды наведался к своей жене и застал ее с другим мужчиной. Возмущенный муж подал жалобу в местный суд. Судья призвал к себе писца-прелюбодея и приказал ему поклясться в том, что он не будет больше встречаться с замужней женщиной. В ответ Мери-Секхмет дал следующую клятву: «Как Аммон продолжает существовать, так и царь продолжает существовать, если я заговорю с ней, с женой, пусть мой нос, мои ноздри и мои уши будут [отсечены], а я буду сослан в землю Куш»[3].

Отсечение ушей было очень серьезным наказанием для древнего египтянина, так как именно через уши он мог, согласно распространенным в его стране религиозным представлениям, воспринимать инструкции бога и готовить себя к переходу в Потусторонний мир. Следовательно, отрезание ушей фактически закрывало ему путь к вечной жизни.

Несмотря на данную в суде клятву, Мери-Секхмет продолжал встречаться с женщиной. И когда она забеременела, то уже

---

[1] Bibliothèque Historique de Diodore de Sicile. Traduction Nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefer. Tome 1. Paris, 1846. P. 88–89.

[2] Цит. по: *Galpaz-Feller P.* Private Lives and Public Censure: Adultery in Ancient Egypt and Biblical Israel // Near Eastern Archaeology. 2004. Vol. 67. № 3 (Sep.). P. 157.

[3] Цит. по: Ibidem.

отец прелюбодея привел его в суд. Судья снова приказал ему дать клятву в том, что он не будет больше приближаться к чужой жене. И писец поклялся, что никогда больше не войдет в дом своей возлюбленной. Суд назначил Мери-Секхмету новое наказание, направив его трудиться в каменоломни Элефантина.

Самым любопытным в этом деле было то, что ни одного из назначенных судом наказаний прелюбодею испытать не пришлось. И помог ему избежать весьма печальной участи… муж той женщины, с которой он прелюбодействовал: помог тем, что не предпринял никаких действий против своей жены и ее возлюбленного[1]. А суд не стал по собственной инициативе возбуждать новое дело против Мери-Секхмета, которое могло окончиться для него намного более печальным образом, чем предыдущие, поскольку суд имел все основания привлечь его к ответственности за нарушение клятвы.

По свидетельству Диодора, за клятвопреступление в Египте назначалась смертная казнь, поскольку в нем усматривалось «соединение двух тяжких преступлений, совершавшихся: одно — против богов, другое — против людей»[2]. Данное свидетельство подтверждается документами. За нарушение клятвы древнеегипетский суд мог назначить клятвопреступнику в качестве наказаний: отсечение конечностей или нанесение других увечий, посадку на кол, оставление на съедение крокодилу, битье палками[3]. Все это означало, в сущности, смертную казнь.

Юридические документы VII–VI веков до н.э. и в особенности документы Птолемеевского периода древнеегипетской истории показывают, что на практике наиболее частным результатом прелюбодеяния было не уголовное наказание, а просто развод супругов. Более того, возможность того, что муж вступит в связь с другой женщиной или жена уйдет к другому мужчине, предусматривалась в брачных соглашениях. Сторона, уличенная в прелю-

---

[1] См. об этом: *Lorton D.* The Treatment of Criminals in Ancient Egypt: Through the New Kingdom // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1977. Vol. 20. № 1. P. 38–39.

[2] Ibid. P. 86.

[3] См.: *Wilson J. A.* The Oath in Ancient Egypt // Journal of Near Eastern Studies. 1948. Vol. 7. № 3 (Jul.). P. 155.

бодеянии, лишалась в этом случае исключительно денег или других материальных средств, но никак не органов своего тела.

* * *

Сплав религиозных традиций и правовых обычаев с практикой бытовых отношений сформировали в Древнем Египте особый правопорядок и на местном уровне — в рамках административно-территориальных образований. Его ядро составляли местные суды, которые разбирали не только гражданско-правовые споры, но и дела о преступлениях. «Очевидно, — пишет Шафик Эллэм, — что рассмотрение уголовных дел находилось частично в общественной компетенции, этот вывод подтверждается тем фактом, что местный суд мог в нескольких случаях не только провозглашать свое решение, но также принуждать к исполнению наказания — например, посредством ударов палками. В карательных делах, так же как в делах по спорам, данный суд имел полномочие принуждать к исполнению обычая силой, и ему позволялось, между прочим, налагать телесные наказания. В то же время исполнение телесного наказания, а точнее, удара палками, могло быть, в зависимости от случая, различным. В гражданском деле удары палками являлись насильственной мерой для принуждения должника к исполнению своих обязательств перед кредитором; в уголовном деле, напротив, они представляли собой санкцию за неблаговидное преступное действие»[1].

Разбирая гражданские и уголовные дела, местные суды проводили между ними вполне ясное различие. Так, многие судебные споры завершались тем, что суд обязывал проигравшую сторону принести клятву перед судьями. Если дело являлось гражданским, то содержанием клятвы становилось обещание данной стороны исполнить свое обязательство перед другой стороной. В уголовных же делах проигравшая сторона давала обещание воздержаться от преступных действий. Установление такого различия в применении клятвы означало, что местные судьи хорошо понимали разницу между гражданским правонарушением и уголовным преступлением. Они обладали вполне зрелым право-

[1] *Allam S.* Un Droit Pénal Existait-il “Stricto Sensu” en Égypte Pharaonique // The Journal of Egyptian Archaeology. 1978. Vol. 64. P. 66.

сознанием. Неслучайно египтяне предпочитали именно в них решать свои споры.

Местные суды рассматривали основную массу дел и поэтому именно они формировали местный правопорядок. Он был устойчивее того правопорядка, который создавали фараоны, поскольку опирался непосредственно на традиции и обычаи, бытовавшие среди населения. Более того, при наличии в древнеегипетском обществе прочного традиционного правопорядка для царских законов оставалась весьма узкая сфера действия. Изданные фараонами узаконения о наказаниях за те или иные преступления, пожалуй, яснее всех других показывают ограниченность сферы законодательной деятельности верховной государственной власти в Древнем Египте. По своему содержанию они были скорее выражением угроз фараонов в адрес нарушителей освященных религией устоев государственного порядка, нежели изложением правовых норм, определяющих, какие действия носят преступный характер и какие наказания за эти действия следуют.

Местные суды в Древнем Египте брали на себя разбирательства любых споров, возникавших среди местного населения и, как показывают документы судебной практики, решали их вполне эффективно. Оплотом местного правопорядка были и храмы, в рамках которых существовали свои процедуры разрешения юридических конфликтов. При этом жрецы нередко заседали и в местных судах.

Как следствие, у фараонов не было ни особых поводов (за исключением проблем, связанных со сбором налогов и своевременным поступлением их в казну), ни явной необходимости вмешиваться через посредство своих указов в правовое регулирование общественных отношений на местах. Возможно, именно здесь надо искать причину, по которой в Древнем Египте — стране достаточно зрелой правовой культуры, развитого правосознания и юридического языка — так и не было создано правового свода, наподобие тех, которые составлялись в Месопотамии, Индии и в других древневосточных обществах.

Местный традиционный правопорядок развивался в древнеегипетском обществе в значительной мере автономно от верховной государственной власти и благодаря этому сохранялся в периоды, когда трон фараона шатался или рушился, а единое государство оказывалось в кризисе или вовсе распадалось. Он пережил

перипетии двух персидских завоеваний и времена политической борьбы Птолемея I Сотера за власть над Египтом. В эпоху правления династии Птолемеев местные египетские суды были официально признаны в качестве главных судебных органов для решения споров среди египтян на основе египетского права. В них чаще всего заседали жрецы, которые во все времена являлись хранителями исконных традиций и обычаев египтян. Местный правопорядок был в эту эпоху единственным пространством, в рамках которого могло существовать египетское право. С течением времени данное пространство сужалось, уступая позиции законодательству Птолемеев и нормам греческого права, укоренившимся в среде египетских греков. Тем не менее, египетское право продолжало существовать. Оно сохраняло свое действие среди египтян длительное время и после того, как Египет стал частью Римской державы.

Список вышедших в издательстве «Зерцало»
книг с аннотациями можно посмотреть на сайте:
http://www.zertsalobooks.ru

Томсинов Владимир Алексеевич

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

Корректор — *Т.В. Кочемасова*
Верстка — *А.В. Плотников*

ИКД «Зерцало-М»
Подписано в печать 26.11.2010.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 32,0. Гарнитура Minion Pro.
Тираж 2000 экз.
Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-94373-187-7

9 785943 731877